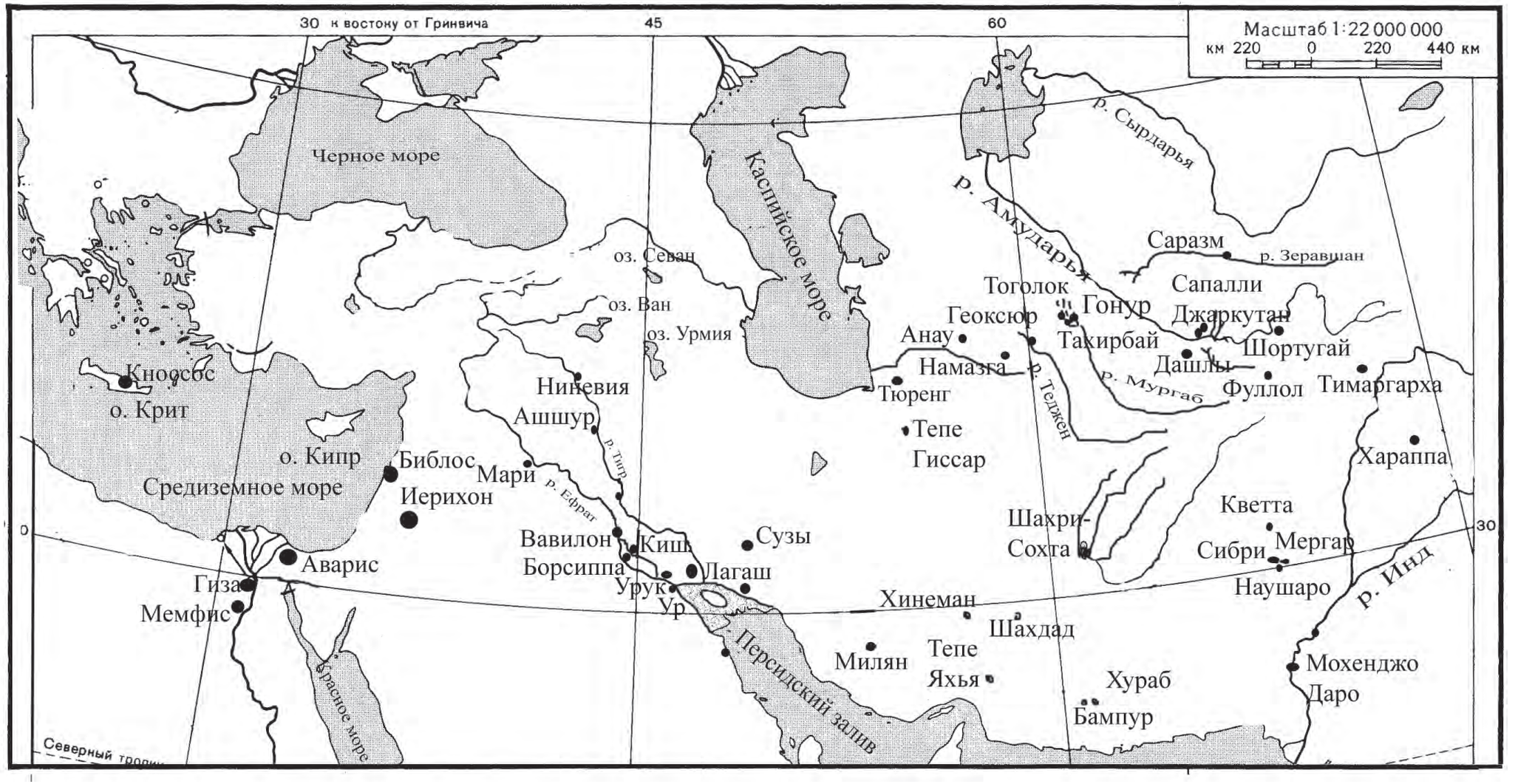
МАРГИАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

ТРУДЫ

Том 10

30 к востоку от Гринвича
45
60
Масштаб 1:22 000 000
км 220 0 220 440 км
Черное море
Каспийское море
оз. Севан
оз. Ван
оз. Урмия
р. Сырдарья
р. Амударья
Саразм
р. Зеравшан
Тоголок
Гонур
Сапалли
Джаркутан
Геоксюр
Анау
Тахирбай
Шортугай
Намазга
Дашлы
Тюренг
р. Теджен
р. Мургаб
Фуллол
Тимаргарха
Ниневия
Ашшур
Тепе
Гиссар
Кноссос
о. Крит
о. Кипр
Библос
Мари
р. Тигр
р. Ефрат
Средиземное море
Иерихон
Харапа
Кветта
Шахри-
Сохта
Сузы
Вавилон
Киш
Сибри
Мергар
Аварис
Борсиппа
Лагаш
Наушаро
Урук
Ур
Гиза
Мемфис
Хинеман
Шахдад
р. Инд
Персидский залив
Милян
Тепе
Яхья
Мохенджо
Даро
Хураб
Бампур
Красное море
Северный тропик
0
30

Т Р У Д Ы
МАРГИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том 10

Редакционная коллегия:
В. А. Алёкшин, Е. В. Антонова,
Н. А. Дубова (главный редактор),
В. В. Куфтерин, Р. Г. Мурадов,
А. В. Фрибус (главный редактор)

T R A N S A C T I O N S
OF THE MARGIANA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION

Volume 10

Editorial board:
Vadim A. Alyokshin, Elena V. Antonova,
Nadezhda A. Dubova (editor in chief),
Vladimir V. Kufterin, Ruslan G. Muradov,
Aleksei V. Fribus (editor in chief)

N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Institute for the History of Material Culture RAS
Russian-Turkmen Margiana Archaeological Expedition

TRANSACTIONS OF THE MARGIANA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION

Volume 10

Gonur Depe Studies in 2023–2024

Editorial board:
Vadim A. Alyokshin, Elena V. Antonova, Nadezhda A. Dubova (editor in chief),
Vladimir V. Kufterin, Ruslan G. Muradov, Aleksei V. Fribus (editor in chief)

MOSCOW ● STARYI SAD ● 2026

Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Институт истории материальной культуры РАН
Российско-Туркменская Маргианская археологическая экспедиция

ТРУДЫ МАРГИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том 10

Исследования Гонур-депе в 2023–2024 гг.

Редакционная коллегия:
В. А. Алёкшин, Е. В. Антонова, Н. А. Дубова (главный редактор),
В. В. Куфтерин, Р. Г. Мурадов, А. В. Фрибус (главный редактор)

МОСКВА ● СТАРЫЙ САД ● 2026

УДК 05[902+572+599+391](31“636/637”/575.4)
ББК 63.4+63.3(0)31+63.5(5Тур)
Т 78

Утверждено к печати Учеными советами
Института этнологии и антропологии РАН
и Института истории материальной культуры РАН

Редакционная коллегия:
к.и.н. В. А. Алёкшин, д.и.н. Е. В. Антонова, д.и.н. Н. А. Дубова (гл. ред.),
д.б.н. В. В. Куфтерин, Р. Г. Мурадов, к.и.н. А. В. Фрибус (гл. ред.)

Рецензенты:
д.и.н. С. А. Васютин (Кемеровский государственный университет, г. Кемерово),
к.и.н. И. А. Аржанцева (Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва)

Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 10. Исследования Гонур-депе в 2023–2024 годах / Ред. В. А. Алёкшин, Е. В. Антонова, Н. А. Дубова (гл. ред.), В. В. Куфтерин, Р. Г. Мурадов, А. В. Фрибус (гл. ред.); Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт истории материальной культуры РАН – М.: Старый сад, 2026. – 356 с.

Transactions of the Margiana Archaeological Expedition. Vol. 10. Gonur Depe Studies in 2023–2024 / Eds. V. A. Alyokshin, E. V. Antonova, N. A. Dubova (editor in chief), V. V. Kufterin, R. G. Muradov, A. V. Fribus (editor in chief); N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS; Institute for the History of Material Culture RAS – Moscow: Staryi Sad, 2026. – 356 p.

ISBN 978-5-89930-182-7

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-1-356

Данный выпуск Трудов включает значительный раздел, посвященный коллегам, чьи юбилеи состоялись за годы, прошедшие с момента выхода девятого тома – В. А. Алёкшина, Н. А. Дубовой и М. А. Мамедова. Включен также мемориальный раздел, где представлены статьи об ушедших ученых, много сделавших для изучения Туркменистана и работы Российско-Туркменской Маргианской экспедиции, приуроченные к большим памятным датам – А. А. Марущенко (120-летие со дня рождения), В. М. Массон и В. И. Сарианиди (95-летие со дня рождения), Р. М. Сатаев (1971–2023), Л. Б. Кирчо (1951–2026) и К. К. Курбансахатов (1954–2026). Приводится информация о разведочных работах и раскопках 2023–2024 гг. в Гонурском оазисе и исследованиях в музеях Туркменистана. Дается описание выявленных погребений и сделанных находок, в том числе археозоологических и минералогических. Самостоятельный раздел посвящен реставрации и изучению предмета, украшенного полихромной росписью из погребения 78 на Гонур-20. Также публикуются заметка о роли коня в культуре и искусстве древних земледельцев и воспоминания о студенческой поездке в Туркмению в 1961–1962 гг. Издание предназначено для археологов, этнологов, антропологов, историков и всех интересующихся древней историей Туркменистана.

This issue of the Proceedings includes a special section dedicated to colleagues whose anniversaries fell in the years following the publication of the ninth volume: V. A. Alyokshin, N. A. Dubova, and M. A. Mamedov. A memorial section is also included, which contains articles about deceased scientists who contributed significantly to the study of Turkmenistan and the work of the Russian-Turkmen Margiana expedition, marking major milestones – A. A. Marushchenko (120th anniversary of his birth), V. M. Masson and V. I. Sarianidi (95th anniversary of their birth), R. M. Sataev(1971–2023), L. B. Kircho (1951–2026), and K. K. Kurbansakhatov (1954–2026). The articles provide information on the exploration and excavation activities conducted in 2023–2024 in the Gonur Oasis and in the museums of Turkmenistan. They describe the identified burials and finds, including zooarchaeological and mineralogical artifacts. A separate section focuses on the restoration and study of a polychrome painting from Burial 78 at Gonur-20.

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2026
© Институт истории материальной культуры РАН, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии **7**

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Сычева О. В. К юбилею Вадима Андреевича Алёкшина 12
Алёкшин В. А. Размышления об археологии и археологах 16
К 70-летию со дня рождения Мухаммеда Аннаевича Мамедова 37
Филимонова Т. Г. Таджикистан в судьбе Надежды Анатольевны Дубовой 42

AD MEMORIAM

А. А. Марущенко
Пилипко В. Н. Жизнь и судьба: «Все остается людям» 54
В. И. Сарианиди
Мурадова Э. А. Виктор Иванович Сарианиди – первооткрыватель и исследователь древневосточной цивилизации 69
В. М. Массон
Мурадова Э. А. Вклад Вадима Михайловича Массона в изучение культурного наследия Туркменистана 75
Р. М. Сатаев
Фрибус А. В. Мой друг Роберт Сатаев 81
Сатаева Л. В. «Опустела без тебя земля». Памяти любимого мужа Роберта Сатаева 86
Дубова Н. А., Фрибус А. В., Куфтерин В. В. «Ты умчался, новой судьбы ища…» – вспоминая Роберта Сатаева (1971–2023) 90
Список научных работ канд. биол. наук Роберта Мидхатовича Сатаева, посвященных археологии Центральной Азии, БМАК и смежной проблематике 97
Сатаев Р. М. Особенности натурального производства бахтиар провинции Хузестан (Иран) 103
Л. Б. Кирчо и К. К. Курбансахатов
Дубова Н. А. Яркий метеор на археологическом небе 111
Список научных трудов Кирчо Любови Борисовны 117
Мурадов Р. Г. Последний из ЮТАКЭ 143

ПРОДОЛЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК И ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОНУР-ДЕПЕ

Дубова Н. А., Мамедов М. А., Фрибус А. В., Куфтерин В. В., Джепбаров Р. А., Беглиев М. Ы. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2023–2024 годах 150
Фрибус А. В., Дубова Н. А. Сычева О. В., Беглиев М. Ы. Разведочные работы в Гонурском оазисе в 2023 и 2024 гг. 169
Фрибус А. В., Дубова Н. А., Сычева О. В., Ёлшин И. Д. Могильник на сателлитном поселении Гонур-20 (материалы исследований 2023–2024 гг.) 179
Грушин С. П., Дубова Н. А., Сайберт В. О. Исследования на раскопе 18 весной 2019 г. 250
Дубова Н. А., Фрибус А. В., Сычева О. В., Ёлшин И. Д. Захоронения на юго-западе Гонур-депе. Сообщение 2. Северный могильник Раскопа 12. 266
Юминов А. М. Краткий отчет о минералогических исследованиях и изучению древнего металлопроизводства на Гонур-депе весной 2023 г. 305

РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ

Вересоцкая Г. Э., Юрьева Т. В. Реставрация и исследование предмета цилиндрической формы с фрагментами деревянных деталей из погребения 78 на Гонур-20 308

ПУБЛИКАЦИИ

Мурадова Э. А. Роль коня в культуре и искусстве древних земледельцев 344
Александренков Э. Г. За Каспием полвека назад. Воспоминания о студенческой практике 348

Список сокращений **351**
Наши авторы **352**

CONTENTS

Editorial **9**

ANNIVERSARIES AND JUBILEES

Sycheva O. V. On the Anniversary of Vadim Alyokshin 12
Alyokshin V. A. Reflections on Archaeology and Archaeologists 16
On the 70th Birthday of Muhammed Mamedov 37
Filimonova T. G. Tajikistan in the Life of Nadezhda Dubova 42

AD MEMORIAM

Aleksander A. Marushchenko
Pilipko V. N. Life and Fate: "All Remains for the People" 54
Viktor I. Sarianidi
Muradova E. A. Viktor Sarianidi: Pioneer and Explorer of Ancient Orient Civilizations 69
Vadim M. Masson
Muradova E. A. Vadim Masson's Contribution to the Study of Cultural Heritage of Turkmenistan 75
Robert M. Sataev
Fribus A. V. My Friend Robert Sataev 81
Sataeva L. V. "The Land is Empty Without You": In Memory of My Beloved Husband, Robert Sataev 86
Dubova N. A., Fribus A. V., Kufterin V. V. "You Rushed Away, Seeking a New Destiny…" – Remembering Robert Sataev (1971–2023) 90
List of Scientific Papers by Robert M. Sataev, Candidate of Biological Sciences (PhD), Dedicated to the Archaeology of Central Asia, the BMAC / Oxus Civilization, and Related Topics 97
Sataev R. M. Features of the Subsistence Economy of the Bakhtiari in Khuzestan Province, Iran 103
Lubov B. Kircho and Kakamurad K. Kurbansakhatov
Dubova N. A. A Bright Meteor on the Archaeological Horizon 111
List of Scientific Works by Lyubov Borisovna Kircho 117
Muradov R. G. The Last Head of the South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition (YuTAKE) 143

CONTINUATION OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AND RESEARCH AT GONUR DEPE

Dubova N. A., Mamedov M. A., Fribus A. V., Kufterin V. V., Jepbarov R. A., Begliev M. Y. Works of the Margiana Archaeological Expedition in 2023–2024 150
Fribus A. V., Dubova N. A. Sycheva O. V., Begliev M. Y. Exploration Work in the Gonur Oasis, 2023–2024 169
Fribus A. V., Dubova N. A., Sycheva O. V., Yolshin I. D. Cemetery at the Gonur-20 Satellite Site (Research Materials, 2023–2024) 179
Grushin S. P., Dubova N. A., Saibert V. O. Archaeological Investigations at Excavation Area 18 in Spring 2019 250
Dubova N. A., Fribus A. V., Sycheva O. V., Yolshin I. D. Burials in the Southwestern Part of Gonur Depe. Report 2: The Northern Cemetery of Excavation Area 12 266
Yuminov A. M. Brief Report: Mineralogical Research and the Study of Ancient Metal Production at Gonur Depe in Spring 2023 305

RESTORATION WORK

Veresotskaya G. E., Yuryeva T. V. Restoration and Study of a Cylindrical Object with Wooden Fragments from Burial 78 at the Gonur-20 Site 308

PUBLICATIONS

Muradova E. A. The Role of the Horse in the Culture and Art of Ancient Farmers 344
Aleksandrenkov E. G. Beyond the Caspian Sea Half a Century Ago: Recollections of a Student Fieldwork 348

List of Abbreviations **351**
About the Authors **352**

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Последний «ординарный» выпуск «Трудов Маргианской экспедиции» увидел свет 5 лет назад, в 2021 г.[1] За это время в жизни экспедиции произошло множество событий, как радостных, так и печальных.

Юбилейный 10 том «Трудов» открывается статьями о двух известных исследователях Средней Азии – Вадиме Андреевиче Алёкшине и Надежде Анатольевне Дубовой. В. А. Алёкшин, член редколлегии нашего издания, отметил свое 80-летие 16 октября 2024 г. Мы публикуем запись интервью юбиляра, сделанную О. В. Сычевой, в котором Вадим Андреевич делится своими воспоминаниями и рассуждениями об археологии и археологах. Статья Т. Г. Филимоновой посвящена юбилею руководителя Маргианской археологической экспедиции Н. А. Дубовой, который мы отмечали в 2024 г. Также в этом разделе мы поместили поздравления руководителю Маргианской экспедиции с туркменской стороны – Мухамеду Аннаевичу Мамедову, который отметил свой 70-летний юбилей в сентябре нынешнего года.

В 2024 г. научная общественность России и Туркменистана отметила 95-летие со дня рождения выдающихся исследователей археологии Центральной Азии – Виктора Ивановича Сарианиди и Вадима Михайловича Массона. К памятным датам были приурочены научные конференции, которые состоялись в Москве, Санкт-Петербурге и Ашхабаде. Вкладу этих двух выдающихся ученых в развитие среднеазиатской археологии посвящены статьи Э. А. Мурадовой. Статья В. Н. Пилипко посвящена Александру Александровичу Марущенко, первопроходцу в археологии Туркменистана, 120-летие со дня рождения которого также пришлось на 2024 г.

Не обошлось, к сожалению, и без тяжелых потерь. 10 января 2023 г. скоропостижно скончался наш коллега и друг, заместитель начальника Маргианской археологической экспедиции Роберт Мидхатович Сатаев. Мы поместили в данный том наши воспоминания о нем, список его трудов по археологии и археозоологии Центральной Азии и один из небольших неопубликованных текстов, который посвящен некоторым итогам его исследований в Иране. Также в мемориальном блоке небольшая статья о друге и участнике нашей экспедиции, известном специалисте по археологии Центральной Азии – Любови Борисовне Кирчо (г. Санкт-Петербург), которая ушла из жизни 1 февраля 2026 г. В тот же день в Ашхабаде простились еще с одним археологом, которого В. И. Сарианиди называл «соавтором открытия древней страны Маргуш» – Какамурадом Курбандурдыевичем Курбансахатовым.

Основной раздел традиционно посвящен публикации материалов, полученных при изучении Гонур-депе. По объективным причинам полевые работы в Туркменистане после 2019 г. проводились лишь в течение четырех сезонов в 2023–2024 гг. Тем не менее, исследования полученных материалов все это время не прекращались. Их результаты были представлены на многочисленных международных конференциях, среди которых хотелось бы отметить 12 Международный конгресс по археологии древнего Ближнего Востока (12ICAANE. Больнья, апрель 2021 г.), VII Всероссийский археологический съезд (октябрь 2025 г.), конференции в Берне (“Third International Conference on Central Asian Archaeology. Mobility and Archaeogenetics in Central Asia. People – Goods – Ideas”, January 11–13, 2024 и “The Greater Khorasan civilization in Light of Recent Research from the TAP – Togolok Archaeological Project”, June 12–13, 2026) и Международную на-

[1] В 9-м томе «Трудов» («От Копетдага до Окса. Исследуя древнюю Центральную Азию». Сборник статей в честь В. Н. Пилипко, 2023) текущие работы Маргианской экспедиции не освещались.

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-7-8

учную встречу «Туркменистан – очаг древних цивилизаций», состоявшуюся 16 октября 2024 г. в Национальном музее Туркменистана «Ак бугдой» (Анау), а также Международную научную конференцию «Маргиана на перекрестке цивилизаций», которая прошла 25–26 марта 2026 г. в Москве. Московская конференция была посвящена 35-летию Независимости Туркменистана, которое отмечается в этом году. В ее организации участвовали ИЭА РАН, ИИМК РАН, Министерство культуры Туркменистана, Посольство Туркменистана в России, Институт языкознания РАН и Институт востоковедения РАН. За это время исследования участников Маргианской экспедиции дважды были поддержаны грантами Российского научного фонда: «Погребальный обряд и хронология “малых некрополей” протогородского центра эпохи бронзы Гонур-депе (Туркменистан)» № 23-28-01720 (2023–2024 гг.); «Изображения и знаки на керамике Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) в свете межкультурного взаимодействия в Центральной Азии и на Среднем Востоке» № 25-28-03406 (2026–2027 гг.).

В данном разделе представлены материалы полевых исследований на Раскопе 18 в 2019 г., которые не вошли в 8 том Трудов, промежуточные итоги раскопок Северного могильника на Раскопе 12, а также могильника небольшого поселения Гонур-20. Необходимо отметить, что в данном выпуске впервые осуществлена полная публикация материалов всех исследованных комплексов. Это стало возможным, прежде всего, благодаря выработке новых методических подходов к полевой фиксации и документированию процесса раскопок. Кроме того, проанализированы материалы, полученные в ходе разведочных работ, проведенных на территории Гонурского оазиса в 2023–2024 гг. Публикуются краткие итоги минералогических, археозоологических, антропологических исследований. Большой материал посвящен итогам реставрации и изучению технологий изготовления уникального деревянного предмета с полихромной росписью, который был обнаружен в погребении 78 Гонура-20 в 2019 г.

Завершают выпуск статья Э. А. Мурадовой, посвященная роли коня в культурах древних земледельцев и воспоминания Э. Г. Александренкова о студенческой практике в Туркменистане.

В 2029 г. нас ждет знаменательное событие – 100-летие со дня рождения основателя Маргианской археологической экспедиции, первооткрывателя новой древневосточной цивилизации, страны Маргуш, В. И. Сарианиди. Надеемся, многолетнее плодотворное сотрудничество российских и туркменских специалистов в рамках совместной Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедиции позволит нам отметить эту памятную дату рядом научных и культурных мероприятий, как в России, так и в Туркменистане.

Н. А. Дубова, А. В. Фрибус

EDITORIAL

The last regular issue of the *Transactions of Margiana Archaeological Expedition* was published five years ago, in 2021.[1] Since then, many events – both joyful and solemn – have shaped the life of the expedition.

Volume 10, an anniversary edition, opens with articles dedicated to two renowned Central Asian scholars: Vadim Alyokshin and Nadezhda Dubova. V. A. Alyokshin, a member of our editorial board, celebrated his 80th birthday on October 16, 2024. We are publishing a transcript of his interview with O. V. Sycheva, in which Vadim Alyokshin shares his memories and reflections on archaeology and archaeologists. T. G. Filimonova's article is dedicated to the milestone birthday of the Director of the Margiana Archaeological Expedition, N. A. Dubova, which was also celebrated in 2024. We have also included congratulations in this section to the Director of the Margiana Archaeological Expedition from the Turkmen side, Mukhammed Mamedov, who celebrates his 70th birthday in September of this year.

In 2024, the scientific communities of Russia and Turkmenistan celebrated the 95th birth anniversaries of Viktor Sarianidi and Vadim Masson, two outstanding figures in Central Asian archaeology. Academic conferences were held in Moscow, St. Petersburg, and Ashgabat to commemorate these milestones. Articles by E. A. Muradova explore the contributions of both scholars to the field, while a paper by V. N. Pilipko is dedicated to Aleksandr Marushchenko, a pioneer of archaeology in Turkmenistan. This publication commemorates both his 120th birth anniversary and the 50th anniversary of his passing on September 10, and includes his autobiography.

Unfortunately, there were also heavy losses. On January 10, 2023, our colleague and friend, Deputy Director of the Margiana Archaeological Expedition Robert Sataev, suddenly passed away. In this volume, we have included a tribute to his memory, a list of his works in the fields of Central Asian archaeology and zooarchaeology, and a short, previously unpublished text dedicated to some of the findings of his research in Iran. The memorial section also includes a short article about a friend and participant in our expedition, the renowned scholar of Central Asian archaeology, Lubov Kircho from St. Petersburg, who passed away on February 1, 2026. On that same day, another archaeologist, whom V. I. Sarianidi called the "co-author of the discovery of ancient Margush," Kakamurad Kurbansakhatov, was laid to rest in Ashgabat.

The main section is traditionally devoted to the publication of materials obtained during the study of Gonur Depe. For objective reasons, fieldwork in Turkmenistan after 2019 was conducted over only four seasons, in 2023–2024. Nonetheless, research on the collected data has continued uninterrupted during this time. The results have been presented at numerous international conferences. These include the 12th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (Bologna, April 2021) and the 7th All-Russian Archaeological Congress (October 2025). Findings were also shared at two events in Bern: the 3rd International Conference on Central Asian Archaeology "Mobility and Archaeogenetics in Central Asia. People – Goods – Ideas" (January 11–13, 2024) and "The Greater Khorasan civilization in Light of Recent Research from the TAP – Togolok Archaeological Project" (June 12–13, 2026). Additional presentations took place at the International Scientific Meeting "Turkmenistan – a Center of Ancient Civilizations", held at the International Museum of Turkmenistan "Ak Bugdoy" in Anau on October 16, 2024, and at "Margiana at the Crossroads of Civiliza-

[1] The 9th volume of *Transactions* (From the Kopet Dagh to the Oxus. Exploring Ancient Central Asia. Studies in Honor of Viktor N. Pilipko, 2023) did not cover the current work of the Margiana expedition.

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-9-10

tions" held on March 25–26, 2026, in Moscow. The Moscow conference was dedicated to the 35th anniversary of the Independence of Turkmenistan, celebrated this year. The event was co-organized by the Institutes of Ethnology and Anthropology, History for Material Culture, Linguistics, and Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, alongside the Ministry of Culture of Turkmenistan and the Embassy of Turkmenistan in the Russian Federation. During this time, the Russian Science Foundation twice supported the research of Margiana Expedition participants with grants: "Local necropolises of the Bronze Age proto-urban center Gonur Depe (Turkmenistan): Funeral tradition and chronology" No. 23-28-01720 (2023–2024), and "Images and signs on the ceramics of the Bactria-Margiana Archaeological Complex (BMAC) in the context of intercultural interaction in Central Asia and the Middle East" No. 25-28-03406 (2026–2027).

This section presents fieldwork data from Excavation Area 18 (2019), omitted from Volume 8 of the *Transactions*, along with interim results from excavations of the Northern Cemetery at Excavation Area 12, and the cemetery of the small settlement of Gonur-20. Notably, this issue provides the first complete publication of all studied complexes. This was made possible primarily by the development of new methodological approaches to field recording and documentation of the excavation process. In addition, the volume analyzes findings from exploration work conducted in the Gonur Oasis in 2023–2024. Brief summaries of mineralogical, zooarchaeological, and bioarchaeological studies are published. A significant section is devoted to the results of the restoration and the study of manufacturing technologies used for a unique wooden object with polychrome painting, which was discovered in Burial 78 of Gonur-20 in 2019.

The issue concludes with an article by E. A. Muradova on the role of the horse in the cultures of ancient farmers and the memoirs of E. G. Aleksandrenkov about his student field practice in Turkmenistan.

The year 2029 will mark a milestone: the centenary of the birth of V. I. Sarianidi, founder of the Margiana Archaeological Expedition and discoverer of a new ancient Near Eastern civilization – the land of Margush. We hope that the long-standing and fruitful cooperation between Russian and Turkmen specialists within the joint Russian-Turkmen Margiana Archaeological Expedition will allow us to mark this anniversary with a series of scientific and cultural events in both Russia and Turkmenistan.

Nadezhda A. Dubova, Aleksei V. Fribus

Наши юбиляры

К ЮБИЛЕЮ ВАДИМА АНДРЕЕВИЧА АЛЁКШИНА[1]

О. В. Сычева
Институт истории материальной культуры РАН

В октябре 2024 г. научное сообщество отметило знаменательную дату — 80-летие известного российского археолога Вадима Андреевича Алёкшина. В. А. Алёкшин — один из ведущих отечественных специалистов, чьи исследования внесли значительный вклад в изучение древних культур Средней Азии и Ближнего Востока. Круг научных интересов В. А. Алёкшина охватывает широкий спектр проблем: от реконструкции социальной структуры раннеземледельческих обществ до анализа эволюции погребальной обрядности и культурогенеза. Учитывая наличие подробных историографических очерков, посвящённых его работам (см., например: *Абдуллоев, Кутимов, Скакун*, 2021. С. 19–32; *К 80-летию Вадима Андреевича Алёкшина*, 2024. С. 8), остановимся здесь лишь на ключевых вехах биографии и вкладе учёного в развитие археологии.

Интерес к археологии зародился у Вадима Андреевича в детстве, проведённом в селе Боград Хакасской автономной области. Окружавшие поселение древние курганы и каменные ограды пробудили в нём стремление к изучению прошлого. Увлечение исторической литературой, а затем и трудами классиков советской археологии – С. П. Толстова, А. Ю. Якубовского и В. М. Массона – предопределило его профессиональный путь.

После окончания школы в г. Канске в 1963 г. В. А. Алёкшин поступил на кафедру археологии Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Несмотря на первоначальные сложности, связанные с выбором специализации (заведующий кафедрой М. И. Артамонов скептически отнёсся к его интересу к археологии Востока), он сумел добиться зачисления в группу, которую курировал Л. С. Клейн. Уже на первом курсе состоялось знакомство В. А. Алёкшина с будущим научным руководителем — В. М. Массоном, под руководством которого он начал изучать материалы раскопок Намазга-депе в Туркменистане.

С 1964 г. В. А. Алёкшин активно участвовал в археологических экспедициях, работая на памятниках Средней Азии, Северного Кавказа и Украины. После службы в армии (1964–1967 гг.) он вернулся к учёбе и продолжил исследования, сосредоточившись на проблемах древнеземледельческих обществ.

В 1972 г. Вадим Андреевич защитил дипломную работу, посвящённую локализации индоевропейской прародины, где совместил данные археологии и лингвистики. Эта тема в дальнейшем получила развитие в его публикациях 1990-х годов (*Алёкшин*, 1980; 1986a; 1989; 1990). Поступив в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР), В. А. Алёкшин под руководством зав. сектором археологии Средней Азии и Кавказа В. М. Массона подготовил кандидатскую диссертацию «Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Средней Азии и Ближнего Востока» (1977 г.). В этом исследовании, кроме прочего, была разработана методика интерпретации погребального обряда как источника для реконструкции общественных отношений, обоснованы понятия «стандартный погребальный обряд» и «стандартный набор погребального инвентаря». В 1986 г. вышла в свет монография, подготовленная на основе материалов диссертации (*Алёкшин*, 1986b)

Одним из ключевых направлений дальнейших исследований В. А. Алёкшина стало изучение эволюции погребальных практик от палеолита до средневековья. Он проанализировал, как изменялись представления о загробной жизни

[1] Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН "Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье" (FMZF-2025-0008).

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-12-15

в разных культурах, выделив несколько этапов: от веры в реинкарнацию в среднем палеолите до концепции «страны мёртвых» в эпоху верхнего палеолита и более сложных представлений в раннеземледельческих обществах. Окончательные итоги этих исследований были представлены в статье (*Алёкшин*, 2014).

Особое внимание Вадим Андреевич уделил культу черепа в древних обществах, интерпретируя находки отделённых голов в контексте магических и ритуальных практик. Его работы по этой теме (1994–2002) остаются важными для понимания мировоззрения древних людей (*Алёкшин*, 1994; 1998; 2002).

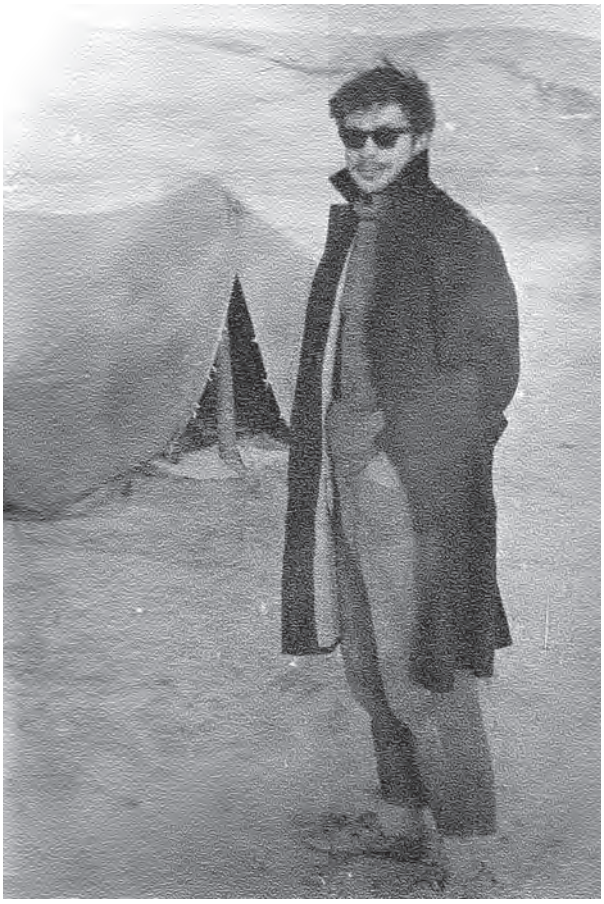
С конца 1960-х годов В. А. Алёкшин участвовал в раскопках широко известных раннеземледельческих центров Средней Азии, включая Алтын-депе, где изучались комплексы энеолита и бронзового века. В 2005 г. совместно с Л. Б. Кирчо был опубликован фундаментальный труд, в котором учтены и систематизированы материалы почти тысячи погребений этого памятника (*Хронология позднего энеолита…, 2005*).

В 2010–2020-е годы работы В. А. Алёкшина были посвящены уточнению хронологии древнеземледельческих культур (например, могильника Заман-баба), анализу металлических изделий эпохи бронзы и культурным связям между регионами (см., например: *Алёкшин*, 2010; 2011; 2013; 2019).

Нельзя не отметить значительный вклад, который внес юбиляр в развитие академической археологии в Санкт-Петербурге. С 1978 г. по 1990 г. В. А. Алёкшин исполнял обязанности ученого секретаря Отдела. В 1998–2003 гг. он занимал должность заместителя директора ИИМК РАН по научной работе, а в 2003–2018 гг. возглавлял одно из ключевых подразделений института – Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Основные усилия Отдела в этот период, в связи с ограниченным финансированием полевых проектов, были сконцентрированы на издании материалов раскопок предыдущих лет, проведении крупных международных конференций, посвящённые истории кочевых культур, археологии Кавказа и Средней Азии.

Вадим Андреевич много времени уделяет редакторской работе. Помимо работы в редколлегиях «Археологических вестей» (1992–2004 гг.), «Записок ИИМК РАН» (с 2006 г. по настоящее время), «Записок Восточного отделения Российского археологического общества» (с 2015 г. по настоящее время), «Труды Маргианской археологической экспедиции» (с 2021 г. по настоящее время) он регулярно входит в состав редколлегий материалов конференций и сборников научных статей, выпускаемых отделом.

Помимо научной и научно-организационной деятельности, много сил Вадим Андреевич вло-

Алтын-депе. Рассвет. В. А. Алёкшин.
Октябрь 1968 г.

жил в преподавательскую работу, читая лекции по археологии в различных учебных заведениях Ленинграда/Санкт-Петербурга: курсы «Археология Средней Азии», «Археология Древнего Востока», «Древнейшие цивилизации», «Мустьерские погребения» в ЛГУ/СПбГУ в 1980–2000 гг.; курсы «Введение в археологию», «Археология Древнего Востока» в Санкт-Петербургском институте иудаики в 2000–2004 гг.; курс «Археологические памятники России» в Академии экономики и управления в 2004–2009 гг. С 2016 г. он участвует в работе образовательных программ СПбГУ, выступая в качестве члена ГЭК и преподавателя. В 2017 г. по его инициативе было создано Восточное археологическое общество, объединившее исследователей из разных научных учреждений Петербурга.

Научные интересы В. А. Алёкшина охватывают широкий спектр тем — от исследований конкретных археологических памятников до теоретических проблем изучения древних обществ. Его работы сочетают глубокий анализ источников с междисциплинарным подходом, что делает их актуальными для современной археологии. Благодаря усилиям В. А. Алёкшина продолжается изучение культурного наследия Евразии, а его методические разработки остаются востребованными в научной среде.

Алтын-депе. Утро перед началом работ. Слева направо: И. Масимов, В. А. Алёкшин, Г. Н. Курочкин, Ю. Е. Берёзкин. Октябрь 1968 г.

Хотелось бы поздравить Вадима Андреевича от лица всех коллег по отделу и институту с юбилеем и пожелать крепкого здоровья, новых открытий и вдохновения в научной работе!

По случаю юбилея мы побеседовали с Вадимом Андреевичем о пройденном пути и творческих планах, обсудили ключевые этапы научной, преподавательской и научно-административной карьеры.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллоев, Кутимов, Скакун, 2021 — *Абдуллоев Д., Кутимов Ю. Г., Скакун Н. Н.* Юбилей Вадима Андреевича Алёкшина // Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 32 [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. СПб., 2021. С. 19-32.

Алёкшин, 1980 — *Алёкшин В. А.* К проблеме генетической связи южнотуркменских комплексов эпохи бронзы // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 24–31.

Алёкшин, 1986a — *Алёкшин В. А.* Проблема происхождения археологических культур неолита — бронзы Средней Азии (по данным погребальных обрядов) // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1986. Вып. 11. С. 96–103.

Алёкшин, 1986b — *Алёкшин В. А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. 191 с.

Алёкшин, 1989 — *Алёкшин В. А.* Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит — эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В. М. Массон. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1989. С. 150–157.

Алёкшин, 1990 — *Алёкшин В. А.* Археология и проблемы культурогенеза // Археологические культуры и культурная трансформация: Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛОИА АН СССР, 1990. С. 125–128.

Алёкшин, 1994 — *Алёкшин В. А.* Черепа людей в обрядах неолитических земледельцев Юго-Западной Азии // ПА. 1994. Вып. 3. С. 59–78.

Алёкшин, 1998 — *Алёкшин В. А.* Неандерталь, Крапина, Монте Чирчео. Ритуалы в среднем палеолите // АВ. 1998. № 5. С. 241–249.

Алёкшин, 2002 — Погребения голов в пещере Офнет на юге Германии (культурно-хронологическая интерпретация) // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Кн. 1 / Отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 111–115.

Алёкшин, 2010 — *Алёкшин В. А.* О функциональном назначении «реликвариев» Алтын-депе // Записки ИИМК. 2010. № 5. С. 105–116.

Алёкшин, 2011 — *Алёкшин В. А.* Терракотовые, глиняные и каменные «навершия» Алтын-депе // Записки ИИМК. 2011. № 6. С. 119–132.

Алёкшин, 2013 — *Алёкшин В. А.* Бусины-пряслица Алтын-депе и вопросы хронологии древнеземледельческих памятников Центральной Азии // АВ. 2013. Вып. 19. С. 211–228.

Алёкшин, 2014 — *Алёкшин В. А.* Происхождение и развитие погребального обряда в традиционных обществах (по данным археологии) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010) / Отв. ред. В. А. Алёкшин. СПб.: ИИМК РАН, «АртЭкспресс», 2014 (Тр. ИИМК. Т. XLII). С. 9–46.

Алёкшин, 2019 — *Алёкшин В. А.* Дата запустения древнеземледельческого центра Алтын-депе на юго-востоке Туркменистана // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона / Отв. ред. В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 32–35.

К 80-летию Вадима Андреевича Алёкшина // Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. — Вып. 45 / Гл. ред. Н. В. Хвощинская. СПб., 2024. С. 8.

Хронология позднего энеолита…, 2005 — Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). Труды ИИМК РАН. Т. XVI. СПб.: Нестор-История, 2005. 540 с.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АРХЕОЛОГИИ И АРХЕОЛОГАХ[1]

В. А. Алёкшин
Институт истории материальной культуры РАН

Данный текст подготовлен на основе расшифровки записи интервью, взятого у автора О. В. Сычевой в марте – апреле 2025 г.

О детстве и юности, выборе профессии, экспедициях и открытиях

О. С.: *Ваш путь в археологии начался довольно рано. Что именно привело Вас к выбору этой профессии и почему Вы решили изучать раннеземледельческие общества?*

В. А.: Моя бабушка, Мария Корниловна, мать отца, научила меня читать в пятилетнем возрасте. Вооружившись букварем, она терпеливо занималась со мной, и через год я уже самостоятельно «проглатывал» довольно толстые книги. Две из них повлияли на выбор будущей профессии. Первое произведение – это повесть «Кортик» Анатолия Рыбакова. Автора другого сочинения и его название, к сожалению, сейчас не могу вспомнить. В обеих книгах речь идет о розыске скрытых в тайниках важных документов, которые героям предстоит обнаружить, преодолевая на этом пути множество трудностей и испытаний, причем во втором произведении упоминалось о такой науке как археология, которая изучает древние вещи. Обе повести произвели на меня большое впечатление. Про себя я решил, что профессия археолога, связанная с поиском древностей, очень интересна, что она вся пронизана тайнами прошлого, которые необходимо раскрывать. Выбор в ее пользу был сделан, можно сказать, мгновенно: я должен стать археологом. От этого императива я уже никогда не отступал. Тем более, прошлое находилось рядом со мной, его можно было коснуться рукой в прямом смысле этого слова. В мае 1950 г. Андрей Иосифович Алёкшин, мой отец, получил служебное назначение в районный центр Боград Хакасской автономной области Красноярского края (ныне административный центр Боградского района Республики Хакасия). Вблизи села и даже в его пределах можно было видеть развалы камней, некогда составлявших массивные ограды. Одна из них располагалась возле нашего дома, сразу же за забором, служившим границей прилегающего к дому земельного участка. Расспросив об этих каменных нагромождениях родителей и учителей, я узнал, что в этих плохо сохранившихся оградах хоронили людей, населявших в минувшие века Хакасско-Минусинскую котловину.

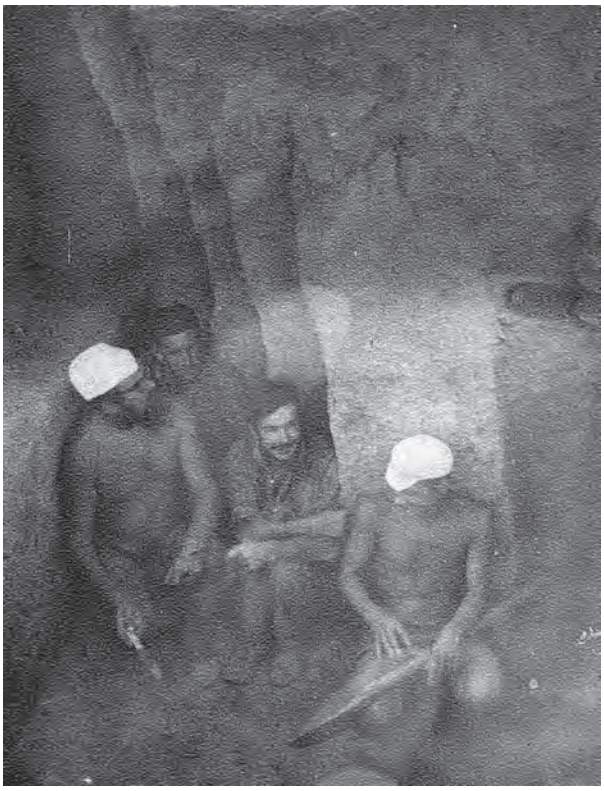
С возрастом интерес к археологии только усиливался. Я прочел имевшуюся в местных библиотеках литературу по древней истории и археологии Сибири, в том числе издания, популяризующие достижения отечественной археологии (По следам древних культур…, 1951; 1954; *Монгайт,* 1955). И тут случилась странная (или закономерная?) вещь. По мере чтения археологической литературы интерес к древностям Сибири стал отходить на задний план, а затем был вытеснен окончательно. Мое воображение было поражено блестящими археологическими открытиями в Средней Азии и отчасти в Закавказье. Я прочел труды С. П. Толстова о Хорезме, А. Ю. Якубовского о Согде, М. М. Дьяконова о Бактрии, А. Н. Бернштама о Памире и Таласе, Б. Б. Пиотровского об Урарту. Первые знания об археологии Месопотамии были почерпнуты еще из одной популярной книги (*Липин, Белов,* 1956). К окончанию средней школы я уже твердо решил заниматься археологией Средней Азии.

[1] Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-16-36

В 1961 г. начала выходить в свет многотомная «Советская историческая энциклопедия», подписку на которую я своевременно оформил. В первом томе этого издания мое внимание привлекла небольшая заметка о холмах Анау в Туркменистане, близ Ашхабада. Заметка эта сопровождалась изображением образцов расписной посуды, обнаруженной на этом древнеземледельческом памятнике. Мне захотелось больше узнать об аналогичных поселениях, и я стал искать в литературе информацию о них. Как выяснилось, большинство публикаций о древнеземледельческих памятниках Средней Азии эпохи энеолита и бронзового века принадлежали перу археолога В. М. Массона. Так состоялось мое заочное знакомство со своим будущим учителем, хотя в те годы я, конечно, не подозревал об этом. Мой интерес к археологии подпитывался также поездками в Ленинград в 1950-е годы, во время которых меня было не оторвать от археологических экспозиций Эрмитажа и Кунсткамеры.

В 1963 г. я окончил среднюю школу № 21 в г. Канске Красноярского края. Чтобы реализовать свою давнюю мечту о получении археологического образования, я решил поступать в университет Ленинграда, в научных центрах которого, как я уже знал, работали многие специалисты по археологии Востока, в том числе, и по Средней Азии. Набрав по итогам четырех вступительных экзаменов девятнадцать баллов, я с нетерпением ждал общего собрания абитуриентов, на котором будут объявлены имена зачисленных в университет. Оно состоялось в конце августа. В числе счастливцев, поступивших по конкурсу, оказался и я. Однако окончательный отбор студентов на кафедру археологии состоялся лишь в октябре. Собеседование с претендентами проводил заведующий кафедрой, профессор М. И. Артамонов. Когда очередь дошла до меня, то я сказал, что хотел бы заниматься археологией Востока на материалах Средней Азии. Но М. И. Артамонов, едва услышав слова «археология Востока», прервал меня и сказал, что у них нет такой специализации, и что мне надо было бы поступать на восточный факультет к В. В. Струве, хотя последний, как было известно, никогда археологией не занимался. Кто-то из преподавателей заметил, что программа кафедры включает курс археологии Средней Азии, который читает В. М. Массон, сотрудник ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН). Но заведующий кафедрой никак не отреагировал на эти слова. Помощь пришла неожиданно. Слово попросил В. П. Яковлев, студент третьего курса, секретарь комсомольской организации истфака. Он руководил сельскохозяйственными работами первокурсников, которые в сентябре были отправлены на уборку картофеля в совхоз «Поляны» Ленинградской области. В. П. Яковлев (впоследствии заместитель декана истфака ЛГУ, ректор Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, вице-губернатор Санкт-Петербурга в 1996–2000 гг.) сказал, что поддерживает мою кандидатуру как хорошо зарекомендовавшего себя в коллективе на полевых работах, что немаловажно для будущих экспедиционных работ. В итоге я оказался в числе девяти удачников, принятых на кафедру археологии. В течение всей своей дальнейшей жизни сохраняю признательность Владимиру Петровичу за эту решающую для моей дальнейшей судьбы поддержку. В ноябре 1963 г. состоялось мое уже очное знакомство с Вадимом Михайловичем Массоном, которому я рассказал о своем желании заниматься первобытной археологией Средней Азии. Он пригласил меня на беседу в ЛОИА, где показал коллекцию материалов эпохи среднего бронзового века, найденных на древнеземледельческом поселении Намазга-депе (Южный Туркменистан). Мне была поставлена задача описать эти находки, подыскать им аналогии и определить их датировку. Так началось руководство В. М. Массона моими студенческими работами. В мае и июне 1964 г. я уже принимал участие в работах Каракумского отряда ЛОИА, которым он руководил. Раскопки были ограничены так называемой «Вышкой» Намазга-депе, где исследовались поздние отложения слоя Намазга VI. Городище поразило меня своими огромными размерами, а также разнообразными и богаты-

Алтын-депе. Раскопки культового сооружения. Слева направо: А. Я. Щетенко, В. И. Осипов, В. А. Алёкшин, Г. Н. Курочкин. Сентябрь 1968 г.

ми археологическими находками. Я окончательно убедился в правильности избранной научной специализации.

О. С.: *Вы работали в различных археологических экспедициях, таких как Каракумская, Бактрийская и Кубанская. На каких раскопках вы получили наиболее яркие запоминающиеся впечатления?*

В. А.: Упомянутые выше экспедиции организовывал ЛОИА / ИИМК. Но в студенческие годы я работал в составе и других археологических коллективов: Дольменная экспедиция (ИА АН СССР, 1969 г., руководитель В. И. Марковин) и Луганская экспедиция (ИА АН УССР, 1971 г., руководитель Н. Н. Чередниченко). Хочу отметить, что любой выезд в поле важен для усвоения методики раскопок различных археологических объектов. Однако каждая экспедиция отличается своим колоритом и своеобразием впечатлений. Хорошо помню свою первую археологическую находку. Расчищая в 1964 г. одно из помещений верхнего горизонта «Вышки» Намазга-депе, я обнаружил большой фрагмент крупного сосуда для хранения припасов (хум) с процарапанным на нем изображением свастики. Тогда я еще не имел представления о том, что этот орнаментальный мотив, появился в глубокой древности и в некоторых культурах сохранился вплоть до наших дней. Это знание придет позже. Теперь мне известно, что одним из священных символов буддизма является свастика. Ее мозаичное изображение имеется в Санкт-Петербургском дацане, возведенном на Приморском проспекте. В 2009 г. в Южном Вьетнаме, в буддийском храме неподалеку от Хошимина, я видел прорезные изображения свастики, украшавшие стены этой культовой постройки снизу доверху. Но в двадцатилетнем возрасте свастика воспринималась мною сквозь призму нацистской символики с соответствующим отношением к ней русского человека. Раскопки Намазга-депе осложнялись тем, что значительная часть памятника, содержащая отложения слоя Намазга V, использовалась местными жителями под кладбище. Роя очередную могилу, они собирали все вещи, которые попадались им под лопату, и после похорон выкладывали их поверх надмогильного холмика. Завершив траурную церемонию, ее участники покидали место захоронения. Я же, выждав некоторое время, забирал оставленные на могиле артефакты. Дело небезопасное, так как поблизости мог оставаться караульщик, следивший, чтобы посторонние не шлялись по кладбищу.

Алтын-депе. В. А. Алёкшин. Расчистка погребения. Сентябрь 1978 г.

Неизгладимое впечатление произвел на меня Алтын-депе, когда я впервые увидел его августовской ночью 1968 г. при полном безмолвии. Освещенные луной впадины и холмы огромного городища под воздействием игры света и теней представляли собой зрелище, одновременно манящее и настораживающее. Иначе как мистическим я не мог назвать этот памятник. Иногда ночами он прятался от запоздалых путников, исчезая подобно граду Китежу. Такое, например, случилось в августовской темноте 1979 г., когда все попытки обнаружить городище кончились безрезультатно, и наша группа заночевала в открытом поле, хотя мы отчетливо слышали голоса людей, добравшихся до Алтына несколькими днями ранее и разбившими возле него экспедиционный лагерь. Когда рассвело, оказалось, что мы находимся метрах в 50 от городища. Таков его своенравный характер, который, впрочем, компенсирован щедростью, с которой Алтын одаривал находками археологов. Великолепная керамика, каменные и металлические печати, терракотовые статуэтки и шкатулки, каменные посохи, колонки и много другое, говорило о высоком уровне ремесла и художественном вкусе его давно исчезнувших обитателей.

Дольменная экспедиция работала на Северном Кавказе (Мостовской район Краснодарского края) в долине реки Кизинки, на левом берегу которой в несколько ярусов располагались белокаменные дольмены, хорошо видные на поверхности. Это величественное царство мертвых было безжалостно разорено задолго до появления здесь археологов. Подавляющее число каменных гробниц было ограблено или даже разрушено. Одна из них, почти полностью уничтоженная временем и грабителями, досталась мне для раскопок. Убрав все смещенные с первоначальных мест камни и расправившись с длинной змеей красного цвета, нора которой располагалась под одним из валунов, я приступил к расчистке сохранившейся нижней части дольмена и был вознагражден великолепной находкой. Порожек

за фронтальной стеной погребальной камеры, в свое время, не привлек внимания грабителей, а под ним находился длинный, прекрасно сохранившийся металлический наконечник копья.

Работа в Луганской и Кубанской (руководитель В. С. Бочкарёв) экспедициях показали мне, что нашпигованная погребениями земляная насыпь кургана в стратиграфическом отношении представляет собой не менее сложный объект для исследования, чем сырцовая архитектура Средней Азии. Не могу не упомянуть об одном курьезном случае. Раскапывая курган вблизи деревни Николаевка (Луганская область), я обнаружил катакомбное погребение и начал зачищать его дромос. Однако работу пришлось прервать: наступило время обеда. Уходя на перерыв, я воткнул раскопочный нож в еще не выбранное заполнение входной ямы, а вернувшись, выдернул свое орудие производства из земли и испытал шок. Лезвие ножа до самой рукояти, казалось, окрасилось кровью. Дальнейшая расчистка показала, что в том месте, куда я воткнул нож, находился большой кусок охры, и металлическое лезвие прошило его насквозь. Случившееся стало мне уроком на будущее: в процессе раскопок со слоем следует обращаться с осторожностью.

Бактрийская экспедиция (руководитель В. М. Массон), исследовавшая кушанские поселения в Сурхандарьинской области на юге Узбекистана, запомнилась мне раскопками усадьбы Аккурган. В верхнем слое этого памятника я выявил и раскопал более позднее впускное погребение XIII–XIV вв., в котором находились великолепные золотые серьги. Они оказались единственными золотыми предметами, обнаруженными мною при археологических раскопках. В завершение, повторю, что все экспедиции, в которых я принимал участие, мне по-своему памятны.

О. С.: *Можете ли Вы рассказать о каком-то конкретном открытии, которое произвело на Вас особое впечатление?*

В. А.: Прежде всего, упомяну о моем участии в раскопках монументального культового сооружения на Алтын-депе в 1968 г. Оно располагалось на отдельном овальном холме в восточной части памятника. Строение было обнаружено годом ранее, когда удалось выявить его помещения, находившиеся вдоль восточного парадного фаса здания, обращенного в сторону такыра, примыкающего к городищу. Под этот такыр и уходили стены монументального сооружения. Для их расчистки был использован бульдозер, убравший наносные отложения. Затем высокие зубчатые стены строения были тщательно зачищены. Их оригинальность вкупе с первым в моей полевой практике опытом применения землеройного механизма произвели на меня большое впечатление. Расчищенные стены здания намного превышали рост человека, и мы, довольные собой, фотографировались возле них. В конце 1960-х годов сооружение такого рода было уникальным для первобытной археологии Востока. Ныне его наличие на Алтын-депе является подтверждением того, что этот памятник входил в круг высокоразвитых культур Средней Азии и Среднего Востока.

Вспоминаются также грандиозные каменные гробницы в Южной Грузии, в Месхети, в высокогорной долине Куры. Их исследовал известный грузинский археолог О. М. Джапаридзе, у которого мне посчастливилось стажироваться в 1976 г. Наземные усыпальницы (6 × 4 м), перекрытые насыпью, составляли единое целое с длинным дромосом. Они были сложены из мощных каменных глыб, иногда достигавших высоты 3 м, и перекрыты огромными плитами. Гробницы выглядели как циклопические сооружения, возведенные некогда могучими сказочными исполинами.

Большое впечатление на меня произвели две двухкамерные мегалитические усыпальницы, выявленные в 1979–1982 гг. Майкопским отрядом (руководитель А. Д. Резепкин) Кубанской экспедиции в ходе раскопок курганного могильника Клады около станицы Новосвободной в Республике Адыгея. Стены одной гробницы были украшены росписью, причем на одну плиту нанесено сюжетное изображение. В другой усыпальнице был обнаружен богатейший уникальный погребальный инвентарь. Оба мегалитических сооружения относятся к новосвободненской культуре раннего бронзового века. По своей значимости они стоят в одном ряду со знаменитым Майкопским курганом и дают разнообразную информацию о комплексных обществах Северного Кавказа в бронзовом веке.

Богатством своей материальной культуры поражает городище Гонур-депе, расположенное в древней дельте Мургаба на юго-востоке Туркменистана. Хотя на самом памятнике мне, к сожалению, не удалось побывать, но материалы из его раскопок я внимательно осмотрел в экспозиции музея в г. Мары, где они выставлены. Такого изобилия разнообразных ремесленных изделий, свидетельствующих о высоком художественном вкусе, изготовивших их мастеров, я не видел более нигде. Должен подчеркнуть, что исследование этого уникального памятника, совершенное крупнейшим российским исследователем В. И. Сарианиди и членами его экспедиции, является существенным вкладом отечественной науки в сокровищницу мировой археологии за последнюю четверть минувшего столетия – первую четверть нынешнего века. После кончины В. И. Сарианиди коллектив Маргианской археологической экспедиции возглавила Н. А. Дубова, продолжившая с успехом раскопки этого интереснейшего памятника бронзового века Средней Азии.

О. С.: *С какими трудностями Вы сталкивались в полевых условиях, и как их преодолевали?*

В. А.: Бытовая сторона экспедиционной жизни для меня трудностей не представляла, так как, исключая первую экспедицию 1964 г., во всех остальных я побывал уже после завершения трехлетней срочной службы в рядах Советской Армии (1964–1967 гг.). Полученный за эти годы опыт научил меня справляться с неудобствами, связанными с работой в поле, которые были характерны для многих экспедиций второй половины минувшего столетия. Служба выработала и дисциплину, необходимую для соблюдения элементарных требований личной гигиены и безопасности. Обязательно употребляй кипяченую воду и мой руки перед приемами пищи. Это защитит твой организм от многих недомоганий. Отправляясь в экспедицию, подготовь необходимую для себя аптечку. Будь внимателен и осторожен там, где водятся ядовитые змеи и насекомые. Проверяй ежедневно свою палатку и не оставляй неприбранными спальные принадлежности, чтобы в них не заполз непрошенный гость. Конечно, всего предусмотреть заранее нельзя. Например, большие перепады ночных и дневных температур в условиях подгорной полосы Южного Туркменистана, потребовали обязательного включения в свою экипировку свитера. Гораздо сложнее было переносить запах пестицидов, распыляемых с самолетов сельскохозяйственной авиации над хлопковыми полями в Ферганской долине, вблизи которых располагались археологические памятники, или подвергаться ночным нашествиям комаров и москитов на вновь орошенных землях Сурхандарьинской области в Южном Узбекистане. Москиты эти были опасны тем, что среди них были переносчики трудно заживаемой пендинской язвы. Для нас, жителей севера, среднеазиатская жара непривычна, однако она имеет свои особенности в различных регионах. В подгорной полосе Копетдага жара в условиях засушливого климата переносится намного легче, чем в Сурхандарье, где ее сочетание с высокой, как в Санкт-Петербурге влажностью доводило до изнеможения. Любители уходить в утренние часы на раскоп без обуви, при полуденном возвращении в лагерь напоминали здесь прыгающих кенгуру, причем интенсивность скачков людей, превосходила соответствующий потенциал животного. После завершения работ на юге Узбекистана мы обычно уезжали из Термеза в столицу Таджикистана, Душанбе, где весьма умеренные дневные температуры, прохладные арыки, высокие тенистые деревья, разнообразие душистых фруктов соответствовало моему представлению о Рае. Говоря о бытовых и климатических условиях работы в поле нельзя не сказать и о тяжелых физических нагрузках в экспедициях. Я имею в виду зачистку площадок для раскопов, требующую удаления рыхлого кроющего слоя, перемещение отвалов грунта, накапливающихся по краям раскопов, выемку земли из шурфов, глубина которых подчас достигала нескольких метров. Однако добровольно выбрав для себя профессию археолога, необходимо стойко преодолевать все связанные с ней трудности.

О заведывании отделом, жизни института, учителях, друзьях и коллегах

О. С.: *Как выглядел обычный рабочий день заведующего отделом?*

В. А.: Специфика профессиональной деятельности археолога, в том числе и занимающего административную должность, заключается в отсутствии у него монотонного трудового графика. Кабинетная работа, иногда прерывающаяся командировками или участием в конференциях, сменяется длительным периодом полевых изысканий с их особенностями физических и психологических нагрузок, за которым следует интенсивный этап подготовки различных отчетов, суммирующих итоги годовой деятельности специалиста.

Лично я предпочитал кабинетные исследования, непосредственно связанные с решением научных проблем. Именно к этому занятию я испытываю наибольшее тяготение. Однако обстоятельства складывались таким образом, что в начале моей деятельности в качестве заведующего Отделом основные усилия пришлось направить на восстановление ритмичной работы подразделения, как научного коллектива. Достижение этой цели оказалось нелегким делом. Трудности повседневной жизни, характерные для 1990-х – 2000-х годов, отвлекали сотрудников ИИМК от систематической научной работы. Для некоторых коллег она отошла на второй план. Количество экспедиций Отдела резко сократилось, что привело на практике к почти полному исчезновению такого вида научной работы, как экспедиционный отчет. Однако для специалистов из других археологических центров России Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа по-прежнему являлся экспертом самой высокой квалификации, и они охотно делали на его заседаниях доклады и предоставляли диссертации для обсуждения. Их сообщения порой в три раза превышали число докладов сотрудников Отдела. Складывалась парадоксальная ситуация, при которой приезжие спасали научную репутацию подразделения. Такое состояние было ненормально для одного из ведущих отделов института.

В этих обстоятельствах я решил провести несколько крупных всероссийских конферен-

Алтын-депе. Съемка плана. Слева направо: В. А. Завьялов, В. А. Алёкшин, Ю. Е. Берёзкин. Октябрь 1978 г.

ций, посвященных юбилеям некогда ведущих археологов подразделения. Такого рода форумы мобилизуют организующий их коллектив и привлекают к участию в них специалистов из других городов страны. Эта идея нашла полную поддержку у предыдущего заведующего Отделом В. М. Массона и была реализована в 2010–2015 гг., в течение которых Отдел организовал три масштабные международные конференции: «Кочевые культуры Евразии», посвященная столетию со дня рождения А. Н. Бернштама, 13–15 декабря 2010 г.; «Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями», приуроченная к 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова, 22–26 октября 2012 г.; «Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога», посвященная 140-летию со дня рождения А. А. Миллера, 5–8 октября 2015 г. Были задуманы еще два аналогичных мероприятия. Одно из них, приуроченное к 100-летию отечественной академической археологии, предполагалось посвятить 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии В. М. Массона и 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарёва; другое – 100-летию со дня рождения А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения И. Н. Хлопина. Эти конференции были проведены соответственно в 2019 и 2020 гг., уже после того как я перестал заведовать Отделом. В целом мои надежды на интенсификацию работы подразделения в результате проведения этих конференций, оправдались вполне.

В так называемые присутственные дни по пятницам я проводил заседания Отдела, а по средам был плотно занят на заседаниях Ученого совета или на совещаниях при директоре ИИМК, где обсуждались различные научно-организационные вопросы. Я постоянно подчеркивал, что Отдел является становым хребтом института и, следовательно, необходимо сохранять все его научные направления. Как заведующий я контролировал подготовку кандидатских диссертаций сотрудниками подразделения, иногда преодолевая сопротивление их научных руководителей или оппонентов, выдвигавших порой непомерные требования к соискателям степени. Приходилось также постоянно держать руку на пульсе в процессе подготовки к проведению крупных международных конференций. Много сил уходило на подготовку годовых отчетов Отдела, иногда случалось буквально выжимать нужную информацию из некоторых сотрудников. Нередко возникали ситуации, когда требовалось срочно составить справку для директора или ученого секретаря по тому или иному вопросу, связанному с научными направлениями Отдела или подготовить ответ на запрос, поступивший в институт из других учреждений. К сожалению, вопросы финансирования экспедиций подразделения находились вне моего ведения, как заведующего.

О. С.: Какие яркие личности работали в ИИМК РАН в ваши годы? О ком из коллег вы вспоминаете с особым теплом или юмором?

В. А.: За годы, проведенные в стенах ЛОИА / ИИМК с осени 1972 г. по настоящее время, научные и административные интересы либо дру-

Алтын-депе. Слева направо: Ю. Е. Берёзкин, В. А. Алёкшин и щенок алабая Пелен, Н. Н. Скакун. Октябрь 1978 г.

жеские отношения связывали меня со многими институтскими коллегами. Назову здесь лишь тех из них, в основном специалистов по археологии Средней Азии, с которыми бок о бок работал в Отделе на протяжении многих лет и которые, к сожалению, уже ушли из жизни. Хочу воздать должное их преданности науке, их исследовательскому таланту, их усилиям, направленным на успешную организацию полевых изысканий.

Однако вначале я упомяну, как бы ни выглядело это неожиданно, директора ЛОИА в 1971–1976 гг. Валентина Павловича Шилова (1917–1995), в прошлом также сотрудника Отдела. Именно он зачислил меня в штат института. В те годы обучение в аспирантуре академического учреждения само по себе не гарантировало получение постоянной работы в его составе. К осени 1975 г., сроку окончания аспирантуры, мои перспективы в этом отношении выглядели туманно. Научный руководитель предпочитал избегать разговоров со мной на эту тему, а некоторые коллеги язвительно советовали осваивать ремесло кочегара, чтобы не остаться без куска хлеба. В эти дни, которые должны были определить мое будущее, директор неожиданно вызвал меня к себе и сказал, что я не останусь без работы и по окончании аспирантуры буду принят в сектор Средней Азии и Кавказа. К Валентину Павловичу в институте относятся неоднозначно, поскольку из-за своего вспыльчивого характера он неоднократно давал для этого повод, но лично я благодарен ему за свое трудоустройство. Без такого его решения, возможно, не было бы и повода давать это интервью.

Моим научным руководителем в университете и ЛОИА был Вадим Михайлович Массон (1929–2010). Человек с широчайшим научным кругозором, органично впитавший в себя традиции среднеазиатской и ленинградской археологических школ, он являлся также талантливым организатором науки. Именно он создал и возглавил в Секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК новое направление, связанное с исследованием древнеземледельческих памятников Средней Азии, предшествовавших более поздним цивилизациям этого обширного региона. Данная тематика сохраняется в Отделе и по сегодняшний день. Главный проект в жизни В. М. Массона – раскопки Алтын-депе (1965–2001), многослойного поселения эпохи энеолита и бронзового века, расположенного на юго-востоке Туркменистана. В многочисленных публикациях ученого дана подробная характеристика культуры обитателей этого важнейшего земледельческого центра, оказавшего большое влияние на своих соседей в северной и восточной частях среднеазиатского региона. Масштаб археологического изучения Средней Азии, осуществленный В. М. Массоном, был по достоинству оценен во многих зарубежных научных центрах. Раскапываемые им памятники (*Массон,* 1959; 1964; 1971; 1981; 1982; 1989; 2006) исследователь поместил в соответствующий культурный контекст Ближнего и Среднего Востока. С 1 ноября 1968 г. он возглавлял Сектор (с 1986 г. – Отдел) археологии Средней / Центральной Азии ЛОИА / ИИМК РАН).

Существенной была и научно-педагогическая деятельность В. М. Массона. С 1957 г. он читал на кафедре археологии ЛГУ курс «Археология Средней Азии», а затем и курс «Археология Древнего Востока». В конце 1960-х – начале 1970-х годов В. М. Массон руководил студенческим Восточным семинаром. За многие годы преподавания он выпестовал не одно поколение учеников и за успехи в их подготовке 7 августа 1973 г. был удостоен звания профессора.

Впечатляющие научно-организационные достижения Вадима Михайловича побудили тогдашнее руководство московского Института археологии в 1971 г. предложить талантливому исследователю заведывание одним из секторов этого учреждения. И тут вышестоящие инстанции получили от кого-то информацию о том, что у В. М. Массона, человека весьма свободных взглядов, студенты-практиканты болтают мно-

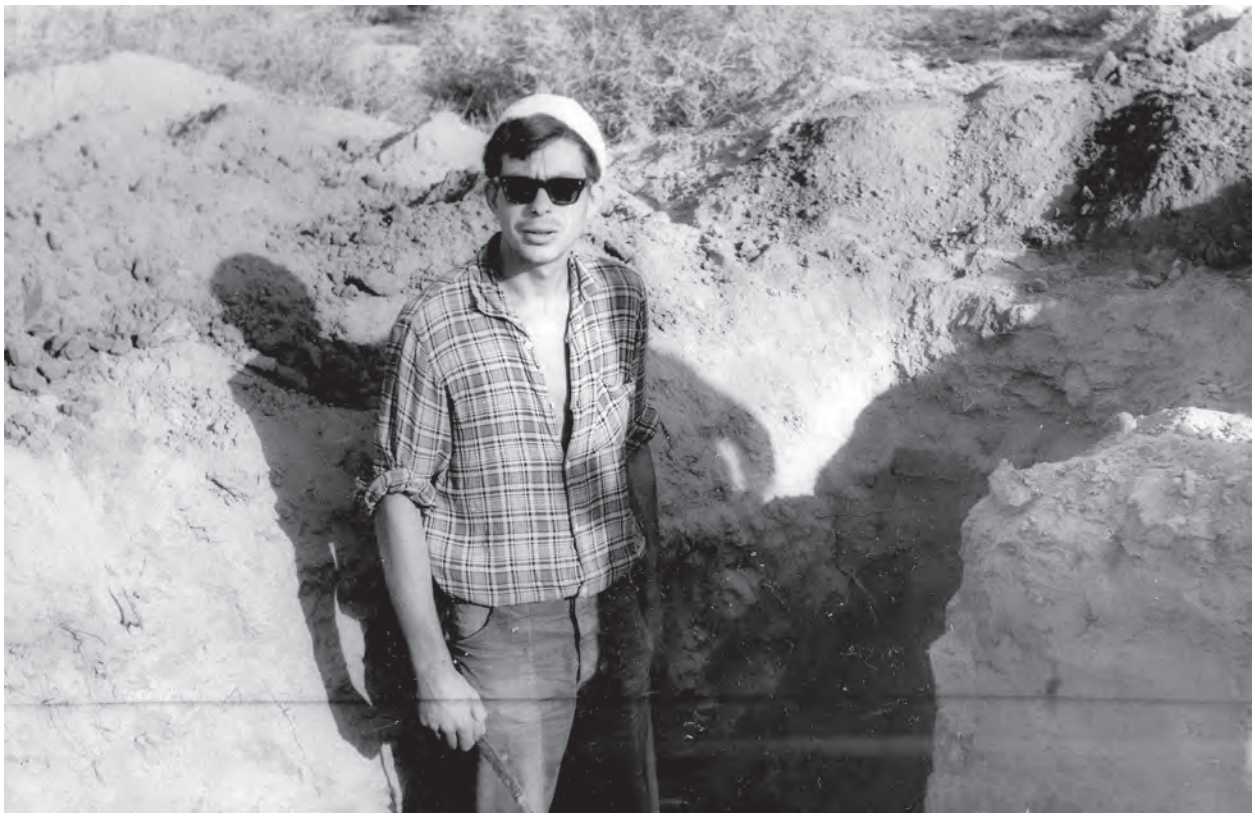
го лишнего в экспедиции, а он не принимает никаких мер, чтобы пресечь такие разговоры, и, возможно, даже им потворствует. Соответствующие структуры в Ленинграде отреагировали на эти сведения. Сотрудники КГБ приступили к опросам участников экспедиции. Ни Вадим Михайлович, ни близкие к нему люди не осознали, что после событий «пражской весны» и состоявшегося в 1968 г. ввода войск СССР и большинства его союзников в Чехословакию, власти не собираются более смотреть сквозь пальцы на то, чему ранее не придавали особого значения. Впрочем, времена остались «вегетарианскими». Никто из участников этих событий не пострадал, как это могло бы быть с ними в 1930-х годах. Однако замешанным в этом деле студентам мечту о попадании в штат ЛОИА пришлось оставить на несколько лет. Меня от подобной участи уберегло лишь то, что я не принимал участие в работах Каракумской экспедиции в 1970 г., так как незадолго до их начала получил серьезную травму обеих стоп на университетских военных сборах и даже по собственной квартире мог передвигаться с большим трудом. Переход Вадима Михайловича в Москву, разумеется, не состоялся. В выигрыше оказался ЛОИА, возглавленное им спустя 11 лет после описываемых событий, в январе 1982 г. Эту должность ученый занимал по 12 мая 1998 г. Во многом благодаря его усилиям ЛОИА в 1991 г. был преобразован в самостоятельный институт (ИИМК). На посту заведующего Отделом В. М. Массон оставался до 31 марта 2003 г.

Вадим Михайлович, обладавший острым аналитическим умом и обширными познаниями в других гуманитарных сферах, включая литературу, искусство и историю, в которой его интересовали, прежде всего, события Второй мировой войны, не прилагал усилий, чтобы влиять на своих учеников. Более того он всегда держался отстраненно от них, тщательно дозируя свое общение со студентами. В принципе он был сдержанным человеком, умеющим держать себя в руках, и не отличался вспыльчивостью. Лишь однажды он сказал мне про своего аспиранта из Средней Азии: «Этот буддист доконает меня!». И все же порой Вадим Михайлович мог осечь собеседника при посторонних вежливой и вместе с тем очень обидной репликой, не щадившей самолюбия своего визави. Несмотря на это мы, его ученики, хотели стать исследователями такого же калибра как он. Некоторые подражали даже его почерку или манере жестикулировать.

Очень разными были сверстники В. М. Массона, изучавшие, как и он, первобытные древности Средней Азии. Двое из них (И. Н. Хлопин и Ю. А. Заднепровский) в той или иной степени соперничали с заведующим, претендуя на то, что их археологические исследования не менее важны, чем полевые работы Вадима Михайловича. Они старались не ударить перед ним в грязь лицом и стремились показать, что имеют сравнимый со своим начальником научный потенциал. Отчасти эта конкуренция приносила положительный результат для Сектора / Отдела, иногда оказывала на него негативное воздействие, а порой приводила даже к курьезам.

Игорь Николаевич Хлопин (1930–1994), начинал как помощник В. М. Массона, раскапывая под руководством последнего энеолитические поселения Геоксюрского оазиса на юго-востоке Туркменистана. С годами этот творческий тандем распался. В 1969 г. И. Н. Хлопин, возглавив самостоятельный отряд, позднее ставший экспедицией, приступил к обследованию Юго-Западного Туркменистана, где в долине реки Сумбар открыл могильники эпохи энеолита и бронзового века Сумбар I, II и Пархай I, II. В результате многолетних раскопок этих памятников здесь было выявлено развитие древнеземледельческой культуры от энеолита до раннего железного века (*Хлопин*, 1983; 1997; 2002). Ученый неоднократно обращался к интерпретации иранской мифологии, вопросам индоевропеистики, проблемам становления различных форм хозяйства и к анализу общественного строя древнеземледельческих племен Средней Азии. Игорь Николаевич всегда акцентировал внимание на местных корнях, открытых им археологических культур, не забывая, впрочем, исследовать и взаимодействие древних обитателей Южного Туркменистана с племенами, обитавшими в других областях земледельческой ойкумены.

Происходя из старинной дворянской семьи, И. Н. Хлопин отличался хорошими манерами. В нем всегда чувствовался русский барин в хорошем смысле этого слова. Сам он говорил о том, что по материнской линии его род восходил к одному из защитников Троице-Сергиевой лавры в начале XVII в. келарю Авраамию Палицыну, оставившего записки об осаде лавры польско-литовскими войсками. Возможно, некоторые качества, свойственные келарю, спустя века, перешли от него к его потомку, Игорю Николаевичу, который, будучи хлебосольным хозяином, любил приглашать к себе в гости преимущественно молодую часть Отдела. На этих вечерних встречах он щедро угощал гостей плодами своих трудов, выращенных им на даче или, как он говорил «произведенных в своем имении». Имея родственников во Франции, И. Н. Хлопин периодически посещал их, иногда привозя оттуда в своем багаже запрещенную к ввозу в СССР литературу, которую давал читать посвященным. Ныне эти издания можно купить в любом большом книжном магазине, но тогда их ввоз был чреват неприятностями.

Узбекистан. Ферганская долина. Куюк-тепе. В. А. Алёкшин. Июль 1968 г.

В глубине души Игорь Николаевич желал заведовать Отделом и выдвинул свою кандидатуру на эту должность, когда в эпоху перестройки заведующих подразделениями в академических учреждениях разрешили избирать. Свою неудачу на выборах переживал тяжело и отдалился от тех коллег, в том числе и от меня, которых считал своими союзниками и которые его не поддержали. Причина же его поражения заключалась в том, что при всех своих положительных качествах ученый не подходил на роль администратора. Это было очевидно всем, кроме него самого.

Научные интересы Юрия Александровича Заднепровского (1924–1999) были не менее широки, чем у В. М. Массона или у И. Н. Хлопина (*Заднепровский,* 1962; 1997a; 1997b). Исследователь, многие годы работавший в узбекской и киргизской частях Ферганской долины, изучал не только земледельческие памятники чустской культуры позднего бронзового века (Дальверзин в Узбекистане, Ошское поселение в Киргизии), но и поселения оседлого населения железного века Ферганы (Эйлатан в Узбекистане и Шурабашат в Киргизии). Раскопки этих уникальных памятников позволили Ю. А. Заднепровскому ввести в научный оборот новые археологические материалы, проливающие свет на происхождение культуры оседлого населения Ферганы, одного из важнейших земледельческих районов современной Средней Азии. Будучи учеником А. Н. Бернштама, он унаследовал интерес последнего к проблемам археологии кочевников Средней Азии, как сако-усуньского, так и тюркского времени. Широко известны его раскопки в Киргизии раннесредневекового могильника Темир-Корук и небольших сельских поселений этого же времени.

Ученый был грозой аспирантов. Он самым внимательным образом читал диссертации, представленные на обсуждение Сектора / Отдела. Являясь весьма эмоциональным человеком, он в пылу дискуссии, отвергая, по его мнению, ошибочные положения тех или иных работ, переходил границы допустимой критики, был не всегда корректен в суждениях и, в сущности, подвергал исследование полному разгрому. Как всякий человек, имеющий проблемы со слухом, Юрий Александрович произносил свои речи очень громко, иногда почти крича. Со стороны его участие в прениях приобретало форму начальственного разноса. Однако такая манера выступления исследователя была хорошо известна аспирантам. Никто из них не падал духом, тем более, что часть указанных огрехов была выявлена Ю. А. Заднепровским вполне справедливо. В конечном счете, все аспирантские работы Отдела допускались к защите. Впрочем, чрезмерная горячность Юрия Александровича прорывалась и при обсуждении плановых тем сотрудников Отдела, что иногда приводило ученого к конфликтам с коллегами.

Анатолий Максимилианович Мандельштам (1920–1983) в отличие от И. Н. Хлопина и Ю. А. Заднепровского был человеком совершенно иного плана. Он был специалистом, хорошо знавшим себе цену, основательным в своих знаниях и уверенным в точности достигнутых результатов. Ученый, впервые открывший во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов и на востоке Средней Азии, и на ее западе памятники пастухов бронзового века (бишкентская культура Юго-Западного Таджикистана и срубная культура Восточного Прикаспия), обладал огромной работоспособностью и блестящим умом (*Мандельштам,* 1966; 1968; 1972; 1975). Своеобразная манера публичных выступлений А. М. Мандельштама, когда он тихим, почти лишенным эмоциональной окраски голосом, излагал свои мысли, не давала истинного представления ни о широте его кругозора, ни об оригинальности выдвигаемых им гипотез. Свой талант исследователя он полностью реализовал в опубликованных им монографиях. Читая их, поражаешься тому, как обстоятельно автор проработал археологические источники, как скрупулезно оценил труды своих предшественников. Точность аргументов ученого, строгая логика его изложения и сила доказательств заставляет читателя соглашаться с выводами автора. Создается впечатление, что книги, вышедшие из-под пера А. М. Мандельштама, являются учебниками геометрии, созданными на основании изучения археологических материалов. Эта магия доказательств, сравнимая по значимости с математическим анализом, составляет наиболее сильную сторону творческого наследия А. М. Мандельштама. Внешне флегматичный и медлительный А. М. Мандельштам преображался, когда в ходе жарких научных дебатов пытались опровергнуть его основные концептуальные выводы. В такие минуты он волновался, начинал возражать с места, перебивал оппонента, а затем выступал с сокрушительной критикой ошибочных, как ему представлялось, взглядов своих научных конкурентов. Однако при этом он всегда сохранял присущую ему осторожность в научных формулировках, поскольку был убежден в том, что окончательные результаты могут быть получены лишь после обстоятельного изучения всех доступных ему источников. В своих взаимоотношениях с молодыми начинающими археологами А. М. Мандельштам был неизменно демократичен и вместе с тем весьма щепетилен. С одними он, придерживаясь только ему известных критериев, был внимателен и доброжелателен, с другими – сух и сдержан. А. М. Мандельштам был прозорлив не только в науке. Он предвидел многое из того, что случилось с Россией в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Разумеется, он не мог открыто высказывать свои соображения о развитии общественно-политических процессов в стране, но с теми, кому доверял, был достаточно откровенен.

К моменту моего появления в Отделе старшее поколение было представлено в нем двумя величественными фигурами, подлинными мэтрами археологии. Один из них Александр Маркович Беленицкий (1904–1993) был по образованию историком-востоковедом. К числу его достижений, имевших важное образовательно-культурное значение, относится составление первого таджикского букваря. Недаром именно в Таджикистане к нему стали почтительно обращаться: «муаллим» (учитель) – звание, которое он, несомненно, заслужил, не только педагогической деятельностью в начале своей научной карьеры, но и прекрасным знанием средневековых древностей Таджикистана (*Беленицкий*, 1973; 2004; *Беленицкий и др.* 1973; *Belenitsky*, 1968), к изучению которых обратился уже в зрелые годы. Отдавая должное высочайшему уровню академической подготовленности Александра Марковича, коллеги-востоковеды в шутку называли его «лучшим археологом среди востоковедов», а коллеги-археологи – «лучшим востоковедом среди археологов».

С 1954 г. по 1979 г. А. М. Беленицкий руководил раскопками раннесредневекового согдийского города Панч, находившегося вблизи современного таджикского города Пенджикент. За многие годы работ в Пенджикенте удалось изучить структуру города и самобытную культуру его населения, в которой причудливо переплетены черты, присущие различным традициям. Потрясает высокий художественный уровень настенных росписей парадных залов многих домовладений, погружающий нас в мир согдийской мифологии, корни которой восходят к эпохе Авесты. В целом уровень изученности Пенджикента настолько высок, что его без преувеличения можно считать эталонным памятником раннего восточного средневековья.

Александр Маркович был антиподом Заднепровского. Если бы к дискуссиям, разворачивавшимся на заседаниях Сектора / Отдела, можно было приложить судебную терминологию, то Юрий Александрович выступал бы в роли прокурора, а Александр Маркович – в амплуа адвоката. Он всегда стремился помочь тому, кого критиковали, находя неожиданные аргументы в его поддержку. Делал он это исходя из простой мысли, что, если человек высказывает какое-либо суждение, то оно продумано и за ним стоит знание материала и аргументы, выявленные при анализе артефактов. Чтобы опровергнуть тот или иной тезис докладчика, по мнению Александра Марковича, должны быть высказаны веские доказательства. Впрочем, это не означало, что он закрывал глаза на явные ошибки исследователей. Помню реплику из его выступления на обсуждении

одного из докладов Г. Н. Курочкина. Последний трактовал мужскую фигуру, исполненную на каком-то предмете из клада VII в. до н. э., найденного у деревни Зивие на северо-западе Ирана, как изображение скифа. Александр Маркович с сарказмом сказал: «Ваш скиф почему-то пострижен в ассиро-вавилонской парикмахерской».

Ученый радушно приглашал всех сотрудников Отдела 24 марта на свой день рождения. Обычно в этот день его ученик, Даврон Абдуллоев, приезжал к Александру Марковичу раньше других и готовил плов. Когда все участники праздничного пира были в сборе, начиналось шумное веселое застолье, в котором перемешивались поздравления в адрес виновника торжества, деловые беседы, оценка текущих политических событий и многочисленные тосты. Вспоминая эти вечера, понимаешь, как важна была позиция А. М. Беленицкого для поддержания добрых отношений между сотрудниками нашего научного коллектива.

Второй представитель старшего поколения Михаил Петрович Грязнов (1902–1984), был неоспоримым лидером сибирской археологии, создателем уникальной полевой методики раскопок, получившей название «грязновской». С его именем неразрывно связана деятельность многих археологических экспедиций второй половины 1940-х – первой половины 1970-х годов. Речь идет о Верхнеобской, Новосибирской, Иркутской и Красноярской экспедициях, в результате изысканий которых было детально прослежено развитие культур древних племён, населявших юг Сибири от эпохи энеолита до железного века (*Грязнов*, 1950; 1956; 1980; 1999; *Grjasnov*, 1970). Особое место в наследии М. П. Грязнова занимают раскопки курганов раннего железного века (Шибе на Алтае и Аржан в Туве), благодаря изучению которых он внес фундаментальный вклад в исследование вопроса о происхождении и развитии культуры ранних кочевников евразийских степей.

Михаил Петрович был единственным знакомым мне лично археологом, который в сталинскую эпоху был несправедливо обвинен в антигосударственной деятельности и приговорен в 1934 г. к ссылке в Вятку. Он оказался одним из немногих фигурантов сфабрикованного органами ОГПУ дела так называемой «Российской национальной партии» («Дело славистов»), который отказался признать себя виновным, хотя на очной ставке другой фигурант указал на него как на человека, приверженного фашистским взглядам. Пережив лихую годину, ученый сумел вернуться в археологию, а впоследствии был полностью реабилитирован. Прошлое, насколько я мог понять, не сломало его. М. П. Грязнов был спокойным, уравновешенным человеком, с головой ушедшим в научные проблемы. Житейские неурядицы его не волновали. Исследователь с мировым именем, он до конца жизни занимал две комнаты в коммунальной квартире. Его облик не соответствовал представлению обывателя о внешности ученого. Один из коллег рассказал мне о таком курьезном случае. Однажды Михаил Петрович в сопровождении части сотрудников Красноярской экспедиции возвращался в родные пенаты. Поскольку Ленинградский аэропорт не принимал самолеты по погодным условиям, борт с археологами приземлился вечером в одном из городов северо-запада РСФСР, если мне не изменяет память, в Архангельске. Прибывших пассажиров разместили в здании аэропорта, причем Михаила Петровича провели в небольшое помещение, часть которого занимала питейная точка, уже закрытая в этот поздний час. Тем не менее, местные страждущие каким-то непонятным способом время от времени материализовывались в этой комнате и, заметив М. П. Грязнова, спрашивали у него: «Папаша, бормотуха в продаже есть?».

Михаил Петрович был педантичным исследователем. На заседаниях Сектора он обычно сидел в первом ряду, держа в руках большой блокнот и карандаш. Внимательно слушая докладчика, он периодически делал в блокноте пометы. Затем задавал автору сообщения несколько вопросов и всегда обстоятельно выступал по существу предложенных оратором выводов, давая им строгую и взвешенную оценку. К своим ученикам он всегда относился бережно, заботясь о них и стараясь, насколько можно, отстаивать их интересы.

Свой вклад в археологию внесло и молодое поколение Отдела, к которому принадлежали Геннадий Николаевич Курочкин (1946–1993), Владимир Алексеевич Завьялов (1946–2020) и Сергей Степанович Миняев (1948–2020).

Звезда Г. Н. Курочкина блеснула ослепительной вспышкой в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В университете мы учились с ним почти в одно и то же время. Он выпускался в 1971 г., я – в 1972 г. Оба занимались археологией бронзового века Средней Азии и Ирана, оба посещали Восточный семинар В. М. Массона, оба ездили в Каракумскую экспедицию. Геннадия Николаевича отличала целеустремленность. Еще в студенческие годы он тщательно планировал свою жизнь, прежде всего, в научной сфере. Будучи от природы одаренным человеком, ориентировал себя на решение самых сложных археологических проблем, быстро усваивал методику раскопок сырцовой архитектуры, рассчитывал на скорую защиту кандидатской, а затем и докторской диссертаций. Однако жизнь подстраивала ему одну каверзу за другой, словно бы играя с ним в кошки-мышки. Геннадий Николаевич оказался одним из тех студентов, которым за неосмотрительные высказывания в Каракумской экспедиции, была закрыта дорога в аспирантуру ЛОИА. Поэтому, отслужив в

рядах Советской армии, он был вынужден уехать из Ленинграда в далекий среднеазиатский город Нукус в Каракалпакии, где в течение четырех лет заведовал Отделом археологии в Музее искусств и проводил самостоятельные исследования памятников железного века. Тяжелый непривычный климат и внезапный разрыв устоявшихся культурных связей наложили на него свой отпечаток. И без того нелегкий характер Г. Н. Курочкина стал еще тяжелее. Однако надо отдать ему должное, он умел держать удар и, вернувшись, стал одним из самых ярких археологов Северной столицы (*Курочкин*, 1988; 1992a; 1992b; 1993). Геннадий Николаевич был прирожденным полемистом. Дискуссии, проходившие с его участием, были непредсказуемы. Они либо запоминались оригинальностью суждений и тем особым изяществом формулировок, в которые он облекал свои мысли, либо превращались в перепалки на грани скандала. Авторитетов в археологии для него не существовало. В пылу спора он легко впадал в то состояние, в котором, по выражению генерала Хлудова, героя пьесы М. А. Булгакова «Бег», русские люди режут в глаза правду-матку. С 1979 по 1991 гг. Г. Н. Курочкин работал в Группе новостроечных и хоздоговорных экспедиций ЛОИА, проводя полевые сезоны в Южной Сибири, где раскапывал памятники тагарской культуры, и лишь в 1992 г. стал сотрудником Отдела. Однако полной гармонии с самим собой он не ощущал. Душой ученый стремился к исследованию древностей бронзового века Ирана и Центральной Азии, о чем свидетельствовала посвященная им кандидатская диссертация, которую Геннадий Николаевич защитил в 1988 г. В реальности ему приходилось значительную долю времени уделять трактовке тагарских древностей, которые исследователь рассматривал в общем контексте развития сакских и скифских культур Евразии. Впрочем, и на этом поприще он достиг заметных успехов. И все же, видимо, этот диссонанс и стал причиной его ранней кончины. «Смерть подстерегла его на взлете», скажет на его поминках В. М. Массон.

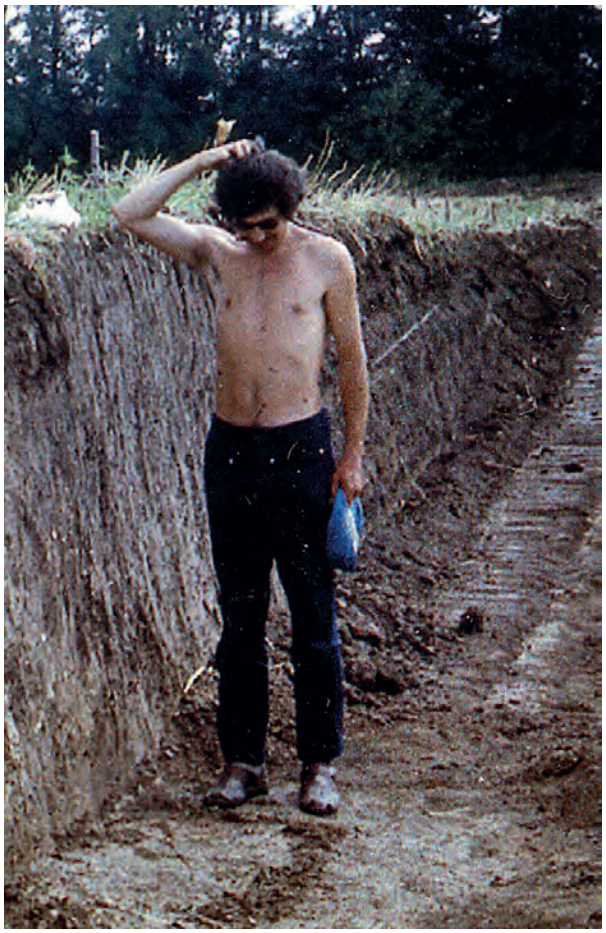
Владимир Алексеевич Завьялов стал сотрудником Отдела в 1978 г. До этого времени он трудился в Группе новостроечных и хоздоговорных экспедиций (1971–1974) и в Лаборатории камеральной обработки (1975–1977), где являлся ученым секретарем. После перевода в Отдел начался самый плодотворный и напряженный период его жизни. В. А. Завьялов работал в составе Каракумской и Сумбарской экспедиций в Южном Туркменистане. Однако его научные интересы были обращены к проблемам среднеазиатской античности, причем ярче всего его талант археолога раскрылся в Бактрийской экспедиции при раскопках кушанского городища Зартепа на юге Узбекистана (*Завьялов,* 1994; 2005; 2006; 2008). Благодаря тщательному исследованию этого памятника Владимир Алексеевич сделал себе имя в археологии Средней Азии. Трактовка археологических коллекций, выявленных им при изысканиях на Зартепа, стала важным вкладом исследователя в постижение спорных проблем кушанской археологии и получила высокую оценку отечественных и зарубежных специалистов. Впоследствии В. А. Завьялов переключился на изучение фортификации античного и раннего средневекового времени в Средней Азии, став ведущим специалистом России в этой области археологии. Материалы для разработки указанной темы он получил в Мерве, где провел не один полевой сезон в составе российско-туркменско-английской экспедиции (1992–2003). Более углубленно исследователь изучал этот предмет в Лондоне, в ходе стажировки при Британском музее. По его просьбе Британский институт изучения Персии передал в дар библиотеке ИИМК комплект всех вышедших к тому времени выпусков

Краснодарский край. Долина реки Кизинки. А. Д. Резепкин и В. А. Алёкшин. Август 1969 г.

издаваемого этим учреждением журнала «Iran». Исследование фортификации В. А. Завьялов продолжил в ходе раскопок раннесредневекового уйгурского укрепления Пор-Бажин в Туве (2007–2008). Следует также отметить работы ученого в составе туркменско-английской экспедиции в Анау (2000, 2003) и в Южном Вьетнаме (советско-вьетнамская, 1989, 1991 и российско-вьетнамская экспедиции, 2008–2010).

Владимир Алексеевич обладал особым умением видеть и разбирать культурные отложения, включая их самые тончайшие прослойки. Коллеги поражались этому дару, благодаря которому

Краснодарский край. Станица Батуринская. Раскопки кургана. В. А. Алёкшин. Август 1981 г.

ученый безошибочно фиксировал любые археологические контексты. Многолетний полевой опыт В. А. Завьялова стал решающим аргументом при назначении его в 2002 г. председателем Санкт-Петербургской группы Отдела полевых исследований (ОПИ) ИИМК, которой Владимир Алексеевич руководил до последнего дня своей жизни. На этой должности В. А. Завьялов не только курировал экспедиционные работы археологов Санкт-Петербурга, но и передавал свой богатый опыт молодым сотрудникам института, членам ОПИ, среди которых он пользовался непререкаемым авторитетом. Владимир Алексеевич постоянно давал конструктивные советы авторам рецензируемых им полевых отчетов. При составлении на них отзывов он был корректен, требователен и принципиален. В. А. Завьялов по натуре был оптимистом. От него исходили внимательность, доброжелательность, деловитость и энергия. Он был предан археологии, его любили и ценили коллеги. Владимир Алексеевич всегда помогал тому, кому его поддержка в тот момент была необходима.

Главную роль в становлении Сергея Степановича Миняева как археолога сыграло участие студента в полевых работах на известном памятнике сюнну – Иволгинском городище в Бурятии. Очевидно, здесь, на берегах Селенги и Иволги, он сделал окончательный выбор в пользу такой увлекательной области археологии, как изучение древностей сюнну – народа, создавшего одну из первых великих кочевых империй. Увлеченность сочеталась у С. С. Миняева с глубоким рациональным началом. Создавалось впечатление, что уже к концу обучения в университете он продумал тщательный план изучения древностей сюнну, которому следовал на протяжении всей жизни. Эта программа, которую исследователь никогда не афишировал, включала не только изучение китайского языка для самостоятельной работы с письменными источниками и археологической литературой, но и систематические раскопки различных видов памятников сюнну – поселений и могильников (*Миняев*, 1983; 1998; *Давыдова, Миняев*, 2003; 2008; *Миняев, Сахаровская*, 2007).

В 1982 г. после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации Сергея Степановича переводят в штат Отдела. Он возглавляет Забайкальский отряд ЛОИА (с. 1992 г. – Забайкальская экспедиция ИИМК) и приступает к систематическому исследованию опорных памятников сюнну в Забайкалье (поселение Дурены I, Дырестуйский могильник, элитный курган сюнну в пади Царам). Весь цикл этих полевых работ, осуществленный ученым в 1982–2005 гг. в сложных природных условиях Бурятии, несомненно, является примером подвижнического служения археологии. Благодаря своим исследованиям материальной культуры сюнну ученый стал ведущим отечественным специалистом в этой области археологии. Выводы исследователя еще при его жизни были приняты коллегами, как в России, так и за рубежом.

С. С. Миняев в совершенстве владел искусством логически передавать информацию и доводить свои умозаключения до слушателей, перед которыми выступал. Все свои оценки он тщательно взвешивал, заранее продумывал вопросы, которые ему могли задать после доклада, и готовил аргументированные ответы на них. Выводы, полученные в результате его научного поиска, Сергей Степанович изобретательно отстаивал и

никогда не сдавал заявленных позиций. Его отличала исключительно корректная манера ведения дискуссий, в которых он принимал участие.

Научные достижения С. С. Миняева невозможно рассматривать в отрыве от его нравственного авторитета и человеческого обаяния, которым он был щедро наделен. Люди, близко знавшие ученого, ценили его как принципиального, доброжелательного, обладавшего тонким чувством юмора человека.

Вспоминая об ушедших коллегах, наблюдая за работой нынешних сотрудников, утверждаюсь в мысли, что издавна сложившийся в Отделе Центральной Азии и Кавказа ЛОИА / ИИМК баланс молодости и опыта и сейчас обеспечивает репутацию этого научного коллектива, как ведущего экспертного центра страны по самым актуальным и дискуссионным проблемам археологии.

О. С.: *Были ли в Отделе Центральной Азии и Кавказа или в Институте в целом какие-то забавные традиции или запоминающиеся события?*

В. А.: В ИИМК существует многолетняя традиция отмечать встречу Нового Года капустником, организаторами которого всегда выступали люди веселые и находчивые, не лезущие за словом в карман. В 1970-е годы застрельщицами этого карнавального действа выступали заведующая фотоархивом Тамара Борисовна Томес и ее заместитель Элина Семеновна Доманская. Помимо различного рода разыгрываемых импровизированными актерами сцен программа капустника включала и своеобразную художественную выставку, состоящую из репродукций полотен известных художников, на которых лица изображенных персонажей были заменены вклеенными фотографиями сотрудников института.

Некоторые из таких модифицированных полотен были весьма остроумны. Мне хорошо запомнилась одно из них, выполненное на сюжет картины И. Е. Репина «Не ждали» (1884). На оригинальном холсте показано неожиданное для семейства революционера возвращение его из ссылки. Переделанный сюжет изображал предпринятую директором ЛОИА В. П. Шиловым и начальником Отдела кадров Ниной Сергеевной Сущевой внезапную проверку наличия на рабочих местах лаборантов ЛОИА. На другой репродукции к фигуре крестьянина, толкущего что-то в ступе, была приклеена фотография головы Анатолия Кузьмича Филиппова, сотрудника трасологической лаборатории. Когда я рассматривал это «полотно», к нему подошел сам А. К. Филиппов и после некоторого раздумья собственноручно уточнил характер производимого им действия, написав на ступе слово «вода».

Позднее бразды правления капустниками перешли в руки Натальи Вадимовны Хвощинской, Елены Владимировны Беляевой, Льва Михайловича Всевиова, Нины Владимировны Головачевой, сочинившей в 1988 г. остроумную историю нашего учреждения от времен Императорской археологической комиссии до времени директорства Нины Николаевны Гуриной, а также Евгения Михайловича Колпакова. К сожалению, традиция устройства вернисажа со временем угасла.

К числу запоминающихся событий, несомненно, следует отнести характерную для советского времени практику регулярного отправления сотрудников ЛОИА в качестве рабочей силы на овощную базу в Коломяги, на которой красовался лозунг «Коммунизм неизбежен!». Работа здесь длилась только до обеда, который, в соответствии с устойчивой традицией, превращался в длительное импровизированное застолье, по завершении которого все томились в ожидании конца рабочего дня. Чем ближе подступал этот час, тем большее чувство жалости появлялось к овощам. Мы разъезжались по теплым и сухим квартирам, а они оставались в плохо оборудованных для сохранности их «здоровья» складах.

О преподавании в университете, студентах и археологическом образовании

О. С.: *Как вы начали свою преподавательскую карьеру, и что вас вдохновило на обучение студентов в области археологии?*

В. А.: В 1981 г. я начал читать курс археологии Средней Азии на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ, так как мой непосредственный предшественник на этом поприще И. Н. Хлопин, сконцентрировавшись на раскопках могильника Пархай II, не мог уделить достаточно времени на подготовку к лекциям. Тогдашний руководитель кафедры археологии, профессор А. Д. Столяр, обратился ко мне с просьбой взять на себя труд прочесть этот курс. Не скрою, что такое обращение было весьма лестным для меня, но я дал свое согласие, главным образом, потому, что надо было закрывать лакуну в существовавшей на кафедре системе подготовки специалистов. Археология Средней Азии является частью восточной археологии в широком смысле этого слова. Следовательно, студенты должны были получать определенную базу знаний по данному направлению. И если кафедра сочла нужным обратиться с таким предложением ко мне, то оказание ей посильной помощи становилось моим долгом. Положительный ответ накладывал на меня некоторые обязательства. Читать лекции можно только тому, у кого есть, что сказать начинающим специалистам. Студентам нужны также регулярные консультации, направляющие их работу в правильное русло. Лектор должен быть в курсе всех новых открытий и разработок в своей области, следить за литературой, выстраивать логику своих рассуждений, излагая их правиль-

ным литературным языком. На меня ложилась дополнительная ответственность еще и потому, что кафедра поставляла кадры для ЛОИА, то есть для учреждения, в котором я работал. Короче говоря, чтение лекций требует интенсификации научного потенциала ученого, взявшегося за этот нелегкий труд. Приступая к работе на кафедре, я не совсем отдавал в этом себе отчет, но последующая практика заставила меня следовать указанным нормам в течение всей своей преподавательской деятельности. Впоследствии я стал читать еще и курс по археологии Древнего Востока. Обстоятельства сложились так, что мои лекции, посвященные древностям Средней Азии, привлекли внимание прикомандированной из США стажерки, специализирующейся по археологии Ближнего Востока. Эта солидная дама, неплохо знавшая русский язык, начала записывать их на магнитофон. Поэтому я никак не мог выглядеть человеком, взявшимся не за свое дело. Я должен был показывать товар лицом, и я его показывал.

О. С.: *Есть ли у вас любимая история, связанная с преподаванием, которую Вы могли бы рассказать? Можете вспомнить какие-то забавные или неожиданные моменты, происходившие во время лекций, семинаров или экзаменов?*

В. А.: Многие считают, что курьезные случаи обычны в практике учителя, в том числе и преподавателя высшей школы. Должен сказать, что ничего подобного не могу припомнить из своего педагогического опыта, за исключением пары случаев.

Однажды во время перерыва ко мне подошла студентка, которой еще предстояло прослушать курс моих лекций. Она сказала, что хочет заниматься археологией Средней Азии, но не может выбрать тему исследования. Завязался разговор, в котором я выяснял область ее профессиональных интересов. Во время беседы мы медленно шли по коридору истфака. На девушке были красивые туфли с очень высокими каблуками. В этой обуви она ощущала себя весьма неустойчиво, периодически оступалась и валилась на меня, а я удерживал. Студентка постоянно извинялась, но устойчивости не обретала. Разговор пришлось завершить в 73 аудитории, где мы сели на стулья. К сожалению, намерение девушки посвятить себя среднеазиатской археологии не осуществилось. Полной противоположностью этому эпизоду стала другая ситуация, когда мне поручили оппонировать диплому студента, отец которого являлся известным археологом, работающим в одной из республик Средней Азии. Дипломная работа молодого человека оказалась очень низкого качества. Однако из уважения к заслугам его отца я поставил выпускнику удовлетворительную оценку, хотя, до сих пор вспоминая об этом случае, испытываю смешанное чувство стыда и несуразности.

К лекторству я относился очень ответственно, возможно, даже слишком серьезно. Такой подход к этому мастерству связан с давней историей. Моя учительница по математике любила повторять: «В институте никто не будет с вами возиться так, как это делаем мы, школьные педагоги. Преподаватель ВУЗа придет на занятие, пробубнит свое и уйдет, причем ему все равно, чем вы на лекции занимаетесь, хоть в карты перед ним играйте». Очевидно, у нее были свои причины так высказываться, хотя сама она являлась прекрасным педагогом. В школьные годы я и представить себе не мог, что, спустя много лет, окажусь в ее роли. Когда же это случилось, то, припомнив слова своей наставницы, я решил, что не стану таким безучастным к студентам, как лекторы, о которых она рассказывала.

Что же касается слушателей курсов, с которыми я теперь постоянно общался, то некоторые из них сразу же поразили меня своей пассивностью, безучастным отношением к делу, которому они обучались, казалось бы, по собственному желанию. Это равнодушие обычно проявлялось, когда я, завершив лекцию, по традиции выяснял, есть ли у них вопросы по изложенной теме. После этого часто наступала ожидаемая мною, но от этого не менее тягостная и долгая тишина, которая меня всегда удивляла. Я знал наверняка, что студентам не все ясно даже в области элементарной географии. Далеко не все из них имели представление о том, где располагается тот или иной регион, который являлся колыбелью культурных процессов, рассмотренных в только что завершившейся лекции. Вопросы, которые я получал, тоже изумляли меня, причем в последнее время они заметно деградировали. В прошлом году меня, например, спросили: «В течение какого времени можно полностью раскопать такой памятник как Алтын-депе на юго-востоке Туркменистана?». Ответ, соответствующий вопросу, вертелся у меня на языке, но я промолчал. Речь идет о реплике, брошенной еще в 1978 г. при посещении раскопок Алтын-депе группой бульдозеристов, работавших неподалеку от этого огромного городища (площадь около 26 га) на строительстве Каракумского канала. Один из них, явно неудовлетворенный темпом наших работ, сказал, и отнюдь не в шутку, что при получении соответствующего разрешения они управились бы за неделю.

Лишь шесть студентов, выбрали своей специализацией археологию Средней Азии, за время моего преподавания на кафедре археологии ЛГУ. С одной стороны, это объясняется тем, что я имел небольшую учебную нагрузку и, будучи почасовиком, не общался с ними постоянно. Закончив чтение рассчитанного менее чем

Краснодарский край. Станица Батуринская. Раскопки кургана. На переднем плане В. А. Алёкшин. Сентябрь 1981 г.

на семестр лекционного курса, я исчезал из их ближнего окружения и не мог оказывать на них существенного влияния. С другой стороны, начальники среднеазиатских экспедиций ЛОИА в 1970-е – начале 1990-х годов имели в своем распоряжении достаточно молодых сотрудников, занимающихся археологией Средней Азии и не имели возможности пополнять штаты этих коллективов выпускниками кафедры. Исключение составляла лишь Пенджикентская экспедиция. Распад СССР привел к угасанию большинства среднеазиатских экспедиций ЛОИА в течение первой половины 1990-х годов, а Пенджикентская экспедиция перешла в ведение Государственного Эрмитажа.

Однако памятные истории в жизни преподавателя случаются не только в результате контактов со студентами. Многие события являются следствием общения со старшими коллегами и научной бюрократией. Порой они бывают весьма поучительны. Хочу рассказать лишь о двух таких эпизодах, вплетенных в канву моих взаимоотношений с кафедрой археологии ЛГУ. Оба следовали в русле упомянутого выше казуса, случившегося со мной при поступлении в число ее студентов. Очевидно, таков мой удел. *Alma mater* то приближает меня к себе, то отдаляет.

Речь идет о двух событиях, в результате которых я мог оказаться в штате кафедры. В первом случае (1971 г.) Л. С. Клейн предложил мне, в то время студенту IV курса, после окончания университета поступать в университетскую аспирантуру с последующей перспективой работы на кафедре в области археологии Средней Азии. Делая это предложение, он надеялся на сотрудничество с моим научным руководителем заведующим Сектором Средней Азии и Кавказа ЛОИА В. М. Массоном, с которым у Л. С. Клейна не складывались отношения. О каком именно сотрудничестве шла речь, мне не было известно. Хотя в то время я был еще человеком совершенно неискушенным, мне было ясно, что это намерение Л. С. Клейна не могло быть осуществлено. В. М. Массон категорически отказался от кооперации с ним. После этого все разговоры со стороны Л. С. Клейна о моем поступлении в кафедральную аспирантуру прекратились.

Во втором случае (1981 г.) перейти на кафедру в качестве преподавателя мне, младшему научному сотруднику ЛОИА, предложил ее заведующий, профессор А. Д. Столяр. Случилось это вскоре после ареста кафедрального сотрудника Л. С. Клейна по обвинению в гомосексуализме, за который тогда подвергали уголовному преследованию. Я отказывался, памятуя, что университет находится под особым контролем идеологических органов КПСС. Абрам Давыдович настаивал и постарался, чтобы я попал на прием к хорошо известному мне И. В. Дубову, выпускнику кафедры, которому удалось совместить археологическую карьеру с партийной. В описываемое время он руководил университетской организацией КПСС, имевшей права районной партийной организации. Разговор с ним шел ни шатко,

ни валко. Внезапно Игорь Васильевич сказал, что мне нужно будет вступать в партию. Я категорически отказался. Он поинтересовался причиной несогласия. В качестве основного довода против я привел цитату В. И. Ленина, насколько я ее помнил. В ней говорится о том, что партия нуждается в железной поступи пролетарских батальонов, а не в расхлябанности интеллигентов, которую они ставят выше партийной дисциплины. На этом аудиенция завершилась. Конечно, я лукавил и не сказал откровенно, что не разделяю ни программы КПСС, ни ее устава. Тому, кто захочет меня упрекнуть за эту хитрость, отвечу, что с меня хватило инцидента, приключившегося со мною примерно через полгода после поступления в университет, когда в споре с однокурсником на его вопрос, где ты живешь, я ответил – в России. Он не замедлил информировать об этом партийное руководство факультета. Меня вызвали на беседу в соответствующий кабинет и объяснили с партийной прямотой, как называется страна, в которой я живу, и почему она так называется. Через день после встречи с Игорем Васильевичем Абрам Давыдович посетовал, что разговор с Дубовым у меня не сложился. В итоге, преподавателем кафедры я не стал, но место почасовика сохранил.

В начале нулевых годов нынешнего века, когда я позвонил на кафедру, чтобы выяснить свое расписание перед началом очередного учебного года, то с удивлением узнал, что мои курсы переданы другому преподавателю. Поскольку в то время в системе нашего высшего образования стала доминировать идея об опоре ВУЗов на собственные силы, эта новость меня не удивила. Остался лишь осадок от того, что кафедра меня заранее об этом не информировала. Исключение курса восточной археологии из учебной программы кафедры, на мой взгляд, имело негативные последствия, поскольку данный курс весьма важен в структуре археологического образования. Он посвящен обзору древностей региона, являвшегося частью Древнего Востока. Средняя Азия представляла собой территорию, через которую достижения древневосточных цивилизаций проникали в евразийские степи и далее в лесостепи и леса Урала и Сибири. Однако рассказ о моих взаимоотношениях с кафедрой закончу на оптимистической ноте. В настоящее время принято решение о восстановлении в ее учебном плане курса «Археология Средней Азии», который мне вновь предложили читать. Надеюсь, что это событие станет первым шагом в восстановлении той существенной роли, которую играла в СССР / России

г. Пушкин. Раскопки церкви Святой Великомученицы Екатерины. В. А. Алёкшин и В. А. Завьялов. Август 2006 г.

ленинградская / петербургская школа восточной археологии. Программа курса была составлена мною еще в 2024 г. Жду начала очередного учебного года.

О современном состоянии и тенденциях в развитии археологии, достижениях, проблемах и перспективах…

О. С.: *Как вы оцениваете вклад советской и российской археологии в мировую науку, особенно в контексте изучения Центральной Азии и Ближнего Востока?*

В. А.: Вклад отечественной археологии в мировую науку, безусловно, велик. Так, изучение древностей европейской и азиатской частей России эпохи энеолита, бронзового и железного века установило не только мозаику распространенных здесь степных курганных культур, но и выявило последовательность их развития от возникновения до исчезновения, причем были также исследованы их разнообразные культурные связи не только со своими ближними соседями, но и с обитателями весьма отдаленных регионов. При разработке этой проблематики было сделано немало блестящих открытий (скифские царские курганы, тагарские древности, Пазырыкские курганы, курган Аржан, курган в пади Царам). То же самое можно сказать и об археологическом изучении Кавказа, где были открыты и раскопаны такие блестящие памятники как Майкопский курган, гробницы у станицы Новосвободной, могильник Клады, городище Кармир-Блур. В области раннесредневековой славянской археологии следует отметить раскопки Новгорода, давшие многочисленные берестяные грамоты, бесценный источник для постижения мира средневекового русского человека, а также исследования Рюрикова городища и Старой Ладоги, важные для изучения культуры Северной Руси в эпоху становления ее государственности. Крупнейший вклад внесли отечественные археологи и в исследование древнейшего прошлого Средней Азии, начиная от эпохи неолита (Джейтун), включая энеолит (Кара-депе, Йылгынлы-депе, могильник Пархай II), вплоть до бронзового века (Алтын-депе, Гонур-депе, Сумбарские могильники, могильник Пархай II). Исследования в Средней Азии установили, что в позднем бронзовом веке сюда активно проникало степное пастушеское население. Отечественные ученые активно раскапывали в Средней Азии кушанские (Зартепа) и раннесредневековые (Пенджикент) памятники. Все эти грандиозные открытия были сделаны, как правило, в тех регионах, которые были белыми пятнами на археологической карте страны. Именно поэтому многим экспедициям пришлось пережить трудный период первоначального накопления артефактов. Это время, как правило, характеризовалось жестким графиком раскопок, зачастую в непростых климатических условиях. Последующее введение в научный оборот добытого археологического материала и его анализ, сделанный не менее чем шестью поколениями ученых, позволил отечественной археологии продемонстрировать крупнейшие достижения в деле изучения материальной и духовной культуры древних племен и народов Евразии. К этому следует добавить и разработку отечественными исследователями ряда теоретических положений, ставших частью мировой археологии (понятие культурно-исторической области или блока культур, разработку проблем культурогенеза и концепции очагов культурогенеза).

О. С.: *Какие новые методы и технологии наиболее востребованы в современных археологических исследованиях, как они изменили Вашу работу?*

В. А.: Для обозначения выявленных группировок древностей археологи с начала XX в. стали употреблять термины, составной частью которых было определение «культурный»: культурный тип, культурная провинция, культурная группа или просто «культура», точнее «археологическая культура». Подход к археологии как науке, изучающей древние культуры, в Европе окончательно утвердился во второй половине 1920-х годов, а в нашей стране, в силу ряда обстоятельств, не имеющих прямого отношения к науке, лишь к середине 1970-х годов. Археологическая культура является объединением вещевых комплексов, представляющих собой устойчивые территориальные группировки, существовавшие в определенных хронологических рамках. Суть исследования древней культуры, которое получило название «культурогенез», археологи видят примерно одинаково. Считается, что оно может дать ответ на вопросы, касающиеся причин сменяемости археологических культур, их происхождения и развития, наличия между ними связей. Археологическую культуру можно считать и набором традиций, которые противостоят новшествам, но с течением времени неизбежно вытесняются ими. Конфликт между традициями и инновациями, в конечном счете, приводит к преобладанию последних, следствием чего становится смена культуры. С точки зрения такого подхода к археологическим исследованиям, к которому я окончательно пришел к началу 1990-х годов, в моей работе ничего не изменилось за истекшее время.

Однако уже с начала XX столетия археологи, пытаясь извлечь разнообразные сведения, которые могли предоставить артефакты, обратились к использованию методов, свойственных другим наукам, как гуманитарным, так и естественным. Причем привлечение последних в настоящее время стоит на первом плане. Методы естественных наук действительно произвели революцию

Санкт-Петербург. Международная научная конференция, посвященная 120-летию А. М. Беленицкого, 95-летию В. М. Массона и 100-летию Ю. А. Заднепровского.
Одно из заседаний конференции проводят О. В. Сычева и В. А. Алёкшин.
5 ноября 2024 г.

в объеме и разнообразии, получаемой при исследовании артефактов информации. Ныне к анализу археологической информации привлечены антропологи, палеоботаники, палеозоологи, физики, химики, петрографы, геологи и палеогенетики. Они предоставляют археологам такие данные, о которых последние не могли и мечтать. Благодаря этому спектр археологических изысканий существенно изменился. Появилась возможность детально изучать историю технологий, ремесел и различных производств. Так проявилась специфика археологии как науки. Стремясь выявить всю совокупность сведений о том или ином древнем социуме, она, хотя и не сразу, обрела двойную природу: гуманитарную и естественнонаучную. Но эта же особенность археологии ведет к тому, что во многих своих суждениях, касающихся вопросов хозяйства, ремесел, религиозных верований и общественных отношений, археолог не самостоятелен, он вынужден прибегать к помощи специалистов других отраслей науки, опирается на представленные ими выводы. В сущности, он, синтезируя заключения, полученные в результате применения методов естественных наук, превращается до определенной степени в компилятора. Используя упомянутые методы, археологи, во-первых, ставят себя в зависимость от результатов разработок коллег-естественников, отводя своей науке подсобную подчиненную роль, а, во-вторых, если археологи самостоятельно попытаются выполнить работу за специалистов других наук, то, не без оснований, рискуют получить от последних обвинение в некомпетентности и дилетантизме. Последнее часто случаются, когда археологи внедряются в сферы деятельности гуманитарных наук (лингвистика, история, этнография, мифология, фольклористика). Равным образом, не археолог определяет и абсолютный возраст артефактов и археологических культур, поскольку теоретическое обоснование принципов абсолютного датирования и разработка методов их практического применения в археологии осуществляется физиками. Между тем в решении вопросов культурогенеза археолог полностью самостоятелен, ибо опирается в этих изысканиях на созданные именно им классификации и типологии вещей. Следовательно, с моей точки зрения, изучение древнего культурогенеза является основной задачей специалистов при исследовании археологической культуры.

О. С.*: *Каким вы видите будущее археологии в России, и какую роль в этом будет играть ИИМК РАН?

***В. А.*:** Будущее российской археологии заключается в расширении комплексных проектов, разработка которых подразумевает тесное взаимодействие специалистов различных археологических центров и ученых из естественнонаучной сферы. Речь идет о междисциплинарных исследованиях, причем их бюджетное финансирование должно увеличиваться. Оно может осуществляться как со стороны РАН, так и за счет грантов. Археология как фундаментальная наука не может существовать на самоокупаемости. Она нигде и никогда так не развивалась. В сущности, я говорю о модернизированной схеме финансирования археологии, существовавшей в СССР. Государство не может оставаться равнодушным к проблемам развития науки, которая играет существенную роль в обеспечении культурно-исторической, а, следовательно, и идеологической, в

хорошем смысле этого слова, безопасности страны. ИИМК РАН как один из всероссийских археологических центров, несомненно, должен быть в числе лидеров в этом процессе, так как его коллектив достиг впечатляющих успехов в области изучения палеолита, неолита, энеолита, бронзового и железного века Восточной Европы, Северного Кавказа, Северного Причерноморья, Сибири и Центральной Азии. Эти позиции, несомненно, нужно сохранять и развивать.

О. С.: *Что Вы могли бы посоветовать молодым ученым, которые только начинают свой путь в археологии?*

В. А.: Дерзать. Но для этого нужно иметь основательное базовое образование, ибо только оно дает возможность размышлять, а, следовательно, и выдвигать новые гипотезы, подкрепляя их надежными аргументами. Хорошее образование – это не только усвоение лекционных курсов, но и множество прочитанных после их прослушивания книг, причем не только по теме ваших непосредственных исследований. Если вновь открытые материалы опровергают вашу прежнюю концепцию, признайте этот факт и, корректируя старую точку зрения или даже основательно ее перерабатывая, предложите новые пути решения проблемы. Именно так и развивается наука. Со своим научным руководителем не только консультируйтесь, но и полемизируйте. Эти дискуссии, несомненно, улучшат вашу работу. Вы либо убедитесь в собственной правоте, либо нагляднее увидите свои ошибки и слабые места, которые необходимо исправить. Создание курсовых работ требует, помимо анализа археологических коллекций, досконального знания научной литературы по рассматриваемым вопросам, чтобы не открывать заново уже известные истины. Необходимо осваивать в дополнение к изученному в школе иностранному языку, один, а лучше два других. Применительно к восточной археологии речь идет о немецком, английском и французском языках. Короче говоря, ваша профессиональная карьера (в хорошем смысле этого слова) находится в ваших руках. Стремитесь к тому, чтобы о вас сказали, вот человек, который сделал себя сам.

ЛИТЕРАТУРА

Беленицкий, 1973 — Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента: живопись, скульптура. М.: Искусство, 1973. 68 с., 55 л. ил. (Памятники древнего искусства).

Беленицкий, 2004 — Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. Душанбе: Национальный музей древностей, 2004. 102 с.

Беленицкий и др., 1973 — *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 390 с.

Грязнов, 1950 — *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.

Грязнов, 1956 — *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 160 с. (МИА № 48).

Грязнов, 1979 — *Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее*. Под редакцией М. П. Грязнова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1979. 168 с. (Разделы: введение, пункты раскопок, окуневская, андроновская, карасукская и таштыкская культуры, заключение; раздел афанасьевская культура совместно с М. Н. Комаровой; раздел сарагашенский этап совместно с М. П. Завитухиной и М. Н. Пшеницыной; раздел кыргызское время совместно с Ю. С. Худяковым; приложения совместно с С. С. Миняевым).

Грязнов, 1980 — *Грязнов М. П*. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.

Грязнов, 1999 — *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее / Под ред. М. Н. Пшеницыной. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.

Давыдова, Миняев, 2003 — *Давыдова А. В., Миняев С. С*. Комплекс археологических памятников у с. Дурёны. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 2003. 164 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 5)

Давыдова, Миняев, 2008 — *Давыдова А. В., Миняев С. С*. Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России. СПб.: Гамас, 2008. 120 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 6).

Завьялов, 1994 — *Завьялов В. А.* К вопросу о происхождении статуэтки Будды из Хельго // АВ. 1994. Вып. 4. С. 137–142.

Завьялов, 2005 — *Завьялов В. А.* Подражания и инновации в кушано-сасанидской керамике // Центральная Азия: источники, история, культура. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.) / Отв. ред. Е. В. Антонова, Т. К. Мкртычев. М.: Восточная литература, 2005. С. 340–358.

Завьялов, 2006 — *Завьялов В. А.* Лунный заяц // Записки ИИМК РАН. 2006. № 1. С. 83–93.

Завьялов, 2008 — *Завьялов В. А.* Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок на городище Зартепа). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 296 с. (Archaeologica Varia).

Заднепровский, 1962 — Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.;

Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 328 с. (МИА № 118).

Заднепровский, 1997a — Заднепровский Ю. А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек: Мурас, 1997. 172 с.

Заднепровский, 1997b — Заднепровский Ю. А. Древние номады Центральной Азии (сборник статей). СПб.: ИИМК РАН, 1997. 114 с. (Археологические изыскания. Вып. 40).

Курочкин, 1988 — *Курочкин Г. Н.* Северо-Восточный Иран III–II тыс. н. э.: хронология, эволюция культуры и контакты с соседними регионами: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1988. 19 с.

Курочкин, 1992a — *Курочкин Г. Н.* Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб.: ИИМК РАН, 1992. [на обложке 1993]. 94 с. (Археологические изыскания. Вып. 7).

Курочкин, 1992b — *Курочкин Г. Н.* Скифское искусство звериного стиля и художественные бронзы Луристана // РА. 1992. № 2. С. 102–122.

Курочкин, 1993 — *Курочкин Г. Н.* Археологический поиск арийцев на Древнем Востоке: «царский» могильник Марлик в Северном Иране (вопросы хронологии, культурогенеза и этнической атрибуции // Петербургский археологический вестник. 1993. № 7. С. 25–36.

Липин, Белов, 1956 — *Липин Л. А., Белов А. М.* Глиняные книги / Ред. и предисл. В. В. Струве. Изд. 2-е, доп. и испр. Л.: Детгиз, 1956. 352 с.

Мандельштам, 1966 — *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.; Л.: Наука, 1966. 232 с. (Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Т. V; МИА № 136).

Мандельштам, 1968 — *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.: Наука, 1968. 184 с. (Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Т. VI; МИА № 145).

Мандельштам, 1972 — *Мандельштам А. М.* История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: Автореф. дис. …д-ра ист. наук. М.; Л., 1972. 52 с.

Мандельштам, 1975 — *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975. 228 с. (Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Т. VII).

Массон, 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 216 с. (МИА № 73).

Массон, 1964 — *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 468 с.

Массон, 1971 — *Массон В. М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л.: Наука, 1971. 208 с. (МИА № 180).

Массон, 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л.: Наука, 1981. 176 с. (Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII).

Массон, 1982 — *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР / Отв. ред. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М.: Наука, 1982. С. 10–92.

Массон, 1989 — *Массон В. М.* 1989. Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989. 275 с.

Массон, 2006 — *Массон В. М.* Культурогенез древней Центральной Азии / Под ред. Л. Б. Кирчо. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 384 с.

Миняев, 1983 — *Миняев С. С.* Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири / Отв. ред. Ю. В. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1983. С. 47–84.

Миняев, 1998 — *Миняев С. С.* Дырестуйский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 233 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 3).

Миняев, Сахаровская, 2007 — *Миняев С. С., Сахаровская Л. М.* Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. 2007. № 1. С. 159–166.

Монгайт, 1955 — *Монгайт А. Л.* Археология в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 436 с.

По следам древних культур, 1951 — *По следам древних культур* / Ред. Г. Б. Федоров. М.: Госкультпросветиздат, 1951. 272 с.

По следам древних культур, 1954 — *По следам древних культур*. От Волги до Тихого океана / Ред. и сост. Г. Б. Федоров. М.: Госкультпросветиздат, 1954. 336 с.

Хлопин, 1983 — *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы (по материалам Сумбарских могильников). Л.: Наука, 1983. 244 с.

Хлопин, 1997 — *Хлопин И. Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Европейский Дом, 1997. 302 с. (Труды ЮТАКЭ. Т. XX).

Хлопин, 2002 — *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 336 с. (Труды ЮТАКЭ. Т. XXI).

Belenitsky, 1968 — *Belenitsky A.* Zentralasien. Geneva: Nagel Verlag, 1968. 252 s. (Archaeologia Mundi).

Grjasnov, 1970 — *Grjasnov M. P.* Südsibirien. Gent: Nagel Verlag, 1970. 264 s. (Archaeologia Mundi).

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МУХАММЕДА АННАЕВИЧА МАМЕДОВА

8 сентября 2026 г. отмечает свой 70-летний юбилей историк архитектуры, специалист по архитектуре и археологии эпохи бронзы, античности и средневековья, соруководитель Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедиции Мухаммед Аннаевич Мамедов. Весь коллектив Маргианской экспедиции поздравляет юбиляра с этой замечательной датой!

Мухаммед Аннаевич связан с Маргианской экспедицией многие десятилетия. Благодаря именно его позиции в непростые 1990-е годы Виктору Ивановичу Сарианиди удалось продолжать раскопки, несмотря на все сложности трансформаций, которые переживал Туркменистан, став независимым государством.

М. А. Мамедов родился в г. Чарджоу (ныне Туркменабат). Его отец — Аннадурды Мамедов (1923–1974) преподавал в Чарджоуском педагогическом институте, но уже в 1957 году вернулся с семьей в родной Ашхабад и до конца своих дней работал в Ашхабадском педагогическом училище, которое ныне носит имя Амана Кекилова. Он вел курсы педагогики и психологии, принимал участие в разработке методических указаний по повышению качества обучения в средних школах, проводил исследования по проблемам эстетического воспитания. Отец увлекался поэзией и сам сочинял стихи для души, читая их родным и друзьям.

В 1975 г. Мухаммед Аннаевич окончил живописно-педагогическое отделение ашхабадского Художественного училища им. Шота Руставели, где его любимыми занятиями были акварельная живопись и черчение. Преподавателями там были известные специалисты, поддержавшие интерес студента к истории искусства и архитектуры. Поэтому в 1980 г. юноша поступает на кафедру «Архитектура» Архитектурно-строительного факультета Туркменского политехнического института. Получив квалификацию архитектора, с 1980 по 1985 гг. по распределению он работал в Туркменской проектной мастерской института «Казгипроторг». Там его работы обратили на себя внимание, и он достаточно быстро был назначен начальником архитектурно-строительного отдела. Тогда же Мухаммед увлекся архитектурными памятниками, и его стали часто приглашать для участия в дискуссиях с архитекторами-реставраторами, для обсуждения проектов реставрации исторических зданий. Это сыграло свою роль, и в 1985 г. он был приглашен на работу в систему Министерства культуры Туркменистана, в Государственную инспекцию по охране памятников истории и культуры и изобразительного искусства (ГИОП) и через два года назначен на должность начальника этой инспекции. Это назначение определило судьбу Мухамеда Аннаевича на все последующие годы.

По долгу службы и по велению сердца, желая иметь максимально возможные представления о формах охраны исторического наследия, М. А. Мамедов начинает сотрудничать с ведущими историками, археологами, реставраторами из разных стран, трудившимися в Туркменистане. Уже в 1986 г. он много внимания уделяет только что созданному Государственному историко-культурному заповеднику «Куняургенч», любовь к которому сохраняется до сих пор. Используя все доступные источники научной и финансовой поддержки, он прикладывает немало сил для реставрации и сохранения памятников, как в этом туркменском заповеднике, так и в других, в том числе созданных при его непосредственном участии. Например, в 1986 г. совместно с известным археологом и открывателем многих археологических памятников Туркменистана А. Ф. Ганялиным он совершил поездку от Ашха-

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-37-41

Мухаммед Аннаевич Мамедов.

бада до берегов Амударьи по основным памятникам этой зоны с целью их инвентаризации. Свой первый реставрационный проект, нацеленный на консервацию и частичное восстановление так называемой малой башни Башнеобразного сооружения Старой Нисы в Ахалском велаяте, он разрабатывает совместно с доктором исторических наук В. Н. Пилипко. Благодаря рекомендации академика Егена Атгаррыева, Мухаммеду Аннаевичу удалось познакомиться с проблемами изучения и сохранения историко-культурного наследия, найти пути их решения и пройти стажировку у академика В. Л. Янина во время его полевых работ в Новгороде. Во многом опираясь на эти базовые положения, М. А. Мамедов готовит предложения по созданию Государственного историко-культурного заповедника «Древний Мерв», а затем и других подобных заповедных комплексов в Туркменистане.

Благодаря личным усилиям Мухаммеда Аннаевича, в Туркменистане с 1985 по 1993 гг. создана четко организованная система государственных историко-культурных заповедников со своими штатами инспекторов, археологов и мастеров-реставраторов, которые при очень скромном бюджетном финансировании умудряются по сей день делать все возможное для сохранения, консервации и реставрации уникальных исторических зданий. Это целые археологические парки «Древний Дехистан», «Геокдепинская крепость», «Абиверд», «Старый Серахс», «Керки».

Нельзя не подчеркнуть, что по его инициативе и не в малой степени при его содействии, усилиями заместителя директора Музея изобразительных искусств Туркменистана Дж. С. Карановой в этом музее был создан зал древнего искусства. Его экспозиция содержит артефакты эпохи энеолита из Йылгынлы-депе, эпохи бронзы из Алтын-депе и Гонур-депе (включая замечательные полихромные мозаичные композиции с элементами живописи), фрагменты античной скульптуры и живописи из Нисы, а также находки произведений искусства парфяно-сасанидского периода из городища Меле-Хейран в Серахском оазисе и средневекового Данданакана. Особое место в этом зале занимает реконструкция остатков мозаичного изображения двух драконов, украшавшего портал поминальной мечети Джамал-ад-Дина в Анау, построенной в середине XV в. и рухнувшей во время ашхабадского землетрясения 1948 г. Это изображение стало темой отдельного исследования М. А. Мамедова и вошло в две его книги.

В 1986 г. судьба свела Мухаммеда Аннаевича с такими знатоками археологии не только Туркменистана, но и всей Средней Азии и Среднего Востока, как В. И. Сарианиди, В. М. Массон и Оливье Леконт. Их творческое сотрудничество продолжалось несколько десятилетий и неимоверно

М. А. Мамедов и В.И. Сарианиди. г. Ашхабад. 1 февраля 2006 г. Фото Х. Магадова.

расширило научные представления о древней истории этой части Евразии.

Кроме административной работы, М. А. Мамедов уделяет время и научным изысканиям. В 1988 г. под научным руководством В. И. Сарианиди он оформляется соискателем в Институт истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР и начинает подготовку кандидатской диссертации по теме «Памятники эпохи бронзы и раннего железа Бактрии и Маргианы». Обсуждение диссертации состоялось в Москве, в Институте археологии АН СССР, а защита в 1992 г. успешно прошла в Алма-Ате, в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН Казахстана. Особым моментом в защите явился отзыв крупнейшего знатока древней архитектуры региона академика Г. А. Пугаченковой, в котором она дала высокую оценку обсуждаемой диссертации и пожелала ее автору дальнейших успехов в науке.

В этом исследовании М. А. Мамедов обобщил имеющиеся данные по монументальной архитектуре Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) и дал оценку этому феномену с точки зрения историка архитектуры. Продолжая развитие этой проблематики на широком сравнительном фоне, в 2021 г. в Академии наук Туркменистана он не менее успешно защитил диссертацию «Преемственность строительно-художественных традиций в архитектуре Южного Туркменистана» на соискание ученой степени доктора архитектуры. Для лучшего понимания древней строительной практики, а также разработки проектов консервации памятников М. А. Мамедов использует методы архитек-

М. А. Мамедов, К. Гандымов и В. И. Сарианиди. г. Мары, на закрытии Международной конференции. 16 ноября 2006 г.

М. А. Мамедов с французскими коллегами в научной лаборатории Французской археологической миссии на Улуг-депе. Фото Ж.-П. Луазона.

турной археологии. Он автор более 100 научных публикаций, в том числе 20 книг и брошюр. В его монографиях определены реальные масштабы и степень влияния архитектуры соседних историко-культурных регионов в древности (Месопотамия, Хараппа), в античный период (греко-римский мир) и средневековье (Хорезм, Мавераннахр, Азербайджан) на развитие строительного искусства Северного Хорасана (на примере памятников Южного Туркменистана) и выявлены те элементы, которые тысячелетиями преемственно сохранялись в местной архитектуре.

Летом 1994 г. Постановлением Президента страны в ведении Министерства культуры было создано Национальное управление по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры, в котором М. А. Мамедов был назначен заместителем руководителя. В 1997 г. Мухаммед Аннаевич занял пост руководителя этого управления, который занимает и в настоящее время. Он координирует и налаживает работы иностранных археологических экспедиций начиная с 1991 г. Эту часть его работы сотрудники Маргианской экспедиции постоянно ощущают на себе. Мудрые советы руководителя, постоянное внимание и помощь в решении сложных вопросов во многом являются залогом успехов в работе экспедиции.

М. А. Мамедов инициировал и разработал ряд документов, направленных на усовершенствование национального законодательства в сфере охраны и изучения памятников. В 2014 г. избран профессором Международной академии архитектуры (отделение в Москве), с 2024 г. – член Международного научного совета научного журнала «Parthica» (Италия). При его непосредственном участии был разработан и в 2012 г. принят новый Закон Туркменистана «Об охране объектов национального историко-культурного наследия», а также утвержденный главой государства «Порядок организации охранных зон исторических, археологических, градостроительных, архитектурных и монументальных художественных памятников, объектов природного ландшафта», разработанный в соответствии с Законом Туркменистана «О культуре» и устанавливающий правила создания и режим содержания особо охраняемых территорий. С 2023 г. по его инициативе и под его редакцией в Ашхабаде издается научный ежегодник «Следы веков», в котором публикуются, помимо статей историков и этнографов, предварительные отчеты археологических экспедиций, работающих в Туркменистане.

Кроме административных забот и научных исследований Мухаммед Аннаевич большое внимание уделяет и преподавательской деятельности, которой он начал заниматься еще в молодые годы. В 1994 г. вместе с К. Бекмурадовым, первым ректором только что созданной Государственной академии художеств Туркменистана, он разраба-

тывает учебную программу по специальности «Реставрация архитектурного наследия» для профильной кафедры, инициатором создания которой был сам Мамедов. Он же осуществил тогда подбор преподавателей и прием студентов. С тех пор преподавательская деятельность является неотъемлемой частью его жизни. За прошедшие годы он воспитал уже несколько поколений специалистов, многие из которых ныне успешно трудятся и под его началом, и самостоятельно, а иные сами стали руководителями различных организаций в сфере культуры.

Вклад Мухаммеда Аннаевича в дело сохранения и изучения историко-культурных памятников был отмечен государственными наградами: в 2011 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель культуры Туркменистана», а в 2020 г. он награжден медалью «Гайрат». Коллеги-зодчие также оценили его деятельность: с 1991 г. он является постоянным членом правления Союза архитекторов Туркменистана.

Поздравляя Мухаммеда Аннаевича со славным 70-летним юбилеем, мы желаем ему новых больших творческих успехов на всех направлениях его многогранной деятельности и надеемся, что наше научное сотрудничество будет продолжаться!

Редколлегия

ТАДЖИКИСТАН В СУДЬБЕ НАДЕЖДЫ АНАТОЛЬЕВНЫ ДУБОВОЙ

Т. Г. Филимонова
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

С Надеждой Анатольевной мы могли бы познакомиться в далеком 1970 г., когда на раскопках городища Бунджикат – столицы Уструшаны встретились две группы студентов. Одна группа, проходившая археологическую практику, была из Таджикского государственного университета, в числе которой была и автор этой статьи. Во второй группе антропологического отряда Среднеазиатской экспедиции МГУ под руководством С. П. Полякова находилась Н. А. Дубова. Поляков ненадолго завез студентов на памятник по пути к основному месту работы экспедиции – Калаи Сар. Поскольку общение было коротким, мы естественно друг друга не запомнили. Встретились мимоходом и разошлись почти на 40 с лишним лет.

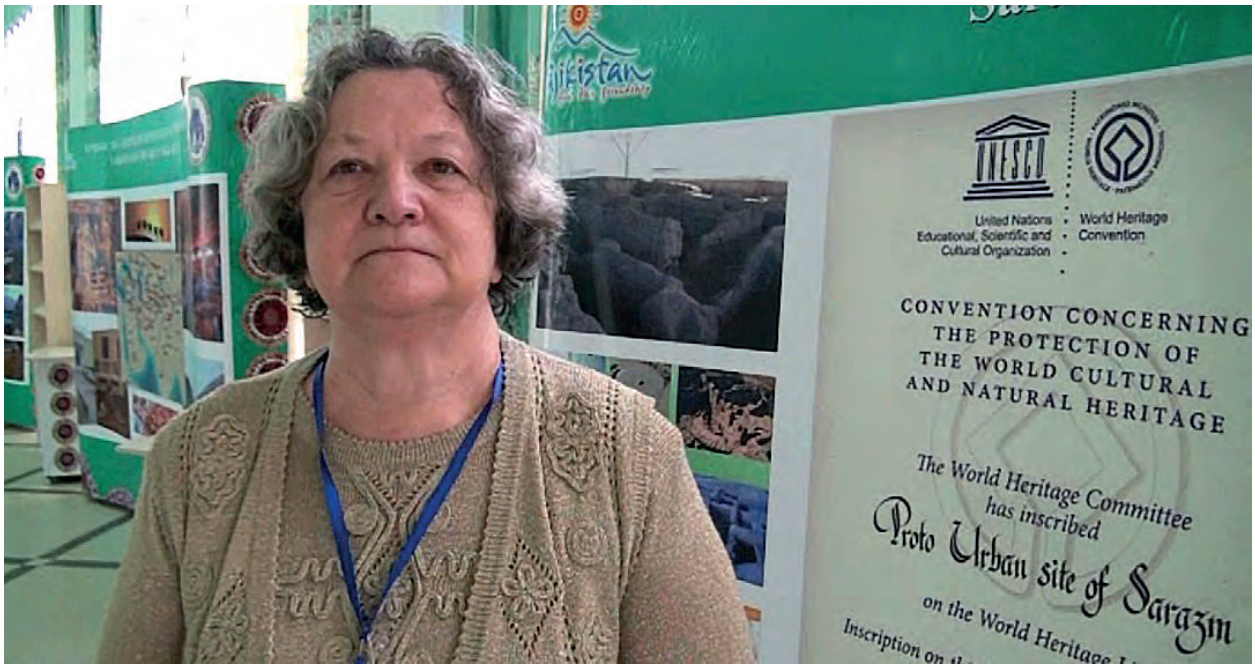
Получается, что Таджикистан присутствовал в научной карьере Надежды Анатольевны с самого начала. И это было не случайно. На выбор темы, несомненно, повлияли лекции С. П. Полякова, которые он читал студентам кафедры антропологии МГУ. Сам Сергей Петрович, долгие годы связанный с исследованиями в Таджикистане, в общем объеме лекций по народам мира, мог акцентировать слушателей на близкую ему тему. На Калаи Саре Надежда Анатольевна собирала материал для своей дипломной работы по антропологии современного населения Северного Таджикистана. Дипломная работа была успешно защищена и кратко опубликована (*Дубова*, 1976a). Потом было еще несколько экспедиций. Эти материалы вскоре были оформлены в серию статей, обосновывающих на достаточно высоком научном уровне полученные результаты и выводы, раскрывающие характеристику современного населения этого региона (*Дубова*, 1976b; *Дубова, Пестряков*, 1975).

В 1977 г. Отделом антропологии Института этнографии АН СССР было начато изучение коренного населения Западного Памира. Руководителем Памирского антропологического отряда была назначена Надежда Анатольевна. Сотрудниками отряда Г. В. Рыкушиной, С. В. Моспаном, Е. Ф. Губенко, Е. Г. Стрельченко и Г. В. Денисовым среди 1030 шугнанцев, проживающих в долине р. Шахдара был проведен сбор сведений по генеалогии, кругу брачных связей, среднему числу детей в семье. Также были получены антропологические данные по кефалометрии, одонтологии, дерматоглифике и другим системам признаков (*Дубова*, 1980).

В этом плане, пожалуй, самой интересной для Таджикистана является статья Н. А. Дубовой о формировании памиро-ферганской расы (*Дубова*, 1978). Она актуальна и сегодня, поскольку касается многих спорных вопросов этой проблемы. Для получения сравнительных материалов Н. А. Дубовой были проведены экспедиции в Южный Таджикистан. В селениях Пушинг, Ховалинг и Гарм она продолжила сбор данных по антропологии таджиков (*Дубова,* 1978). В результате многократных поездок в Таджикистан, Узбекистан, Киргизию и Туркмению и изучения всех собранных данных, была написана и защищена кандидатская диссертация «Антропологический состав таджиков Северного Таджикистана» (1978; научный руководитель В. П. Алексеев, консультант С. П. Поляков), которая в переработанном виде позднее была опубликована в виде монографии (*Дубова*, 1996). Так что можно считать, что Таджикистан стал ее отправной точкой в науке.

Волею судьбы к работам в Таджикистане Н. А. Дубова вернулась только через много лет, когда в 2008 г. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша (ИИАЭ) АН Таджикистана (ныне Национальная академия наук Таджикистана – НАНТ) под руководством академика Р. М. Масова начал разрабатывать тему этногенеза тад-

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-42-52

Н.А. Дубова на Международной конференции «Археология, материальная культура и искусство долины реки Зеравшан и сопредельных территорий». Таджикистан, г. Пенджикент, 18 июля 2024 г.

жикского народа. Ранее в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана все антропологические исследования вела Т. П. Кияткина, но в 90-х гг. прошлого века она уехала в Россию. Одна из участников данной работы археолог Н. М. Виноградова рекомендовала пригласить для подготовки раздела по антропологии таджиков Дубову. Тогда и состоялась наша вторая (а по воспоминаниям и первая) встреча с установлением уже прочных и долговременных связей и совместных работ. Надежда Анатольевна с удовольствием согласилась участвовать в проекте и постаралась обобщить накопленные за прошедшие десятилетия сведения. Правда, публикация этого фундаментального труда несколько затянулась (*Дубова*, 2021).

Благодаря тому, что Н. А. Дубова стала вновь достаточно регулярно приезжать в Таджикистан для изучения получаемого археологами палеоантропологического материала, она включалась в исследования и по другим проектам. Так, в 2012 г. Бальджуванским археологическим отрядом ИИАиЭ НАНТ под руководством автора этой статьи были начаты раскопки средневекового могильника Шохидон у селения Сари-Хосор. Раскопки могильника без антрополога – абсолютно безнадежное дело. Поэтому было решено обратиться к Н. А. Дубовой. Она согласилась и на следующий

Таджикистан, Шахристанский район. Калаи Сар, 1970 г. Слева направо: В. В. Жуков, Н. А. Дубова, П. Пулатов.

Сотрудники Бальджуванской экспедиции: (слева направо) Р. М. Сатаев, Н. Валиев, М. Ахметзянов, Ш. Ахадов, Н. А. Дубова, Т. Г. Филимонова, Г. Туракулова, Т. Бостанова, В. В. Куфтерин, Л. В. Сатаева, Ш. Нарзуллоев. Балджуванский район Таджикистана, с. Сари-Хосор. 10.08.2013 г.

год приехала не одна, а с внушительным десантом своих коллег и учеников.

С ее помощью к работе над могильником приступила комплексная «бригада» многопрофильных специалистов: антрополог к.б.н. (ныне доктор наук) В. В. Куфтерин, археозоолог к.б.н. Р. М. Сатаев, археоботаник к.б.н. Л. В. Сатаева (ИЭА РАН, Москва; БГАУ, Уфа). Работы, продолжавшиеся в 2014–2015 гг., принесли очень интересные результаты. Проведенный полный палеоантропологический анализ полученной коллекции показал наибольшее тяготение погребенных к двум сборным сериям тюркских кочевников Восточного Казахстана VII–XII вв. и Тянь-Шаня VI–VIII вв., а также «эфталитским» черепам из урочища Кюкальды (Алайский хребет). Так были получены конкретные свидетельства проникновения первой волны кочевых племен раннего средневековья не просто далеко на юг Средней Азии, а в горные районы, куда, как правило, степняки не заходили, оседая в предгорьях (*Дубова и др.*, 2019; *Филимонова и др.*, 2019).

Но антропологическими исследованиями дело не ограничилось. Надежда Анатольевна –

На раскопе могильника Шохидон: (слева направо) Т. Бостанова, Н. А. Дубова, Т. Г. Филимонова и ребята из селения Сари-Хосор. Балджуванский район Таджикистана, с. Сари-Хосор. 10.08.2013 г.

Н. А. Дубова с жительницами селения Сари-Хосор во время опроса. 16.08.2014 г.

Кладбище г. Душанбе. М. Г. Никифоров у могилы известного советского и российского этнографа и востоковеда М. С. Андреева, восстановленной силами Посольства РФ в Таджикистане и 201 военной базы РФ в Таджикистане. 13.08.2022 г.

Н. А. Дубова в Историко-краеведческом музее г. Исфара. 14.07.2023 г.

человек многоплановых интересов, в данном случае не забыла она и близкую ей по духу этнографию. Параллельно с раскопками могильника были проведены опросы жителей близлежащего селения Сари-Хосор о современных формах ведения сельского хозяйства, о главных и второстепенных возделываемых культурах и использовании природных ресурсов. Но это было только начало, в последующие годы исследования подобного характера значительно расширились

территориально. В рамках проекта «Биологическая и социальная адаптация древнего и средневекового населения Южных районов Средней Азии к среде обитания» (грант Российского фонда фундаментальных исследований – РФФИ), на юге Таджикистана были обследованы еще четыре района, охватывающие различные природные зоны, от пустынь до высокогорья. Посредством наблюдений и опросов Н. А. Дубовой, Р. М. Сатаевым, Л. В. Сатаевой и А. Н. Ямсковым были получены данные об особенностях традиционных форм эксплуатации растительных ресурсов, собрана этно-ботаническая коллекция образцов древесины, плодов и семян, используемых местным населением (*Дубова и др.*, 2020a; *Dubova et al.*, 2022).

Энергия и увлеченность Надежды Анатольевны всегда привлекала к ней молодежь – многочисленных коллег и учеников. С одним из них, научным сотрудником Государственного Астрономического института МГУ им. М. В. Ломоносова М. Г. Никифоровым, с привлечением стажера из ИИАиЭ НАНТ М. Н. Наврузбекова, она осуществила еще один этнографический проект «Реликты астрономических традиций в культуре древних земледельцев Средней Азии по этнографическим данным». В Таджикистане, Кыргызстане, частично в Узбекистане и Туркменистане были проведены работы с целью выявления степени сохранности реликтовых знаний населения о звездах, созвездиях и астеризмах, об их возможном использовании современными жителями для определения дат начала и окончания праздничных дней и сельскохозяйственных работ. Предварительные результаты этих исследований были представлены Н. А. Дубовой на XV Конгрессе антропологов и этнологов России, проходившем в 2023 г. в г. Санкт-Петербурге (*Дубова и др.*, 2025).

Востребованность в Надежде Анатольевне в Таджикистане стала обширной, она была привлечена к различным исследованиям. К одному такому направлению относятся работы, проведенные в зоне будущего водохранилища Рогунской ГЭС[1]. В ходе подготовки затопления чаши водохранилища осуществлялись различные мероприятия, в том числе, и перенос кладбищ. С Дирекцией зоны затопления Рогунской ГЭС был заключен договор по выполнению археолого-антропологических исследований возле старинного селения Сичарог, для выполнения которого были привлечены Н. А. Дубова, В. В. Куфтерин, А. И. Нечвалода, М. Г. Никифоров (ИЭА РАН, Москва, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, МГЛУ, Москва), сотрудники отдела археологии ИИАиЭ НАНТ Т. Г. Филимонова, А. Шарипов, М. Н. Наврузбеков и в то время сотрудник Кемеровского государственного университета А. В. Фрибус. Это была редкая возможность краниологического изучения антропологических материалов современного периода истории. Были получены первые материалы Нового времени с территории Центрального Таджикистана, восполняющие имеющиеся пробелы в краниологии близкого к современности населения Средней Азии, Каратегина в частности. В составе этого населения были определены, по меньшей мере, два антропологических варианта: один крайне грацильный с относительно более длинным черепом, высоким и узким лицом и высокими округлыми орбитами и второй – более массивный, с меньшей длиной черепа, с несколько более низким лицом, но столь же высокими орбитами. Эти два варианта характеризуют и современное население Нижнего Каратегина (*Куфтерин, Дубова*, 2019; *Куфтерин и др.*, 2018; *Филимонова и др.*, 2022; *Дубова и др.*, 2020b). По результатам археолого-антропологических работ коллективом авторов была написана интересная книга об истории Каратегинского региона, его историко-археологических памятниках, этапах его заселения, внешней и внутренней миграции, типах погребальных сооружений, а также о результатах краниологических, краниоскопических, остеологических, палеопатологических исследований. А. И. Нечвалода осуществил графическую антропологическую реконструкцию внешнего облика людей, захороненных на кладбище рядом с селением Сичарог, лица которых мало чем отличаются от современного местного населения (*Филимонова и др.*, 2018).

Затем последовали и другие экспедиции. Большим вкладом в археологию Таджикистана стали антропологические исследования материалов, полученных во время раскопок могильника эпохи бронзы Фархор, проводившихся совместной Таджикско-Итальяно-Российской экспедицией. Т. П. Кияткиной (2014), А. И. Нечвалодой (2015) и Н. А. Дубовой (2016) были изучены останки 48 человек, представляющие, по их мнению, одну палеопопуляцию, характеризующуюся бесспорно европеоидным обликом. Внутри этой группы половозрастная дифференциация следующая: 15 мужчин, 19 женщин, 11 детей (останки трех человек определению не подлежали) (*Дубова*, 2020; *Бобомуллоев и др.*, 2023). Могильник, конечно, раскопан не полностью, но обратило на себя внимание значительное число захороненных детей (*Дубова и др.*, 2020c.).

Поскольку в последние годы Надежда Анатольевна была прочно связана с исследованиями на Гонур-депе (Юго-Восточный Туркменистан), ее, конечно, очень интересовали антропологические находки эпохи бронзы в Таджикистане. Поэтому были проведены небольшие раскопки нескольких погребений, находящихся в песчаном основании террасы, на которой через тыся-

[1] Плотина Рогунской ГЭС после завершения строительства будет самой высокой в мире (335 м).

Н. А. Дубова и М. Н. Наврузбеков во время работ у селения Сичарог в зоне затопления водохранилища Рогунской ГЭС. 21.08.2017 г.

Во время работ у селения Сичарог в зоне затопления водохранилища Рогунской ГЭС: (слева направо) В. В. Куфтерин, представитель санэпидемстанции, М. Н. Наврузбеков. 21.08.2017 г.

Фархорская экспедиция: (слева направо) Дж. Ломбардо (Национальный музей восточного искусства, Рим), Н. М. Виноградова (Институт востоковедения РАН, Москва), Н. А. Дубова (Институт этнологии и антропологии им Н. Н. Миклухо-Маклая РАН), Т. А. Шапошникова (Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург). Райцентр Фархор, Таджикистан. Октябрь, 2018 г.

Н. А. Дубова за работой в Историко-краеведческом музее района Фархор. 08.02.2015 г.

челетия был возведен дворец правителя Хутталя X–XII вв. в Хульбуке. Впервые погребения были вскрыты Ю. Якубовым в 2003 г. в стратиграфической траншее при раскопках дворца, но из-за отсутствия специалиста-антрополога, захоронения были законсервированы. В 2018 г. было решено снова вскрыть захоронения для уточнения конструкции погребений и антропологического изучения останков погребенных. Надежда Анатольевна установила, что погребенные индивиды характеризуются грацильностью. В целом она констатировала, что они являются типичными представителями населения эпохи бронзы Южного Таджикистана, но, к сожалению, разрушенные части лица не дают возможности сопоставить их с имеющимися в литературе данными по другим популяциям Средней Азии. Аналогичное заключение Н. А. Дубова дала и еще для одного раскопанного погребения, обнаруженного в ходе поисковых работ в долине р. Вахш (*Филимонова, Дубова*, 2021; 2023). Эти заключения об антропологической однородности населения важны для понимания путей сложения культуры эпохи поздней бронзы на юге Таджикистана и, в какой-то мере, подтверждают выводы о тесных контактах и культурной трансформации мигрировавших на эти территории земледельческих и скотоводческих сообществ на основе чего складывается особый археологический комплекс.

Пришлось Надежде Анатольевне вернуться к своим истокам, если не совсем в Северный Таджикистан, то в пограничную ему долину р. Зеравшан. В рамках проекта Российского научного фонда «Комплексное междисциплинарное изучение систем жизнеобеспечения древнего и современного населения Таджикистана» с группой сотрудников Центра антропоэкологии ИЭА РАН В. В. Куфтериным, Т. А. Сюткиной, при участии стажера М. Н. Наврузбекова, Н. А. Дубова осуществила разноплановые изыскания. Естественно,

Н. А. Дубова и Т. Г. Филимонова на раскопках в Хульбуке. 20.07.2018 г.

первое с чего она начала – это изучение скелетных останков из могильника эпохи бронзы Мустафотепа, расположенного недалеко от известного поселения Саразм. К сожалению, погребения оказались потревоженными, а кости сильно поврежденными, что позволило сделать только самые общие выводы. Поскольку эти работы фактически не состоялись, исследования были перенесены на безымянный могильник у городища Санджаршах (недалеко от Пенджикента, раскопки Ш. Ф. Курбанова) и на склеп у селения Искодар (верховья р. Зеравшан), в камере которого содержались скелетированные и частично мумифицированные останки нескольких погребенных (*Дубова и др.*, 2020b. С. 134; *Куфтерин и др.*, 2023. С. 241–242, 244).

После окончания полевых работ, исследовательская группа приступила к изучению палеоантропологических материалов, хранящихся на Пенджикентско-Саразмской базе. Было исследовано несколько черепов из наусов Пенджикента (*Куфтерин и др.*, 2022; *Куфтерин и др.*, 2023. С. 241–242) и впервые был изучен зооархеологический материал, представлявший собой кухонно-бытовые отходы. По ним было установлено, что основным источником мяса у жителей средневекового Пенджикента был мелкий рогатый скот. Кроме того, в ходе полевых исследований были изучены особенности придомного животноводства у современного населения, оценен состав стада, содержащегося в хозяйствах, характер пастбищ и формы заготовки кормов (*Дубова и др.*, 2020b. С. 134–135).

В Таджикистане Надежда Анатольевна при поддержке гранта Российского научного фонда приняла участие еще в одной программе: «*Crania Turanica:* античное и раннесредневековое население Средней Азии по данным физической антропологии» (руководитель В. В. Куфтерин). В рамках этой программы основные исследования проводились в фондах ИИАиЭ НАНТ. Исследовались палеоантропологические материалы различных эпох из разных районов Таджикистана.

Была изучена краниологическая коллекция из раскопок Куркатских склепов и городища Ширин (II–VII и IX–X вв.). Это уникальный объект из вырубленных в склоне скалы склепов, в которых было обнаружено несколько сотен черепов и предметов материальной культуры. По мере раскопок, проведенных А. Мирбабаевым в 80-х годах XX в., коллекцию начала обрабатывать еще Т. П. Кияткина, но она не довела эту работу до публикации. В связи с этим все доступные черепа были вновь изучены по краниометрической и краниоскопической программам. Черепа из городища Ширин были использованы для создания 53 3-D моделей, которые в дальнейшем планируется использовать для изучения искусственной деформации черепов (*Куфтерин и др.,* 2023. С. 242–243).

Н. А. Дубова за разбором материалов из наусов Пенджикента. 23.09.2025 г.

По возможно полной краниометрической программе были изучены восемь черепов из могильника кушанского времени Ксиров. С точки зрения авторов исследования, они были интересны тем, что, скорее всего, представляют юэчжей, сведениями о которых за исключением единичных материалов из Тиллятепе, мы не располагаем. Но тщательный анализ показал, что данные позволяют видеть в захороненных в Ксирове не столько собственно загадочных юэчжей или кушан, сколько потомков выходцев из сако-усуньской среды, вероятно, смешивавшихся с местным населением и принявших в составе кочевого юэчжийско-тохарского союза участие в создании Кушанского царства (*Куфтерин, Дубова*, 2022a; 2022b).

Присутствие же именно юэчжей на юге Таджикистана было подтверждено изучением случайно обнаруженного захоронения в хуме на окраине г. Курган-Тюбе. Дело в том, что специфическая деформация черепа, не характерная для местного населения Северной Бактрии, предполагает, что индивид является одним из представителей юэчжийских племен (*Филимонова, Дубова*, 2023. С. 102).

Были изучены антропологические материалы, полученные при раскопках могильника

М. Н. Наврузбеков и Н. А. Дубова за работой
в с. Искодар Айнинского района. 11.07.2025 г.

эпохи бронзы Кангурттут 2. Их разбор показал крайнюю степень разрушения, в результате чего не было возможности составить представление ни о физическом развитии, ни об особенностях строения лицевого скелета захороненных. Также группой Н. А. Дубовой проведены работы с материалами, хранящимися в фондах Историко-культурного заповедника «Гиссар». Были описаны и изучены два скелета из могильника Тупхона (IX–X вв.) и Аскархона (I–II вв.).

На данное время заключительным аккордом исследований Надежды Анатольевны в Таджикистане является участие в раскопках экспедицией Национального музея Таджикистана средневекового склепа у селения Искодар Айнинского района Согдийской области, который она ранее уже посещала. Уникальность полученного материала заключается в том, что это впервые зафиксированные в археологической практике Средней Азии мумифицированные тела. До проведения специальных анализов остался открытым вопрос об искусственной или естественной природе этого явления.

Как мы видим из этого внушительно перечня работ, проведенных Надеждой Анатольевной, ее вклад в историческую науку Таджикистана огромен. И вот что еще хотелось бы особо отметить в заключение. При ее активной поддержке была создана коллективная монография «Таджики» – очередной том в серии «Народы и культуры», реализуемой ИЭА РАН, начиная с 1992 г. Эта книга объемом свыше тысячи станиц, в которой она была одним из главных редакторов, включает статьи российских и таджикских ученых, посвященные фундаментальному обобщению исторических, этнографических, демографических и антрополо-

Н. А. Дубова во время
празднования Навруза
в Таджикистане.
г. Пенджикент,
март, 2019 г.

гических материалов о таджикском народе в древности и на современном этапе (*Таджики*, 2021).

ЛИТЕРАТУРА

Бобомуллоев и др., 2023 — *Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Дубова Н. А., Ломбардо Дж., Бобомуллоев Б.* Археологические исследования на могильнике эпохи ранней и средней бронзы Фархор в Южном Таджикистане осенью 2018 г. // АРТ. Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии АН РТ, 2023. Вып.43. С. 55–66.

Дубова, 1976a — *Дубова Н. А.* Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана // ВА. 1976. Вып. 52. С. 169–185.

Дубова, 1976b — *Дубова Н. А.* Распределение антропометрических признаков в Северном Таджикистане // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира / Ред.: А. А. Зубов, П. И. Пучков, Г. В. Рыкушина; М.: ИЭ АН СССР, 1976. С. 175–187.

Дубова, 1978 — *Дубова Н. А.* К проблеме формирования памиро-ферганской расы // СЭ. 1978. № 4. С. 34–45.

Дубова, 1980 — *Дубова Н. А.* Новые антропологические исследования на Памире // Полевые исследования института этнографии 1978. М.: Наука, 1980. С. 207–211.

Дубова, 1996 — *Дубова Н. А.*. Формирование антропологического состава населения Северного Таджикистана. М.: Старый сад, 1996. 248 с.

Дубова, 2020 — *Дубова Н. А.* Антропологическая характеристика материала из раскопок могильника Фархор (Пархар). Предварительные итоги // Виноградова Н. М., Бобомуллоев С. Могильник Фархор – памятник эпохи ранней и средней бронзы в Южном Таджикистане. М.: ИВ РАН, 2020. С. 216–264.

Дубова, 2021 — *Дубова Н. А.* Антропологические данные к проблеме этногенеза // Этногенез и этническая история таджикского народа. Т. 1. Душанбе: Дониш, 2021. С. 539–599.

Дубова, *Пестряков*, 1975 — *Дубова Н. А.*, *Пестряков А. П.* Антропологическая характеристика таджиков Исфаринской долины // Полевые исследования Института этнографии 1974. М.: Наука, 1975. С. 253–258.

Дубова и др., 2019 — *Дубова Н. А., Сатаев Р. М., Куфтерин В. В., Сатаева Л. В.* Первые результаты археоэкологических исследований могильника Шахидон в 2013–2014 гг. // АРТ. Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии АН РТ, 2019. Вып. 40. С. 272–279.

Дубова и др., 2020a — *Дубова Н. А., Сатаев Р. М., Филимонова Т. Г., Сатаева Л. В., Куфтерин В. В., Ямсков А. Н., Сайфулоев Н. Н.* Биоархеологические и этноэкологические исследования в Таджикистане в 2015 г. // АРТ. Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии АН РТ, 2020. Вып. 41. С. 114–133.

Дубова и др., 2020b — *Дубова Н. А., Сатаев Р. М., Куфтерин В. В., Фрибус А. В., Курбанов Ш. Ф.* Биоархеологические исследования в Таджикистане в 2016 г. // АРТ. Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии АН РТ, 2020. Вып. 41. С. 134–137.

Дубова и др., 2020c — *Дубова Н. А., Кияткина Т. П., Нечвалода А. И.* Предварительная характеристика палеоантропологических материалов из могильника Пархар (Фархор) (раскопки 2014–2016 гг.) // АРТ. Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии АН РТ, 2020. Вып. 41. С. 53–65.

Дубова и др., 2025 — *Дубова Н. А., Никифоров М. Г., Антонова Н. А., Кадырбекова Т. К., Стафёрова М. К.* Реликты астрономических знаний народов Средней Азии // Культура народов Средней Азии: история и современность / Н. А. Дубова (отв. ред.), Л. Р. Додыхудоева, Р. Г. Мурадов. М.: Старый сад, 2025. С. 227–255.

Куфтерин, Дубова, 2019 — *Куфтерин В. В., Дубова Н. А.* К демографии таджиков Каратегина: палеодемографический анализ кладбища нового времени с. Сичарог // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. Вып. 1 (23). С. 146–156.

Куфтерин, Дубова, 2022a — *Куфтерин В. В., Дубова Н. А.* Чей облик представляют черепа из Ксирова: саков, усуней или юэчжей? // Культурное наследие Таджикистана в археологической и междисциплинарной интерпретации. Сборник статей в честь юбилея Татьяны Германовны Филимоновой / Ред. Г. Р. Каримова. Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии НАНТ, 2022. С. 198–215.

Куфтерин, Дубова, 2022b — *Куфтерин В. В., Дубова Н. А.* Краниологический материал из могильника Ксиров: саки, усуни или юэчжи? // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). Материалы международной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) / Отв. ред. М. Т. Кашуба, Н. Ю. Смирнов, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова. СПб: ИИМК РАН, 2022. С. 263–266.

Куфтерин и др., 2018 — *Куфтерин В. В., Дубова Н. А., Наврузбеков М. Н.* Таджики д. Сичарог: к антропологии населения Центрального Таджикистана. Сообщение I: дискретно-варьирующие признаки черепа // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2018. № 1. С. 101–109.

Куфтерин и др., 2022 — *Куфтерин В. В., Дубова Н. А., Сюткина Т. А.* Новые краниологические материалы из наусов Древнего Пенджикента (внутригрупповой анализ) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3 (58). С. 117–126.

Куфтерин и др., 2023 — *Куфтерин В. В., Сюткина Т. А., Наврузбеков М. Н., Дубова Н. А.* Кратко об антропологических работах в Таджикистане в 2022 г. // АРТ. Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии АН РТ, 2023. Вып. 44. С. 241–247.

Таджики, 2021 — Таджики / Отв. ред. Н. А. Дубова, Н. К. Убайдулло, З. М. Мадамиджонова. М.: Наука, 2021. 1005 с. (Серия «Народы и культуры»).

Филимонова, Дубова, 2021 — *Филимонова Т. Г., Дубова Н. А.* Новые материалы бронзового века с территории Южного Таджикистана // АВ. 2021. Вып. 32. С. 133–145.

Филимонова, Дубова, 2023 — *Филимонова Т. Г., Дубова Н. А.* Отчет о археолого-антропологических исследованиях, проведённых в Хульбуке, Бохтаре и в районе Дж. Балхи в 2018 г. // АРТ. Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии АН РТ, 2023. Вып. 43. С. 97–108.

Филимонова и др., 2022 — *Филимонова Т. Г., Дубова Н. А., Куфтерин В. В.* Результаты археолого-антропологических исследований в зоне строительства Рогунской ГЭС // АРТ. Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии АН РТ, 2022. Вып. 42. С. 30–62.

Филимонова и др., 2018 — *Филимонова Т. Г., Дубова Н. А., Куфтерин В. В., Нечвалода А. И., Никифоров М. Г., Наврузбеков М., Джамилзода М., Саидзода Р.* Антропологические исследования первого этапа зоны затопления Рогунской ГЭС (результаты первого сезона работ антропологической группы Рогунской археологической экспедиции в июле-августе 2017 г.). Душанбе: Истеъдод, 2018. 72 с.

Филимонова и др., 2019 — *Филимонова Т. Г., Сайфулоев Н. Н., Дубова Н. А., Сатаев Р. М., Куфтерин В. В., Сатаева Л. В.* Новый памятник ранних кочевников на юге Таджикистана: могильник Шахидон (к проблеме взаимодействия подвижных скотоводов и земледельцев) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в Евразийском культурном пространстве. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 262–264.

Dubova et al., 2022 — *Dubova N. A., Filimonova T. G., Sataev R. M., Sataeva L. V., Kufterin V. V., Yamskov A. N.* Several Results of Bioarchaeological and Ethnoecological Investigations in Tajikistan // Teoriya i praktika arheologicheskih issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research. 2022. Vol. 34 (3). P. 148–164.

Ad memoriam

ЖИЗНЬ И СУДЬБА: «ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ»

В. Н. Пилипко
Институт археологии РАН

В этом году исполнилось 122 года со дня рождения Александра Александровича Марущенко, это повод вновь напомнить читателям, особенно молодым, о достижениях этого незаурядного человека, посвятившего всю свою жизнь бескорыстному служению науке, много сделавшего для развития археологии в Туркменистане, Центральной Азии, но при жизни не сыскавшего заслуженного признания среди коллег. К его заслугам относятся такие важные вопросы как составление археологической карты Туркменистана, синхронизация древнейших земледельческих культур Подгорной полосы Копетдага (ППК), раскопки и интерпретация джейтунской культуры и таких важных комплексов как Старая и Новая Ниса, Мансур-депе, Старый Мерв и Ак-Тепе.

Александр Александрович Марущенко – человек удивительной судьбы. В «Божественной комедии» Данте в путешествии по царству мертвых проводника просят показать самого талантливого полководца в мире. Проводник указал на сидящего на помосте портного. «Но это же портной, просто он родился не в том месте и не в то время и поэтому его полководческий талант не был востребован». Но у А. А. Марущенко были зачатки «великого полководца», он мог стать большим ученым, но его способности не были востребованы современниками.

Он начал научную карьеру в качестве заведующего кабинетом археологии в Институте туркменской культуры, затем стал старшим научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии АН ТССР, а закончил ее младшим научным сотрудником в том же институте. При этом в научном сообществе Туркменистана он пользовался славой лучшего знатока туркменских древностей. Его портрет до сих пор висит среди наиболее известных исследователей прошлого Туркменистана в Главном музее страны.

Рис. 1. Портрет А. А. Марущенко.
Вторая половина 1940-х годов.

Если обратиться к списку его опубликованных работ, то он окажется удивительно коротким и состоящим, в основном, из кратких предварительных сообщений в местной печати[1]. В Москве и Ленинграде не появилось ни одной статьи, кро-

[1] Научному творчеству А. А. Марущенко посвящено несколько исследований (*Юсупов, Ляпин*, 1998; *Пилипко*, 2005a, b).

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-54-68

ме небольшой заметки, посвященной Ак-тепе в Большой Советской Энциклопедии (*Марущенко*, 1970).

* * *

В начале, следует сказать также и о личных отношениях автора и А. А. Марущенко. При нашем знакомстве, первые слова, которые произнес Александр Александрович, после представления меня ему в ИИАЭ были: «А, ученик Великого Учителя», что сразу подчеркнуло нашу принадлежность к враждующим лагерям. Но круг ашхабадских археологов был очень узок и общие профессиональные интересы нас все-таки сблизили. А вскоре я убедился, что А. А. действительно лучший знаток туркменских древностей. Поскольку я сразу активно включился в полевые исследования, то и А. А. был заинтересован в ознакомлении с результатами моих раскопок. Да и делить нам между собой особо было нечего, но взаимное непонимание в общении иногда возникало. В 1967 г. я занимался изучением памятников левобережья Амударьи ниже Чарджоу и среди прочих обследовал крепость Кош-кала у Кабаклы. Эту крепость ранее посещали С. А. Ершов и М. Е. Массон. Они определили ее как крепость кушанского времени (*Ершов*, 1941; *Массон* 1966. С. 195–199), я же нашел там керамику ахеменидского времени и был горд своим открытием. Присутствующий на заседании отдела А. А. Марущенко, по этому поводу ничего не сказал, но через несколько дней он пришел в сектор археологии и молча, с иронической улыбкой положил передо мной небольшой пакет с керамикой, на котором было написано «Кош-кала (близ Кабаклы), 1963 г.». Я, естественно, сразу развернул его и обнаружил, что наряду с керамикой античного времени в нем находится венчик сосуда ахеменидского типа. Мы посмотрели друг на друга, но обсуждать было нечего.

Спустя какое-то время в «Археологических открытиях» вышла моя заметка об этом маршруте (*Пилипко*, 1969). Через несколько дней после этого произошла еще одна встреча с Марущенко, и Александр Александрович с нескрываемой обидой высказался по этому поводу: «....о Ершове Вы написали, о Массоне Вы написали, а почему не упомянули о моем посещении этого памятника?».

На что я ему ответил: «Александр Александрович, перед экспедицией я же Вас спрашивал, на что в этом районе следует обратить внимание, а Вы мне показали только свои находки с Кыз-калы, а про Кош-калу промолчали. А ахеменидскую керамику я нашел там сам, без вашей подсказки. Если бы Вы сообщили мне об этом до начала экспедиции, тогда другое дело, я бы Вас упомянул в статье. А так, я считаю это моим собственным открытием». Он на меня сильно обиделся. После этого мы с ним месяца два не разговаривали. Но потом отношения наладились.

Вторая размолвка случилась в 1970 г. Как отмечалось, у него существовала традиция – обязательно встречаться с вернувшимися из экспедиции археологами, работавшими на территории Туркменистана. Он с интересом просматривал весь материал и делал какие-то заметки на своих заранее приготовленных четвертинках писчего листа, давал какие-то разъяснения добытчикам материала, но говорил, очевидно, не все. В 1972 г. в журнале ВДИ появилась краткая заметка «К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии ("Бактрийский мираж" и археологическая действительность)» (*Кузьмина*, 1972) о возможности присутствия в Керкинском районе памятников эпохи бронзы. Поскольку при составлении археологической карты Чарджоуской области я фиксировал все памятники независимо от их хронологической принадлежности, я обратился к А. А. Марущенко с просьбой дать мне информацию об этом объекте или даже поехать со мной в экспедицию и обследовать этот памятник совместно. Договоренность была достигнута, но совместная поездка расстроилась, так как неожиданно заболела его жена, и по этой причине он отказался ехать. Но о местонахождении этого объекта он мне так и не сообщил. Только много лет спустя при ознакомлении с личным архивом Марущенко мне удалось выяснить подробности этого дела. При первой моей поездке на Ак-тепе в 1966 г. совместно с Т. Ходжаниязовым и К. Качурисом был собран подъемный материал с этого холма около Бургучи. При возвращении в Ашхабад я естественно ознакомил с этими материалами сотрудников сектора и А. А. Марущенко, присутствовавшего на этом заседании. О сборах с Ак-депе он ничего особенного не сказал. Но в его архиве, много позднее, я обнаружил «четвертушку» следующего содержания: «В сборах на Ак-тепе у Бургучи наряду с более поздними материалами имеются фрагменты лепной(?) керамики эпохи бронзы. Ни сами находчики, ни другие сотрудники сектора этого не видят».

Но судьбе удалось распорядиться так, что именно на этом холме мы провели стратиграфические исследования, которые показали, что это небольшое поселение относится к первой половине I в. н.э., никаких ранних слоев в его основании нет. Так еще раз был развеян «Бактрийский мираж».

* * *

За 10 лет нашей параллельной жизни в Ашхабаде других размолвок у нас не было, и это объяснимо многими жизненными испытаниями, выпавшими на долю А. А. За годы жизни в Ашхабаде я отошел от критической оценки Марущенко, насаждаемой во время учебы в университете, и понял, что академические установки М. Е. Массона – это одно, а практическая археология – это дру-

гое. Траншейный метод раскопок довольно часто применяется при начальных стадиях исследований, когда необходимо зацепиться за остатки архитектуры или при крайней недостаточности рабочей силы. Например, в 1966 г. мне с А. Кудрявцевым было поручено провести на Варрык-депе в Древнем Мерве рекогносцировочные раскопки. Хотя мы были крепкие ребята, нам было не под силу оконтурить внешнюю стену этого крупного сооружения хотя бы снаружи. Нам не хватило бы целого сезона, и на совместном обсуждении этого вопроса с Михаилом Евгеньевичем было решено заложить по периметру холма множество радиально расположенных траншей. Когда я произнес слово «траншеи», М. Е. поморщился и сказал: «Не называйте их так, пусть это будут бороздки или разрезы». С. Б. Лунина, читавшая нам курс о методике полевых раскопок, тоже указывала на неприемлемость траншейного метода. Но однажды на Султан-кале она сама обнаружила помещение с роскошными резными ганчевыми панелями, и первоначально оконтурила его изнутри узкими траншеями. Произошло это в конце сезона, сил для того чтобы раскопать помещение полностью, а затем снова закопать не было. В этой ситуации возникла еще одна проблема: трудность с фиксацией панелей. Узкие траншеи не позволяли представить их в плане. Для фотографа были вырыты еще несколько перпендикулярно расположенных траншей.

* * *

В 1930–1931 гг. на Старой Нисе А. А. Марущенко вел раскопки по методике, которой его учили в университете. Сначала на склоне холма «Здания с квадратным залом» (ЗКЗ) он заложил две параллельные траншеи, в которых были зафиксированы один из фасадов ЗКЗ и стена «Квадратного зала», а затем продолжил раскопки самого зала. В 1934 г. первоначально раскопки зала были направлены на полное изучение этого строения. Но затем А. А. изменил свои планы. Для выступления на Международном конгрессе с докладом о раскопках одного здания недостаточно, и он взял курс на выявление планировки и назначения всей крепости. Решить эти задачи с 15–20-тью имевшимися в его распоряжении рабочими за три месяца было не реально. Раскопки на Старой Нисе до сих пор далеки от завершения, несмотря на то, что продолжаются уже 96 лет. Но Марущенко на то и был Александр, что брался за, казалось бы, невыполнимые задачи. Чтобы получить общее представление об устройстве городища он использовал пресловутый траншейный метод.

В целом за 10 лет общения мы сблизились, но это было исключительно деловое общение, мы с ним не были в каких-либо совместных экспедициях. Я признавал в нем действительно лучшего знатока туркменских древностей и при необходимости обращался к нему за консультациями, а я был ему интересен как источник новой информации.

Мое отношение к Александру Александровичу существенно изменилось после ознакомления с его личным архивом и выявления некоторых моментов его биографии. Это был фанатично увлеченный своим делом человек, и в то же время отличавшийся мягким интеллигентным характером, отсутствием авторитарных замашек. В последние годы жизни, когда я его лично знал, он стоически переносил выпавшие на его долю невзгоды и защищался от них иронией и даже ёрничеством. До конца жизни его поддерживала вера в то, что всё, что он открыл и раскопал, рано или поздно будет востребовано новыми поколениями исследователей.

В жизни А. А. Марущенко произошло несколько событий, приведших к негативным последствиям.

1. В 1932 г. его неожиданно забрали в армию второй раз. Из его автобиографии известно, что в 1926–1927 гг. он был на действительной воинской службе по призыву. Но в 1932 г. он вновь был призван в армию и прослужил три года. Основания, по которым он был призван вторично, мне неизвестны. Службу он проходил в военном учебном центре в Кушке, ему было присвоено звание старшего лейтенанта. Этот призыв на три

Рис. 2. А. А. Марущенко с сослуживцами. Служба в армии 1932–1935 гг.

года отвлек его от научной деятельности. Хотя и в эти годы в Кушке в свободное от службы время он обследовал окрестности и даже открыл так называемую кушкинскую культуру. А в 1934 и 1935 гг. во время отпуска продолжил раскопки на Нисийских городищах.

2. В марте 1938 г. он был арестован органами НКВД, и год находился в заключении.

3. Конфликт с М. Е. Массоном, состоявшийся публично в 1946 г.

4. Предательство С. А. Ершова, который будучи краеведом, был привлечен А. А. Марущенко к раскопкам на Нисийских городищах и затем стал его штатным сотрудником в кабинете археологии. Но после того, как Марущенко был призван в армию, С. А. Ершов заменил его на посту заведующего кабинетом и, вероятно, предполагая, что А. А. Марущенко уже не вернется в археологию (Институт), он в популярной печати стал представлять себя сначала как равного сотрудника с Марущенко по раскопкам, а затем как главное действующее лицо. Заведующим отделом археологии после окончания службы вновь стал А. А. Марущенко. После скандала 1946 г. С. А. Ершова взяли в ЮТАКЭ в качестве начальника 1-го Старонисийского отряда. Одновременно он заключил договор с М. Е. Массоном о подготовке отчета о ранних раскопках на Старой Нисе. По этому соглашению данный отчет должен был быть опубликован в материалах ЮТАКЭ, как авторская работа С. А. Ершова. Позднее это обещание не было выполнено. С. А. Ершов после этого пытался опубликовать эту работу в Москве в журнале «Советская археология», но безуспешно.

5. В 1952 г. исключение из числа авторов «Истории ТССР». Этим был нанесен еще один сильный удар по репутации А. А. Марущенко, как ученого. Он был понижен в должности, при переходе в ИИАЭ, он был принят на должность старшего научного сотрудника, а после этого события переведен на должность младшего научного сотрудника. Побочным следствием этого, вероятно, стало блокирование публикаций Марущенко. В «Известиях АН ТССР, серия общественных наук», которые контролировались М. Е. Массоном, не появилось ни одной работы А. А. Марущенко. То же произошло и с публикациями в центральных академических изданиях.

* * *

Из-за конкурентной борьбы внутри археологического сообщества и неблагоприятных жизненных условий он практически был лишен возможности публично участвовать в научных дискуссиях. В центральной научной печати (то есть научных изданиях Москвы и Ленинграда) появилась только одна очень краткая заметка об Ак-тепе. Он несколько раз выступал на ежегодных археологических пленумах с сообщениями о своих представлениях последовательного развития стратиграфических комплексов древнеземледельческих культур на территории Южного Туркменистана, точнее ППК, но развернутой публикации по данной теме в «Советской археологии» так и не появилось.

Данная статья имеет целью напомнить ныне активно работающим археологам и новым подрастающим поколениям о А. А. Марущенко и его вкладе в развитие советской, а теперь туркменской, русской и вообще интернациональной науки в изучении далекого прошлого Среднего Востока.

В ней также с привлечением данных личного архива А. А. Марущенко, ныне хранящегося в ИА РАН, рассматриваются основные направления и проблемы, которыми занимался А. А. в течение своей относительно долгой творческой жизни.

Архив А. А. Марущенко это очень необычное собрание. Не менее чем на 50% он состоит из своеобразных «узелков на память», сделанных преимущественно во время осмотра каких-либо коллекций или бесед с только что вернувшимися из экспедиций коллегами. Причем А. А. стремился встретиться с каждым человеком, причастным к археологическому изучению Туркменистана независимо от личных отношений. Он брал «интервью» даже у членов экспедиции В. М. Массона за исключением их шефа (самого начальника данной группы). В нагрудном кармане его рубашки всегда лежала стопка четвертинок обычного писчего листа, сложенная вдвое. На них мелким, бисерным почерком в телеграфном стиле с большим количеством привычных для него сокращений он фиксировал нужную ему информацию (Рис. 3). Если у собеседника возникали какие-то встречные вопросы, он на них отвечал, но далеко не все, что открывалось его опытному глазу, он доводил до собеседника, остальное оставлял за скобками. Об этом я знаю из собственного опыта. В содержании этих его записок разобраться было трудно. Иногда они приобретали вид шарады или химической формулы. Например, я одно время со старшеклассниками вел так называемую «Малую академию», где пытался в увлекательной форме объяснить им азы археологии. В ящике лежали фрагменты керамики, принадлежащие к разным культурам и разным эпохам, показав один раз черепки по признакам, характерным для одной культуры и времени, я снова смешивал все и предлагал опять разложить содержимое по эпохам другому сотруднику отдела, приглашенному на это собрание. Затем аналогичную работу с разным успехом проделывали сами школьники, и через 2–3 занятия большинство из них уверенно ориентировались в средневековой керамике.

На одном из таких занятий присутствовал Александр Александрович. Когда школьники ушли, я достал другой ящик, в котором были

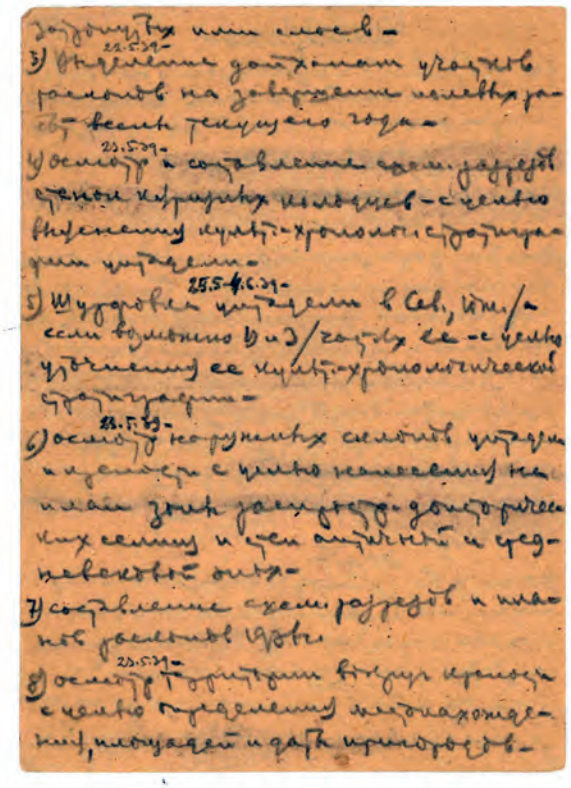
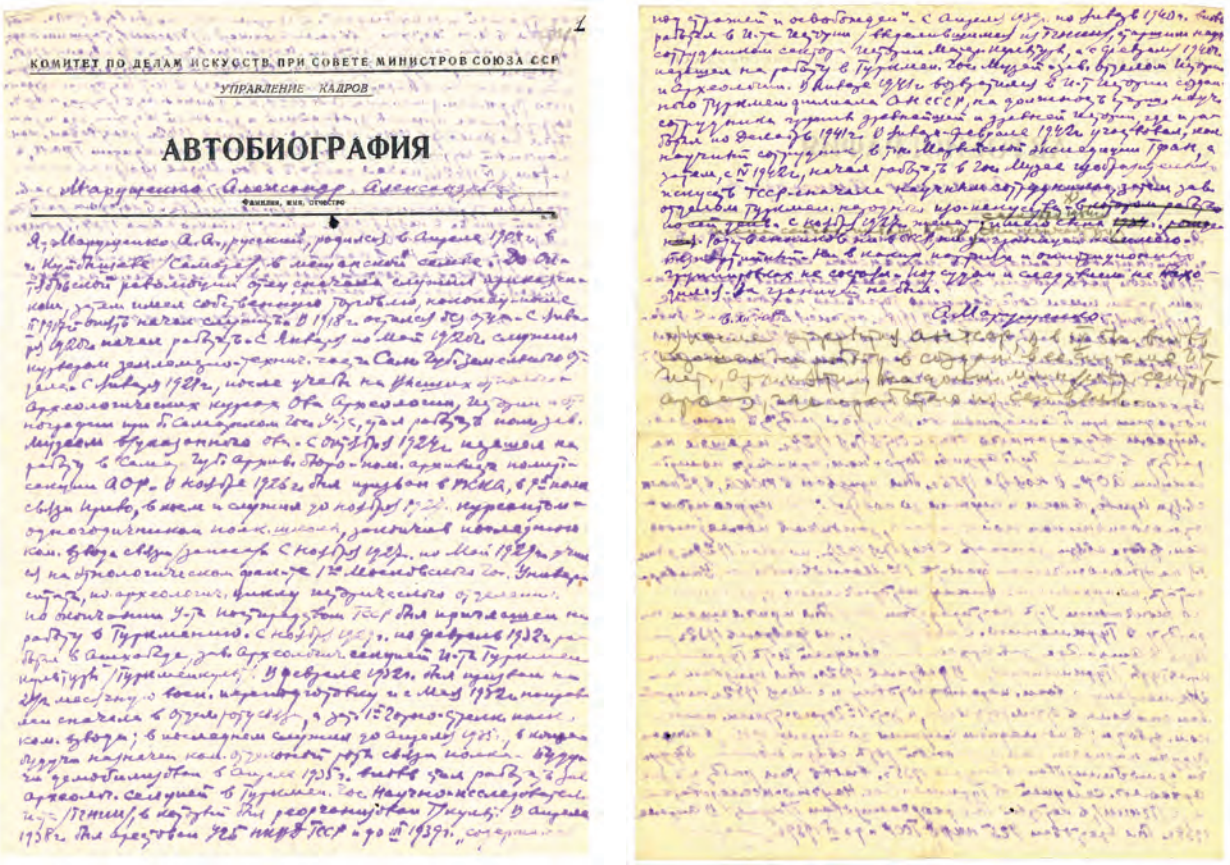

Рис. 3. Одна из «четвертушек» из личного архива А. А. Марущенко.

представлены фрагменты неполивной керамики с Парыз-депе. Александр Александрович, вероятно, находился в хорошем расположении духа и «вызов» принял. Он бегло осмотрел все фрагменты, на клочке бумаги начертал «формулу» раннего Парыза, и с характерной для него иронической улыбкой протянул ее мне. В 1983 г. уже после смерти А. А. Марущенко я провел ее тестирование на натуре, заложив на этом поселении около 10 шурфов и зачисток. К сожалению, этот материал до сих пор не опубликован, так как большая его часть тематически не связана с моими основными научными темами. Данных оказалось слишком много, и для их публикации нужна была не статья, а хотя бы небольшая монография. До сих пор эти сведения хранятся в моем личном архиве.

Существует мнение, что Марущенко почти не обобщал материалы раскопок в период 1930–1941 гг., но в действительности это не так. Из косвенных источников известно, что материалы по довоенным раскопкам А. А. Марущенко хранились в научной Библиотеке Академии наук ТССР, и ссылки на это имеются в работах архитектора *Н. М. Бачинского* (см., например, 1949) и специалиста по истории древних землетрясений Г. П. Горшкова (*Горшков*, 1947). Судя по цитатам из работ упомянутых выше авторов, это были обстоя-

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ

АВТОБИОГРАФИЯ

Рис. 4. Автобиография из личного архива А. А. Марущенко.

тельные отчеты, в частности о раскопках на Старой Нисе, но при пожаре в Библиотеке Академии наук эти работы Марущенко пропали.

В годы работы А. А. Марущенко в ИИАЭ АН ТССР, и особенно в годы создания «Истории ТССР», в секторе была хорошо поставлена инвентаризация (учет) археологических коллекций, которые там хранились. Были сделаны их подробные описи. Примечательно, что большинство этих описей было составлено самим А. А. Марущенко.

Заседания в секторе проводились регулярно, и выступления всех присутствующих протоколировались. Все эти довольно подробные правила были заведены А. А. Марущенко и поддерживались им. После его ухода эта система стала деформироваться, и все кончилось коллапсом 1997 г., когда АН ТССР была ликвидирована, а Институт истории был переподчинен Совету Министров и перемещен в другое здание. При этой «перекочевке» значительная часть коллекций была утрачена.

Часть обобщающих документов о довоенных исследованиях 1930–1941 гг. хранилась в упомянутой Библиотеке, но она тоже погибла при пожаре. Есть все основания полагать, что А. А. Марущенко в 1963 г. была закончена обобщающая статья о раскопках Ак-тепе Бекровинском. В отделе археологии ИИАЭ АН ТССР сохранился выбеленный экземпляр иллюстраций к этой статье, но сам текст отсутствует как в отделе археологии, так и в личном архиве Марущенко[2]. Однако в личном архиве археолога сохранилась рукопись его автобиографии (Рис. 4). Здесь приводим ее расшифровку, осуществленную Н. Т. Голубиной.

Комитет по делам искусств
при Совете министров Союза ССР
Управление кадров

АВТОБИОГРАФИЯ

Марущенко Александр Александрович
Фамилия, имя, отчество

Я, Марущенко А. А., русский, родился в апреле 1904 г. в г. Куйбышеве (Самара), в мещанской семье. До Октябрьской революции отец сначала служил приказчиком, затем имел собственную торговлю, наконец – после II 1917 г. опять начал служить. В 1918 г. остался без отца. С января 1920 г. начал работать. С января по май 1920 г. служил курьером землемерно-технической части Сам. Губ. земельного отдела. С января 1921 г. после учебы на высших этнолого-археологических курсах О-ва [Общества] археологии, истории и этнографии при б. Самарском Гос. У-те, стал работать пом. зав. музеем указанного Ова [Общества]. С октября 1924 г. перешел на работу в Самар. Губ. архив. бюро – пом. архивиста по....? секции АОР [Архив Октябрьской революции]. В ноябре 1926 г. был призван в РККА, в 7-й полк связи ...во?, в коем и служил до ноября 1927 г. курсантом-одногодичником полк. школы, закончив последнюю ком. взвода связи (запаса). С ноября 1927 г. по май 1929 г. учился на Этнологическом фак-те 1-го Московского Гос. Университета, по археологич. циклу исторического отделения. По окончании У-та постпредством ТССР был приглашен на работу в Туркмению. С ноября 1929 г. по февраль 1932 г. работал в Ашхабаде, зав. археологич. сектором Ин-та Туркменской культуры (Туркменкульт). В феврале 1932 г. был призван на 2-х месячную воен. переподготовку и с мая 1932 г. направлен сначала в отдел. роту связи, а затем в 1-й горнострелковый полк ком. взвода; в последнем служил до апреля 1935 г. в конце? будучи назначен ком. отдельной роты связи полка. Будучи демобилизован в апреле 1935 г. вновь стал работать зав. археолог. секции в Туркмен. Гос. Научно-исследователь. ин-те (ТГНИИ), в который был реорганизован Т/культ. В апреле 1938 г. был арестован УГБ НКВД ТССР и до III 1939 г. «содержался под стражей и освобожден». С апреля 1939 г. по январь 1940 г. вновь работал в Ин-те Истории (выделившимся из ТГНИИ) старшим науч. сотрудником сектора матер. культуры, а с февраля 1940 г. перешел на работу в Туркмен. Гос. Музей зав. отделом истории и археологии. В январе 1941 г. возвратился в Ин-т Истории созданного Туркмен. филиала АН СССР на должность старш. научн. сотрудника группы древнейшей и древней истории, где и работал по декабрь 1941 г. В январе-феврале 1942 г. участвовал как научный сотрудник, в т.н. Марыйской экспедиции ТФАН [Туркменского филиала академии наук], а затем с IV 1942 г. начал работать в Гос. Музее изобразительных искусств ТССР – сначала научным сотрудником, а затем зав. отделом народного туркмен. изо. искусства, в котором работаю по сей день. С ноября 1927 г. женат – имею сына 1934 г. рождения. Родственников ни в СССР, ни за границей не имею – безпартийный[3]. Ни в каких партиях и оппозиционных группировках не состоял. Под судом и следствием не находился. За границей не был.

6.XII.48 г. А. Марущенко

Этот официальный документ содержит только самые общие сведения, и сын А. А. Марущенко Андрей Александрович вспоминал, что дед его по материнской линии был зажиточным человеком, о чем Александр Александрович, естественно, благоразумно умолчал, так как такие откровения не приветствовались. Андрей Александрович

[2] По легендам он передал статью на хранение кому-то из близких друзей.

[3] Так в оригинале.

познакомил меня с семейным преданием. Упомянутый выше дед занимался торговлей. У него была дочь, которая по молодости «перебирала» женихами. Вышедший из терпения отец можно сказать насильно выдал ее за своего помощника симпатичного и расторопного Сашко Марущенко. К началу взросления А. А. отец его уже умер, и указывать его в своей автобиографии практически уже не было необходимости.

Но Александр Александрович получил неплохое образование: закончил Самарскую гимназию, затем был слушателем этнолого-археологических курсов при Самарском университете, параллельно работал библиотекарем в губернском архивном бюро, принимал участие в разведках и раскопках археологических памятников совместно с В. В. Гольмстен. После окончания курсов и службы в армии в 1926–1927 гг. он продолжил свое обучение на историческом факультете Московского государственного университета (Рис. 5). На своем курсе он считался одним из самых способных студентов, А. А. Марущенко учился совместно с Б. А. Рыбаковым и С. Н. Киселевым. В Институте или на Самарских курсах несколько позже учился и другой будущий известный советский археолог А. И. Тереножкин.

В университете А. А. писал дипломную работу по памятникам Северного Кавказа эпохи бронзы. Во всяком случае лето 1929 г. у него оказалось свободным и, решив провести его плодотворно, Марущенко поехал с А. Ю. Якубовским в экспедицию по Азии в Куня-Ургенч. В это время как раз

Рис. 5. А. А. Марущенко. Зима 1926 г.

Рис. 6. А. А. Марущенко. 1929–1930 гг.

происходило второе национальное размежевание среднеазиатских республик, и в Туркмении стали формироваться автономные республиканские структуры, в том числе и Туркменкомстарис (Туркменский комитет по охране памятников культуры и старины), который возглавил П. В. Арбеков. Он, естественно, поехал в Куня-Ургенч, чтобы познакомиться с работой новой московской экспедиции. В ходе совместной работы они произвели хорошее впечатление друг на друга, и А. А. Марущенко получил предложение приехать на постоянную работу в Ашхабад.

Несколько месяцев ушло на официальную переписку, и в конце ноября 1929 г. вместе с молодой женой (Рис. 6, 7) он появился в Ашхабаде, носившем тогда название Полторацк, и был до 1942 г. заведующим кабинетом археологии, специально под него открытом в Институте Туркменской культуры[4]. Но за эти годы произошло два длительных отлучения его от научной работы. В 1932 г. он был вновь призван на военные сборы, которые неожиданно превратились в три года службы в армии. Видимо кто-то захотел сделать из него кадрового военного. Эту службу он закончил в 1935 г. в звании старшего лейтенанта по специальности связист.

А второй раз Марущенко вместе с большой группой сотрудников Института во главе с дирек-

[4] Институт за эти годы несколько раз менял свое название, но профиль его работы в целом был один – изучение культуры во всех ее проявлениях.

Рис. 7. Жена А. А. Марущенко Софья Ивановна.

тором был арестован органами НКВД. Это была какая-то большая акция против деятелей культуры. Большинство их затем было освобождено без предъявления обвинения, в том числе и А. А. Можно предполагать, что это было связано с так называемой амнистией Л. П. Берии. Казалось, все кончилось благополучно, но на самом деле это была одна из самых тяжелых психологических травм в жизни А. А. Марущенко.

Его жена Софья Ивановна рассказывала, что до этого веселый озорной человек (см., например, *Пиотровский*, 1995. С. 149) после заключения стал молчаливым и замкнутым. Несмотря на справку, осторожные люди предпочитали держаться от него подальше.

В условиях начавшейся Великой Отечественной войны археологические полевые работы были прекращены, и А. А. перешел на работу в Музей изобразительных искусств, где ему было предложено место заведующего сектором по изучению туркменского народного прикладного искусства. На этой должности он проработал 10 лет. После того, как в войне обозначился коренной перелом, последовало некоторое оживление научных работ. В 1944–1945 гг. Александр Александрович совершил несколько, скорее всего, индивидуальных поездок в разные районы Туркмении с целью ознакомления с искусством отдельных этнических групп. Во время этих командировок он попутно собирал и археологические материалы.

В эти же годы правительство приняло решение об организации после окончания войны нескольких крупных археологических экспедиций. В частности, М. Е. Массоном и группой ленинградских академиков был разработан проект «Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция» (ЮТАКЭ), реализация которого началась в 1946 г. Ранее М. Е. Массон и А. А. Марущенко дважды встречались. Между ними завязались добрые и уважительные отношения, и М. Е. Массон, планируя раскопки на Нисийских городищах, первоначально предполагал активное участие в них Марущенко. Но произошедшая между ними в начале сентября 1946 г. ссора превратила их в непримиримых врагов, точнее Александр Александрович стал личным врагом для Михаила Евгеньевича.

Личное знакомство А. А. Марущенко с М. Е. Массоном произошло в 1935 г. в Ленинграде на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии. Оба они в то время занимали примерно одинаковое положение в археологической среде. Относительно молодые, общительные, успешные, и они, вероятно, произвели благоприятное впечатление друг на друга. Вторая их встреча произошла в Ашхабаде в мае 1939 г. Но общественное положение их к этому времени было уже разным. Михаил Евгеньевич стремительно шел вверх, в 1936 г. ему по совокупности публикаций было присвоено звание «доктора археологии». Александр Александрович только что был освобожден из заключения и пытался восстановить свой социальный статус. Время было суровое, и многие старались дистанцироваться от человека, целый год проведшего под арестом в такой организации как НКВД.

М. Е. Массон был приглашен в Ашхабад для консультаций по вопросам археологии. Главная проблема заключалась в разрешении вопросов, связанных с урегулированием интересов между органами охраны исторических памятников и местных хозяйственных организаций. Памятники археологии трогать нельзя, но недавно организованным колхозам были необходимы удобрения для повышения урожайности. Земля культурных слоев Новой Нисы была богата селитрой, и для повышения урожайности своих полей колхозники стали активно брать землю с городища, а в условиях того времени запрет на выемку земли мог быть истолкован как вредительство. Михаил Евгеньевич был приглашен для разрешения этой ситуации, он был поставлен в сложное положение, но попытался найти «соломоново» решение. Археологи и колхозники должны кооперироваться – археологи проводят раскопки, а колхозники забирают отработанную землю. На бумаге это предложение выглядело привлекательным, но реально трудно выполнимым.

Второй вопрос, по которому М. Е. Массон дал свое авторитетное заключение – профессиональная оценка новой экспозиции Музея истории. Принципиально ничего затруднительного в этой просьбе не было, но сложность заключалась в том, что экспозицией занимался А. А. Марущенко, только что освобожденный из-под ареста. Выше уже было сказано, что многие старались дистанцироваться от общения с ним, и для того чтобы дать положительную оценку его работе, нужна была определенная смелость. Директриса, не обладающая специальными знаниями, в этой ситуации вполне естественно хотела заручиться мнением авторитетного ученого.

В этой ситуации М. Е. Массон повел себя благородно, он не стал прятаться за уклончивые формулировки и позитивно оценил проведенную А. А. Марущенко работу. К этому можно добавить, что в молодости при попытке поступления в Университет у него самого были определенные затруднения из-за того, что некоторые бдительные товарищи настойчиво напоминали компетентным органам о его не рабоче-крестьянском происхождении.

Работы, проведенные Александром Александровичем на Старой Нисе, действительно произвели на М. Е. Массона большое впечатление, и когда в конце 1944 г. в Москве стали составляться планы послевоенных археологических работ, он первоначально составил заявку на создание Парфянской экспедиции, ориентированной в первую очередь именно на раскопки Старой Нисы. Но затем под влиянием ведущих ленинградских востоковедов (в первую очередь В. В. Струве) он подал заявку на организацию более масштабной ЮТАКЭ. Переписывался ли он по этому вопросу с А. А. Марущенко мне не известно, но в бумагах М. Е. Массона я видел документ, в котором предполагалась организация в 1947 г. отряда по изучению памятников, расположенных по маршруту Исидора Харакского под руководством А. А. Марущенко.

В начале сентября после приезда в Ашхабад ташкентской группы ЮТАКЭ между М. Е. Массоном и А. А. Марущенко детально обсуждались конкретные планы работ на 1946 г. Предполагалось, что Марущенко будет начальником I отряда. В кармане у последнего уже лежало удостоверение о прикомандировании его к ЮТАКЭ на 2 месяца. Но неожиданная публичная ссора разрушила все эти планы. На общем собрании Михаил Евгеньевич официально предложил местным археологам также принять участие в работе экспедиции. В ответном слове А. А. Марущенко поблагодарил за предложение и сказал, что он охотно примет участие в работе ЮТАКЭ в качестве консультанта, и эти слова произвели неожиданный эффект: М. Е. Массон посчитал это за личное оскорбление, сказав: «Кого Вы собираетесь консультировать? Меня? Доктора наук. Я не нуждаюсь в консультантах!». С этих пор А. А. Марущенко стал личным врагом М. Е. Массона.

После этого скандального собрания через некоторое время состоялась персональная встреча М. Е. Массона и С. А. Ершова. Несмотря на свою импульсивность, Михаил Евгеньевич был хорошим организатором и руководителем. М. Е. Массон предложил С. А. Ершову должность начальника первого отряда ЮТАКЭ (руководителя раскопок на Старой Нисе). Помимо этого, он предложил Ершову за отдельную плату подготовить подробный отчёт о предшествующих раскопках на Нисе в 1930–1935 гг. И С. А. Ершов опять показал себя не с лучшей стороны – он принял оба эти предложения.

Для Марущенко, казалось бы, археологическая карьера закончилась, он вернулся к своей работе в Музее изобразительных искусств, а по воскресеньям, для души, как и раньше, продолжал прогулки по окрестным древним памятникам. Но судьба переменчива, в 1951 г. вышли два важных правительственных постановления. Туркменский филиал Академии Наук СССР был преобразован в Академию наук Туркменистана. И почти одновременно было принято решение о создании «Истории ТССР». В рамках первого постановления был образован Институт истории, археологии и этнографии, для работы которого, естественно, требовались довольно многочисленные профессиональные кадры, в том числе и археологи, а таковых в Туркмении в то время было всего трое – А. А. Марущенко, С. А. Ершов и С. А. Вязигин (он имел классическое образование, то есть знал древние языки – древнегреческий и латинский, а также имел опыт участия в археологических раскопках в Причерноморье). Во время работы в Туркмении Вязигин защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук «Страбон и Плиний как исторический источник». До образования республиканской академии он работал в Институте истории, языка и литературы, а после образования ИИАЭ стал учёным секретарем нового института. В 1951 г. местный Пединститут окончил А. Ф. Ганялин, который также специализировался на археологии (для ознакомления со специальными археологическими дисциплинами он проходил годичную стажировку в САГУ, г. Ташкент). Для усиления Института кадрами по древней истории в Институт была также приглашена Ф. Я. Коське, которая уже имела ученую степень кандидата наук.

В рамках подготовки раздела «Истории ТССР», посвящённого древним периодам истории республики, в качестве автора второй главы «Туркменистан в эпоху первобытнообщинного строя» был предложен А. А. Марущенко. В первом варианте предполагалось, что первая глава будет включать всю доисторическую эпоху, но в более

позднем проекте, по предложению М. Е. Массона, эта глава была разделена на две. Написание первой из глав «Туркменистан в эпоху каменного века» было поручено академику А. П. Окладникову. Вторую главу, обозначенную как «Туркменистан в эпоху разложения первобытно-общинного и зарождения рабовладельческого строя», доверили подготовить А. А. Марущенко. Ответственным редактором первого тома был назначен М. Е. Массон, который крайне болезненно воспринял привлечение Александра Александровича в качестве автора второй главы. Но на первых порах противопоставить этому он ничего не мог, так как в то время Марущенко был единственным специалистом, занимавшимся изучением древнеземледельческих культур Средней Азии.

Г. А. Пугаченкова в своих воспоминаниях пишет, что в 1951 г. М. Е. вернулся из Ашхабада с побелевшими висками. Он в этом году испытал два унижения: ЮТАКЭ, первые пять лет работавшая как специальная, отдельная структура АН ТССР, была превращена в одно из подразделений Института истории АН ТССР, а его личный враг (Марущенко) вновь вернулся в археологию, и ему была поручена подготовка большого самостоятельного раздела. Кроме того, денежными средствами, выделяемыми на раскопки, приходилось делиться с сектором археологии.

А. А. Марущенко первый вариант своего раздела представил довольно быстро[5]. На основе данных раскопок Анау, собственных двух сезонов раскопок на Ак-тепе, привлечения результатов исследований синхронных памятников на Ближнем Востоке и Иранском нагорье в этом разделе он выделяет уже 12 стадий развития местных древнеземледельческих культур. Кроме того, на основании своих раскопок на Ак-тепе и сопоставления размеров памятников разных периодов он делает вывод, что памятники эпохи бронзы, расположенные в Южном Туркменистане можно сопоставлять с месопотамскими городами-государствами и соответственно это дает возможность ставить вопрос о том, что указанные памятники ППК говорят о существовании на этой территории более развитых социальных структур. Большие размеры этих памятников, наличие данных о существовании плужного земледелия свидетельствуют о том, что в ППК в эпоху бронзы уже зарождалось раннеклассовое общество.

Все же «управу» на А. А. Марущенко нашли. В своем разделе он доказывал, что в эпоху бронзы на территории Туркмении уже формировались раннеклассовые отношения, обнаруживавшие некоторое сходство со структурами ближневосточных городов-государств. Но в советской исторической литературе того времени господствовала концепция (со ссылкой на слова Ф. Энгельса (1952. С. 170): «…в крепостных рвах древнейших крепостей зияла могила родового строя»), что переход от родоплеменного строя к классовому обществу происходил в эпоху раннего железа. И, действительно, на большей части СССР так оно и было. Древнейшем государственным образованием в пределах Советского Союза считалось Урарту. В «Истории ТССР» В. М. Массон солидаризируется с мнением Ф. Энгельса, Но позднее, вслед за Марущенко, проведя собственные раскопки на Алтын-депе, он соглашается с выводами А. А. (*Массон*, 1981).

Специальная комиссия, приехавшая из Москвы в 1954 г., признала выводы А. А. Марущенко недостаточно обоснованными, и он был исключен из числа авторов «Истории ТССР». Казалось бы, этот удар должен был выбить А. А. из седла, но он перенес его удивительно стойко. Объясняется это, возможно, тем, что при переходе в Академию наук он получил возможность вернуться в свою родную стихию – мог заниматься раскопками, причем в более широких масштабах, чем раньше.

Избавившись от А. А. Марущенко, М. Е. Массон блестяще разрешил ситуацию, поручив подготовку I раздела (глава 1) А. П. Окладникову. Первоначально он хотел заменить А. А. Марущенко Б. А. Куфтиным, доктором наук, членом-корреспондентом Академии наук Грузинской ССР, крупным специалистом по древнейшим культурам Закавказья, который в 1952 г. активно включился в исследования в Туркменистане. Б. А. Куфтин был приглашен в Туркмению, но скоропостижно скончался.

М. Е. Массон с первого курса университета приобщал своего сына Вадима к археологии. Первоначально предполагалось, как мне рассказывал сам Вадим Михайлович, что он будет заниматься дахами. С этой целью он был отправлен в Дахистан (Дехистан). Но дахов он там не нашел, пришлось, как говорил Вадим Михайлович, чтобы не возвращаться с пустыми руками, заложить раскоп на Мадау-депе, который ему впоследствии весьма пригодился.

Но в рассматриваемые годы, когда решался вопрос о том, кто может заменить А. А. Марущенко, М. Е. Массон решил эту задачу возложить на своего сына. В 1951–1953 гг. Массон-младший проводит раскопки на поселении Кара-депе близ Артыка, кроющий слой которого относится к эпохе бронзы и раскопки на Яз-депе в низовьях Мургаба. Кроме того, он публикует результаты стратиграфических исследований на Намазга-депе, где указывает, что раскопки проводил Б. А. Куфтин. На самом деле эти работы были осуществлены Б. А. Литвинским с участием А. Ф. Ганялина в 1950–1951 гг. (*Литвинский*, 1952).

[5] Вероятно, подобную работу он подготовил еще в предшествующее время.

В 1952 г. А. Ф. Ганялин, уже закончивший учебу в университете, был уже сотрудником ИИАЭ АН ТССР[6]. Он был студентом Ашхабадского пединститута, но М. Е. Массон, познакомившись с таким нестандартным студентом, любителем археологии, договорился на его прикомандирование на два года к кафедре археологии САГУ для прохождения специальных археологических дисциплин. В Ашхабаде его первым учителем был А. А. Марущенко, и сам Александр Федорович неоднократно говорил, что своим наставником в полевой археологии он считает именно Александра Александровича. При раскопках 1952 г. он постоянно консультировался с Марущенко, и его стратиграфия Намазга-депе в точности соответствует хронологическим стадиям, выделенным именно им для древнеземледельческих культур ППК. Этот вопрос и в научном, и в этическом плане требует более полного рассмотрения. Важно лишь констатировать – раскопки вел А. Ф. Ганялин, его консультировал А. А. Марущенко, который, вероятно, также спускался в шурфы. Б. А. Куфтин по причине преклонного возраста этого делать не мог, а довольствовался разъяснениями А. Ф. Ганялина и осмотром полученного материала на поверхности.

В. М. Массон прямого отношения к этим раскопкам не имел. Его вклад в создание «намазгинской колонки» заключался в том, что из «колонки», составленной Ганялиным, он исключил стадию Дашлы. Однако его ученик К. Курбансахатов, занимавшийся реэкзаминацией стратиграфии Северного холма Анау, зафиксировал существование подобного комплекса и на Анау (*Курбансахатов*, 1987. С. 100–104).

Негативная оценка труда А. А. Марущенко (исключение из числа соавторов «Истории ТССР»), естественно, стала еще одной психологической травмой для него, но создается впечатление, что она доставила ему меньше неприятностей, чем два предыдущих события – арест и разрыв с М. Е. Массоном, которые были неожиданными для него и закончились длительной депрессией. Кроме того, внутренне он был уверен, что предложенная им гипотеза верна, и просто в его окружении не было людей, способных правильно ее оценить. К тому же все произошло в совершенно иной обстановке, в упомянутых выше случаях за психологической травмой следовал длительный период депрессии, утрата перспективы. В этом же случае это совпало с возвращением к любимому делу, и представилась возможность заниматься раскопками, и они проводились в более широких масштабах, так как археология была обозначена как одно из основных направлений Института в самом названии. К этому надо добавить, что до 1954 г. А. А. Марущенко фактически определял деятельность археологической группы[7]. А. А. Марущенко наконец-то получил возможность публиковаться. В 1956 г. вышел в свет 2-й том «Трудов ИИАЭ», целиком посвященный новым археологическим исследованиям, в котором А. А. Марущенко принадлежат не только две статьи публикационного характера, но и вступительная статья с анализом археологических раскопок 1951–1953 гг.

В этот период А. А. Марущенко определял стратегию археологических полевых исследований археологической группы. В нее входили кроме самого Марущенко, С. А. Ершов, А. Ф. Ганялин, Ф. Я. Коськe.

В отделе регулярно проводились заседания, на которых обсуждались планы работ и исследований, заслушивались отчеты о проведенных полевых исследованиях и подготовленных на их основе научных статьях. Содержание этих заседаний подробно протоколировалось, и подшивка этих отчетов сохранилась. А. А. Марущенко была заведена инвентарная книга поступлений, в которой фиксировались найденные отдельные предметы и коллекции. Здесь же хранились поступающие в сектор археологии находки. Все это я узнал в 1965 г., когда стал сотрудником сектора археологии.

Эти правила, можно сказать, соблюдались и поддерживались А. А. Марущенко вплоть до его выхода на пенсию. Во время землетрясения 1948 г. часть коллекций, хранящихся на стеллажах в открытых ящиках, попадала на пол и смешалась, но Александр Александрович вновь разложил их в нужном порядке, согласно коллекционным описям.

В 1954 г. в Ашхабад вернулся Джума Дурдыев, который проходил курс обучения в аспирантуре Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР (*Дурдыев*, 1954). Джуму Дурдыевича я знал только по последнему десятилетию его жизни, когда он вернулся в 1970 г., отбыв наказание. Осужден он был в 1964 г. за нарушения финансовой дисциплины. По слухам, у него в экспедициях были «мертвые души», так как уже в то время он пристрастился к алкоголю. Другой специальности кроме археологии у него не было. Вероятно по этой причине, а также и потому, что он первым из туркмен стал кандидатом наук в этой области, имел спокойный и незлобливый характер, его вновь взяли в отдел археологии. Хотя человек уже полностью выгорел, ему дали спокойно доработать до пенсии.

[6] На самом деле ситуация была очень запутанной. А. Ф. Ганялин – фронтовик, инвалид (у него была повреждена кисть правой руки, но он научился писать и работать левой рукой) имел двух учителей.

[7] Первоначально она входила в сектор, объединяющий археологов и этнографов. Заведующим, кажется, был А. Джикиев, но он в деятельность археологической группы не вмешивался.

До аспирантуры археологией он не занимался и, став заведующим сектором, практически впервые познакомился с памятниками Южного Туркменистана. Сектор в то время, не считая технического персонала, состоял всего лишь из четырех человек. Д. Дурдыев, как зав. сектором, в основном осуществлял представительские функции. А. А. Марущенко по-прежнему был «начальником штаба», определял, какие памятники следует раскапывать, А. Ф. Ганялин и С. А. Ершов были сотрудниками, имеющими специальные знания. А. Ф. Ганялин занимался памятниками эпохи бронзы, а его коллега эпохой энеолита. Так как экспедиционная машина у них была одна, то они работали вместе, как, например, было в случае с Байрамалийским некрополем. Но публикацию материалов поручили С. А. Ершову. Иногда работы проводились одновременно на нескольких памятниках, расположенных неподалеку друг от друга. Вероятно, жили они одним лагерем.

В 1958 г. Ганялин копал Шор-депе, расположенный между Артыком и Баба-Дурмазом, а А. А. Марущенко параллельно занимался разведывательными раскопками на Коша-депе у Баба-Дурмаза и осуществлял контрольные разрезы на валу Мерз (Рис. 8). Все вместе они предположительно работали на Кырк-депе, планировка которого удивительным образом повторяла планировку Древнего Мерва. Но обобщением результатов этих раскопок занимался только Д. Дурдыев (*Дурдыев* 1959). Некоторые результаты исследований на указанных и других объектах были опубликованы в 5 томе «Трудов ИИАЭ» (*Дурдыев,* 1959. С. 123–135; 136–159). Вступительную статью к этому сборнику писал или, по крайней мере, подписывал Д. Дурдыев.

Рис. 8. А. А. Марущенко (справа) и первый туркменский археолог-кандидат наук Джума Дурдыев (1929–2012) на раскопках Шор-депе. Южный Туркменистан, 1958 г.

Вероятно в 1964 г. предполагалось выпустить третий археологический том «Трудов Института». Однако упомянутые выше форс-мажорные обстоятельства помешали этому. Я видел только часть подготовленных к этому тому иллюстраций. В отличие от двух первых выпусков они были подготовлены профессиональным художником А. А. Долговым. Судя по этим иллюстрациям, в данном томе должны были располагаться публикации, по крайней мере, двух статей А. А. Марущенко. Одна из них, вероятно, была посвящена первым раскопкам на Мансур-депе. Объектом раскопок была северо-восточная башня главного двора. Сначала А. А. Марущенко предполагал, что это погребальный курган. С помощью скрепера он крестообразно разрезал ее и обнаружил, что это остатки сырцового сооружения. Я отложил эти иллюстрации, так как в 1968 г. сам принимал участие в раскопках этого объекта. После возвращения Д. Дурдыева в отдел археологии я спросил у него, собирается ли он продолжать раскопки Мансур-депе? На что он ответил утвердительно, и я отдал ему эти чертежи, к сожалению, не сделав копии, и дальнейшая их судьба мне не известна.

Это может показаться удивительным, но после выхода на пенсию стиль жизни А. А. Марущенко сильно не изменился, и он нашел в этом несколько позитивных моментов. Исчезла необходимость ежедневно являться на работу к определенным часам[8]. Кроме того в Институте часто проводились разного рода собрания, занятия по гражданской обороне, политинформации и прочие мероприятия, мало имеющие отношение к научному процессу.

Личный архив А. А., как уже отмечалось, это в подавляющем большинстве технические заметки, позволяющие самому себе быстро восстановить в памяти конкретную информацию, какие-то подробности, в нем нет морально-этических рассуждений[9].

Вообще перипетии жизни заставили Александра Александровича, первоначально человека

[8] Контроль за рабочей дисциплиной формально был очень жестким. В приемной находился специальный явочный журнал, где каждый сотрудник Института был обязан заверив личной подписью, указать время прихода на работу и ухода с нее, а также все свои отлучки за пределы Института в течение рабочего дня, в том числе и в научную Библиотеку, находящуюся рядом с Институтом.

[9] Редкие исключения – это уже упомянутая выше его констатация о предполагаемых находках керамики эпохи бронзы в Керкинском районе. Второй документ подобного рода – это его реакция А. Ф. Ганялина и В. М. Массона на его сообщение о том, что древнейший центр производства черно-глиняной керамики следует искать в юго-западном Туркменистане. После этого А. Ф. Ганялин и В. М. Массон устремились в указанный район, но никаких подтверждений этому не обнаружили, и А. А. с удовлетворением констатирует, что «чужим умом жить нельзя».

открытого и охотно делившегося своими догадками, стать скрытным и осторожным на слова, особенно с коллегами, занимающимися близкими проблемами. И основания для этого у него были.

В свое время А. А. приобщил к профессиональной археологии С. А. Ершова, но тот дважды предал своего «крестного отца». Первый раз, когда А. А. забрали в армию и он (Ершов), вероятно, решил, что Марущенко уже не вернется в археологию, и в своих журнальных публикациях о раскопках Нисы писал, что он проводил раскопки вместе с А. А. Марущенко, а иногда вообще забывал упомянуть имя последнего. Но А. А. Марущенко вернулся в археологию, и их дружба на этом кончилась, хотя по необходимости А. А. был вынужден работать с Ершовым, как бы забыв о первом инциденте.

М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова после 1946 г. ставшие откровенными недругами А. А. Марущенко, прикрываясь лозунгом, что культурное наследие это всеобщее достояние, опубликовали значительную часть материалов из раскопок Марущенко на Нисе и Мерве, которые находились в открытом доступе в музейных экспозициях и хранилищах, под своим именем[10]. В. М. Массон, унаследовавший от отца неприязненное отношение к Александру Александровичу, в своих работах о Джейтуне упорно избегал упоминания того, что А. А. Марущенко был первым археологом, посетившим Чакмакдаш Бейик (он даже изменил название этого объекта). Хотя в 1952 г. именно А. А. Марущенко показал этот объект Б. А. Куфтину, и О. Бердыев, которого А. А. Марущенко учил азам археологии и затем подарил ему все свои материалы по джейтунской культуре, в конечном итоге стал аспирантом В. М. Массона[11]. Для А. А. это, конечно, был удар, но к нему он, вероятно, был готов. Однако в 1964 г. О. Бердыев, вернувшись в Ашхабад и став заведующим отделом археологии, то есть непосредственным начальником Александра Александровича при живом авторе раскопок, стал публиковать от своего имени другие материалы А. А. Марущенко (*Бердыев*, 1976).

Уход А. А. на пенсию сразу после достижения 60-летия, мог быть вызван рядом разных обстоятельств. Может быть, он просто устал от перечисленного выше негатива или пенсия давала ему необходимую базу для жизни без забот о хлебе насущном и возможность избавиться от многочисленных условностей, обязательных для государственных учреждений.

В этот период А. А. Марущенко имел возможность посещать Институт, встречаться с интересными или нужными людьми, присутствовать только на интересных для него собраниях и выступать на них с собственными докладами. Своего рабочего места у него в Отделе уже не было, но новым местом его обитания стала Библиотека Академии наук, в которой за исключением студенческих сессий было свободно, кондиционированный воздух, а А. А. имел статус почетного посетителя. Здесь можно было встретиться, обменяться мнениями с представителями разных научных направлений. Как и прежде, А. А. неизменно присутствовал на докладах ашхабадских и приезжих специалистов, рассказывающих о результатах своих новейших исследований.

Сам Александр Александрович в этот период участвовал в работе Всесоюзного совещания по этногенезу Туркменистана (*Марущенко*, 1967), а в начале 1970-х годов сделал доклад на заседании Отдела о средневековых торговых путях в пределах Туркменистана. Как и в молодые годы он продолжает свои прогулки по ближним и дальним окрестностям Ашхабада, но теперь уже не только в выходные, а в любое комфортное для этого время. Эпизодически он посещает любимый им Ак-тепе близ Бекровы, который в этот период переживает тяжелые годы – культурные слои окрестным населением растаскиваются для удобрения своих огородов. Во время этих поездок он познакомился с инженером-гидрогеологом А. А. Ляпиным, который на досуге также увле-

Рис. 9. Экспедиция в Прикаспий. Лето 1968 г.

[10] Чтобы избежать обвинений в необъективности, отсылаю к статье Г. А. Пугаченковой «Архитектурные памятники Нисы» (1949. С. 201–202).

[11] Это, возможно, и не стоит ставить в вину О. Бердыеву – В. М. Массон был единственным доктором наук, обладавшим знаниями о джейтунской культуре.

кался археологией. Вместе они с помощью теодолита уточнили стратиграфическое положение отдельных слоев и находок[12].

Но основные интересы А. А. Марущенко в этот период были связаны с изучением отдаленных пустынных районов. У А. А. было много добрых знакомых среди геологов, пустыноведов, биологов, совершавших свои поездки в непроходимые места, так как у них в обиходе были мощные армейские вездеходы, они почти всегда брали А. А. в компаньоны на предмет обнаружения следов жизни человека в этих ныне необитаемых местах.

Вместе с А. Н. Мелентьевым летом 1968 г. он проехал по северо-восточному труднодоступному побережью Каспийского моря, изучая следы древней жизни (Рис. 9).

В этот период А. А. активно сотрудничал с Х. Юсуповым, который в аспирантские годы занимался проблемой расселения позднетуркменских племен на территории северо-западного Туркменистана, а позднее приступил к изучению материальной культуры кочевников античного периода на этой же территории. Х. Юсупов и А. А. Марущенко создали дуэт. В экспедиции А. А. чувствовал себя не гостем, а соратником, а Хемра воспринимал А. А. как мугаллыма – учителя, который деликатно подводил тогда еще молодого исследователя к правильному решению проблемы. На основании ранее проведенных исследований в исторической литературе существовало мнение, что в средневековье Узбой был относительно недолго обводнен, только в монгольскую эпоху. Но картирование памятников, расположенных по среднему Узбою показало, что археологические материалы известны здесь вплоть до XVIII в.

Именно А. А. посоветовал Х. Юсупову обратить внимание на крепость Игды-кала. Тот прислушался к этому совету, провел раскопки и выявил, что эта крепость возведена парфянами. Сам А. А. во время этих поездок по труднодоступным местам занимался сбором коллекций кремневых орудий, к сожалению, эта коллекция не была опубликована.

Летом 1976 г. А. А. Марущенко совершил два своих последних выезда в поле. В июле, то есть в самый разгар туркменского лета, он провел неделю или немного больше на Ак-депе у Артыка, где в это время А. Губаев проводил археологическую практику со студентами Туркменского Университета. Что именно привело А. А. на этот памятник, относящийся к сасанидскому времени, который явно находился вне основных его научных интересов, мне неизвестно, и спросить об этом уже не у кого. Возможно, А. Губаев хотел познакомить своих студентов с легендарным археологом в полевой обстановке. Сразу с Ак-депе после короткого отпуска он присоединился к экспедиции И. С. Масимова, проводившего исследования в низовьях Мургаба. Памятники эпохи бронзы в слепой, то есть сухой дельте Мургаба здесь были известны давно – первые из нескольких поселений этого времени здесь фиксировали еще члены американской экспедиции 1904 г. Затем в 1930-х годах бывал в этих местах А. А., а в начале 1950-х годов контрольные раскопки проводил В. М. Массон.

Рис. 10. Могила А. А. Марущенко на Ватутинском кладбище в Ашхабаде.

Но в 1970-х годах, когда у археологов появился добротный экспедиционный вездеход ГАЗ-66, они получили возможность проникать глубоко в пустыню, были обнаружены еще несколько скоплений поселений эпохи бронзы. Раскопками этих памятников занимались И. С. Масимов и В. И. Сарианиди. Были открыты великолепные архитектурные комплексы, а затем и некрополи. Наряду с храмами и могилами на такырах вблизи поселения Келлели было сделано еще одно важное в научном плане открытие. Здесь было найдено несколько черепков, вылепленных вручную и украшенных сложной росписью. Именно эти находки привлекли особое внимание А. А., они свидетельствовали о том, что упомянутые выше храмы и погребальные комплексы – это финальный этап освоения этой местности. Низовья Мургаба осваивалась человеком уже в IV–III тыс. до н.э. К сожалению, во время работ 1976 г., впрочем, как и позднее, культурные слои этого времени так и не были выявлены. Естественно, А. А. хотелось убе-

[12] Впоследствии по дневниковым записям А. А. Марущенко на Ак-тепе А. А. Ляпиным была написана статья (*Ляпин*, 2006).

диться в этом самому. А. А. Ляпин, также принимавший участие в этих исследованиях, вспоминает, что Марущенко в период нахождения в экспедиции был бодр и деятелен, но через две недели после возвращения он неожиданно почувствовал себя плохо и скончался, диагноз – инсульт. Последние его слова были: «Ну вот, с камешками покончено». Он похоронен в Ашхабаде на Ватутинском кладбище.

В 2024 г. усилиями Посольства России в Туркменистане был наведен порядок на месте погребения А. А. Марущенко. В торжественной обстановке было открыто новое каменное надгробие (Рис. 10).

ЛИТЕРАТУРА

Бачинский, 1949 — *Бачинский Н. М.* Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949. 48 с.

Горшков, 1947 — *Горшков Г. П.* Землетрясения в Туркмении. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. 63 с. (Труды Сейсмологического института / Акад. наук СССР).

Дурдыев, 1954 — *Дурдыев Д.* Античные памятники Ташаузской области Туркменской ССР. Диссертация... кандидата исторических наук. М.: ИЭ АН СССР, 1954. 185 с.

Дурдыев, 1959 — *Дурдыев Д. Д.* Итоги полевых работ сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР в 1954–1957 гг. // Труды ИИАЭ. Т. 5. Ашхабад: Ылым, 1959. С. 7–14.

Ершов, 1941 — *Ершов С. А.* Археологические памятники левого берега Амударьи // ВДИ. 1941. № 1. С. 184–192.

Кузьмина, 1972 — *Кузьмина Е. Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии («Бактрийский мираж» и археологическая действительность) // ВДИ. 1972. № 1. С. 131–147.

Курбансахатов, 1987 — *Курбансахатов К.* Энеолит Анау. Ашхабад: Ылым, 1987.

Литвинский, 1952 — *Литвинский Б. А.* Намазга-тепе // СЭ. 1952. № 4. С. 30–52.

Ляпин, 2006 — *Ляпин А.А.* Раскопки А. А. Марущенко на Ак-тепе // ПИФК. М.; Магнитогорск. Вып. XVI/1. С. 267–292.

Марущенко, 1967 — *Марущенко А. А.* Этногенез туркмен по данным народного изобразительного искусства // Всесоюзное совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений. Ашхабад: Ылым, 1967. С. 11-12

Марущенко, 1970 — *Марущенко А. А.* Ак-тепе // БСЭ. Изд. 3. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 349.

Массон, 1966 — *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) // ТЮТАКЭ. Т. 13. Ашхабад: Туркменистан, 1966. С. 195–199.

Массон, 1981 — *Массон* В. М. Алтын-депе. Л.: Наука, 1981. 171 с.

Пилипко, 1969 — *Пилипко В. Н.* Из работ Амударьинского отряда // АО 1968. М.: Наука. 1969. С. 427–428.

Пилипко 2005a — *Пилипко В. Н.* Основоположник археологии Туркменистана (К столетию со дня рождения А. А. Марущенко) // РА. 2005. № 2. С. 178–185.

Пилипко, 2005b — *Пилипко В. Н.* Первопроходец // ПИФК. Вып. 15. М.; Магнитогорск, 2005. С. 4–9.

Пиотровский, 1995 — *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб.: Наука, 1995. 288 с.

Пугаченкова, 1949 — *Пугаченкова Г. А.* Архитектурные памятники Нисы // ТЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад: Издательство ТФ АН СССР, 1949. С. 201–259.

Энгельс, 1952 — *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Госполитиздат, 1952. 192 с.

Юсупов, Ляпин, 1998 — *Юсупов Х., Ляпин А. А.* А. А. Марущенко. Архивные материалы // Культурные ценности. Международный ежегодник. 1996 / Отв. ред. Р. Г. Мурадов. СПб.: Европейский дом, 1998. С. 141–165.

ВИКТОР ИВАНОВИЧ САРИАНИДИ – ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Э. А. Мурадова
Институт истории и археологии
Академии наук Туркменистана

Несколько лет тому назад в Германии с потрясающим успехом прошла выставка «Маргиана – царство эпохи бронзы на территории Туркменистана». Изумлённые европейцы с восторгом открывали для себя великолепное искусство неизвестной древней страны, скрытой песками Каракумов. Соприкосновение с искусством древней восточной цивилизации оставило неизгладимый след в их восприятии исчезнувшего мира первых земледельцев. Исследование и донесение до широкой общественности достижений этой уникальной культуры стало делом всей жизни археолога, внесшего большой вклад в развитие российской, туркменской и греческой науки, доктора исторических наук Виктора Ивановича Сарианиди. В 2024 г. исполнилось 95 лет со дня рождения ученого. В Туркменистане этому событию был посвящен Круглый стол «Туркменистан – очаг древних цивилизаций», прошедший 16 октября 2024 г. в Национальном музее «Ак бугдай» в г. Анау, в котором приняли участие исследователи из Туркменистана, России и европейских стран. В ходе работы научного форума были заслушаны доклады, посвященные роли двух выдающихся археологов, В. И. Сарианиди и В. М. Массона, в изучении древней истории Туркменистана, новым исследованиям и находкам, перспективам сотрудничества российских и туркменских ученых.

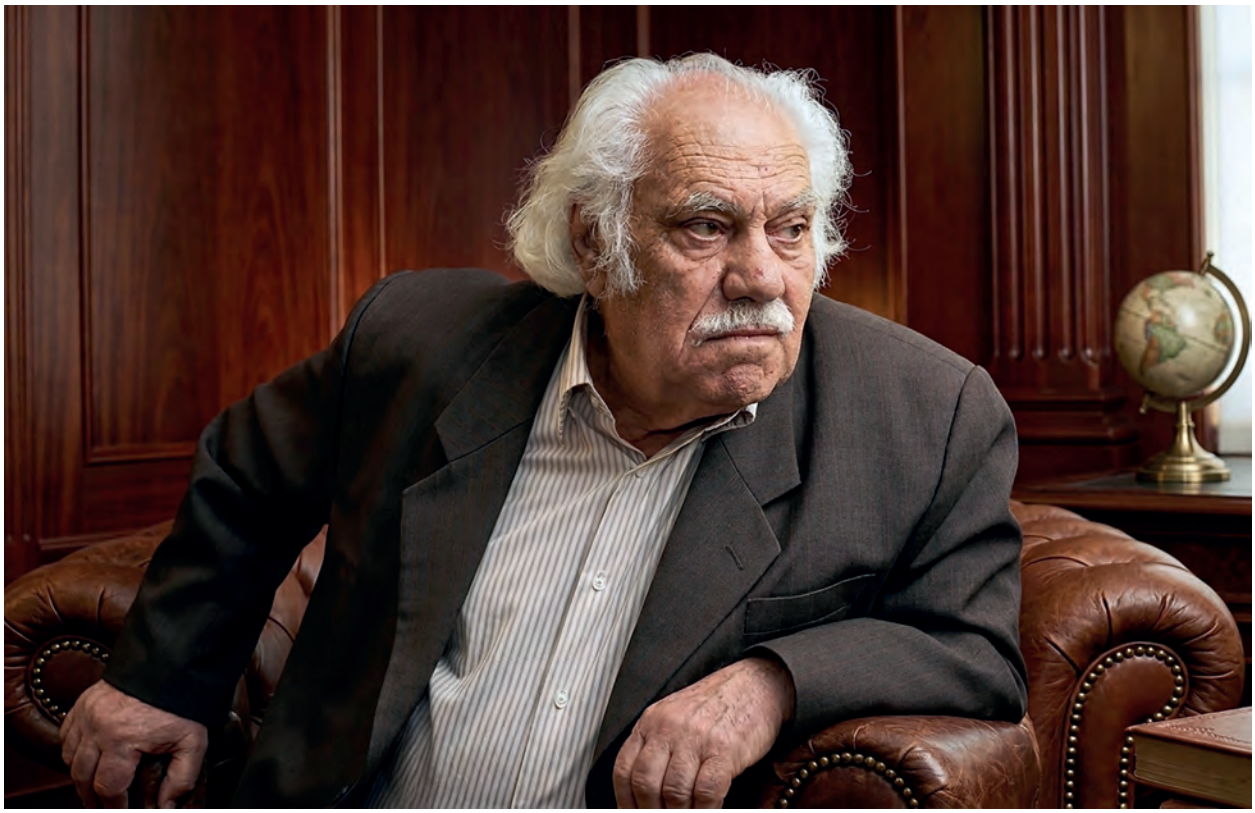
Виктор Иванович Сарианиди (1929–2013) относится к звёздной плеяде основоположников среднеазиатской археологии. Он – крупнейший учёный с мировым именем, профессор Афинского университета, член Антропологического общества Греции, иностранный член Национальной Академии деи Линчеи (Accademia dei Lincei, Италия), награжденный в 2002 г. орденом Греческой Республики «Гражданская Доблесть». В историю науки он вошёл как выдающийся и знаменитый археолог, нашедший «золото Бактрии» в Афганистане (*Sarianidi,* 1985; *Сарианиди,* 1988) и открывший в середине XX века в Каракумах Туркменистана новый центр древневосточной цивилизации. Исследования Виктора Ивановича Сарианиди отнесены к ста великим археологическим открытиям (*Низовский,* 2004. С. 295–296).

За вклад в изучение культурного наследия туркменского народа и развитие Туркменистана В. И. Сарианиди был неоднократно награжден – орденом «Garaşsyz Türkmenistana bolan beýik söýgüsi üçin» («За великую любовь к независимому Туркменистану» 2009), Золотой цепью Президента Туркменистана (2006), Международной премией имени Махтумкули (2001). В 2005 и 2012 гг. он становился победителем конкурса Президента Туркменистана «Türkmeniň Altyn asyry». В 2012 г. Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов вручил ему мантию и диплом Почётного академика Академии наук Туркменистана (*Дубова,* 2015. С. 978–979).

Всю свою сознательную жизнь В. И. Сарианиди посвятил археологии. Имя выдающегося учёного, автора 35 научных и научно-популярных книг и более 300 статей, неразрывно связано с изучением памятников эпохи энеолита и бронзового века. Последнюю книгу с названием «Блистательная Маргиана», которая являлась значительно дополненным текстом книги «В поисках страны Маргуш» (*Сарианиди*, 1993), он не успел завершить (*Дубова,* 2016. С. 51), но и изданные монографии по этой проблематике остаются ценнейшим источником по древней истории и материальной культуре Туркменистана.

Виктор Иванович Сарианиди родился 23 сентября 1929 года в Ташкенте (Узбекистан) в семье греков-понтийцев, которые в поисках хорошей работы переехали во второй половине 20-х годов прошлого столетия из Краснодарского края

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-69-74

Виктор Иванович Сарианиди. Фото Х. Магадова, 2011 г.

в Среднюю Азию. После школы он поступает в Среднеазиатский государственный университет, после окончания которого в 1952 г. едет по направлению на работу в областной музей Самарканда. Ещё студентом, в 1948 г. он трудился там на раскопках обсерватории Улугбека.

В Туркменистан молодой человек впервые попадает как участник отрядов ЮТАКЭ: работает на Нисе (1949–1954), на Султан-кале в Мерве (1950–1954), на Тахирбае и Яз-депе в Мургабском оазисе (1955–1956). В 1949 г. он участвует в маршрутных разведках на юго-западе Туркменистана, в Машад-Мисриане. В 1954–1958 гг. учёный работал по договорам в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры и участвовал в различных археологических экспедициях. В 1959 г. В. И. Сарианиди был принят на работу в Институт археологии Академии наук СССР (г. Москва).

К востоку и юго-востоку от города Теджен, среди такыров и барханных гряд, на площади около 400 км^2 расположены древние поселения Геоксюрского оазиса. Их остатки стали объектом интенсивного изучения Каракумским отрядом Института истории материальной культуры. Результаты его раскопок 1957–1959 гг. на холмах Геоксюр 1, Акчадепе (Геоксюр 2) и Чонгдепе (Геоксюр 5) легли в основу кандидатской диссертации (*Сарианиди,* 1963) и книги «Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении» (*Сарианиди,* 1965). В 1975 г. учёный защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук, которая была опубликована под названием «Древние земледельцы Афганистана» (*Сарианиди,* 1977).

Его жизнь и имя неразрывно связаны с Маргианой, страной Маргуш, упоминаемой в знаменитой Бехистунской надписи.

В 70-80-х годах XX столетия о нём ходили легенды как о самом везучем археологе, которому сопутствует удача. Фортуна всегда улыбалась ему! И только работая в поле с таким великим учёным, понимаешь какая колоссальная энергия и громадный труд стоят за этим везением. В «поле» ему не было равных. Казалось, какая-то незримая связь существует между ним и памятником, который он исследует, что они чувствуют друг друга. Археолог с полной самоотдачей погружался в свою работу, и такое отношение к исследуемому объекту приносило плоды и приводило к потрясающим успехам.

Более 60 лет его жизни посвящены археологическим исследованиям и раскопкам на территории Южного Туркменистана. К 1990 г. в результате разведочных обследований Келлелийского, Аджикуинского, Тоголокского, Адамбасанского и Гонурского оазисов, расположенных в древней дельте реки Мургаб, было выявлено более 200 поселений бронзового и раннего железного века. На Тоголок 21 полностью раскопан уникальный культовый комплекс площадью около 10000 м^2 (*Сарианиди,* 1990).

Студент САГУ Виктор Сарианиди с ташкентским археологом Михаилом Сергеевичем Мерщиевым. Лагерь ЮТАКЭ в селе Багир, сентябрь 1949 г. Фото из архива М. И. Вязьмитиной.

В. И. Сарианиди и М. С. Мерщиев. Село Багир, сентябрь 1949 г. Фото их архива М. И. Вязьмитиной.

В. И. Сарианиди и В. М. Массон. Туркмения. 1950-е годы.

В.И. Сарианиди и Габриель Росси-Осмида на раскопках Большого некрополя Гонура. Вторая половина 1990-х годов. Фото А. Сегния.

Финский специалист по истории индийской цивилизации Аско Парпола, Аннакурбан Аширов и Виктор Сарианиди. Афины, Греция, 2002 г. Фото из архива А. Парполы.

В. Сарианиди, Н. Дубова, Э. Мурадова, А. Шайымова (Ниязмухаммедова), О. Беглиева, М. Беглиев, К. Шадурдыев. «На бугорке» Гонур-депе. 15.05.2005 г. Фото А. И. Нечвалоды.

В. И. Сарианиди выступает на открытии Международной конференции «Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации». За столом (слева направо) Г. М. Бердымухамедов, Т. Осада, А. Аширов. Мары, 14 ноября 2006 г. Фото Х. Магадова.

Казахстанский археолог Александр Николаевич Подушкин, Виктор Иванович Сарианиди и Какабай Хадыров во время визита участников конференции «Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации» на Гонур-депе. 15 ноября 2006 г. Фото из архива А. Н. Подушкина.

Виктор Иванович Сарианиди и Сахатмурад Караджаев в гостях у Гельды Мурадовича (первый слева) и Руслана Гельдыевича Мурадовых (крайний справа). г. Ашхабад, 10.04. 2008 г.

А. О. Сопиев и В. И. Сарианиди. г. Ашхабад, 07.04.2011 г.

С 1974 г., на протяжении дальнейших сорока лет, В. И. Сарианиди руководил раскопками на Гонур-депе (2300–1600 до н.э.), столичном поселении страны Маргуш. На этом памятнике проведены археологические раскопки на площади более 50 га, выявившие дворцово-храмовый комплекс, окруженный обводной стеной с четырехугольными башнями, а также Большой (западнее поселения) и «Царский» некрополи.

На поселении раскопана архитектура с квадратной планировкой, характеризующая данную цивилизацию и свидетельствующая о её местных истоках. Этот принцип планировки присущ крупным городским центрам, таким, например, как древнеиндийская Хараппа. Археологические исследования некрополей Гонур-депе позволили реконструировать традиции и погребальные обряды, получить сведения о религиозных воззрениях, сложной стратификации и иерархической структуре древнего общества.

Великолепными образцами ювелирного и декоративно-прикладного искусства являются многочисленные уникальные предметы изобразительного искусства из золота, серебра, бронзы, кости, камня и терракоты, которые раскрывают истоки художественной традиции национальной культуры туркменского народа. Они значительно обогатили коллекции государственных музеев Туркменистана и входят в их постоянную экспозицию, вызывая огромный интерес у посетителей.

Отличительной особенностью научной деятельности В. И. Сарианиди являлась незамедлительная публикация результатов полевых исследований. Высокий профессионализм и энциклопедические знания отразились в его многочисленных научных трудах и помогли учёному донести до широкой общественности всю значимость для исторического знания, найденного на территории Туркменистана неизвестного ранее царства бронзового века. Благодаря научным исследованиям этого замечательного археолога, ученый мир смог соприкоснуться с древней Маргианой, о которой, до его раскопок, известно было очень мало.

Успеху Виктора Ивановича Сарианиди способствовали не только глубокие профессиональные знания и широкая эрудиция, колоссальная энергия и работоспособность, но также мощная интуиция подлинного исследователя. Его огромный опыт и организаторские способности, научная этика, помноженные на сильный дух, мужественность, благородство, *adamçylyk* (человечность), являлись отличительными чертами, характеризовавшими удивительного учёного на протяжении всей его жизни.

Благодаря его исследованиям и открытиям, подтверждающим правоту его идей, учёные всего мира признают страну Маргуш, как пятый, наряду с Египтом, Китаем, Индией и Месопотамией, важнейший центр формирования цивилизации, находящийся на территории современного Туркменистана.

ЛИТЕРАТУРА

Дубова, 2015 — *Дубова Н. А.* Блистательная Маргиана. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди (23.09.1929–22.12.2013) // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура / Под ред. В. П. Никонорова и В. А. Алёкшина. СПб.: ООО

«Контраст», 2015. (Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. Нов. сер. Т. III [XXVIII]; Труды ИИМК РАН. Т. XLV). С. 975–980.

Дубова, 2016 — *Дубова Н. А.* Виктор Иванович Сарианиди. Жизнь, творчество, друзья, коллеги // Труды МАЭ. Т. 6. М.: Старый сад, 2016. С. 8–58.

Низовский, 2004 — *Низовский А.* Сто великих археологических открытий. М.: Вече, 2004. 544 с.

Сарианиди, 1963 — *Сарианиди В. И.* Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении. Автореф. дис.… канд. ист. наук. / Ин-т археологии АН СССР, М., 1963. 32 с.

Сарианиди, 1965 — *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // САИ. Вып. Б3-8, ч. IV. М.: Наука, 1965. 56 с.

Сарианиди, 1977 — *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука,1977. 172 с.

Сарианиди, 1988 — *Сарианиди В. И.* Афганистан. Сокровища безымянных царей. Токио, 1988. 277 с., ил. Пер. на японский № 13.

Сарианиди, 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад; Ылым, 1990. 316 с.

Сарианиди, 1993 — *Сарианиди В. И.* В поисках страны Маргуш. М., 1993. 362 с.

Sarianidi, 1985 — *Sarianidi V.* Bactrian Gold. From the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad: Avrora Publishers, 1985. 260 p.

О В. И. Сарианиди и его открытиях:

Дубова Н. А. Виктор Иванович Сарианиди // Bulletin of Miho Museum. Vol. 15. October. 2014. С. 1–17.

Дубова Н. А. Золотое наследство Сарианиди / Golden heritage of Sarianidi // Туркменистан (журнал). 2014. № 1–2 (106–107). С. 50–65.

Дубова Н. А., Кожин П. М., Косарев М. Ф. Еще пять лет трудов и открытий // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди [ТрМАЭ. Т. 3]. СПб: Алетейя, 2010. С. 5–11.

Литвинский Б. А. Виктор Иванович Сарианиди – легенда археологии Центральной Азии // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 5–22.

Сидиропулос Н., Авгеринос А. Ташкентский парень // Эллада. 2008. Лето-2. С. 30–41.

Слова друзей [В. Н. Пилипко, Р. Гарнер, Е. В. Антонова, Л. В. Летникова, И. Л. Станкевич. Г. М. Курпалидис, Р. Г. Мурадов, Н. А. Ковалева, А. Парпола, М. Ы. Беглиев, А. И. Нечвалода, Р. М. Сатаев, В. В. Куфтерин, Л. В. Сатаева, Р. Хазели (Кей Ашкан Ардалан Афшарнадери), Э. А. Мурадова, В. И. Артемьев, А. М. Урманова, О. Бабаков, Г. С. Вртанесян, Я. Тиркишова, О. Сапармамедова, Г. Э. Вересоцкая, Н. Сидиропулос] // ТрМАЭ. Т. 6. М.: Старый сад, 2016. С. 80–190.

Слово о юбиляре [М. Ф. Косарев, Е. Е. Кузьмина, М. А. Мамедов, Л. Б. Кирчо, П. М. Кожин] // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 23–26.

Boroffka N. Viktor Ivanovich Sarianidi. September 23, 1929 – December 23, 2013 // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2014. 20. P. 267–270.

Boroffka N. Nachruf. Viktor Ivanovič Sarianidi. *23. September 1929 – †23.Dezember 2013 // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 45. Berlin, 2013. S. 351–352.

Dubova N. Victor I. Sariandi // Antiquity. A review of world archaeology. 2014. http://archive.antiquity.ac.uk/tributes/sarianidi.html

Dubova N. Victor Ivanovich Sarianidi (*23 September 1922 – †22 December 2013) // Journal of Indo-European Studies. Vol. 42. № 3-4. Fall/Winter. 2014. P. 525–552.

Lawer A. Central Asia's Lost Civilisation // Discover. Science, Technology, and the Future. 2006. November. P. 42–49.

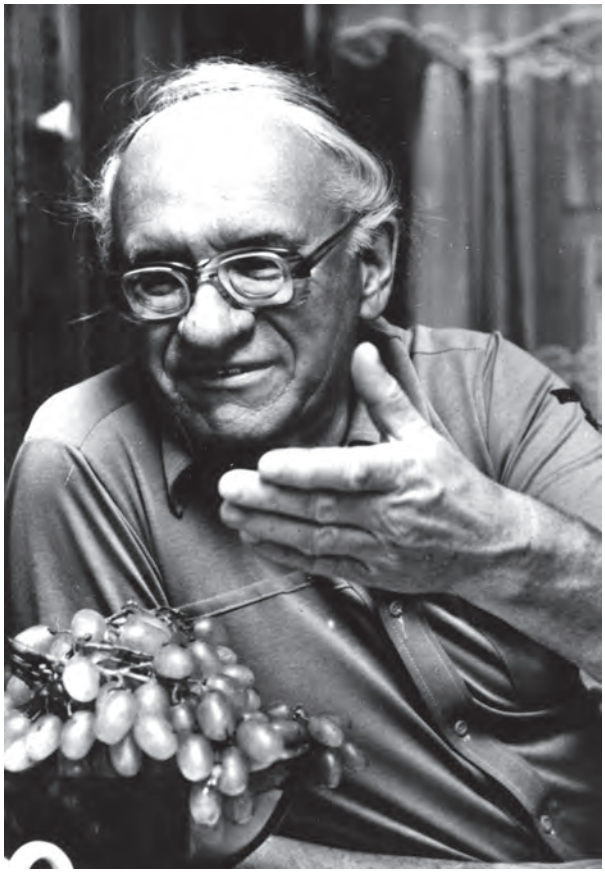
ВКЛАД ВАДИМА МИХАЙЛОВИЧА МАССОНА В ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТУРКМЕНИСТАНА

Э. А. Мурадова
Институт истории и археологии
Академии наук Туркменистана

Вадим Михайлович Массон – учёный с мировым именем, корифей Центральноазиатской археологии, историк Древнего Востока, исследователь древневосточных цивилизаций. Его имя хорошо известно всему научному миру. Находки, сделанные этим замечательным учёным на территории Южного Туркменистана, входят в сокровищницу великих археологических открытий (*Низовский,* 2004. С. 286–289).

В 2019 г. научный мир отметил 90-летие со дня его рождения, и этому событию была посвящена международная конференция «Древняя Центральная Азия в контексте Евразийского культурного пространства (новые данные и концепции)», которая прошла в Санкт-Петербурге (Россия) 20–22 ноября. Выдающийся археолог и востоковед, доктор исторических наук, профессор, академик АН Туркменистана В. М. Массон (1929–2010) был многолетним заведующим ЛОИА АН СССР, первым директором ИИМК РАН и крупнейшим отечественным исследователем древностей Центральной Азии, а также членом Королевской Датской Академии наук и литературы, Лондонского королевского общества древностей, Германского археологического института, Римского института Ближнего и Дальнего Востока, почетным доктором Румынского института археологии. Но прежде всего он знаменит археологическими открытиями на Алтын-депе, Джейтуне и Яз-депе. Кроме того, им были проведены крупные научные исследования и целенаправленно изучались памятники различных периодов истории Туркменистана – от неолита до средневековья.

Будущий учёный родился 3 мая 1929 г. в Самарканде, в семье одного из основоположников среднеазиатской археологии Михаила Евгеньевича Массона (*Алёкшин,* 2015. С. 679) – академика АН Туркменистана, полиглота, нумизмата, основателя и руководителя Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), учителя всех археологов Средней Азии, в том числе и своего сына. Его учителями наряду с отцом были М. М. Дьяконов, А. П. Окладников, М. И. Артамонов, И. М. Дьяконов (*Алёкшин,* 2015. С. 681). Они оказали значительное влияние на становление научных воззрений Вадима Михайловича. Соратницей и спутницей его жизни была

Вадим Михайлович Массон.

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-75-80

На раскопках Алтын-депе с А. Ф. Ганялиным (слева) и И. Г. Наримановым. 1973 г.

Галина Фёдоровна Коробкова – член-корреспондент Российской Академии естественных наук, доктор исторических наук, профессор, зав. экспериментально-трасологической лабораторией ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН, многолетний союз с которой отличала удивительная гармония.

С 1946 г., ещё будучи студентом кафедры археологии Средней Азии Исторического факультета САГУ (Среднеазиатский государственный университет, впоследствии ТашГУ, а ныне – Национальный Университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека), В. М. Массон стал принимать участие в полевых исследованиях ЮТАКЭ. В результате маршрутных археологических разведок им были выявлены и обследованы новые памятники, материалы которых были введены в научный оборот. В 1948 г., полевой сезон которого был прерван трагическим Ашхабадским землетрясением в ночь с 5 на 6 октября, молодой учёный работал на раскопках Старой Нисы. В. М. Массон участвовал в работах по закреплению и извлечению ритонов из слоновой кости, а впоследствии и спасении этих уникальных находок, относящихся к блистательной эпохе Парфянского царства.

Эрудиция, глубина знаний, владение иностранными языками выделяло его среди студенческой аудитории. В 1950 г. он с отличием окончил университет и поступил в аспирантуру ЛОИИМК АН СССР.

Изучением археологических объектов и прилегающих к ним древних русел и каналов на Мисрианской равнине В. М. Массоном установлены три хронологические группы памятников, соответствующие трём площадям освоения равнины культурой земледелия. Это памятники архаического Дахистана (конец II – I тыс. до н.э.), раннего (V – VIII вв. н.э.) и развитого (IX – XV вв. н. э.) средневековья (*Массон,* 1954. С. 3–7; *Массон,* 1969).

Самая древняя земледельческая культура Юго-Восточного Прикаспия, названная культурой архаического Дахистана относится к I площади освоения и занимает территорию на юге

На Первом Американо-Советском археологическом симпозиуме. Слева направо: Ф. Кол (Ph. Kohl); В. М. Массон; К. Ламберг-Карловски (C. Lamberg-Karlovski); Р. М. Мунчаев; Н. Я. Мерперт. Бостон (Гарвардский университет), США, ноябрь 1981 г.

В. М. Массон.
Алтын-депе.

и юго-востоке Мисрианской равнины. Площадь крупных поселений этой культуры (Мадау-депе, Тангсикыльджа, Чыглык-депе, Изат-кули) составляла 150–220 гектаров. Они снабжались водой при помощи сети каналов, сохранившихся в виде валов, идущих в различных направлениях. В. М. Массоном были изучены некоторые из них, прилегающие к древним поселениям. Этими исследованиями впервые была изучена культура архаического Дахистана; установлено существование развитой системы каналов на Мисрианской равнине, которая являлась основой древнего орошения (*Массон,* 1969).

В 1954 г. В. М. Массон блестяще защитил кандидатскую диссертацию «Древняя культура Дахистана (историко-археологический очерк)» (научный руководитель М. М. Дьяконов), которая была опубликована в 7 томе Трудов ЮТАКЭ, изданном в Ашхабаде (*Массон,* 1956). В этом же томе вышла и другая статья, посвященная энеолиту, бронзе и раннему железному веку (*Массон,* 1956а). Прошло более 50 лет после их публикаций, но до сих пор эти работы не утратили свою научную значимость для археологов и историков, изучающих культуру ранних земледельцев и предпосылки появления первых государственных образований на территории Туркменистана.

После окончания аспирантуры он стал работать в секторе Средней Азии и Кавказа ЛО ИИМК. Следующий этап его активной полевой деятельности связан с Юго-Восточным Туркменистаном. Будучи руководителем Каракумского археологического отряда в 1954–1956 гг., он осуществил широкомасштабные археологические работы (разведочное обследование и раскопки) в Мургабском оазисе.

В результате стратиграфических исследований на Яз-депе установлена археологическая периодизация раннего железного века: Яз-депе I (900–650 до н.э.), Яз-депе II (650–450 до н.э.) и Яз-депе III (450–350 до н.э.), которая стала эталонной для всей Центральной Азии (*Массон,* 1959). На этом поселении вскрыта жилая архитектура – остатки трёх домов и переулок. В южной части цитадели Яз-депе частично раскопано здание общественного назначения (дворец или храм). Цитадель была сооружена на мощной платформе из сырцового кирпича. Фрагмент железного топора из слоя Яз-депе II, шесть аналогичных топоров и железное тесло найденные на уровне Яз-депе III относятся к орудиям труда земледельцев, свидетельствуя не только о развитии земледелия, но и использовании железа в металлургическом производстве. Яздепинский и Аравалийский оазисы орошались водами двух крупных магистральных каналов.

Этими исследованиями документировано и обосновано существование древнеземледельческой культуры Маргианы ещё до империи Ахеменидов. В итоговом, монографическом исследовании В. М. Массона показано существование двух различных культур в эпоху раннего железа: на юго-западе – культуры архаического Дахистана, а на юго-востоке – культуры типа Яз (*Массон,* 1959). Открытие древнеземледельческой культуры Маргианы сыграло существенную роль в

Г. А. Пугаченкова и В. М. Массон.

На Советско-Индийском симпозиуме по проблемам археологии раннего железного века Индии и Средней Азии. В. М. Массон (справа) и проф. Бенареского индуистского университета Н. Р. Банерджи. На заднем плане сидит Ю. А. Заднепровский. ЛОИА АН СССР, сентябрь 1984 г.

вопросах уточнения не только периодизации, но и становления государственности на территории Туркменистана.

Поселение Джейтун находится к северо-западу от Ашхабада, в 25 км от него. Предыдущие исследователи заблуждались, считая его стоянкой. Вопросы происхождения джейтунской неолитической культуры актуальны до сих пор. Местное население именует его как Чакмакдаш-Бейк. И действительно, на песчаном бугре (120 × 60 м), возвышающемся над окружающей поверхностью на высоту 5,5 метров, располагалось поселение, перекрытое песчаными наносами мощностью 1,5 – 2,0 метра. Поражает то, что несколько тысячелетий сама природа сохраняла до нашего времени этот уникальный памятник, который раскрывает забытые страницы древнейшей истории, знаменующие переход от присваивающего хозяйства к производящему. В науке он получил название неолитической революции (Гордон Чайлд). А оседло-земледельческая культура, представленная на этом памятнике, вошла в науку, как джейтунская. В настоящее время в подгорной полосе Копетдага известно 13 поселе-

Башкортостан. Около пещеры Шульган-Таш (Капова). В. М. Масон (слева) и Питер Акко (Peter Ucko), директор Института археологии Университетского колледжа в Лондоне (Великобритания) (справа). 1987 г.

ний, характеризующих культуру неолитических земледельцев Южного Туркменистана.

Стратиграфическими исследованиями Джейтуна выявлены два строительных горизонта. Раскопаны жилые дома стандартного типа: квадратные в плане, с крупным очагом, выступом с нишкой на противоположной ему стене и белым известковым полом. К каждому жилому дому примыкал небольшой двор и хозяйственные постройки. Дома строились из глиняных блоков, овальных в сечении, длиной 60–70 см и шириной 20–25 см. Глина имела примесь крупнорубленого самана. «Протокирпичи» клались на глиняно-саманном растворе. Основными находками являлись кремневые орудия труда, глиняная расписная посуда, украшения и изделия особого назначения (*Массон,* 1971).

Так, во второй половине 50-х – начале 60-х годов XX в. (1955–1959, 1962, 1963 гг.), на территории Южного Туркменистана В. М. Массон открыл и исследовал джейтунскую культуру, которая была введена в научный оборот и стала эталоном оседлых древнеземледельческих неолитических культур (*Массон,* 1971). В подгорной полосе Копетдага уже в VII–VI тыс. до н.э. существовал южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур.

Результатом археологических исследований на «великолепном Кара» явилась серия публикаций по энеолиту (*Массон,*1962. С. 169–173).

В 1963 г. В. М. Массон защитил докторскую диссертацию: «Древнейшее прошлое Средней Азии: от возникновения земледелия до похода Александра Македонского», которая была издана под названием «Средняя Азия и Древний Восток» (*Массон,* 1964). Ему было всего 34 года. Этому, безусловно, способствовал интерес к истории и собственным исследованиям, привитый ещё в семье, пример отца, посвятившего себя научной работе, стало ему надёжной опорой на всю жизнь. Являясь яркой, харизматичной личностью и имея такие мощные корни, В. М. Массон оставил колоссальный вклад в науке.

Раскопки конца 70-х годов XX века дали научному миру памятник Алтын-депе, расположенный в Каахкинском этрапе Ахалского велаята. Это поселение эпохи энеолита и средней бронзы – один из двух крупнейших протогородских центров подгорной полосы Южного Туркменистана.

На Алтын-депе был открыт очаг цивилизации древневосточного типа. Результатом 15-летних раскопок на нём стало монографическое исследование «Алтын депе» (*Массон,* 1981), переизданное в США. В книге освещаются проблемы формирования поселений городского типа на Древнем Востоке, определяются хронология памятника и его историко-культурные связи.

С именем В. М. Массона связаны крупные достижения в мировой науке. Его перу принадлежит более 700 научных работ, в том числе больше сорока монографий, изданных в странах СНГ, Англии, Венгрии, Германии, США, Франции, Японии, которые внесли весомый вклад в изучение древнейших цивилизаций. В его исследованиях раскрываются проблемы культурогенеза, хронологии, формирования раннеклассового общества и поселений городского типа (*Массон,* 2006).

О многогранности его научных достижений свидетельствуют теоретические труды, в спектр тем которых входят: экономика и социальный строй древних обществ, основные направления культурно-исторического процесса, традиции и инновации в процессе культурогенеза, исторические реконструкции в археологии, перспективы методологических разработок в исторической науке, вопросы культурного наследия и т.д. Учёные и специалисты, изучающие Древний Восток и Центральную Азию, не обходятся без работ В. М. Массона. Его труды являются настольными книгами, как начинающих, так и именитых учёных. Кроме того, В. М. Массоном была создана научная школа международного уровня. Он подготовил более сорока кандидатов и одиннадцать докторов наук. Среди его учеников есть археологи, которые до сих пор работают в Туркменистане.

Фундаментальные исследования Вадима Михайловича Массона внесли неоценимый вклад в изучение богатейшего культурного наследия туркменского народа. Открытия археологических памятников, находящихся на территории Южного Туркменистана, являются неоспоримым доказательством самобытной истории и глубинных истоков её культурогенеза.

ЛИТЕРАТУРА

Алёкшин, 2015 — *Алёкшин В. А.* Вадим Михайлович Массон и его вклад в развитие первобытной археологии Средней Азии // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура / Под ред. В. П. Никонорова и В. А. Алёкшина. СПб.: ООО «Контраст», 2015. 1112 с., ил. (Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. Нов. сер. Т. III [XXVIII]; Труды ИИМК РАН. Т. XLV). С. 679–690.

Массон, 1954 — *Массон В. М.* Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Известия АН ТССР. СОН, 1954. № 2. С. 3–7.

Массон, 1956 — *Массон В. М.* Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. С. 385–458.

Массон, 1956а — *Массон В. М.* Первобытнообщинный строй на территории Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. – С. 233-259.

Массон, 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА, № 73, М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 216 с.

Массон, 1962 — *Массон В. М.* Новые раскопки на Джейтуне и Кара-тепе // СА, 1962, № 3. С. 169–173.

Массон, 1964 — *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.–Л.: Наука, 1964. 466 с.

Массон, 1969 — *Массон В. М.* Древнее орошение на Мисрианской равнине // Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. М.: Наука, 1969. С. 96–110.

Массон, 1971 — *Массон В. М.* Поселение Джейтун // МИА, № 180. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1971. 208 с.

Массон, 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе // Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII. Л.: Наука, 1981. 175 с.

Массон, 2006 — *Массон В. М.* Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2006 г. 384 с.

Низовский, 2004 — Низовский А. Сто великих археологических открытий. М.: Вече, 2004. 544 с.

МОЙ ДРУГ РОБЕРТ САТАЕВ

Существует общепринятое мнение, что найти новых друзей после 30 практически невозможно. Мы познакомились с Робертом в 2014 г. на Гонур-депе. Я приехал на памятник, да и вообще в Туркменистан, в Среднюю Азию, в первый раз – он был старожилом. Мне было 40, ему – 43. На самом деле, разница в возрасте у нас была чуть больше двух лет, но он всегда казался мне сильно старше. Не знаю в чем здесь дело. Может быть в его внешней основательности, хотя и бесшабашности одновременно. Мы подружились. Кроме поля, общение в основном сводилось к телефонным разговорам, не частым встречам на конференциях и во время значимых событий, связанных с нашими общими друзьями и Маргианской экспедицией.

В 2020 г. в моей жизни случились «крутые перемены». Я переехал в Санкт-Петербург, оставил преподавательскую карьеру и устроился на работу в ИИМК РАН. Все это происходило в непростые времена, в разгар пандемии. Это было своеобразным вызовом для Роберта, потому что он получал подобные приглашения (от ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва) не раз. Но он по разным причинам не решался. Это было непростое время для «неформального объединения Маргианская археологическая экспедиция» (по меткому выражению Руслана Мурадова). Казалось, отсутствие полевых исследований, изоляция и прочие обстоятельства не оставят от былого единства и следа. К счастью, благодаря неисчерпаемой энергии Н. А. Дубовой и Р. М. Сатаева этого удалось избежать.

Но ковид не обошел Роберта стороной, он переболел, наверное, несколько раз, то официально, то не официально, и когда мы встретились

Роберт Мидхатович Сатаев в Загросских горах, Иран. Февраль, 2009 г.

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-81-85

Р. М. Сатаев и А. В. Фрибус в Таджикистане. 06.10.2016 г.

летом 2022 г. на защите докторской диссертации Володи Куфтерина сетовал, что теперь, видимо, это хронически. И какое-то «оседание» на этом фоне было заметно.

На новом месте я всячески пытался заманить Роберта в Петербург, на конференции, которые мы проводили, да и просто в гости. Он, в свою очередь, хотел, чтобы я приехал в Уфу. В Петербург Роберт так и не приехал, а я впервые попал в столицу Башкортостана только на его сороковины.

Все изменилось в канун нового, 2023 года. Роберт издал книгу, дописал давно обещанную докторскую диссертацию, которую мы дружно вычитали, подал документы для устройства в ИЭА РАН. Всему этому – и заслуженной степени и новому закономерному этапу карьеры не суждено было осуществиться. 10 января 2023 г. Роберта Сатаева не стало.

Он мог бы сделать для Маргианской экспедиции и археологии Центральной Азии много, и потому потеря эта, конечно тяжела.

Каким он был?

Первое, что всегда приходит на ум, когда я вспоминаю Роберта – это улыбка. Он не был балагуром, но светлым человеком – всегда. Это – на всех фотографиях, везде, даже в самых сложных

Р. М. Сатаев на Гонур-депе. Апрель, 2007 г.

Р. М. Сатаев за работой в лагере Гонур-депе. 04.09.2009 г.

ситуациях он улыбался, не унывал и подтягивал своих более склонных к депрессивным состояниям товарищей.

Он не был дипломатом. В сезоне 2015 г. мне приходилось брать на себя решение всех спорных рабочих вопросов с нашими зарубежными коллегами, хотя он, в отличие от меня, говорил по-немецки. Но и вскипал по любому поводу мгновенно.

Он был очень по-хорошему консервативен. Искренне любил супругу Лилию, настоящего соратника, соавтора многих его работ. Дети, сын и дочь, всегда были на первом месте, в каких бы далеких уголках, без связи он ни оказывался. Вообще все семейные и дружеские ценности были для него очень важны. Это как массовый обзвон родственников 1 января…

И еще, конечно, он был очень громкий. Это происходило всегда и везде; на раскопе, за столом, на айване, просто в песках, в Байрамали, Мары, Москве, Ашхабаде, Душанбе, Пенджикенте или Мюнхене, когда он говорил, шептал, а тем более пел. «Ходить в разведку» с Робертом было сложно: любая «тайная вечеря» очень быстро оказывалась на грани провала. Сам он этого не замечал, возможно, это была какая-то врожден-

А. В. Фрибус и Р. М. Сатаев на Раскопе 12 Гонур-депе. 06.05.2018 г.

Р. М. Сатаев и С. П. Грушин на Гонур-депе. 19.04.2015 г.

ная особенность, но это всегда всех нас очень веселило.

Не возьмусь писать о достижениях Роберта в археологии, все его работы и общий вклад довольно подробно и основательно освещены в статье, посвященной его творчеству (*Куфтерин, Сатаева, Гимранов*, 2023). Хотелось бы лишь поделиться тем, чему я научился и не научился у него.

Первое, и, наверное, самое главное, заключается в том, что Р. М. Сатаев смотрел на археологические материалы через призму настоящей, «истинной», интуитивно-понятной междисциплинарности, подобно таким классикам археологии (не побоюсь этого слова!) как, например, М. П. Грязнов или С. И. Руденко. Этот фундамент был заложен образованием, широтой интересов и кругозора и, конечно, опытом, приобретенным в многочисленных экспедициях, в которых он выступал в роли геолога, археозоолога, палеонтолога, археолога (что касается Гонура, то, конечно, и тесным общением с В. И. Сарианиди). Ну и, безусловно, были еще и талант, и везение, столь важное в археологическом деле. Такой подход позволял ему видеть картину комплексно, в отличие от нас, узких специалистов, сосредоточенных на нюансах своего «ремесла». Ярким примером этого является книга Роберта «Животные в культуре Древней Маргианы» (2016), в которой изложены краткие предварительные итоги работы над темой докторской диссертации. Кроме собственно археозоологических исследований, в

М. Ы. Беглиев и Р. М. Сатаев около «Царского святилища» на Гонур-депе. 05.05.2016 г.

ней обобщены все возможные источники, включая изобразительные, с широким применением культурологических подходов и методик.

Отсюда же и удивительная логичность и системность, свойственная всем его работам. На мой взгляд, дело в том, что Роберт всегда применял к гуманитарным, по сути, исследованиям естественнонаучные лекала. Поэтому его статьи и книга читаются легко, все систематизировано, положения и выводы всегда верифицируются.

В «поле» Роберт всегда брался за нетривиальные задачи. Например, он «коллекционировал» так называемые лунки с кремациями МРС. Конечно, мы пока далеки от понимания ритуалов, связанных с ними, но теперь обращаем на подобные объекты самое пристальное внимание. Мы постоянно обсуждали необходимость анализа и полной публикации коллекций изображений и знаков на керамике Гонура. Он считал, что зачатки письменности, безусловно, должны были существовать в Гонурском обществе, и мы просто не можем нащупать пути к пониманию этих своеобразных знаково-коммуникативных систем. В планах было комплексное исследование земледельческих орудий (прежде всего серпов) и основ систем жизнеобеспечения и хозяйства БМАК. И многое другое, конечно.

Именно такими были и его последние полевые исследования на Гонуре. Они были посвящены стратиграфии Дворца и хронологии Гонур-депе. Эти работы остались незаконченными, опубликованы только первые, но очень важные результаты (*Дубова и др*., 2021. С. 126-130). В ходе точечной шурфовки стен «Гонурского кремля» ему удалось значительно уточнить выводы В. И. Сарианиди о возникновении, строительных горизонтах и вехах существования центрального дворцово-храмового комплекса Гонур-депе. Вроде бы стратиграфия – сугубо археологический «хлеб», но он разбирался и чувствовал ее очень тонко. Недавно нам удалось найти в архиве экспедиции некоторые зарисовки и записи, касающиеся этих изысканий, надеюсь, они будут опубликованы.

Вот и все. Вот и все…

Что осталось? Сын, Эмиль, как две капли воды похожий на Роберта, дочь – умница и красавица Камилла. Все что остается нам, постараться, чтобы Гонур-депе, как и прежде, радовал новыми открытиями. Потому что необходимо ценить дружбу, особенно ту, которую приобрел за 40.

ЛИТЕРАТУРА

Дубова и др., 2021 — *Дубова Н. А., Мамедов М. А., Фрибус А. В., Грушин С. П.* Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018–2019 годах // ТрМАЭ. Т. 8. Исследования Гонур-депе в 2015–2019 гг. М.: Старый сад, 2021. С. 89–130. DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-89-130

Куфтерин и др., 2023 — *Куфтерин В. В., Сатаева Л. В., Гимранов Д. О.* Памяти Роберта Сатаева (1971–2023) // УАВ. 2023. Т. 23. № 1. С. 178–184. DOI: 10.31833/uav/2023.23.1.014

Сатаев, 2016 — *Сатаев Р. М.* Животные в культуре Древней Маргианы. М.: Старый сад, 2016. 196 с.

А. В. Фрибус,
ИИМК РАН

«ОПУСТЕЛА БЕЗ ТЕБЯ ЗЕМЛЯ...»

Памяти любимого мужа Роберта Сатаева

К сожалению, жизнь разлучает нас с самыми близкими людьми, самыми лучшими, необходимыми как воздух. Особенно тяжела эта потеря после прожитых вместе десятилетий, когда общими становятся не только дети и вещи, а слова, мысли, воспоминания, интересы, мечты и надежды. К сожалению, время не лечит, лишь немного притупляет боль потери. Я утешаю себя тем, что мой любимый, мой Роберт Сатаев почти 35 лет был рядом со мной, смотрел на меня влюбленными глазами, подставлял свое крепкое плечо. Удивительно одаренный, умный и остроумный, разносторонний, очень порядочный и добрый, прирожденный лидер, генератор идей, он привлекал к себе множество людей. Он, видимо, источал флюиды надежности, поэтому в армии, где он служил в инженерно-технических войсках («мазуто») в 1989–1991 гг., его поставили помощником начальника караула, и у него было более 200 караулов за 2 года (а это очень много, кто служил – тот знает). Караул охранял склады с оружием и припасами, в том числе во время августовского путча 1991 г. Эти два года армии он вспоминал всю жизнь, такая суровая была школа жизни.

Идей и планов у Роберта было всегда много, знания были энциклопедические в любых областях – биологии, геологии, археологии, философии, литературе, он был поэт и музыкант, великолепный рассказчик и душа компании. В нашей огромной библиотеке он вытаскивал любую книгу практически не глядя, открывал нужную страницу и показывал, где найти нужную цитату.

Он находил общий язык практически с любым человеком – и с грузчиками, и с водителями, и с коллегами, и с профессорами. Я называла это «гений общения», хотя это не столько про общение, сколько про понимание людей. Роберт удивительно умел увлекать своими идеями молодежь, в 1990-е годы он пробивал в Уфе создание «Музея естественной истории» с уже имеющейся достаточно представительной базой – палеонтологические находки, которые потом образовали систематизированные и научно обоснованные коллекции, живых животных, и главное – люди, молодые ученые, желающие работать в науке. Это был удивительный эксперимент:

Роберт Мидхатович Сатаев.

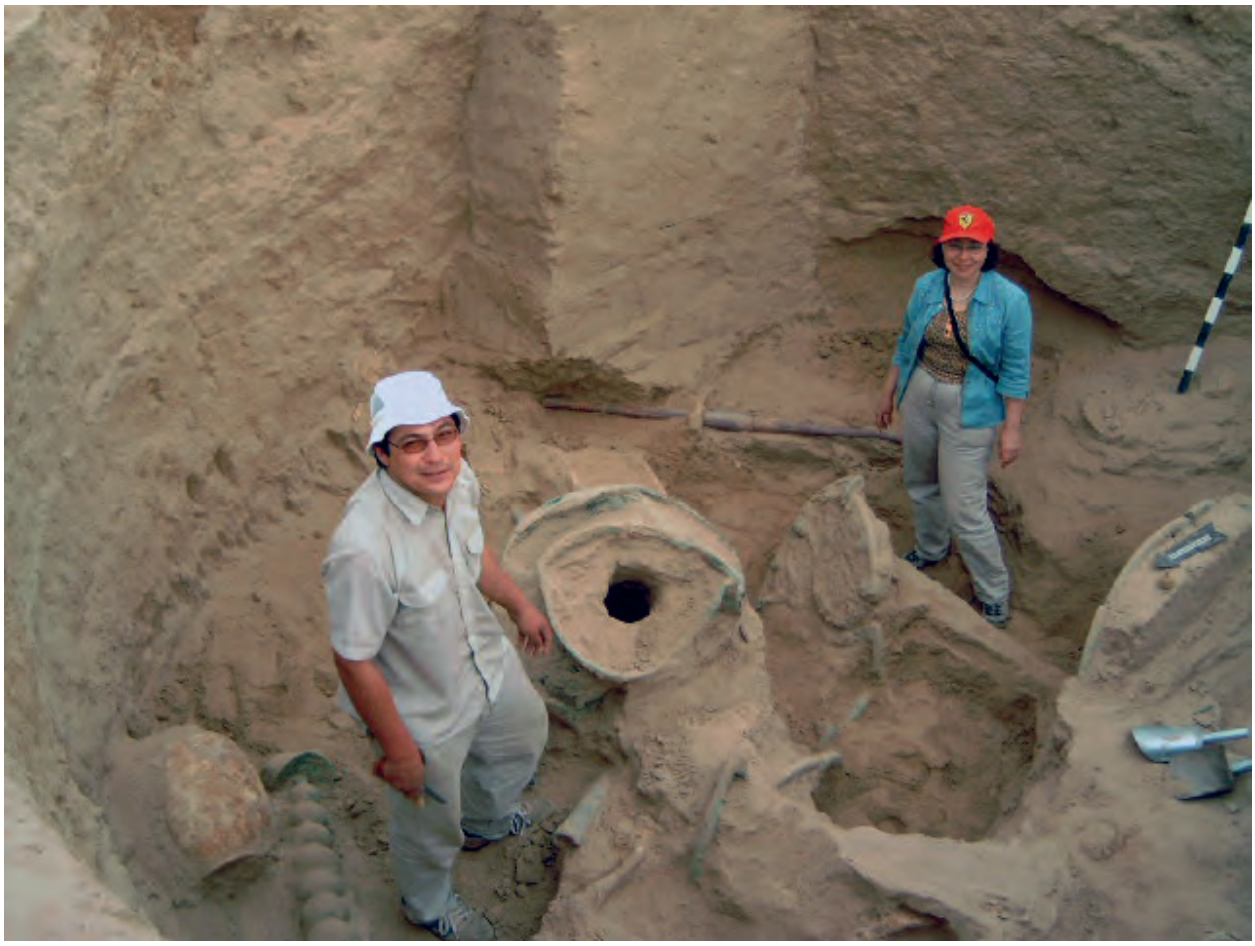
DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-86-89

Молодожены – Роберт и Лиля Сатаевы. г. Уфа, 13 декабря 1991 г.

Р. М. и Л. В. Сатаевы отмечают пятилетие сына Эмиля
в Музее естественной истории г. Уфы, созданном Р. М. Сатаевым. 2004 г.

Р. М. и Л. В. Сатаевы на раскопках погр. 3900 на «Царском некрополе» Гонура. 06.05. 2009 г.

Р. М. и Л. В. Сатаевы на 9 Конгрессе археологии древнего Ближнего Востока (9 ICAANE). г. Базель, Швейцария, 2014 г.

совершенно разноплановые люди, студенты разных вузов, даже школьники ездили с Робертом в экспедиции по сбору палеонтологического материала по всей республике, затем бурно обсуждали в стенах Музея полученные результаты. И не только их, настолько привлекательной была неформальная творческая атмосфера этого небольшого коллектива. Там пели песни, влюблялись, ловили втроем питона и впятером крокодилового каймана, чтобы прибраться в их вольерах, выращивали гекконов и хамелеонов, писали дипломы и готовились к новым свершениям. Роберт был душой, мозгом и директором этого проекта, который просуществовал с 1999 по 2011 год, потом без финансовой поддержки со стороны руководства был закрыт, а экспонаты распределены по музеям и институтам РАН. Двое его защитившихся аспирантов, учеников и друзей, В. В. Куфтерин и Д. О. Гимранов – выходцы из этого Музея.

Целая плеяда известных ученых (геологи И. А. Хайретдинов, М. А. Камалетдинов, Ю. В. и Т. Т. Казанцевы, биологи Б. М. Миркин, Г. С. Розенберг, Д. Б. Гелашвили, историки А. Г. Петренко, Г. Т. Обыденнова, В. И. Сарианиди, Н. А. Дубова, В. Н. Пилипко, А. А. Тишкин и многие другие) высоко ценили его ум, знания, работоспособность.

Р. М. Сатаев с детьми Камиллой и Эмилем – участники «Бессмертного полка». г. Уфа, 9 мая 2016 г.

Ирек Абдулхакович Хайретдинов, заведующий кафедрой геологии БГУ, грозный и беспощадный, пытался вытащить его из армии в 1989 г., потому что видел в нем умного и цельного человека, будущего геолога. Потом, во время учебы на геологическом факультете БГУ, он, конечно, «держал его в черном теле», ибо у него был принцип: «Все студенты дураки, но есть дураки обучаемые и необучаемые. Я работаю только с обучаемыми!». Из 20 поступивших на 1 курс успешно защитили дипломные работы всего 5 человек, в том числе Роберт. Они тепло встречались потом, работали в разных лабораториях Института геологии Уфимского научного центра РАН.

В свое время Виктор Иванович Сарианиди удивлялся: «Ты откуда, Роберт, такой взялся?» Роберт изучил и опубликовал исследования практически по всем животным Древней Маргианы. Когда он разобрался с остатками костей эквидов на Гонур-депе и определил, что в культовых погребениях находятся ослы, а не лошади, это очень не понравилось Виктору Ивановичу. Он в шутку ругался: «Ты всех наших лошадей скоро в кошек превратишь!» Тем не менее, он согласился с аргументами Роберта, который умел отстаивать свое мнение, и в дальнейшем просто по-человечески любил его.

Наверное, нет человека, знакомого с Робертом Сатаевым, который не сложил бы своего мнения о нем, так как он был незабываемым человеком. Кем же он был? Я думаю, он был настоящим мужчиной и мыслящим человеком – *Homo cogitans*.

Л. В. Сатаева,
Башкирский государственный аграрный университет

«ТЫ УМЧАЛСЯ, НОВОЙ СУДЬБЫ ИЩА...» – ВСПОМИНАЯ РОБЕРТА САТАЕВА (1971–2023)

В 2006 г. Маргианская археологическая экспедиция под руководством В. И. Сарианиди работала на Гонур-депе уже более 30 лет. Раскопки весны-осени 2004 г. оказались сенсационными: был найден и раскопан «Царский некрополь», в каждой из гробниц которого было обнаружено немало костных остатков животных (*Сарианиди*, 2006, 2007. С. 58–62; *Dubova*, 2021). Осенью 2006 г. на юго-западе от центральной части Гонура был найден интереснейший комплекс погребений, получивший условное название «Ритуальное захоронение животных»: трех представителей мелкого рогатого скота и одного эквида (*Дубова*, 2008). Кости барана/козы отличить от таковых, принадлежавших верблюду, корове, собаке или эквидам было не сложно. Но все более остро вставал вопрос о надежном определении их видовой принадлежности и, особенно, в отношении тех остатков, которые могли принадлежать, с точки зрения не специалиста, как лошади, так и ослу. Наличие лошади в конце III тыс. до н.э. в южных районах Туркменистана – один из больших вопросов, волновавших не только зоологов, но в не меньшей степени археологов, изучавших миграции эпохи бронзы и историю ранних цивилизаций. Поэтому попытки найти специалиста-археозоолога, который бы присоединился к основному составу экспедиции, предпринимались В. И. Сарианиди много лет. Один из сотрудников экспедиции, антрополог из Уфы А. И. Нечвалода, предложил обратиться к своему другу – Роберту Мидхатовичу Сатаеву, который в те годы был директором им же созданного в родном городе Музея естественной истории. Так, весной 2007 г. в состав Маргианской экспедиции влился новый замечательный специалист и прекрасный человек.

Одним из первых его профессиональных определений было установление факта того, что несколько скелетов, которые ранее определялись как принадлежавшие лошадям, на самом деле представляли ослов. Это на много лет дало повод В. И. Сарианиди, любившему пошутить, представлять Роберта приезжающим гостям как человека, который «всех наших лошадей превратил в кошек». Но, несмотря на шутливый характер этих слов и первоначальное огорчение руководителя экспедиции, тот же Роберт Сатаев установил, что жители страны Маргуш знали лошадей. И свидетельством этому было не только замечательное бронзовое навершие жезла в форме головы лошади из погр. 2380 (*Сарианиди*, 2004. С. 41), но и восемь отдельных местонахождений костных остатков этого животного (в том числе один целый череп), описанные им специально (*Sataev*, 2021). Да и после работы на Гонур-депе известного специалиста по зороастризму В. Ю. Крюковой из петербургской Кунсткамеры и ее уточнения о том, что трехногий осел, по представлениям зороастрийцев, находится в центре Вселенной, ритуальные захоронения целых туш ослов стали восприниматься не менее значимо, чем другие погребения животных (*Сатаев*, 2022).

С активным включением Роберта в работу экспедиции (а «не активно включаться» он просто не мог) ее жизнь значительно преобразилась, стала значительно богаче и еще интереснее. Его глубочайшие знания не только в области зоологии, экологии, ботаники и биологии в целом, а также археологии и геологии, стали для всех замечательным подспорьем в познании тех объектов, которые доставали из земли аккуратные руки рабочих. И это касалось далеко не только костей животных. Изображения фантастических и реальных зверей и птиц на печатях и разнообразных предметах также получали его четкую характеристику. Например, в «царской могиле» 3200 находились две фигурки, как мы

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-90-96

Роберт Мидхатович Сатаев за работой в лагере Гонур-депе. 29.10.2014 г.

первоначально писали, «орлов». Только увидев их на фото (сами предметы находились тогда и находятся сейчас в экспозиции Государственного музея в Ашхабаде), он определил, что это совсем не орлы, а соколы, причем определенного вида, который используется в соколиной охоте – туркестанский балобан (*Falco cherrug coatsi*). Он подчеркнул, что небольшая деталь (так называемые «усы» – характерные темные полосы, спускающиеся от глаз вниз к щекам и горлу), отмеченная на голове птиц каплевидной фигурой, показывает, что жители страны Маргуш очень хорошо знали их и держали в руках. Рассмотреть эту деталь на птице в полете просто невозможно.

Р. М. Сатаев изучил и несколько так называемых ритуальных лунок, которые были встречены на Гонуре как на территории дворца (в комплексе погребальных ритуалов), так и около некоторых погребений. Оказалось, что в каждую из них помещались сильно обожженные кости одного или двух баранов или козлов. Сжигание туш, уложенных на правый бок, проводилось, скорее всего, в двухкамерных очагах при высокой температуре. Затем кости тщательно собирались и укладывались в земляную лунку (*Сатаев*, 2010).

Сотрудники Историко-краеведческого музея Марыйского велаята в гостях у Маргианской археологической экспедиции. Сидят В. И. Сарианиди и Р. М. Сатаев. 03.05.2008 г.

В. В. Куфтерин и Р. М. Сатаев за работой в лагере Гонур-депе. 30.04.2008 г.

Для понимания всех погребальных ритуалов и церемоний, распространенных в стране Маргуш, нужен специальный анализ всех имеющихся, а также дополнительных данных, но некоторые их аспекты, в том числе связанные с использованием огня, были существенно уточнены благодаря его усилиям.

Именно Роберт Мидхатович установил направление и структуру одного из ирригационных каналов на Гонуре, описал его разрез (*Сатаев*, 2008). Его разведочные работы, осуществленные вместе с В. В. Куфтериным в 2010 г. с целью уточнения древних протоков р. Мургаб, позволили выявить несколько участков скопления обломков керамических сосудов, сконцентрированных вокруг разрушенных гончарных печей к юго-востоку от Теменоса (Южного Гонура). Проведенные затем при участии иранского археолога Дж. Мехр-Кияна раскопки пары таких печей обнаружили рядом с ними интересное сателлитное поселение Гонур-20 (*Сарианиди, Дубова*, 2012. С. 39–42), изучение которого продолжается и в настоящее время (например, см.: *Фрибус и др.*, 2019; *Дубова и др.*, 2021. С. 119–126).

Тщательное, с подробным описанием, уточняющее шурфование кремлевской стены Гонура, которое, к большому сожалению, Р. М. Сатаев успел осуществить только на восточном, частично северном и южном фасах, дало возможность подтвердить высказанное В. И. Сарианиди вскользь (фактически только в неопубликованных отчетных материалах) мнение, что первые насельники появились на этой территории не в конце, а в середине III тыс. до н.э. (*Сатаев*, 2018; *Сатаев и др.*, 2020). Он начал работы по изучению размеров сырцовых кирпичей, из которых сложены кремлевские стены Гонура, выявил их вариабельность для разных строительных периодов и уже в начале работ показал, что ремонт и обновление гонурских стен не всегда проводились кирпичами, а зачастую пахсовыми блоками или плотной забутовкой. Безусловно, эту работу необходимо продолжить.

Роберт Мидхатович был тем исследователем, который хотел понять как можно больше факторов, влияющих на развитие культуры, в частности материальной. Так, он инициировал небольшие разведочные маршруты вокруг Гонура

Р. М. Сатаев во время топосъемки во Дворце Северного Гонура. 09.10.2014 г.

Л. В. Сатаева, Р. М. Сатаев и Л. Б. Кирчо за работой в лагере Гонур-депе. 10.05.2019 г.

и вдоль старицы р. Мургаб недалеко от г. Байрамали с целью выяснения наличия там глинистых слоев, которые могли быть использованы древними маргушцами для добычи качественной глины, пригодной для гончарного производства. Работая в Иране или Таджикистане, путешествуя с женой и детьми в Египте, попадая в разные регионы России, он (также как и его супруга, Лилия Вакиловна) всегда собирал небольшой гербарий местной флоры. Его дом после закрытия Музея естественной истории стал крохотным филиалом хранилища костных и других «сокровищ», привезенных из разных уголков мира.

Нельзя не вспомнить его живой подход к сбору сведений о системе жизнеобеспечения бахтиар в долине р. Карун в Иране. Благодаря активному содействию уже упоминавшегося Джафара Мехр-Кияна, наша небольшая группа в составе А. И. Нечвалоды, Р. М. Сатаева и одного из авторов данной заметки была приглашена в г. Изе (остан Хузестан, Иран) для изучения останков человека и костей животных, найденных в результате охранных работ в процессе строительства дамбы и гидроэлектростанции Карун III. Эти материалы имеют большое значение, т.к. несмотря на значительное число раскопанных памятников на территории Ирана, как палеоантропологические, так и археозоологические данные с такой важной в историческом отношении области как Элам весьма немногочисленны. Из высокогорных областей Хузестана таковых не имеется вообще. Думается, подчеркивать историческую значимость региона, где вдоль р. Карун проходили важнейшие миграционные пути из Двуречья

М. Ы. Беглиев и Р. М. Сатаев на Раскопе 12 Гонур-депе. 14.04.2015 г.

Г. Т. Обыденнова и Р. М. Сатаев на Историческом факультете Башкирского государственного педагогического университета. г. Уфа, 06.11.2017 г.

в Северный и Восточный Иран, по которым в разные исторические эпохи, начиная с самых древнейших, расселялись разнообразные группы населения, и где уже на рубеже IV–III тыс. до н.э. выращивали обильные урожаи ячменя, эммера и фруктов, здесь излишне.

Проведенные под руководством Джафара Мехр-Кияна спасательные археологические работы принесли многоплановый и интересный археологический материал, включающий костные остатки животных из помещений и погребений. Полученные данные несут информацию о слабоизученной культуре полукочевых племен, населявших центральные районы Загросских гор в середине I тыс. до н.э. По сравнению с жителями равнинных областей юга и юго-запада Ирана, занимавшихся преимущественно земледелием, народности, жившие в горах, традиционно практиковали скотоводство, поставляя скот соседям (*Сатаев*, 2009). В горной части Элама (совр. Бахтиарские горы) ныне проживает основная часть бахтиар Ирана. Учитывая тот факт, что местные бахтиары и в настоящее время занимаются придомно-отгонным животноводством и земледелием, вполне логичен вывод о том, что современные жители являются прямыми потомками местного населения раннего железного века. Нам показалось весьма заманчивым провести изучение их антропологических особенностей (*Дубова*, 2011), а также получить хотя бы краткие сведения об их современном хозяйстве. Такие данные об особенностях хозяйства Загросских горцев железного века в сравнении с современными реалиями могут быть полезны при палеоэкономических реконструкциях региона в целом.

В своем кратком отчете (единственный документ, кроме дневниковых записей, который успел составить Роберт Мидхатович; мы публикуем его в этом издании) он, в частности, скромно пишет: «Данные о составе стада и структуре использования земельного надела отдельно взятыми семьями были получены посредством опроса населения». Но не будем забывать, что бахтиары не владели ни русским, ни английским языком, а участники нашей группы – соответственно не

знали бахтиарских диалектов лурского языка[1], который ряд исследователей рассматривает как диалект персидского/фарси. Роберт неплохо знал немецкий, но для того, чтобы иметь возможность общаться в Иране, он специально составил для себя список названий животных, растений, предметов домашнего обихода на английском и их перевод на фарси. В нашей группе был молодой человек, родным языком которого был фарси, и он немного знал английский. Добавлю, что возможность провести эти работы возникла спонтанно уже в г. Изе. Она при выезде из России не планировалась. Опрос проводился таким образом: Роберт на русском языке задавал вопрос, я переводила его на английский, а наш иранский помощник уже задавал его на фарси жителям сел. Соответственно ответ на фарси также переводился дважды. Такая схема родилась не сразу. И первоначально Роберту приходилось иногда имитировать голоса животных, о которых он хотел получить информацию. Это было не очень сложно в случаях с крупным рогатым скотом, овцами, козами, собаками, курами. Но, например, узнать, есть ли в хозяйстве и сколько индюков, было не просто, т.к. английское слово “turkey” на слух воспринимался не как «индюк», а как что-то связанное с тюрками. Чтобы получить ответ, нередко возникали забавные ситуации, когда Роберту приходилось «изображать» звуки, издаваемые этой птицей. Они веселили всех присутствующих – и бахтиар, и иранских коллег, и нас, россиян. Часть информации Р. М. Сатаев собирал даже на трассе, прося притормозить машину, чтобы прикинуть количественные характеристики стад коз, баранов и коров, пасущихся вдоль дороги.

Роберт был очень внимателен к деталям, но в то же время умел видеть как отдельные части, так и всё явление в целом. Его богатейшие геологические, эколого-биологические и исторические знания давали возможность анализировать явления разной природы в их совокупности: от деталей строения отдельной кости скелета (как животных, так и человека) или отдельных видов растений до устройства земной коры. Не в меньшей степени он свободно владел информацией и по археологии. Его подробные детализированные описания разрезов на Гонуре, способность произвести реконструкцию разрушенных участков, а также умение определить наиболее интересное направление поиска были крайне востребованы при полевых работах, особенно после ухода из жизни В. И. Сарианиди.

Сказанное выше является лишь каплей в море того, что за свою короткую научную жизнь удалось сделать ученому. Часть других его научных заслуг была отражена в нескольких публикациях (*Куфтерин и др.*, 2021, 2023; *Гимранов и др.*, 2023). К большому сожалению, среди многих незавершенных работ Р. М. Сатаева есть и докторская диссертация «Роль животных в жизнеобеспечении древних обществ: по материалам Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Туркменистан)», которая была обсуждена на заседании Центра антропоэкологии ИЭА РАН поздней осенью 2022 г. и рекомендована к защите. Тогда же он успешно прошел конкурс на замещение вакантной должности старшего научного сотрудника в том же подразделении ИЭА РАН и 10 января 2023 г. планировал приехать в Москву для окончательного оформления всех документов. Но именно в этот день ему суждено было «умчаться, новой судьбы ища…». Немало такой трагической развязке способствовала его крайняя ответственность. Так, например, будучи сам болен, во время эпидемии ковида он не мог не ходить на работу в Издательский дом «Республика Башкортостан», чтобы все порученные ему участки работали исправно, а также отслеживать, как «соблюдается режим снижения рисков распространения коронавируса».

Неожиданная безвременная кончина Роберта Мидхатовича – это невосполнимая утрата и в научном и в человеческом плане для всех его друзей и для нескольких отраслей научного знания. Мы хорошо знаем выражение «Незаменимых людей нет», но оно в отношении Роберта Сатаева не работает. Его отсутствие в работах и экспедиционной жизни на Гонуре ощущается постоянно.

[1] Единого стандартизированного бахтиарского языка нет – есть множество наречий и говоров, заметно различающихся между собой (https://ru.ruwiki.ru/wiki/Бахтиары?utm_referrer=https://yandex.ru/)

ЛИТЕРАТУРА

Гимранов и др., 2023 — *Гимранов Д. О., Куфтерин В. В., Косинцев П. А., Сатаева Л. В.* Памяти Роберта Мидхатовича Сатаева // Фауна Урала и Сибири. 2023. № 2. С. 188–192. DOI: 10.56268/24110051_2023_2_188

Дубова, 2008 — *Дубова Н. А.* Ритуальное захоронение животных на Гонур-депе // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 50–60.

Дубова, 2011 — *Дубова Н. А.* К антропологии современных бахтиар // Вестник антропологии. Вып. 20. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 15–22.

Куфтерин и др., 2021 — *Куфтерин В. В., Гимранов Д. О., Дубова Н. А.* В многомерном пространстве научного поиска (к юбилею Роберта Мидхатовича Сатаева) // АЕС. 2021. № 1. С. 334–339. DOI: 10.24411/2587-6112-2021-10007

Куфтерин и др., 2023 — *Куфтерин В. В., Сатаева Л. В., Гимранов Д. О.* Памяти Роберта Сатаева (1971–2023) // УАВ. 2023. Т. 23. № 1. С. 178–184. DOI: 10.31833/uav/2023.23.1.014

Сарианиди, 2006 — *Сарианиди В. И.* Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. № 2 (257). С. 155–192.

Сарианиди, 2007 — *Сарианиди В. И.* Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // РА. 2007. № 1. С. 49–63.

Сарианиди, Дубова, 2007 — *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Лошадь в Центральной Азии у земледельцев эпохи бронзы: новые находки на Гонур-депе (Туркменистан) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: международная конференция, Иркутск, 19–24 мая 2007 г. Сборник научных трудов / отв. ред. А. В. Харинский. Иркутск: Издательство Иркутского государственного технического университета, 2007. С. 224–233.

Сарианиди, Дубова, 2012 — *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008–2011 гг. // ТрМАЭ. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 29–55.

Сатаев, 2008 — *Сатаев Р. М.* Раскопки древнего ирригационного канала // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 65–66.

Сатаев, 2009 — *Сатаев Р. М.* Животные из раскопок памятников позднеэламского времени (провинция Хузестан, Иран) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. М.: Старый сад, 2009. С. 80–88.

Сатаев, 2010 — *Сатаев Р. М.* Реконструкция условий кремации животных из жертвенников-лунок Гонур-депе // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарианиди. СПб.: Алетейя, 2010. С. 466–484 (ТрМАЭ. Т. 3).

Сатаев, 2018 — *Сатаев Р. М.* Предварительные итоги изучения стратиграфии дворца Северного Гонура // ТрМАЭ. Т. 7. Исследования Гонур-депе в 2014–2015 гг. М.: Старый сад, 2018. С. 80–86.

Сатаев и др., 2020 — *Сатаев Р. М., Дубова Н. А., Сатаева Л. В.* Значение новых радиоуглеродных дат для построения внутренней хронологии Гонур-депе (бронзовый век, Туркменистан) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб.; Самара: ИИМК РАН, РГПУ, СГСПУ / ООО «Порто-принт», 2020. С. 81–82.

Сатаев и др., 2022 — *Сатаев Р. М., Дубова Н. А., Сатаева Л. В.* Домашний осел (*Equus asinus asinus*) на Гонур-депе и его распространение на Древнем Востоке // ВААЭ. 2022. № 3 (58). С. 104–116.

Фрибус и др., 2019 — *Фрибус А. В., Дубова Н. А., Беглиев М. Ы.* Первая находка полихромной росписи на Гонур-депе (Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства(новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 59–61.

Dubova, 2021 — *Dubova N. A.* The “Royal Necropolis” at Gonur Depe: an Attempt of Systematization (Plan, Constructions, Rituals) // The World of the Oxus Civilization / Eds. B. Lyonnet, N. Dubova. London–New York: Routledge, 2021. P. 333–366.

Sataev, 2021 — *Sataev R. M.* Animal Exploitation at Gonur Depe // The World of the Oxus Civilization / Eds. B. Lyonnet, N. Dubova. London–New York: Routledge, 2021. P. 438–456.

Н. А. Дубова, А. В. Фрибус, В. В. Куфтерин,
ИЭА РАН, ИИМК РАН

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ КАНДИДАТА БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РОБЕРТА МИДХАТОВИЧА САТАЕВА, ПОСВЯЩЕННЫХ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, БМАК И СМЕЖНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ[1]

1. Животноводство древнего населения Гонур-депе (Туркменистан) // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С. 133–135.

2. Древняя Маргиана: характер хозяйственной деятельности населения по палеоантропологическим и палеозоологическим данным (на материалах Гонур-депе) // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Уфа: Китап, 2007. С. 170–173 (соавторы В. В. Куфтерин, А. И. Нечвалода).

3. Характер хозяйственной деятельности древнего населения Гонур-депе по палеоантропологическим и археозоологическим данным // VII Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. Саранск: [б.и.], 2007. С. 322 (соавторы В. В. Куфтерин, А. И. Нечвалода).

4. Исторический анализ экологического кризиса Древней Маргианы // Природное наследие России в 21 веке. Уфа: Изд-во БГАУ, 2008. С. 354–356 (соавтор Л. В. Сатаева).

5. Раскопки древнего ирригационного канала // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 65–66.

6. Животные из раскопок городища Гонур-депе // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 138–142.

7. **Животные в хозяйстве и духовной жизни населения Гонур-депе** // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 143–160.

8. Животные в ритуалах древнего населения Гонур-депе // Туркменская земля – колыбель древних культур и цивилизаций. Ашхабад: Türkmenistanyň Metbugat merkezinde çap edildi, 2008. С. 147–148 (на русском, английском и туркменском языках).

9. Астрагалы мелких копытных в ритуальной практике древнего населения Гонур-депе (Туркменистан) // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 313–315.

10. **Древесная растительность древнего Гонурского оазиса по археоботаническим данным** // Аграрная Россия. 2009. № 6-II. С. 197–198 (соавтор Л. В. Сатаева).

11. Животные из раскопок памятников позднеэламского времени (провинция Хузестан, Иран) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. М.: Старый сад, 2009. С. 80–88.

12. Animals remains from burials and ritual objects of Gonur Depe (Turkmenistan) // Abstracts of the Third International Symposium on Middle Asia Intercultural Space (MAIS). Tehran: ICHTO, 2009. P. 29–30.

13. Возможности использования этноэкологических аналогий при реконструкции системы жизнеобеспечения древнего населения Гонурского оазиса // Интеграция этнографических и археологических исследований. Ч. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2010. С. 171–174 (соавтор Л. В. Сатаева).

14. Проблема реконструкции природных условий древнего Гонурского оазиса // Динамика экосистем в голоцене. Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2010. С. 190–193 (соавтор Л. В. Сатаева).

15. **Реконструкция условий кремации животных из жертвенников-лунок Гонур-депе** // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарианиди. СПб.: Алетейя, 2010. С. 466–484 (ТрМАЭ. Т. 3).

16. Особенности системы жизнеобеспечения древнего населения Гонурского оазиса (Туркме-

[1] Наиболее значимые публикации выделены полужирным шрифтом. Дополнительные материалы к биобиблиографии Р. М. Сатаева см.: (*Куфтерин и др.,* 2021; 2023; *Гимранов и др.,* 2023).

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-97-102

нистан) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 204–207 (соавтор Л. В. Сатаева).

17. Отдельные аспекты археоэкологических исследований на Гонур-депе (Республика Туркменистан) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. I. СПб; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 277–278 (соавтор Л. В. Сатаева).

18. **Исторические аспекты изучения природопользования** // Проблемы региональной экологии. 2011. № 6. С. 12–17 (соавторы Л. В. Сатаева, В. В. Куфтерин, А. И. Нечвалода).

19. Опыт классификации ритуальных объектов с животными на примере материала Гонур-депе // Этнос и среда обитания. Сб. статей по этноэкологии. Вып. 3. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 36–45 (соавторы Л. В. Сатаева, В. В. Куфтерин).

20. Results of archaeozoological and archaeobotanical researches at the Bronze Age site Gonur-Depe (Turkmenistan) // 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Abstracts. Warsaw, 2012. P. 101.

21. Russian–Iranian joint investigations in the Karun river basin (Khuzestan). 2009 // 11th Symposium of ICAR on Iranian Archeology reports. Tehran, 2012. P. 35 (co-authors N. Dubova, J. Mehr-Kian, A. Nechvaloda).

22. Zooarchaeological and archaeobotanical studying of peculiarities of livestock of ancient inhabitants of Gonur Depe (the Bronze Age, Turkmenistan) // 18th Congress of the European Anthropological Association "Human Evolution and Dispersals". Abstracts. Ankara: Ankara University, 2012. P. 46 (co-author L. Sataeva).

23. Седиментологические исследования осадочных отложений в пределах раскопа 18 // ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 56.

24. Археозоологические и археоботанические исследования на Гонур-депе в 2010 г. // ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 57–62 (соавтор Л. В. Сатаева).

25. Крупный рогатый скот в хозяйстве древней Маргианы // ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 154–158 (соавтор Л. В. Сатаева).

26. Археоботанические исследования на Гонур-депе // ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 159–162 (соавтор Л. В. Сатаева).

27. **Исторические предпосылки разведения крупного рогатого скота в аридных условиях юга Средней Азии** // Вестник БГАУ. 2013. № 1. С. 62–65 (соавтор Л. В. Сатаева).

28. Методологические аспекты изучения жизнеобеспечения древних обществ // X Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 235.

29. Животноводство древнего населения Гонур-депе (Туркменистан, эпоха бронзы) // Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия. Алексеевские чтения. М.: ООО ИТЕП, 2013. С. 85.

30. Horse, donkey, onager in the life of ancient people of Gonur Depe (Bronze Age, Turkmenistan) // 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Abstracts. Sections, posters, workshops. Basel: Uni Basel, 2014. P. 115.

31. Некоторые особенности изучения жизнеобеспечения древних обществ // Этнос и среда обитания. Сб. статей по этноэкологии. Вып. 4. М.: Старый сад, 2014. С. 60–66 (соавтор Л. В. Сатаева).

32. Results of archaeozoological and archaeobotanical research at the Bronze Age Gonur Depe site (Turkmenistan) // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. 3. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. P. 367–370 (co-author L. Sataeva).

33. Animals in the funeral rite and ritual practice of the ancient population of Gonur-Depe // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. 2014. № 3. С. 108.

34. Результаты археозоологических и археоботанических исследований 2012–2013 гг. на Гонур-депе // ТрМАЭ. Т. 5. Исследования Гонур-депе в 2011–2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 177–184 (соавтор Л. В. Сатаева).

35. Краткий предварительный отчет о результатах полевых археоэкологических исследований на Гонур-депе в осенний сезон 2013 г. // ТрМАЭ. Т. 5. Исследования Гонур-депе в 2011–2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 185–187.

36. Взаимодействие человеческих обществ с природной средой на ранних этапах межкультурной интеграции // Актуальные вопросы антропологии. Вып. 10. Минск: Беларуская навука, 2015. С. 105–113 (соавтор Л. В. Сатаева).

37. Образ «зубра-бизона» как маркирующий элемент культурных контактов Древней Маргианы и Кавказа // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. М.: Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 206.

38. Планиграфия административно-культового центра эпохи бронзы Туркменистана Гонур-депе и специфика его отдельных территорий // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. научных трудов. Барнаул; Омск: Изд. дом «Наука», 2015. С. 185–188 (соавтор Н. А. Дубова).

39. Система жизнеобеспечения населения эпохи бронзы юга Средней Азии в сравнении с таковой Средневековья и современности: междисциплинарный подход // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. научных трудов. Барнаул; Омск: Изд. дом «Нау-

ка», 2015. С. 266–269 (соавторы Н. А. Дубова, Л. В. Сатаева, В. В. Куфтерин).

40. **Анималистическая композиция на кубке из клада в царском некрополе Гонур-депе** // Записки ИИМК. 2015. № 12. С. 106–120 (соавтор Л. В. Сатаева).

41. Wood using at the Bronze Age site Gonur Depe (Ancient Margiana, South Turkmenistan) // Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. 3. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 634–645 (co-author L. Sataeva).

42. A unique evidence of construction rituals of Bactria-Margiana archaeological complex in Turkmenistan (case of Gonur Depe) // 10th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Abstracts. Vienna: OREA, Austrian Academy of Sciences, 2016. P. 37–38 (co-authors N. A. Dubova, S. P. Grushin, A. V. Fribus).

43. Animalistic composition on the goblet from the "Royal necropolis" of Gonur Depe // 10th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Abstracts. Vienna: OREA, Austrian Academy of Sciences, 2016. P. 129.

44. К характеристике одного интересного изображения на керамическом сосуде с Гонур-депе // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 121–128 (соавторы Н. А. Дубова, А. В. Фрибус, С. П. Грушин).

45. **Животные в культуре Древней Маргианы** / отв. ред. Н. А. Дубова. М.: Старый сад, 2016. 196 с. ISBN 978-5-89930-151-3

46. **Земледелие в Древней Маргиане** // Вестник БГАУ. 2016. № 3. С. 30–35 (соавтор Л. В. Сатаева).

47. Комплексное изучение систем жизнеобеспечения населения южных районов Средней Азии от эпохи бронзы до современности // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5. Ч. 2. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. С. 40–43 (соавтор Н. А. Дубова).

48. Животноводство и домашние животные Древней Маргианы (бронзовый век, Туркменистан) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5. Ч. 2. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. С. 132–135.

49. В одной лодке под названием «Гонур» // ТрМАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 141–148 (соавторы В. В. Куфтерин, Л. В. Сатаева).

50. **Погребения собак на «Царском некрополе» Гонура** // ТрМАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 204–223 (соавтор Н. А. Дубова).

51. Работы Маргианской археологической экспедиции в Туркменистане // АО 2014 года. М.: ИА РАН, 2016. С. 424–427 (соавторы Н. А. Дубова, М. А. Мамедов, М. Ы. Беглиев).

52. **Роль древесных растений в жизни древнего населения Гонур-депе (бронзовый век, Туркменистан)** // ВААЭ. 2017. № 1 (36). С. 134–142 (соавтор Л. В. Сатаева). DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-134-142

53. Изменения естественной среды обитания и адаптивные процессы у населения эпохи бронзы Южного Туркменистана // Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика. Пущино: Товарищество науч. изд. КМК, 2017. С. 53–57 (соавторы Н. А. Дубова, В. В. Куфтерин, Л. В. Сатаева).

54. Особенности диеты древнего населения Гонур-депе (бронзовый век, Туркменистан) по данным междисциплинарных исследований // Человек и среда: актуальные проблемы антропологии и археологии. VII Алексеевские чтения. Казань: ООО «Озон», 2017. С. 50 (соавторы Л. В. Сатаева, В. В. Куфтерин).

55. Палеоэтноботаника и палеоэтнозоология в системе знаний об экологии древних обществ // Этнос и среда обитания. Сб. статей по этноэкологии. Вып. 5. Исследования систем жизнеобеспечения. М.: Старый сад, 2017. С. 47–58 (соавтор Л. В. Сатаева).

56. Использование собак в ритуальной практике населения Гонур-депе (бронзовый век, Туркменистан) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. трудов. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. Т. I. С. 918–919.

57. Система жизнеобеспечения населения Гонур-депе (бронзовый век, Туркменистан) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. трудов. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. Т. I. С. 920–921 (соавторы Н. А. Дубова, Л. В. Сатаева, В. В. Куфтерин).

58. **Общие принципы устройства и функционирования систем жизнеобеспечения традиционных обществ** // ВААЭ. 2017. № 4 (39). С. 126–134. DOI: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-126-134

59. **Использование понятий «жизнеобеспечение», «бытовая культура» и «культура повседневности» применительно к изучению обществ исторического прошлого** // ЭО. 2018. № 1. С. 73–82. DOI: 10.7868/S0869541518010074

60. **Жизнеобеспечение, быт и повседневность в пространстве «археологической реальности»: ответ оппонентам** // ЭО. 2018. № 1. С. 93–95.

61. Evidence of funeral rituals from the Bactria-Margiana archaeological complex in Turkmenistan: the case of Gonur Depe // Proceedings of the 10th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz

Verlag, 2018. P. 235–246 (co-authors N.A. Dubova, S.P. Grushin, A.V. Fribus).

62. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2014–2015 гг. // ТрМАЭ. Т. 7. Исследования Гонур-депе в 2014–2015 гг. М.: Старый сад, 2018. С. 10–28 (соавторы Н. А. Дубова, М. А. Мамедов).

63. Могильник на юго-западе Гонур-депе (раскоп 12). Сообщение 1 // ТрМАЭ. Т. 7. Исследования Гонур-депе в 2014–2015 гг. М.: Старый сад, 2018. С. 29–79 (соавторы Н. А. Дубова, А. В. Фрибус, С. П. Грушин, В. В. Куфтерин).

64. **Предварительные итоги изучения стратиграфии дворца Северного Гонура** // ТрМАЭ. Т. 7. Исследования Гонур-депе в 2014–2015 гг. М.: Старый сад, 2018. С. 80–86.

65. Этнозоологический аспект изучения охоты // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 152.

66. Первые результаты археоэкологических исследований на могильнике Шахидон в 2013–2014 гг. // АРТ. Вып. XL. Душанбе: [б.и.], 2019. С. 272–279 (соавторы Н. А. Дубова, В. В. Куфтерин, Л. В. Сатаева).

67. Внутренняя хронология и периодизация Гонур-депе // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 40–41 (соавторы Н. А. Дубова, М. А. Мамедов). DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-40-41

68. Крупные каменные изделия Маргианы (Туркменистан, эпоха бронзы): местонахождения и разнообразие форм // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 51–53 (соавторы Н. А. Дубова, А. В. Фрибус, С. П. Грушин, В. Г. Турик). DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-51-53

69. Новый памятник ранних кочевников на юге Таджикистана: могильник Шахидон (к проблеме взаимодействия подвижных скотоводов и земледельцев) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 262–264 (соавторы Т. Г. Филимонова, Н. Сайфуллоев, Н. А. Дубова, В. В. Куфтерин, Л. В. Сатаева). DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-262-264

70. Reconstructing evolution of Murgab river delta for understanding the development of Margiana civilization (Gonur-Depe, Turkmenistan): first data // Ponto-Caspian Stratigraphy and Geochronology. Third Plenary Meeting and Field Trip of INQUA IFG 1709F POCAS. Tehran: INIOAS, 2019. P. 80–82 (co-authors R. N. Kurbanov, N. A. Dubova, M. I. Svistunov).

71. К проблеме хронологии палеогеографических событий дельты Мургаба в контексте эволюции Маргианской цивилизации // Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений. М.: [б.и.], 2019. С. 82 (соавторы М. И. Свистунов, Р. Н. Курбанов, Н. А. Дубова).

72. Plants, animal and human images of Ancient Margiana (Turkmenistan) in the context of cultural space of Ancient Near East // Proceedings of the 11th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2020. P. 259–274 (co-authors L. Sataeva, N. Dubova).

73. Excavations at Gonur Depe. A BMAC Bronze Age site in Turkmenistan in 2014–2015: Necropolis and residential areas in the South-West // Proceedings of the 11th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. 2. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2020. P. 81–90 (co-authors A. Fribus, S. Grushin, N. Dubova).

74. **New polychrome painting from Gonur Depe, Turkmenistan** // Antiquity. 2020. Vol. 94 (376), e22 (co-authors A. Fribus, N. Dubova, L. Sataeva, V. Kufterin, M. Begliev). DOI: 10.15184/aqy.2020.118

75. Новые радиоуглеродные даты по отдельным территориям Гонурского оазиса (Туркменистан, эпоха бронзы) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб; Самара: ИИМК РАН, РГПУ, СГСПУ / ООО «Порто-принт», 2020. С. 26–27 (соавторы Н. А. Дубова, Г. И. Зайцева, Н. Д. Бурова, А. В. Фрибус, С. П. Грушин). DOI: 10.31600/978-5-91867-213-6-26-27

76. Значение новых радиоуглеродных дат для построения внутренней хронологии Гонур-депе (бронзовый век, Туркменистан) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб.; Самара: ИИМК РАН, РГПУ, СГСПУ / ООО «Порто-принт», 2020. С. 81–82 (соавторы Н. А. Дубова, Л. В. Сатаева). DOI: 10.31600/978-5-91867-213-6-81-82

77. Формы отношений человека с растениями и животными в практике изучения традиционных обществ // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 6. Тюмень: Изд-во ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2020. С. 92–94 (соавторы Л. В. Сатаева, Н. А. Дубова).

78. Природные условия Древней Маргианы // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 101–103 (соавторы Л. В. Сатаева, Н. А. Дубова). DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-101-103

79. Рисунки и знаки на керамике из Гонур-депе (Туркменистан): техника нанесения, иконография, семантика // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 121–124 (соавторы А. В. Фрибус, С. П. Грушин, Н. А. Дубова). DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-121-124

80. О фауне, флоре и междисциплинарности // Природа – человек – общество: от прошлого к настоящему. Сб. статей к юбилею Н. А. Дубовой. М.: Старый сад, 2020. С. 126–133 (соавтор Л. В. Сатаева).

81. Биоархеологические и этноэкологические исследования в Таджикистане в 2015 г. // АРТ. Вып. XLI. Душанбе: Шохин-С, 2020. С. 114–133 (соавторы Н. А. Дубова, Т. Г. Филимонова, Л. В. Сатаева, В. В. Куфтерин, А. Н. Ямсков, Н.Н. Сайфуллоев).

82. Биоархеологические исследования в Таджикистане в 2016 г. // АРТ. Вып. XLI. Душанбе: Шохин-С, 2020. С. 134–139 (соавторы Н. А. Дубова, В. В. Куфтерин, А. В. Фрибус, Ш. Ф. Курбанов).

83. Работы на памятнике эпохи бронзы Гонур-депе в Туркменистане // АО 2018 года. М.: ИА РАН, 2020. С. 524–528 (соавторы Н. А. Дубова, М. А. Мамедов, С. П. Грушин, А. В. Фрибус).

84. Реконструкция истории дельты реки Мургаб для понимания развития Маргианской цивилизации (Гонур-депе, Туркменистан): первые данные // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара: СГСПУ, 2020. Т. I. С. 299–301 (соавторы Р. Н. Курбанов, Н. А. Дубова).

85. Двугорбый верблюд в хозяйстве и ритуальной практике жителей Гонур-депе (Туркменистан, бронзовый век) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара: СГСПУ, 2020. Т. I. С. 332–334 (соавтор Н. А. Дубова).

86. **Фитоморфные сюжеты в материалах из раскопок Гонур-депе** // АВ. 2021. Вып. 32. С. 110–118 (соавторы Л. В. Сатаева, А. В. Фрибус). DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-110-118

87. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018–2019 годах // ТрМАЭ. Т. 8. Исследования Гонур-депе в 2015–2019 гг. М.: Старый сад, 2021. С. 89–130 (соавторы Н. А. Дубова, М. А. Мамедов, А. В. Фрибус, С. П. Грушин). DOI: 10.33876- 978-5-89930-165-0-1-428-89-130

88. Диффузно-идиопатический скелетный гиперостоз у населения Гонур-депе – показатель социальной дифференциации? // ТрМАЭ. Т. 8. Исследования Гонур-депе в 2015–2019 гг. М.: Старый сад, 2021. С. 180–191 (соавторы В. В. Куфтерин, Н. А. Дубова). DOI: 10.33876-978-5-89930-165-0-1-428-180-191

89. Работы на памятниках эпохи бронзы Гонурского оазиса в древней дельте р. Мургаб, Туркменистан // АО 2019 года. М.: ИА РАН, 2021. С. 482–486 (соавторы Н. А. Дубова, М. А. Мамедов, А. В. Фрибус, С. П. Грушин, В. Н. Орлов, В. А. Агаханова, М. Ы. Беглиев).

90. **Animal burials at Gonur Depe** // The World of the Oxus Civilization / Eds. B. Lyonnet, N. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 386–404.

91. **Animal exploitation at Gonur Depe** // The World of the Oxus Civilization / Eds. B. Lyonnet, N. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 438–456.

92. Крупные каменные изделия Маргианы. Миниатюрные колонки. Диски. Скипетры (Посохи) / отв. ред. Н. А. Дубова, А. В. Фрибус. М.: Старый сад, 2021. 260 с. (Свод находок МАЭ. Вып. I. Ч. I) (*Автором подготовлен § 2 Главы 1 «Кратко о хронологии Маргианы». С. 23–24*). ISBN 978-5-89930-167-4

93. **Двугорбый верблюд (*Camelus bactrianus*) на Гонур-депе и вопросы распространения вида на Древнем Востоке** // ВААЭ. 2022. № 1 (56). С. 49–61 (соавторы Н. А. Дубова, Л .В. Сатаева). DOI: 10.20874/2071-0437-2022-56-1-4

94. **О качестве палеоантропологической выборки и «посмертном отборе» (по материалам Гонур-депе)** // ВААЭ. 2022. № 1 (56). С. 148–157 (соавторы В. В. Куфтерин, Н. А. Дубова). DOI: 10.20874/2071-0437-2022-56-1-12

95. **Домашний осел (*Equus asinus asinus*) на Гонур-депе и его распространение на Древнем Востоке** // ВААЭ. 2022. № 3 (58). С. 104–116 (соавторы Н. А. Дубова, Л. В. Сатаева). DOI: 10.20874/2071-0437-2022-58-3-9

96. **Several results of bioarchaeological and ethnoecological investigations in Tajikistan** // Теория и практика археологических исследований = Theory and Practice of Archaeological Research. 2022. Vol. 34 (3). P. 148–163 (co-authors N. A. Dubova, T. G. Filimonova, L. V. Sataeva, V. V. Kufterin, A. N. Yamskov). DOI: 10.14258/tpai(2022)34(3).-09

97. **Мясная напутственная пища в погребальном обряде населения Гонур-депе** // Вестник ТГУ. История. 2023. № 82. С. 168–175 (соавторы В. В. Куфтерин, Н. А. Дубова, Л. В. Сатаева). DOI: 10.17223/19988613/82/21

98. Characteristics of the grain layer in tomb 2900 at Gonur Depe (Early Bronze Age, Turkmenistan) // Proceedings of the 12th International Congress on the Archeology of the Ancient Near East. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassovitz Verlag, 2023. P. 141–148 (co-authors L. Sataeva, N. Dubova). DOI: 10.13173/9783447118736.141

99. Stone miniature columns, disks and scepters from the polity of Margush (Bronze Age Turkmenistan) // Proceedings of the 12th International Congress on the Archeology of the Ancient Near East. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassovitz Verlag, 2023. P. 315–325 (co-authors N. A. Dubova, A. V. Fribus, N. N. Skakun, S. P. Grushin, V. V. Terekhina, A. M. Yuminov, V. A. Agakhanova, Y. K. Tirkishova). DOI: 10.13173/9783447118736.315

100. New iconographic discoveries from the renewed excavations at the Bronze Age site of Gonur Depe (Turkmenistan) // Proceedings of the 12th International Congress on the Archeology of the Ancient Near East. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassovitz Verlag, 2023. P. 339–350 (co-authors A. V. Fribus, S. P. Grushin, N. A. Dubova, M. Begliev). DOI: 10.13173/9783447118736.339

101. Building technologies at the Bronze Age site of Gonur Depe (Turkmenistan) on the basis of the study of its palace // Proceedings of the 12th International Congress on the Archeology of the Ancient Near East. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassovitz Verlag, 2023. P. 541–546 (co-authors L. Sataeva, N. Dubova). DOI: 10.13173/9783447118736.541

102. Редкие встречи // От Копетдага до Окса: Исследуя древнюю Центральную Азию. Сб. статей в честь В. Н. Пилипко. М.: Старый сад, 2023. С. 15–18 (ТрМАЭ. Т. 9). DOI: 10.33876-978-5-89930-171-1-15-18

103. **Морфометрическая характеристика костей крупного рогатого скота из раскопок памятника бронзового века Гонур-депе** // ВААЭ. 2023. № 3 (62). С. 60–71 (соавтор Л.В. Сатаева). DOI: 10.20874/2071-0437-2023-62-3-6

Статьи о Р. М. Сатаеве

Гимранов и др., 2023 — *Гимранов Д. О., Куфтерин В. В., Косинцев П. А., Сатаева Л. В.* Памяти Роберта Мидхатовича Сатаева // Фауна Урала и Сибири. 2023. № 2. С. 188–192. DOI: 10.56268/24110051_2023_2_188

Куфтерин и др., 2021 — *Куфтерин В. В., Гимранов Д. О., Дубова Н. А.* В многомерном пространстве научного поиска (к юбилею Роберта Мидхатовича Сатаева) // АЕС. 2021. № 1. С. 334–339. DOI: 10.24411/2587-6112-2021-10007

Куфтерин и др., 2023 — *Куфтерин В. В., Сатаева Л. В., Гимранов Д. О.* Памяти Роберта Сатаева (1971–2023) // УАВ. 2023. Т. 23. № 1. С. 178–184. DOI: 10.31833/uav/2023.23.1.014

ОСОБЕННОСТИ НАТУРАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА БАХТИАР ПРОВИНЦИИ ХУЗЕСТАН (ИРАН)

Р. М. Сатаев
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Данный текст представляет собой краткий отчет о работах, проведенных Р. М. Сатаевым в 2009 г. в четырех селах, где проживают бахтиары. Исследование было организовано, благодаря помощи д-ра Дж. Мехр-Кияна, проводившего в 2004 г. спасательные археологические работы в зоне затопления при строительстве дамбы для гидроэлектростанции Карун III. Все села были переселены из зоны затопления выше в горы, где и проводился опрос населения.

Исследование было посвящено структурным особенностям натурального производства бахтиар провинции Хузестан (Иран). Интерес к этой группе населения вызван сохранением у современных бахтиар многих элементов традиционного образа жизни и зависимости от натурального производства, что позволяет изучить структуру и характер этого производства, являющегося основой их системы жизнеобеспечения. Полученные данные могут быть также использованы при реконструкции хозяйственного уклада древних сообществ региона.

В ходе проведенного исследования изучались родовые поселения оседлых бахтиар, натуральное хозяйство которых основывается на придомно-отгонном животноводстве и земледелии. Данные о составе стада и структуре использования земельного надела отдельно взятыми семьями были получены посредством опроса населения. Опросник включал вопросы о количестве человек в семье (живущих общим хозяйством), несовершеннолетних детей, голов скота и домашней птицы по каждому виду (также фиксировалась половая и возрастная структура стада, время появления потомства и забоя животных), других домашних животных (собаки, кошки, пче-

Плотина Дам Карун III. Пров. Хузестан, Иран. Слева направо: А. И. Нечвалода, главный инженер ГЭС, Н. А. Дубова, Р. М. Сатаев, сотрудник Службы древностей Ирана. 18.01.2009 г.

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-103-110

Р. М. Сатаев за изучением костных остатков животных из охранных раскопок при строительстве Дам Карун III. Январь 2009 г.

Р. М. Сатаев и А. И. Нечвалода в одном из гостеприимных домов бахтиар. Январь 2009 г.

Р. М. Сатаев опрашивает бахтиар. Январь 2009 г.

А. И. Нечвалода, Р. М. Сатаев и В. А. Дубов в горах Загросса около г. Изе пров. Хузестан, Иран. Январь, 2009 г.

Дж. Мехр-Киян (слева) объясняет Р. М. Сатаеву состав каждодневных блюд бахтиар Загросских гор. Январь, 2009 г.

Дж. Мехр-Киян (слева) и Р. М. Сатаев в гостях у организатора частного музея животных и птиц в Иранском Азербайджане. Февраль, 2009 г.

лы), о площади (в га) и структуре использования земельного надела (отмечались выращиваемые культуры и виды использования земли). Собранная информация уточнялась прямыми полевыми наблюдениями домашнего хозяйства бахтиар (в частности, подсчета количества голов скота). Стоит отметить, что корректировка данных полученных от респондентов диктовалось тем, что бахтиары (как и некоторые другие народы) в силу суеверий, чтобы не привлекать несчастья скоту, склонны преуменьшать численность стада которым владеют, а также не всегда учитывают молодых животных.

Всего было обследовано четыре села (Чардэ, Садат Хоссейни, Дарб-е Гариби, Шиванд), а также один из домов, сохранившихся от села Барджев попавшего в зону затопления. Села Садат Хоссейни, Дарб-е Гариби и Шиванд являются переселенными из зоны затопления. В систематизированном виде корректированные данные опроса представлены в табл. 1.

Район исследования находится на юго-западе Загросских гор, в среднем течении р. Карун. Обследованные села располагаются в узких долинах у подножья гор. Сами горы сложены известняками и сланцами. Многочисленны проявления карста в виде пещер и гротов, используемых местным населением как укрытия и загоны для скота. Склоны гор покрыты делювиальным шлейфом, на котором развита редкая преимущественно ксерофитная растительность, из древесных пород широко распространен дуб, который встречается в виде одиночно стоящих деревьев.

В целом, на основании проведенных исследований, можно сделать следующие выводы. Наиболее традиционным из обследованных нами представляется хозяйство, осмотренное в с. Барджев. В значительной мере традиционная форма ведения хозяйства сохранятся в селах Чардэ и Дарб-е Гариби. Основу домашнего стада здесь составляет мелкий рогатый скот (козы и овцы), доля крупного рогатого скота невелика. Роль верховых и вьючных животных выполняют ослы. Из домашней птицы, преимущественно содержатся куры. Имеются пасеки. Не менее 50% земельного надела отведено под пастбища с сохранением древесной растительности (источник топлива и желудей). Из хлебных злаков выращивается исключительно пшеница. Структура хозяйств сел Садат Хоссейни и Шиванд, перемещенных из зоны затопления, несколько отклоняется от традиционных форм. Количество голов скота здесь заметно меньше, в стаде увеличивается доля крупного рогатого скота. Среди выращиваемых растений, кроме пшеницы имеются ячмень и огородные культуры.

Таблица

Структура стада и земельного надела семейного хозяйства бахтиар (села в среднем течении р. Карун, пров. Хузестан, Иран)

Семья	Кол-во человек		Домашний скот (кол-во голов)				Домашняя птица (кол-во голов)		Собака	Пчелы (улья)	Земельный надел (га)		
	всего	детей	коза	овца	КРС	осел	куры	индюки			всего	под культурами	под лес или пастбище
Барджев (большая часть села затоплена)													
	7	5	38			2	100	4	2	40	60	15 пш	45 пас
Чардэ													
1	7	5	23		2	2	10		1		50	25 пш	25 лес
2	7	5	50	50		2	20		1		10	10 пш	
3	7	5	10	100	2	2	20		3		55	25 пш	30 паст
4	10	8				2	20				100	50 пш	50 лес
5	5	3	20	80	1	1	50		2		100	50 пш	50 лес
6	3		50	50		1			2		100	50 пш	50 лес
7	1					2					70	35 пш	35 лес
8	7	5	50	50			10		2		50	20 пш	30 лес
9	7	5	100			1	12		2		20	20 пш	
Садат Хоссейни (перемещенное из зоны затопления)													
1	9	6	30	30	1	3	50	10	2	120	50	25 пш	25 паст
2	11	9	10		2	1	50	2			100	50 пш	50 паст
3	9	7	10		6		15	10			10	5 пш	5 паст
4	8	6	8		4		10				10	10 пш	
5	8	6			3		40				150	150 пш	

Семья	Кол-во человек		Домашний скот (кол-во голов)				Домашняя птица (кол-во голов)		Собака	Пчелы (улья)	Земельный надел (га)		
	всего	детей	коза	овца	КРС	осел	куры	индюки			всего	под культурами	под лес или пастбище
6	13	10	10		2		12	10			50	25 пш	25 паст
7	12	10	12		5	1	12				50	25 пш	25 паст
8	4	2			2		50				1	0,5 пш/0,5 яч	
9	11	9	50	60	7		50	7	1		10	3 пш/3 яч	4 паст
10	8	6	16	10	3	1	20				10	3 пш/3 яч	4 паст
11	13	10	20		2	2	40	10			5	0,8пш/0,8 яч	3,4 паст
12	10	8	10		2	1	50	2			3	0,5пш/0,5 яч	2 паст
13	12	10	10		2	1	50	2			4	0,6 пш/0,6яч	2,8 паст
14	12	4	20		2	1	50				2	0,3 пш/0,3яч	1,4паст
15	10	8	100		2	2	100	4			18	3 пш/3яч/ 3 овощи	9 паст
16	8	6	20		1	2	20	10			2	0,3 пш/0,3 яч	1,4 паст
17	13	10	8		1		5				2	0,3 пш/0,3 яч	1,4 паст

Семья	Кол-во человек		Домашний скот (кол-во голов)				Домашняя птица (кол-во голов)		Собака	Пчелы (улья)	Земельный надел (га)		
	всего	детей	коза	овца	КРС	осел	куры	индюки			всего	под культурами	под лес или пастбище
18	7	1	20		2		4				5	0,8 пш/0,8 яч	3,4 паст
19	2				2	1	5						
20	14	8			2	1	20	4			10	1,6 пш/1,6 яч	6,8 паст
Дарб-е Гариби													
1	6	4	100		1	1	20		1		10	5 пш	5 паст
2	10	6	10			1	10						
3	12	6	14			3	70				40		40 паст
4	7	5	3		2		7		1				
5	9	7	40			1	4		2		10		10 паст
6	6	4	8				5		1		20	10 пш	10 паст
Шиванд (перемещенное из зоны затопления)													
1	5	3	4		1	1	10						
2	7	5					5				1	1 пш	
3	7	5	20		1	1							
4	5	3	30		1	1	8				1	0,5 пш	0,5 паст
5	5	4					14						
6	4	2				1	5						
7	4	2	14				10				1	0,5 пш	0,5 паст
8	7	5				1	10				1	0,5 пш	0,5 паст

Семья	Кол-во человек		Домашний скот (кол-во голов)				Домашняя птица (кол-во голов)		Собака	Пчелы (улья)	Земельный надел (га)		
	всего	детей	коза	овца	КРС	осел	куры	индюки			всего	под культурами	под лес или пастбище
9	8	6			2	1	5				5	2,5 пш	2,5 паст
10	4	2					6				1	0,5 пш	0,5 паст
11	5	3				1	4				1	0,5 пш	0,5 паст
12	6	4					4				1	0,5 пш	0,5 паст
13	11	9	25			1	15		1		3	1,5 пш	1,5 паст
14	20	13					12				2	1 пш	1 паст
15	10	8	60			1	20		2		1	0,5 пш	0,5 паст

Условные обозначения: пш – пшеница; яч – ячмень; паст – пастбища

Л. Б. Кирчо и К. К. Курбансахатов

2026 год начался с печальных известий. В один и тот же день, 1 февраля, ушли из жизни сразу два археолога, посвятившие свою жизнь изучению древней истории Туркменистана – Любовь Борисовна Кирчо и Какамурад Курбандурдыевич Курбансахатов. Они принадлежали к школе ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН, были учениками и ближайшими сотрудниками Вадима Михайловича Массона: одна в Санкт-Петербурге, другой в Ашхабаде. Они были очень разными, но их связывали и научные интересы, и одно знаменитое городище – Алтын-депе, где они, как и многие другие студенты и аспиранты В. М. Массона, начинали свой путь в науку.

ЯРКИЙ МЕТЕОР НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ НЕБЕ

Н. А. Дубова
Институт этнологии и антропологии РАН

В этом томе «Трудов Маргианской экспедиции» должна была быть совсем другая статья — текст, посвященный 75-летнему юбилею Любови Борисовны Кирчо. И мы к этой дате, конечно, готовились. Несмотря на большие проблемы со здоровьем, которые одолевали ее последние несколько лет, в голову не приходила мысль, что вот так неожиданно может оборваться жизнь такого энергичного, жизнелюбивого, активно преодолевающего многие препятствия яркого человека.

Л. Б. Кирчо родилась 30 июля 1951 г. в Крыму, в г. Евпатория. Ее родители были инженерами Гипробума — Государственного института по проектированию предприятий целлюлозно-бумажной промышленности, находившегося в Ленинграде, и были командированы в Крым, т.к. там велось большое строительство. После окончания в Ленинграде средней школы в 1968 г. она поступила на кафедру археологии Исторического факультета Ленинградского университета. В 1971 г. она устроилась на работу препаратором в Красноярскую экспедицию Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР (ныне – Институт истории материальной культуры – ИИМК РАН) под руководством Михаила Петровича Грязнова и перешла на вечернее отделение, которое закончила в 1974 г. Именно работа старшим лаборантом в этой экспедиции по окончании университета положила начало ее жизни в ЛОИА АН СССР. Это в наши дни выпускников вузов сразу принимают на работу младшими научными сотрудниками, а в те годы этого удостаивались только те, кто успешно защитил кандидатскую диссертацию. Любовь Борисовна была переведена на эту должность только в 1981 г. после защиты в 1980 г. диссертации «Культура ранней бронзы Южной Туркмении» (рук. В. М. Массон) в Сектор Средней Азии и Кавказа.

Несмотря на то, что она участвовала в раскопках памятников от верхнего палеолита (Костенковская экспедиция в Воронежской области, рук. Александр Николаевич Рогачев) до античности (Боспорская экспедиция Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина на Таманском полуострове, рук. Валерий Федорович Гайдукевич; Тарханкутская экспедиция в северо-западном Крыму, рук. Александр Николаевич Щеглов), включая Саяно-Тувинскую (рук. Александр Данилович Грач), работавшую в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, но всегда на первом месте оставалась Каракумская экспедиция (подразделение ЮТАКЭ) под рук. В. М. Массона. И главным объектом ее жизни стал один из крупнейших многослойных памятников Туркменистана – Алтын-депе в Ахалском велаяте. Там она работала и руководителем объекта, и начальником Алтыновского отряда (с 1985 г.) и заместителем руководителя Каракумской экспедиции. Также и

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-111-116

Любовь Борисовна Кирчо
в Петергофе.

Российские и американские археологи – участники Второго советско-американского археологического симпозиума в Самарканде, прибывшие в ЛОИА АН СССР для ознакомления с археологическими коллекциями Алтын-депе и Сумбара. Слева направо: И. Н. Хлопин, П. М. Долуханов, Марта (жена К. К. Ламберга-Карловского), К. К. Ламберг-Карловский, Л. Б. Кирчо. Ленинград, ЛОИА АН СССР, сентябрь 1983 г.

Участники международной конференции ученых стран СНГ «Древний Мерв – центр мировой цивилизации». Туркменистан, г. Мары (5–8 июня 2012 г.) на Гонуре. Слева направо: Н. Дубова, Л. Кирчо, О. Марфина (АН Белоруссии), Э. Мурадова, Ю. Берёзкин. 7 июня 2012 г.

в штате ЛОИА / ИИМК, занимая первоначально, как уже отмечалось, должность препаратора, она последовательно прошла все ступени – старшего лаборанта, аспиранта, младшего, старшего и ведущего научного сотрудника. В 1985–1996 гг. она была ученым секретарем института, с 2006 г. – ответственным секретарем ежегодника «Записки ИИМК РАН», а с 2014 г. – заместителем главного редактора этого издания. Как отмечают ее коллеги по редакции, «она никогда не занимала пост главного редактора, предпочитая числиться заместителем, но бразды правления всегда были в ее руках. Ей поступали рукописи статей; она решала, принимать ли их к публикации; договаривалась

Л. Б. Кирчо, А. В. Фрибус, Р. М. Сатаев и И. А. Вальков на раскопках Гонур-депе. 16.10. 2015 г.

с научными редакторами; определяла состав выпусков. Относилась она к этому серьезно, порой даже слишком. Внимательно читала все статьи, приводила их в порядок, по ее выражению, «чисто технически», то есть единообразно форматировала, оформляла обязательные элементы, просматривала иллюстрации и подписи к ним, проверяла ссылки. Ее тщательность и скрупулезность в оформлении списка литературы стала притчей во языцах» (*Новгородских*, 2026).

Уже первые ее научные тексты (1976, 1979), как и последующие статьи и книги (*Кирчо*, 1999; *Хронология позднего энеолита…*, 2005; *Кирчо, Коробкова, Массон*, 2008), были посвящены анализу археологических комплексов, характерных для разных этапов развития культуры в предгорьях Копетдага. Это нашло воплощение в докторской диссертации Л. Б. Кирчо «Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии (процессы культурной и технико-технологической трансформации)», которую она защитила в 2009 г. и где она выделила два ключевых этапа: первый — когда производство носило в основном домашний характер, и второй (период позднего энеолита), когда сложилась культурная и технико-технологическая база раннегородской цивилизации (*Кирчо,* 2009а).

Вклад Любови Борисовны Кирчо в изучение Алтын-депе действительно огромен. Конечно, такие крупные экспедиции — это результат работы многих. Но, начав рядовым сотрудником, она постепенно стала такой опорой для В. М. Массона, которая дала возможность ему при весьма немалой административной нагрузке превратить разрозненные находки в целостную картину развития этого ключевого памятника. Она несколько десятилетий участвовала в раскопках Алтын-депе — с конца 1960-х до начала 2000-х годов: собирала и систематизировала археологические коллекции, делала их обобщение. Она провела комплексный анализ основных компонентов культуры эпохи позднего энеолита и ранней бронзы на юго-западе Средней Азии, опираясь на материалы Алтын-депе, что позволило лучше понять специфику местного раннеземледельческого общества. Любовь Борисовна впервые выстроила для памятника систему как относительной, так и абсолютной хронологии. Причём она подошла к задаче комплексно: не только использовала калиброванные радиоуглеродные даты, но и рассчитывала скорость накопления культурных слоёв за определённые промежутки времени (*Кирчо*, 2014). Изучив производство и организацию пространства на раскопанной ча-

Л. Б. Кирчо, О. Бабаков, Р. М. Сатаев, В. В. Куфтерин в гостях
у О. Бабакова (район Карадамак г. Ашхабада). 28.10.2015 г.

Л. Б. Кирчо за работой в лагере
Маргианской экспедиции на Гонур-депе. 08.05.2019 г.

сти памятника, она выделила в хозяйственных и жилых комплексах специализированные производственные участки. На этой основе стало возможным реконструировать, как менялась система производства на разных этапах развития поселения — от преимущественно домашнего уровня к формированию основ раннегородской цивилизации.

Вероятно, одной из ключевых в ее творческой биографии можно считать фундаментальную монографию «Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы (погребения Алтын-депе)» (2005), написанную совместно с В. А. Алёкшиным. В этой книге Любовь Борисовной подготовлены введение, заключение, три главы и таблицы с иллюстрациями.

Немало внимания она уделяла технологии производств. Так ею была инициирована работа с Г. М. Ковнурко по проведению специальных исследований ряда каменных изделий (в частности бус), отличавшихся от типичных предметов своей фактурой. Было установлено, что для их изготовления использовали не природные минералы в чистом виде, а особым образом подвергнутые тепловой обработке (*Кирчо, Ковнурко*, 2003). Эти исследования позже с участием минералога А. М. Юминова помогли определить материал мозаичных тессер, которые позже нашли на другом памятнике — Гонур-депе. Ее подробный разбор моделей повозок с Алтын-депе стал серьезным вкладом в изучение одного из древнейших свидетельств колёсного транспорта на Среднем Востоке (*Кирчо*, 2009b).

Л. Б. Кирчо планировала провести анализ содержимого каменных и бронзовых косметических флаконов, характерных для Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК), чтобы понять, являются ли эти предметы действительно сосудами для хранения косметических средств и, если это так, то каков был их состав. К сожалению, эти исследования реализовать не удалось. Также она не успела завершить большое исследование (практически каталог) энеолитических печатей Туркменистана. Во время двух полевых сезонов Любовь Борисовна участвовала в работах на Гонуре. Кроме того, что они вместе с Р. М. Сатаевым раскопали и описали очень раннюю для памятника и не вполне ясную строительную конструкцию во внутреннем дворе Кремля Северного Гонура (материалы пока не опубликованы), она оказала большую методическую помощь Маргианской экспедиции в систематизации и составлении типологии керамических изделий. Именно она постаралась убедить О. В. Сычеву начать исследования в этом направлении и всеми своими знаниями помогала ей освоить особенности туркменской керамики.

Будучи человеком доброжелательным, открытым и увлеченным археологией, Л. Б. Кирчо старалась поддержать всех, кто искренне хотел постичь древнюю историю Средней Азии и Туркменистана в частности. Наверное, у нее не так много официальных учеников, но помогала она многим: своими консультациями, подсказками, критическими и поддерживающими выступлениями на конференциях и разных обсуждениях. Она являлась одним из главных экспертов по древней истории Средней Азии и Среднего Востока. Теперь с нами такого человека, увы, нет. И не у кого спросить, а к какому периоду стоило бы отнести, тот или иной артефакт, как проходила работа на Алтыне в таком-то году... И, несмотря на ее многократные предложения разобрать коллекции ЮТАКЭ, хранящиеся до сих пор в подвалах Института истории АН Туркменистана, они продолжают лежать на тех же местах и в тех же ящиках, где их разместили много десятилетий назад.

Яркие черты характера – громкий голос, порывистость, справедливость, заинтересованность в любом деле, за которое бралась Любовь Борисовна, и многое другое – описали ее близкие друзья (*Берёзкин*, 2026; *Красниенко*, 2026). Добавлю к этому тот факт, как заботливо она относилась к проблемам других. Один очень небольшой пример: после ряда моих неурядиц со здоровьем, когда мы встречались у нее дома, она выспрашивала, что мне можно есть, а что нет, и, готовясь к моему приезду, специально, несмотря на свои сложности с ногами, ходила в разные магазины и покупала, с ее точки зрения, позволительные продукты. Думаю, что я не была исключением и о ее гостеприимстве хорошо знают все ее близкие и друзья.

Эту небольшую заметку я назвала «ярким метеором на археологическом небе», т. к. Любовь Борисовна, безусловно, была очень ярким человеком и ярким специалистом, работы которого будут жить очень долго. А метеор, потому, что, несмотря на прожитые ею 74 с лишним года, последние из которых она боролась со многими болезнями, — это очень небольшое время, которое она светила в археологии.

Не могу не поблагодарить судьбу за то, что в 2000 г. она познакомила нас в Ашхабаде и подарила затем очень недолгие (всего-то лет 18-19!) дружбы[1]. Когда уходят близкие люди моложе тебя, это всегда во много раз несправедливее, чем прощание с более старшими. Всегда хотелось бы все изменить и исправить. Но с течением жизни справиться нельзя. Мы будем стараться выполнить все, чему нас научила Любовь Борисовна, сохраним память о ней и ее бесценных советах.

[1] История нашего знакомства кратко описана: *Дубова*, 2021. С. 32.

ЛИТЕРАТУРА

Берёзкин, 2026 — *Берёзкин Ю. Е.* Памяти Любови Борисовны Кирчо (30.07.1951 – 01.02.2026) // Записки ИИМК РАН. Вып. 34. 2026. С. 161–162.

Дубова, 2021 — *Дубова Н. А.* Любовь Борисовна Кирчо. Археология и жизнь // АВ. Вып. 32. 2021. С. 32–39. DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-32-39

Кирчо, 1976 — *Кирчо Л. Б.* Проблема происхождения культуры ранней бронзы Южной Туркмении // Известия АН Туркмен. ССР. Серия обществ, наук. 1976. № 6. С. 48–55.

Кирчо, 1979 — *Кирчо Л. Б.* Алтын-депе в эпоху ранней бронзы // Известия АН Туркмен. ССР. Серия обществ. наук. 1979. № 4. С. 55–62.

Кирчо, 1980 — *Кирчо Л. Б.* Культура ранней бронзы Южной Туркмении. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1980. 20 с.

Кирчо, 1999 — *Кирчо Л. Б.* К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана (основы классификации расписной керамики и неопубликованные материалы поселения Ак-депе. (Археологические изыскания. Вып. № 60). СПб.: ИИМК РАН, 1999. 120 с.

Кирчо, 2009a — *Кирчо Л. Б.* Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии (процессы культурной и технико-технологической трансформации). Диссертация… доктора исторических наук. СПб.: ИИМК РАН, 2009. 356 с.

Кирчо, 2009b — *Кирчо Л. Б.* Древнейший колесный транспорт на территории Средней Азии (новые материалы Алтын-депе) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (37), 2009. С. 25–33.

Кирчо, 2014 — *Кирчо Л. Б.* Стратиграфия Алтын-депе и вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи палеометалла Южного Туркменистана // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е. Е. Кузьминой / отв. ред. В. И. Молодин, А. В. Епимахов. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 349–354.

Кирчо, Ковнурко, 2003 — *Кирчо Л. Б., Ковнурко Г. М.* Престижно-культовые предметы и украшения Алтын-депе из древних искусственных минералов (по данным рентгенометрического анализа) // АВ. Вып. 10. 2003. С. 108–113.

Кирчо, Коробкова, Массон, 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008. 370 с.

Красниенко, 2026 — *Красниенко С. В.* Памяти Любови Борисовны Кирчо (30.07.1951 – 01.02.2026) // Записки ИИМК РАН. 2026. Вып. 34. 2026. С. 162–163.

Новгородских, 2026 — Новгородских Е. В. Памяти Любови Борисовны Кирчо (30.07.1951–01.02.2026) // Записки ИИМК РАН. 2026. Вып. 34. 2026. С. 163–164.

Хронология позднего энеолита…, 2005 — Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). Труды ИИМК РАН. Т. XVI. СПб.: Нестор-История, 2005. 540 с.

Разбирая архив Л. Б. Кирчо, мы нашли ее список публикаций. Он составлен удобным ей способом – в виде таблицы, которая когда-то была обязательной формой списка публикаций в академических учреждениях. Туда вошли, как ее авторские работы, так и издания, где Л. Б. Кирчо была редактором. Редколлегия сочла возможным опубликовать этот список в оригинальном виде, даже не сверив пока все представленные данные. Безусловно, эта работа должна быть проведена и позднее полная библиография публикаций Любови Борисовны с комментариями будет опубликована.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КИРЧО ЛЮБОВИ БОРИСОВНЫ

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
1.	Стратиграфия Алтын-депе и количественный метод определения относительной хронологии	печатн.	Каракумские древности. Ашхабад: Ылым, 1972. Вып. IV.	с. 172–176 (0,25)	
2.	Опыт анализа системы орнаментации расписной керамики (по материалам комплекса типа Намазга III)	рукоп.	Л., 1974.	2,0	
3.	«Ковры» на черепках	печатн.	Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1975. № 2 (20).	с. 11–12 (0,25)	
4.	Проблема происхождения культуры ранней бронзы Южной Туркмении	печатн.	Известия АН Туркм. ССР. СОН. Ашхабад: Ылым, 1976. № 6.	с. 48–55 (0,5)	
5.	Культурные компоненты в комплексах эпохи ранней бронзы Алтын-депе (по материалам расписной керамики)	рукоп.	Л., 1976.	(0,4)	
6.	Проблема древних городов и урбанизации в освещении западных исследователей	печатн.	Древние города. ТД. Л.: Наука, 1977.	с. 24–28 (0,35)	
7.	Алтын-депе в эпоху ранней бронзы	печатн.	Известия АН Туркм. ССР. СОН. Ашхабад: Ылым, 1979. № 4.	с. 55–62 (0,5)	
8.	Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе	печатн.	Советская археология. М., 1980. № 1.	с. 158–174 (1,0)	
9.	Культура ранней бронзы Южной Туркмении (автореф. канд. дисс.)	рукоп.	Л., 1980.	20 с. (1,0)	
10.	О принципах анализа массового археологического материала способом классификации	печатн.	Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ. ТД. Ашхабад: Ылым, 1980.	с. 30–33 (0,25)	
11.	Погребальный обряд и культурные традиции	печатн.	КСИА АН СССР, М.: Наука, 1981. Вып. 167.	с. 28–35 (0,5)	
12.	Черты преемственности в культуре ранней бронзы Южного Туркменистана	печатн.	Преемственность и инновации в развитии древних культур. ТД. Л.: Наука, 1981.	с. 66–69 (0,25)	

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-117-142

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
13.	Классификация орнаментации древней расписной керамики	печатн.	Вопросы теории археологии и древней истории. Ашхабад: Ылым, 1981.	с. 106–123 (0,75)	
14.	The Problem of the Origin of the Early Bronze Age Culture of Southern Turkmenia	печатн.	The Bronze Age Civilization of Central Asia. New York: M. A. Sharpe, 1981.	с. 96–106 (0,5)	
15.	Строительные горизонты среднеазиатских поселений бронзового века как археологический источник	печатн.	Известия АН Туркм. ССР, СОН. Ашхабад: Ылым, 1982. № 3.	с. 88–91 (0,25)	
16.	Международный симпозиум в Душанбе	печатн.	Информационный Бюллетень МАИКЦА. М.: Наука, 1982. Вып. 3.	с. 75–80 (0,5)	Ю. А. Заднепровский
17.	Раскопки слоев ранней бронзы на Алтын-депе в 1979–1980 гг.	печатн.	КСИА АН СССР. М.: Наука, 1983. Вып. 176.	с. 68–76 (0,5)	
18.	Культурная эволюция в эпоху формирования раннегородской цивилизации (по материалам раскопок Алтын-депе)	печатн.	Археология Средней Азии и Ближнего Востока. ТД. Ташкент: Фан, 1983.	с. 57–62 (0,25)	
19.	К изучению общественной структуры Алтын-депе в период ранней бронзы	печатн.	Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. ТД. Л.: Наука, 1983.	с. 24–25 (0,1)	
20	Cultural evolution during the age of formative period of early urban civilization	печатн.	Inf. Bull. of IASCCA. M.: Nauka, 1984. N 6.	с. 42–46 (0,25)	
21.	Международный симпозиум «Потребляющие и производящие типы хозяйства в период неолита на территории Центральной Азии» (Душанбе, 1982)	печатн.	Советская археология М., 1984, № 2.	с. 279–281 (0,4)	Ю.А. Заднепровский
22.	Cultural Evolution during the Age of Formative Period of Early Urban Civilization	печатн.	Man and Environment. Poona, 1985. N 9.	с. 113–122 (1,5)	
23.	Ранние земледельцы Индостана	печатн.	Проблемы археологии зарубежной Азии. Л.: Наука, 1985.	с. 26–28 (0,2)	
24.	Die weibliche Gottheit bei den frühen Bodenbauern Südturkmeniens (Женское божество у ранних земледельцев Южной Туркмении)	печатн.	Das Altertum. 1986. Bd 32.	с. 49–52 (0,25)	
25.	Культурная эволюция в эпоху формирования раннегородской цивилизации (по материалам раскопок Алтын-депе)	печатн.	Древние цивилизации Востока. Материалы II Советско-американского симпозиума. Ташкент: «Фан», 1986.	с. 137–146 (0,5)	
26.	Второй советско-индийский симпозиум	печатн.	Советская археология. 1986, № 2.	с. 278–280 (0,3)	Я. В. Васильков

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
27.	Архитектура древнеземледельческих поселений Средней Азии эпохи первобытного общества	рукоп.	Культура таджиков и других народов Средней Азии. Л., 1986	1,0	
28.	Взаимодействие культур расписной керамики Средней Азии и Ближнего Востока (в V–IV тыс. до н. э.)	рукоп.	Л., 1986.	(0,5)	
29.	Social and economic concepts in Soviet archaeology	печатн.	The World Archaeological Congress. 1–7 September 1986. Southampton & London, 1986.	с.	
30.	Рец.: “L’Archeologie de la Bactriane ancienne”	печатн.	Inf. Bull. of IASCCA. M.: Nauka, 1987. N 12.	с. 111–113 (0,2)	
31.	Начальный этап развития комплексов периода ранней бронзы Южной Туркмении (по материалам Алтын-депе)	печатн.	Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. ТД. М.: Наука, 1987.	с. 113–114 (0,1)	
32.	Ak-depe	печатн.	Dictionnaire de la Prehistoire, 1988, Paris	p. 22 (0,03)	
33.	Geoksyur	печатн.	Dictionnaire de la Prehistoire, 1988, Paris	p. 420–421 (0,03)	
34.	Gonur	печатн.	Dictionnaire de la Prehistoire, 1988, Paris	p. 436 (0,03)	
35.	Kara-depe	печатн.	Dictionnaire de la Prehistoire, 1988, Paris	p. 545–546 (0,03)	
36.	Khapuz-depe	печатн.	Dictionnaire de la Prehistoire, 1988, Paris	p. 559 (0,03)	
37.	Kelleli 1	печатн.	Dictionnaire de la Prehistoire, 1988, Paris	p. 554 (0,03)	
38.	Ulug-depe	печатн.	Dictionnaire de la Prehistoire, 1988, Paris	p. 1085 (0,03)	
39.	The Beginning of the Early Bronze Age in Southern Turkmenia on the Basis of Altyn-depe Materials	печатн.	East and West. 1988. N. 38 (1–4).	c, 33–64 (2,3)	
40.	Seals and their Imprints in the Early Agricultural Assemblages (new materials from Southern Turkmenia)	печатн.	Varia Archaeologica Hungarica. Budapest, 1989. II.	с. 123–129 (0,5)	
41.	Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе	печатн.	Советская археология. 1990. № 3.	с. 176–183 (0,5)	
42.	Altyn-depe in the Early Bronze Age	рукоп.	Л., 1990.	(1,0)	
43.	Изучение слоев эпохи позднего энеолита на Алтын-депе в 1984–89 гг.	печатн.	Новые археологические открытия. СПб., 1991. Вып. 1.	23 с., илл, (2,5)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
44.	Цилиндрические печати Средней Азии и Мергара – новая школа глиптики?	печатн.	Мерв в древней и средневековой истории Востока. Ашхабад: Ылым, 1991. Вып. II.	с. 19–20 (0,15)	
45.	Член редколлегии сборника «Древние культуры и археологические изыскания»	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 1991.	84 с. (4,0)	В. М. Массон, В. Ю. Зуев
46.	The Local Roots of Namazga V Culture	печатн.	South Asian Archaeology 1989. Madison: Prehistory Press, 1992. Monographs in World Archaeology. N 14.	P. 161–166 (0,4)	
47.	Воссоздание Института истории материальной культуры	печатн.	Археологические Вести. СПб., 1992. № 1.	с. 233–235 (0,2)	
48.	Новый этап изучения убейдской культуры. Рец.: “Upon this foundations. – The Ubaid reconsidered”, 1991, Copenhagen	печатн.	Археологические Вести. СПб., 1993. № 2.	с, 203–205 (0,2)	
49.	Культурные комплексы Саразма и Юго-Восточной Туркмении – соответствия и различия	рукоп.	СПб., 1994.	(0,5)	
50.	Член редколлегии сборника «Изучение древних культур и цивилизаций: Материалы к пленуму 5–7 апреля 1994 г.».	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 1994.	117 с. (5,5)	В. М. Массон, М. В. Аникович
51.	Some features of bulding complexes of the Late Aeneolithic Period at Altyn Tepe: new material from South Turkmenistan	печатн.	South Asian Archaeology 1993. Helsinki: Suomalainen Tuedeakatemia, 1994.	с. 369–374 (0,4)	
52.	Институт истории материальной культуры РАН в 1993 г.	печатн.	Археологические Вести, СПб., 1994. № 3.	с. 266–267 (0,15)	
53.	New studies of the Late Chalcolithic at Altyn-depe, Turkmenistan	печатн.	New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia, S.-Pb., 1994.	с. 39–43 (0,4)	
54.	Substitution base of the first town (as seen from excavation at Altyn-depe, Southern Turkmenistan)	печатн.	Theme papers WAC-3. State, City and Society, New Delhi, 1994.	P. 1–2	
55.	Институт истории материальной культуры РАН в 1994 г.	печатн.	Археологические Вести. СПб., 1995. № 4.	с. 321–322 (0,2)	
55.	К вопросу о начале фортификации в Южной Туркмении	печатн.	Фортификация в древности и средневековье, СПб., 1995.	с. 13–17 (0,25)	
56.	Член редколлегии сборника «Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК)»	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 1995.	124 с. (5,5)	В. М. Массон, С. В. Белецкий и др.

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
57.	Член редколлегии сборника «Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия (материалы пленума ИИМК. 11–14 апреля 1995 года)».	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 1995.	104 с. (5,0)	В. М. Массон, С. В. Белецкий
58.	Российско-датские раскопки на поселении и некрополе Панское I	печатн.	Археологические Вести. СПб., 1995. № 4.	с. 288–290 (0,3)	А. Н. Щеглов и др.
59.	Член редколлегии сборника «Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы Материалы конференции 21–25 августа 1995 года»	печатн.	Саратов; СПб.: ИИМК РАН, 1995. Ч. I и II	200 с. (10,0)	В. С. Бочкарев и др.
60.	Член редколлегии сборника «Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации: Материалы пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г.»	печатн.	СПб.:ИИМК РАН, 1996.	128 с. (6,0)	В. М. Массон, С. В. Белецкий
61.	Член редколлегии сборника «Традиции российской археологии»	печатн.	СПб.: Госкомстат, 1996.	91 с. (6,0)	В. М. Массон
62.	Член редколлегии сборника «Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга»	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 1996.	147 с. (5,0)	В. М. Массон, Д. Г. Савинов
63.	Член редколлегии сборника «Новые исследование археологов России и СНГ: Материалы Пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г.»	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 1997.	164 с. (7,5)	В. М. Массон, С. В. Белецкий
64.	Научно-исследовательская и научно-организационная деятельность Института истории материальной культуры РАН в 1995–1996 гг.	печатн.	Археологические Вести. СПб., 1999. № 6.	с. 512–515 (0,3)	С. А. Кулаков
65.	Новое обследование Алтын-депе	печатн.	Археологические Вести. СПб., 1999. № 6.	с. 458–459 (0,1)	
66.	Минералого-петрографическая характеристика находок из погребений Алтын-депе и вопросы хронологии	печатн.	Археологические Вести. СПб., 1999. № 6.	с. 76–85 (0,5)	Г. М. Ковнурко
67.	К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана (основы классификации расписной керамики и неопубликованные материалы поселения Ак-депе)	печатн	СПб., 1999.	120 с. (7,5)	
68.	Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (По материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе)	печатн	Российская археология. 1999. № 2.	с. 61–76 (1,2)	В. М. Массон
69.	К вопросу о радиоуглеродной хронологии древнейших цивилизаций Средней Азии.	печатн.	Stratum Plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 1999. № 2.	с. 350–361 (1,2)	С. Г. Попов

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
70.	Burial Rite of Altyn Tepe in the 3rd Millennium.	печатн.	South Asian Archaeology 1997. Papers of the 14th International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists Rome, 2000. T. I.	P. 437–452 (1,0)	
71.	Микростратиграфия позднего энеолита Южного Туркменистана	печатн.	Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб.: Изд. ГЭ. 2000.	с. 177–194 (1,0)	
72.	Новый тип статуэтки из Кара-депе	печатн.	Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Масона. СПб., 2000.	с. 110–115 (0,3)	
73.	Туркменистан в эпоху ранней бронзы	рукопись	История Туркменистана. Т. 1	1,5	
74.	Богатое погребение эпохи средней бронзы на Алтын-депе	печатн	Археологические Вести. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2000. № 7.	с. 70–76 (0,5)	
75.	Член редколлегии сборника «Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы): Материалы к Международной научной конференции 10–13 октября 2000 г.»	печатн.	Ашгабат; СПб.: Европейский Дом, 2000.	244 с. (25)	В. М. Массон, Б. А. Атаев
76.	Орнаментированный каменный сосуд из Алтын-депе (к вопросу о постгеоксюрском комплексе Южного Туркменистана)	печатн.	Археологические Вести. СПб., 2001. № 8.	с. 120–124 (0,4)	Т.А. Шаровская
77.	Составитель сборника «Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла».	печатн.	СПб.: ИИМК РАН; Петербургкомстат, 2001.	212 с.	
78.	Основные типы сооружений и технология строительства Алтын-депе в эпоху позднего энеолита и ранней бронзы	печатн.	Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб. ИИМК РАН; Петербургкомстат, 2001.	с. 5–39 (3,5)	
79.	Металлические изделия Алтын-депе	печатн.	Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб. ИИМК РАН; Петербургкомстат, 2001.	с. 60–84 (2,5)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
80.	Особенности производства керамики эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе по данным петрографии	печатн.	Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб. ИИМК РАН; Петербургкомстат,, 2001.	с. 118–141 (3)	Г. М. Ковнурко
81.	Престижно-культовые предметы и украшения Алтын-депе из древних искусственных минералов (по данным рентгенометрического анализа)	печатн.	Археологические Вести. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2003. № 10.	с. 108–113 (0,3)	Г. М. Ковнурко
82.	История отдела Центральной Азии и Кавказа	печатн.	Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга и изучение древних культур и цивилизаций Центральной Азии и Кавказа. СПб.; Европейский Дом, 2003.	с. 5–6 (0,1)	
82.	Член редколлегии сборника «Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии».	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2003.	344 с.	В. М. Массоном, Н. Н. Скакун, Т. А. Шаровской
83.	Основные этапы развития технологии гончарства Алтын-депе	печатн	Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. СПб., 2003.	с. 177–191 (1,0)	
84.	К вопросу о палеоэкологии Южного Туркменистана в III тыс. до н. э. (предварительная палинологическая характеристика отложений Алтын-депе)	печатн.	Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии: По материалам эпох палеолита – бронзы. СПб.: Европейский Дом, 2004.	с. 87–91 (0,4)	Г. М. Левковская
85.	Издания, подготовленные сотрудниками ИИМК РАН в 1998–2002 гг.	Печатн.	Археологические вести. № 11. 2004.	С. 430–432	Всевиов Л. М.
86.	К вопросу о локализации металлургического производства на Алтын-депе	печатн.	Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии: По материалам эпох палеолита – бронзы. СПб.: Европейский Дом, 2004.	с. 137–141 (0,3)	
87.	От Анау до Алтын-депе – поступательное движение экономики и культуры	печатн.	Туркменистан – родина анауской культуры и Ак бугдая. ТДМНК. Ашхабад, 2004.	с. 119–124 (0,3)	
88.	Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе)	печатн.	Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. ТДНК. М., 2004.	с. 124–127 (0,25)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
89.	Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе)	печатн.	У истоков цивилизации. Сб. статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2005.	с. 142–160 (1,5)	
90.	Введение	печатн.	Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005.	с. 9–10 (0,1)	
91.	Таблицы иллюстраций к каталогу погребений Алтын-депе	печатн.	Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. I.	с. 147–313, (20,7)	
92.	Стратиграфия Алтын-депе.	печатн.	Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. II, глава 1.	с. 315–323 (0,75)	
93.	Общая характеристика погребений Алтын-депе	печатн.	Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. II, глава 2.	с. 324–346 (2,5)	
94.	Погребальный инвентарь Алтын-депе	печатн.	Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. II, глава 3.	с. 347–421 (8,0)	
95.	Заключение	печатн.	Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005.	с. 512–519 (0,6)	
96.	Приложение 1	печатн.	Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005.	с. 526–527 (0,1)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
97.	Каталог погребений Алтын-депе, текст	печатн.	Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. I.	с. 11–78 (7,1)	В. А. Алекшин
98.	К вопросу о радиоуглеродной хронологии археологических памятников Средней Азии V–II тыс. до н. э.	печатн.	Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Прилож. 2.	с. 528–539 (1,0)	С. Г. Попов
99.	Культурные взаимодействия населения Юго-Восточного Туркменистана в конце IV–III тыс. до н. э.	печатн.	Священная Рухнама и взаимное влияние культур и цивилизаций в третьем тысячелетии., ТДМК. Ашхабад, 2005.	с. 490–491 (0,2)	
100.	Редактор книги: Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, система жизнеобеспечения, производственная структура).		СПб.: Европейский Дом, 2005 (Труды ИИМК РАН. Т. XX).	316 с.	В. М. Массон
101.	Астрабадский клад	печатн.	Большая Российская энциклопедия (БРЭ). М., 2005. Т. 2.	с. 392 (0,04)	
102.	Тали Бакун	печатн.	БРЭ. М., 2005, Т. 2.	с. 684 (0,03)	
103.	Великий Шелковый путь в фотографиях русских путешественников и исследователей второй половины XIX – первой половины XX веков (по материалам фотоархива ИИМК РАН)	печатн.	Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М.: Наука, 2006. Кн. I.	с. 452–462 (1,5)	Г. В. Длужневская, О. И. Богуславский
104.	Первооткрыватель, исследователь, организатор науки (опыт периодизации научной деятельности)	печатн	ЗВОРАО. НС. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. Т. II (27).	с. 35–40 (0,4)	
105.	Cultural Zones of Southern Turkmenistan and North-Eastern Iran in the 5th – Early 3rd Millennium BC	рукопись	Archaeology of North and North-Eastern Iran	(1,0)	
106.	Бейда	печатн.	БРЭ. М., 2005. Т. 3.	с. 160 (0,03)	
107.	Бендебаль	печатн.	БРЭ. М., 2005. Т. 3.	с. 310 (0,03)	
108.	Бейдже-Султан	печатн.	БРЭ. М., 2005. Т. 3.	с. 177 (0,03)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
109.	Гавра	печатн.	БРЭ. М., 2006. Т. 6.	с. 371 (0,03)	
110.	Гари-Камарбанд	печатн.	БРЭ. М., 2006. Т. 6.	с. 403–404 (0,03)	
111.	Геоксюр	печатн.	БРЭ. М., 2006. Т. 6.	с. 602 (0,03)	
112.	Ответственный секретарь редакции «Записки ИИМК РАН»	печатн.	«ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2006. № 1	176 с. (11,0)	Е. Н. Носов и др.
113.	Ответственный редактор, указатель, иллюстрации книги В. М. Массон. Культурогенез Древней Центральной Азии	печатн.	СПб.: Изд-во филологического ф-та СПбГУ, 2006.	344 с. (21,5)	
114.	Ответственный редактор, оригинал-макет, иллюстрации книги А. К. Каспаров. Скотоводство и охота в эпоху неолита – палеометалла в Южном Туркменистане (развитие стратегии использования животных ресурсов)	печатн.	СПб.: Европейский Дом, 2006.	176 с. (11,0)	
115.	The Bronze Age Civilisation of the Middle Asia: a View from Altyn Depe	рукопись	Международный круглый стол «Countries and lands on the Magan sea (The Archaeological and textual evidence for the definition of polities and early states around the Gulf of Oman in the 3rd Millennium BC» (г. Равенна, Италия, 25–27 марта 2006 г.)		
116.	Гиршман	печатн.	БРЭ. М., 2007. Т. 7.	с. 183 (0,03)	
117.	Гиссар	печатн.	БРЭ. М., 2007. Т. 7.	с. 184–185 (0,03)	
118.	Гиян	печатн.	БРЭ. М., 2007. Т. 7.	с. 195 (0,03)	
119.	Гонур	печатн.	БРЭ. М., 2007. Т. 7.	с. 411 (0,03)	
120.	Гуран	печатн.	БРЭ. М., 2007. Т. 8.	с. 166 (0,03)	
121.	Дашлы	печатн.	БРЭ. М., 2007. Т. 8.	с. 356 (0,03)	
122.	Джармо	печатн.	БРЭ. М., 2007. Т. 8.	с. 636–637 (0,03)	
123.	Джаффарабад	печатн.	БРЭ. М., 2007. Т. 8.	с. 638–639 (0,03)	
124.	Джейтун	печатн.	БРЭ. М., 2007. Т. 8.	с. 645 (0,03)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
125.	Джови	печатн.	БРЭ. М., 2007. Т. 8.	с. 664–665 (0,03)	
126.	Начало формирования торговых путей в Средней Азии (культурные взаимодействия населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана во второй половине IV–III тыс. до н. э.)	печатн.	Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Мат-лы междунар. научн. симп., посвященного 2750-летнему юбилею города Самарканда. Самарканд; Ташкент; Фан, 2007.	с. 97–101 (0,4)	
127.	Tepe Hissar and Sites of Southern Turkmenistan in the 5th – 3rd Millennium BC	рукопись	Международная конференция «Seven thousand years of cultural civilization of Hissar» (г. Дамган, Иран, 16–21 февраля 2007 г.)		
128.	Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии)	печатн.	Записки ИИМК РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2007. № 2.	с. 193–208 (1)	
129.	Ответственный секретарь редакции «Записки ИИМК РАН»	печатн.	СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2007. № 2	295 с. (18,5)	Е. Н. Носов и др.
130.	Ak Depe near Ashkhabad – the Stratigraphy and Chronology (on the Basis of Materials from A. A. Marushchenko's Excavations and Studies of A. A. Lyapin)	рукопись	Международный конференция «Middle Asian Intercultural Space» (г. Равенна, Италия, 7–8 июля 2007 г.)		
131.	A Topographic and Stratigraphic Map of Altyn-depe: New Evidence on Craft Activities from Surface Analysis	печатн.	South Asian Archaeology 1999. Groningen: Egbert Forsten, 2008.	p. 15–30 (1,5)	S. Salvatori, M. Vidale
132.	Культурные взаимодействия как фактор становления раннегородской цивилизации (по материалам Южного Туркменистана V–III тыс. до н. э.)	печатн.	Вестник СПбГУ. 2008. № 3.	с. 143–154 (1,0)	
133.	Жилище	печатн	БРЭ. 2008. Т. 9.	с. 85–87 (0,7)	Е.В. Смирнитцкая, К.Н. Гаврилов
134.	Зеви-Чеми-Шанидар	печатн	БРЭ. 2008. Т. 9.	с. 356 (0,03)	
135.	Иерихон	печатн	БРЭ. 2008. Т. 10.	с. 714–716 (0,1)	
136.	Иран	печатн	БРЭ, 2008. Т. 11.	с. 622–623 (0,4)	В. Н. Зайцев

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
137.	Иминжан Сулейманович Масимов (1940–2006)	печатн.	Культурные ценности 2004–2006, Ашхабад, 2008.	с. 240–243 (0,2)	Н. Бяшимова
138.	Ответственный секретарь редакции «Записки ИИМК РАН»	печатн.	СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2008. № 3	236 с. (17,0)	Е. Н. Носов и др.
139.	Семь тысячелетий культуры и цивилизации Тепе Гиссар (Seven Thousand Years of Culture and Civilization of Tepe Hissar) (Иран, Дамган, 17–18 февраля 2007 г.)	печатн.	Археологические Вести. М.: Наука, 2008. № 15.	с. 263–264 (0,1)	
140.	Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации	печатн.	СПб.: Европейский Дом, 2008.	370 с. (46,25)	В. М. Массон, Г. Ф. Коробкова
141.	Южный Туркменистан и Северо-Восточный Иран – культурное районирование в V – начале III тыс. до н. э.	печатн.	Туркменская земля – колыбель древних культур и цивилизаций: Мат-ы Междунар. науч. конф. Ашхабад, 2008.	с. 107–109 (0,2)	
142.	Основные направления и характер культурных взаимодействий населения Южного Туркменистана в V–III тыс. до н. э.	печатн.	Воины медного века. Stratum plus 2005–2009. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. № 2.	с. 374–392 (2,4)	
143.	Кара-депе	печатн.	БРЭ, 2009. Т. 13	с. 61 (0,1)	
144.	Карим-Шахир	печатн.	БРЭ, 2009. Т. 13	с. 157–158 (0,2)	
145.	Кельтеминарская культура	печатн.	БРЭ, 2009. Т. 13	с. 529–530 (0,3)	
146.	Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе)	печатн.	Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2009. № 1 (37)	с. 25–33 (1,0)	
147.	Ответственный секретарь редакции «Записки ИИМК РАН»	печатн.	СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2009. № 4	264 с. (21,45)	Е. Н. Носов и др.
148.	Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии (процессы культурной и технико-технологической трансформации): Автореф. дис. … д-ра ист. наук.	рукоп.	СПб., 2009.	50 с. (2,5)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
149.	Слово о юбиляре	печатн.	Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Сборник статей к 80-летию Вадима Михайловича Массона СПб.: Инфо-ол, 2009	с. 5–7 (0,2)	
150.	Редактор сборника «Проблемы культурогенеза и культурного наследия: Сборник статей к 80-летию Вадима Михайловича Массона»	печатн.	СПб.: Инфо-ол, 2009	264 с. (22,0)	С. В. Белецкий
151.	Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Средней Азии	печатн.	Императорская Археологическая Комиссия. (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2009. Глава 10.	с. 783–812 (2,3)	Г. В. Длужневская
152.	О некоторых источниках сырья производства раннегородских центров Южного Туркменистана	печатн.	Курсом развивающейся Молдовы. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия: В честь юбилея Н. А. Дубовой. М.: Старый сад, 2009.	с. 130–134 (0,25)	
153.	Кирпич (историческая справка)	печатн.	БРЭ, 2009. Т. 14	с. 43–44 (0,25)	А. Я. Щетенко, Я. М. Паромов, С. И. Баранов
154.	Крашеной керамики культуры	печатн.	БРЭ, 2009. Т. 15	с. 660–661 (0,2)	Т. Н. Мишина, Ю. Е. Березкин, А. Я. Щетенко
155.	Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе	печатн.	Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техно-генным трансформациям. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЕН), 2010.	С. 106–114 (1,2)	Г. Ф. Коробкова
156.	Ответственный редактор книги: В. С. Бочкарёв. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы	печатн.	СПб: Инфо-ол, 2010.	231 с. (29)	
157.	Ответственный секретарь редакции «Записки ИИМК РАН»	печатн.	СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2010. № 5	240 с. (19,35)	Е. Н. Носов и др.

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
158.	Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010)	печатн.	Записки ИИМК РАН, СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2010. № 5	с. 234–236 (0,2)	
159.	«Реликварии» Алтын-депе	печатн.	Записки ИИМК РАН, СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2010. № 5	с. 117–122 (0,5)	
160.	К вопросу об экономической основе расцвета маргианской цивилизации	печатн.	На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарианиди. СПб.: Алетейя, 2010.	с. 38–43 (0,4)	
161.	Член редколлегии, оригинал-макет сборника «Древние культуры Евразии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама	печатн.	СПб: «Инфо-ол», 2010.	326 с. (41)	В. А. Алёкшин, Л. А. Соколова, В. Я. Стеганцева и др.
162.	Южный Туркменистан – центр культурогенеза и культурных трансляций в эпоху палеометалла	печатн.	Археологическая и этнографическая наука Туркменистана в эпоху Нового возрождения и Великих преобразований: достигнутые рубежи и новые перспективы. Мат-лы Междунар. научн. конф. (10–11 ноября 2010 г.). Ашхабад, Ылым, 2010.	с. 291–292 (0,2)	
163.	Некоторые проблемы археологии Южного Туркменистана и изучение Алтын-депе в 1991–2001 гг.	печатн.	Памятники истории и культуры Туркменистана. Научные открытия, исследовательские и реставрационные работы за 20 лет независимости. Туркменская гос. издат. служба. Ашхабад, 2011.	с. 81–99 (1,3)	
164.	Маллован М. Э.	печатн.	БРЭ, 2011. Т. 18	с. 663 (0,2)	
165.	Культурогенез и культурные трансляции во второй половине IV–III тыс. до н. э. на юго-западе Средней Азии	печатн.	Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда, Великий Новгород–Старая Русса. 2011. г., Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011	с. 223–225 (0,25)	
166.	Член редколлегии сборника, редактирование раздела 3 «Эпоха бронзы Евразии» в сб. «Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда, Великий Новгород–Старая Русса. 2011 г., Т. I.	печатн.	СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011	с. 209–302 (13)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
167.	Основные этапы формирования древнейшего протогородского центра Средней Азии Алтын-депе	печатн.	Древняя материальная культура Туркменистана и ее место в развитии цивилизации. Мат-лы Междунар. научн. конф. (7–8 апреля 2011 г.). Ашхабад: Туркменская гос. издат. служба, 2011	с. 51–59 (0,25)	
168.	Источники сырья и становление древних торговых путей в эпоху энеолита и бронзы (по материалам Алтын-депе)	печатн.	Бронзовый и железный век и материальное и духовное наследие Туркменистана. Мат-лы Междунар. научн. конф. (10–11 ноября 2011 г.). Ашхабад, Ылым, 2011	с. 306–309 (0,25)	
169.	Ответственный секретарь редакции «Записки ИИМК РАН»	печатн.	СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. № 6	259 с. (16,25)	Е. Н. Носов и др.
170.	Массон В. М.	печатн.	БРЭ, 2012. Т. 19	с. 311 (0,2)	
171.	Массон М. Е.	печатн.	БРЭ, 2012. Т. 19	с. 311 (0,2)	
172.	Культурные взаимодействия и становление раннегородской цивилизации (по материалам Южного Туркменистана V–III тыс. до н. э.)	печатн.	Мирас. Ашхабад, № 1, 2012	с. 20–38 (1,2)	
173.	Древние корни маргианской цивилизации	печатн.	Древний Мерв – центр мировой цивилизации: Мат-лы Междунар. научн. конф., Ашхабад: Туркменская гос. издат. служба, 2012	с. 113–114 (0,1)	
174.	Ответственный секретарь редакции «Записки ИИМК РАН»,	печатн.	СПб.»ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012. № 7	248 с. (17,3)	Е. Н. Носов и др.
175.	Член редколлегии, оригинал-макет сборника «Археологический памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010)»	печатн.	СПб.: «Инфо-ол», 2012	176 с. (22)	А. В. Субботин, С. В. Красниенко, В. Я. Стеганцева
176.	Член редколлегии, оригинал-макет сборника «Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями»	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, ООО «Периферия», 2012. Кн. 1 и 2.	1016 с. (127)	В. А. Алекшин, М. Т. Кашуба, В. Я. Стеганцева и др.
177.	Север и Юг – встреча на Зеравшане	печатн.	Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. ИИМК РАН, ООО «Периферия», СПб., 2012. Кн. 2.	с. 284–287 (0,4)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
178.	Торгово-обменные связи Южного Туркменистана конца IV–начала II тыс. до н. э. как основа формирования направлений Великого Шелкового пути в Средней Азии	печатн.	Мат-лы Междунар. науч. конф. «Возрождение Великого шёлкового пути в счастливую эпоху могучего государства: глубокие истоки и современные возможности», Ашхабад, 2012.	с. 171–174 (0,1)	
179.	Мохенджо-Даро	печатн.	БРЭ, 2013. Т. 21	с. 339–340 (0,2)	
180.	Мундигак	печатн.	БРЭ, 2013. Т. 21	с. 437–438 (0,2)	
181.	Намазга	печатн.	БРЭ, 2013. Т. 21	с. 731–732 (0,3)	
182.	Неваса	печатн.	БРЭ, 2013. Т. 22	С. 246–247 (0,2)	
183.	Неолит	печатн.	БРЭ, 2013. Т. 22	с. 413–419 (1,2)	В.И. Балабина, Д.В. Деопик, Т.В. Корниенко, С.В. Кузьминых, Д.Б. Прусаков, М.Ю. Ульянов
184.	The Transport of Altyn Depe in III Mill. B. C. (by the data of vehicle models)	печатн.	South Asian Archaeology 2007. Proceedings of the 19th International Conference of the European Association of South Asian Archaeology. Ravenna, Italy, 2–6 July 2007. Vol. I. Prehistoric Periods. BAR. IS. 2454. Oxford, 2013	P. 169–177 (1,0)	
185.	Координатор издательской подготовки сборника «Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)»	печатн.	СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013	416 с. + 88 л. илл. (41)	
186.	Товарищи председателя Академии, заместители директоров по научной работе и ученые секретари Института	печатн.	Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013.	С. 51–52 (0,2)	
187.	Ответственный секретарь редакции «Записки ИИМК РАН»	печатн.	СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013. № 8	214 с. (15,8)	Е. Н. Носов и др.
188.	Издательская подготовка сб. «ФИДИТИЯ. Памяти Юрия Викторовича Андреева»	печатн.	СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013.	112 с. (13,02)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
189.	Динамика развития археологических памятников Юго-Восточного Туркменистана в IV–III тыс. до н. э.	печатн.	Мат-лы Междунар. науч. конф. (12–13 марта 2014 г.) «Наследие Юго-Восточного Туркменистана в системе древних и средневековых культур Евразии». Ашхабад: Ылым, 2014.	с. 413–414 (0,2)	
190.	Заместитель ответственного редактора «Записки ИИМК РАН»	печатн.	СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2014. № 9	208 с. (15,8)	Е. Н. Носов и др.
191.	Система расселения и структура домостроения древних земледельцев Средней Азии – экологические и социальные факторы.	печатн.	Актуальные вопросы антропологии: Сб. науч. тр. Вып. 9 / Институт истории НАН Беларуси. Минск: «Беларуская навука», 2014.	с. 77–90 (0,8)	
192.	Новая сводка по металлообработке древней Средней Азии. Рец.: Рузанов В. Д. Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд: Институт археологии АН Республики Узбекистан, 2013. 348 с., ил., 25 табл., рез. англ. 0,5 а. л.	печатн.	Российский археологический ежегодник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. № 4.	576–581 с. (0,5)	
193.	Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по материалам Алтын-депе, Южный Туркменистан)	печатн.	Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона. Труды ИИМК РАН. Т. XLII. СПб.: ИИМК РАН; «Арт-Экпресс», 2014.	с. 62–85 (2,5 а. л.)	
194.	Заместитель ответственного редактора сборника «Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона».	печатн.	Труды ИИМК РАН. Т. XLII. СПб.: ИИМК РАН; «Арт-Экпресс», 2014.	464 с. (58 уч.-изд. л.)	В. А. Алекшин и др.
195.	Заместитель ответственного редактора «Записки ИИМК РАН»	печатн.	СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2014. № 10	208 с. (13 уч.-изд. л.)	Е. Н. Носов и др.
196.	Стратиграфия и относительная хронология поселения эпохи энеолита–бронзы Ак-депе в Ашхабаде (по материалам раскопок А. А. Марущенко и наблюдений и разработок А. А. Ляпина)	печатн.	Записки ИИМК РАН, № 10. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2014.	С. 132–146 (1 а. л.)	
197.	Стратиграфия поселений-тепе эпохи неолита–палеометалла юго-запада Средней Азии и проблемы абсолютной хронологии.	печатн.	Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I.	С. 435–438 (0,3 а. л.)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
198.	Изготовление изделий из камня на Алтын-депе в период ранней бронзы.	печатн.	Тезисы Междунар. научн. конф. «Опыт Туркменистана в деле изучения и музеефикации археологических находок (12–14 ноября 2014 г.), Ашхабад: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2014.	С. 198–202 (0,2 а. л.).	
199.	Стратиграфия Алтын-депе и вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи палеометалла Южного Туркменистана	печатн.	Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е. Е. Кузьминой / д-р ист. наук К.Э. Разлогов (председатель), д-р ист. наук Е.В. Антонова, д-р ист. наук А.В. Епимахов, д-р ист. наук Ю. Ф. Кирюшин, акад. В.И. Молодин, д-р ист. наук А.А. Тишкин, Т. С. Федорова, Н.А. Кочеляева Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014.	С. 349–354 (0,75)	
200.	Problems in the Periodic Division and Chronology of Sites of the Palaeometallic Age of Southern Turkmenistan and the Stratigraphic Sequence at Altyn-Depe	печатн.	«My Life is like the Summer Rose». Maurizio Tosi e l'archeologia come modo di vivere: Papers in honour of Maurizio Tosi for his 70th birthday / C. C. Lamberg-Karlovsky, B. Genito, B. Cerasetti (eds.). Oxford: Archaeopress, 2014 (BAR. IS. No. 2690). ISBN 978 1 4073 1326 9	P. 359–364 (1 а. л.)	
201.	Уникальный памятник финала поздней бронзы на юге Узбекистана. Рец.: Аванесова Н. А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: изд. МИЦАИ, 2013. – 640 с., рез. англ.	печатн.	Вестник Международного института Центральноазиатских исследований (МИЦАИ), 2014, № 20.	С. 65–68 (0,25)	
202.	Жизненный и научный путь В. М. Массона: радость побед и горечь разочарований	печатн.	Культурогенез и культурное наследие / Научн. ред. и сост. А. В. Бонларев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 640 с. (Серия «Культурология. XX век»).	С. 56–60 (0,5 а. л.)	В. С. Бочкарев
203.	Телль эс-Саван	печатн.	БРЭ, 2015. Т. 29	С. 186 (0,2 а. л.)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
204.	Сапалли	печатн.	БРЭ, 2015. Т. 29	С. 399 (0,2 а. л.)	
205.	Саразм	печатн.	БРЭ, 2015. Т. 29	С. 412–413 (0,2)	
206.	Сиалк	печатн.	БРЭ, 2015. Т. 30	С. 123 (0,2 а. л.)	
207.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 11	печатн.	СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2015. № 11.	192 с. (12 а. л.)	Е. Н. Носов и др.
208.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 12	печатн.	СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2015. № 12	240 с. (15 а. л.)	Е. Н. Носов и др.
209.	Культурные трансляции и формирование направлений Великого Шелкового пути в Средней Азии во второй половине IV – начале II тыс. до н. э.	печатн.	Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: Диалог культур, культура диалога (к 140-лению А. А. Миллера): Материалы Междунар. науч. археол. конф. и Гумбольт-лектория (5–8 октября 2015 г., СПб.). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ, Невская Книжная типография, 2015. 200 с.	С. 72–76 (0,3 а. л.)	
210.	Вклад Б. А. Литвинского в археологию эпохи бронзы Южной Туркмении	печатн.	Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура / Под ред. В. П. Никонорова, В. А. Алёкшина. СПб.: ООО «Контраст», 2015. (Записки Восточного Отделения Российского Археологического общества. Нов. сер. Т. III [XXVIII]; Труды ИИМК РАН. Т. XLV).	С. 748–764 (1,3 а. л.)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
211.	Вадим Михайлович Массон (03.05.1929–19.02.2010) // (Совм. с В. С. Бочкаревым) (0,5 а. л.)	печатн.	Академическое востоко-ведение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура / Под ред. В. П. Никонорова, В. А. Алёкшина. СПб.: ООО «Контраст», 2015 (Записки Восточного Отделения Российского Археологи-ческого общества. Нов. сер. Т. III [XXVIII]; Труды ИИМК РАН. Т. XLV).	С. 903–906 (0,5 а. л.)	В. С. Бочкарев
212.	Поселения периода ранней бронзы Южного Туркменистана: стратиграфия и проблемы хронологии	печатн.	Записки ИИМК РАН, СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2015. № 12.	С. 90–105 (1,1 а. л.)	
213.	Сузы	печатн.	БРЭ, Т. 31: Социальное партнёрство — Телевидение. 2016. ISBN 978-5-85270-368-2., 2016.	С. 402 (0,3)	
214.	Телль	печатн.	БРЭ, Т. 32: Телевизионная башня — Улан-Батор. 2016. ISBN 978-5-85270-369-9.	С. 15 0,02	
215.	Туркменистан (исторический очерк) Территория Туркмении в древности	печатн.	БРЭ, Т. 32: Телевизионная башня — Улан-Батор. 2016. ISBN 978-5-85270-369-9.	С. 542–543 (0,45)	В. Н. Пилипко +?
216.	Тюренг Тепе	печатн.	БРЭ, Т. 32: Телевизионная башня — Улан-Батор. 2016. ISBN 978-5-85270-369-9.	С. 620 (0,2)	
217.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 13	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2016. № 13.	160 с. (10 печ. л.)	Е. Н. Носов и др.
218.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 14	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2016. № 14	192 с. (12 печ. л.)	Е. Н. Носов и др.
219.	К датировке геоксюрского комплекса (новые данные из Алтын-депе в Южном Туркменистане)	печатн.	Записки ИИМК РАН, 2017, № 16.	С. 35–51 (1,2 а. л.).	
220.	Хараппа	печатн.	БРЭ, Т. 33: Уланд — Хватцев. 2017. ISBN 978-5-85270-370-5.	С. 764 (0,15)	
221.	Хараппская цивилизация	печатн.	БРЭ, Т. 33: Уланд — Хватцев, 2017. ISBN 978-5-85270-370-5.	С. 764–765 (0,25)	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
222.	Чога-Занбиль	печатн.	БРЭ. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2017. Т. 34: Хвойка — Шервинский.	С. 617–618 (0,15)	
223.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 15	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2017. № 15.	200 с. (13 печ. л.)	Е. Н. Носов и др.
224.	Формирование направлений Великого шелкового пути в Средней Азии во второй половине IV – начале II тыс. до н. э.	печатн.	Цивилизации Великого шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных, гуманитарных наук: матери-алы Международной научной конференции, Самарканд, 28–29 сентября 2017 г. (приложение к Вестнику МИЦАИ №26, 2017). Самарканд, 2017. 438 с. Самарканд: Институт Центральноазиатских исследований (IICAS), 2017. Редакционная коллегия: К.М. Байпаков, Б.Э. Аманбаева, Ф.М. Асадов, Ш.М. Мустафа-ев (ответственный редактор), Ш.Р. Пидаев, Хи Су Ли, М. Ашрафхан, Р. Назаров, М.Д. Джами	С. 394–408 (1,6 а. л.)	
225.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 16	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2017. № 16.	200 с. (13 печ. л.)	Е. Н. Носов и др.
226.	Погребальный инвентарь Алтын-депе в Южном Туркменистане: новые данные	печатн.	V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государ-ственный университет», 2017.	0,2 а. л.	
227.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 17	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2017. № 17.	216 с. (27 печ. л.)	Е. Н. Носов и др.
228.	О функции так называемых каменных светильников эпохи бронзы на юге Центральной Азии и Среднем Востоке	печатн.	Записки ИИМК РАН. 2018. № 18.	С. 20–27 (0,5)	
229.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 18	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2017. № 18.	190 с. (22,2 печ. л.)	Е. Н. Носов и др.

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
230.	Вадим Михайлович Массон и проблемы культурного наследия Древней Центральной Азии	В печати	Туркменистанцы на берегах Невы, СПб.	0,5 а. л.	
231.	Путь на восток (контакты Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в III тыс. до н. э.).	печатн.	Записки ИИМК РАН. 2018. № 19.	С. 56–69.	
232.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 19	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 19.	206 с. (24 печ. л.)	Е. Н. Носов и др.
233.	Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии).	печатн.	Императорская археологическая комиссия (1859–1917) : история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы : Коллективная монография: в 2 т. Т. 2 / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : ИИМК РАН, 2019. Глава 10. DOI: 10.31600/978-5-9072-9807-1-2019-1056-1091	С. 1056–1091 (текст 1,5 а. л. + 16 илл.)	Г.В. Длужневская
234.	Антропоморфные статуэтки периодов позднего энеолита и ранней бронзы из раскопок В. И. Сарианиди на Улуг-депе (Южный Туркменистан)	печатн.	Записки ИИМК. 2019. № 21.	С. 41–48 (0,5 а. л., + 2 илл.).	
235.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 20	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2019. № 20.	204 с. (23,7 печ. л.)	В. А. Лапшин и др.
236.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 21	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2019. № 21	176 с. (20,46 печ. л.)	В. А. Лапшин и др.
237.	В. М. Массон и ленинградская/ санкт-петербургская школа изучения древностей Центральной Азии	печатн.	// Алёкшин В. А., Кирчо Л. Б. (отв. ред.). Древности Восто-чной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимо-действий в евразийском культурном простран-стве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. Т. I. DOI: 10.316000/978-5-907053-34-2-7-10	С. 7–10 (0,25 а. л.).	

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
238.	Древние земледельцы Средней Азии: система расселения и структура домостроения в конце VII–III тыс. до н. э. (экологические и социально-экономические факторы).	печатн.	Там же. DOI: 10.316000/978-5-907053-34-2-16-19.	С. 16–19 (0,25 а. л.).	
239.	Altyn-Depe. The Formation of the Earliest Urban Centre in Central Asia.	печатн.	Christoph Baumer and Mirko Novák (eds.). Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Learnings and conclusions from new archaeological investiga-tions and discoveries: Procee-dings of the First International Congress on Central Asian Archaeology held at the University of Bern, 4–6 February 2016. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. (Schriften zur Vorderasiati-schen Archäologie. 13). ISSN 0340-6792. ISBN 978-3-447-11169-0. (1,3 а. л. + 10 ил.).	P. 9–27 (1,3 а. л. + 10 ил.).	
240.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 22	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2020. № 22	220 с. (25,6 печ. л.)	В. А. Лапшин и др.
241	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 23	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2020. № 23	212 с. (25,2 печ. л.)	В. А. Лапшин и др.

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
242.	Kircho L. B. Cultural transmissions and the formation of the Silk Road directions in Central Asia in the second half of the 4th — the beginning of the 2nd mill. BC Культурные трансляции и формирование направлений Великого шелкового пути в Средней Азии во второй половине IV – начале II тыс. до н. э.	печатн.	M. T. Kašuba, S. Reinhold, Ju. Ju. Piotrovskij (Hrsg.), Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient in der Bronze- und Eisenzeit: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges. Internationale Fachtagung für die Archäologie des Kaukasus und Humboldt-Kolleg (5.–8. Oktober 2015, Sankt Petersburg) | М.Т. Кашуба, С. Райнхольд, Ю.Ю. Пиотровсикй (отв. ред.), Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога. Международная научная конференция по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург) // Archäologie in Iran und Turan, Bd. 19. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2020. ISBN 978-3-496-01642-7	S. 281–310 (3 а. л.)	
243.	Древнейшие печати Средней Азии (типология, материал, техника изготовления).	печатн.	Записки ИИМК РАН. 2020. № 23. DOI: 10.31600/2310-6557-2020-23-24-36	С. 24–36 (0,9 а. л., + 3 ил.).	
244	Отв. редактор сборника «Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): ММК, посвящ. 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург)».	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2020.	308 с. (38,5)	В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
245.	Контакты населения Алтын-депе и Юго-Западного Туркменистана в конце IV–III тыс. до н. э.	печатн.	Редакционная коллегия: В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов (отв. редакторы), В. А. Алёкшин, М. Е. Килуновская, О. В. Сычева. Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизиро-ванных и скотоводческих обществ): Материалы Меж-дународной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, 2020. DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-77-82	С. 77–82 (0,5 а. л.).	
246.	Ljubov B. Kircho. The rise of the early urban civilization in southwestern Central Asia: from the Middle Chalcolithic to the Middle Bronze Age in southern Turkmenistan (Становление раннегородской цивилизации на юго-западе Средней Азии: от периода среднего энеолита до периода средней бронзы в Южном Туркменистане).	печатн.	B. Lyonnet, N. Dubova (eds.). The world of the Oxus Civilization. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2021. Part II, Chapter four. (Б. Лионне, Н. Дубова (ред.). Мир цивилизации Окса. Лондон; Нью Йорк: Роутледж, 2021. Ч. II, глава 4. ISBN 978-1-138-72287-3(hbk) ISBN 978-1-315-19335-9 (ebk)	P. 110–142 (3,5 а. л.)	
247.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 24	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2021. № 24	182 с. (21,6 печ. л.)	В. А. Лапшин и др.
248.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 25	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2021. № 25	286 с. (34 печ. л.)	В. А. Лапшин и др.

№№ п. п.	Наименование научного труда	Печатн. или рукопись	Издательство, журнал (номер, год)	Кол-во печ. листов	Фамилии соавторов работы
249.	Новые данные об источниках сырья для изготовления каменных изделий Южной Туркмении в периоды позднего энеолита – ранней бронзы	печатн.	Культуры азиатской части Евразии в древности и средневековье: Материалы межденародной научной конференции, посвящ. 80-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности проф. Н. А. Аванесовой. Самарканд: Самаркандский гос. ун-тет, 2021. ISBN 978-9943-6430-4-8	С. 139–145 (0,5 а. л.)	
250.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 26	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2022. № 26	216 с. (25,65 печ. л.)	В. А. Лапшин и др.
251.	Заместитель главного редактора «Записки ИИМК РАН» № 27	печатн.	СПб.: ИИМК РАН, 2022. № 27	224 с. (28 печ. л.)	В. А. Лапшин и др.
252.	Опыт исследования красочного слоя и ангоба расписной керамики древнеземледельческих трипольской и анауской культур середины IV тыс. до н. э.	печатн.	Отв. ред.: М. Т. Кашуба, Н. Ю. Смирнов, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова. Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы междунар. научн. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии М. П. Грязнова (1902–1984). СПб.: ИИМК РАН, 2022. DOI: 10.31600/978-5-6047952-5-5.330-333	С. 330–333 (0,5 а. л.)	Калинина К. Б., Старкова Е. Г.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ЮТАКЭ

Р. Г. Мурадов
Международный институт
центральноазиатских исследований

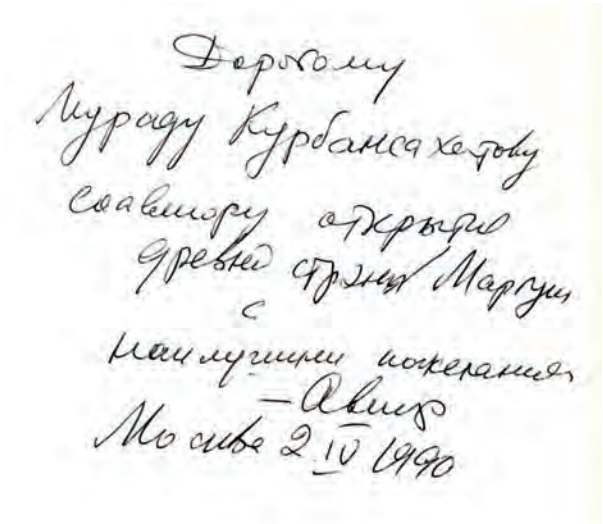
Какамурад, а проще говоря, Мурад, как его всегда называли родные и друзья, был, пожалуй, для своего научного руководителя В. М. Массона самым близким человеком в Туркменистане. Разглядев в нем способного и думающего специалиста с критическим складом ума, склонного к самостоятельному анализу, Вадим Михайлович взял его под свою опеку и всячески способствовал его профессиональному становлению. Сообщество археологов – это своего рода «корпорация», строго регламентированная и, можно сказать, элитарная, в которой по определению не бывает дилетантов. Будучи состоявшимся профессионалом, археологию можно бросить на каком-то этапе жизни, но стать археологом дано только смолоду, формируясь в университетской среде и, конечно же, в поле, набираясь опыта в экспедициях и постоянном общении с учителями и коллегами-сверстниками. В этом смысле Курбансахатов был не просто своим среди археологов. Он быстро заслужил авторитет и уважение и как коммуникабельный член команды, и как эрудированный исследователь. С его именем связано, прежде всего, изучение Анау – эталонного археологического памятника эпохи энеолита. Он один из тех ученых, благодаря которым анауская культура прочно вошла в научный оборот и попала в учебники истории.

Какамурад Курбандурдыевич Курбансахатов.

Мурад родился 27 июля 1954 г. в Ашхабаде, в семье известного поэта, прозаика, драматурга и переводчика Курбандурды Курбансахатова (1919–1994), который в то время был руководителем Союза писателей Туркменистана. Его сын рос в литературной атмосфере писательского дома и, казалось бы, проще всего ему было после десятилетки поступить на филфак Туркменского государственного университета им. М. Горького (ныне носящего имя Махтумкули), но Мурад пошел по своему пути и выбрал исторический факультет. Ещё студентом он начал работать лаборантом в археологических экспедициях таких выдающихся учёных как Вадим Михайлович Массон и Виктор Иванович Сарианиди. Последний даже назвал его «соавтором открытия страны Маргуш», затерянной в Каракумах. Этот эпизод связан с участием первокурсника Курбансахатова в работе Геоксюрского отряда Института археологии АН СССР под руководством В. И. Сарианиди и при участии И. С. Масимова, когда весной 1972 г. они проводили рекогносцировку низовий

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-143-148

Дарственная надпись К. Курбансахатову от автора книги В. И. Сарианиди «Древности страны Маргуш».

Мургаба и обнаружили поселение Гонур 1 (*Масимов*, 2008. С. 8).

В студенческие годы Мурад прошёл прекрасную полевую школу, участвуя в раскопках Каракумской экспедиции ЛОИА и ЮТАКЭ на Алтын-депе под руководством В. М. Массона. Получив диплом археолога в 1976 г., он был сразу зачислен в штат Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР и в том же году принял участие в исследованиях на городище Песседжик-депе. Полученные тогда материалы еще раз подтвердили принадлежность данного памятника к среднему периоду джейтунской культуры (*Лоллекова, Курбансахатов,* 1977). В том же году появилась первая научная публикация Мурада, причем в ведущем советском археологическом журнале, посвященная описанию статуэтки богини плодородия, найденной им ранее на Алтын-депе (*Курбансахатов*, 1976). Следующая его статья в «Советской археологии» касалась еще одной весьма примечательной алтынской находки (*Курбансахатов,* 1981).

В самом начале своей деятельности он уже определил основную область исследований: это культура ранних земледельцев и скотоводов в предгорьях Копетдага. Главным объектом его первых самостоятельных шагов стало энеолитическое поселение Анау, которое впервые подверглось раскопкам еще в 1886 г. генералом А. В. Комаровым, а 1904 г. там работала первая на территории современного Туркменистана археологическая экспедиция Института Карнеги (США) под руководством профессора геологии Рафаэля Пампелли (*Pumpelly,* 1908). Воспоминания этого ученого о работе в Анау много лет спустя перевёл с английского и опубликовал со своим предисловием К. Курбансахатов (*Пампелли,* 2004). Сам же Мурад приступил к собственным раскопкам Северного холма Анау в 1977 г. в составе XIV отряда ЮТАКЭ и Каракумской экспедиции ЛОИА. Перед ним была поставлена задача уточнить стратиграфию поселения. Он начал с зачистки от натеков в траншее Комарова и закладки большого стратиграфического шурфа в самой высокой части холма, получив в итоге весьма содержательный материал (*Курбансахатов,* 1982; 1983а). Он провел там восемь полевых сезонов, регулярно публикуя свои краткие отчеты в ежегоднике ИА АН СССР «Археологические открытия» (*Курбансахатов*, 1980 и др.). В результате ему удалось выделить 20 последовательно сменявших друг друга строительных горизонтов. Это в значительной степени уточнило прежнюю картину и

Южный холм Анау. Раскоп 2000 года.

Ф. Хиберт (в центре) и К. Курбансахатов (справа) со своим семилетним сыном Сердаром на южном холме Анау в 1993 г.

позволило детальнее реконструировать культуру раннеземледельческих племён Южного Туркменистана.

К. К. Курбансахатов считал чрезвычайно важным соблюдать методику раскопок путем детального изучения стратиграфии даже в пределах одного строительного периода. Были вскрыты как жилые, так и хозяйственные объекты. Впервые обнаружились круглые помещения диаметром до двух метров, которые могли быть жилыми. Среди находок – кремнёвые орудия труда, продолжавшие традиции более ранней джейтунской культуры, керамика (толстостенная и тонкостенная, с характерными росписями – горизонтальными рядами силуэтных треугольников, заполненными квадратами, мотивами в виде веток). Медные изделия встречались единично. На основании полученных данных Курбансахатову удалось провести хронологическое членение комплексов этого памятника. Так, самые ранние слои 20–19 относятся ко времени Анау IA. Слои 18–5 отнесены к следующему хронологическому периоду Анау IБ, который соответствует комплексу Намазга I, причем слои 18–13 к раннему, а слои 13–5 к позднему периоду Намазга I. И, наконец, верхние слои 4–1 отнесены к периоду Анау II (соответствует Намазга II).

Имея уже достаточный полевой опыт и специальные знания, Курбансахатов поступил в очную аспирантуру ЛОИА и в 1983 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Культура раннего и развитого энеолита предгорной полосы Южной Туркменистана» (*Курбансахатов*, 1983b). Его научным руководителем был, разумеется, В. М. Массон. Четыре года спустя в ашхабадском академическом издательстве «Ылым» вышла в свет первая монография К. К. Курбансахатова «Энеолит Анау» (1987). В ней приведены новые данные по этому историческому периоду, описан прежде неизвестный тип построек, круглых в плане, ранее не встречавшихся в первобытной архитектуре. Молодой учёный дал характеристику земледелия, скотоводства и других видов хозяйственной и культурной деятельности людей, живших здесь в V–IV тысячелетиях до н.э. (*Курбансахатов*, 1987).

Мурад снова возвращался к холмам Анау в 1997–2000 гг. – теперь в партнерстве с американским коллегой, доктором Фредом Хибертом из Пенсильванского университета и другими специалистами из США и Западной Европы. Ими были возобновлены раскопки Северного холма, позволившие сделать наблюдения о процессах формирования памятника и тщательно описать контекст залегания артефактов. Полученные

образцы послужили материалом для радиоуглеродного датирования, систематизации керамики, археоботанического и почвенного анализов. Кроме того, в 2000 г. в верхних слоях Южного холма Анау была обнаружена стена из камня (датируемая бронзовым веком), хотя ранее считалось, что все сооружения первых земледельцев строились исключительно из глины (сырцовых кирпичей и пахсы). В 2003 г. Музей археологии и антропологии Пенсильванского университета издал совместную монографию К. Курбансахатова и Ф. Хиберта «Центральноазиатское поселение на заре цивилизации. Раскопки в Анау, Туркменистан» (*Hiebert, Kurbansakhatov*, 2003). В этом издании обобщены данные о поселении, его стратиграфии, материальной культуре и культурных связях. Учёные пришли к выводу, что в Анау существовала высокоразвитая оседлая земледельческая культура со сложной социальной организацией и элементами городского типа. Крупный исследователь Древнего Востока, профессор Роберт Дайсон в предисловии к этой книге отметил, что строго задокументированные данные из Анау ввели Центральную Азию и, в частности, Туркменистан в круг древнеземледельческих цивилизаций Египта, Месопотамии и Ирана (*Dyson*, 2003. P. xv–xvi). Публикация подобной книги доказала нескончаемый потенциал сотрудничества учёных разных направлений и стран.

Помимо Анау Мурад работал в составе отряда Института истории им. Ш. Батырова на городище Гараой-депе близ станции Душак, где выявлены два строительных периода эпохи Намазга II (*Гутлыев, Курбансахатов,* 1979). В 1987 г. он начал новый цикл раскопочных работ на неолитическом поселении Джейтун (*Курбансахатов, Лоллекова*, 1989). Совместно с супругой – археологом, кандидатом исторических наук Огулсоной Лоллековой изучал еще одно энеолитическое поселение – Тилькин-депе близ Геокдепе (*Курбансахатов, Лоллекова,* 1990). В 1989 г. он заложил раскоп 7 на западной окраине Йылгынлы-депе – огромного городища эпохи среднего энеолита, расположенного по соседству с Алтын-депе (*Курбансахатов*, 1990; *Соловьева*, 2008. С. 12).

Раскапывая такие значительные памятники, Курбансахатов проделал немалый объём работ по разбору археологических коллекций, накопленных за много лет в хранилище ашхабадского Института истории ещё в те годы, когда активно работала ЮТАКЭ. Не случайно в 1994 г., когда эта легендарная экспедиция вернулась под крышу Института истории АН Туркменистана на правах отдела в составе Национального центра археологических исследований, именно Мураду было доверено возглавить этот отдел. Таким образом, он оказался последним формальным руководителем ЮТАКЭ вплоть до упразднения Института истории в 1997 г.

Мурад Курбансахатов и археолог Аллагулы Бердыев. Мерв, Гяур-кала, 1995 г.

Чуть раньше, в 1992 г. К. Курбансахатов стал содиректором первого международного консорциума, образованного Университетским колледжем Лондона (UCL), Британским музеем, Институтом истории АН Туркменистана и ИИМК РАН с целью дальнейших археологических исследований Мерва. Этот успешный проект, получивший название International Merv Project (IMP) инициировала профессор UCL Джорджина Херрманн, сыгравшая важную роль в номинации Древнего Мерва в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Работы этой команды, в которой Мурад принимал самое активно участие, были сконцентрированы в трех районах: это собственно городища Древнего Мерва Гяур-кала и Султан-кала, а также низовья Мургаба и южные провинции Маргианы вплоть до границы Афганистана (*Курбансахатов, Херрманн,* 2001). Фактически этот проект стал последней страницей в истории ЮТАКЭ. Итоги шести полевых сезонов IMP подведены в отчетах, опубликованных в журнале «Iran» (выпуски XXXI–XXXVI). Вместе с Дж. Херрманн и другими коллегами К. Курбансахатов систематизировал большое количество исторических фотографий с изображениями архитектурных памятников Мерва, отснятых с конца XIX века и на протяжении XX столетия. Данная работа, изданная в виде каталога с приложенным компакт-диском (*Herrmann et al.*, 2002), стала первым опытом

Участники Международной конференции «Туркменистан – родина анауской культуры и ак бугдая» на экскурсии возле раскопа на южном холме Анау. Октябрь 2004 г.

цифровизации базы данных по архитектурному наследию Туркменистана.

В 1998 г. был учрежден новый Институт истории при Кабинете Министров Туркменистана, куда Курбансахатова пригласили на должность заведующего отделом археологии. В 2002 г. он перешел в Государственный институт культурного наследия народов Туркменистана, Центральной Азии и Востока при Президенте Туркменистана, созданный по инициативе В. М. Массона. После завершения программы IMP последовал новый консорциум, созданный по контракту между Институтом археологии UCL и Национальным управлением Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры. В 2002 г. он был расширен за счёт пятилетнего сотрудничества с Государственным институтом культурного наследия народов Туркменистана, Центральной Азии и Востока, который представлял Какамурад Курбансахатов. К сожалению, состояние его здоровья в тот период не позволило ему полноценно работать. В 2005 г. он ушел из института, до ухода на пенсию являлся сотрудником Национального музея Туркменистана, но последние 20 лет жизни уже не мог, как прежде, заниматься наукой.

Каким он запомнился друзьям и коллегам? Мурад не был лицемерно улыбчивым и поэтому на первый взгляд мог даже показаться неприветливым, но для знавших его давно и достаточно близко, для тех, кто работал с ним в поле, на раскопках, он был надежным соратником, всегда готовым помочь, прямым и откровенным собеседником, с хорошим чувством юмора, хотя не без иронии и даже сарказма. Чего стоит одна его дарственная надпись на книге, подаренной другу-археологу С. Д. Логинову: «Сергею, в расчете на пыль в наших глазах».

Сегодня имя Какамурада Курбансахатова известно всем специалистам, занимающимся археологией Центральной Азии, а его труды являются важными источниками по энеолиту Туркменистана.

ЛИТЕРАТУРА

Гутлыев, Курбансахатов, 1979 — *Гутлыев Г., Курбансахатов К.* Раскопки Гараойдепе // АО 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 551–552.

Курбансахатов, 1976 — *Курбансахатов К.* Новый тип женской терракотовой статуэтки с Алтын-депе // СА. 1976, № 3. С. 302–305.

Курбансахатов, 1980 — *Курбансахатов К.* Раскопки северного холма Анау // АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 464.

Курбансахатов, 1981 — *Курбансахатов К.* Антропоморфные изображения на пряслице энеолитического времени из Южного Туркменистана // СА. 1981, № 2. С. 260–264.

Курбансахатов, 1982 — *Курбансахатов К.* Изучение стратиграфии северного холма Анау // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1982. С. 10–20.

Курбансахатов, 1983a — *Курбансахатов К.* Стратиграфическое изучение верхних слоев северного холма Анау // СА. 1983, № 1. С. 30–46.

Курбансахатов, 1983b — *Курбансахатов К. К.* Культура раннего и развитого энеолита предгорной полосы Южной Туркмении: автореф. дис. канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1983. 24 с.

Курбансахатов, 1987 — *Курбансахатов К.* Энеолит Анау / Отв. ред. В. М. Массон. Ашхабад: Ылым, 1987. 167 с.

Курбансахатов, 1990 — *Курбансахатов К.* Изучение энеолитических слоев на западной окраине Йылгынлы-депе // Известия АН Туркменской ССР. Серия гуманитарных наук. 1990, № 6. С. 34–38.

Курбансахатов, Лоллекова, 1989 — *Курбансахатов К., Лоллекова О.* Новые раскопки поселения Джейтун // Известия АН Туркменской ССР. Серия гуманитарных наук. 1989, № 3. С. 18–24.

Курбансахатов, Лоллекова, 1990 — *Курбансахатов К., Лоллекова О.* Тилькин-депе // Известия АН Туркменской ССР. Серия гуманитарных наук. 1990, № 4. С. 51–57.

Курбансахатов, Херрманн, 2001 — *Курбансахатов К., Херрманн Дж.* Международный Мервский проект: первые десять лет // Miras. 2001. № 4. С. 86–93.

Лоллекова, Курбансахатов, 1977 — *Лоллекова О., Курбансахатов К.* Изучение стратиграфии Песседжик-депе // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 551.

Масимов, 2008 — *Масимов И. С.* История археологического изучения Маргианы // Культурные ценности. Международный ежегодник 2004–2006 / Под ред. Р. Г. Мурадова. СПб.: Филфак СПбГУ, 2008. С. 7–12.

Пампелли, 2004 — *Пампелли Р.* Мои воспоминания / Предисл., пер. с англ. и коммент. К. Курбансахатова и С. Бекмамедовой // Культурные ценности. Международный ежегодник 2002–2003 / Под ред. Р. Г. Мурадова. СПб.: Филфак СПбГУ, 2004. С. 147–166.

Соловьева, 2008 — *Соловьева Н. Ф.* Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам поселения Илгынлы-депе). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 328 с. (Труды ИИМК т. XXIX).

Dyson, 2003 — *Dyson R. H.* Foreword // *Hiebert F. T., Kurbansakhatov K.* A Central Asian Village at the Dawn of Civilization, Excavations at Anau, Turkmenistan / Foreword by Robert H. Dyson. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2003. P. xv–xvi.

Herrmann et al. 2002 — *Herrmann G., Coffey H., Laidlaw S., Kurbansakhatov K.* The Monuments of Merv. Ascanned Archive of Photographs and Plans. London: University College London and British Institute of Persian Studies, 2002. 142 p.+ CD.

Hiebert, Kurbansakhatov, 2003 — *Hiebert F. T., Kurbansakhatov K.* A Central Asian Village at the Dawn of Civilization, Excavations at Anau, Turkmenistan / Foreword by Robert H. Dyson. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2003. 489 p.

Pumpelly, 1908 — *Pumpelly R.* Explorations in Turkestan, Expedition of 1904: Prehistoric Civilizations of Anau: Origins, Growth, and Influence of Environment. Washington D.C.: Carnegie Institution of Washington, 1908. Vol. 1. 402 p. Vol. 2. 350 p.

Продолжение археологических раскопок и исследований на Гонур-депе

РАБОТЫ РОССИЙСКО-ТУРКМЕНСКОЙ МАРГИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 2023–2024 ГОДАХ[1]

Н. А. Дубова*, М. А. Мамедов, А. В. Фрибус***, В. В. Куфтерин*, Р. А. Джепбаров****, М. Ы. Беглиев******

***Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН**
****Национальное управление Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры**
*****Институт истории материальной культуры РАН**
******Государственный историко-культурный заповедник «Древний Мерв»**

Работа Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедиции проходит в соответствии с Соглашением между Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН) и Министерством культуры Туркменистана. В связи с введением ограничительных мер из-за пандемии коронавируса, полевые исследования в 2020–2022 гг. не проводились. Они были возобновлены только в 2023 г. и проходили с 12 апреля по 9 июня и с 25 октября по 12 ноября. В 2024 г. работы в Туркменистане велись с 21 апреля по 18 мая и с 15 сентября по 21 октября.

Руководили работами экспедиции с туркменской стороны – начальник Национального управления по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана (г. Ашхабад) доктор архитектуры М. А. Мамедов, а с российской – главный научный сотрудник, руководитель Центра антропоэкологии ИЭА РАН (г. Москва) доктор исторических наук Н. А. Дубова; заместители руководителей экспедиции – директор Государственного историко-культурного заповедника «Древний Мерв» Р. А. Джепбаров (г. Мары, Байрамали) и старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург) кандидат исторических наук А. В. Фрибус. Состав экспедиции, учитывая специфику работы каждого сезона, несколько отличался. Весной 2023 г. в него входили: ведущий научный сотрудник ИЭА РАН доктор биологических наук В. В. Куфтерин (г. Москва), зав отделом Национального управления по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана, архитектор, кандидат искусствоведения М. Н. Аманов (г. Ашхабад), заведующий отделом Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии Уральского отделения Российской Академии наук, г. Миасс (ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН) кандидат геолого-минералогических наук А. М. Юминов (г. Миасс, Челябинская область), младший научный сотрудник ИИМК РАН О. В. Сычева, геодезист и фотограф ИИМК РАН И. Д. Ёлшин (г. Санкт-Петербург), зам. директора Историко-краеведческого музея Марыйского велаята Я. К. Тиркишева (г. Мары), инспектор Государственного историко-культурного заповедника «Древний Мерв» М. Ы. Беглиев, архитектор того же заповедника А. Т. Оразов (г. Байрамали), а также реставраторы высшей категории Государственного НИИ Реставрации Министерства культуры РФ Г. Э. Вересоцкая и Н. А. Ковалева (г. Москва).

Осенью 2023 г. участниками полевых работ были О. В. Сычева (г. Санкт-Петербург), старший научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург), кандидат биологических наук П. А. Косинцев, Я. К. Тиркишева (г. Мары), главный хранитель археологической коллекции Историко-краеведческого музея Марыйского велаята В. Г. Турик (г. Мары) и М. Ы. Беглиев (г. Байрамали).

В раскопках весной 2024 г. приняли участие А. М. Юминов (г. Миасс, Челябинская область), О. В. Сычева, И. Д. Ёлшин (г. Санкт-Петербург), Я. К. Тиркишева, В. Г. Турик (г. Мары) и М. Ы. Беглиев (г. Байрамали), а осени 2024 г. – О. В. Сычева (г. Санкт-Петербург), геодезист П. А. Черев (г. Кемерово), зам. директора Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

[1] Исследования проводятся в рамках Госзадания ИЭА РАН по теме 5. Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты, Подтема «Ретроспективные и перспективные аспекты исследования антропоэкологии населения Евразии» – Рег. № НИОКТР 124112200079-1 (Н. А. Дубова, В. В. Куфтерин) и в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008) (А. В. Фрибус).

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-150-168

Рис. 1. Общая схема Гонур-депе и Гонур-20 с указанием мест работ в 2019 и 2023-2024 гг.

И. А. Дворченков, ведущий научный сотрудник отдела Древнего Востока того же музея Г. Ю. Колганова (г. Москва), Я. К. Тиркишева, В. Г. Турик (г. Мары) и М. Ы. Беглиев (г. Байрамали). К археологическим раскопкам привлекалось от 5 до 15 рабочих – жителей ближайших населенных пунктов.

Исследования проходили в нескольких направлениях. Собственно археологические раскопки были продолжены на северном могильнике Раскопа 12 (юго-запад Гонур-депе, весна 2023 г.), на сателлитном поселении Гонур-20 (Раскоп 2, весна 2023, весна и осень 2024 г.), в 2 км к югу от центральной части Гонур-депе и на «Холме золы» рядом с Южным Гонуром («Теменосом») (осень 2024 г.) (Рис. 1). Для выявления структуры расселения в Гонурском оазисе проводились разведочные работы по нахождению близко расположенных к Гонур-депе мелких поселений (оба сезона 2023 г. и осень 2024 г.). После некоторого перерыва были проведены археозоологические исследования (осень 2023 г.). В Государственном музее изобразительных искусств (г. Ашхабад) продолжалась реставрация уникальной живописной композиции, найденной на Гонур-20 в 2019 г. и мозаичных композиций из «Царского некрополя» Гонура (весна 2023, осень 2024 г.). В Историко-краеведческом музее Марыйского велаята (г. Мары) и в Государственном музее Государственного Культурного Центра Туркменистана (г. Ашхабад) были продолжены исследования коллекции находок, сделанных в Маргиане за все годы проведения экспедиций. На территории дворца и кремля Гонура регулярно проводились консервационно-реставрационные работы.

Общее руководство всеми исследованиями осуществляли М. А. Мамедов и Н. А. Дубова. Раскопочными работами руководили Н. А. Дубова (Раскоп 12) и А. В. Фрибус (Гонур-20). Изучением палеоантропологического материала, включая определение пола и возраста погребенных, занимались В. В. Куфтерин и Н. А. Дубова. Топографическую и фотосъемку осуществляли И. Д. Ёлшин, О. В. Сычева, А. В. Фрибус, М. Н. Аманов, А. Т. Оразов и П. А. Черев. Минералогические определения и исследования древней металлургии проводил А. М. Юминов. Прорисовку керамических изделий, их полевую реставрацию и фотографирование находок — О. В. Сычева при участии Я. К. Теркишевой. Составление описей находок — О. В. Сычева, Н. А. Дубова и М. Ы. Беглиев. Работами по консервации и реставрации архитектурных сооружений руководили Р. А. Джепбаров, Н. А. Дубова и М. Ы. Беглиев при участии Я. К. Теркишевой. Полевую реставрацию металлических, костяных и хрупких изделий проводил М. Ы. Беглиев. Консервационные и реставрационные работы мозаичных композиций осуществляли Г. Э. Вересоцкая и Н. А. Ковалева.

Впервые в 2023 г. на материале Гонур-депе И. Д. Ёлшиным была проведена фотограмметрия изученных погребений. Это позволило построить объемные (трехмерные) модели (более 50) по-

Рис. 2. Гонур-20. Фото погребения 86. Вид сверху. Снято со штатива.

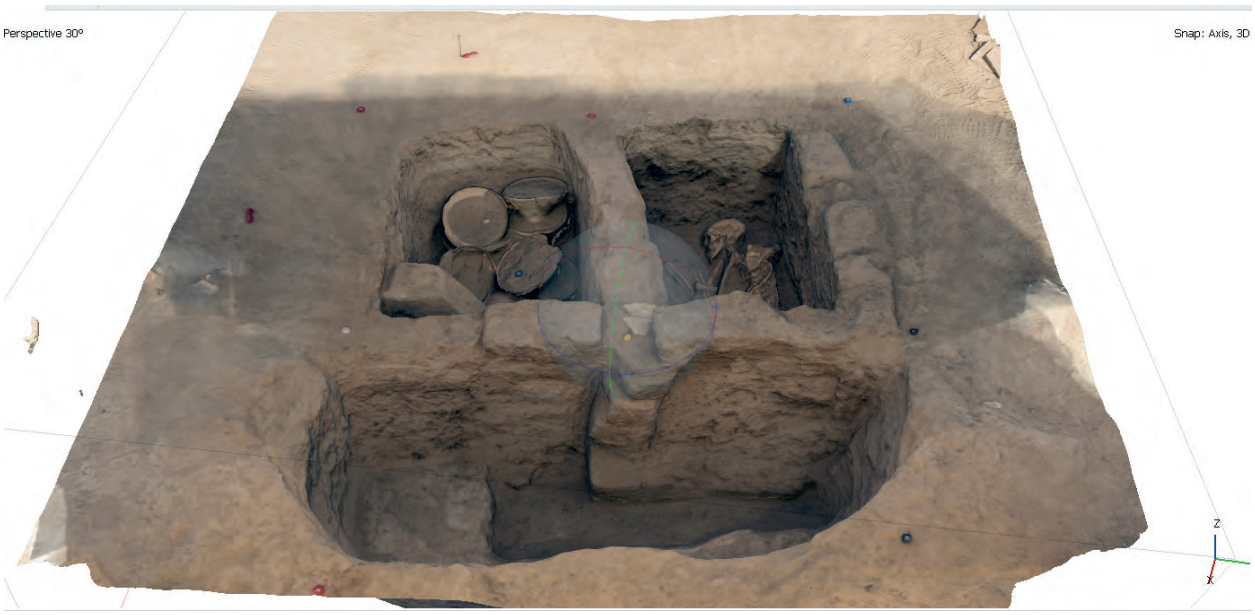

Рис. 3. Гонур-20, погребение 86. 3D модель, построенная на основе фотограмметрии.

Рис. 4. Гонур-20, погребение 95. 3D модель, построенная на основе фотограмметрии.

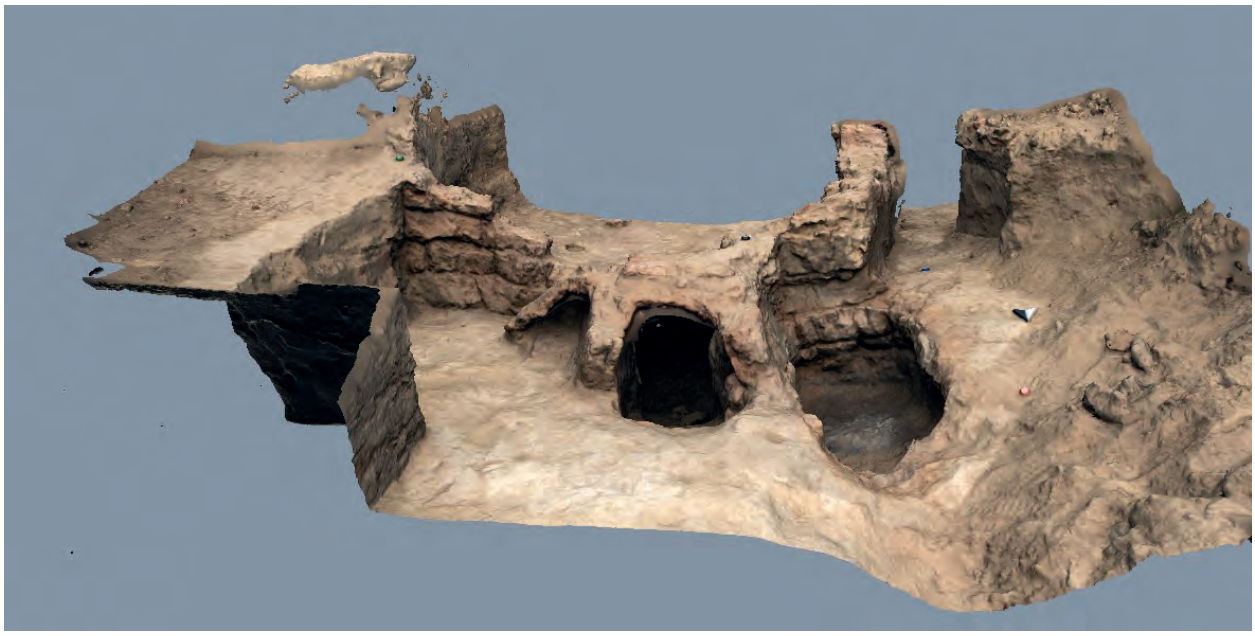

Рис. 5. Гонур-26. Гончарная печь. 3D модель, построенная на основе фотограмметрии.

гребений и сооружений. Подобные модели дают возможность свободно вращать и исследовать в электронном виде весьма точные изображения заснятых объектов (например, погребений или находок). На основе таких моделей возможно создание виртуальных музеев или же интерактивных экспозиций в обычных музеях (*Фрибус и др.*, 2024) (Рис. 2–6).

Весьма важным представляется уточнение и топографическая привязка электронного плана Гонур-депе и сателлитных поселений, проведенная в 2024 г. Планомерные раскопки Гонур-депе ведутся с 1974 г. Первоначально, вплоть до 2013 г. все планы составлялись лишь на бумаге. Затем, уже в 2000-е годы, эти чертежи сканировались и переводились в электронный формат. Учитывая большие размеры памятника (площадь только центральной части дворцово-храмового комплекса составляет 25 га) и недостаточное техническое обеспечение десятилетия назад, сведение воедино планов по всем раскопанным участкам представляло определенные трудности и приводило к некоторым искажениям. Весной 2013 г. с помощью современной аппаратуры усилиями М. А. Бочкаревой (ИИМК РАН) и архитекторов из Ташкента В. И. Артемьева и А. М. Урмановой в электронной форме были сведены воедино все имеющиеся планы и схемы по Северному Гонуру,

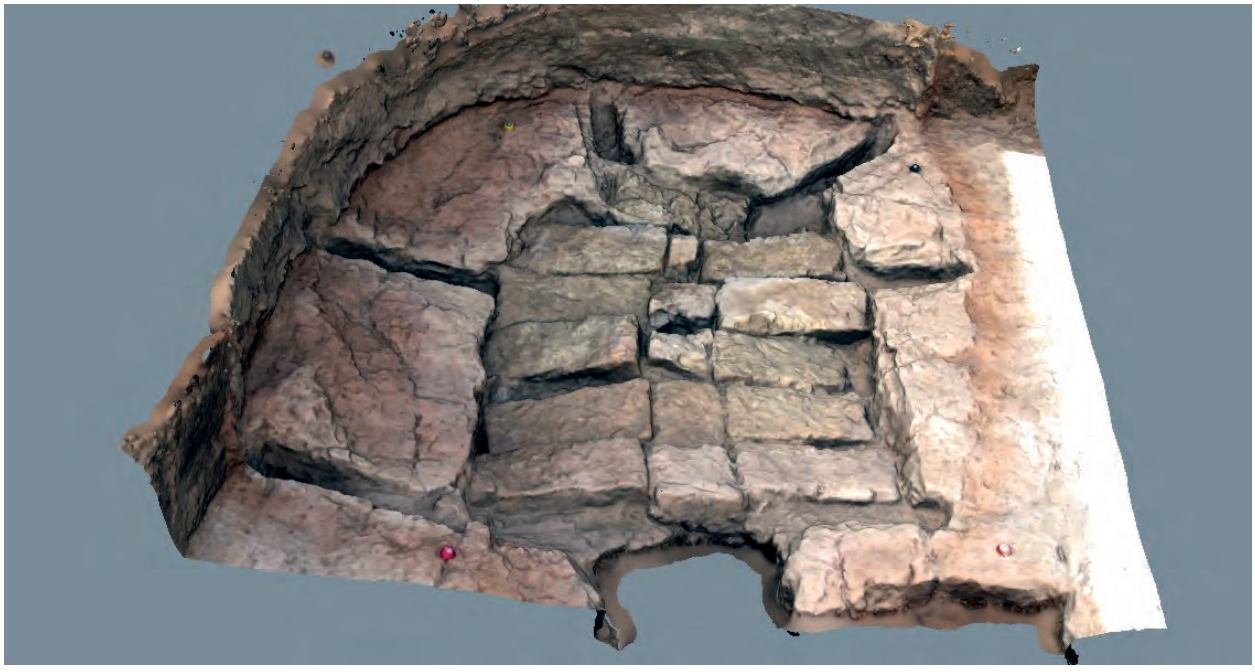

Рис. 6. Гонур-26. Гончарная печь. 3D модель, построенная на основе фотограмметрии.

Рис. 7. Работы на Гонур-20. 19.04.2023.

Рис. 8. Гонур-20. А. В. Фрибус, М. Ы. Беглиев и В. В. Куфтерин. 24.04.2023.

Рис. 9. Гонур-20. А. В. Фрибус, П. А. Черев, О. В. Сычева. 22.09.2024.

Рис. 10. Гонур-20. О. В. Сычева и А. В. Фрибус, 05.10.2024.

Рис. 11. Гонур-20. О. В. Сычева, Н. А. Дубова, Гаммар Ширджанов и Мустафа Ханмаммедов. Осень 2024 г.

Рис. 12. Гонур-2. О. В. Сычева и Джума Ханмаммедов. Осень 2023 г.

Рис. 13. Гонур-20. Н. А. Дубова. 05.10.2024.

Рис. 14. Гонур-20. М. Ы. Беглиев и Мустафа Ханмаммедов. 03.10.2024.

Рис. 15. Гонур-20. И. Д. Ёлшин проводит фотограмметрическую съемку. Весна 2024 г.

Рис. 16. Гонур-20. И. Д. Ёлшин производит фотограмметрическую съемку погребения. 19.04.2023.

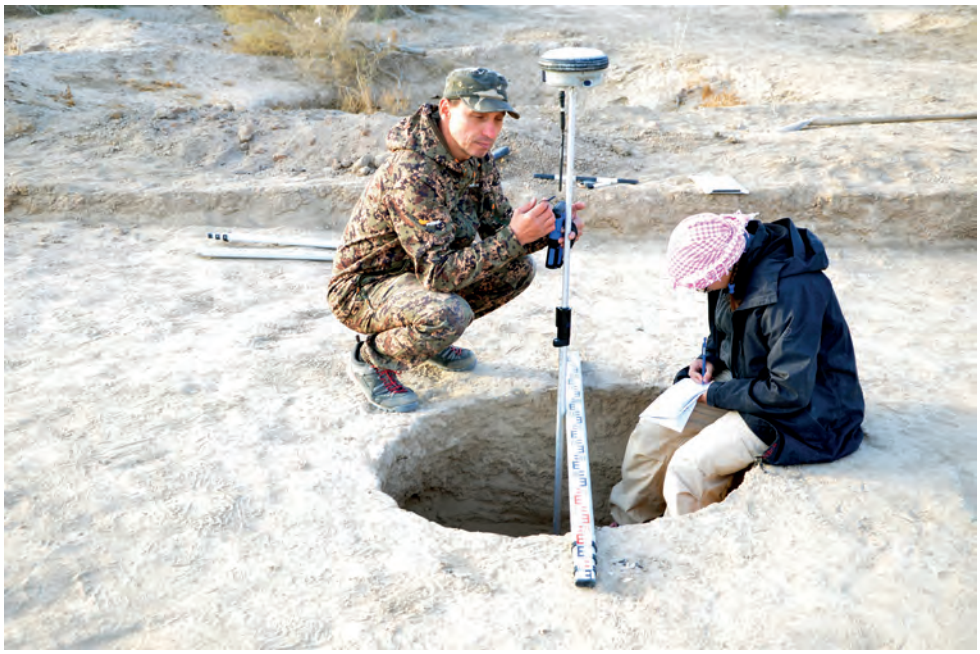

Рис. 17. Гонур-20. П. А. Черев и О. В. Сычева. 29.09.2024.

Рис. 18. Работы на «Холме золы», рядом с Южным Гонуром («Теменосом»). 02.10.2024.

Рис. 19. О. В. Сычева, М. Ы. Беглиев и А. В. Фрибус с группой рабочих на Гонур-20. 25.04.2023.

Рис. 20. А. В. Фрибус с группой рабочих на Гонур-20. 05.10.2024.

Рис. 21. П. А. Косинцев за работой в лагере экспедиции. 30.10.2023.

Рис. 22. Завершение полевых работ Маргианской экспедиции. Май 2024 г.

Южному Гонуру и двум сателлитным поселениям Гонур-20 и Гонур-21. План был в целом привязан и к географическим координатам. В процессе работы возник ряд вопросов, которые тогда, из-за больших размеров памятника (общая площадь около 50 га) и отсутствия необходимого оборудования, решить не удалось.

Осенью 2024 г. в состав экспедиции был включен геодезист П. А. Черев, который с помощью комплекта GPS-приемников GNSS South S82V точно зафиксировал взаиморасположение не только всех раскопов памятника, но и выявленных к настоящему времени соседних небольших поселений. Эта часть работы весьма важна, так как позволяет не по расчетам, а по факту оценить плотность расселения в Гонурском оазисе, степень удаленности населенных пунктов друг от друга и от центрального дворцово-храмового комплекса.

В связи с этим, одним из направлений исследований экспедиции стало изучение «сельской округи» Гонур-депе. Эти исследования были направлены на выявление новых небольших поселений Гонурского оазиса, уточнение данных о ранее известных памятниках. Полученные результаты дают возможность рассматривать центральную дворцово-храмовую часть Гонур-депе во взаимосвязи с небольшими поселениями сельского типа, которые были вовлечены в систему жизнеобеспечения центрального комплекса и имели разное предназначение. В ходе разведок, проведенных весной и осенью 2023 г. удалось выявить пять новых местонахождений (Гонур-3, 4, 26, 27, 28) (см. статью *Фрибус, Дубова, Сычева, Беглиев* в данном сборнике). Дальнейшие разведывательные и раскопочные археологические работы позволят определить функции поселений «сельской округи» Гонур-депе.

Палеоантропологические исследования. Весной 2023 г. В. В. Куфтериным были исследованы костные останки (черепа и посткраниальные скелеты) людей из 35 погребений, раскопанных в 2019 г. Пол и возраст определен по всем погребениям из раскопок 2019 и весны 2023 гг. (табл. 1).

Таблица 1. Численность человеческих костных останков с определением пола и возраста.

Пол и возраст	Число
Мужские	7
Женские	15
Взрослые (пол не установлен)	8
Детские суммарно	21
Из них: новорожденные	3
От 0 до 7 лет (*infantilis I*)	15
От 7 до 14 лет (*infantilis II*)	3
ИТОГО	51

Как краниологическая, так и остеологическая серии из погребений Гонур-депе в целом увеличились незначительно. При этом весь массив полученных на памятнике материалов позволил провести анализ связи краниологических особенностей гонурских материалов с типом погребального сооружения и с особенностями погребальных приношений. Так, рассмотрение внутригрупповой изменчивости краниометрических характеристик позволило выявить ряд достоверных отличий в абсолютных размерах между черепами из камер и цист, с одной стороны, и подбойных (шахтных) могил – с другой. Основная часть черепов из Гонур-депе принадлежит к кругу долихокранных лептомезоморфных южноевропеоидных форм. Поэтому более вероятно, что различия между захороненными в разных типах могил обусловлены не их разным генетическим происхождением, а особенностями диеты. В этой связи можно предполагать общее сходство спектра потребляемой жителями Гонура продукции при различном доступе к ее количественному и качественному составу у представителей разных социальных групп (*Куфтерин и др*., 2023).

Для выявления взаимосвязей между элементами погребального обряда и биологическими (включая палеопатологические) характеристиками погребенных проанализированы материалы из раскопок сателлитного относительно Северного Гонура памятника Гонур-20. Однозначно ответить на вопрос о наличии и степени такой связи в настоящий момент сложно. В то же время для всего гонурского общества мы без сомнения можем говорить о полностью институционализированном (прослеживаемом в обряде) неравенстве (наличие «Царского некрополя» Гонура). Но для локальных поселений, таких как Гонур-20, реалии общественной жизни не вполне четко отражаются в погребальном обряде. Так, захоронения в цистах сопровождаются большим количеством как инвентаря в целом, так и сосудов. Количество последних положительно связано с наличием в погребении металлических артефактов, а инвентаря – еще и с наличием заупокойной пищи. Отмечены положительные связи между наличием травм на скелете погребенного и присутствием инвентаря без сосудов, в том числе статусных и металлических артефактов. В литературе высказана точка зрения о том, что скелетные травмы нередко сопровождаются присутствием индикаторов механической нагрузки на осевой скелет – узлов Шморля. В свою очередь индивиды, имеющие кариозные поражения зубов имеют более выраженный мышечный рельеф длинных костей. Отмеченные патологии вместе с частой встречаемостью травм традиционно рассматриваются в качестве остеологических характеристик, типичных для не «элитных» захоронений (*Binsfeld et al.*, 2022. P. 15). Но для индивидов Гонура-20 наблюдается другая ситуация, что может свидетельствовать либо об отсутствии выраженных различий в характере и интенсивности физических нагрузок у представителей разных социальных групп, либо, в известном смысле, об эгалитарном устройстве общественной жизни на этом сателлитном поселении (*Куфтерин и др.*, 2024).

Минералогические исследования. А. М. Юминовым проведена минералогическая и петрографическая диагностика горных пород, грунтов и каменного материала, обнаруженного во время археологических раскопок (Раскоп 12, северный могильник; Гонур-20, Раскоп 2, Гонур-26). Также проведены анализы состава сплавов металлических изделий.

В ходе этих исследований было установлено, что для производства каменных изделий использовался широкий спектр горных пород и минералов: датолит, серпентинит, различные виды песчаника, алевропесчаник, кварц, кремнистые породы, мергель, известняк, мраморизованный известняк, мрамор, мраморный оникс, талькохлорит, гипс, алебастр, бирюза, лазурит, сердолик, агат. Отдельные артефакты были изготовлены из искусственного (?) материала (подвергнутого сильному нагреванию минерала типа трепела), содержащего кремний, и покрыты зеленой глазурью, в состав которой входили медь и титан.

Впервые на Гонуре были обнаружены образцы медной руды, представленной корко- и почкообразными выделениями медной зелени на буром железняке. В качестве примеси удалось установить наличие мышьяка, олова, свинца и висмута. По геохимической характеристике данная руда близка к зеравшанским рудам, добывавшимся в бронзовом веке в долине р. Зеравшан.

Проанализирована коллекция металлических предметов, обнаруженных во время раскопок: слитки, инструменты, сосуды, печати, заколки, бусины, серьги, а также многочисленные обломки металла. Было установлено, что для их изготовления использовалась чистая медь, мельхиор, латунь и баббит (единичные случаи); оловянная бронза (мало); многокомпонентная (Cu-As-Sn-Pb в разных соотношениях) бронза (много); мышьяковая и мышьяковистая бронза (преобладающее число изделий). В качестве примесей в металле выявлено присутствие сурьмы, висмута, серебра и других элементов. Одна печать (?) из погребения 93 на Гонур-20 была изготовлена из шпейза (промежуточный продукт цветной металлургии, состоящий из меди-мышьяка-железа).

На сателлитном поселении Гонур-20 были выявлены фрагменты металлургического (?) тигля, на внутренних стенках которого сохранились следы отшлакованного материала, иногда со-

держащего корольки свинцово-мышьяковистой бронзы с незначительной примесью никеля, цинка и олова. В целом, по химическому составу данный металл сходен с образцами бронз части металлических предметов, обнаруженных на центральном комплексе Гонура. Это свидетельствует об их местном производстве.

Проведенные исследования дают возможность сделать более существенные и объективные выводы об источниках каменного сырья, руд и технологии металлопроизводства, получивших развитие в мастерских древнего Гонура. Анализ медной руды показал присутствие в ней природных лигатур: мышьяка, олова, свинца и висмута и некоторых других элементов. Анализ металлических изделий свидетельствует о большом разнообразии сплавов из цветного металла. Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, использовавшейся рудной базой.

Были также произведены петрографические определения каменных предметов, происходящих с Гонур-депе из фондов Историко-краеведческого музея Марыйского велаята (всего 98 экз.).

Археозоологические исследования. П. А. Косинцевым была обработана коллекция костных остатков животных, найденных на раскопах 12 и 18 (Гонур-депе) и на раскопе 2 (Гонур-20) во время полевых сезонов весны 2019 г. и весны 2023 г. видовой состав животных, представленных костями из разных раскопов Гонур-депе, показан в табл. 2. Видовой состав животных, обнаруженных на сателлитном поселении Гонур-20, Раскоп 2 отражен в табл. 3. Кости животных, конечно, были найдены и в следующих сезонах, они находятся сейчас в экспедиционном хранилище. В ближайшие сезоны планируется приезд на Гонур-депе П. А. Косинцева и продолжение этих исследований.

Работы в Марыйском историко-краеведческом музее (г. Мары) и в Государственном музее Государственного культурного центра Туркменистана (г. Ашхабад).

Несколько лет назад была начата каталогизация находок, сделанных в Маргиане за все время археологических раскопок. Составление каталога находок, сделанных на территории на которой некогда находилась страна Маргуш–Маргиана, весьма важно, так как в настоящее время специалисты знакомы лишь с небольшой частью найденных предметов, изданных В. И. Сарианиди. В 2021 г. был опубликован первый выпуск Каталога, подготовленный совместно российскими и туркменскими специалистами (*Крупные каменные изделия…*, 2021). В 2023 и 2024 гг. эти исследования были продолжены. Маргианские находки находятся в трех основных хранилищах: Марыйском историко-краеведческом музее (г. Мары), в Государственном музее Государственного культурного центра Туркменистана (г. Ашхабад) и в Государственном музее изобразительных искусств (г. Ашхабад). Работа в Марыйском музее проходила благодаря содействию администрации музея, и, в первую очередь, зам. директора, а затем и. о. директора музея Я. К. Теркишевой и заведующего Отделом учета фондов музея В. Г. Турика. Работа в Государственном музее не могла бы быть выполнена без ценной помощи, оказанной директором музея М. А. Чарыевым, зав. археологическим хранилищем Т. Алланазаровой и сотрудником того же музея А. О. Сопиевым. Пре-

Таблица 2. Видовой состав животных, представленных костями из различных слоев Раскопов 18 и 12 Гонур-депе.

Виды	Раскоп 18	Раскоп 12, Объект 1 («пятно»)	Раскоп 12, Объект 6
КРС	6/2*	2/1	1/1
Овца	6/2	24/3	1/1
Коза	2/1	1/1	2/1
МРС	15/8	5/1	4/1
Свинья	3/2	0	
Осел	1/1	1/1	
Верблюд	0	1/1	
Джейран	3/1		
Кулан	1/1		
Заяц	1/1		
Корсак	1/1		
Млекопитающие крупные	0		
Млекопитающие мелкие	3		

* Здесь и далее: в числителе – число костей, в знаменателе – число особей.

Таблица 3. Видовой состав животных, представленных костными остатками с сателлитного поселения Гонур-20.

Виды	Погребения								
	84	86	73	81	82	89	91	99	Подъем
КРС	11/3*	0	0	0	0	0	0	1/1	
Овца	5/1	3/1	0	1/1	1/1	3/2	2/1	7/4	
Коза	5/2		0	1/1	0	2/1	0	12/2	1/1
МРС	12/2	1	3/1	0	1/1	6/2		11/2	
Свинья	0				0				
Осел	2/1								
Верблюд	3/1								
Джейран	2/1							2/1	
Кулан								2/1	
Млекопитающие крупные	1								
Млекопитающие мелкие	1							9	

жде всего, исследовались крупные каменные находки («миниатюрные колонки», посохи, диски), которые на момент исследования (2018–2019 гг.) находились на выставке в Германии, либо не были охвачены исследованием по другим причинам, а также каменные сосуды и навершия жезлов. Было изучено (описано, сфотографировано и в основном зарисовано) более 800 различных предметов, как находящихся в экспозиции, так и в хранилище музея. А именно: 208 фрагментов керамических изделий с процарапанными или нанесенными другими способами изображениями (в том числе ритуальные сосуды со сливами в виде голов быков), 107 целых и фрагментированных каменных сосудов из различных минералов, 19 каменных жезлов и их фрагментов (в том числе 4 целых предмета, которые находились ранее на выставке в Германии), 4 фрагмента каменных дисков, 2 целые (одна обычного размера, а одна — уменьшенного размера) каменные «миниатюрные колонки» и 4 фрагмента таких же изделий, а также еще более 50 других мелких каменных изделий (каменные игральные фишки, каменные предметы неясного назначения и другие предметы). Весной 2024 г. в описание были включены косметические флаконы, сделанные из разных материалов: камня, бронзы, керамики и глины. Особое внимание было уделено хранящимся в фондах или представленным в экспозиции керамическим изделиям с изображениями,

Этот объем охватывает большую часть предметов этих категорий. Работу, по их каталогизации, как в фондах, так и в экспозиции, планируется продолжить в последующие сезоны работ экспедиции, в том числе в Государственном музее Государственного культурного центра Туркменистана и в Музее изобразительных искусств Туркменистана (г. Ашхабад).

Реставрационные работы в Государственном музее изобразительных искусств (г. Ашхабад).

В ходе реставрационных работ 2023–2024 гг. основное внимание было уделено одному из фрагментов мозаичной композиции с грифонами (Фриз 3). Также была закончена реставрация уникального предмета с полихромной росписью из погребения 78 Гонура-20 (*Вересоцкая и др.*, 2024).

Реставрационно-консервационные работы на территории Дворца Северного Гонура

Кроме собственно реставрационных мероприятий каждый сезон осуществлялась очистка всей площади Гонур-депе от растительности (саксаул, солянки), которая своими корнями разрушала руины древних стен. Весной 2023 г. консервационные и ремонтные работы были сконцентрированы на «Царском святилище». Из-за того, что ремонтные работы на памятнике не проводились в течение нескольких лет (с весны 2019 г. по весну 2023 г.), а в некоторые годы из-за сильных дождей вода заполняла помещения дворца на высоту до 0,5 м, в связи с чем нижняя часть обмазки стен, межкомнатные пороги и столбы, устроенные, на таких порогах, оказались сильно повреждены. Поэтому, несмотря на краткосрочность полевого сезона, было выделено несколько дней для ремонта образовавшихся повреждений в парадных помещениях дворца. Прежде всего, во всех центральных залах были углублены дренажные ямы. На их дно уложены камни. Были отремонтированы стены центрального (северного) входа в кремль Гонура, а также пороги в аудиенц-холле, нижние части стен и колонн, установленных в центре порогов во внутреннем вестибюле дворца и в ряде помещений резиденции. Как и ранее, работы проводились с помощью смешанной с саманом глины, взятой

Рис. 23. М. Ы. Беглиев за работой в хранилище Марыйского историко-краеведческого музея. 09.11.2023.

Рис. 24. О. В. Сычева и А. В. Фрибус за работой в хранилище Марыйского историко-краеведческого музея. 09.11.2023.

Рис. 25. О. В. Сычева за работой в хранилище Марыйского историко-краеведческого музея. 15.05.2024.

Рис. 26. Н. А. Дубова за работой в хранилище Марыйского историко-краеведческого музея. 15.05.2024.

Рис. 27. А. М. Юминов и Н. А. Дубова за работой в хранилище Марыйского историко-краеведческого музея. 15.05.2024.

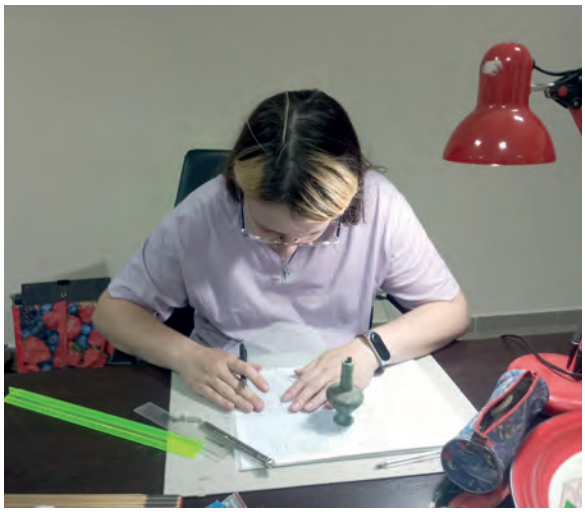

Рис. 28. О. В. Сычева за работой в хранилище Марыйского историко-краеведческого музея. 16.05.2024.

Рис. 29. Н. А. Дубова и В. Г. Турик. О. В. Сычева и М. Ы. Беглиев
за работой в хранилище Марыйского историко-краеведческого музея. 16.05.2024.

из отвалов памятника. Обмазка разрушенных частей стен производилась не менее чем в два этапа. Эти работы продолжались и в последующие сезоны работ экспедиции.

Таким образом, в течение полевых сезонов 2023–2024 гг. были получены разнообразные материалы. Более детально некоторые из них будут описаны в статьях, включенных в эту книгу. Весьма перспективными являются археологические раскопки поселения Гонура-20, а также выявление структуры расселения и назначения поселений вокруг Северного Гонура. Для более полной документации проведенных раскопок, планируется также широкое применение фотограмметрии.

Кроме перечисленных выше исследований, были проведены переговоры с руководством Национального управления по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана, а также музеев, где хранятся находки, сделанные на памятниках, исследованных в древней дельте Мургаба, о возможности организации выставки, посвященной археологии древней страны Маргуш, в музеях России. Такая выставка явилась бы важным событием в культурной жизни, как Туркменистана, так и России, давая возможность все большему числу людей погрузиться в богатое древнее прошлое туркменского народа.

Рис. 30. Г. Э. Вересоцкая и Н. А. Дубова за работой в Лаборатории Музея изобразительных искусств. Ашхабад, ноябрь 2023 г.

Рис. 31. Н. А. Ковалева и Дж. Каранова в Лаборатории Музея изобразительных искусств. Ашхабад, ноябрь 2023 г.

Рис. 32. Удаление растительности на территории Гонур-депе. 09.05.2023 г.

Рис. 33. Растения, выросшие на территории Кремля Северного Гонура («Комплекс келий»). 20.04.2023.

Рис. 34. Разрушения одного из помещений Дворца Северного Гонура после зимних и весенних осадков. 28.10.2022.

Рис. 35. Ремонтные работы в «Царском святилище» Северного Гонура. 09.05.2023.

ЛИТЕРАТУРА

Вересоцкая и др., 2024 — *Вересоцкая Г. Э., Фрибус А. В., Дубова Н. А.* Консервация фрагмента росписи из Гонур-20, раскоп 2, погребение 78 // Asyrlaryňyzlary. Halkaraylmyýygyndy. II goýberiliş [Следы веков. Международный научный сборник. Вып. II. – Ashgabad: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2024. С. 160–167.

Крупные каменные изделия…, 2021 — Крупные каменные изделия Маргианы. Миниатюрные колонки. Диски. Скипетры (Посохи) / Н. А. Дубова, А. В. Фрибус, С. П. Грушин и др.; отв. ред. Н. А. Дубова, А. В. Фрибус. М.: Старый сад, 2021. 260 с. (Свод находок Маргианской археологической экспедиции. Вып. 1. Ч. 1).

Куфтерин и др., 2023 — *Куфтерин В. В., Дубова Н. А., Фрибус А. В.* Еще раз о социальной стратификации на Гонур-депе в свете данных краниологии и типологии погребальных сооружений // АВ. 2023. 40. С. 221–230.

Куфтерин и др., 2024 — *Куфтерин В. В., Сычева О. В., Фрибус А. В., Дубова Н. А.* О взаимосвязях элементов обряда и биологических характеристик погребенных (на примере объекта Гонур20) // АВ. 2024. 43. С. 327–338.

Фрибус и др., 2024 — *Фрибус А. В., Ёлшин И. Д., Сычева О. В., Дубова Н. А.* Опыт применения фотограмметрии в исследованиях протогородского центра эпохи бронзы Гонур-депе в Туркменистане // Археология, материальная культура и искусство долины реки Заравшана и сопредельных территорий: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти молодых исследователей Верховьев Заравшана Ф.А. Раззокова и Н.В. Семенова (18-19 июля 2024 г., Пенджикент) / ред. Н. К. Убайдулло. Душанбе: «Ганчихирад», 2024. С. 111–112.

Binsfeld et al., 2022 — *Binsfeld A., Kelp U., Teegen W.-R.*Wealthy and healthy? Methodological approaches to non-élite burials – an Introduction // Kelp U., Teegen W.-R. (eds.). Wealthy and Healthy? Methodological Approaches to Non-Élite Burials: Panel 1.2. Heidelberg: Propylaeum, 2022 (Archaeology and Economy of the Ancient World: Proceedings of the 19th International Congress of Classical Archaeology. Cologne/Bonn 2018; Vol. 1). P. 1–32.

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В ГОНУРСКОМ ОАЗИСЕ В 2023 И 2024 гг.[1]

А. В. Фрибус*, Н. А. Дубова, О. В. Сычева*, М. Ы. Беглиев*****
***Институт истории материальной культуры РАН**
****Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН**
*****Государственный историко-культурный заповедник «Древний Мерв»**

Одним из направлений исследований Маргианской археологической экспедиции в последние годы является изучение «сельской округи» Гонур-депе. Эти изыскания направлены на открытие новых небольших поселений Гонурского оазиса, уточнение данных о ранее известных памятниках. Такие работы дают возможность рассматривать центральную дворцово-храмовую часть протогородского центра Гонур-депе во взаимосвязи с небольшими поселениями сельского типа, которые были вовлечены в систему жизнеобеспечения центрального комплекса и имели разное предназначение.

В ходе разведок, проведенных весной и осенью 2023 г., удалось выявить пять новых местонахождений (Гонур-3, 4, 26, 27, 28)[2] на юге, юго-востоке и севере от основного комплекса. Осенью 2024 г. с помощью специализированного геодезического оборудования они были привязаны к общему генеральному плану памятника Гонур-депе (Рис. 1)[3]. Для некоторых поселений как уже известных, так и вновь обнаруженных были получены первые радиоуглеродные даты, которые позволяют оценить их хронологическую позицию относительно основного комплекса Гонур-депе.

Гонур-2.

Большой, довольно высокий холм, на котором фиксируется скопление керамики на значительной площади, был известен давно и является ближайшим крупным сателлитным памятником, расположенным к юго-востоку от центрального комплекса Северного Гонура[4]. Для уточнения характера и хронологии местонахождения Гонур-2 на его разных участках было заложено три разведочных шурфа, которые достигли материка, и проведен поиск подъемного материала.

Шурф 1.

Шурф был заложен в западной части памятника. Первоначально он был ориентирован по сторонам света и имел размеры 4 × 6 м. Для исследования объектов были сделаны прирезки размерами 4 × 1 м с северной стороны и 6 × 1 м с восточной. Таким образом, общая площадь шурфа составила 34 м^2. Шурф пройден на глубину 0,6 м.

При выборке слоя найдено 10 фрагментов станковой керамики, индивидуальные находки представлены лишь двумя фрагментами каменных изделий (Рис. 2, *2*). В северной части шурфа на глубине 0,53 м от современной дневной поверхности обнаружен сферический лепной сосуд с подкосом плохого обжига со следами нагара на внешней поверхности. У восточной стенки на глубине 0,1 м от современной поверхности расчищено скопление сосудов (23 экз.) различных форм и размеров, включая два кувшиновид-

[1] Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008) (А. В. Фрибус, О. В. Сычева) и Госзадания ИЭА РАН по теме № 5 «Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты» (Н. А. Дубова). Исследования в Туркменистане проводятся в рамках Соглашения между Министерством культуры Туркменистана и ИЭА РАН.

[2] Порядковые номера сателлитных памятников не соответствуют их реальному количеству. Дело в том, что еще во время разведочных работ 2009-2011 гг. вновь выявленным местонахождениям не присваивались номера, использованные в номенклатуре раскопов центрального комплекса Гонур-депе. Исходя из этого, на сегодняшний день мы можем уверенно говорить о 8 поселках-спутниках основного комплекса памятника, с учетом как уже известных, так и вновь выявленных.

[3] Авторы признательны геодезисту П. А. Череву (г. Кемерово) за осуществление этих работ.

[4] В течение долгого времени здесь не было возможности провести какие-либо рекогносцировочные работы, поскольку территория памятника была занята хозяйственными объектами. Благодаря всестороннему содействию нового арендатора участка Максата Гурбангулыевича Аннаева, такие исследования стали возможны, за что авторы выражают ему искреннюю признательность.

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-169-178

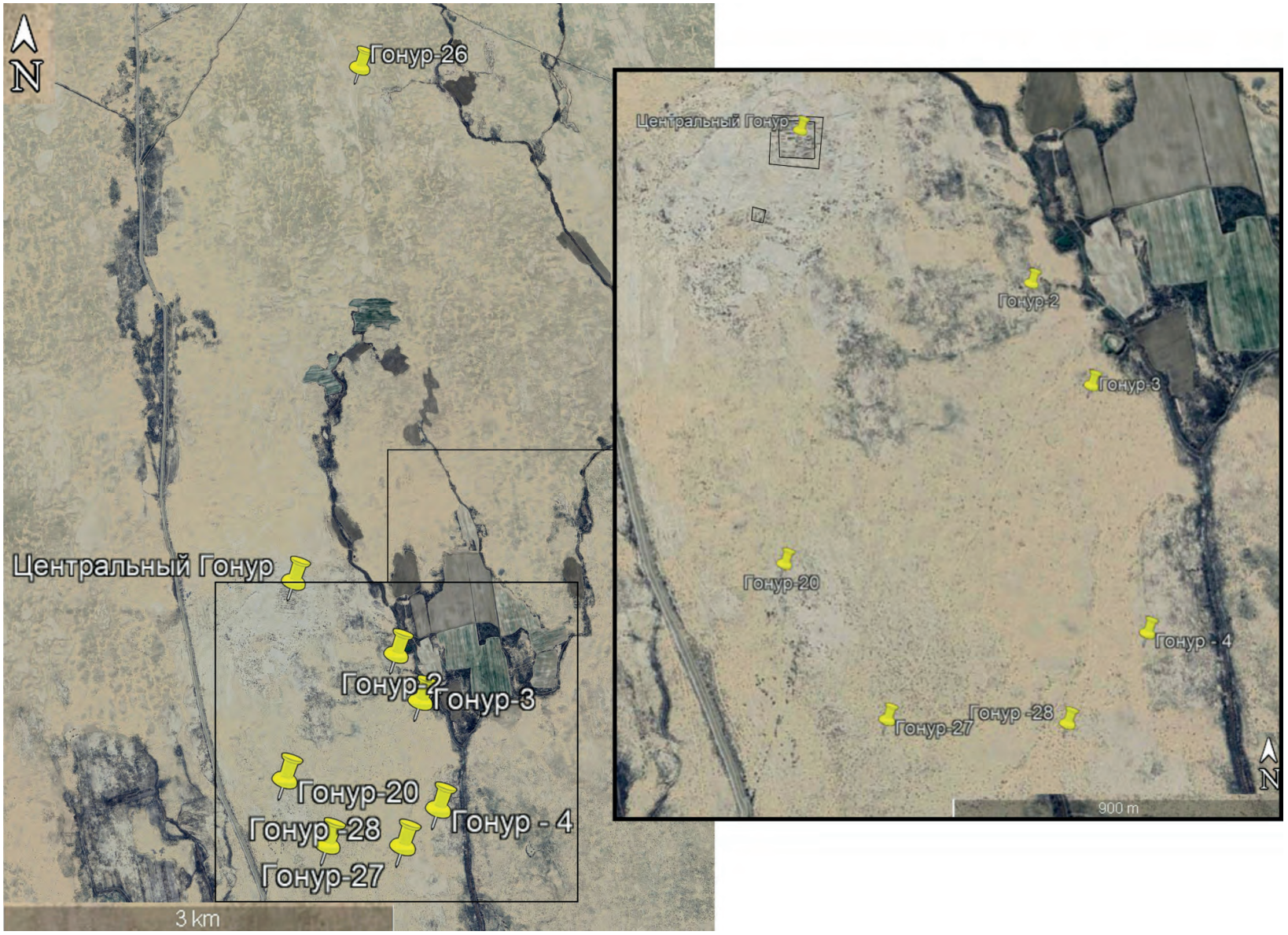

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников Гонурского оазиса (по материалам разведочных работ 2023–2024 гг.)

Рис. 2. Находки Гонур-2, шурф 1: *1* – скопление сосудов; *2* – два фрагмента каменных изделий; *3* – булавка; *4* – нож (*2* – камень; *3, 4* – бронза).

ных, четыре небольших круглодонных, а также не менее шести ваз (Рис. 2, *1*). Форма остальных керамических изделий достоверно не устанавливается по причине их крайне плохой сохранности. Сосуды были установлены один на другой. Здесь же обнаружены бронзовый нож и булавка (Рис. 2, *3-4*). Среди сосудов найдены мелкие фрагменты угля. Каких-либо костей человека или животных обнаружено не было. По всей видимости, это скопление представляет собой кенотаф или поминальник, подобный исследованным ранее на нескольких раскопах в центральной части памятника и в могильнике Гонура-20 (*Дубова*, 2008. С. 28-65; *Дубова и др.*, 2021. С. 121–122, 124, рис. 94, 103).

По образцам угля из скопления сосудов получена радиоуглеродная дата: BE-22833 (3594 ± 26 BP)[5], с учетом калибровки[6] 2σ (99.7%) 2027 – 1886 calBC.

Шурф 2.

Шурф был заложен в 50 м к востоку от шурфа 1, имел размеры 4 × 6 м, общая площадь шурфа составила 24 м^2, ориентирован по сторонам света. Шурф пройден на глубину 0,6 м.

Материал в слое представлен 20 фрагментами керамических сосудов, изготовленных на круге. В центральной части шурфа практически с уровня современной дневной поверхности зафиксировано вытянутое с юга на север уплотнение грунта, шириной 90 см. По всей видимости, это какое-то позднее антропогенное нарушение. Какие-либо конструкции и индивидуальные находки в шурфе не обнаружены (Рис. 3).

Шурф 3.

Шурф заложен в восточной, самой высокой части памятника, размеры 4 × 6 м, общая площадь шурфа составила 24 м^2, ориентирован по сторонам света. Шурф пройден на глубину 180 см. Массовый материал, индивидуальные находки и какие-либо конструкции в шурфе не обнаружены. Контрольный прокоп также не дал результатов (Рис. 4).

Подъемный материал представлен каменной бусиной с циркульным орнаментом (Рис. 5, *1*), изготовленной из талькохлорита, фрагментом крупного бронзового предмета (Рис. 5, *2*), фрагментами крупных каменных изделий (посоха из сланца и, возможно, «миниатюрной колонки») (Рис. 5, *3-4*), фрагментом керамики с изображением (Рис. 5, *5*), а также каменной печатью-штампом с изображением креста или четырехлепесткового цветка (Рис. 5, *6*). Печать круглая, изготовлена из серого талькохлорита, диаметр 2 см,

[5] BE – LARA lab, University of Bern, Берн, Швейцария

[6] Все радиоуглеродные даты откалиброваны по единому стандарту с помощью программы OxCal v.4.4.4 (*Bronk Ramsey*, 2021) с использованием калибровочной атмосферной кривой IntCal20 для северного полушария (*Reimer et al.*, 2020).

Рис. 3. Гонур-2, шурф 2. Общий вид, снято с юга.

Рис. 4. Гонур-2, шурф 3. Общий вид, снято с юга.

высота 1,3 см, в «ушке» имеется отверстие для подвешивания.

Гонур-3.

Скопление керамики на поверхности было зафиксировано на расстоянии 1,62 км к ЮВ от основного комплекса. Для уточнения характера и хронологии памятника был заложен разведочный шурф, размеры 6 × 6 м, общая площадь 36 м^2, ориентирован по сторонам света. Находки: кроме массового материала (фрагменты керамики) на глубине 0,3 м от современной поверхности обнаружено шесть компактно расположенных керамических сосудов (поминальник). Это скопление сосудов включает два лепных горшка плохой сохранности, три вазы на ножке и небольшой кувшин. Кроме того найден шарик из необожженной глины, керамическая фишка и мелкие фрагменты бронзы.

Гонур-4.

На такыре, к югу от Гонура-2 зафиксировано скопление керамики, вытянутое по линии СЗ–ЮВ, на площади примерно 100 × 40 м. В восточной части памятника по характерному возвышению и многочисленным фрагментам обгоревших кирпичей можно предположить наличие печи. Шурфовка здесь не производилась.

Гонур-26.

В 6 км к северу от Центрального комплекса Гонура, на такыре, было зафиксировано скопление керамики, которая концентрируется отдельными пунктами в направлении с юга на север на значительной площади. Примерная площадь памятника 870 × 520 м (Рис. 6). Среди лежащей на поверхности керамики, кроме станковой, типичной для БМАК, обнаружены фрагменты лепной орнаментированной посуды степного облика. Отдельные черепки сосудов были найдены в центральной части памятника, однако наибольшая их концентрация зафиксирована на севере. Этот участок был условно обозначен как Гонур-26а. Керамика андроновского облика представлена фрагментами венчиков и придонных частей. Сосуды украшены в основном оттисками гладкого штампа и прочерчиванием. Основные мотивы орнаментации — геометрические: елочки, заштрихованные треугольники, обращенные вершинами вверх (Рис. 7). В коллекции выделяется фрагмент венчика с характерным рассеченным валиком (Рис. 8), который вызывает ассоциации с древностями донгальского типа финала эпохи бронзы, распространенными на территории Центрального и Северного Казахстана, степного и лесостепного Алтая (*Ломан*, 1987; *Папин, Федорук*, 2007; *Федорук*, 2023). Собранная коллекция, безусловно, требует специального исследования. Керамика степного облика известна в Маргиане, в том числе и на Гонуре, хотя говорить о ее широком распространении не приходится (см., например, *Rouse, Cerasetti*, 2018; *Rouse et al*., 2019; обзор – *Фрибус*, 2020).

Рис. 5. Гонур-2, подъемный материал: *1* – каменная бусина; *2* – фрагмент крупного бронзового предмета; *3* – фрагмент каменного изделия (посох из сланца); *4* – фрагмент каменного изделия («миниатюрной колонки»?); *5* – фрагмент керамики с изображением; *6* – каменная печать-штамп.

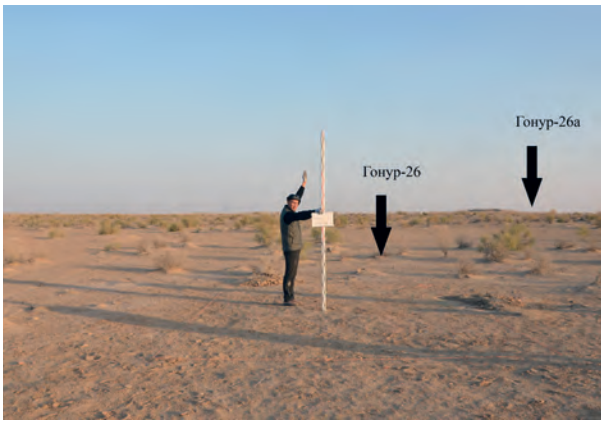

Рис. 6. Гонур-26. Общий вид, снято с юга.

Подъемный материал представлен двумя каменными наконечниками стрел (иволистный и черешковый с жальцами) и небольшим керамическим диском с отверстием в центре (диаметр 6 см) (Рис. 9, *1–3*).

Для уточнения характера и хронологии памятника в центральной части был заложен разведочный шурф, опущенный до материка.

Шурф 1.

Шурф первоначально имел размеры: 4 × 6 м, ориентирован длинной стороной по линии С-Ю. Для исследования объектов, обнаруженных в шурфе, была сделана прирезка размерами 1,5 × 2 м с юго-восточной стороны, таким образом, общая площадь шурфа составила 27 м^2.

В южной половине шурфа была обнаружена керамическая печь подпрямоугольной формы

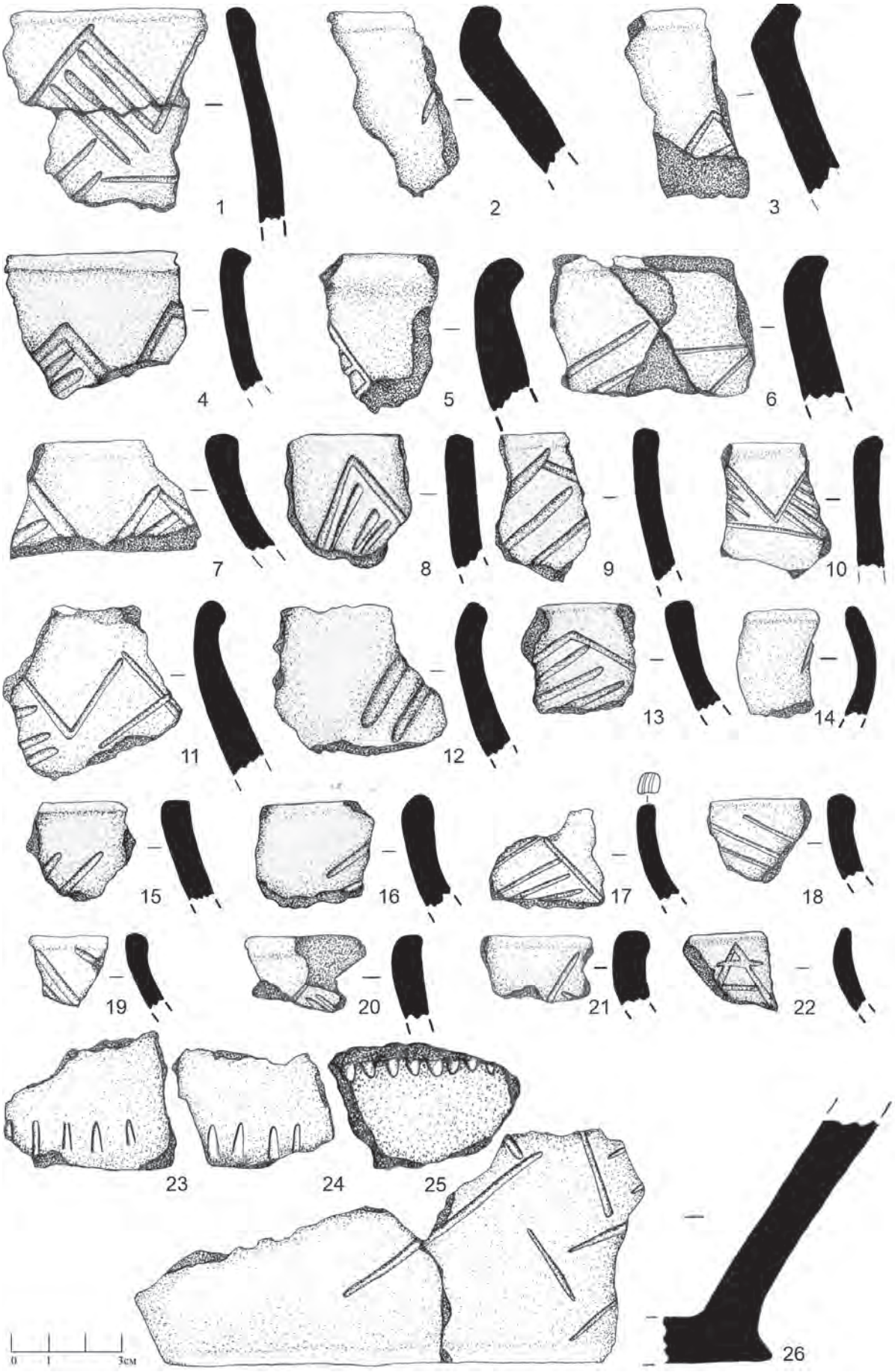

Рис. 7. Гонур-26. Керамика андроновского облика.

Рис. 8. Гонур-26. Фрагмент венчика керамического сосуда с рассеченным валиком.

Рис. 9. Гонур-26. Подъемный материал:
1, 2 – наконечники стрел; *3* – диск с отверстием (*1, 2* – камень; *3* – керамика).

Рис. 10. Гонур-26. Керамическая печь, общий вид, снято с севера.

(1,8 × 1,6 м), ее восточная стенка плавно изгибается с южной стороны, а стенки и дно тщательно обмазаны. Обмазка фиксировалась с уровня 0,25 м от современной дневной поверхности. Судя по сохранившимся участкам обмазки, глубина печи составляла не менее 0,9 м. (Рис. 10) Свод не сохранился и, судя по всему, был разрушен уже в древности. Многочисленные фрагменты обгоревшей обмазки сконцентрированы в виде беспорядочного навала к западу от печи. Среди них обнаружен необожженный керамический сосуд (диаметр 20 см), который был установлен поверх обгоревших фрагментов. Топка располагалась с северной стороны. Она была сооружена из двух кирпичей, поставленных на ребро, и одного кирпича, положенного плашмя поперек (размеры кирпичей 40 × 20 см). Поверх них нанесена глиняная обмазка с саманом. В центральной части печи на дне фиксируются следы опоры свода в виде отличного по цвету круга диаметром 0,4 м. Также на полу имеются следы не менее семи отверстий диаметром около 10 см[7] (Рис. 11).

В северной половине шурфа было зафиксировано две ямы. Округлая яма 1 имеет размеры 2,8 × 2,3 м и глубину 0,44 м. В центре яма была углублена на 70 см. Размеры углубления составляют 87 × 74 см. В углублении обнаружены крупные фрагменты хума, который, вероятно, первоначально был в ней установлен. Яма 2 имеет размеры 1,3 × 0,8 м и глубину 0,4 м. В заполнении обеих ям найдены многочисленные фрагменты станковой керамики, угли, шлак, обломки кирпичей и обмазки, кости животных.

На стенках шурфа фиксируется чередование плотных (типа такыра) и более рыхлых (обычный грунт) слоев с включением зольных прослоек.

Массовый материал из слоя насчитывает 284 фрагмента керамики, в том числе крупные обломки хумов, фрагменты конических ваз и ваз на ножках. Лепная керамика зафиксирована только в первом горизонте и на поверхности, в слое она отсутствует. В нем найдены многочисленные кости МРС, в том числе зубы, фрагменты черепа и длинных костей (некоторые из них обожжены); угли; фрагменты шлака; фрагменты глиняной обмазки; фрагменты необожженной керамики. Индивидуальные находки из шурфа включают два фрагмента керамики с прочерченным изображением и обломок глиняной антропоморфной фигурки (Рис. 12, *1-3*).

По образцам угля из печи получена радиоуглеродная дата: BE-22834 (3760 ± 27 BP), с учетом калибровки 2σ (99.7%) 2298 – 2031 calBC.

Гонур-27.

Примерно в 500 м к югу от раскопа 1 Гонура-20 было обнаружено скопление керамики, а также зафиксированы остатки печей. Был собран незначительный подъемный материал — фрагмент керамики, украшенный прочерченной волнистой линией; керамическое пряслице, фрагмент мужской терракотовой статуэтки, фрагмент каменного изделия (Рис. 13, *1-4*). Для уточнения характера и хронологии памятника был заложен разведочный шурф, доведенный до материка.

Шурф имел размеры 4 × 6 м, общая площадь 24 м^2, ориентирован по сторонам света. Шурф пройден на глубину 1 м. Материал в слое представлен немногочисленными фрагментами керамики. В юго-западном углу шурфа зафиксированы остатки внешнего угла цисты (?) и крупная фрагментированная ваза. Шурф был законсервирован для дальнейшего исследования в весеннем сезоне.

Гонур-28.

На такыре, к юго-востоку от центрального дворцово-храмового комплекса зафиксировано скопление керамики, вытянутое по линии СЗ-ЮВ на площади примерно 100 × 62 м. Подъемный материал представлен фрагментом глиняного пряслица. Шурфовка здесь не производилась.

Сборы и случайные находки на территории центральной части Гонур-депе.

Отдельные индивидуальные находки были обнаружены в 2023 г. на различных территориях центральной части памятника в результате сборов на размытых участках. С территории «Царского некрополя» происходит фрагмент довольно крупной бронзовой перегородчатой печати (диаметр 8 см) (Рис. 14, *1*), две целые печати обычного размера (Рис. 14, *2, 6*), фрагментированная печать-штамп из терракоты (Рис. 14, *9*), бронзовая лопаточка и булавка (Рис. 14, *3, 5*), 2 каменные бусины/пряслица (Рис. 14, *7-8*), а также головка от составной каменной статуэтки (Рис. 14, *10*). Довольно крупное (длина 11,5 см) бронзовое обоюдоострое шило было найдено на поверхности в районе Раскопа 19 (Рис. 14, *4*). Еще одна бронзовая перегородчатая печать с петелькой обнаружена на территории Большого некрополя (Рис. 14, *11*). На территории Дворца обнаружены фрагмент бронзовой перегородчатой печати (Рис. 15, *3*), и бронзовые стержень-аппликатор и лопаточка (Рис. 15, *1, 2*). Прочие находки — глиняные пряслица, фрагменты керамики с изображениями (Рис. 15, *4-7*), терракотовая зооморфная статуэтка (Рис. 15, *8*).

Подводя некоторые итоги, хотелось бы отметить, что ни на одном из вновь открытых сател-

[7] Исследование этого объекта было продолжено весной 2024 г. Для изучения особенностей конструкции были сделаны физические разрезы и подготовлена соответствующая чертежная документация. Исследованию этой конструкции и аналогичным печам, известным на других участках Гонур-депе (Раскоп 18 и др.) и Тоголоке, планируется посвятить отдельную публикацию.

Рис. 11. Гонур-26. Керамическая печь: вид сверху.

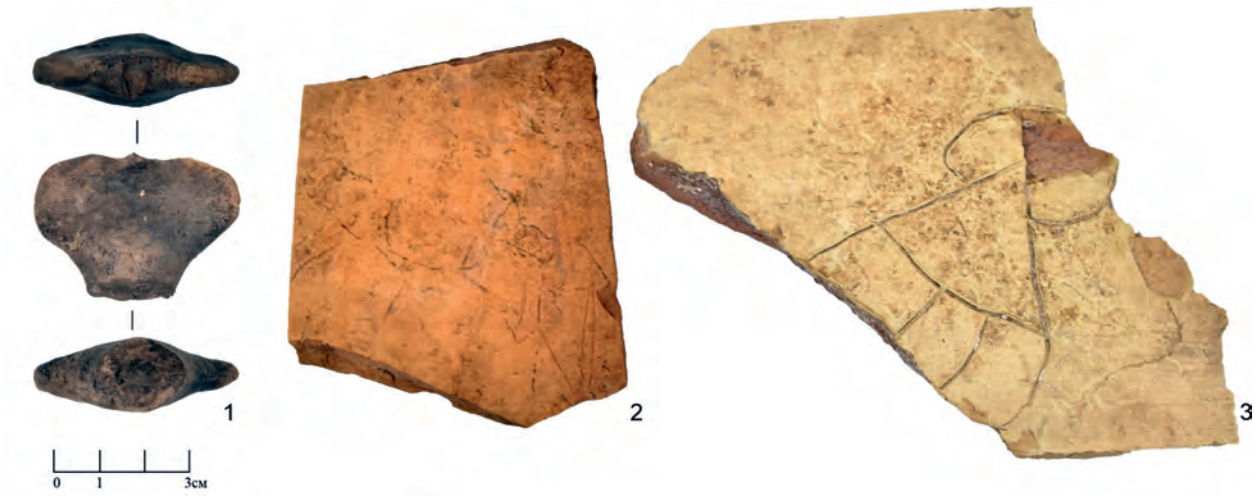

Рис. 12. Гонур-26, индивидуальные находки: *1* – фрагмент глиняной антропоморфной фигурки; *2, 3* – фрагменты керамики с прочерченными изображениями.

Рис. 13. Гонур-27, подъемный материал:
1 – фрагмент керамики, украшенный прочерченной волнистой линией; *2* – керамическое пряслице; *3* – фрагмент мужской терракотовой статуэтки; *4* – фрагмент каменного изделия.

литных памятников Гонурского оазиса пока не удалось обнаружить следы сырцовой архитектуры. Это не позволяет с уверенностью говорить о характере и предназначении этих местонахождений. Возможно, какая-то часть их связана с ведением хозяйственной деятельности (Гонур-26), а часть — с погребальными ритуалами. Интересна коллекция керамики степного облика, собранная на Гонуре-26, свидетельствующая о возможных контактах земледельческого населения БМАК с северными подвижными скотоводами. Первые радиоуглеродные AMS-даты, полученные в лаборатории университета Берна (Швейцария) показывают, что, по крайней мере, какая-то часть поселков-спутников функционировала одновременно с центральным дворцово-храмовым комплексом Гонур-депе. Таким образом, изучение малых сельских поселений Гонурского оазиса представляется перспективным для дальнейших исследований.

Рис. 14. Сборы и случайные находки на территории центральной части Гонур-депе: *1* – фрагмент перегородчатой печати; *2* – перегородчатая печать; *3* – лопаточка; *4* – обоюдоострое шило; *5* – булавка; *6* – перегородчатая печать; *7, 8* – каменная бусина/пряслице; *9* – фрагмент печати-штампа; *10* – головка от составной каменной статуэтки; *11* – перегородчатая печать с петелькой (*1-6, 11* – бронза; *9* – терракота; *7, 8, 10* – камень).

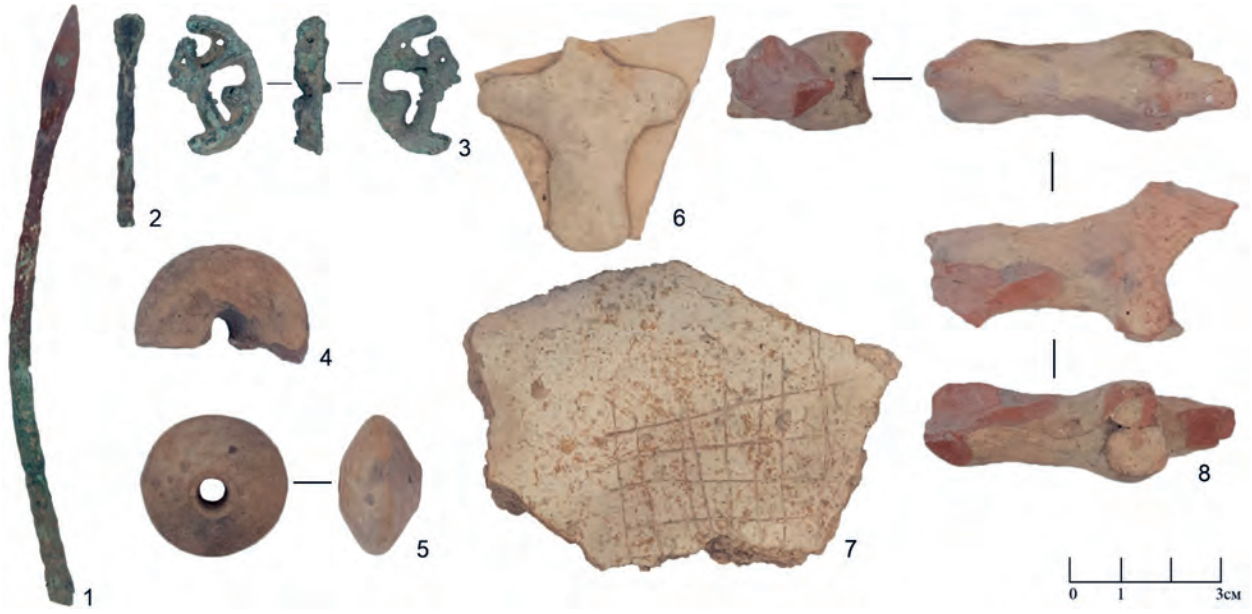

Рис. 15. Сборы и случайные находки с территории Дворца: *1* – стержень-аппликатор; *2* – лопаточка; *3* – фрагмент перегородчатой печати; *4* – фрагмент пряслица; *5* – пряслице; *6* – фрагмент керамики с антропоморфным изображением; *7* – фрагмент керамики с изображением; *8* – терракотовая зооморфная статуэтка (*1-3* – бронза; *4, 5* – глина).

ЛИТЕРАТУРА

Дубова, 2008 — *Дубова Н. А.* Компактные скопления керамических изделий // ТрМАЭ. Т. 2 / Гл. ред. В. И. Сарианиди – М.: Старый сад, 2008. С. 28–65.

Дубова и др., 2021 — *Дубова Н. А., Мамедов М. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П.* Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018-2019 годах // ТрМАЭ. Т. 8. Исследования Гонур-Депе в 2015-2019 гг. / Ред. В. А. Алёкшин, Е. В. Антонова, Н. А. Дубова (отв. ред.), Р. Г. Мурадов, Р. М. Сатаев, А. А. Тишкин, А. В. Фрибус. М.: Старый сад, 2021. С. 89–130.

Ломан, 1987 — *Ломан В. Г.* Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана / отв. ред. В. В. Евдокимов. Караганда: КарГУ, 1987. С. 115–129.

Папин, Федорук, 2007 — *Папин Д. В., Федорук А. С.* О своеобразии памятников финальной бронзы степного Алтая // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 121–124.

Федорук, 2023 — *Федорук А. С.* Керамика «донгальского типа» в материалах памятников степного и лесостепного Алтая // Археология Казахстана. 2023. № 3 (21). С. 32–47. DOI: 10.52967/akz2023.1.21.32.47

Фрибус, 2020 — *Фрибус А. В.* Сельские поселения в древней дельте Мургаба и проблема взаимодействия земледельцев и подвижных скотоводов эпохи бронзы на юге Средней Азии // Природа – человек – общество: от прошлого к настоящему**.** Сб. статей к юбилею Н. А. Дубовой / Сост. и общ. ред.: М. Н. Губогло, В. В. Куфтерин. Москва: Старый сад, 2020. С. 45–52.

Bronk Ramsey, 2021 — *Bronk Ramsey C.* OxCal v4.4. 2021. https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal.html (accessed: 12.09.2024).

Reimer et al., 2020 — *Reimer P. J., Austin W. E. N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R. L., Friedrich M., Grootes P. M., Guilderson T. P., Hajdas I., Heaton T. J., Hogg A. G., Hughen K. A., Kromer B., Manning S. W., Muscheler R., Palmer J. G., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Turney C .S. M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S. M., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talampo S.* The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62. P. 725–757.

Rouse, Cerasetti, 2018 — *Rouse L. M., Cerasetti B.* Mixing metaphors: sedentary-mobile interactions and local-global connections in prehistoric Turkmenistan // Antiquity. 2018. Vol. 92 (363). P. 674–689. DOI: 10.15184/aqy2018.88

Rouse et al., 2019 — *Rouse L. M., Grillo K. M., Piermartiri R., Rotondaro E., Cogo-Moreira H., Bargossi G. M., Cerasetti B.* Not just «nomadic jars»: The Late Bronze Age ceramic assemblage from the mobile pastoralist site of Ojakly, Murghab region, Turkmenistan // Archaeological Research in Asia. 2019. Vol. 18. P. 100–119. DOI: 10.1016/i.ara.2019.03.002

МОГИЛЬНИК НА САТЕЛЛИТНОМ ПОСЕЛЕНИИ ГОНУР-20 (материалы исследований 2023-2024 гг.)[1]

А. В. Фрибус*, Н. А. Дубова, О. В. Сычева*, И. Д. Ёлшин***
***Институт истории материальной культуры РАН**
****Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН**

Небольшое поселение Гонур-20 располагается в 2,6 км к югу от основного дворцово-храмового комплекса Северного Гонура. Памятник был открыт осенью 2009 г., его первые исследования были проведены в 2009 г., а также в ходе весенних сезонов 2010 и 2011 гг. Работы велись на двух раскопах: южном (Раскоп 1) и северном (Раскоп 2), которые располагаются на расстоянии примерно 100–150 м друг от друга. На южном участке раскопки проводились вокруг печей, так же здесь было обнаружено 12 помещений и 10 захоронений, принадлежащих как людям, так и животным. Этот участок был охарактеризован как своеобразная «промышленная зона Северного Гонура» (*Сарианиди, Дубова*, 2012. С. 40, 41). Участки, исследованные на Раскопе 2, имели более сложную архитектуру и планировку. Здесь была обнаружена серия помещений, печи, а также 54 погребения. Внимание авторов раскопок закономерно привлекли необычные объекты – полуземлянки и остатки навесов, находки керамики степного облика. К сожалению, основная часть материалов этих работ пока остается не опубликованной (*Сарианиди, Дубова*, 2012. С. 41–43).

Исследования на Раскопе 2 Гонура-20 были возобновлены весной 2019 г, когда в юго-западной части памятника был изучен небольшой участок, площадью 239 м^2. Построек здесь выявлено не было, обнаружено 8 погребений и ряд объектов, в основном ям различного назначения, небольших печей и поминальников (*Дубова и др.*, 2021. С. 119–126). Несмотря на небольшую площадь, были исследованы нетипичные погребальные конструкции, обнаружены редкие, в том числе уникальные артефакты, которые показали перспективность дальнейшего изучения могильника на Гонуре-20 (*Fribus et al*., 2020; *Агаханова и др.*, 2022; *Фрибус и др.*, 2023).

После долгого перерыва исследования были продолжены во время весенних сезонов 2023 и 2024 гг. Изучались участки, расположенные к западу и югу от раскопов прошлых лет, общая площадь, вскрытая в течение двух сезонов, составила более 1500 м^2. Основной целью этих работ было определение границ распространения могильника, а также изучение периферийных участков поселка Гонур-20. В ходе работ 2023–2024 гг. была разработана и успешно применена новая методика полевой фиксации материалов, основанная на широком применении методов фотограмметрии, которая хорошо зарекомендовала себя для документирования различных типов объектов в сжатые сроки (*Фрибус и др.*, 2024. С. 111–112). Гонур-20, как и большинство других поселений Гонурского оазиса является однослойным памятником, на котором не выделяются стратиграфические горизонты. Исходя из этих данных и с учетом опыта раскопок предыдущих лет, фиксация стратиграфии велась только по бортам раскопов, без оставления дополнительных разрезов. Еще во время первых раскопок 2009–2011 гг. для памятника была принята единая сквозная нумерация для всех объектов, кроме помещений. Чтобы не вносить путаницу в отчетные материалы, такая система нумерации была сохранена и в 2023–2024 гг. Всего в течение двух сезонов было исследова-

[1] Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН "Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье" (FMZF-2025-0008) (А. В. Фрибус, О. В. Сычева) и в рамках Госзадания ИЭА РАН по теме № 5 «Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты», подтема «Ретроспективные и перспективные аспекты исследования антропоэкологии населения Евразии» (Н. А. Дубова). Исследования в Туркменистане проводились в рамках Соглашения между ИЭА РАН и Министерством культуры Туркменистана.

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-179-249

но 28 погребений, 2 печи и 17 объектов, в основном ям различной морфологии и предназначения (Рис. 1). Описание исследованных объектов приводится ниже.

Погребение 85.

Захоронение новорожденного ребенка в хуме, уложенном на бок в неглубокой яме (Рис. 2, *1*). Размеры ямы определяются условно (длина 110 см, ширина 70 см). Хум (высота 80 см, диаметр устья 20 см, наибольший диаметр 50 см) обращен устьем, закрытым двумя керамическими тарелками (Рис. 2, *2*), к СЗ (Рис. 2, *3*). Новорожденный ребенок (+/- 0–2 месяца) был уложен в центре хума. Его первоначальное положение на правом боку, головой на СЗ (к устью хума) определяется предположительно, так как кости черепа найдены в северной, центральной и южной частях хума; кости таза — в южной и северной частях, ключица — в южной. Описанное положение определяется по правой подвздошной кости и правой половине нижней челюсти, которые сохранились *in situ*.

Погребение 86.

На уровне древней дневной поверхности было зафиксировано своеобразное надмогильное сооружение, которое представляло собой подпрямоугольную выкладку из сырцового кирпича и фрагментов керамики (Рис. 3). Вероятно это остатки провалившегося ложного свода. Конструкция ориентирована длинной осью по линии ЮЗ-СВ, размеры 2,1 × 1–1,2 м. В ее центральной части зафиксирован заклад из кирпичей, уложенных плашмя. В ЮЗ части оформлена своеобразная «оградка», торцевые стороны которой образованы двумя кирпичами, а длинные стороны сложены из фрагментов хумов, установленных вертикально и фрагментов обожженных кирпичей (размеры 1,1 × 0,6 м). Аналогичная конструкция, немного больше по размерам (1,1 × 0,7 м), была сооружена с северо-восточной стороны. Как выяснилось позднее, эти своеобразные «оградки» маркировали располагавшиеся под ними отдельные камеры погребального сооружения.

Погребальная конструкция представляла собой грунтовую подпрямоугольную яму, имевшую размеры 2,3 × 2,1 × 0,8 м (Рис. 4). В северо-западной половине ямы с помощью трех стенок, сложенных из сырцового кирпича, были оформлены две камеры (Рис. 5).

Северо-восточная камера, в которой было совершено захоронение, представляла собой своеобразную цисту (1,4 × 1,2 м), сооруженную из шести рядов сырцовых кирпичей, уложенных плашмя. Внутреннее пространство камеры имело размеры 1,2 × 0,7 м. Северо-западная стенка в ней отсутствовала.

Погребенный мужчина зрелого возраста (35–45 лет)[2] был уложен на правом боку, в скорченном положении, кисти рук находились перед лицом, голова ориентирована на СЗ. Зафиксированы следы травм (заживший перелом правой локтевой кости) и патологий (начальная стадия остеоартроза). В головах был установлен керамический бокал, в районе таза найдена перевернутая чаша на ножке (Рис. 8, *2, 12*[3]). В ногах (Рис. 6) обнаружен бронзовый сосуд (Рис. 7, *21*) и серия предметов, которые можно интерпретировать как набор для игры: 12 фигурок-фишек пирамидальной и конической формы (Рис. 7, *1-12*), восемь шариков (Рис. 7, *18*), три предмета в виде «плодов фисташки» (Рис. 7, *19*), три камушка серпентинита (Рис. 7, *17*), раковина моллюска (Рис. 7, *14*), еще одна аналогичная раковина обнаружена внутри бронзового сосуда (Рис. 7, *15*) и имитация раковины каури (Рис. 7, *13*). Также из этой камеры происходит небольшая каменная прямоугольная печать-штамп с изображением четырехлепесткового цветка (Рис. 7, *16*). Рядом с бронзовым сосудом обнаружены кости овцы: левая плечевая, лучевая с локтевой от одной особи и ребро. По всей видимости, в качестве заупокойной пищи в могилу были помещены средняя часть левой ноги и часть грудной клетки особи в возрасте около 30 месяцев.[4]

Соседняя камера (1,3 × 0,9 м, внутреннее пространство которой имеет размеры 1,1 × 0,9 м) была заполнена керамическими сосудами, установленными компактно, в том числе «стопками», один на другом. Всего здесь было обнаружено 17 сосудов, в основном конических (Рис. 8, *8–10, 16–29*). С северо-западной и юго-западной стороны кирпичная кладка в этой камере отсутствовала.

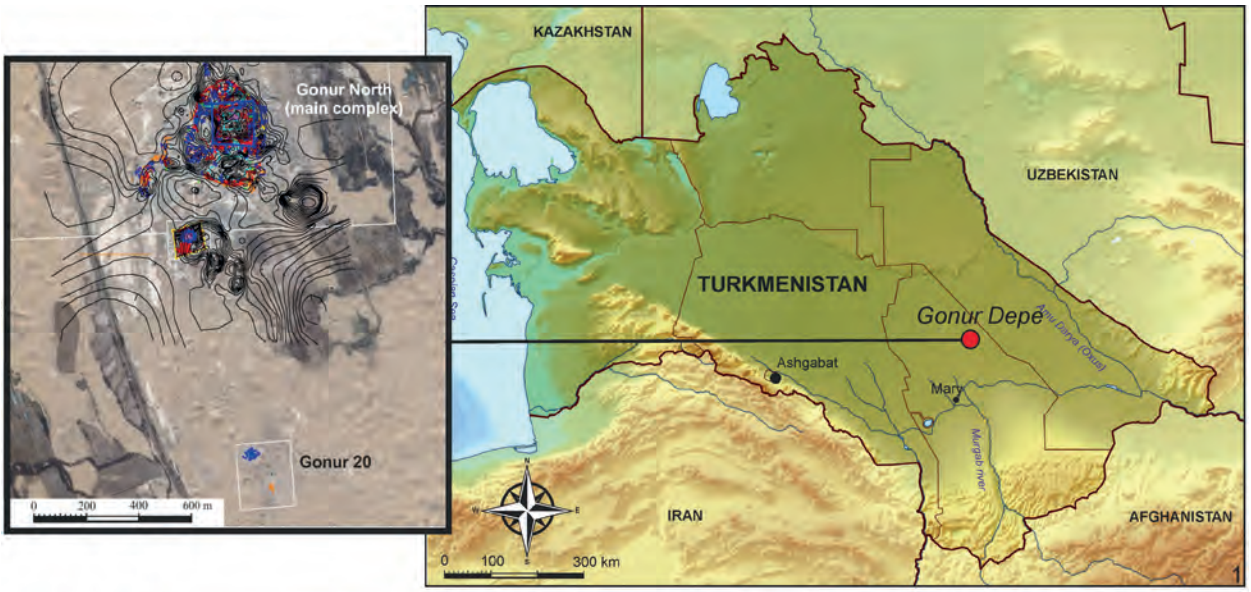
Юго-восточную часть могильной ямы занимала «входная» камера, имевшая внутренние размеры 2,2 × 0,8–0,9 м. В южном углу, в верхней части заполнения (практически на уровне верхних кирпичей погребальной конструкции) обнаружены расположенные компактно 10 керамических сосудов (четыре горшковидных, два кувшина с узким горлом, «пифос», три чаши на ножках) (Рис. 8, *1, 3–7, 11, 13–15*; 9) и бронзовое шило (Рис. 7, *20*). Первоначально они, видимо, были установлены после засыпки входной камеры на уровне древней дневной поверхности.

---

[2] Предварительное антропологическое определение д.б.н. В. В. Куфтерина (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. г. Москва, Россия).

[3] Порядковые номера сосудов в погребении показаны на рисунках курсивом в верхней левой части сосуда.

[4] Здесь и далее археозоологические определения к.б.н. П. А. Косинцева (Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия).

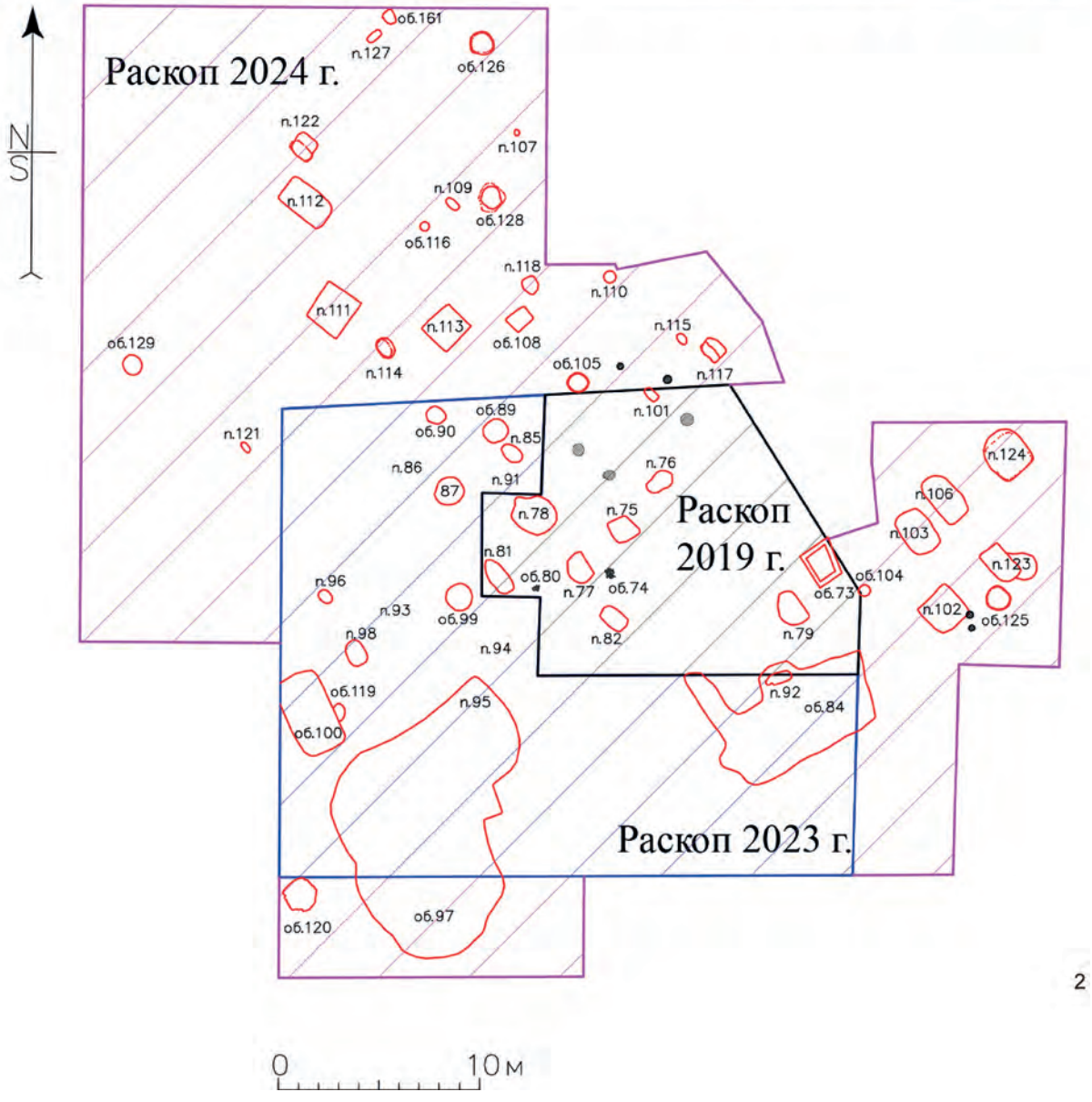

Рис. 1. Гонур-20. Раскоп 2.
Общий план участков, исследованных в 2019, 2023 и 2024 (весна) гг.

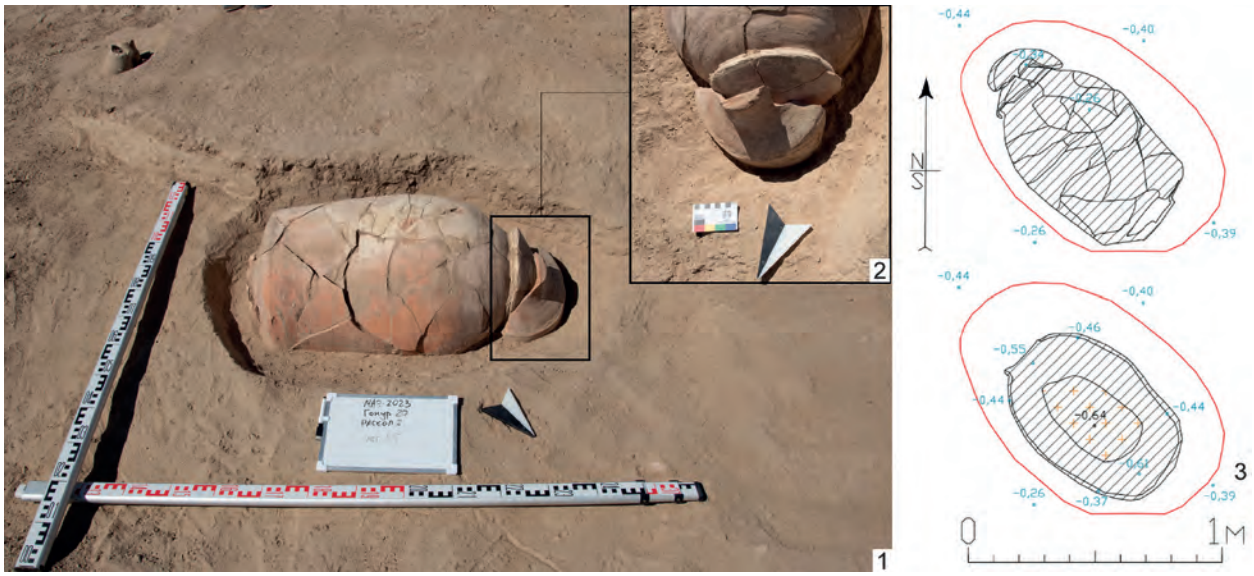

Рис. 2. Гонур-20. Погребение 85: *1–2* – фото после расчистки; *3* – план.

Рис. 3. Гонур-20. Погребение 86, надмогильное сооружение (фото с ЮЗ).

По углю из этого погребения получена радиоуглеродная дата[5] BE-22874 (3566±40 BP), с учетом калибровки 2σ (95.4%) 2028 – 1773 calBC.

[5] Коды лабораторий: BE – LARA lab, University of Bern, Берн, Швейцария; GV – совместная лаборатория ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ–ННЦ» (AMS Golden Valley), Новосибирск, Россия. Все радиоуглеродные даты откалиброваны по единому стандарту с помощью программы OxCal v.4.4.4 (*Bronk Ramsey*, 2021) с использованием калибровочной атмосферной кривой IntCal20 для северного полушария (*Reimer et al.*, 2020).

Погребение 91.

На уровне древней дневной поверхности была зафиксирована прямоугольная выкладка (1,6 × 1,3 м) из сырцовых кирпичей, уложенных плашмя в один ряд. Она, по всей видимости, также, как и в случае с могилой 86, являлась остатками осевшего свода (Рис. 10).

Погребальная конструкция представляла собой грунтовую подпрямоугольную яму (1,7 × 1,4 × 0,45 м), ориентированную длинной осью по ли-

нии ЮВ–СЗ. Внутренняя конструкция состояла из двух камер (Рис. 11, 12). В юго-западной половине ямы была сооружена своеобразная циста с тремя стенками, в которой было совершено захоронение. Юго-западная стенка сложена из трех кирпичей, установленных на ребро в два ряда, северо-восточная сделана из трех кирпичей, уложенных плашмя в четыре ряда, юго-восточная образована двумя кирпичами, положенными плашмя в четыре ряда. Погребальная камера (1,4 × 1,9 м) имела внутреннее пространство 1,4 × 0,6 м. В заполнении камеры обнаружены отдельные кирпичи провалившегося свода (Рис. 12, *3*).

Здесь погребен мужчина старше 40 лет. Судя по предварительному заключению, он был уложен на правый бок, в скорченном положении, руки согнуты в локтях, кисть правой руки перед лицом, головой ориентирован на СЗ. В районе поясничного отдела позвоночника и костей таза зафиксированы скопления фрагментов древесного угля. В западном углу камеры был установлен крупный керамический кувшин (Рис. 13, *25*).

Северо-восточная камера имела размеры 1,7 × 0,4 м, а ее внутреннее пространство – 1,5 × 0,4 м. Кирпичная кладка присутствовала только с юго-восточной стороны. В заполнении обнаружены кости овцы: левая таранная кость и центральная кость заплюсны от одной особи. Камера была заполнена керамическими сосудами (всего 23 экз.). Сосуды разнотипные – конические чаши, горшки и банки, кувшиновидные, вазы на ножках, два сосуда с носиками (Рис. 13, *1-16, 18, 24*). Еще один сосуд с носиком (Рис. 13, *17*) был

Рис. 4. Гонур-20. Погребение 86, после расчистки по дну.

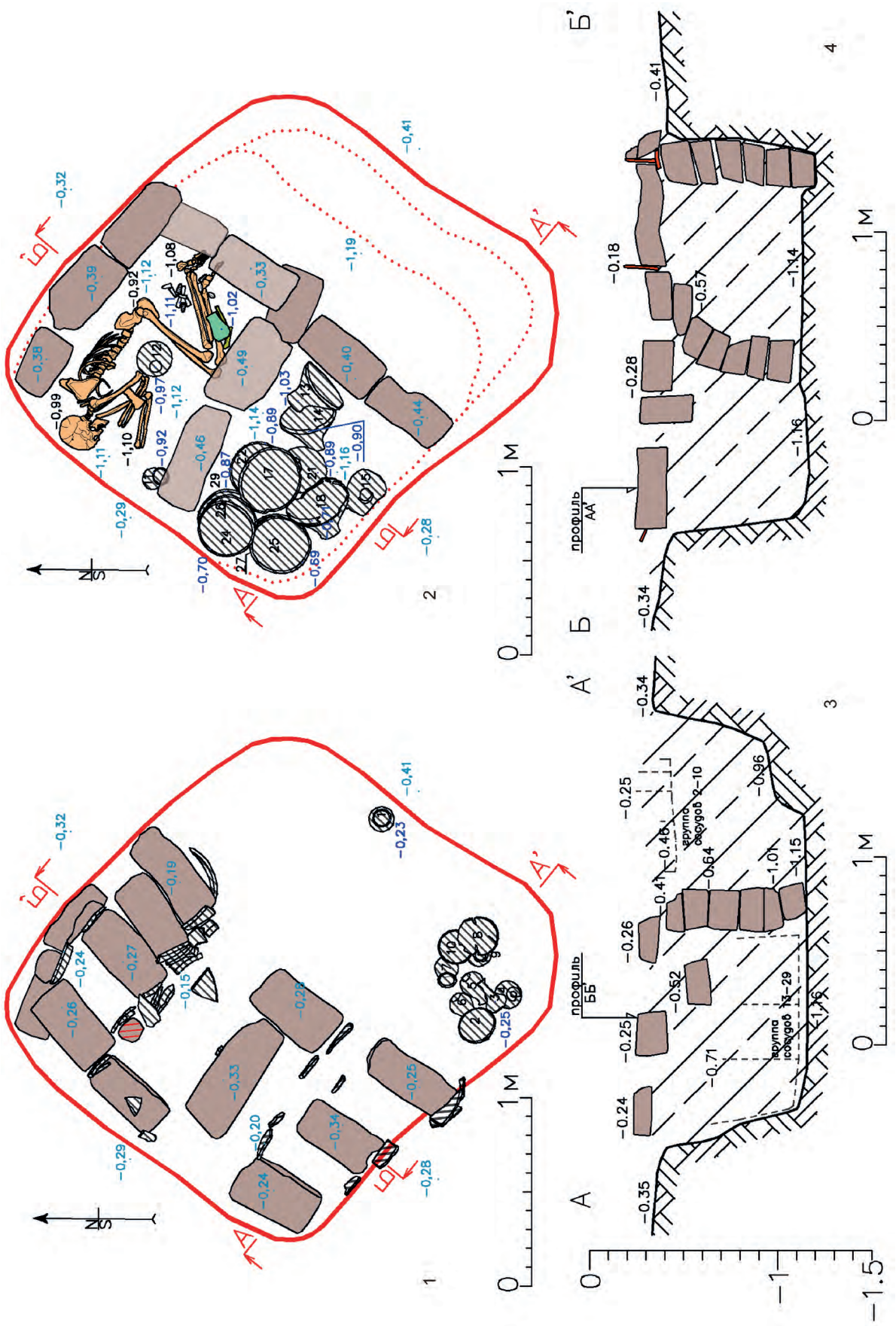

Рис. 5. Гонур-20. Погребение 86: *1* – план после снятия верхнего слоя; *2* – план после расчистки; *3* – разрез по линии А-А'; *4* – разрез по линии Б-Б'.

Рис. 6. Гонур-20. Погребение 86: бронзовый сосуд и пирамидальные фигурки *in situ*.

помещен с внешней стороны кирпичной кладки основной камеры.

По углю из этого погребения получены две радиоуглеродные даты: BE-22875 (3569 ± 27 BP), с учетом калибровки 2σ (95.4%) 2018 – 1781 calBC и GV-4594 (3682 ± 40 BP) с учетом калибровки 2σ (95.4%) 2199 – 1946 calBC.

Погребение 92.

Какие-либо погребальные конструкции не зафиксированы. Скелет плохой сохранности находился около разрушенной стенки, сложенной из сырцового кирпича (объект 88) на глубине примерно 0,6 м от древней дневной поверхности (Рис. 14). Погребение нарушено норой лисицы-корсака, в результате чего кости скелета были сильно потревожены. Судя по имеющимся фрагментам, погребенный был уложен головой на ЮЗ, на левом боку, в скорченном положении. Погребение принадлежит мужчине зрелого возраста[6]. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение 93.

На уровне древней дневной поверхности зафиксированы остатки верхней части погребальной конструкции, упавшие и смещенные кирпичи от свода цисты. Размеры объекта составляют 1,7 × 1,1 м, длина развала по юго-восточной стороне достигает 2,4 м (Рис. 16, *1*).

Погребальная конструкция представляла собой грунтовую яму (1,8 × 1,4-1,2 × 0,4 м) неправильной формы, ориентированную длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Внутренняя конструкция состояла из двух камер (Рис. 15; 16, *2*). В юго-западной половине ямы была сооружена своеобразная циста с тремя стенками, в которой было совершено захоронение. Юго-западная и северо-восточная стенки сложены из трех кирпичей, уложенных плашмя в три ряда, юго-восточная из двух целых кирпичей и половины кирпича, уложенных плашмя в три ряда. Размеры погребальной камеры составляют 1,4 × 1,1 м, ее внутреннее пространство имеет размеры 1,1 × 0,7 м.

Погребенный был уложен скорченно на спине (судя по положению костей таза) с отклонением на правый бок, головой ориентирован на СЗ. Колени находятся у локтей, пятки подтянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти расположены перед лицом, голова находится на небольшом возвышении (Рис. 15; 16, *2*). Судя по грациальности костей посткраниального скелета, он принадлежал женщине старше 35 лет. Видимых патологий, кроме выраженных возрастных изменений, нет. Сопроводительный инвентарь: у юго-западной стенки было установлено три керамических сосуда (Рис. 17, *9, 11, 12*), в западном углу камеры,

[6] Предварительное антропологическое определение д.б.н. В. В. Куфтерина (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. г. Москва, Россия).

Рис. 7. Гонур-20. Погребение 86, сопроводительный инвентарь:
1–12 – пирамидальные и конусовидные фигурки; *13* – имитация раковины каури; *14, 15* – раковины;
16 – печать-штамп; *17* – камушки серпентинита; *18* –шарики; *19* – предметы в виде «плодов фисташки»;
20 – булавка; *21* –сосуд (*1–4, 9-12, 13* – искусственный (?) материал;
5–8, 16-19 – камень; *14, 15* – перламутр; *20-21* – бронза).

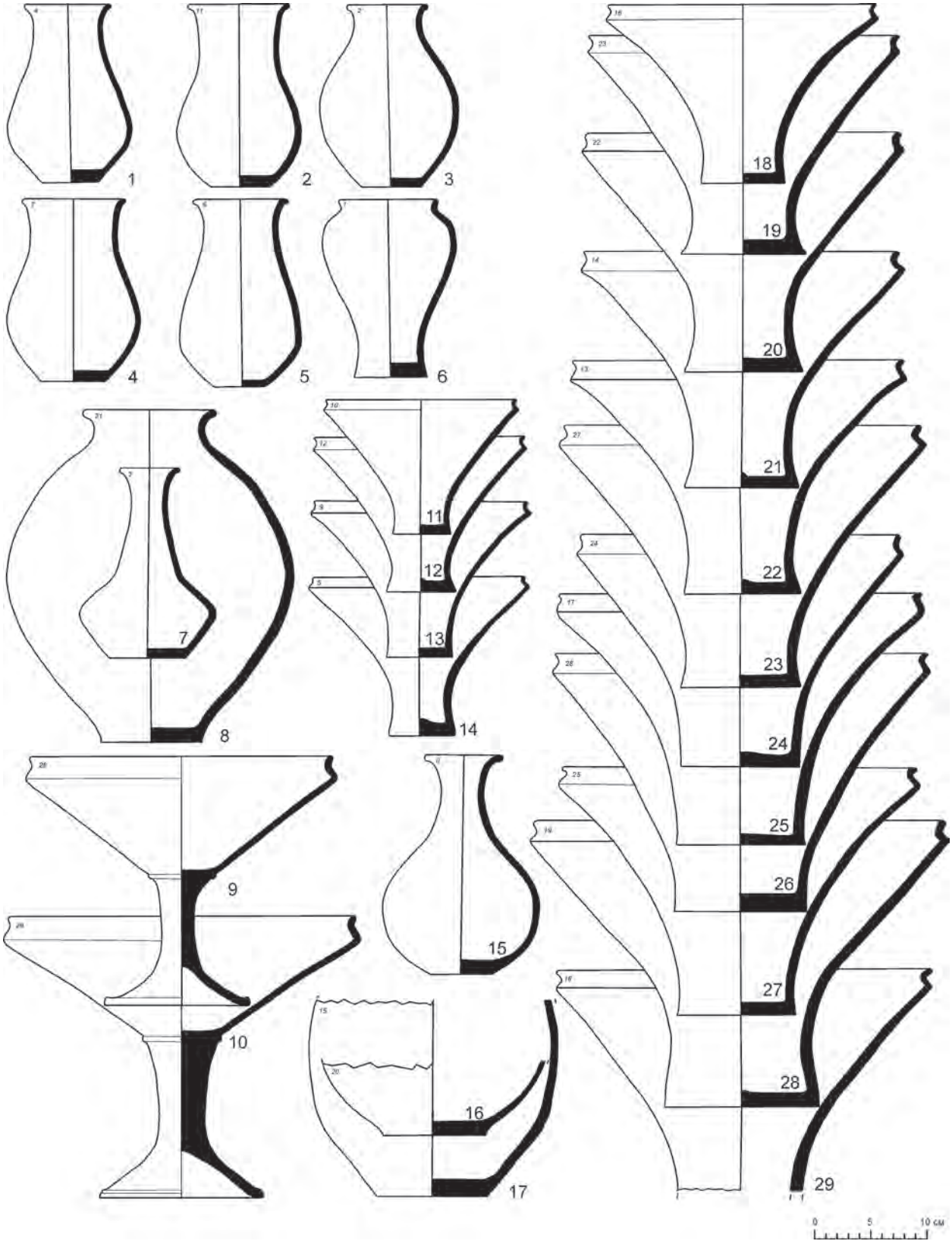

Рис. 8. Гонур-20. Погребение 86: *1–29* – керамические сосуды.

Рис. 9. Гонур-20. Погребение 86, керамические сосуды, установленные на уровне древней дневной поверхности.

Рис. 10. Гонур-20. Погребение 91, выкладка из сырцовых кирпичей на уровне древней дневной поверхности.

Рис. 11. Гонур-20. Погребение 91 после расчистки по дну.

в районе кистей рук, обнаружены миниатюрная каменная печать-штамп в виде звезды с восемью лучами (Рис. 17, *20*), фрагментированная подпрямоугольная печать, изготовленная из шпейзы (?) (Рис. 17, *24*), плоская каменная бусина (Рис. 17, *21*), костяная лопаточка (Рис. 17, *18*) и две бронзовые булавки с навершием в виде тюльпана (Рис. 17, *22, 23*) За черепом находилась каменная биконическая бусина (Рис. 17, 1*9*). На дне камеры, в западном углу был уложен сырцовый кирпич.

Северо-восточная камера имела размеры 1,1 × 0,7 м, ее внутреннее пространство составляло 0,9 × 0,7 м. Кирпичная кладка присутствовала с юго-восточной стороны, и лишь частично – с северо-западной. Камера была заполнена керамическими сосудами (всего 15 экз.). Сосуды разнотипные – восемь небольших конических чаш на ножке, один сосуд с носиком, один кувшиновидный, две крупные открытые чаши, небольшая банка, пифосообразный сосуд и небольшой горшковидный сосуд очень плохой сохранности[7] (Рис. 17, *1–8, 10, 13–15*).

По углю из этого погребения получено две радиоуглеродные даты: BE-22879 (3587±27 BP), с учетом калибровки 2σ (95.4%) 2024 – 1828 calBC (основная камера) и BE-22876 (3596±27 BP), с учетом калибровки 2σ (95.4%) 2030 – 1885 calBC (камера с сосудами).

Погребение 94.

Ограбленное погребение в цисте. Погребальная конструкция представляла собой грунтовую прямоугольную яму (2,0 × 1,3 × 0,5 м), ориентированную длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Внутри ямы была сооружена циста (Рис. 18, *1*). Ее юго-западная и северо-восточная стенки сложены из трех кирпичей, уложенных плашмя в четыре ряда. От юго-восточной стенки сохранился только нижний ряд кирпичей, с северо-западной стороны кладка отсутствовала. Погребальная камера (1,6 × 1,1–1,2 м) имела внутреннее пространство, составляющее 1,5 × 0,7 м, высота кладки достигала 0,6 м. С юго-восточной стороны была оставлена небольшая «входная» камера (1,2 × 0,4 м).

Скелет погребенного полностью разрушен. Кости концентрировались в двух частях камеры: северо-западной и юго-восточной. В первой находились преимущественно позвонки, ребра и кости предплечий, во второй — кости ног и плечевые (Рис.18*, 2*). Отдельные кости человека были встречены в заполнении могильной ямы. Погребенный вероятнее всего первоначально был уложен головой на СЗ. В заполнении найдена орнитоморфная глиняная фигурка (Рис. 19, *3*), миниатюрная каменная печать-штамп (Рис. 19, *1*), бочковидная бусина и бисер (Рис. 19, *2*). Судя по археологическому контексту, погребение принадлежало женщине.

По углю из этого погребения получена радиоуглеродная дата BE-22877 (3613±27 BP), с учетом калибровки 2σ (95.4%) 2111 – 1890 calBC.

Погребение 95.

Ограбленное погребение в нетипичной двухкамерной цисте (Рис. 20). Погребальная конструкция представляла собой грунтовую неправильную прямоугольную яму (2,0 × 2,0–1,8 × 0,6 м). Внутри нее была сооружена двухкамерная циста (Рис. 20, 21). Юго-западная камера на один кирпич короче северо-восточной. Таким образом, общие размеры конструкции составляют 1,8 × 1,5–1,9 м. Северо-восточная и юго-западная стенки цисты были сложены из трех рядов кирпичей, установленных на ребро. Торцевые стенки и перегородка сделаны из четырех рядов кирпичей, уложенных плашмя. Под некоторыми кирпичами верхнего ряда были уложены фрагменты хумов. Северо-западная стенка в северо-восточной камере отсутствовала. На полу этой камеры имелась выкладка из четырех кирпичей, положенных плашмя в ряд, параллельно её длинной оси. В заполнении зафиксированы отдельные упавшие кирпичи свода. Внутреннее пространство юго-западной камеры имеет размеры 1,2 × 0,7 м, северо-восточной – 1,7 × 0,6–0,8 м.

Разрозненные кости скелета человека лежали в разных местах. В западном углу юго-западной камеры, у стенки, среди крупных фрагментов керамических сосудов находился череп, повернутый лицевым отделом вверх, чуть южнее лежала половина таза. Вторая половина таза обнаружена на выкладке из кирпичей в центре северо-восточной камеры. У её северо-западной стенки концентрировались кости предплечий, кистей и запястий. У юго-восточной стенки сохранились *in situ* кости голени. По всей видимости, кости были выброшены грабителями из северо-восточной камеры, в которой погребенный был уложен на выкладку из сырцовых кирпичей. Первоначальное положение погребенного установить сложно. Вероятно, он был уложен скорченно, ориентирован головой на СЗ, кисти рук располагались перед лицом, сохранившиеся *in situ* кости ног свидетельствуют о том, что труп положили на правый бок.

Кости черепа грацильные со слабо развитым рельефом и без серьезных возрастных изменений, что может предварительно указывать на их принадлежность женщине 25–35 лет (*adultus*).

В погребении обнаружено не менее шести фрагментированных керамических сосудов, включая три конические чаши (Рис. 22, *1–7*). В заполнении найдены три фрагмента бронзового изделия, каменная бочонковидная бусина, мелкие бусины и бисер (Рис. 22, *8, 9*).

[7] Зафиксировать его не удалось, поэтому на рисунках он отсутствует

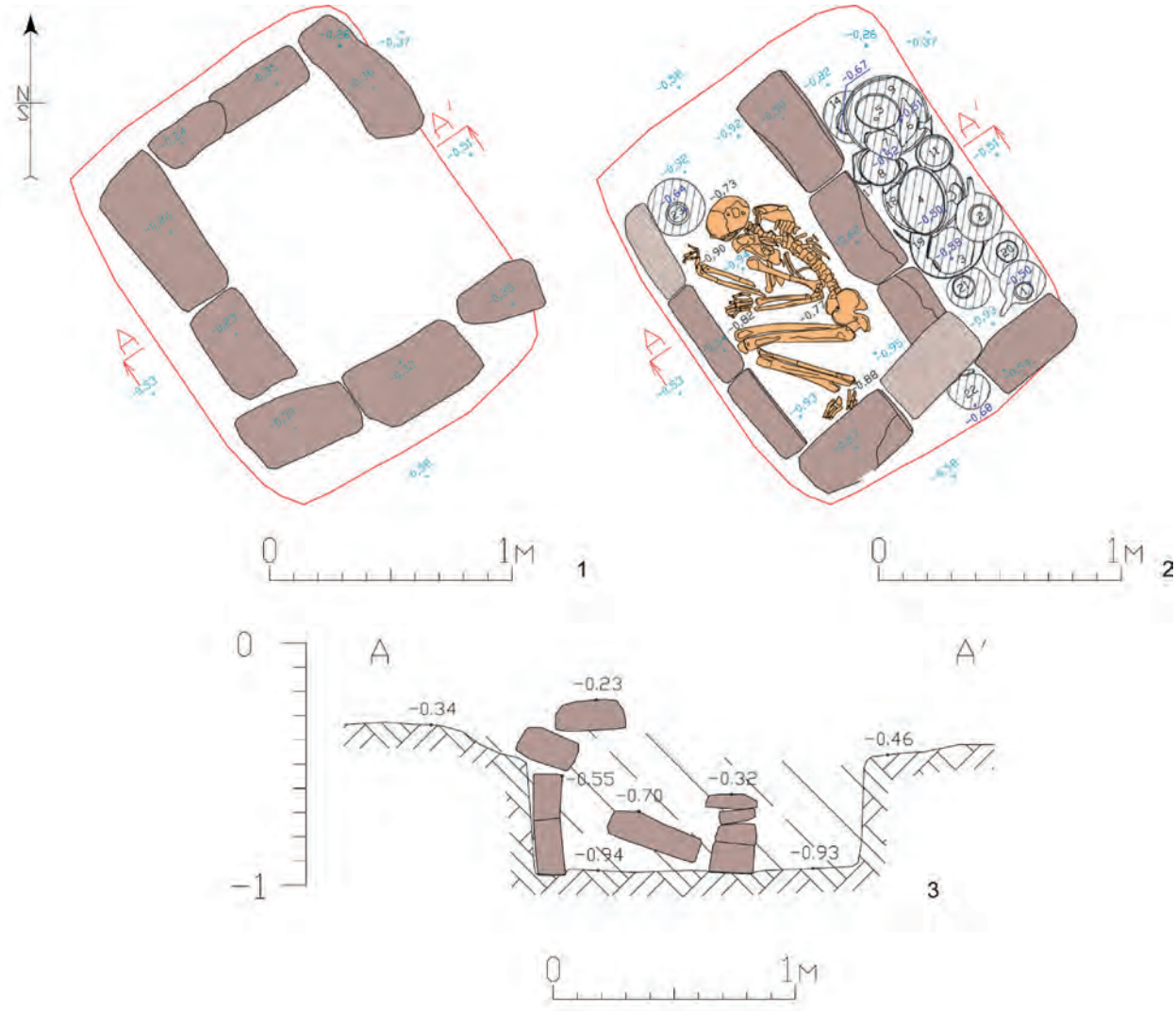

Рис. 12. Гонур-20. Погребение 91: *1* – план по уровню надмогильного сооружения; *2* – план после расчистки по уровню дна; *3* – разрез по линии А-А'.

По углю из этого погребения получена радиоуглеродная дата BE-22878 (3532±27 BP), с учетом калибровки 2σ (95.4%) 1945 – 1768 calBC.

Погребение 96.

Захоронение новорожденного ребенка в хуме, уложенном на бок (Рис. 23, *1–2*). Высота сосуда 70 см, наибольший диаметр 50 см, диаметр устья 20 см. Продольная ось хума ориентирована по линии ЮВ–СЗ. Ребенок был уложен на спине, головой на СЗ, к устью хума, ноги согнуты, кисти – у лица. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение 98.

Захоронение новорожденного ребенка в хуме (Рис. 24). Погребальная конструкция представляла собой подовальную грунтовую яму (1,15 × 1,9 × 0,2 м), ориентированную длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В яму, устьем на северо-запад был уложен хум. Его размеры составляли: высота – 70 см, наибольший диаметр – 50 см, диаметр устья – 20 см. Хум был обложен с трех сторон фрагментами сырцовых кирпичей (Рис. 24, *2*). Один кирпич лежал плашмя в северо-западной части ямы, затем, сразу у устья хума, еще два кирпича были уложены плашмя под углом друг к другу. Несколько фрагментов кирпичей лежали вдоль северо-восточной стенки хума и около его дна. Погребенный ребенок был уложен скорченно, на правом боку, череп был перемещен в центр хума. Первоначально ребенок был ориентирован головой на СЗ, к устью хума. Около устья хума, с западной стороны, был установлен небольшой кувшиновидный сосуд (Рис. 24, *4*). Других находок в погребении не было.

Погребение 101.

Захоронение ребенка младенческого возраста (*inf I*) в толстостенном хуме (Рис. 25). Хум был уложен на бок в овальную яму (0,9 × 0,5 м). Диаметр хума составлял 40 см, высота – 70 см,

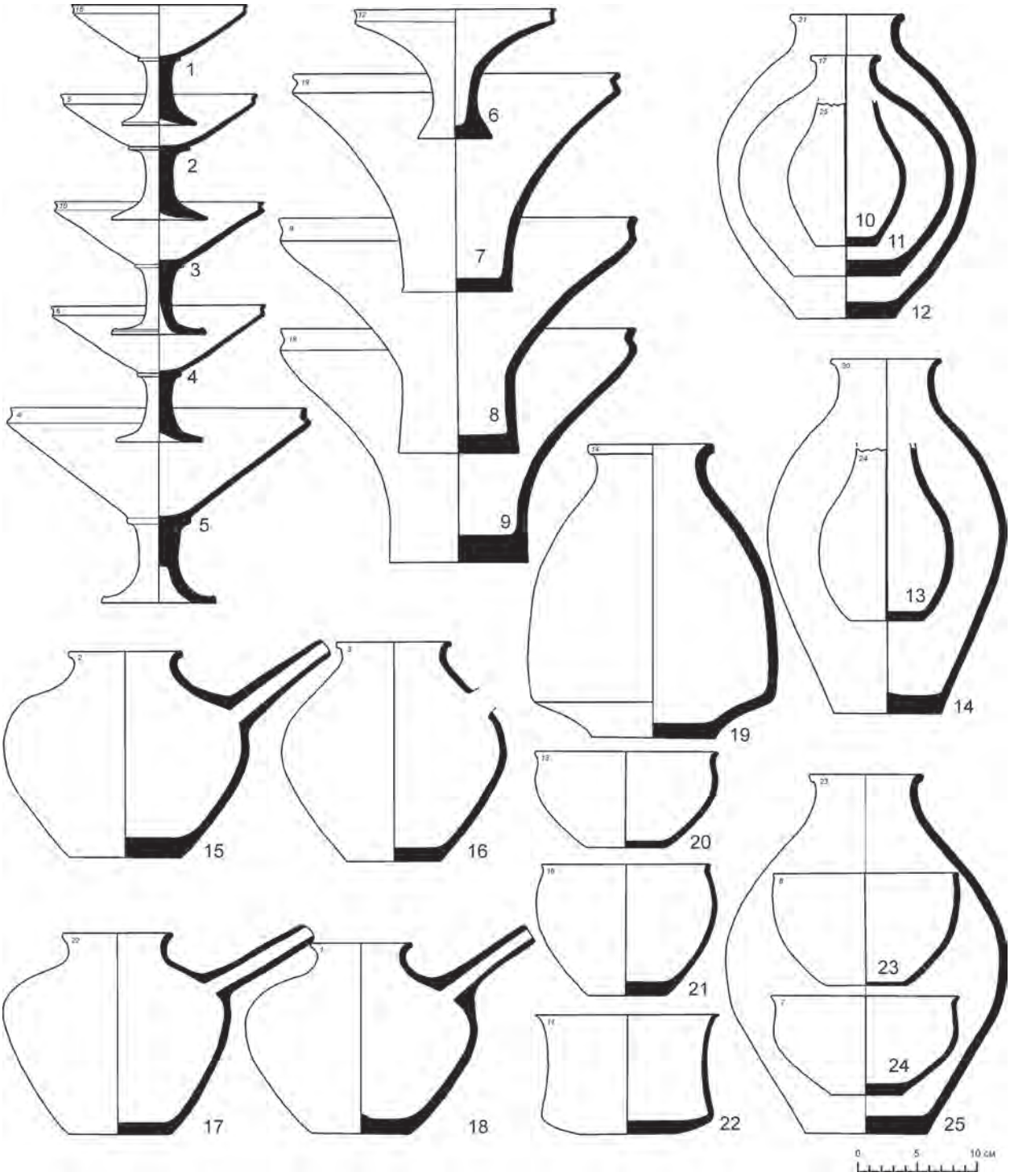

Рис. 13. Гонур-20. Погребение 91: *1–25* – керамические сосуды.

диаметр устья не определяется из-за плохой сохранности. Продольная ось сосуда ориентирована по линии ЮВ–СЗ. Ребенок лежал на правом боку, головой на СЗ (к устью хума), кисти рук помещены перед лицом, ноги согнуты. Сохранность костей плохая. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение 102.

Ограбленное погребение в двухкамерной циste (Рис. 26). Погребальная конструкция представляла собой прямоугольную грунтовую яму (2,1 × 2,1 × 0,45 м). Внутри была сооружена разрушенная в процессе проникновения в могилу двухкамерная циста. Ее хорошо сохранившаяся северо-восточная стенка была сложена из трех (первоначально возможно четырех) кирпичей, установленных на ребро в два ряда. От юго-западной стенки сохранились два кирпича, поставленных на ребро. Юго-восточная стенка была составлена из двух рядов кирпичей, уложенных

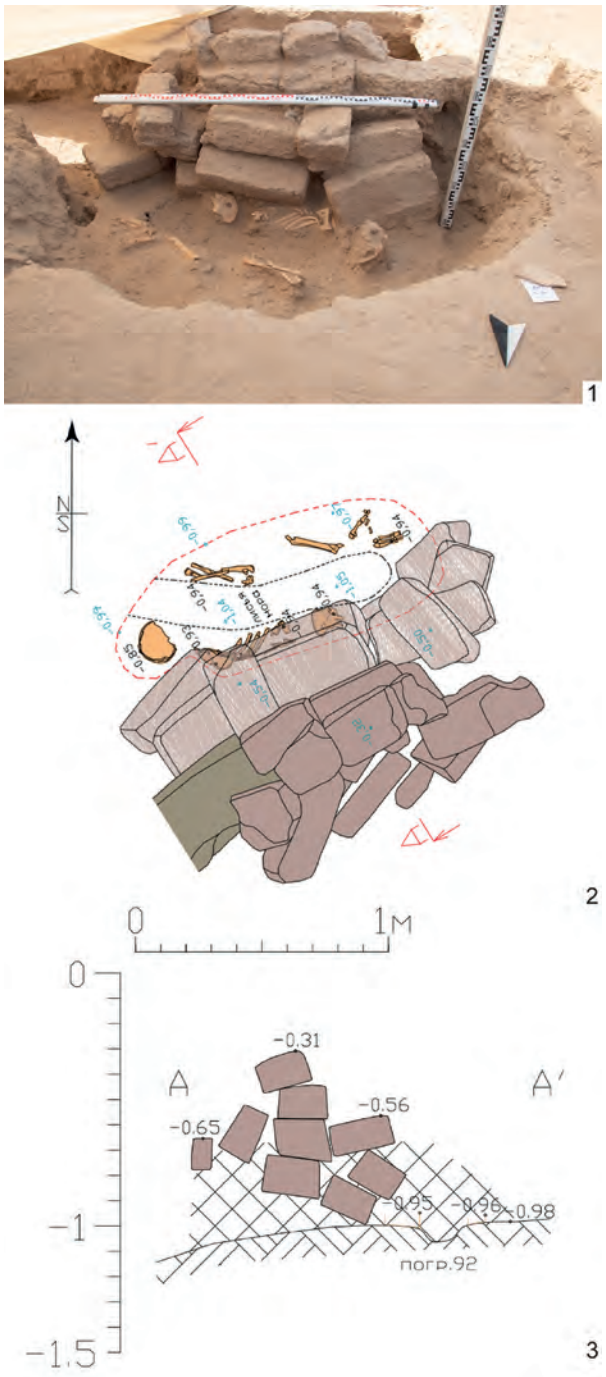

Рис. 14. Гонур-20. Погребение 92:
1 – фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А – А'.

плашмя. Северо-западная стенка отсутствовала. От перегородки сохранился один кирпич, который был уложен плашмя. Первоначальные размеры цисты составляли 2,05 × 1,95 м, внутреннее пространство юго-западной камеры имело размеры 1,65 × 0,75 м, северо-восточной – 1,65 × 0,60 м.

На уровне древней дневной поверхности около юго-западной стенки цисты обнаружен развал лепного сосуда с подкосом. Скелет разрушен, in *situ* лежали только кости голеней. Все остальные части скелета были разбросаны грабителями на всю глубину заполнения могильной ямы и концентрировались на высоте примерно 15 см от дна. Положение ног свидетельствует, что похороненная женщина 25–35 лет лежала на левом боку, головой на СЗ в юго-западной камере. В заполнении обнаружен бесформенный фрагмент бронзового изделия, других находок нет.

Погребение 103.

Погребение в цисте (Рис. 27, 28). Погребальная конструкция представляла собой прямоугольную грунтовую яму (2,55 × 1,65 × 0,75 м) со скругленными углами, вытянутую длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Внутри была сооружена циста, имевшая три стенки, кладка с северо-западной стороны отсутствовала. Размеры цисты составляли 1,8 × 1,5 м, а параметры ее внутреннего пространства – 1,6 × 0,9 м. Размеры «входной камеры», расположенной с юго-восточной стороны достигали 1,6 × 0,6 м. Стенки цисты неровные, сложены из пяти рядов кирпичей и из половин, уложенных плашмя (Рис. 28). Верхний ряд сдвинут к внешней стороне, по всей видимости, для установки перекрытия. Верхний ряд юго-восточной стенки имеет овальную форму, так как угловые кирпичи поставлены под углом и частично срезаны по овалу почти наполовину. Свод цисты был сооружен из кирпичей, поставленных под углом друг к другу. К моменту раскопок он рухнул вниз, внутрь цисты, но конструкция его вполне различима (Рис. 28, *1*).

Погребенная женщина 40–50 лет лежала на правом боку, головой на СЗ. Кисти находились перед лицом. Бедра располагались перпендикулярно позвоночнику, голени согнуты, пятки упирались в юго-восточную стенку цисты. Около кистей лежал бронзовый браслет (Рис. 29, *4*), булавка/заколка с навершием (Рис. 29, *2*) и фрагмент еще одного бронзового предмета (Рис. 29, *3*). Около головы найдено большое количество (более 100) бусин (Рис. 29, *1*), в том числе из полудрагоценных камней (лазурит, сердолик). Одна из лазуритовых бусин (прямоугольная), возможно, первоначально имела металлические вставки. В западном углу цисты на полу стояли два керамических сосуда: небольшая ваза на ножке и профилированная банка (Рис. 29, *5, 6*).

Погребение 106.

Ограбленное погребение в цисте, расположено к северо-востоку от погребения 103 и параллельно ему (Рис. 30). Погребальная конструкция представляла собой грунтовую яму неправильной прямоугольной в плане формы (2,85 × 1,5 × 0,75 м) со скругленными углами и пологими стенками. Внутри ямы была сооружена циста (1,65 × 1,35 м), имевшая три стенки, кладка с северо-западной стороны отсутствовала. Внутренне пространство цисты имело размеры 1,35 × 0,6

Рис. 15. Гонур-20. Погребение 93, фото после расчистки по уровню дна.

м, параметры «входной камеры», расположенной с юго-восточной стороны, составляли 1,5 × 0,75 × 0,3 м. Стенки цисты неровные, сложены из пяти рядов кирпичей и из половин, уложенных плашмя (Рис. 30, *2–4*). Верхний ряд сдвинут к внешней стороне, некоторые кирпичи юго-западной стенки в результате смещения стояли на ребре, отдельные кирпичи провалились внутрь цисты и обнаружены в верхней части заполнения.

В заполнении найдены разрозненные кости человека. *In situ* лежали только сильно раздавленные таз и крестец, скорее всего, женщины 25–35 лет. Судя по положению этих костей, погребенная была уложена на правом боку, головой на СЗ. Если взять во внимание расстояние от таза до южной стенки могилы, ноги были согнуты в коленях. Положение рук и стоп не фиксируется. В заполнении найдены фрагменты керамических сосудов, в том числе крупных, первоначально происходящие, вероятно, из слоя. Других находок в погребении не было.

Погребение 107.

Разрушенное погребение новорожденного ребенка в яме, размеры которой не фиксируются (Рис. 31, *1, 2*). Сохранилась половина черепа и верхняя часть грудной клетки. Судя по этим фрагментам скелета, погребенный был уложен на правом боку, головой ориентирован на ССВ. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение 109.

Частично разрушенное погребение младенца (*inf I*) в ямной могиле, размеры которой не фиксируются (Рис. 32, *1, 2*). Погребенный лежал на правом боку, почти на спине, головой ориентирован на СЗ. Кисти рук, вероятно, первоначально располагались перед лицом, колени находились около локтей. Кости таза и нижних конечностей не сохранились. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение 110.

Полностью разрушенное погребение младенца (*inf I*). Размеры и положение тела не определяются. Сохранившиеся кости лежали в беспорядке.

Погребение 111.

Ритуальное захоронение барана совершено в двухкамерной цисте (Рис. 33). Погребальная конструкция представляла собой прямоугольную грунтовую яму (1,8 × 1,9–2,0 × 0,6 м). Внутри нее была сооружена двухкамерная циста, северо-восточная стенка которой длиннее юго-западной, поэтому конструкция в плане близка к трапеции. Размеры цисты составляют 1,7–1,8 × 1,5–1,6 м. Северо-западная, юго-западная, юго-восточная стенки и перегородка сложены из четырех рядов кирпичей, уложенных плашмя. Северо-восточная стенка была возведена из четырех рядов кирпичей, часть из них уложена плашмя, часть – на ребро. Внутреннее пространство юго-западной

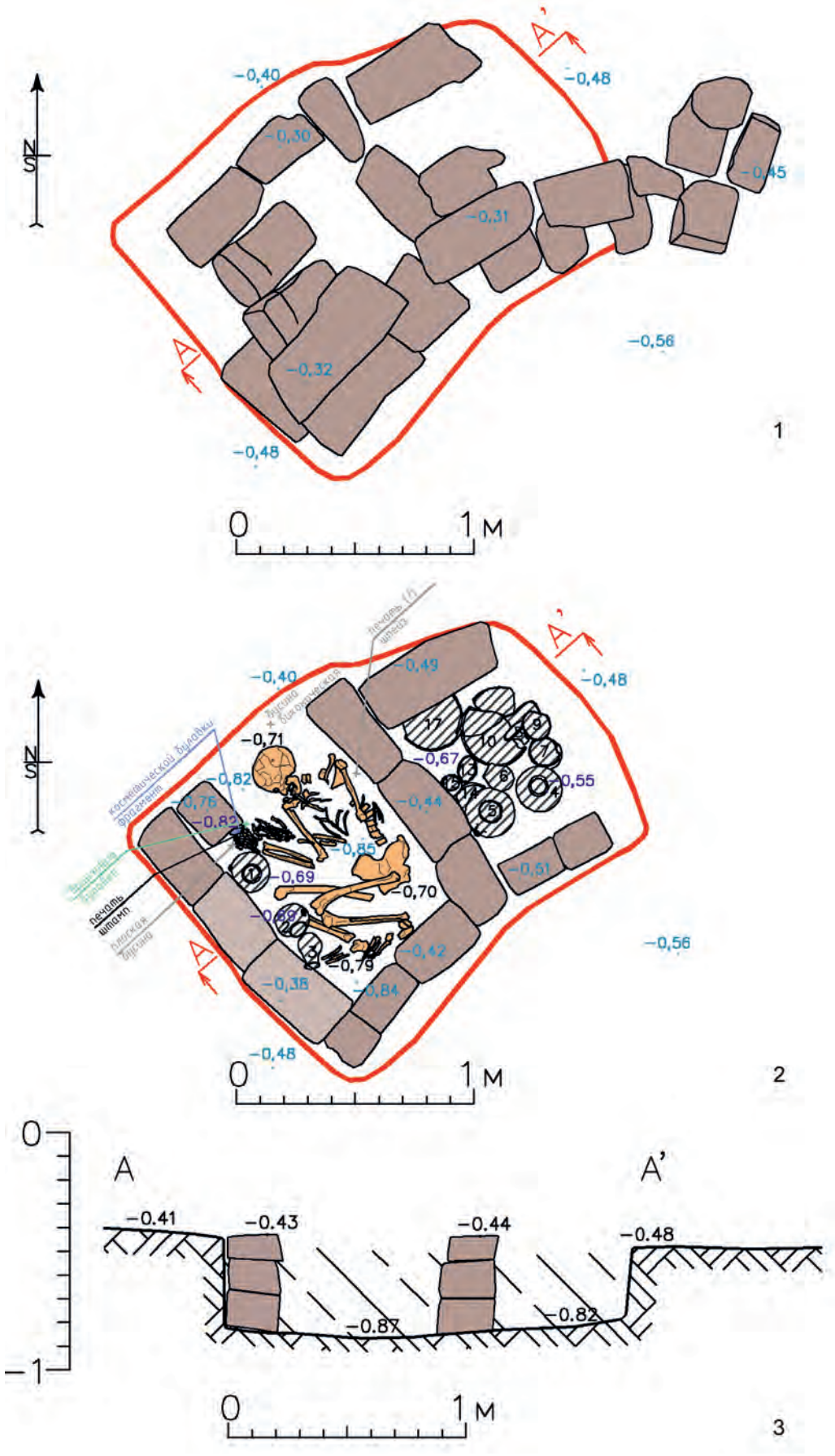

Рис. 16. Гонур-20. Погребение 93:
1 – план конструкции по уровню древней дневной поверхности; *2* – общий план; *3* – разрез по линии А-А’.

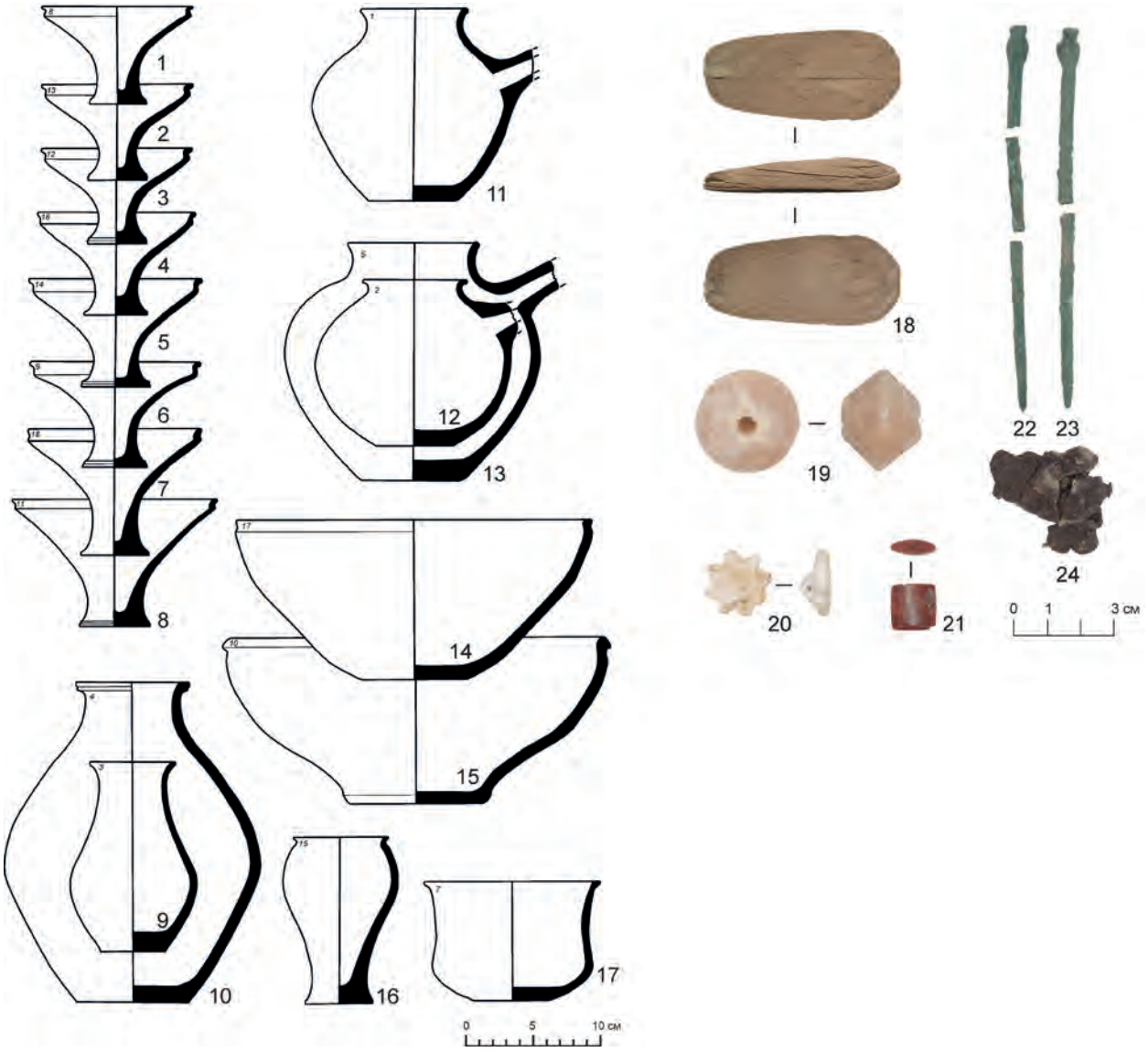

Рис. 17. Гонур-20. Погребение 93:
1–17 – сосуды; *18* – лопаточка; *19* – биконическая бусина; *20* – печать-штамп; *21* – плоская бусина; *22, 23* – булавки; *24* – фрагментированная печать (*1–17* – керамика; *18* – кость; *19, 20, 21* – камень; *22, 23* – бронза; *24* – шпейза (?).

камеры имеет размеры 1,1 × 0,5 м, северо-восточной – 1,2 × 0,7 м (Рис. 33, *2–3*).

В северо-восточной камере был захоронен уложенный на левом боку баран с подогнутыми ногами. Голова животного ориентирована на СЗ. За его спиной, у северо-восточной стенки цисты, стоял крупный сосуд из белой глины со сферическим туловом и узким горлом (Рис. 35, *17*). Около передних ног барана, у юго-западной стенки камеры находился банковидный сосуд (Рис. 35, *15*) . У задних ног на дне лежала бронзовая чаша (Рис. 34, *2*). Около костей передних ног найден бронзовый браслет (Рис. 34, *1*).

Юго-западная камера была заполнена керамической посудой (всего 27 экз.), в том числе сосуд с носиком, пифосообразный сосуд, вазы на ножках и большое количество чаш и кубков на ножке различных размеров (Рис. 35, *1–14, 16, 18–29*).

Погребение 112.

Погребение в цисте (Рис. 36, 37). Погребальная конструкция представляла собой прямоугольную грунтовую яму (3,0 × 1,7 × 0,7 м) со скругленными углами, вытянутую длинной осью по линии ЮВ–СЗ,. Внутри ямы была сооружена циста (2,1 × 1,65 м), имевшая три стенки, причем кладка с северо-западной стороны отсутствовала. Внутренне пространство цисты составляло 1,95 × 1,05 м, размеры «входной камеры», расположенной с юго-восточной стороны достигает 1,65 × 0,75 м, при глубине 0,5 м (Рис. 37, *1–5*).

Стенки цисты неровные, сложены из пяти рядов кирпичей, а также их половин, уложенных плашмя, в длинных стенках представлено по четыре кирпича, в короткой – два. Относительно хорошо сохранились остатки свода цисты (Рис.

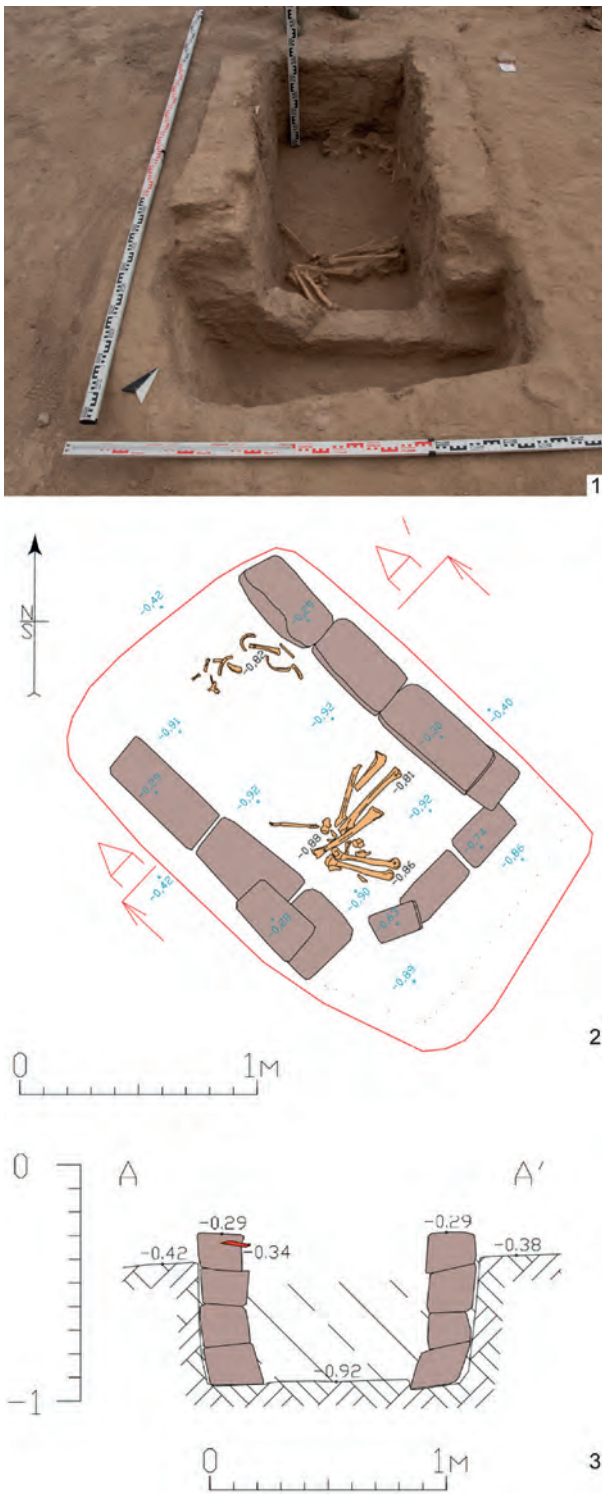

Рис. 18. Гонур-20. Погребение 94: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А – А'.

37, *1, 4*, *5*), возведенного из кирпичей, которые установлены под углом друг к другу. Некоторые кирпичи свода провалились внутрь и были найдены в заполнении. Между стенками циста и кирпичами свода зафиксированы фрагменты керамики, уложенные горизонтально. Около южного угла ямы на уровне древней дневной поверхности лежал крупный фрагмент сырцового кирпича и был установлен небольшой керамический сосуд (Рис. 38, *12*).

Погребенная (вероятнее всего женщина средних лет) была уложена скорченно на правом боку, головой ориентирована на СЗ, кисти рук находились у лица, ноги сильно согнуты, пятки — под тазом. Сохранность костей плохая. Вокруг скелета и частично поверх него в камере были установлены керамические сосуды (30 экз.). Три из них стояли в ряд вдоль юго-западной стенки (Рис. 38, *13–15*), а большая часть посуды сконцентрирована в северо-западной половине цисты (Рис. 39, *1–27*). За головой погребенной, на дне камеры стояли три однотипных сосуда (два крупных и один меньших размеров), украшенные полосами красного цвета (Рис. 39, *24, 25, 27*). Внутри одного из сосудов (№ 24) находился миниатюрный сосуд (№ 26), два бронзовых браслета (Рис. 38, *8*, *9*) и фрагмент кости крупного рогатого скота (?) (далее КРС.) В сосуде № 29 было найдено большое количество бочковидных бусин из красного аргелита и мраморизованного известняка (Рис. 38, *5*), а также бисер из тех же минералов (Рис. 38, *6*, *7*) и две бронзовые незамкнутые кольцевидные сережки (Рис. 38, *3*, *4*). Перед лицом погребенной найдена небольшая каменная круглая печать-штамп (Рис. 38, *2*), на пальце руки обнаружено бронзовое кольцо (Рис. 38, *1*), перед грудью лежала большая согнутая бронзовая булавка с навершием в виде звезды с восемью лучами (предмет поврежден, часть навершия отсутствует) (Рис. 38, *11*). Кроме того, найден фрагмент костяного предмета (булавка?) (Рис. 38, *10*).

Погребение 113.

Ограбленная и частично разрушенная циста (Рис. 40, *1*; 41, *1–4*). Однозначно восстановить детали конструкции сложно. Судя по развалам кирпичей на уровне древней дневной поверхности, первоначально конструкция была ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток. Ряды кирпичей, уложенных плашмя, четко прослеживались с юго-восточной и юго-западной стороны.

Погребальная конструкция представляла собой прямоугольную в плане грунтовую яму (1,5 × 1,6 м × 0,8–0,9 м). Судя по кирпичам, зафиксированным на уровне дна, внутри была сооружена циста (1,4 × 1,1 м), имевшая три стенки, причем кладка с северо-западной стороны отсутствовала, размеры. Внутрен-

Рис. 19. Гонур-20. Погребение 94, сопроводительный инвентарь: *1* – миниатюрная печать-штамп; *2* – бочковидная бусина и бисер; *3* – орнитоморфная фигурка (*1, 2* – камень; *3* – глина).

не пространство цисты составляло 1,2 × 0,9 м. Ее дно было выложено кирпичами, уложенными плашмя. С северо-восточной стороны имелась еще одна камера (1,4 × 0,5 м), стенки которой были грунтовыми (Рис. 41, *1–4*).

В заполнении найдены фрагменты нескольких керамических сосудов, в том числе толстостенных хумов, разрозненные кости взрослого человека плохой сохранности. На краю ямы, с северо-восточной стороны на уровне древней дневной поверхности был установлен перевернутый вверх дном малый банковидный керамический сосуд (Рис. 41, *5*), накрытый сверху каменным сосудом с широким горлом и открытым сливом (Рис. 40, *2*). Каменный сосуд под воздействием тяжести грунта был сильно фрагментирован. Других находок в погребении не было.

Погребение 114.

Детское погребение в грунтовой овальной яме (1,1 × 0,8 × 0,3 м), ориентированной длинной осью по линии северо-запад — юго-восток (Рис. 42). Яма с пологими стенками сужалась ко дну, на котором зафиксированы кости ребенка 7–8 лет

Рис. 20. Гонур-20. Погребение 95, общее фото после расчистки.

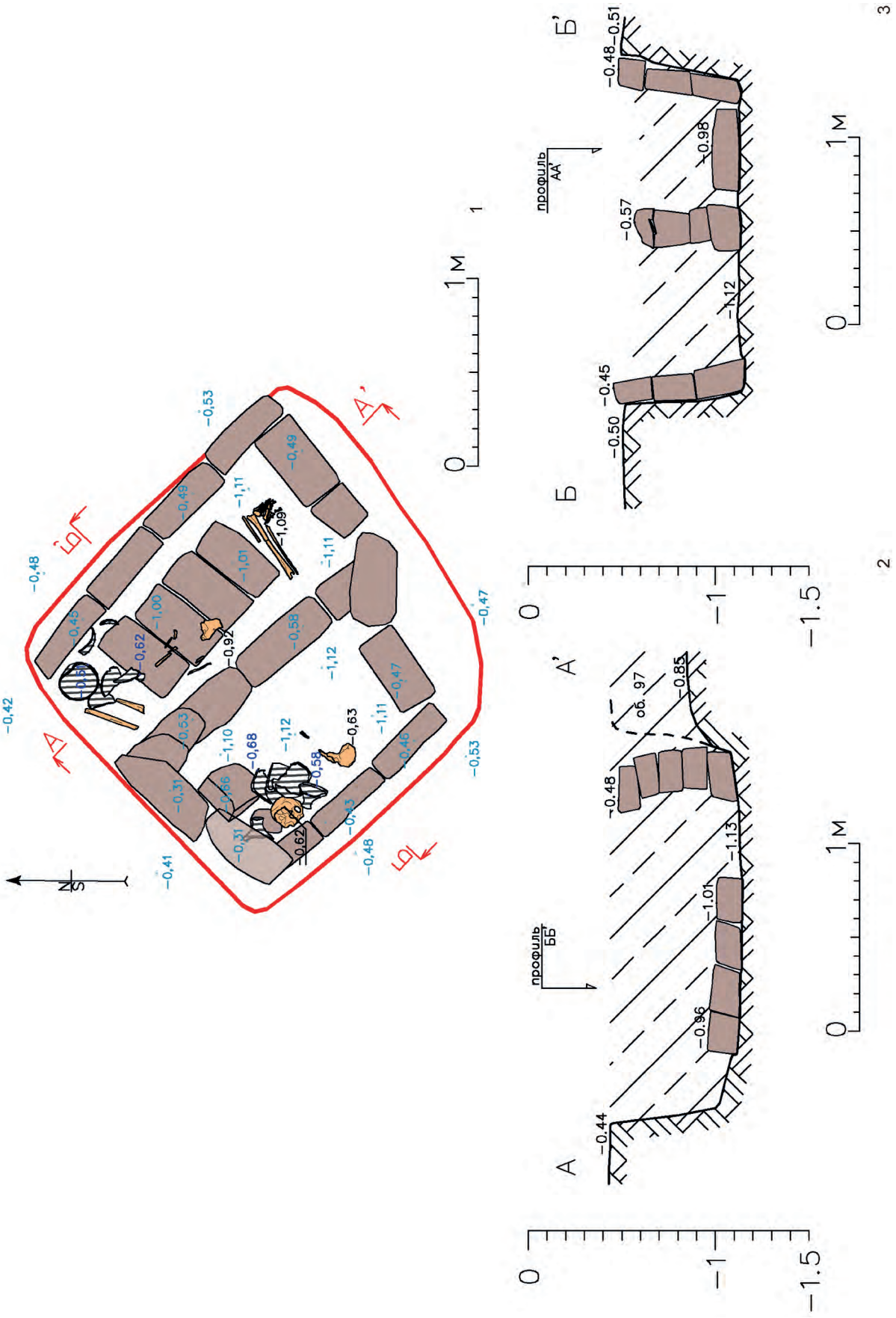

Рис. 21. Гонур-20. Погребение 95: *1* – план; *2* – разрез по линии А–А'; *3* – разрез по линии Б–Б'.

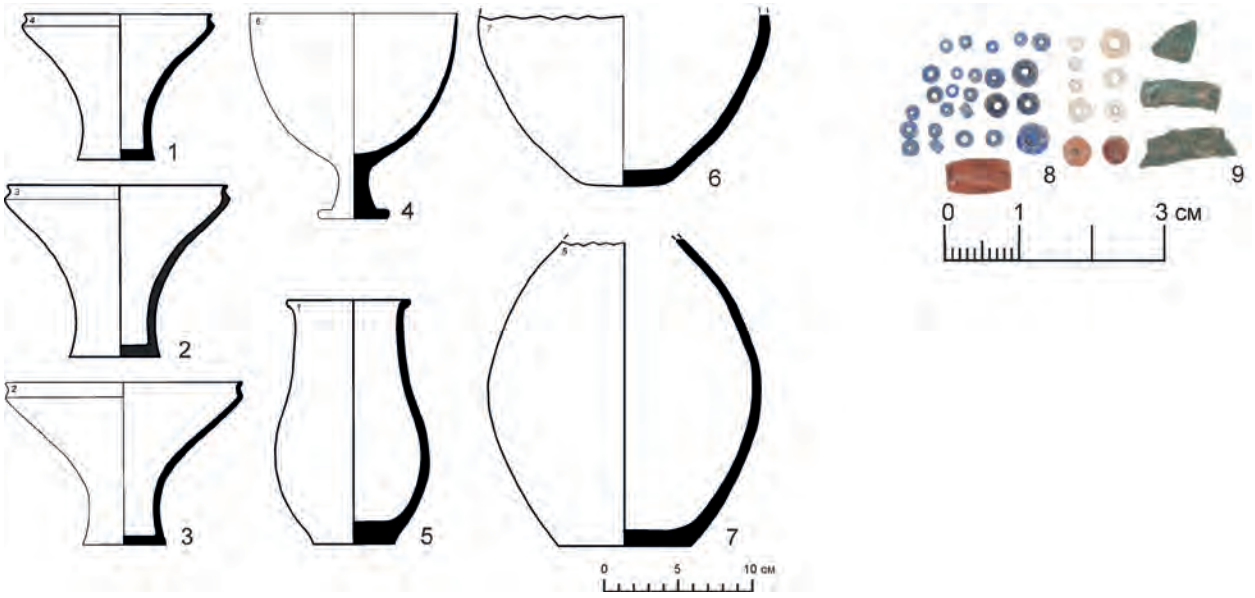

Рис. 22. Гонур-20. Погребение 95:
1–7 – сосуды; *8* – бусины и бисер; *9* – фрагмент изделия (*1–7* – керамика; *8* – камень; *9* – бронза).

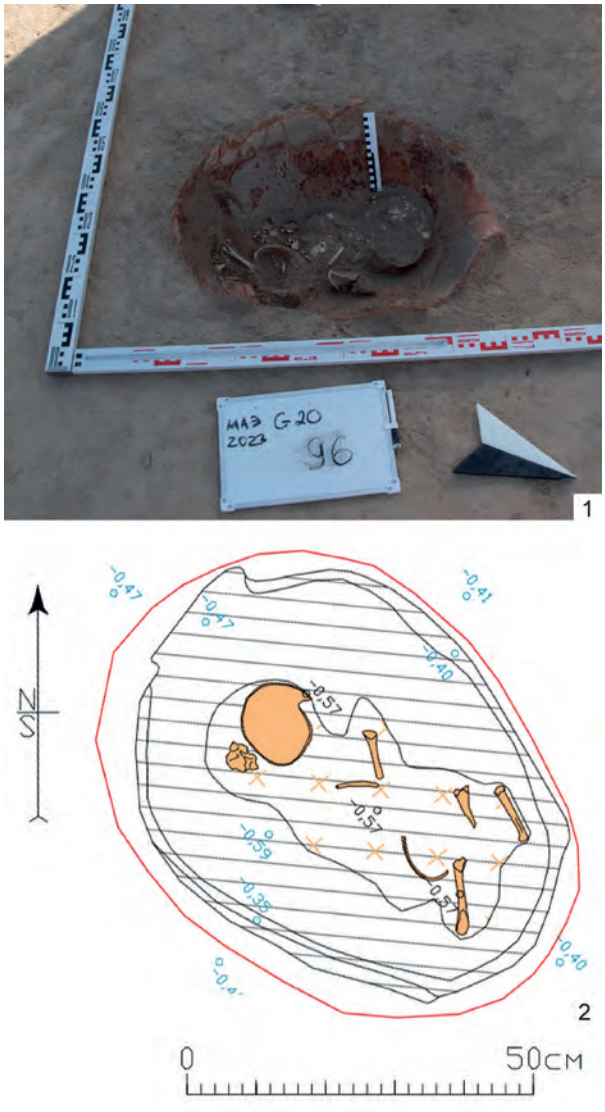

Рис. 23. Гонур-20. Погребение 96: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план.

(*inf II*), уложенного на правом боку, головой на СЗ, хотя фрагменты черепа находились в центре ямы и около ее восточной стенки. Ноги согнуты в коленях, пятки подтянуты к тазу, кости рук не сохранились. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 115.

Полуразрушенное погребение младенца (*inf I*), совершенное в неглубокой яме, размеры которой не фиксируются. Ребенок лежал на левом боку, головой на СЗ, кисти рук находились у лица, ноги согнуты (Рис. 43). Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 117.

Детское погребение в подбойной могиле (Рис. 44). Яма (1,0 × 0,9 м) ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Размеры подбоя составляют 1,0 × 0,4 м, при глубине 0,5 м; входной части —1,0 × 0,5 м, при глубине 0,3 м.

Ребенок 8-9 лет (*inf II*) был уложен на правом боку, головой на СЗ. Плечевая кость правой руки лежала вдоль грудной клетки, кости предплечья — за головой (возможно, в результате деятельности животных). Левое предплечье находилось между бедренными костями. Ноги сильно согнуты, левая пятка лежала почти под тазом, правая — немного западнее левой. Позвоночник (грудная и поясничная часть) сильно разрушены, по всей видимости, также животными. За головой погребенного, около северо-западной стенки подбоя стоял невысокий керамический сосуд с широким горлом и открытым сливом (Рис. 44, *4*).

Погребение 118.

Детское погребение в грунтовой овальной яме (0,8 × 0,4 × 0,2 м), ориентированной длинной осью по линии северо-запад – юго-восток (Рис.

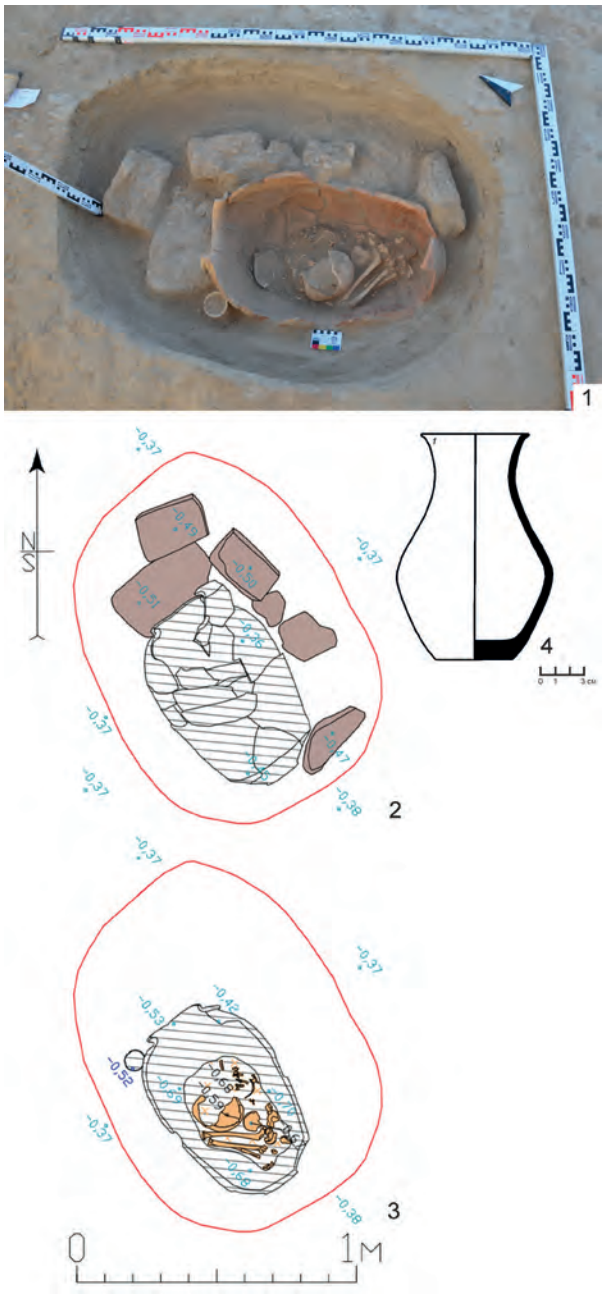

Рис. 24. Гонур-20. Погребение 98: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план после снятия верхнего слоя; *3* – план после расчистки; *4* – керамический сосуд.

45). Погребенный младенец (*inf I*) был уложен на правом боку, головой на СЗ. Кисть правой руки расположена перед лицом, кисть левой — у коленей. Ноги согнуты так, что колени находились у правого локтя. Левый локтевой сустав выявлен в области талии. Пятки подтянуты к тазу. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 121.

Детское погребение в грунтовой овальной яме (0,7 × 0,4 × 0,15 м), ориентированной длинной осью по линии северо-запад – юго-восток (Рис. 46). Ребенок возрастом до 2 лет (*inf I*) был уложен на левом боку, головой на СЗ. Кисти располагались около лица. Ноги согнуты, но пятки находятся не у таза, а поодаль. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 122.

Кенотаф (Рис. 47), устроенный в подбое с уступом (1,2 × 1,2 × 0,5 м). Костей человека и животных нет. Весь погребальный инвентарь находился в подбое длиной 1,2 м и шириной 0,75 м (Рис. 47, *2*). Набор состоял из 21 керамического сосуда (Рис. 48, *1–21*). Среди них встречаются конусовидные вазы (Рис. 48, *1–10*), чаши на ножках (Рис. 48, *11–12*), горшковидные (Рис. 48, *16–19*) и банковидные сосуды (Рис. 48, *20–21*), одна миска (Рис. 48, *14*), сосуд со сферическим туловом и широким горлом, украшенный горизонтальными полосами, нанесенными с помощью минерального красителя красного цвета. На полу рядом с сосудами №№ 2 и 10 найдена короткая бронзовая заколка, бронзовая булавка (тонкая, согнутая и сломанная) (Рис. 49, *6*, *7*). Внутри сосуда со сферическим туловом и широким горлом, украшенного

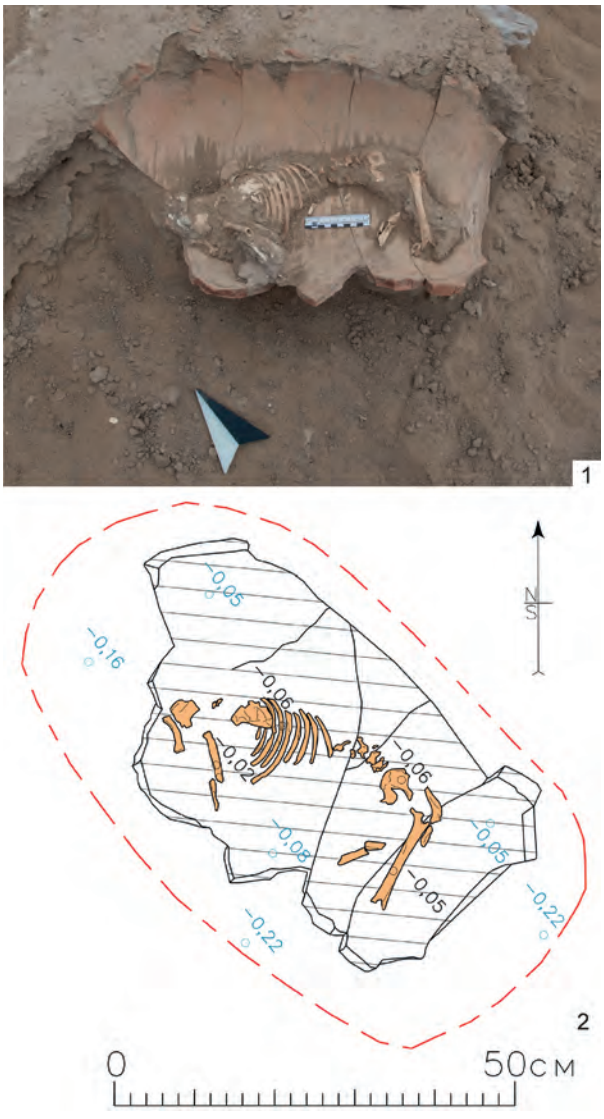

Рис. 25. Гонур-20. Погребение 101: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план.

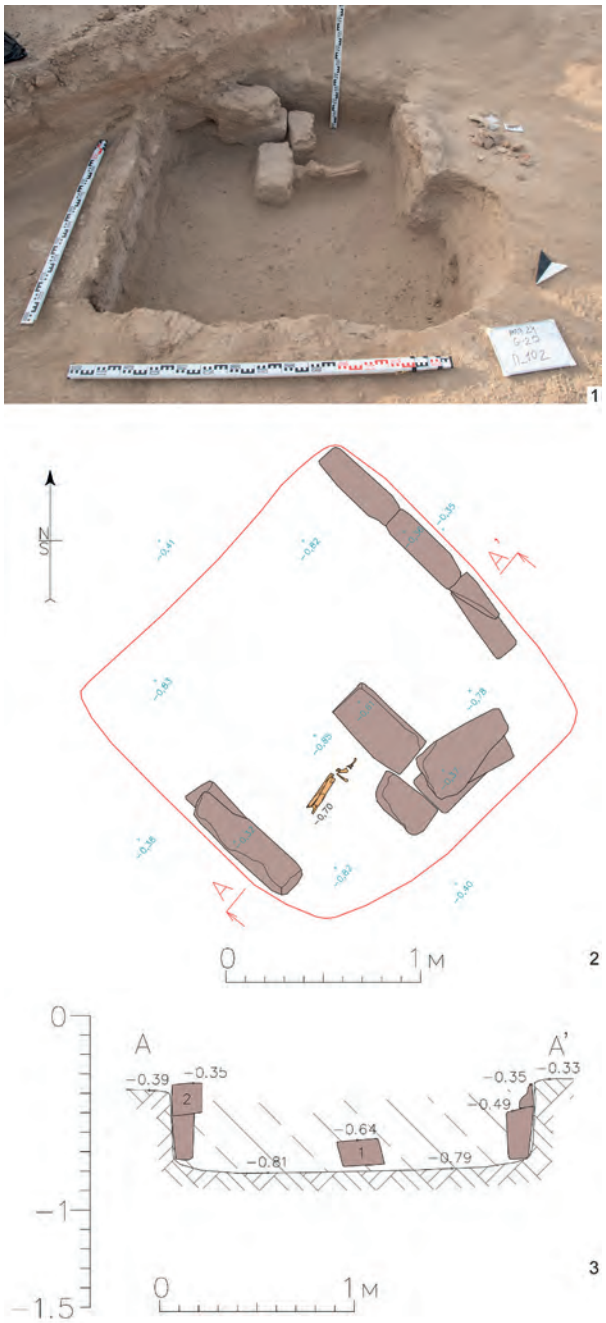

Рис. 26. Гонур-20. Погребение 102: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А'.

красными полосами (Рис. 48, *13*), лежали бронзовый браслет (Рис. 49, *4*), гипсовая биконическая бусина (Рис. 49, *1*), каменные бусины (Рис. 49, *3*) и бронзовая круглая печать с петелькой с изображением антропоморфного персонажа (Рис. 49, *5*). В заполнении около пола обнаружено много белого бисера (Рис. 49, *2*). Между сосудами найден довольно крупный фрагмент древесного угля. Один из банковидных сосудов стоял в широкой лепной тарелке, сделанной из сырой необожженной глины, которая находилась у юго-восточной стенки погребения.

Погребение 123.

Разрушенная и ограбленная циста (Рис. 50). Судя по немногочисленным сохранившимся элементам, конструкция первоначально представляла собой грунтовую яму (2,1 × 1,2 × 0,6 м), ориентированную по длинной оси в направлении северо-запад — юго-восток. Внутри ямы была сооружена циста (примерно 1,8 × 1,05 м) из сырцового кирпича, Ее внутреннее пространство составляло 1,5 × 0,75 м. От цисты сохранилось два кирпича, поставленных на ребро (северо-восточная стенка); кирпичи, уложенные плашмя в три ряда (юго-западная стенка); два кирпича, уложенных плашмя (юго-восточная стенка). С северо-западной стороны кладки, вероятно, не было. С юго-восточной стороны, судя по всему, была оставлена небольшая "входная камера" (1,2 × 0,3 × 0,3 м). С восточной стороны к конструкции примыкала яма неправильной формы (примерно 1,5 × 1,5 × 0,4 м) — вероятно, остатки грабительского лаза. (Рис. 50, *1–3*).

В заполнении могилы найдены фрагменты сырцовых кирпичей, а также разрушенные и разрозненные кости взрослого человека (пол и возраст не определяется). Здесь же встречено большое количество мелких бусин и бисера из полудрагоценных камней (Рис. 51, *1*), небольшой фрагмент бронзы (капля), миниатюрная каменная цилиндрическая печать с изображением животных (Рис. 51, *4*), фрагмент фигурки из обожженной глины со следами краски (Рис. 51, *3*), маленькая кольцевидная незамкнутая бронзовая серьга (Рис. 51, *2*) и две мелкие речные ракушки. На краю сломанной восточной стенки лежала нижняя челюсть человека, около юго-западной стенки обнаружены фрагменты черепа.

Погребение 124.

Ритуальное захоронение баранов в двухкамерной цисте (Рис. 52, 53). Погребальная конструкция представляла собой прямоугольную грунтовую яму (размеры по верху 2,0 × 1,8 м, по дну 1,7 × 1,7–1,8 м, глубина 1,1 м), северо-западная стенка которой полога и сильно скруглена. Внутри ямы была сооружена двухкамерная циста (1,8 × 1,2 м), вытянутая по длинной оси в направлении юго-запад — северо-восток. Юго-западная стенка цисты и перегородка сделаны из трех кирпичей, уложенных плашмя в пять рядов. Северо-восточная стенка составлена из двух кирпичей, уложенных плашмя, сохранилось шесть рядов кладки. Юго-восточная стенка неровная, составленная из целых кирпичей и половин, уложенных плашмя в шесть рядов. С северо-западной стороны кладка отсутствовала. Внутреннее пространство юго-западной камеры составляло 0,8 × 0,6-0,7 м, северо-восточной – 0,9 × 0,6 м. С юго-востока была устроена «входная камера»

Рис. 27. Гонур-20. Погребение 103, общее фото после расчистки.

(1,7 × 0,5-0,6 × 1,0 м) (Рис. 53, *1–3*). В обеих основных камерах были захоронены бараны.

В северо-восточной камере баран был уложен у северо-восточной стенки, на правом боку, ноги подогнуты, голова ориентирована на СЗ. С юго-западной стороны, вдоль перегородки цисты было установлено семь керамических сосудов, в том числе крупный со сферическим туловом и узким горлом, вазы на ножках, сосуд со сливом (Рис. 54, *3, 6, 8–10, 15, 19*).

В юго-западной камере баран был также уложен с северо-восточной стороны, у перегородки, на правом боку, головой ориентирован на СЗ, ноги подогнуты. В этой камере было помещено 12 керамических сосудов (Рис. 54, *1, 2, 4, 5, 7, 11–14, 16–18*), которые были установлены у юго-западной и юго-восточной стенки камеры (за исключением сосуда, который находился за спиной барана, у перегородки). Среди них: пять конических чаш, сосуд с округлым широким туловом, широким горлом, украшенный по тулову горизонтальными полосами, нанесенными красной краской, два небольших сосуда украшенных по тулову каннелюрами; два кувшиновидных сосуда, одна хумча и один горшковидный сосуд. Находки в камере: за головой барана, у северо-западной стенки обнаружена каменная круглая печать-штамп (Рис. 55, *3*), в районе шейного отдела позвоночника выявлены два бронзовых несомкнутых браслета (Рис. 55, *4–5*), около задних ног — биконическая бусина из алебастра (Рис. 55, *2*). Неподалеку от головы барана найдена крупная и мелкие бусины, пронизь и бисер (Рис. 55, *1*). Кроме того, из верхней части заполнения могилы происходит керамическое пряслице (Рис. 55, *6*).

Погребение 127.

Детское погребение в грунтовой овальной яме (0,85 × 0,4 × 0,15 м), ориентированной длинной осью по линии юго-запад — северо-восток (Рис. 56). Младенец (*inf I*) был уложен на правом боку, головой на ЮЗ. Положение ног не фиксируется, левая рука вытянута вперед. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Кроме погребений, как уже отмечалось, был раскопан и ряд других объектов (грунтовые ямы, котлованы и печи).

Объект 84.

Котлован, выкопанный в материковом грунте, имел сложную конфигурацию. Он вытянут по длинной оси в направлении юго-запад — северо-восток. Его максимальные размеры составляют 3 × 8 м, при глубине 0,6 м (Рис. 57, *1, 2*). С севера располагался наклонный пандус (3,2 × 1 м) (Рис. 57, *3*). С северо-западной стороны пандуса зафиксированы фрагменты двух кирпичей, уложенных плашмя на фрагменты крупных хумов, «закрывающие» вход в котлован. В заполнении «пандуса» зафиксировано большое количество черепков керамики и фрагменты древесного

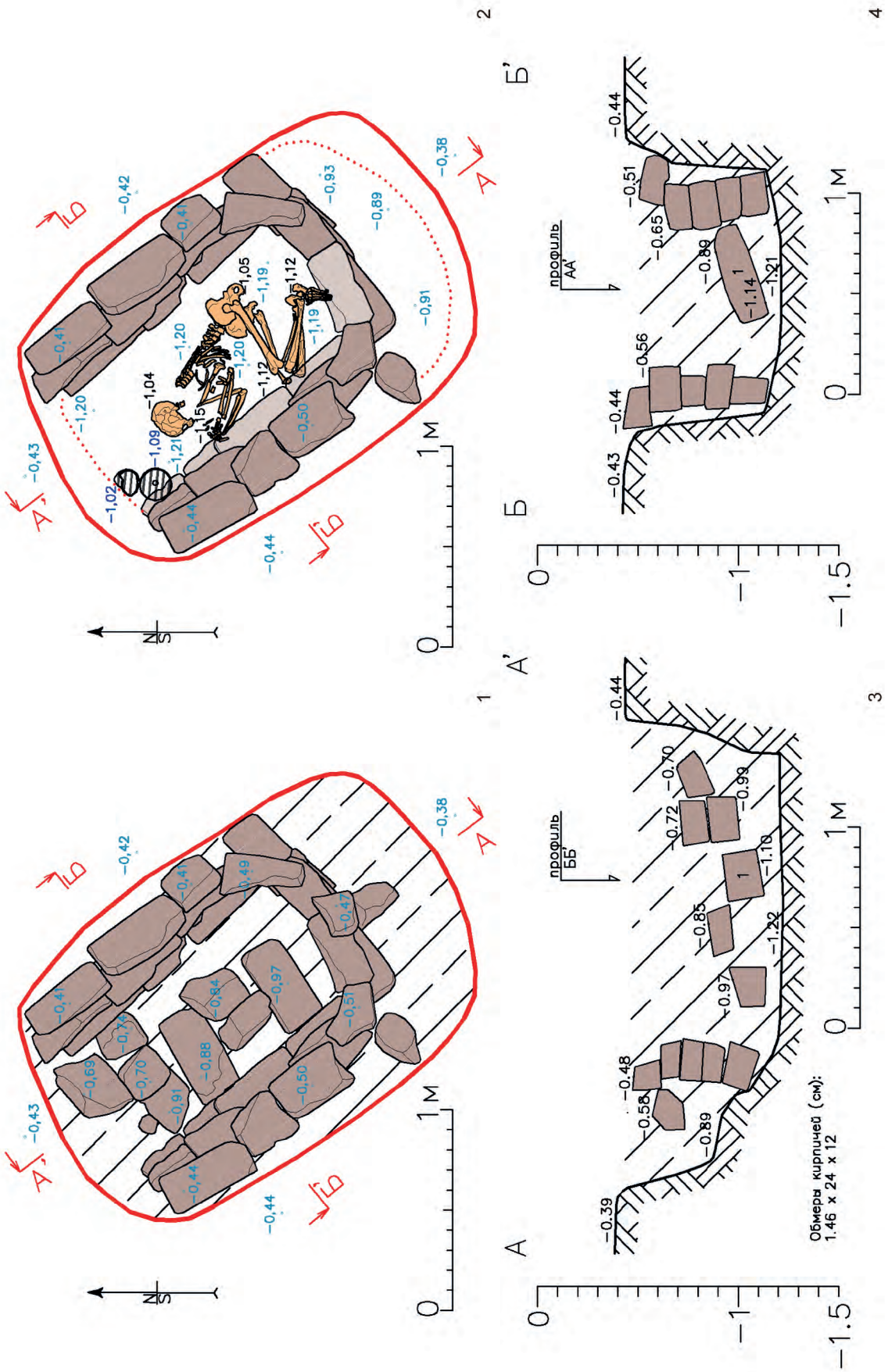

Рис. 28. Гонур-20. Погребение 103: *1* – план после снятие верхнего слоя; *2* – план после расчистки; *3* – разрез по линии А–А'; *4* – разрез по линии Б–Б'.

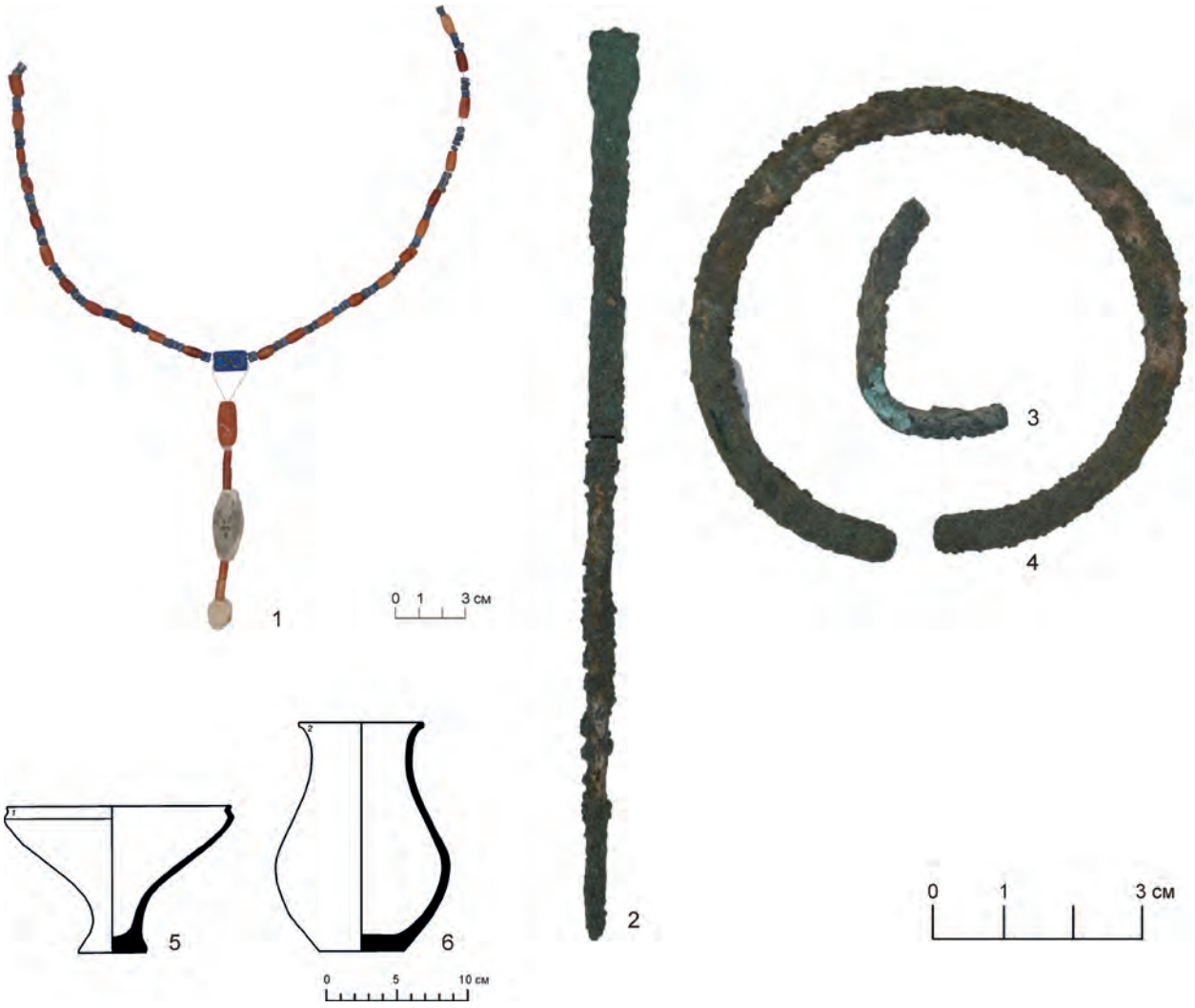

Рис. 29. Гонур-20. Погребение 103, сопроводительный инвентарь: *1* – бусы; *2* – булавка/заколка; *3* – фрагмент изделия; *4* – браслет; *5, 6* –сосуды (*1* – камень; *2–4* – бронза; *5, 6* – керамика).

угля. Здесь же находились кувшиновидный и горшковидный сосуд а также компактно установленные археологически целые фрагментированные сосуды: чаша на ножке, стоящая вверх дном; станковый хум (перевернутый устьем вниз) (Рис. 57, *3*), два кубка на ножке; а также крупные фрагменты не менее двух лепных и одной станковой хумчи с подкосом. Кроме керамики обнаружена бусина, фрагмент керамики со следами шлака и корольками свинцово-мышьяковистой бронзы (фрагмент тигля), позвонок верблюда.

Находки в заполнении основной части котлована (Рис. 57, *4*) представлены в основном массовым материалом: фрагменты станковой (Рис. 60, *1, 4–8*) и лепной керамики (4019 экз.), два археологически целых сосуда (горшковидный и крупное блюдо) (Рис. 60, *2–3*), фрагменты крупных конусовидных изделий не ясного назначения из обожженной глины (Рис. 58, *1–3*), окаменевшая раковина (Рис. 59, *1*), бусина (Рис. 59, *2*), фрагмент глиняного изделия с отверстием (Рис. 59, *3)*, глиняный шарик (Рис. 59, *4)* и фрагмент глиняного изделия с изображением креста (Рис. 59, *5*). В собранной археозоологической коллекции присутствуют кости КРС, и мелкого рогатого скота (далее МРС), овцы, козы, осла и джейрана.

В центральной части котлована обнаружено захоронение черепа ребенка (Рис. 61, *1, 2*). Рядом находился фрагмент крупного конусовидного изделия из обожженной глины, крупный камень со следами сколов с торцевых сторон, два позвонка верблюда, фрагмент частично обожженного кирпича, крупные фрагменты сосудов (в основном лепных). С северной стороны котлован ограничен кладкой из сырцового кирпича (*объект 88*).

По углю из заполнения этого объекта получено 4 радиоуглеродные даты: GV-4596 (3705 ± 40 BP), с учетом калибровки 2σ (95.4%) 2204 – 1973 calBC и BE-22871 (3609 ± 27 BP), с учетом калибровки 2σ (95.4%) 2034 – 1889 calBC (входная часть, «пандус»); GV-4598 (3700 ± 40), с учетом калибровки 2σ (95.4%) 2203 – 1958 calBC и BE-22872 (3602 ± 27), с учетом калибровки 2σ (95.4%) 2032 – 1887 calBC (основная часть, погребение черепа ребенка).

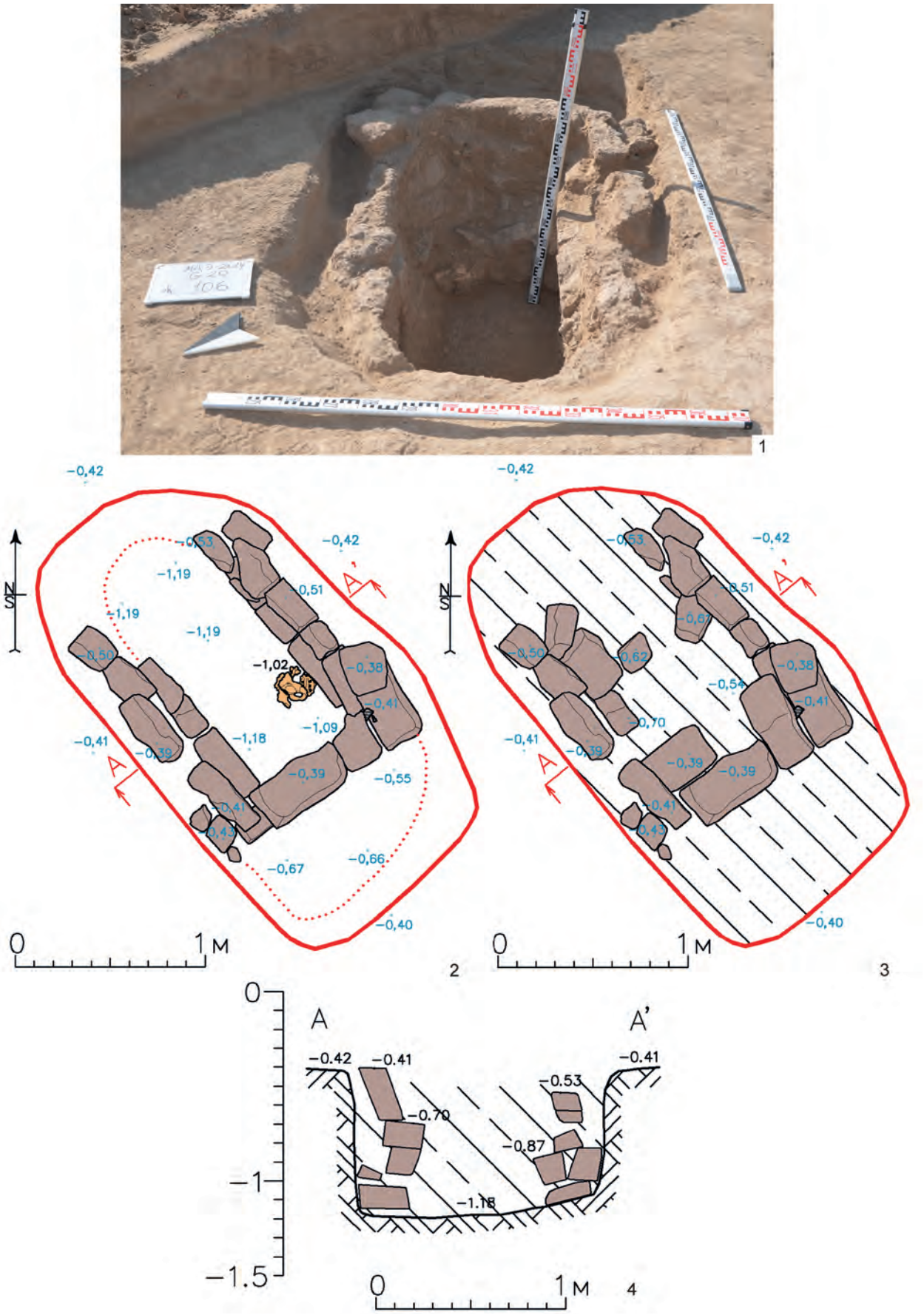

Рис. 30. Гонур-20. Погребение 106: *1* – после расчистки; *2* – план после снятия верхнего слоя; *3* – план после расчистки; *4* – разрез по линии А-А'.

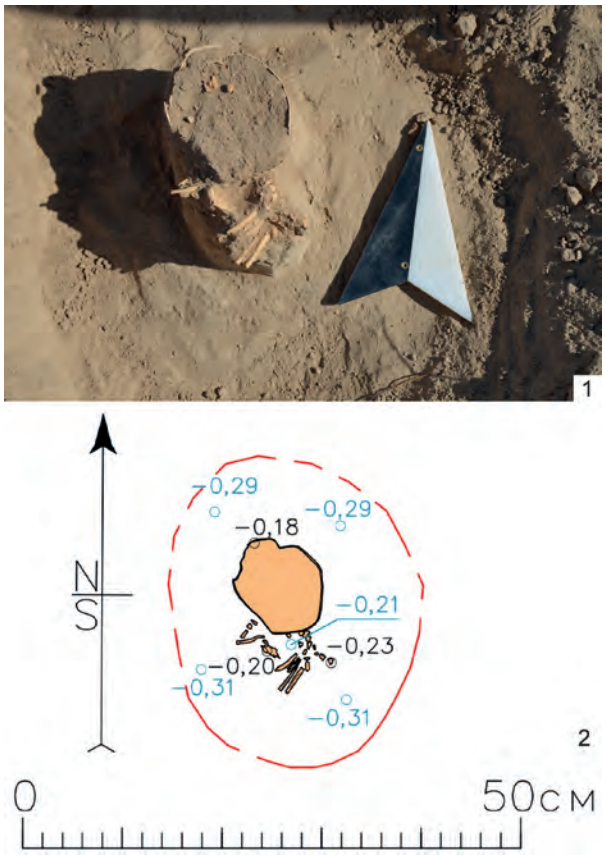

Рис. 31. Гонур-20. Погребение 107: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план.

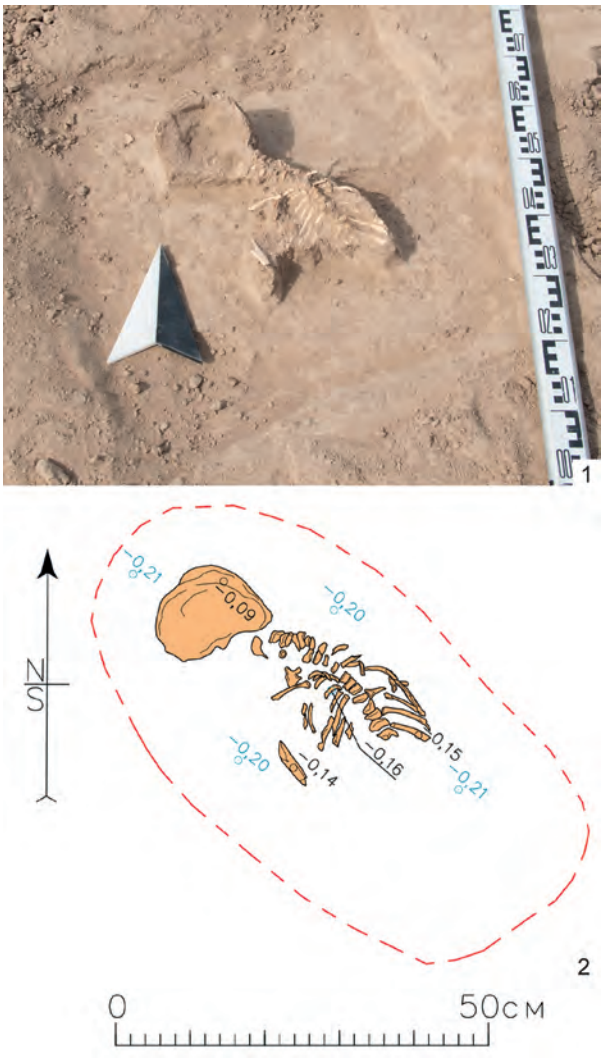

Рис. 32. Гонур-20. Погребение 109: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план.

Объект 87.

Округлая яма диаметром 1,3 м, глубиной 0,7 м от древней дневной поверхности (Рис. 62, *1–4*). В заполнении обнаружены многочисленные крупные фрагменты сырцовых кирпичей, 20 фрагментов керамики, в том числе фрагмент венчика хума, 11 фрагментов крупного лепного сосуда черного цвета с отогнутым венчиком, угольки, мелкие фрагменты костей животных.

Объект 88.

Подпрямоугольная кладка, выложенная из четырех рядов сырцовых кирпичей, покрытых обмазкой. Она вытянута длинной осью по направлению юго-запад — северо-восток (Рис. 63, *1*). С южной стороны граничит с *объектом 84*, являясь, возможно, частью общего комплекса сооружений. Верхние кирпичи обнаружены на уровне древней дневной поверхности. Северо-западная часть конструкции разрушена (рядом с завалом из кирпичей обнаружено *погребение 92*). Размеры сохранившейся части кладки составляют 1 × 3,2 × 0,8 м при высоте стенки 0,6 м (Рис. 63, *2, 3*). Заполнение внутри стен представлено чистым песком, находки отсутствовали. Функциональное предназначение конструкции не ясно.

Объект 89.

Округлая яма диаметром 1,1 м, глубиной 0,5 м от древнего горизонта (Рис. 64, *1–4*). В верхней части заполнения обнаружены: зернотерка, две крупных гальки черного и зеленого цвета (оббитая), абразив (пористый белый камень) и черепки тонкостенной вазы на ножке. Ниже в заполнении обнаружены: фрагмент обожженного кирпича, 29 обломков толстостенных хумов, два фрагмента лепной керамики. На дне ямы также обнаружено скопление черепков крупного сосуда.

Объект 90.

Округлая яма диаметром 0,9 м, глубиной 0,15 м от древней дневной поверхности (Рис. 65, *1–3*). В заполнении обнаружены два фрагмента обожженного кирпича. Других находок не было.

Объект 97.

Яма неправильной в плане формы вытянута по длинной оси в направлении север-юг. Ее мак-

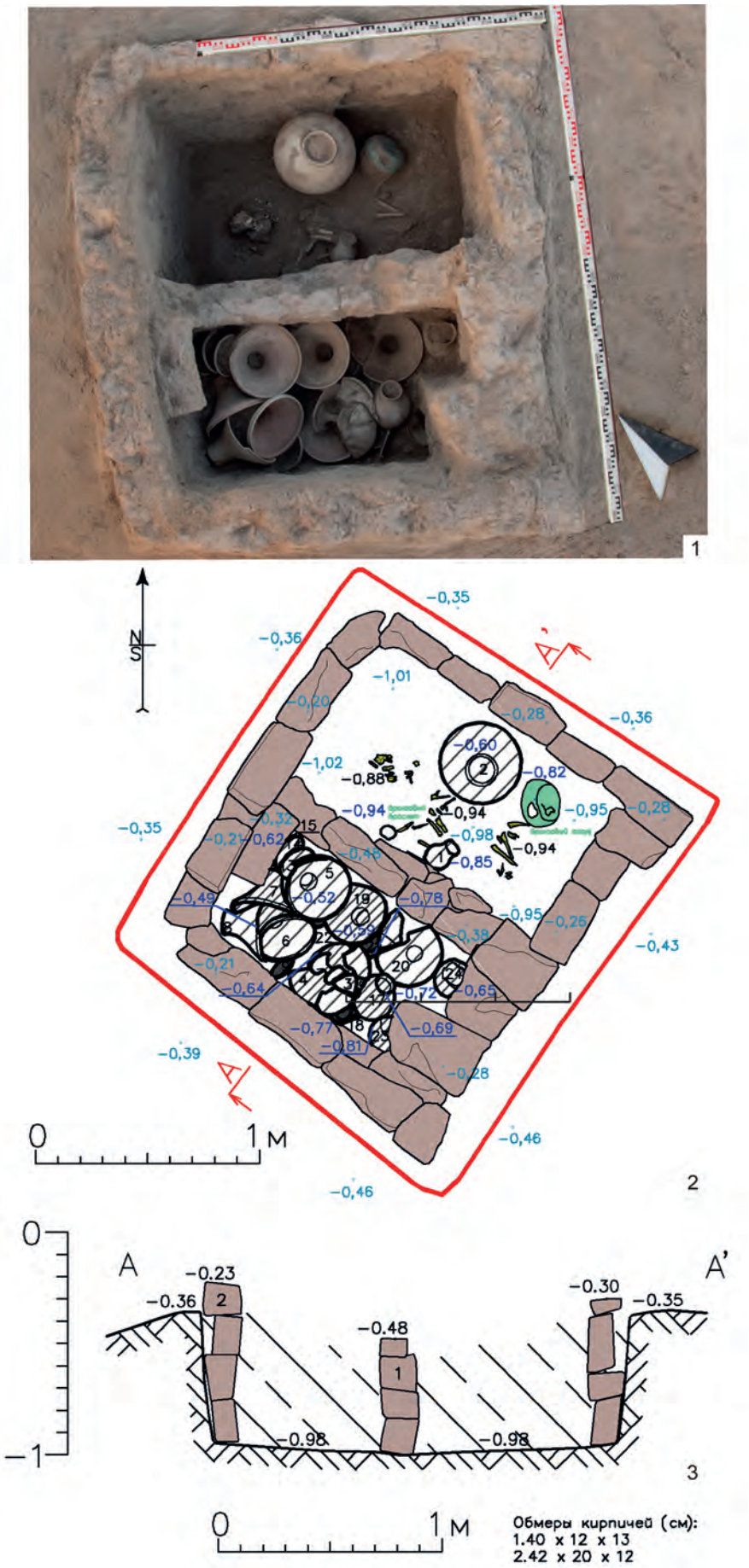

Рис. 33. Гонур-20. Погребение 111: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А'.

симальные размеры составляют 9,5 × 7,0 м[8] (Рис. 66, *1*). Дно ямы неровное, ее глубина от древней дневной поверхности колеблется от 0,5 до 1,2 м. В профиле хорошо наблюдалось золистое заполнение с включениями древесных угольков. Находки представлены в основном массовым материалом – многочисленными фрагментами станковой и лепной керамики (всего 1020 экз.). Индивидуальные находки включают два археологически целых керамических сосуда (Рис. 66, *14*, *15*), небольшую круглую каменную фишку (Рис. 66, *12*), конусовидную фигурку-фишку (Рис. 66, *6*), аналогичную найденным на *объекте 99* и в *погребении 86*, оригинальную терракотовую женскую статуэтку со следами раскраски (Рис. 66, *8*), костяную булавку (Рис. 66, *5*), фрагмент бронзового браслета (Рис. 66, *11*), фрагмент глиняного косметического флакона (Рис. 66, *4*), фрагментированную зооморфную терракотовую статуэтку (Рис. 66, *7*), фрагмент крупного конусовидного изделия из обожженной глины (Рис. 66, *16*), аналогичный найденным на *объекте 84*, несколько зооморфных налепов от ритуальных сосудов (змеи, лягушки, собака) (Рис. 66, *2*, *3*, *13*) и два фрагмента венчиков от такого сосуда с налепами (Рис. 66, *9*, *10*).

По углю из заполнения этого объекта получена радиоуглеродная дата: GV-4595 (3674 ± 40 BP), с учетом калибровки 2σ (95.4%) 2197 – 1941 calBC.

Объект 99.

Округлая яма диаметром 1,2 м, глубиной 0,5 м от древней дневной поверхности (Рис. 67, *1–2*). В ее заполнении обнаружены фрагменты станковой и лепной керамики, угли, кости МРС, КРС, овцы, козы, джейрана и кулана, некоторые из них были обожжены. Индивидуальные находки включают три пирамидальные фигурки-фишки (Рис. 68, *3–5*), аналогичные найденным в *погребении 86* и на *объекте 97*, усеченно-конический предмет из необожженной глины (Рис. 68, *6*), керамическую биту, необработанные гальки разных цветов (девять экз.), небольшую плакетку из кости (Рис. 68, *2*), бочковидную бусину и два фрагмента бисера (*Рис. 68, 1*).

По углю из заполнения этого объекта получена радиоуглеродная дата: GV-4597 (3573 ± 40 BP), с учетом калибровки 2σ (95.4%) 2030 – 1775 calBC.

Объект 100.

Прямоугольная яма (4,0 × 2,0 × 0,8 м) (Рис. 69, *1*, *2*). В ее заполнении найдены фрагмент зооморфной фигурки (Рис. 69, *3*), две археологически целые крупные конические чаши на ножке (Рис. 69, *4*, *5*), мелкие фрагменты лепной и станковой керамики.

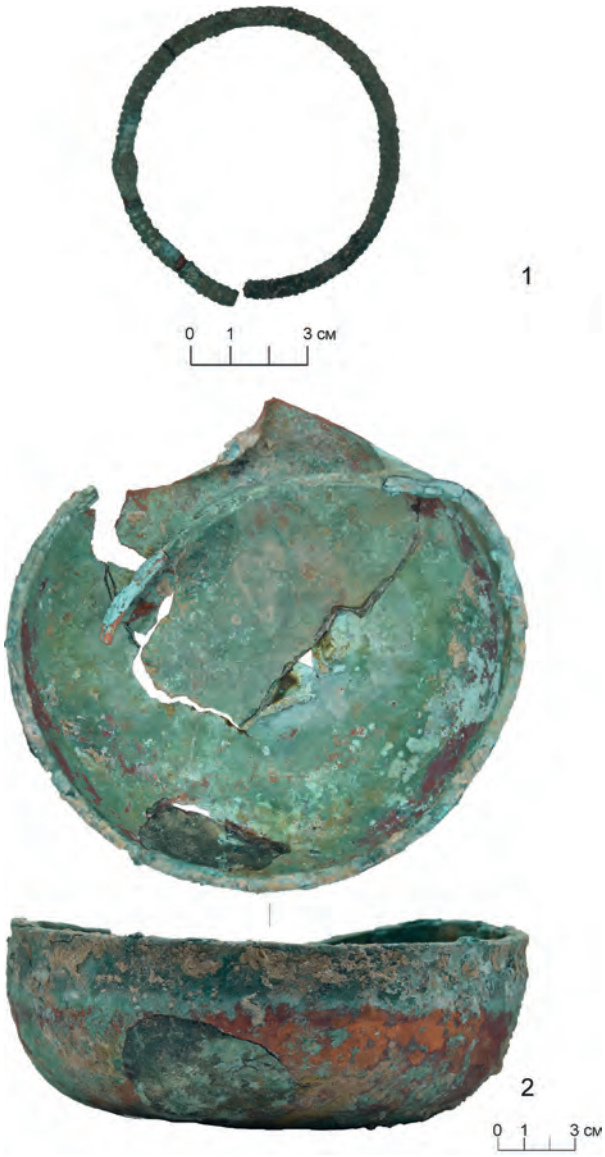

Рис. 34. Гонур-20. Погребение 111, сопроводительный инвентарь: *1* – браслет; *2* – чаша (*1–2* – бронза).

Объект 104.

Округлая яма диаметром 0,55 м, глубиной 0,6 м от древней дневной поверхности (Рис. 70, *1–3*). Стенки ямы тщательно обмазаны глиной, толщина обмазки достигает 1,5 см. Заполнение представлено включениями золы и многочисленными угольками. Находок нет.

Объект 105.

Округлая яма диаметром 0,9 м, глубиной 0,8 м от древней дневной поверхности (Рис. 71, *1–3*). Ее заполнение характеризуется включениями золы и многочисленными угольками. Находки в заполнении представлены каменной орнаментированной биконической бусиной (Рис. 71, *4*),

[8] Судя по стратиграфическим наблюдениям, этот объект, возможно, являлся естественным понижением древней поверхности, в котором периодически застаивалась вода. Это естественное понижение, расположенное на периферии поселения могло использоваться для сброса золы и мусора. Обращает на себя внимание характер обнаруженных здесь находок, которые представлены, в том числе, и престижными предметами.

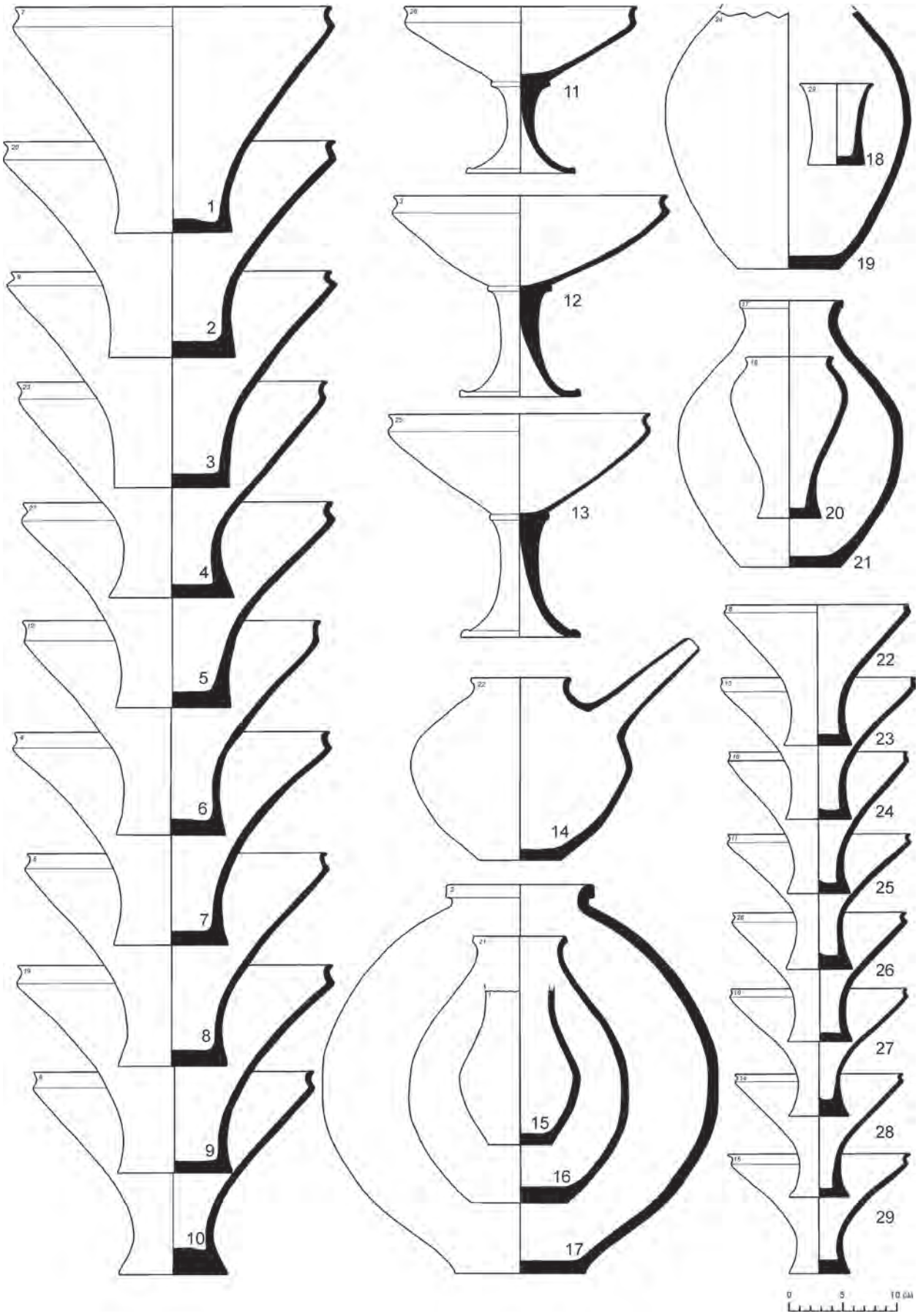

Рис. 35. Гонур-20. Погребение 111, сопроводительный инвентарь: *1–29* – керамические сосуды.

фрагментом глиняной пломбы со следами веревки и оттисками печати-штампа прямоугольной формы с изображением змеи (Рис. 71, *5*); глиняной крышкой сосуда с оттиском веревки с одной стороны и несколькими оттисками перегородчатой печати с другой (Рис. 71, *6*); тремя аморфными изделиями из необожженной глины; абразивом, 39 фрагментами лепной керамики черного цвета, 15 фрагментами станковой керамики, фрагментом кирпича, керамической битой, пятью фрагментированными керамическими сосудами (Рис. 71, *7–11*).

Объект 108.

Печь (1,05 × 0,85 × 1,1 м), устроенная в прямоугольной яме. Стенки печи были обложены изнутри пятью рядами кирпичей, уложенных плашмя (Рис. 72, *1–3*). Нижний ряд кирпичей стоит на слое, обмазанном глиной. Объект ориентирован длинной осью по линии ЮЗ-СВ. В заполнении выявлена золистая супесь и фрагменты угля. Здесь же встречены находки: глиняное пряслице (Рис. 72, *4*), абразив, пять фрагментов обгоревшего кирпича, фрагменты керамики (18 экз., в том числе крупные фрагменты тулова и венчика от лепного сосуда черного цвета, 53 фрагмента станковой керамики, включая крупные фрагменты хумов, ножки от ваз и археологически целый баночный сосуд) (Рис. 72, *5–12*).

Объект 116.

Округлая яма диаметром 0,4 м, глубиной 0,1 м от древней дневной поверхности (Рис. 73, *1–3*). Стенки и дно ямы обмазаны глиной, толщина обмазки составляет 1 см. Находки в заполнении представлены пятью фрагментами лепной керамики и абразивом.

Объект 119.

Округлая яма диаметром 0,8 м, глубиной 0,5 м от древней дневной поверхности (Рис. 74, *1–3*). Стенки и дно ямы прокалены. Заполнение образовано прокаленным грунтом с включениями золы и угольков. Находки отсутствовали.

Объект 120.

Рис. 36. Гонур-20. Погребение 112, общее фото после расчистки.

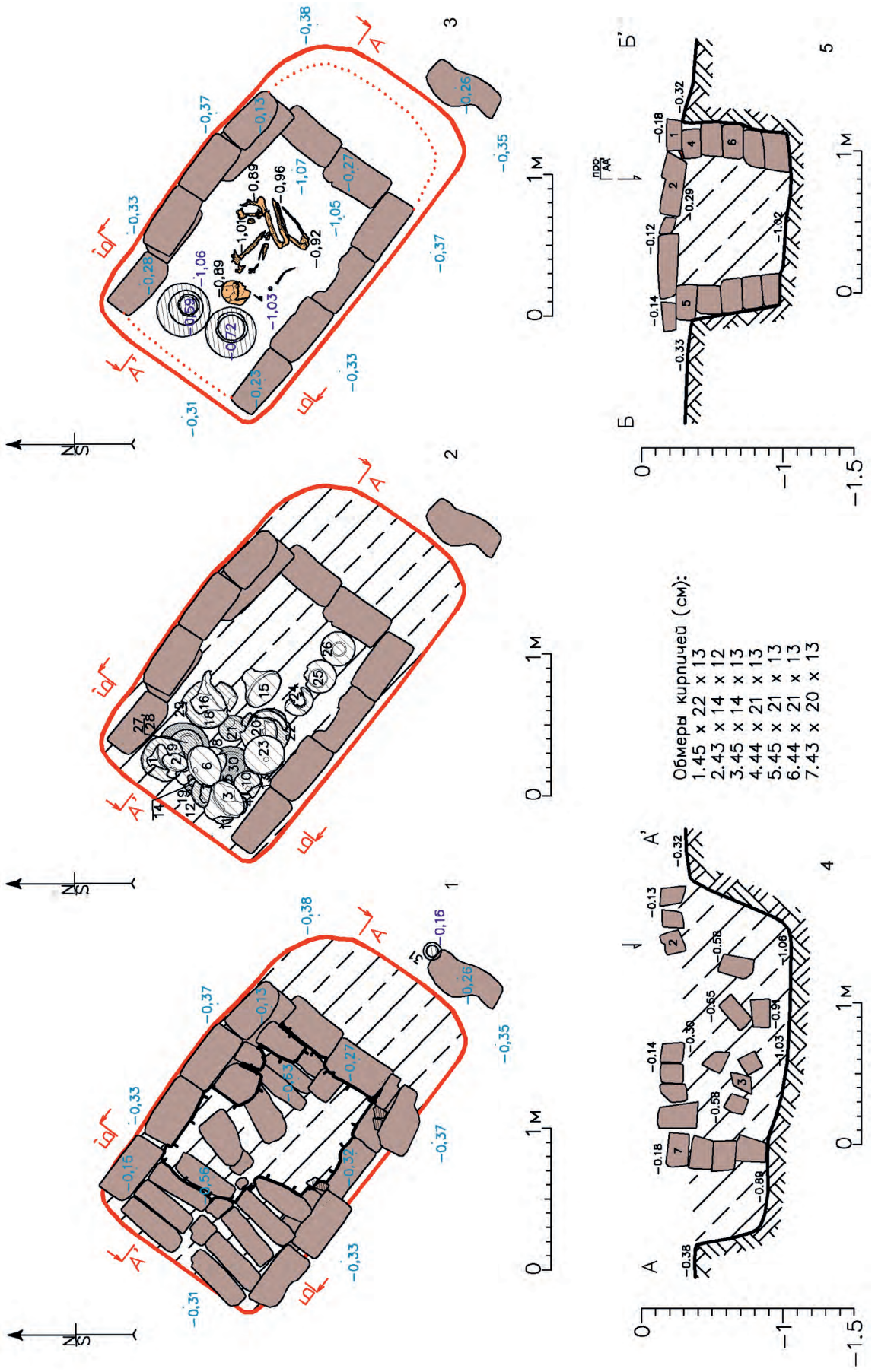

Рис. 37. Гонур-20. Погребение 112: *1* – план по уровню остатков свода цисты после снятия верхнего слоя; *2* – план по уровню расчистки керамических сосудов; *3* – план после расчистки по уровню дна; *4* – разрез по линии А–А'; *5* – разрез по линии Б–Б'.

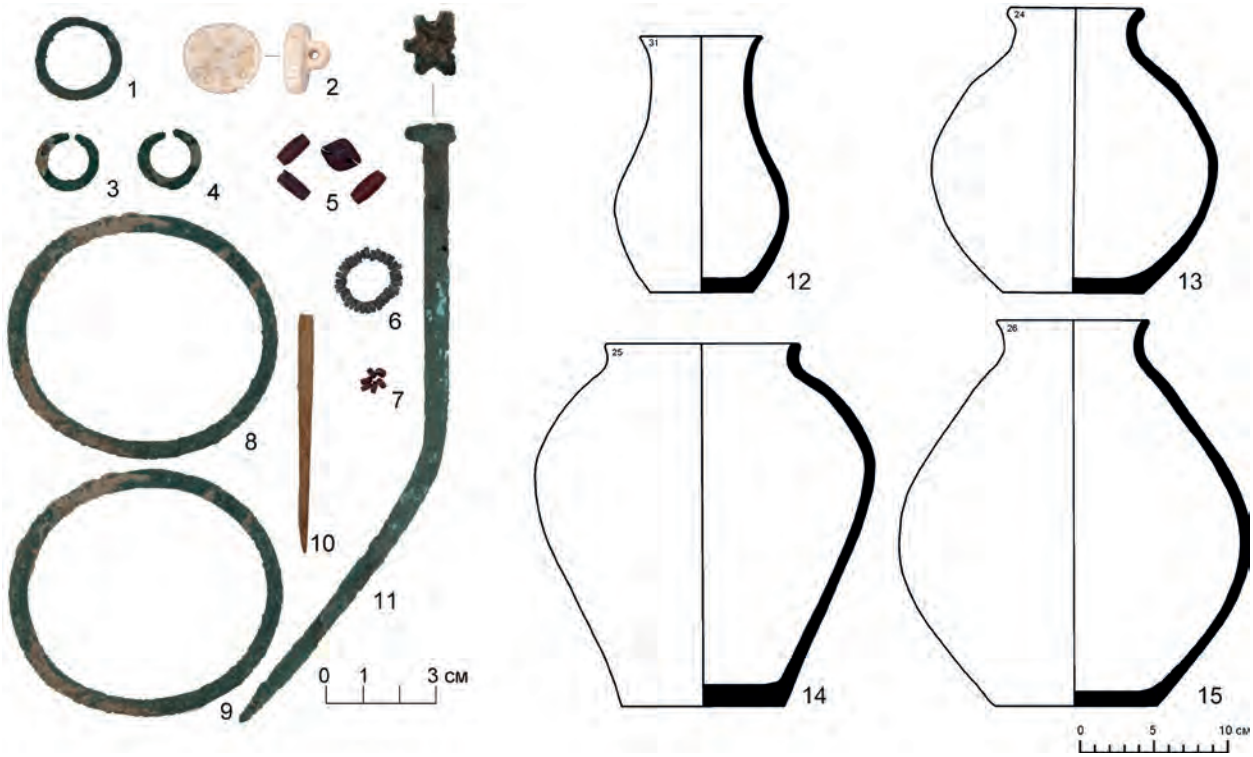

Рис. 38. Гонур-20. Погребение 112, сопроводительный инвентарь:
1 – кольцо; *2* – печать-штамп; *3, 4* – серьги; *5* – бусы; *6, 7* – бисер; *8, 9* – браслеты;
10 – булавка (?); *11* – булавка; *12–15* – сосуды (*1, 3, 4, 8, 9, 11* – бронза;
2, 5–7 – камень; *10* – кость; *12–15* – керамика).

Прямоугольная печь (1,35 × 1,5 м), сложенная из сырцового кирпича (Рис. 75, *1–3*). Ее сохранившаяся высота над уровнем древнего горизонта составляет 0,8 м, максимальная глубина ямы-топки – 1,45 м, внутренние размеры – 1,6 × 0,75 м. Кладка объекта сильно разрушена. Ее сохранность отмечена для северо-восточной стороны, где хорошо прослеживаются кирпичи, установленные на ребро в три ряда. Стенки прокалены. Заполнение золистое, в нем встречены многочисленные фрагменты обгоревших кирпичей, крупные фрагменты шлака, угли, фрагменты керамики.

Объект 125.

Округлая яма диаметром 1,1 м, глубиной 0,4 м от древней дневной поверхности (Рис. 76, *1–3*). В заполнении встречались угольки и мелкие фрагменты керамики (20 фрагментов станковой, включая ножку от вазы и два фрагмента лепной).

Объект 126.

Округлая яма диаметром 1,0 м, глубиной 0,35 м от древней дневной поверхности (Рис. 77, *1–3*). Находки в заполнении включают мелкий фрагмент бронзы, семь фрагментов керамики. В 2,5 м к западу от этого объекта найдена отдельно лежащая на уровне древнего горизонта нижняя челюсть КРС (коровы?).

Объект 128.

Овальная яма (1,0 × 0,8 м) глубиной 0,7-0,8 м от древней дневной поверхности (Рис. 78, *1–3*). Находки в заполнении состоят из трех фрагментов керамики, включая крупный фрагмент керамической подставки для сосуда. В северной и западной части ямы на уровне ее дна обнаружен завал из крупных фрагментов кирпичей.

Объект 129.

Округлая яма диаметром 0,95 м, глубиной 0,1 м от древней дневной поверхности (Рис. 79, *1–3*). Пол и стенки ямы обмазаны глиной, причем слой обмазки достигает толщины 1,5 см. Находок нет.

Объект 161.

Округлый очаг диаметром 0,6 м при глубине 0,1 м (Рис. 80, *1–3*). Имеются следы обмазки. Заполнение образовано песком со следами прокаливания. Находки отсутствовали.

Находки из слоя и подъемный материал.

Массовый материал в верхнем слое памятника представлен в основном фрагментами керамической посуды. Практически на всей площади раскопа преобладали станковые сосуды, однако процентное соотношение керамики, изготовленной на круге, и лепной (кухонной) на разных исследованных участках несколько отличается.

Индивидуальные находки представлены терракотовыми предметами мелкой пластики: зооморфная фигурка (Рис. 81, *4*) и антропоморфные статуэтки, включая две женских (одна из них поч-

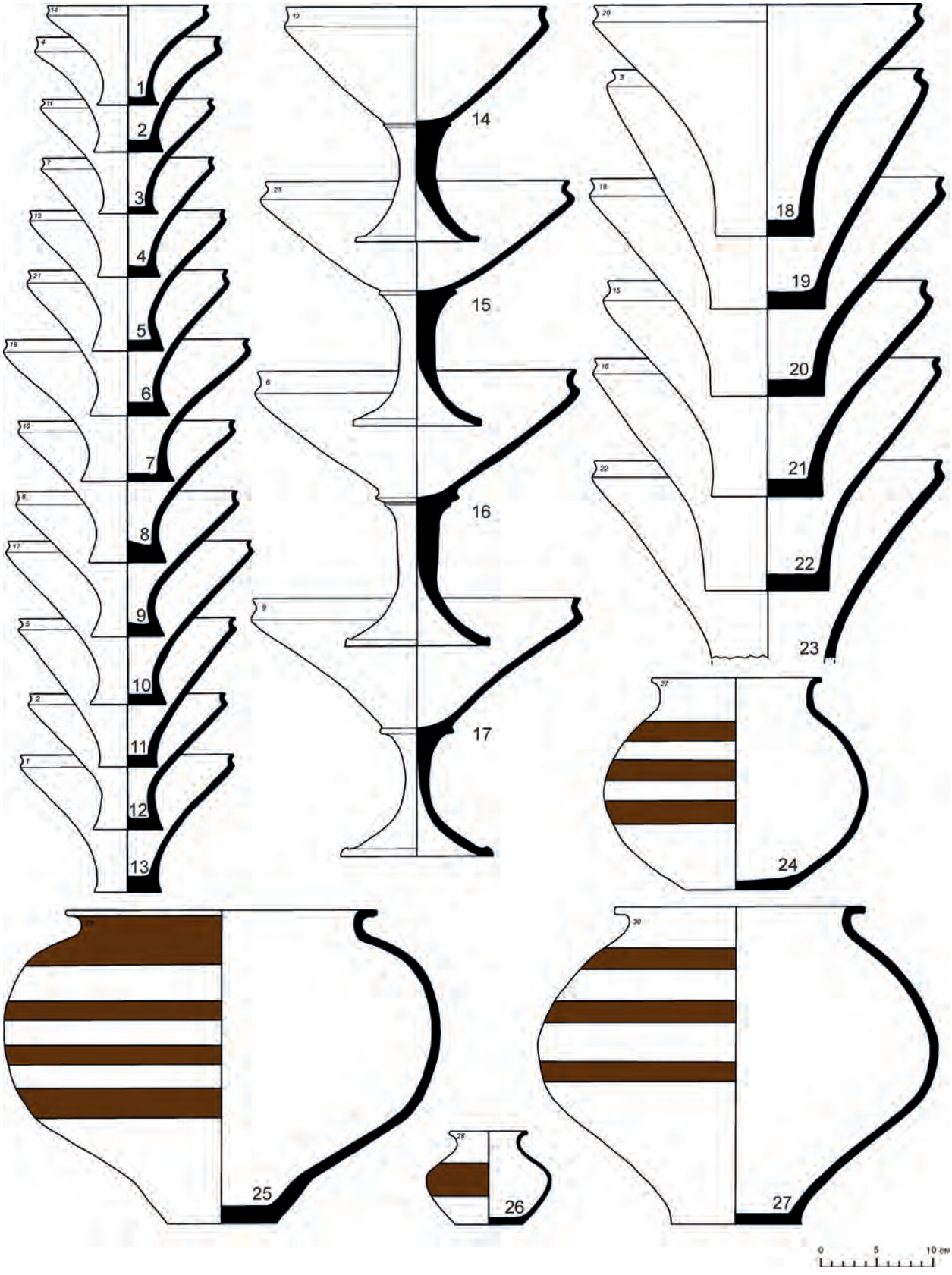

Рис. 39. Гонур-20. Погребение 112, сопроводительный инвентарь: *1–27* – керамические сосуды.

Рис. 40. Гонур-20. Погребение 113: *1* – общее фото после расчистки; *2* – каменный сосуд *in situ*.

ти целая) (Рис. 81, *2*), головка от мужской фигурки (Рис. 81, *1*), одна фрагментированная без признаков пола и отдельно «рука» (Рис. 81, *3*). Изделия из камня немногочисленны. Речь идет о черешковом наконечнике стрелы (Рис. 82, *1*), изготовленном из кремня; отщепе и небольшом скребке (Рис. 82, *2–3*) из халцедона (сардера)[9]; тщательно отполированной уплощенной круглой гальке (Рис. 82, *4*) и небольшом шарике из кварца (аналогичный найденным в *погребении 86*) (Рис. 82, *5*); фрагментах крупных изделий – «миниатюрной колонки» (черный известняк) (Рис. 83, *2*) и посоха (?) (Рис. 83, *1*); трех биконических бусинах (талькохлорит) (Рис. 83, *3–5*). Изделия из бронзы представлены незамкнутой круглой серьгой (Рис. 84, *1*), булавками/заколками (одна целая с навершием и один фрагмент) (Рис. 84, *3*), шилом (Рис. 81, *4*) и крупным фрагментом какого-то плоского предмета (Рис. 84, *2*). Кроме того, найдены три мелкие бусины (паста, сердолик), фрагмент костяной булавки с навершием в виде шарика (Рис. 85, *1*), орнаментированное глиняное пряслице (Рис. 85, *2*), налеп на культовый сосуд в виде лягушки (Рис. 85, *3*), терракотовый конус (Рис. 85, *4*) и небольшая круглая терракотовая печать (Рис. 85, *5*), три фрагмента керамических сосудов с изображениями (в том числе, «древовидной фигуры») (Рис. 85, *6–8*). Необходимо отметить находку в западной части раскопа уникальной печати-амулета с изображением быка, антропо-орнитоморфного персонажа и змеи (Рис. 86).

Предварительный анализ полученных материалов.

Погребальный обряд

Элементы погребальной практики, зафиксированные на исследованных участках, являются общими для памятника и хорошо известны по погребениям как Большого некрополя, так и локальных могильников центральной части Гонур-депе (*Дубова*, 2014; *Sarianidi, Dubova*, 2016; *Фрибус и др.*, 2025). Имеются, однако, и некоторые особенности.

Из 35 погребений, исследованных в 2019, 2023-2024 гг. 14 (40%) составляют цисты, 6 (17,1 %) – подбойные могилы, 8 (22,9%) – детские погребения в ямах, 5 (14,3%) – детские погребения в хумах, в двух случая (5,8%) конструкция отсутствовала или тип ее было невозможно определить. Такое соотношение типов погребальных конструкций отличается от ситуации, зафиксированной В. И. Сарианиди по материалам Большого некрополя. Анализируя результаты раскопок, он отмечал, что представители элитарной части маргианского общества похоронены в камерных гробницах и цистах (4–5% погребений), «среднего класса» — в подбойных (шахтных) могилах (75–85%), бедного слоя — в простых грунтовых ямах (10–20%) (*Сарианиди*, 2001. С. 35–36; *Sarianidi*, 2007. P. 124–125).

Ревизия данных по погребениям Большого некрополя, проведенная Камиллой Ю (Camille Hut) и Н. А. Дубовой, позволила уточнить общее число сооружений различных типов и их количественное соотношение между собой. В выборке из 2788 могил абсолютно преобладают «шахтные» (подбойные) сооружения (2103 погребения – 75%), 8% приходится на ямные могилы (220 погребений), по 2% составляют цисты и камерные гробницы (47 и 50 погребений соответственно). Для 13% могил однозначно определить тип погребальной конструкции не представляется возможным (*Фрибус и др.*, 2023. С. 140). Таким образом, на исследованных участках Гонура-20 фиксируется несколько иное соотношение типов погребальных конструкций, среди которых значительную долю составляют цисты, имеющие ряд нетипичных черт. Довольно много детских погребений, устроенных как в обычных грунтовых ямах, так и в хумах. Возможно, это всего лишь тенденция, характерная для данного конкретного участка могильника на Гонуре-20.

Конструкция цист действительно не обычна. Иногда «цистами» их можно назвать со значительной долей условности. Они часто состоят из

[9] Здесь и далее определения минералов произвел к.г-м.н. А. М. Юминов (Институт минералогии УрО РАН, г. Миасс, Россия)

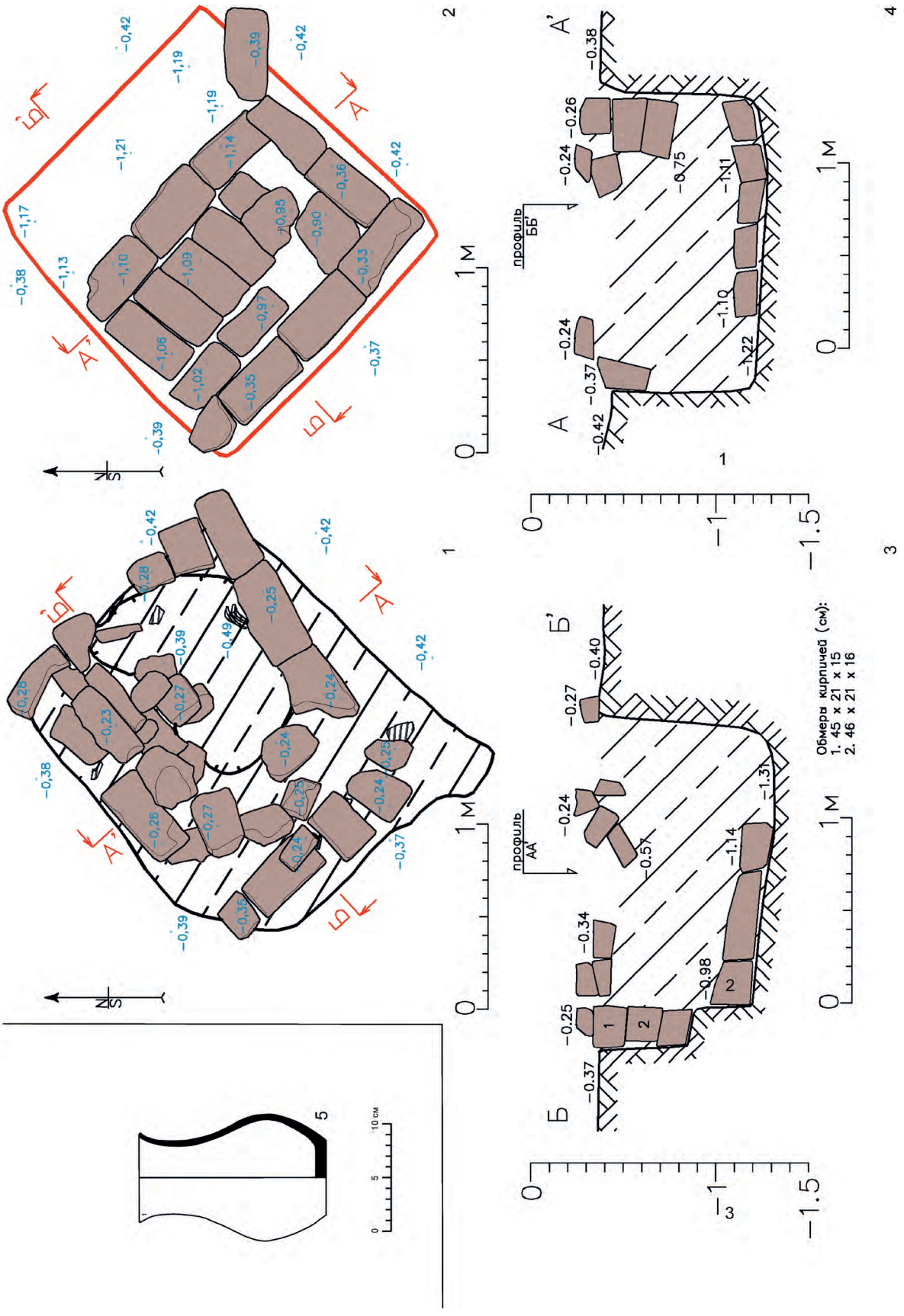

Рис. 41. Гонур-20. Погребение 113: *1* – план после снятия верхнего слоя; *2* – план после расчистки по уровню дна; *3* – разрез по линии А–А'; *4* – разрез по линии Б–Б'; *5* – банковидный керамический сосуд.

двух камер, причем одна из них предназначается исключительно для размещения погребальных наборов глиняной посуды. Камеры иногда расположены под углом друг к другу. Их стенки часто неровные, кладка выполнена не качественно. В некоторых случаях последняя и вовсе отсутствует с северо-западной стороны, которая остается грунтовой. Характерной чертой цист является обустройство «входных камер» с юго-восточной стороны. Впервые на Гонур-депе исследованы остатки надмогильного сооружения (погребение № 86 и № 91). В погребении № 112 хорошо сохранились остатки перекрытия цисты, которые позволяют уверенно реконструировать его как ложно-сводное. В нескольких случаях зафиксировано размещение керамических и каменных сосудов во «входных камерах» или на уровне древней поверхности с внешней стороны кладки цисты. Все эти особенности, безусловно, требуют тщательного анализа.

Что касается остальных элементов погребального обряда, то их в целом можно признать типичными. В первую очередь это касается положения погребенных – на правом боку, с подогнутыми ногами, которые иногда довольно сильно скорчены, причем пятки располагаются около таза, с согнутыми и помещенными перед лицом руками. Кроме двух случаев, которые можно признать исключениями (детское погребение № 107 и взрослое № 92 без погребальных конструкций), все захороненные обращены головой на СЗ. Основные категории погребальных приношений также типичны для памятника в целом. Стоит лишь отметить большое количество сосудов в некоторых погребениях, а также присутствие редких и престижных предметов в составе отдельных сопроводительных наборов.

Исходя из имеющихся на сегодняшний день радиоуглеродных дат (*см. ниже*), зафиксированные особенности нельзя считать хронологическими. Вероятно, речь может идти о локальных различиях, связанных со спецификой микро-коллектива, оставившего могильник Гонур-20.

Основные категории погребального инвентаря

Керамика

За время работ двух весенних полевых сезонов 2023–2024 годов, было обнаружено 211 археологически целых сосудов и сотни фрагментов керамики. Подавляющее большинство этой продукции исполнено на гончарном круге. Посуда изготовлена из высококачественного, хорошо отмученного теста.

Основная масса керамики не орнаментирована. Декорированные сосуды составляют менее 1% (6 шт.) от общего количества керамики, причем все эти сосуды можно отнести к одному типу (Группа 9) сферических сосудов со слегка приплюснутым туловом. Все они украшены красны-

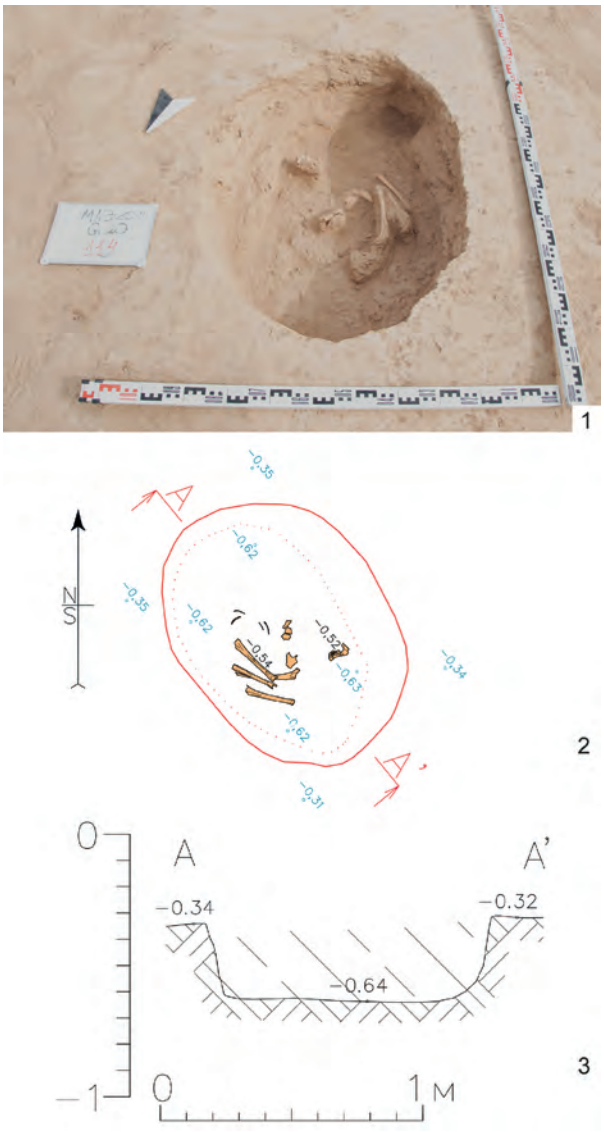

Рис. 42. Гонур-20. Погребение 114:
1 – общее фото после расчистки; *2* – план;
3 – разрез по линии А–А'.

Рис. 43. Гонур-20. Погребение 115, общее фото после расчистки.

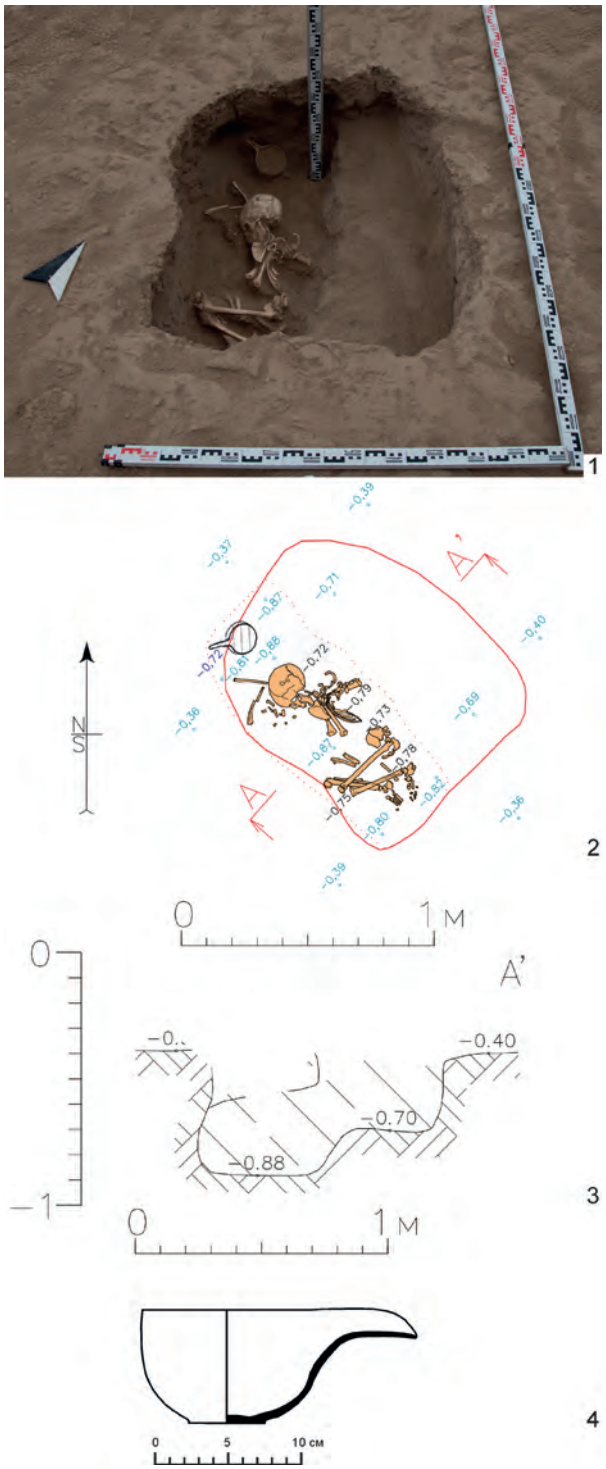

Рис. 44. Гонур-20. Погребение 117: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А'; *4* – керамический сосуд.

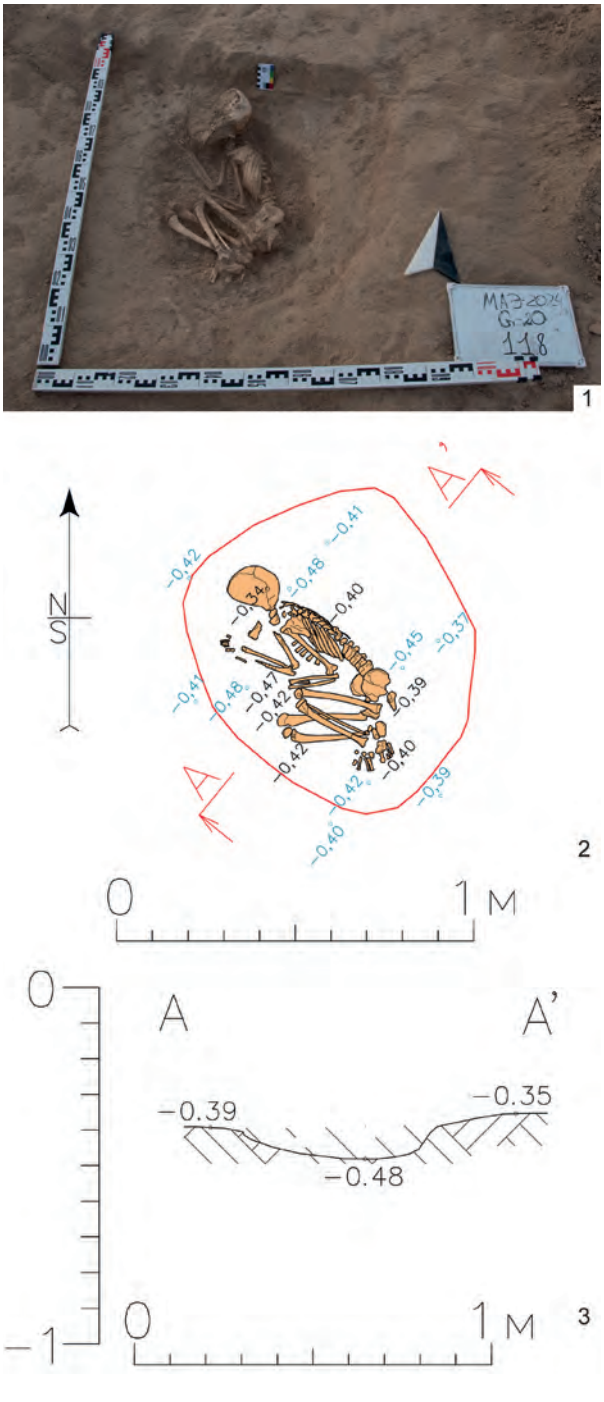

Рис. 45. Гонур-20. Погребение 118: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А'.

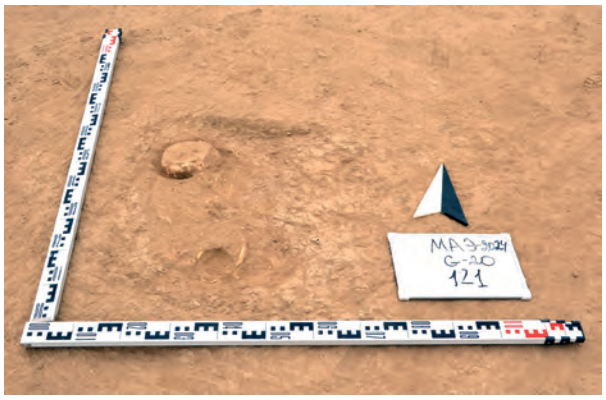

Рис. 46. Гонур-20. Погребение 121, общее фото после расчистки.

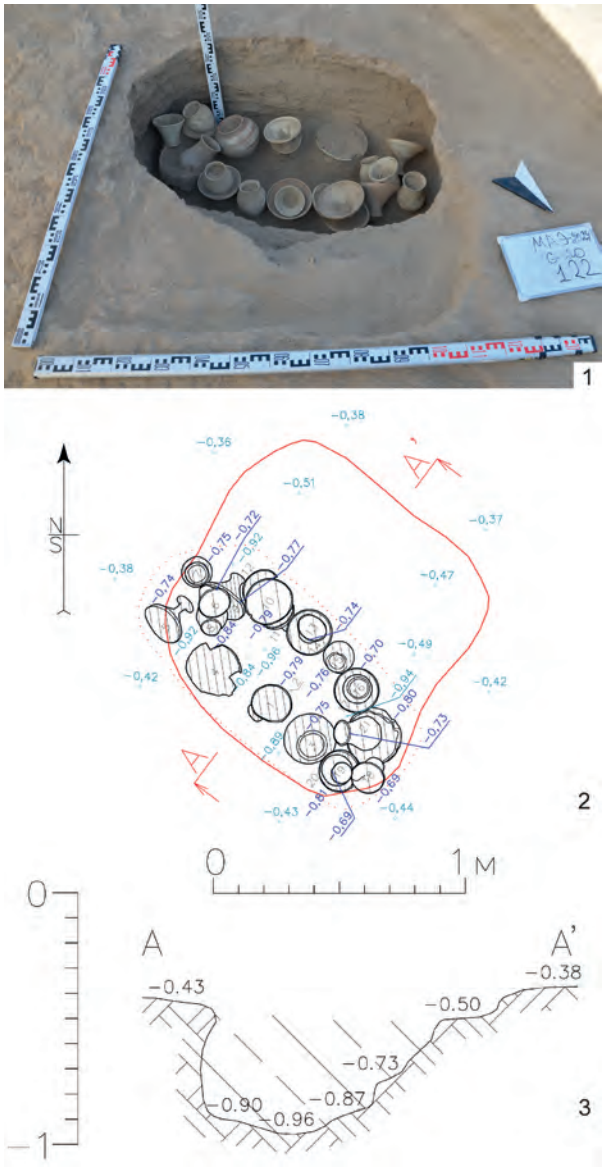

Рис. 47. Гонур-20. Погребение 122: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А'.

ми горизонтальными полосами разной ширины, нанесёнными параллельно друг другу в верхней и средней части тулова.

Сосуды из некрополя Гонур-20 весьма разнообразны и насчитывают порядка 15 различных форм. При анализе состава керамических комплексов была использована схема Б. Н. Удеумурадова (*Udeumuradov*, 2002. P. 134–141). В его классификации все сосуды поделены на 24 группы, внутри которых выделены варианты. К группе 1 относятся конические чаши или миски, к группе 2 – чаши с округлой полусферической емкостью, к группе 3 – довольно высокие сосуды на низких или средних монолитных ножках. Группу 4 составляют различные вазы на высоких монолитных ножках, группу 5 – конические сосуды-чаши, группу 6 – высокие (глубокие), конические сосуды, тулово которых переходит в полую ножку. Группа 8 включает большие хозяйственные сосуды типа хумчи, группа 9 – горшки с так называемым реповидным туловом, группа 10 – сосуды с трубчатыми носиками и носиком сливом, группа 11 – высокие сосуды с низкой шеей и округлым в верхней части туловом. К группе 12 относятся высокие цилиндрические сосуды с отогнутым венчиком, к группе 16 – сосуды с тонким горлом и округлым в нижней части туловом, к группе 20 – небольшие стакановидные сосуды с вогнутыми стенками тулова, к группе 23 – горшки с округлым туловом и коротким широким горлом, к группе 24 – горшковидные сосуды с округлым туловом и невысоким широким горлом.

Общая характеристика керамики из объектов (№№ 84, 87, 97, 100, 105, 108).

Всего было найдено 28 сосудов. В основном на указанных объектах представлены утилитарные формы, с преобладанием открытых сосудов (чаши, вазы). Закрытые формы встречаются реже, они часто фрагментированы. Объекты выглядят как хранилища или ритуальные ямы, где керамика размещена хаотично, без строгого порядка. Чаще всего встречаются конические высокие (глубокие) сосуды, тулово которых переходит в полую ножку (Гр. 6). На втором месте идут горшковидные сосуды с округлым туловом и невысоким широким горлом (Гр. 24) и горшки с округлым туловом и коротким широким горлом (Гр. 23). К специфическим находкам можно отнести фрагмент лепного сосуда (об. 108), фрагмент сосуда группы 9 с линейным орнаментом в виде красных полосок, расположенных на тулове сосуда и кубок на ножке (об. 108).

Общая характеристика керамических комплексов из погребений (№№ 86, 91, 93, 95, 98, 103, 111, 112, 113, 117, 122, 124).

Всего в указанных погребениях было найдено 183 сосуда. В отличие от керамических наборов из объектов здесь обнаружены более разнообразные и структурированные комплексы, с ак-

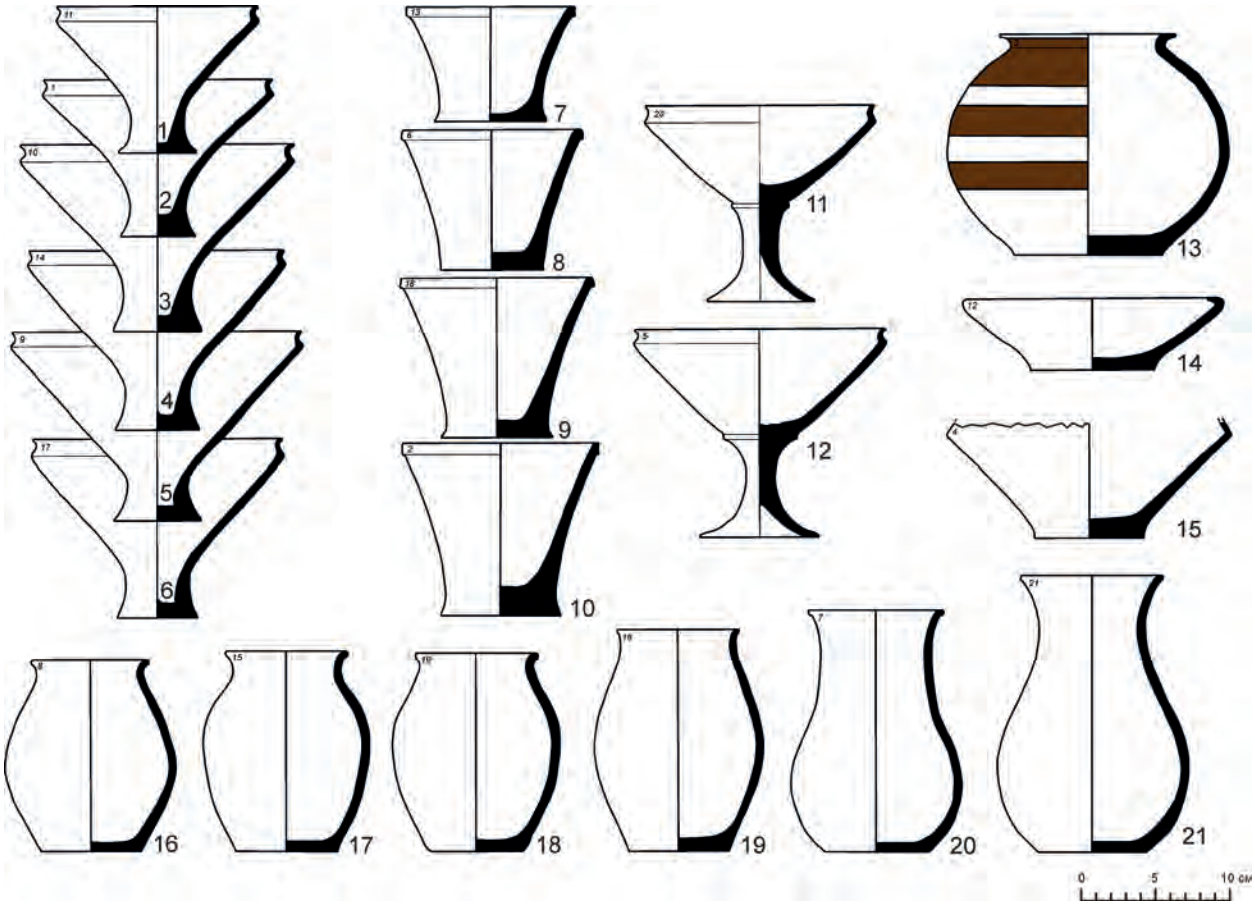

Рис. 48. Гонур-20. Погребение 122, сопроводительный инвентарь: *1-21* – керамические сосуды.

центом на закрытые формы для хранения или возлияний. Чаще всего встречаются конические высокие (глубокие) сосуды, тулово которых переходит в полую ножку (Гр. 6) и горшковидные сосуды с округлым туловом и невысоким широким горлом (Гр. 24). Затем идут сосуды группы 4 – вазы на высоких монолитных ножках и сосуды группы 10 – с трубчатыми носиками и носиком-сливом.

Среди погребений можно выделить «богатые» комплексы (погр. №№ 86, 91, 111, 112), где количество сосудов составляет от 23 до 31 (там же находятся сосуды редких групп 18 и 20, а также кубки на ножке (гр. 3)). Стоит отметить, что сосуды гр. 10 (с носиком) часто расположены у головы погребенного или в отдельных нишах.

Предварительный анализ керамического материала из погребений и объектов Гонура-20 позволяет выявить устойчивые закономерности в составе и структуре керамических комплексов. Абсолютное доминирование в общей выборке принадлежит сосудам группы 6 (высокие, конические), которые составляют 40,8% всего керамического материала. Значительное место в керамических наборах занимают закрытые формы, среди которых наиболее представительными являются группы 24 (10,4%) и 23 (6,6%). Высокая доля группы 4 (10,0%) и группы 5 (4,7%) подтверждает важность открытых форм в погребальном обряде.

Особый интерес представляет группа 10 (5,2%), включающая сосуды с носиками, которые могли использовать для ритуальных возлияний. Присутствие в комплексах таких специализированных форм как группы 18, 20 и 22 (от 0,5% до 0,9%), хотя и в незначительном количестве, свидетельствует о сложности и разнообразии погребальной практики.

Доля сосудов, форму которых нельзя определить (5,7%) указывает на некоторую фрагментарность материала и трудности с атрибуцией части комплексов, однако, в целом, полученные данные можно считать репрезентативными.

Качественный состав керамических комплексов демонстрирует сбалансированное сочетание открытых (группы 1–6) и закрытых (группы 8–11, 18, 20, 22–24) форм, что отражает, по всей видимости, сложившуюся систему представлений о необходимом наборе посуды для загробной жизни. Устойчивое повторение одних и тех же групп керамики в различных погребальных

Рис. 49. Гонур-20. Погребение 122, сопроводительный инвентарь: *1* – биконическая бусина; *2* – бисер; *3* – бусы; *4* – браслет; *5* – печать; *6* – заколка; *7* – булавка (*1–3* – камень; *4–7* – бронза).

контекстах свидетельствует о стандартизации погребального обряда и существовании устоявшихся традиций в похоронной практике.

Украшения

Поскольку в 2023–2024 гг. было исследовано значительное количество женских погребений, украшения занимают одно из центральных мест в составе сопроводительных наборов. Они представлены бронзовыми браслетами, серьгами и кольцами, заколками/булавками из бронзы и кости, комплектами бус, а также отдельными крупными биконическими бусинами из камня.

Бронзовые браслеты. Всего найдено 7 экземпляров, два из них происходят из женских погребений (№№ 103, 112), три из ритуальных захоронений баранов (№№ 111, 124), один из кенотафа (№ 122) и еще один фрагмент найден в котловане (№ 97). Все браслеты однотипны, их диаметр колеблется между 5 и 9 см, имеются экземпляры с разомкнутыми концами (Рис. 29, *4*) и желобчатые изделия (Рис. 34, *1;* 38, *8*, *9*; 55, *4*, *5*).

Бронзовые серьги. Всего найдено 4 экземпляра, пара серег происходит из женского погребения № 112 (Рис. 38, *3*, *4*), одна обнаружена в ограбленном погребении № 123 (Рис. 51, *2*) и одна в слое (Рис. 84, *1*). Все серьги однотипные, с несомкнутыми концами, их диаметр варьирует от 1,4 до 2 см.

Бронзовое кольцо. Найдено в женском погребении № 112, диаметр поделки составляет 3 см (Рис. 38, *1*).

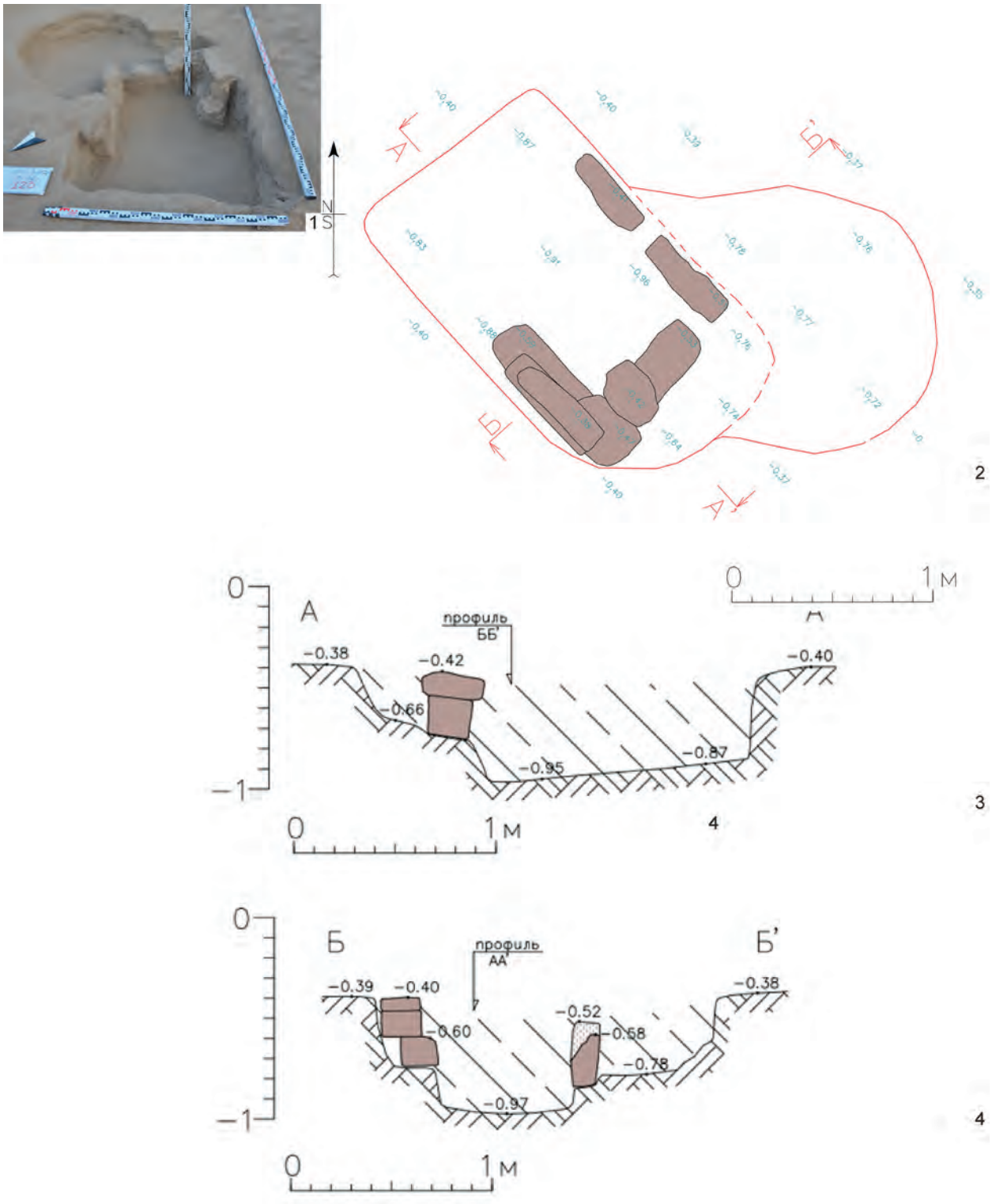

Рис. 50. Гонур-20. Погребение 123: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план, *3* – разрез по линии А–А’, *4* – разрез по линии Б–Б’.

Рис. 51. Гонур-20. Погребение 123, сопроводительный инвентарь:
1 – бусы и бисер; *2* – серьга; *3* – фрагмент обожженной фигурки; *4* – цилиндрическая печать (*1, 4* – камень; *2* – бронза; *3* – глина).

Заколки / булавки. Всего найдено 11 экземпляров (целые и фрагменты), большинство их изготовлено из бронзы. Пара булавок с навершием в виде бутона происходит из женского погребения № 93, длина их равняется 13 см (Рис. 17, *22–23*). Аналогичная булавка длиной 12 см обнаружена в женском погребении № 103 (Рис. 29, *2*). Еще один практически целый экземпляр происходит из женского погребения № 112. Длина этой булавки составляет 15 см. Ее навершие повреждено, первоначально оно имело форму звезды с семью лучами (Рис. 38, *11*). Здесь же найден фрагмент нижней части булавки/заколки, сделанной из кости (Рис. 38, *10*). Два фрагмента бронзовых булавок происходят из кенотафа № 122 (Рис. 49, *6*, *7*). Верхняя часть костяной булавки с шаровидным навершием найдена в слое (Рис. 85, *1*). Так же из слоя происходят целая бронзовая булавка со спиралевидным навершием плохой сохранности (Рис. 84, *3*) и два фрагмента. Все имеющиеся типы широко представлены на памятнике.

Каменные биконические бусины. В коллекции представлено шесть экземпляров. Три из них происходят из погребений (№№ 93, 122, 124). Все они схожи: изготовлены из мраморного оникса розового цвета (одна из алебастра), не орнаментированы. Изделия имели следующие размеры: высота 2–2,3 см, диаметр 2,5 см, диаметр отверстия 0,5 см (Рис. 17, *19;* 49*, 1;* 55*, 2*). Аналогичные бусины имеют широкое распространение на памятнике и уже встречались в погребениях и поминальниках Гонура-20 (*Дубова и др.*, 2021. С. 122–123). Еще одна бусина, изготовленная из талькохлорита и украшенная заштрихованными треугольниками, происходит из ямы № 105. Ее высота достигала 1,5 см, диаметр – 2,3 см, диаметр отверстия – 0,5 см (Рис. 71, *5*). Две оставшиеся поделки найдены в слое. Они изготовлены из талькохлорита. Их высота составляла 1,25 см, диаметр – 1,8 см, диаметр отверстия – 0,5 см. Одна из них украшена циркульным орнаментом (Рис. 83, *3*), вторая – комбинацией звезды с четырьмя лучами и вихревой розетки (Рис. 83, *2*).

Каменные бусы. Отдельные бусины, пронизи, бисер, а также комплексы этих украшений встречены в женских погребениях (№№ 93, 94, 95, 103, 112), ограбленном погребении № 123[10] и кенотафе № 122, могиле с ритуальным захоронением животных № 124 и яме № 99. Ни в одном из погребений бусы не были найдены *in situ*. Они относятся к нескольким типам: кольцевидные (в основном бисер), цилиндрические, бочковидные, эллипсоидно-биконические (сигаровидные), шаровидно-зонные, зонные; редко или в единичных экземплярах встречены шаровидные, уплощенные эллипсодные с усеченными фасами, прямоугольные с отверстием по длинной оси и пирамидальные с отверстиями на одной из граней. Для их изготовления использовался камень, в том числе полудрагоценный: сердолик, сардер, лазурит, аргиллит, мраморизованный известняк, алевролит, талькохлорит, бирюза, алюмо-халькосидерит, агат. Высокий уровень развития ремесленного ювелирного производства подтвержден многолетними ис-

[10] Судя по археологическому контексту, это погребение могло принадлежать женщине или являться ритуальным захоронением животного.

Рис. 52. Гонур-20. Погребение 124, общее фото после расчистки.

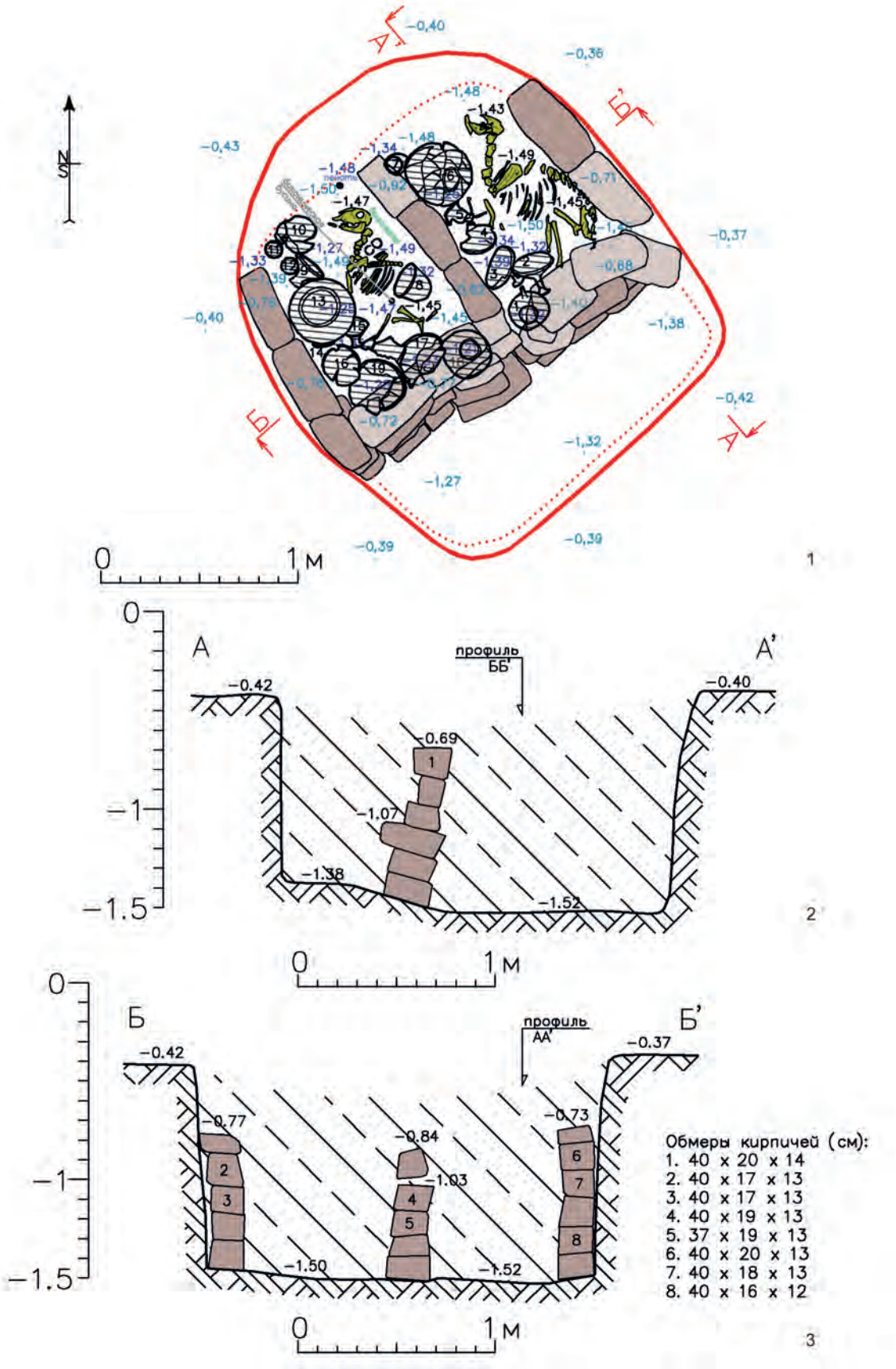

Рис. 53. Гонур-20. Погребение 124: *1* – план; *2* – разрез по линии А–А'; *3* – разрез по линии Б–Б'.

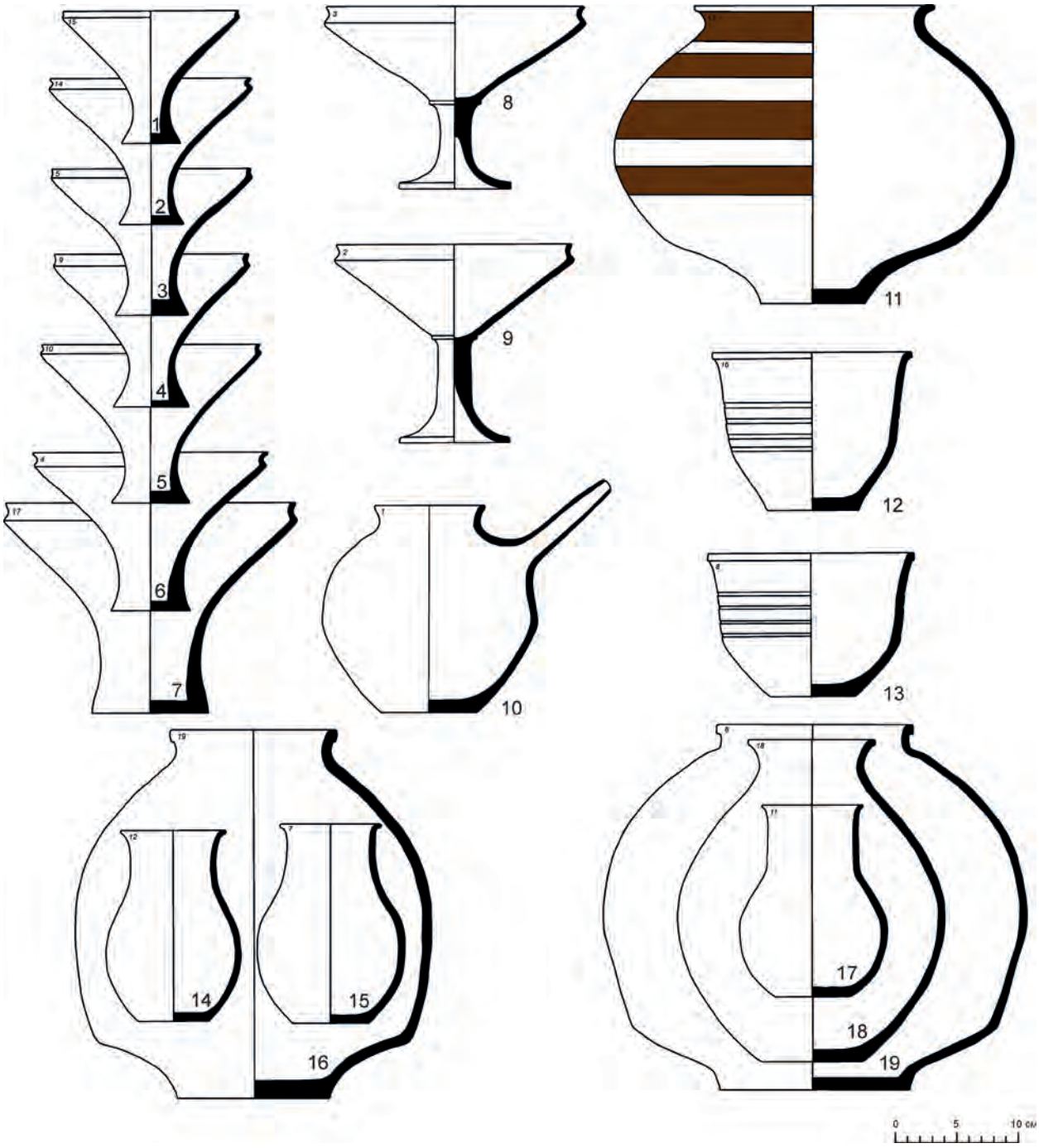

Рис. 54. Гонур-20. Погребение 124, сопроводительный инвентарь: *1–19* – керамические сосуды.

следованиями Гонур-депе, так что не вызывает сомнения тот факт, что все эти изделия имеют местное происхождение. Не может не поражать высочайший уровень мастерства маргианских камнерезов, которые владели технологиями обработки и сверления каменных изделий размером менее 1–2 мм (мельчайший бисер, который происходит из нескольких погребений, но особенно из № 124). Минеральное сырье для изготовления этих украшений, конечно, было привозным, и, хотя не удалось пока уверенно установить конкретные его источники, судя по отдельным находкам, можно говорить о далеких южных регионах его происхождения.

Особым богатством отличаются комплекты из погребений № 103 и № 123, а также из ритуального захоронения баранов № 124. Ожерелье из погребения № 103 состояло из бисера, изготовленного из лазурита разных оттенков (100 экз.), бочковидных бусин, выполненных из красного и красновато-желтого сердолика, а также красновато-коричневого сардера (26 экз.), цилиндрических бусин из красновато-коричневого сардера (2 экз.). В комплект также входили 3

Рис. 55. Гонур-20 Погребение 124, сопроводительный инвентарь: *1* – бусины, пронизь и бисер; *2* – биконическая бусина; *3* – печать-штамп; *4, 5* – браслеты; *6* – пряслице (*1–3* – камень; *4, 5* – бронза; *6* – глина).

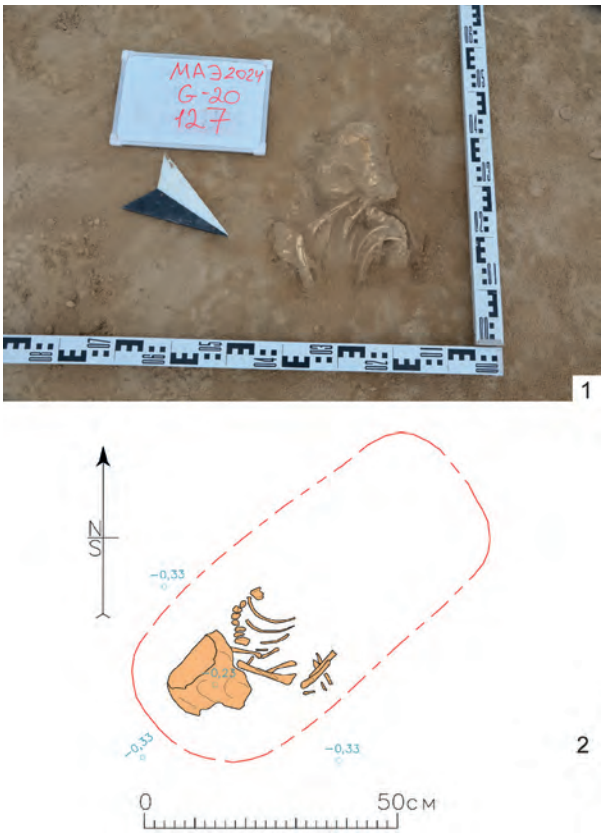

Рис. 56. Гонур-20. Погребение 127: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план.

индивидуальные крупные бусины: бочковидная из красного сердолика, сигаровидная, изготовленная из белого известняка в сером аргиллите и прямоугольная из лазурита с металлической инкрустацией в виде двух кружков (Рис. 29, *1*). Подобные бусины известны на Гонур-депе, аналогичная находка из недавних исследований на Раскопе 23 была инкрустирована вставками из золота (*Dvorak et al.*, 2019. Abb. 14).

Набор из ограбленного погребения № 123 включал кольцевидный бисер из алюмо-халькосидерита (29 экз.) и бирюзы (пять экз.), а также бусины: мелкие шаровидные и шаровидно-зонные из лазурита (26 экз.) и более крупные шаровидно-зонные и зонные из красного, красновато-желтого и красновато-коричневого сердолика и сардера (23 экз.) (Рис. 51, *1*). Стоит обратить внимание на длину низки. Возможно, ожерелье не опоясывало всю шею, а располагалось только на груди, что могло быть связано с особенностями кроя одежды.

Комплект из ритуального погребения баранов № 124 состоял из бочковидного бисера, изготовленного из лазурита разных оттенков (42 экз.), бочковидных бусин из красновато-желтого сердолика (четыре экз.) и крупной уплощенной эллипсоидной бусины с усеченными фасами, изготовленной из сардера с включениями агата и кварца (Рис. 55, *1*).

В заключение хотелось бы отметить, что бисер (особенно в тех случаях, когда он обнаружен не в составе комплектов) мог, вероятно, использоваться и для украшения деталей костюма, рукавов и полы платья, обуви и головных уборов.

Печати

Всего найдено 10 матриц (печати-штампы, печать-амулет, цилиндрическая печать) и две глиняные пломбы с оттисками. Матрицы изготовлены из камня, бронзы и глины. Большая часть их происходит из погребений и других объектов и лишь две обнаружены в слое. Четыре округлые печати из женских погребений №№ 93, 94, 112 и ритуального погребения баранов № 124 практически идентичны. Они изготовлены из мраморизованного известняка белого цвета, имеют петельку с оборотной стороны, гурт ребристый. Изображения на них представлены разными комбинациями круглых точечных углублений (Рис. 17, *20*; 19, *1*; 38, *2*; 55, *3*).

Еще одна миниатюрная квадратная печать-штамп обнаружена в мужском погребении № 86. Она изготовлена из коричневого сардера

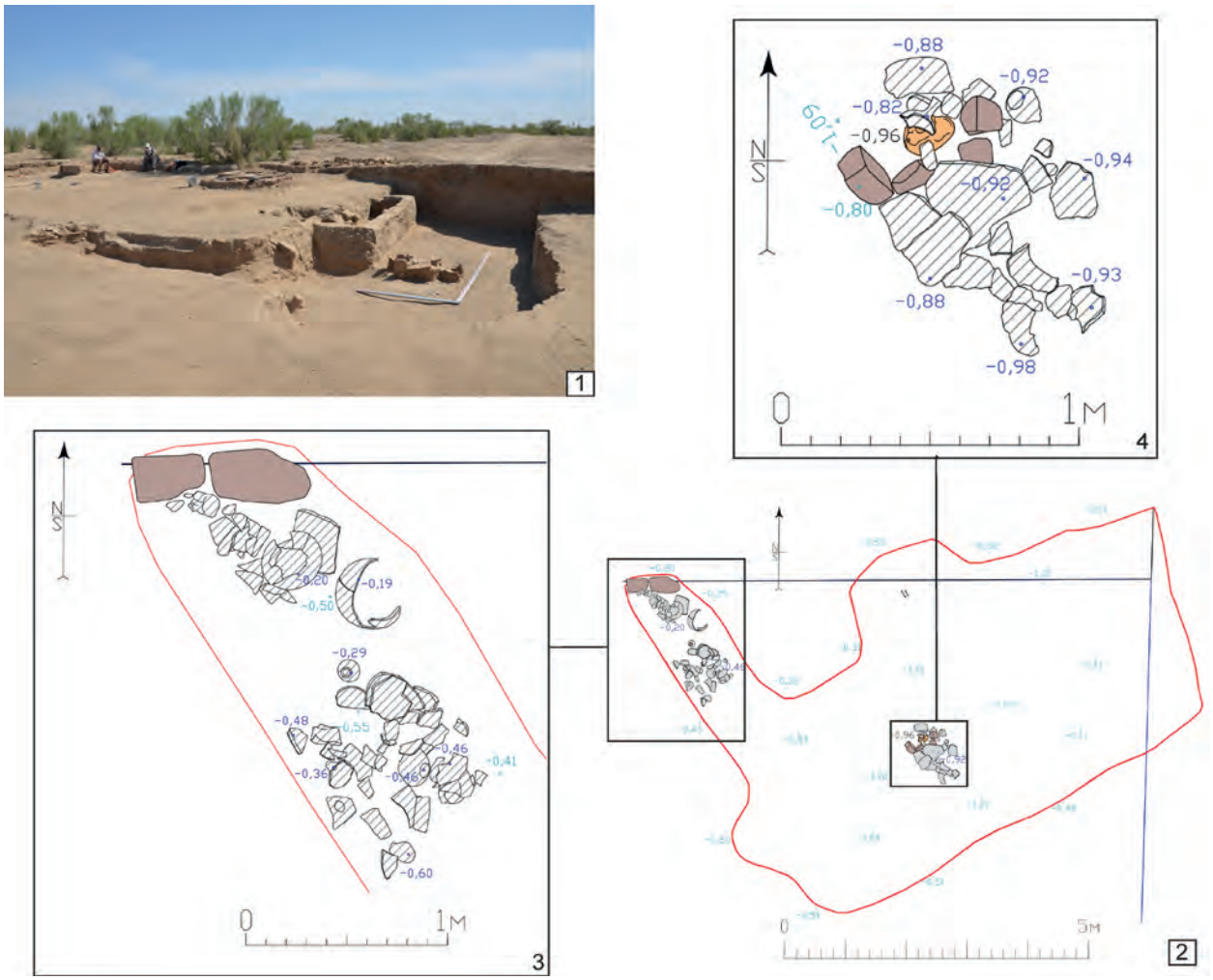

Рис. 57. Гонур-20. Объект 84: *1* – общее фото после расчистки; *2* – общий план; *3* – план «пандуса»; *4* – план скопления артефактов в центральной части.

(?). Ее размеры составляют 1,1 × 1,1 см. Гурт изделия ребристый. На оборотной стороне имеется петелька. На лицевой стороне помещено изображение четырехлепесткового цветка (Рис. 7, *16*).

Редкая круглая бронзовая печать диаметром 2,5 см была обнаружена в кенотафе № 122. Гурт поделки ребристый. На оборотной стороне изделия, оформленной своеобразными «лепестками», имеется петелька. На лицевой стороне помещено изображение антропоморфного персонажа анфас. Подчеркнуты его большие круглые глаза, прическа, разделенная на две пряди с завитками, борода и длинные уши (Рис. 49, *5*). В. И. Сарианиди связывал подобные изображения, которые встречаются на печатях-амулетах БМАК, с героем авестийской мифологии драконоборцем Кэресаспой (*Сарианиди*, 2011. С. 44, рис. 10).

Уникальная цилиндрическая печать была найдена в ограбленном и разрушенном погребении № 123. Она представляет собой миниатюрный цилиндр с петелькой, высотой 2,2 см и диаметром 1 см. Поделка изготовлена из красно-коричневого тальк-агалматарита. На ней вырезаны изображения трех животных, показанных в профиль. Первая фигура изображает хищника с длинным загнутым вверх хвостом и вывернутым назад крупом. Перед ним в вертикальном положении располагается змея с раскрытой пастью. Вторая фигура принадлежит копытному. Показан его загнутый назад рог с треугольным окончанием и короткий хвост. Третья фигура не может быть точно атрибутирована из-за стертости матрицы. Голова животного на оттисках не читается; судя по следам горизонтальных полос, оно показано с длинной вытянутой шеей, но, вероятнее всего, это также копытное. Хотя не все детали изображений удается проследить из-за потертости печати, судя по взаимному расположению фигур, они образуют определенное композиционное единство. При этом композиция построена таким образом, что матрицу должны были, вероятно, прокатывать вертикально. Все печати, известные на Гонур-депе, предполагают прокатывание цилиндра по горизонтали, это характерно и для глиптики Ближнего Востока.

Необходимо также обратить внимание на некоторые особенности иконографии рассматриваемой печати. Все животные показаны в единой манере: крупы украшены вертикальными полосами, у всех трех фигур абсолютно одинаково моделированы задние ноги. Этот стиль напоминает так называемые изобразительные инварианты, когда с помощью одних и тех же устойчивых элементов путем добавления характерных содержательных деталей могли показывать разных животных. Такой способ «конструирования» изображений был хорошо проиллюстрирован на примере скифского «звериного стиля» (*Шер*, 1980. С. 28–32, рис. 3). На основании цилиндра вырезано изображение двух скорпионов, которые образуют замкнутый круг в результате того, что они обращены головами к хвостам друг друга.

Ранее на Гонур-депе было известно всего пять цилиндрических печатей, часть из них – это безусловные месопотамские импорты (Сарианиди, 2001. С. 66–68; Sarianidi, 2007. P. 105–108). Найденный в 2024 г. шестой цилиндр вероятнее всего имеет местное, маргианское происхождение. По крайней мере, общие принципы построения композиции, стиль и детали иконографии не находят прямых аналогий в месопотамской или эламской глиптике. Пока здесь представлено лишь предварительное заключение. Этот уникальный артефакт, безусловно, требует дальнейшего скрупулезного исследования.

Еще одна уникальная печать была обнаружена весной 2023 г. при разборке верхнего слоя в юго-западном секторе раскопа. Речь идет о двусторонней каменной печати-амулете «маргабского стиля». На этом изготовленном из талькохлорита серого цвета почти квадратном предмете со сглаженными гранями имеется по длинной оси отверстие. Общие размеры 48 × 45 × 18 мм. Изображение в полной мере сохранилось только на одной стороне предмета (Рис. 86). Центральное место в композиции занимает фигура быка, который показан в профиль (рога анфас), с характерным изображением глаз в виде концентрических кружков. Под корпусом быка хорошо читается изображение змеи или змеиного дракона с открытой пастью. На крупе животного располагается фигура, идентификация которой не вполне ясна по причине того, что печать была расколота. Предположительно изображен антропо-орнитоморфный персонаж, «попирающий» быка. Синкретичность его не вызывает сомнений, черты человека и птицы сочетаются, но не так как это обычно наблюдается в искусстве БМАК. Над головой быка изображено «растение». Этот элемент типичен и встречается на других печатях такого рода. Не ясна трактовка волнистой линии, которая отходит от крупа быка вверх. Возможно, это изображение хвоста или еще одной змеи[11].

Рис. 58. Гонур-20. Объект 84, находки из заполнения:
1–3 – фрагменты конусовидных изделий;
(*1–3* – обожженная глина).

Характеризуя композицию в целом, необходимо отметить две особенности. Первая связана с высокой детализацией изображений, вторая – со своеобразным подходом мастера к передаче деталей. Складывается впечатление, что отдельные элементы изображений заведомо выполняют двоякие функции: «хвост быка – змея»; «хвост змеиного дракона – задняя нога быка» и т.д. В

[11] Более подробно о деталях иконографии изображений см. *Фрибус, Дубова*, 2024. С. 112.

Рис. 59 Гонур-20. Объект 84, находки из заполнения:
1 – окаменелая раковина; *2* – бусина; *3* – фрагмент изделия с отверстием; *4* – шарик;
5 – изделие с изображением креста. (*1* – окаменелость; *2* – камень; *3*–*5* – глина).

результате отдельные изображения по периметру амулета «перетекают» друг в друга, образуя своеобразный замкнутый контур.

Композиция, в центре которой находится антропоморфная фигура, «стоящая» на крупе быка, вызывает вполне обоснованные ассоциации с известными сценами тавромахии, состязания человека с быком. Глубокая древность подобных ритуалов не вызывает сомнений (*Шер*, 1992), однако в рассматриваемом здесь контексте такие сюжеты имеют вполне определенную географическую и культурную локализацию. В Маргиане печать с изображением сцены «тавромахии» известна в материалах поселения Тоголок 21. Это «нетипичная печать мургабского стиля» (по терминологии С. Винкельман) в форме двугорбого верблюда, на обороте которой изображен бегущий бык, падающий (?) с него человек и три орла. Нижний регистр, в котором показана еще одна лежащая (?) человеческая фигура, отделен стилизованным «змеиным» орнаментом (*Сариниди*, 1999. С. 58, рис. 10; *Winkelmann*, 2021, P. 269, fig. 8.7 *b*). В. И. Сарианиди считал, что появление подобных изображений в глиптике БМАК связано с влиянием критского мира (*Сарианиди*, 1999. С. 59).

Однако, несмотря на некоторое внешнее сходство, композиция на рассматриваемой печати, не связана с традициями тавромахии. Учитывая общую структуру композиции и особенности иконографии, можно предположить, что вряд ли эта сцена иллюстрирует какие-то ритуальные действия. Скорее речь идет о передаче с помощью изобразительных формул мифологического сюжета, фабула которого была хорошо понятна адресатам. Этот сюжет очевидно не находит пря-

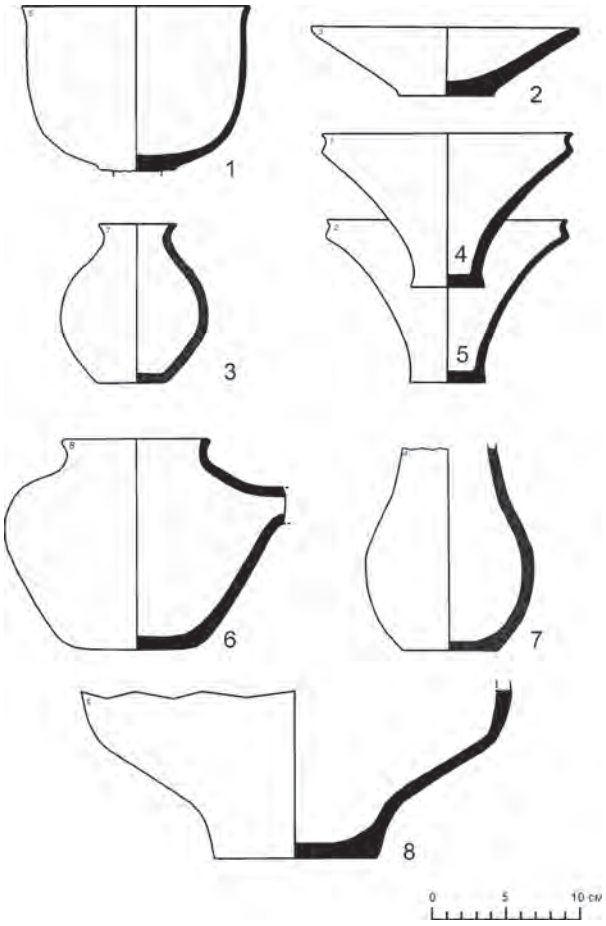

Рис. 60 Гонур-20. Объект 84, находки из заполнения:
1–8 – керамические сосуды.

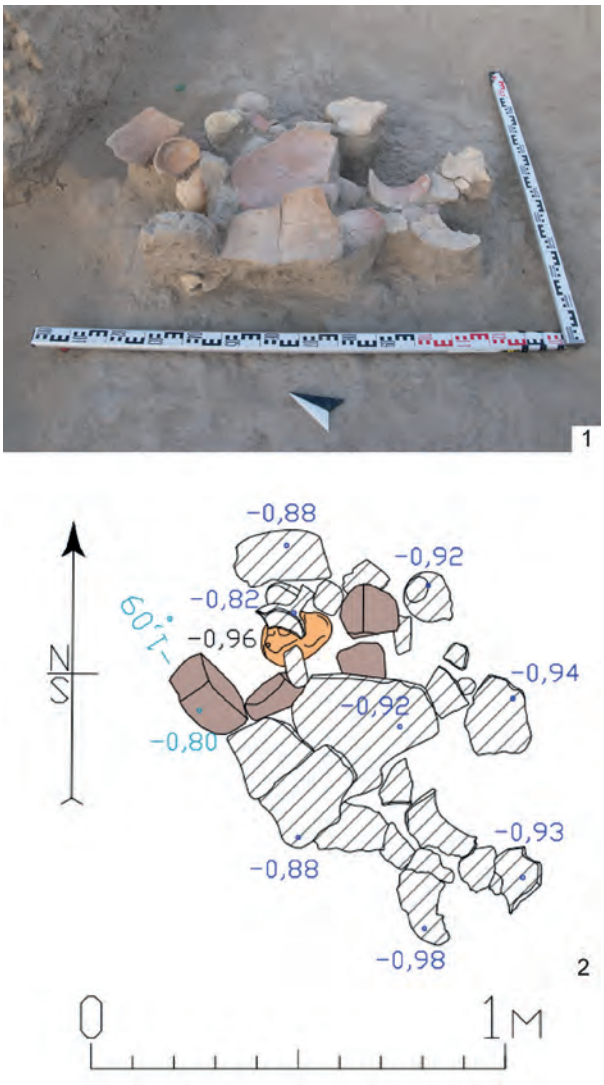

Рис. 61. Гонур-20. Объект 84, захоронение черепа ребенка в центральной части котлована:
1 – общее фото после расчистки; *2* – план.

мых аналогий в мифологии и эпосе, которые зафиксированы письменной традицией Ближнего Востока, отсутствуют такие сюжеты и в глиптике. По всей видимости, здесь мы имеем дело с каким-то местным, бактрийско-маргианским сюжетом.

Из слоя также происходит фрагментированная (обломана петелька) довольно ординарная терракотовая печать-штамп диаметром 2,8 см. На ней сохранились выпуклые круглые возвышения и неясные линии (Рис. 85, *5*).

Редкая печать (?) была найдена в погребении № 93. Почти квадратный фрагментированный предмет размерами 2,8 × 2,8 см имеет плохую сохранность (Рис. 17, *24*). По определению А. М. Юминова этот артефакт мог быть изготовлен из шпейзы (*speiss*) или скородита (водный арсенат железа). Печать из подобного материала была найдена в 2019 г. в погребении № 78 Гонура-20 (*Агаханова и др.*, 2022. С. 334–337). Шпейзы (специфические сплавы на основе минералов, содержащих железо и мышьяк) являются промежуточными или побочными продуктами цветной металлургии. Исследования последних лет в Иране показывают, что подобные сплавы могли производиться преднамеренно, для дальнейшего использования в качестве добавки при плавке медной руды с целью получения мышьяковистых бронз. Сырьем для их производства служили высоко-мышьяковистые железосодержащие минералы, вероятнее всего, арсенопирит или лёллингит. Отдельные свидетельства производства шпейзы зафиксированы на Тепе-Гиссар (Северо-Восточный Иран). Высказано мнение о возможности ее использования в качестве экспортного товара (*Thornton et al.*, 2009). На поселении Арисман в Северо-Западном Иране обнаружено более 20

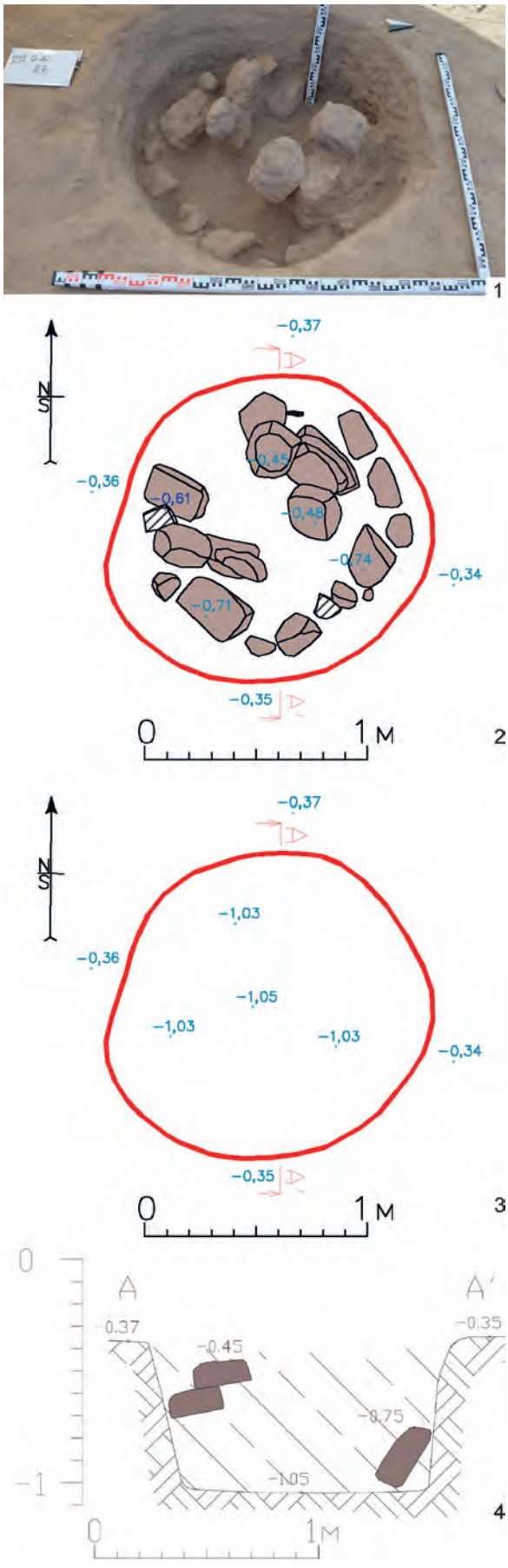

Рис. 62. Гонур-20. Объект 87: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план после расчистки; *3* – план после снятия фрагментов кирпичей; *4* – разрез по линии А–А'.

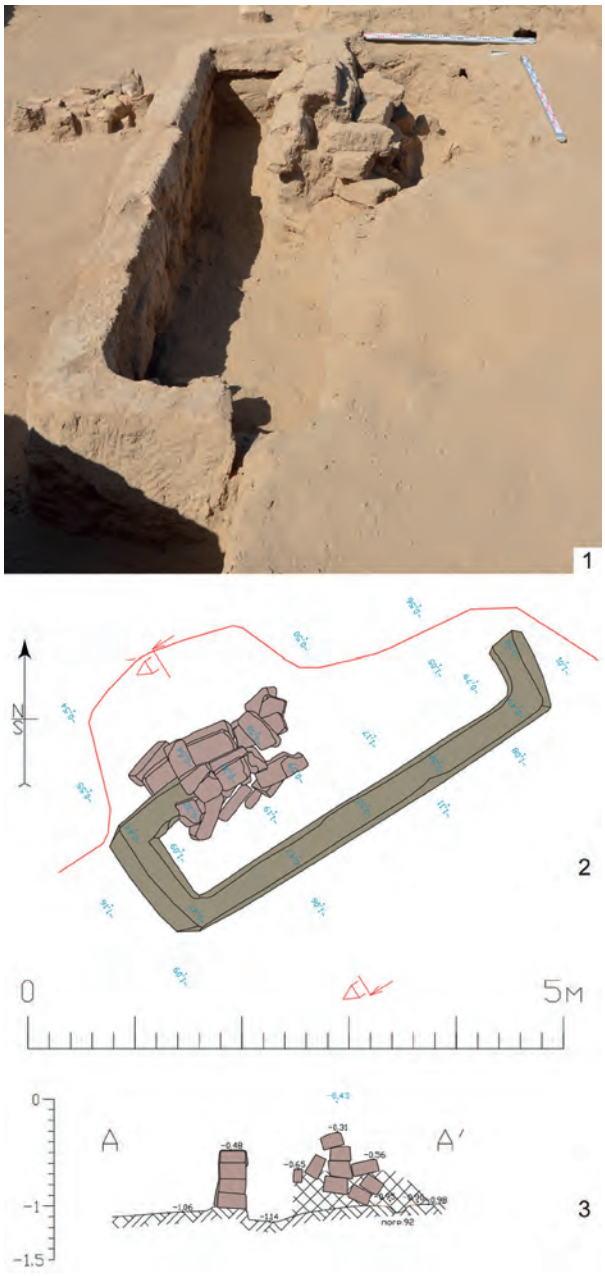

Рис. 63. Гонур-20. Объект 88: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А'.

тонн шлака, свидетельствующего о систематическом производстве шпейзы уже в нач. III тыс. до н.э. (*Rehren et al.*, 2012).

Что касается скородита, то ближайшие месторождения этого вторичного минерала, встречающегося в зоне окисления месторождений арсенопирита или лёллингита, находятся на территории современного Таджикистана (Такели) и Узбекистана (Брич-Мулла)[12].

[12] Авторы признательны М. А. Кульковой (РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург) за ценные советы и консультации по данному вопросу.

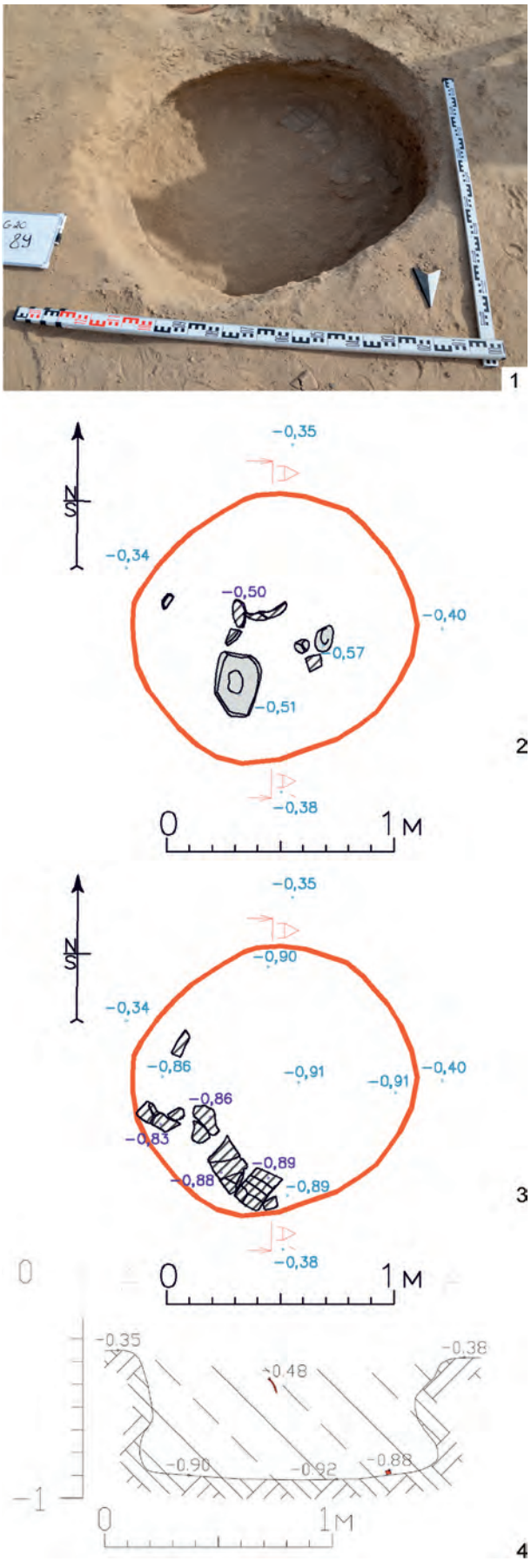

Рис. 64. Гонур-20. Объект 89: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план после снятия верхнего слоя заполнения; *3* – план после расчистки по уровню дна; *4* – разрез по линии А–А’

<u>Некоторые редкие индивидуальные находки.</u>
Набор предметов из погребения 86.

Комплект состоит из 12 фигурок-фишек пирамидальной и конусовидной формы, восьми шариков, трех семечковидных предметов, трех камушков серпентинита, двух раковин моллюсков и имитации раковины каури (Рис. 7, *1–15, 17–19*).

Фигурки-фишки представлены тремя типами (по четыре экз. каждый): 1 – трехгранные в виде усеченной пирамидки, изготовлены из мраморного оникса медово-желтого цвета, высота 5,5–6 см; 2 – четырехгранные пирамидальной формы, изготовлены из искусственного (?) материала, покрыты глазурью оливково-зеленого цвета, высота 5 см; 2 – конусовидные с выточенной на по-

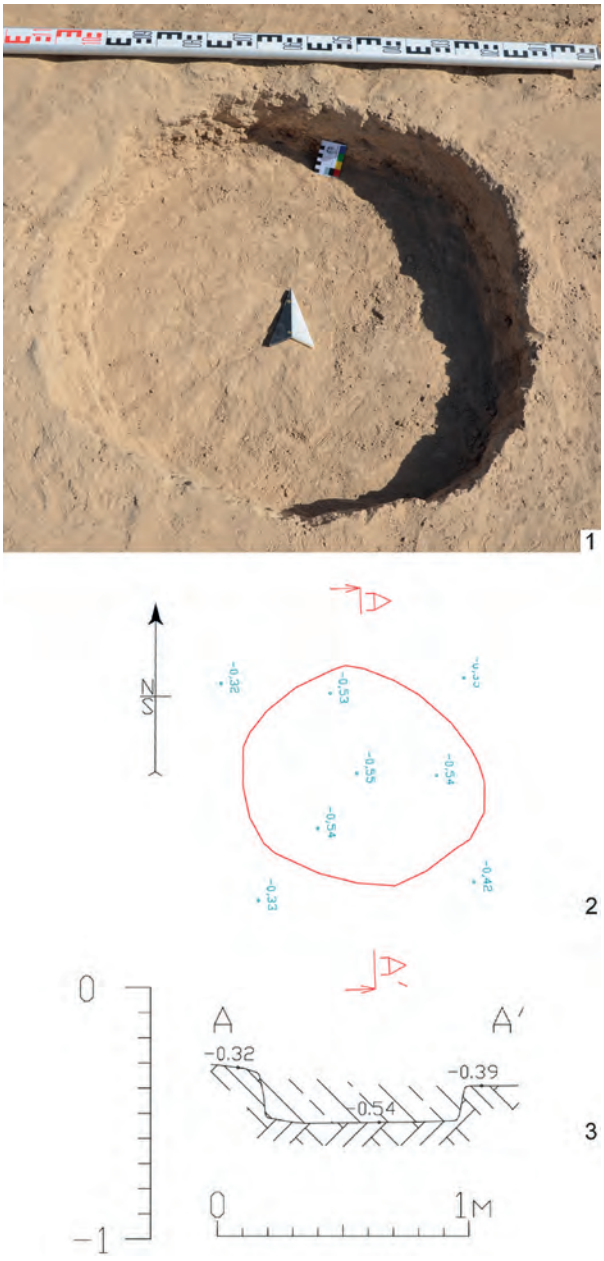

Рис. 65. Гонур-20. Объект 90:
1 – общее фото после расчистки;
2 – план; *3* – разрез по линии А–А’.

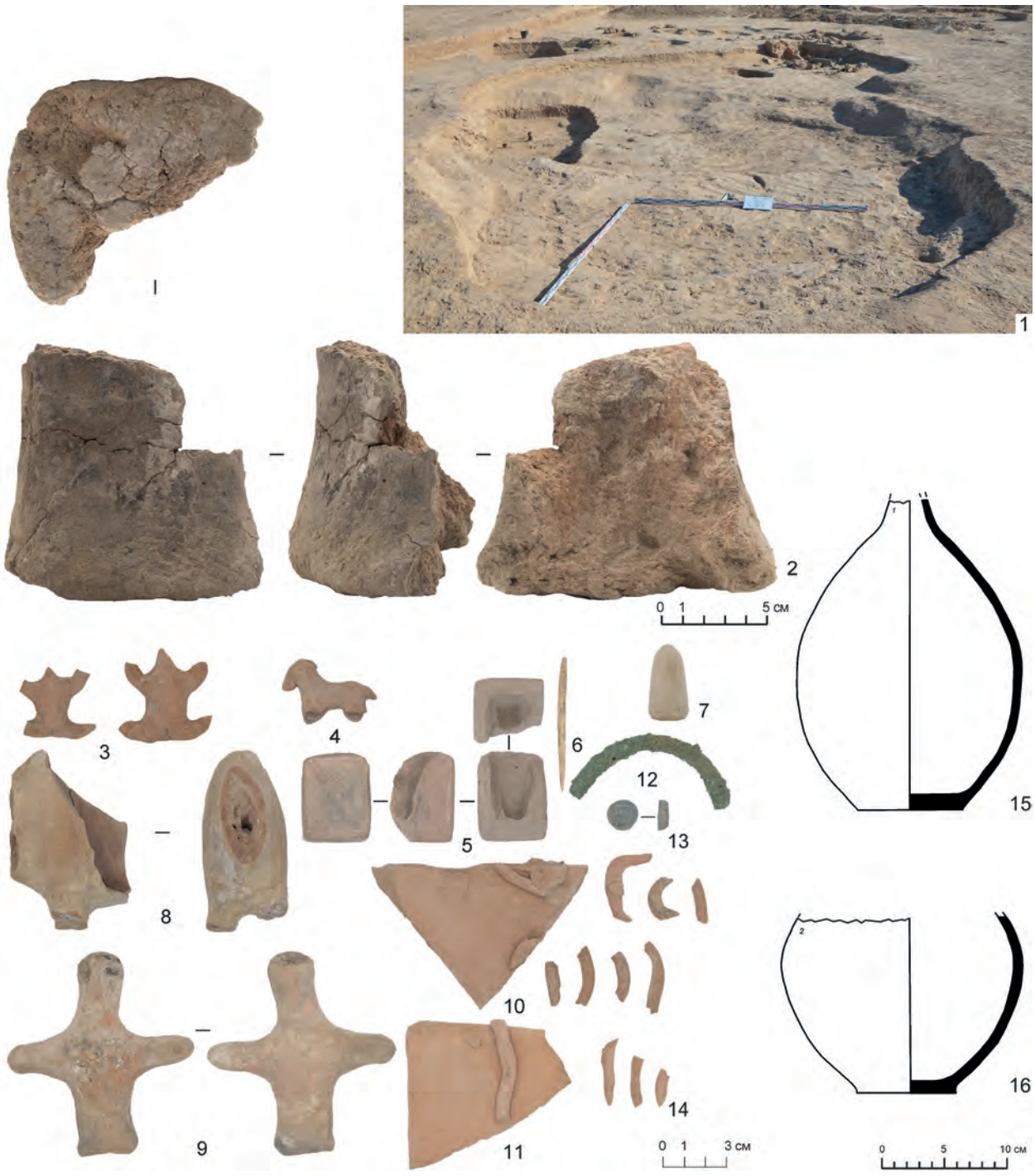

Рис. 66. Гонур-20. Объект 97: *1* – общее фото после расчистки;
2 – конусовидное изделие, *3, 4, 14* – налепные фигурки от культовых сосудов (змеи, лягушки, собака);
5 – фрагмент косметического флакона; *6* – булавка; *7* – конусовидная фигурка-фишка; *8* – зооморфная статуэтка;
9 – антропоморфная статуэтка; *10, 11* – венчик культового сосуда с налепом; *12* – фрагмент браслета; *13* – фишка;
15, 16 – сосуд; (*2–5, 8–11, 1 –16* – глина; *6* – кость; *7, 13* – камень; *12* – бронза).

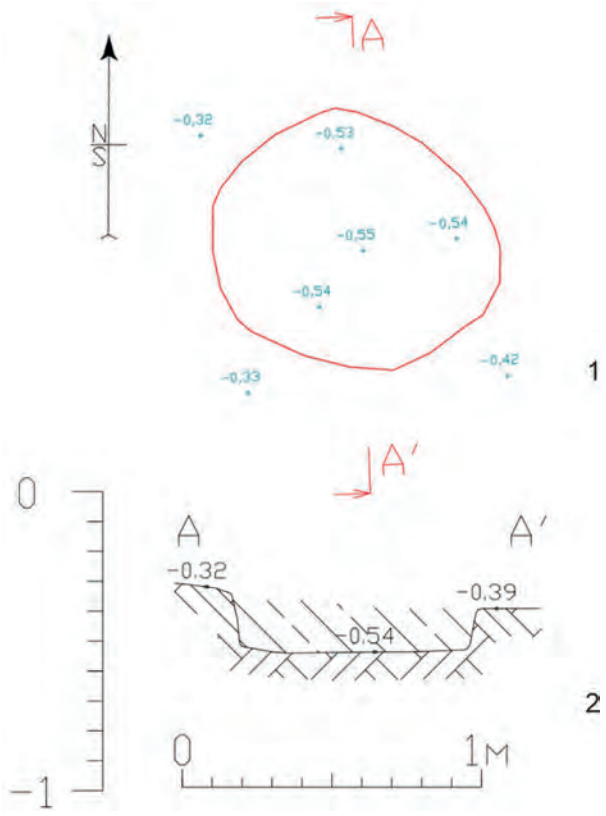

Рис. 67. Гонур-20. Объект 99: *1* – план;
2 – разрез по линии А–А′.

Рис. 68. Гонур-20. Объект 99: *1* – бусина и бисер; *2* – плакетка; *3–5* – пирамидальные фигурки-фишки;
6 – усечено-коническое изделие; (*1, 4–6* – камень; *2* – кость; *3* – глина).

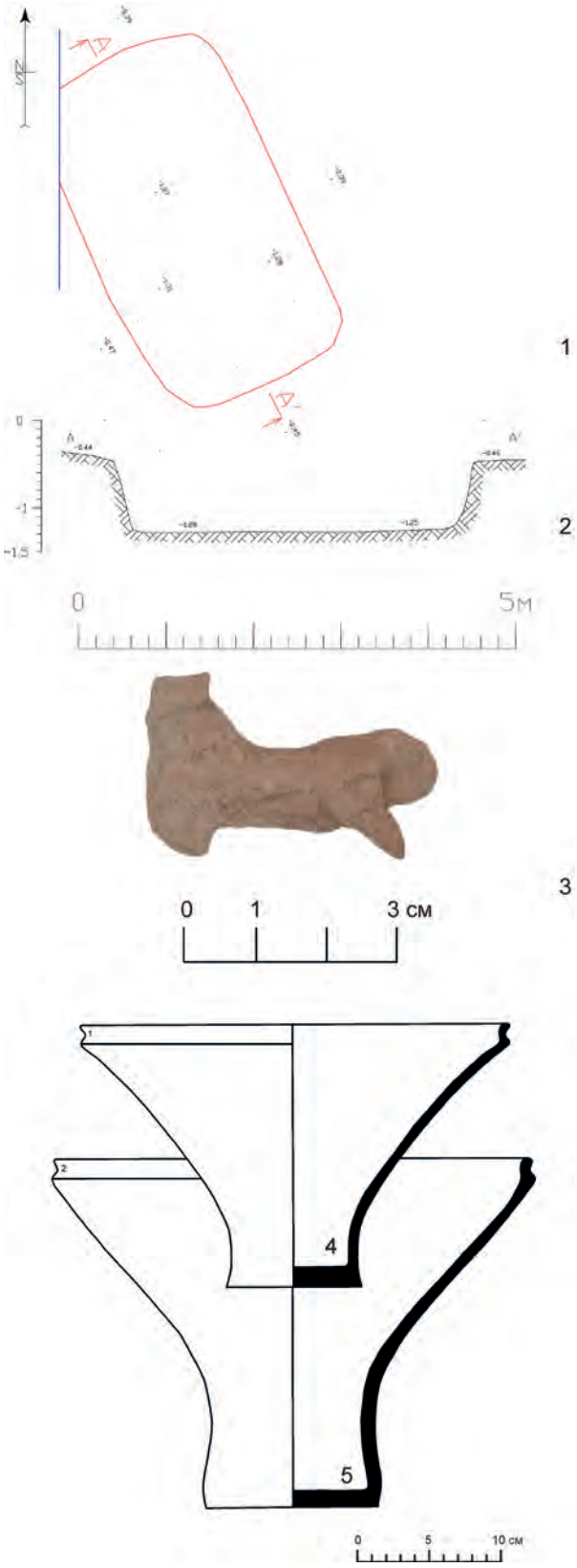

Рис. 69. Гонур-20. Объект 100: *1* – план; *2* – разрез по линии А–А’; *3* – зооморфная фигурка; *4, 5* – сосуды (*3* – глина; *4, 5* – керамика).

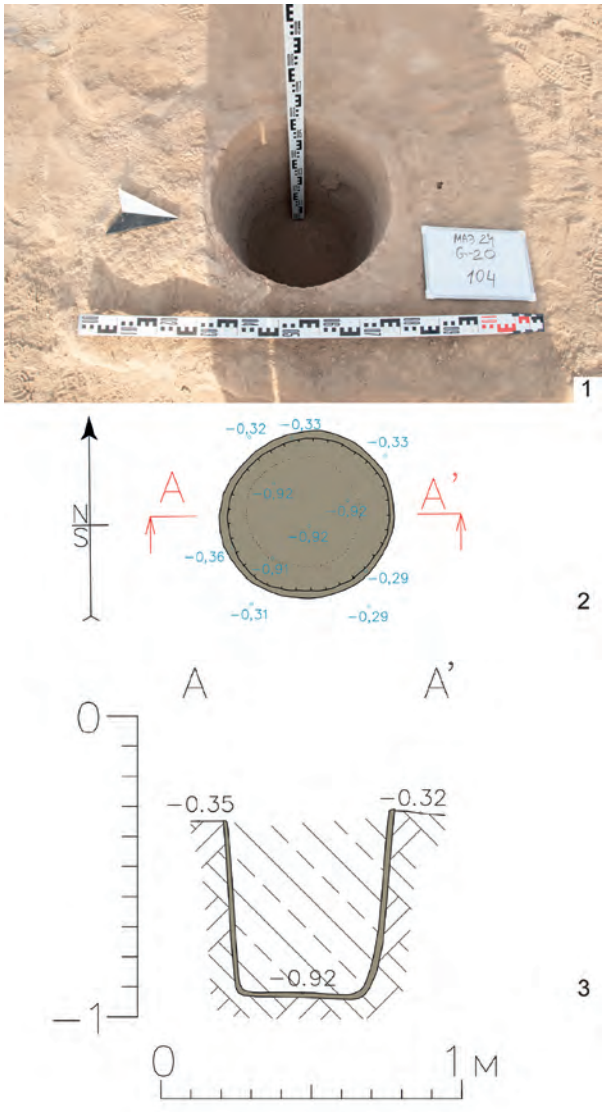

Рис. 70. Гонур-20. Объект 104: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А’.

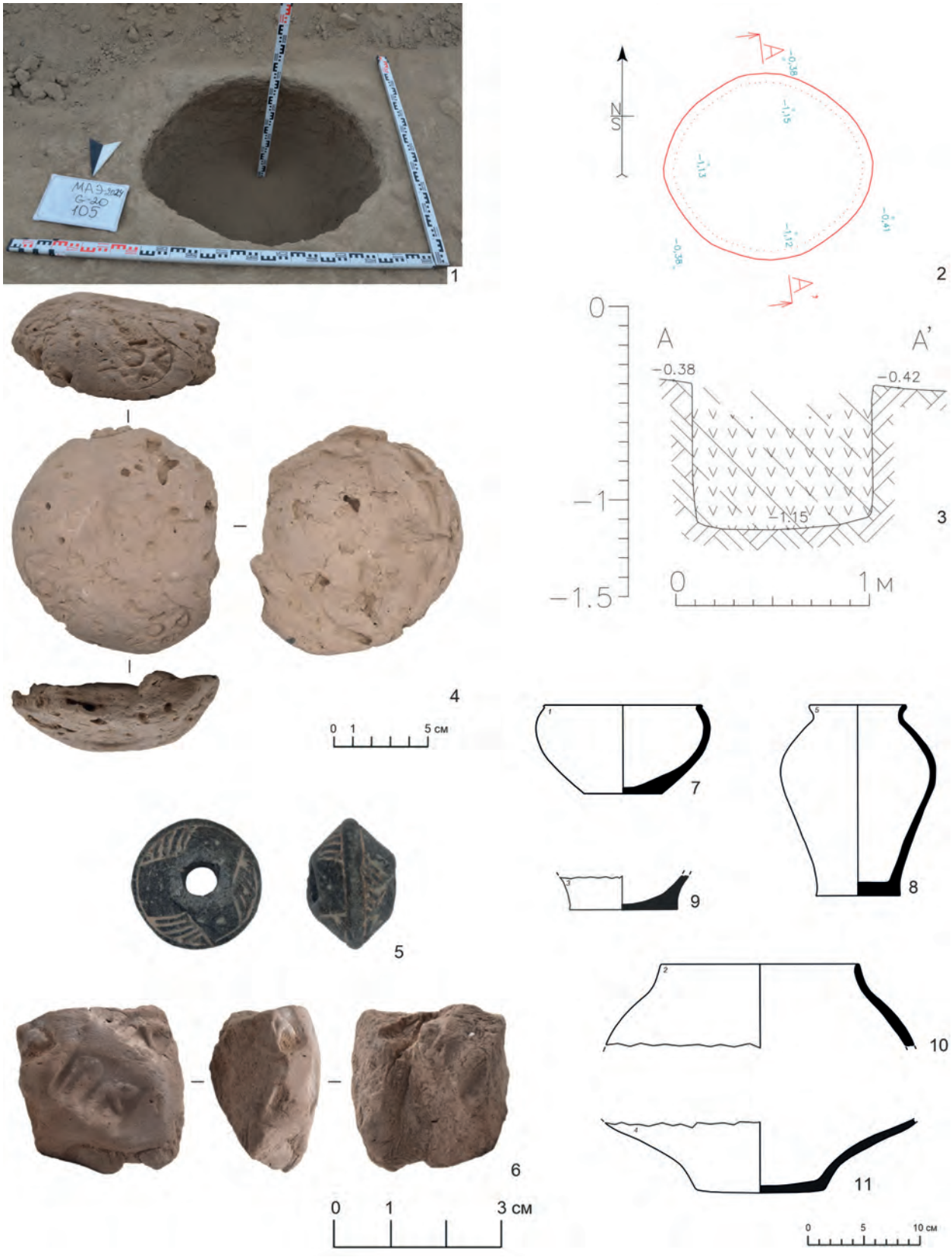

Рис. 71. Гонур-20. Объект 105: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А’; *4* – фрагмент пломбы с оттиском печати; *5* – биконическая бусина; *6* – крышка от сосуда с оттисками печатей; *7–11* – сосуды (*4, 6* – глина; *5* – камень; *7–11* – керамика).

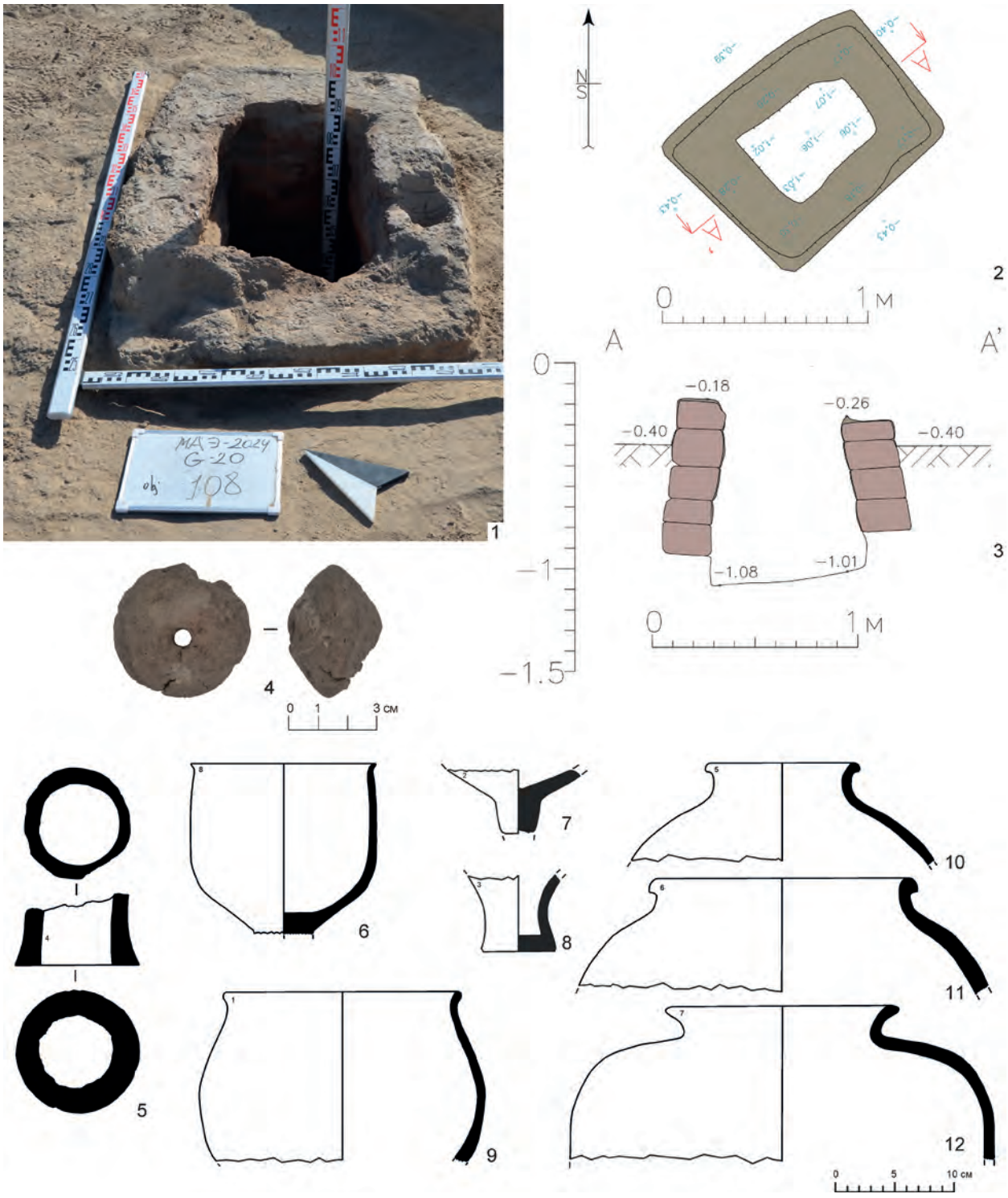

Рис. 72. Гонур-20. Объект 108: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А’; *4* – пряслице, *5*–*12* – сосуды (*4* – глина; *5*–*12* – керамика).

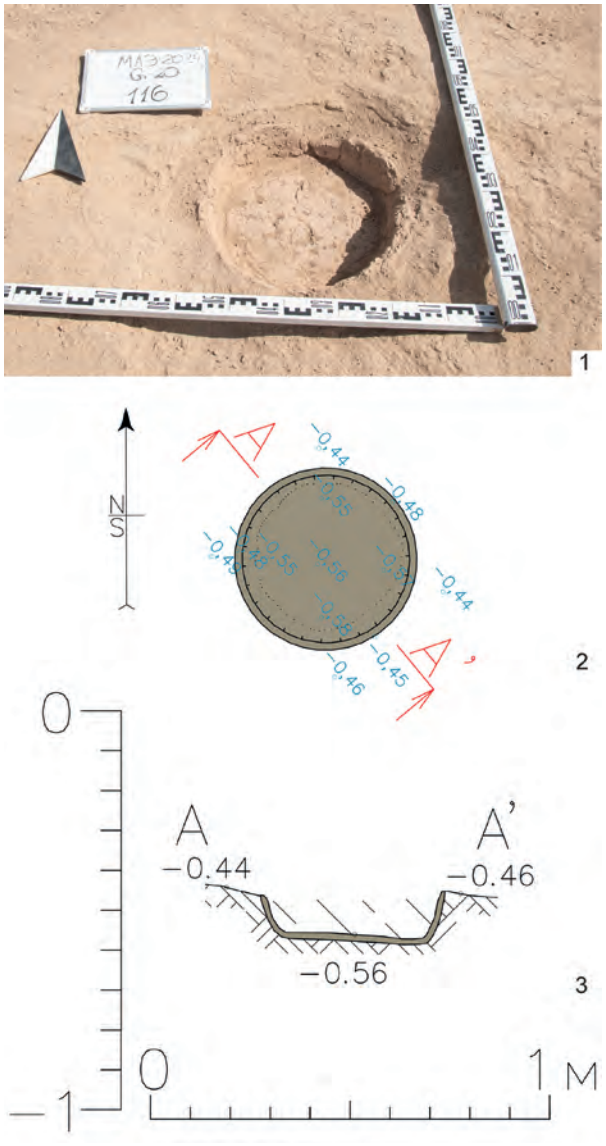

Рис. 73. Гонур-20. Объект 116: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А’.

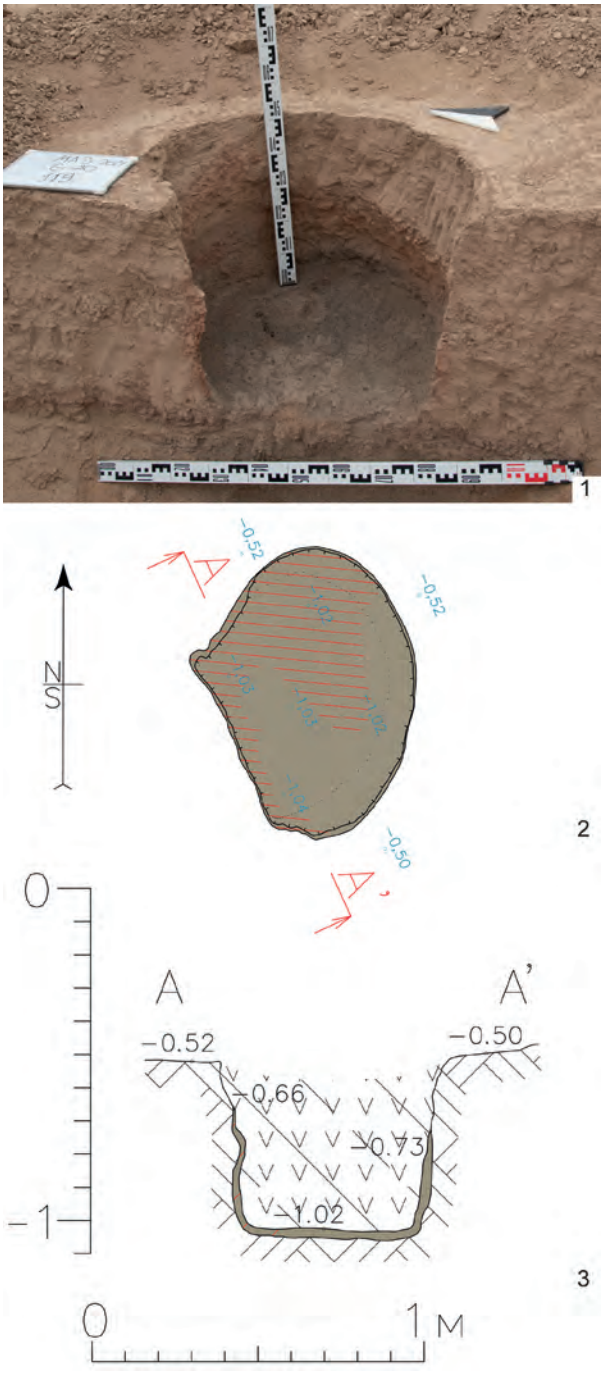

Рис. 74. Гонур-20. Объект 119: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А’.

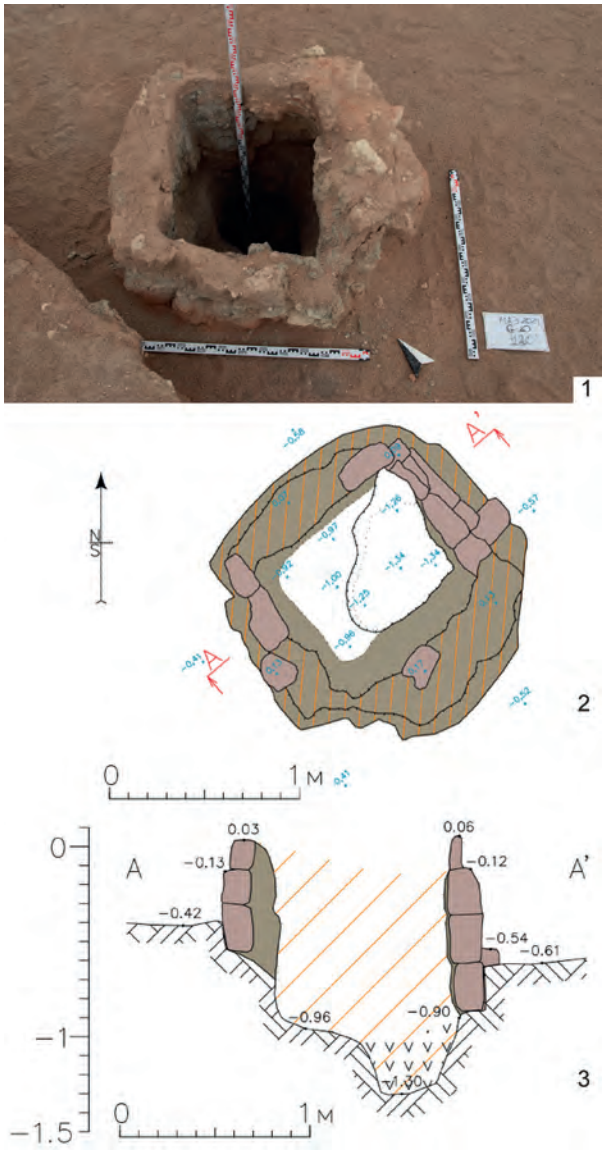

Рис. 75. Гонур-20. Объект 120: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А'.

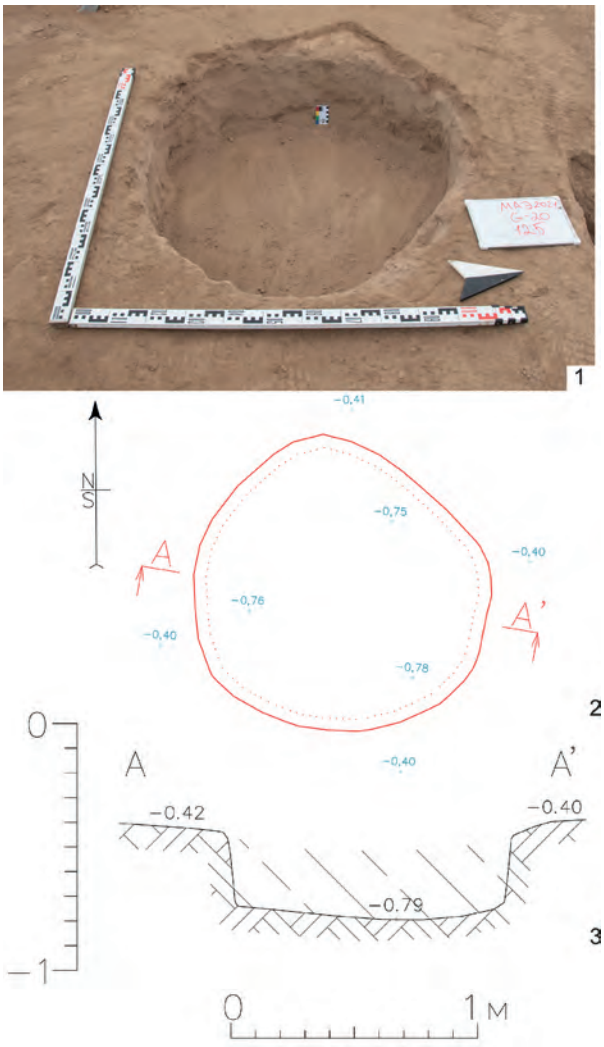

Рис. 76. Гонур-20. Объект 125: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А'.

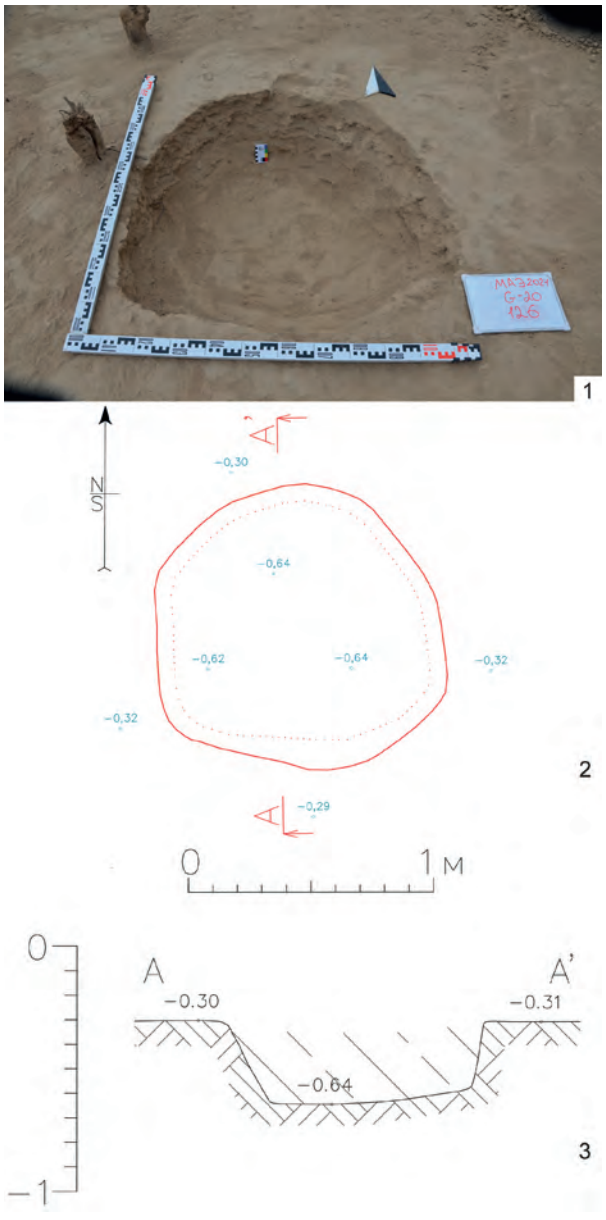

Рис. 77. Гонур-20. Объект 126: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А’.

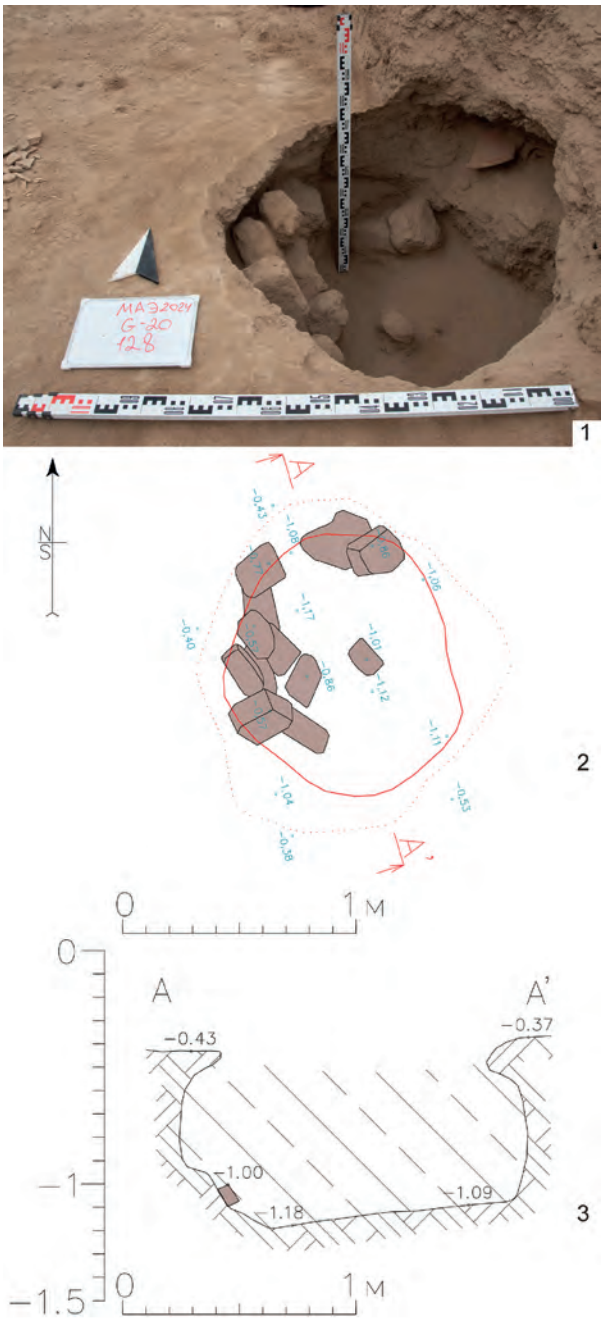

Рис. 78. Гонур-20. Объект 128: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А’.

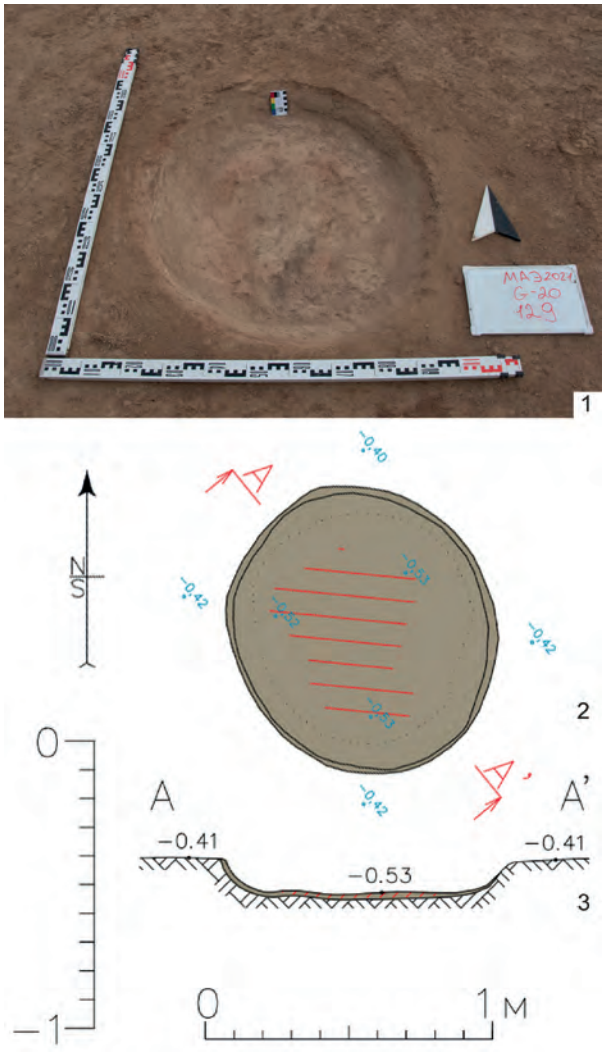

Рис. 79. Гонур-20. Объект 129: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А'.

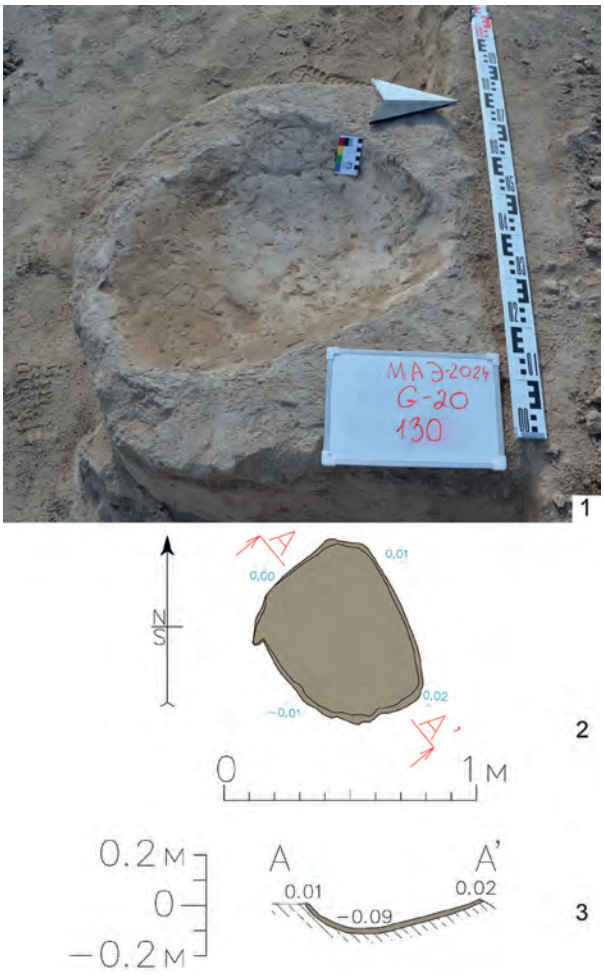

Рис. 80. Гонур-20. Объект 161: *1* – общее фото после расчистки; *2* – план; *3* – разрез по линии А–А'.

Рис. 81. Гонур-20. Находки из слоя и подъемный материал: *1* – головка мужской антропоморфной статуэтки; *2* – фрагмент антропоморфной статуэтки; *3* – женская антропоморфная статуэтка; *4* – фрагментированная зооморфная фигурка (*1–4* – терракота).

Рис. 82. Гонур-20. Слой, подъемка: *1* – наконечник стрелы, *2* – отщеп, *3* – скребок, *4* – галька, *5* – шарик (*1–5* – камень).

Рис. 83. Гонур-20. Слой, подъемка: *1* – фрагмент посоха (?), *2–4* – биконическая бусина; *5* – фрагмент «миниатюрной колонки» (?) (*1–5* – камень).

Рис. 84. Гонур-20. Слой, подъемка: *1* – серьга,
2 – плоский предмет, *3* – булавка, *4* – шило (*1-4* – бронза).

Рис. 85. Гонур-20. Слой, подъемка: *1* – булавка, *2* – пряслице, *3* – налеп в виде лягушки, *4* – конус,
5 – печать, *6–8* – фрагменты сосуда с изображениями (*1* – кость, *2–3, 6–8* – глина, *4–5* – терракота).

Рис. 86. Гонур-20. Слой, подъемка:
каменная печать-амулет.

верхности спиралью, закрученной в 12 (на одной в 13) оборотов в направлении против часовой стрелки, изготовлены из искусственного (?) материала, покрыты глазурью оливково-зеленого цвета, высота около 5 см.

Входящие в комплект шарики белого цвета, диаметром около 1,4–1,6 см, изготовлены из известняка. Камушки серпентинита имеют неправильную подовальную форму, серо-зеленый цвет и размер около 1,5 см.

Семечковидные предметы напоминают плоды фисташки. Они изготовлены из известняка белого цвета и имеют размеры 2 × 1,3–1,5 × 0,3–0,5 см. На двух из трех предметов на одной из сторон имеются вырезанные знаки (Рис. 7, *19*): в одном случае косая черта, в другом – более сложная композиция, состоящая из сочетания геометрических фигур. Эта композиция напоминает знаки-тамги, помещенные на крупах знаменитых гонурских верблюдов, изображенных на серебряном сосуде из погребения № 3220 «Царского некрополя» (*Сарианиди*, 2008. Рис. 74–76).

Уникальна имитация раковины-каури сделанная из искусственного материала белого цвета, аналогичного тому, что был использован для изготовления конусовидных фигурок. Размеры этой поделки составляют 3,2 × 2 см.

В данном наборе также имеются раковины моллюсков (улиток), размером 2,5 × 2 см и 3 × 3 см. По предварительному заключению, эти раковины могут быть сопоставлены с брюхоногими моллюсками рода *Natica* (лунные улитки). Это семейство морских моллюсков, начитывающее более 500 видов. Если эти предположения верны, эти раковины, вероятно, являются привозными.

Этот набор артефактов требует дальнейших исследований, касающихся как техники изготовления отдельных предметов, так и их интерпретации. Аналогичные фигурки были известны на Гонур-депе, однако не встречались ранее в виде целого непотревоженного набора, найденного *in situ*. Наиболее близкие аналогии происходят из погребений и объектов Гонура-20, а также из захоронений, исследованных на территории «Царского некрополя» (см., например *Сатаев и др.*, 2021. С. 114, рис. 3). Учитывая тот факт, что рассматриваемый набор был обнаружен в погребении, нельзя исключать, что он каким-то образом был связан с ритуальной сферой. Другой вариант интерпретации заключается в том, что эти предметы могли использоваться в качестве набора фишек для игры, аналогичной «Царской игре Ура» или «Игре из Шахри-Сохте[13]».

Глиняная статуэтка из заполнения объекта 97.

В заполнении объекта № 97 была найдена нетипичная женская глиняная статуэтка со следами раскраски высотой 10,5 см. На фигурке показана голова, широко расставленные в стороны руки, ноги не выделены (Рис. 66, *9*). Черной краской изображены глаза, прическа или головной убор; следы красной краски фиксируются в районе шеи, рук и корпуса статуэтки. Использование минеральных красителей для декорирования изделий из глины и других материалов редко встречается в материалах как Гонур-депе, так и Маргианы в целом (*Юминов, Блинов*, 2021). Уникальные предметы, украшенные полихромной росписью с использованием красителей черного и красного цветов известны на Гонуре-20 (погребение № 78) (*Фрибус и др.*, 2019. Рис. 1) и Ад-

[13] В настоящее время ведется работа по сбору и анализу аналогий рассматриваемым предметам в архивах Маргианской археологической экспедиции и музейных собраниях Туркменистана. Вопросам древних игровых практик Гонур-депе планируется посвятить специальную публикацию.

жи-Куи (погребение 173.07) (*Bonora et al*., 2024. P. 568–571, fig. 490).

Хронология

По Гонуру-20 имеется 21 дата ^{14}C, большая их часть (17 или 81,0 %) получена в разных лабораториях с применением AMS-метода. Весь этот массив целиком уже анализировался ранее (*Фрибус и др.*, 2025. С. 14–18). Поэтому сейчас обратимся исключительно к данным, полученным для рассматриваемых погребений и объектов, поскольку эти результаты могут отражать более узкую датировку участков могильника, исследованных в 2023–2024 гг.

По рассматриваемым участкам получено 14 дат в лабораториях Новосибирска и Берна (8 – по образцам угля из объектов, 6 – из погребений). Распределение радиоуглеродных дат и интервалы календарного возраста показаны на Рисунке 87. Крайние значения находятся в интервале 2198 – 1693 calBC, однако анализ суммарного распределения дат показывает, что большая их часть укладывается в диапазон 2200–1800 гг. до н.э. (Рис. 88). При этом ярко проявляется тенденция распределения дат, полученных в разных лабораториях (Новосибирск и Берн) на две группы (2200–2000 и 2000–1800 гг. до н.э. соответственно). Новосибирские даты оказываются древнее

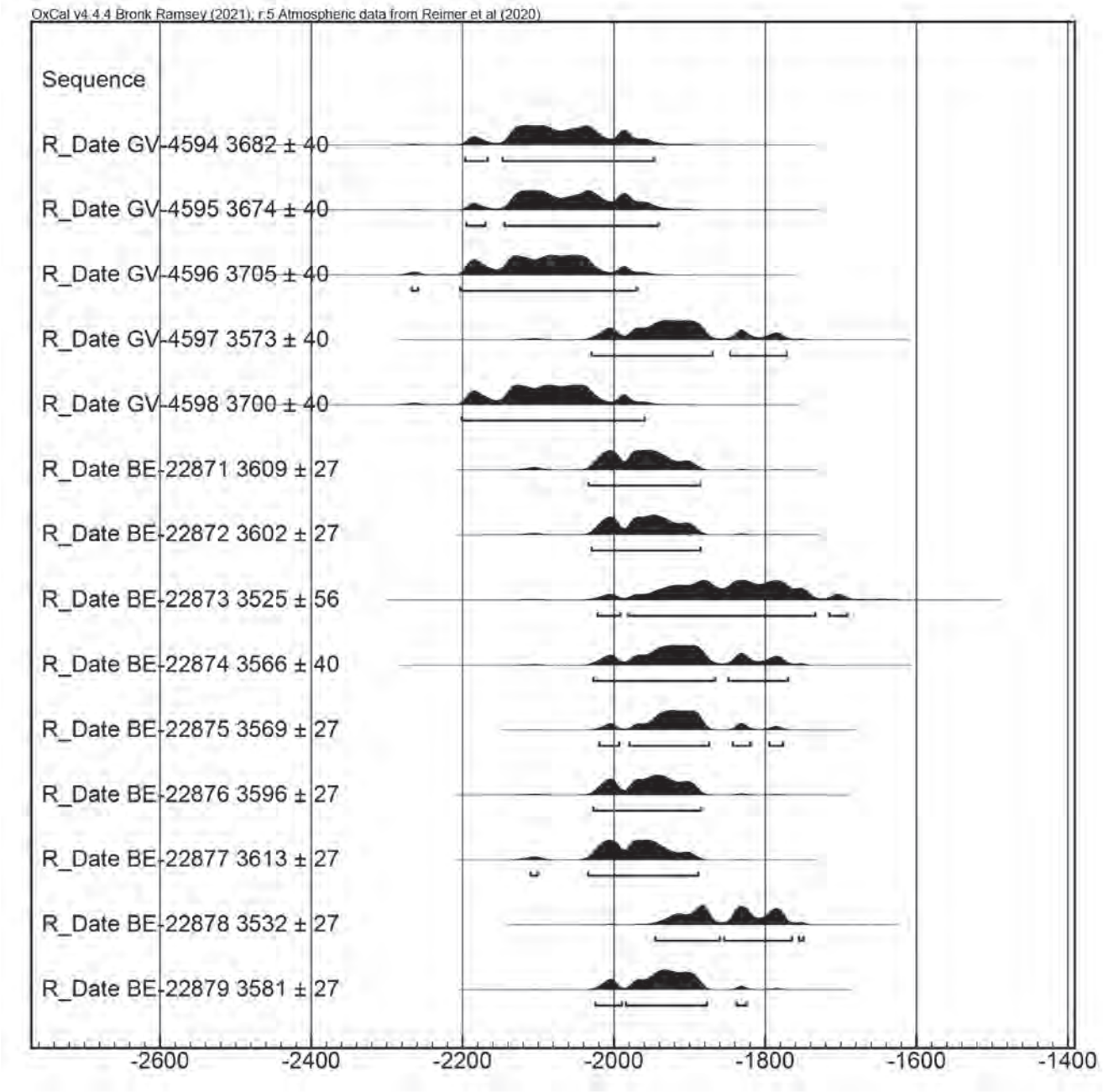

Рис. 87. Распределение радиоуглеродных дат и интервалы календарного возраста образцов из объектов Гонура-20, исследованных в 2023–2024 гг.

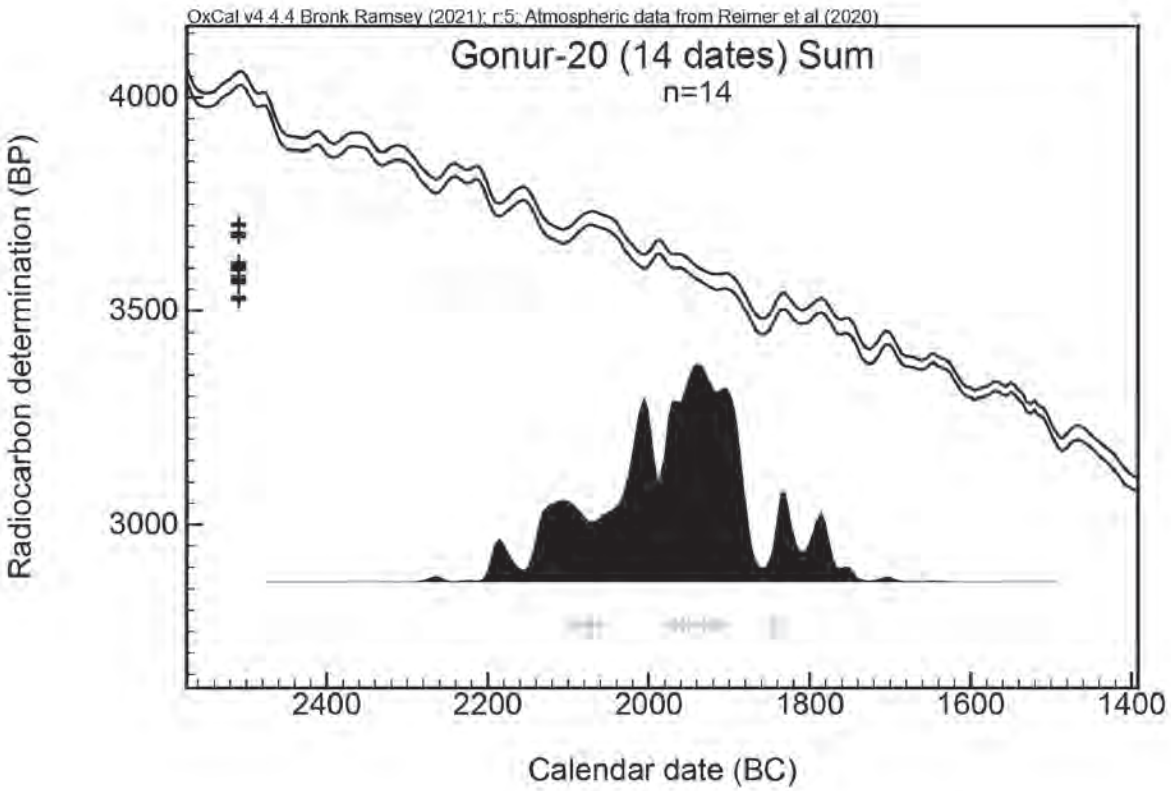

Рис. 88. Сопоставление суммарных вероятностей радиоуглеродных дат, полученных по образцам из объектов Гонура-20, исследованных в 2023–2024 гг. (14 дат).

Рис. 89. Распределение медианных дат полученных по образцам из объектов Гонура-20, исследованных в 2023–2024 гг. (14 дат).

примерно на 200 лет. Эта тенденция требует дальнейшего анализа и проверки, учитывая тот факт, что образцы отбирались одновременно и происходят из объектов, компактно расположенных на одном и том же участке могильника. Не доверять полученным данным нет оснований, тем более, четыре определения по объекту № 84 показывают очень близкие значения, но с той же тенденцией (GV-4596 – 2269–1971 calBC; GV-4598 – 2203–1961 calBC и BE-22871 – 2035–1888 calBC; BE-22872 – 2031–1887 calBC).

Анализ распределения медианных дат показывает, что большая их часть (8 из 14) укладывается в диапазон 2000–1900 гг. до н.э. (Рис. 89). При этом даты, полученные из погребений и объектов очень близки, что указывает на их синхронность. Этот факт подтверждается и рядом находок (например, практически идентичные пирамидальные фигурки-фишки из погребения № 86 и расположенной в непосредственной близости ямы № 99). Таким образом, время функционирования рассматриваемых участков могильника на Гонуре-20 можно ограничить рамками 2200–1800 гг. до н.э., при наиболее активном их использовании на рубеже III и II тыс. до н.э.

Заключение

Работы на Гонуре-20 были продолжены осенью 2024 г. Поскольку они велись на периферии памятника, исследованные объекты представлены в основном детскими погребениями, печами и ямами (обнаружена лишь одна двухкамерная циста с ограбленным захоронением баранов, аналогичная погребению № 124). В настоящее время полученные материалы находятся в процессе обработки и будут опубликованы отдельно. Исследования на Гонуре-20 планируется продолжить. Основная цель дальнейших раскопок – выявление границы поселения и могильника. Материалы, полученные в ходе работ 2023–2024 гг. показывают перспективность исследований небольших сельских поселений Гонурского оазиса.

ЛИТЕРАТУРА

Агаханова и др., 2022 — *Агаханова В. А., Юминов А. М., Фрибус А. В., Дубова Н. А.* Находка печати из шпейза с Гонур-депе // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) / Отв. ред.: М. Т. Кашуба, Н. Ю. Смирнов, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2022. С. 334–337. https://doi.org/10.31600/978-5-6047952-5-5.334-337

Дубова, 2014 — *Дубова Н. А.* Типы погребальных сооружений Гонур-депе (Туркменистан) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Отв. ред. В. И. Молодин, А. В. Епимахов. Барнаул: Изд. АлтГУ, 2014. С. 327–340.

Дубова и др., 2021 — *Дубова Н. А., Мамедов М. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П.* Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018-2019 годах // ТрМАЭ. Том 8. Исследования Гонур-Депе в 2015-2019 гг. / Ред. В. А. Алёкшин, Е. В. Антонова, Н. А. Дубова (отв. ред.), Р. Г. Мурадов, Р. М. Сатаев, А. А. Тишкин, А. В. Фрибус; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт истории материальной культуры РАН; Алтайский государственный университет – М.: Старый сад, 2021. С. 89–130.

Сарианиди, 1999 — *Сарианиди В. И.* Сиро-хеттское происхождение Бактрийско-Маргианской глиптики // ВДИ, 1999. № 1. С. 53–73.

Сарианиди, 2001 — Сарианиди *В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: «Мир-медиа», 2001. 246 с.

Сарианиди, 2008 — *Сарианиди В. И.* Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Turkmendöwlethabarlary, 2008. 341 с.

Сарианиди, 2011 — *Сарианиди В. И.* Археологические свидетельства раннего зороастризма в Каракумах (III – II тыс. до н.э.) // Теория и практика археологических исследований. 2011. №6. С. 33–46.

Сарианиди, Дубова, 2012 — *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008–2011 гг. // ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. / Гл. ред. В. И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2012. С. 29–55.

Сатаев и др., 2021 — *Сатаев Р. М., Сатаева Л. В., Фрибус А. В.* Фитоморфные сюжеты в материалах из раскопок Гонур-депе // АВ. 2021, Вып. 32. С. 110–118. DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-110-118

Фрибус, Дубова, 2024 — *Фрибус А. В., Дубова Н. А.* Новая печать-амулет из Гонур-депе: «маргианская коррида» или мифологический сюжет? // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья: Материалы международной научной

конференции, посвященной 120-летию А. М. Беленицкого, 95-летию В. М. Массона, 100-летию Ю. А. Заднепровского (Санкт-Петербург, 5-8 ноября, 2024 г.) / Отв. ред. В. П. Никоноров и Е. О. Стоянов. СПб: ИИМК РАН, 2024. С. 111–114.

Фрибус и др., 2019 — *Фрибус А. В., Дубова Н. А., Беглиев М. Ы.* Первая находка полихромной росписи на Гонур-Депе (Туркменистан // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 59–61. DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-59-61.

Фрибус и др., 2023 — *Фрибус А. В., Дубова Н. А., Ю К., Куфтерин В. В., Сычева О. В.* Редкие типы погребальных конструкций Гонур-депе: исключение из правил или развитие традиции? // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 139–144. DOI: 10.14258/msapea.2023.3.28.

Фрибус и др., 2024 — *Фрибус А. В., Ёлшин И. Д., Сычева О. В., Дубова Н. А.* Опыт применения фотограмметрии в исследованиях протогородского центра эпохи бронзы Гонур-депе в Туркменистане // Археология, материальная культура и искусство долины реки Заравшана и сопредельных территорий: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти молодых исследователей Верховьев Заравшана Ф. А. Раззокова и Н. В. Семенова (18-19 июля 2024 г., Пенджикент) / ред. Убайдулло Н. К. Душанбе: «Ганчи хирад», 2024. С. 111–112.

Фрибус и др., 2025 — *Фрибус А. В., Куфтерин В. В., Сычева О. В., Дубова Н. А.* Погребальный обряд и хронология локальных «малых» некрополей протогородского центра эпохи бронзы Гонур-депе, Туркменистан. *Восток (Oriens).* 2025. № 1. С. 7–25. DOI: 10.31696/S086919080033669-2

Шер, 1980 — *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Шер, 1992 — *Шер Я. А.* К происхождению корриды // Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова). СПб: ИИМК РАН. С. 35–37.

Юминов, Блинов, 2021 — *Юминов А. М., Блинов И. А.* Состав растертого материала в каменных орудиях Гонур-Депе (Юго-Восточные Каракумы) // Геоархеология и археологическая минералогия-2021. Миасс: ИМин УрО РАН, 2021. С. 71–75.

Bonora et al., 2024 — *Bonora G. L. Rossi-Osmida G., Cengia A. R.* The Bronze Age Graveyard of Adji Kui (Margiana, South Turkmenistan). Catalog of Graves. Serie Orientale Roma. Nuova serie. Vol. 43. Ed. A. V. Rossi. Roma: ISMEO, 2024. 929 p.

Bronk Ramsey, 2021 — *Bronk Ramsey C.* OxCal v4.4. 2021. https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal.html (accessed: 12.09.2024).

Dvorak et al., 2019 — *Dvorak S., Langenegger K., Novak M.* Gonur Depe: Ein zentraler Fundort in der Margiana (Turkmenistan) // SLSA Jahresbericht – Rapport annuel – Annual report. Zurich, 2019. P. 181–196.

Fribus et al., 2020 — *Fribus A., Dubova N., Sataev R., Sataeva L., Kufterin V., Begliev M.* New polychrome painting from Gonur Depe, Turkmenistan // Antiquity 2020 Vol. 94 (376): e22, 1–9. https://doi.org/10.15184/aqy.2020.118

Rehren et al., 2012 — Rehren T., Boscher L., Pernicka E. Large scale smelting of speiss and arsenical copper at Early Bronze Age Arisman, Iran // Journal of Archaeological Science, 39, P. 1717–1727.

Reimer et al., 2020 — *Reimer P. J., Austin W. E. N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R. L., Friedrich M., Grootes P. M., Guilderson T. P., Hajdas I., Heaton T. J., Hogg A. G., Hughen K. A., Kromer B., Manning S. W., Muscheler R., Palmer J. G., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Turney C. S. M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S. M., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talampo S.* The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62. P. 725–757.

Sarianidi, 2007 — *Sarianidi V. I.* Necropolis of Gonur Depe. Athens: Kapon editions, 2007. 340 p.

Sarianidi, Dubova, 2016 — *Sarianidi V., Dubova N.* Types of Graves at Gonur Depe Bronze Age Site in Turkmenistan // Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Near East. Vol. 3. / R.A. Stucky, O. Kaelin, H.-P. Mathys (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 631–642.

Thornton et al., 2009 — *Thornton C. P., Rehren T., Pigott V. C.* The production of speiss (iron arsenide) during the Early Bronze Age in Iran // Journal of Archaeological Science, 36, P. 308–316.

Udeumuradov, 2002 — *Udeumuradov B.* Ceramic material from Gonur-depe Necropolis // Margiana. Gonur-depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre. Padova: IlPunto. 2002. P. 132–143.

Winkelmann, 2021 — *Winkelmann S.* BMAC glyptics: typology, context, function and background // The World of the Oxus Civilization / Eds. Lyonnet B. and Dubova N. London – New York: Routledge, 2021. P. 215–292.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА РАСКОПЕ 18 ВЕСНОЙ 2019 г.[1]

С. П. Грушин*, Н. А. Дубова, В. О. Сайберт***
***Алтайский государственный университет**
****Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН**

Весной 2019 г. исследования были продолжены на участке, расположенном к северу от раскопа 2018 г. (*Дубова и др.*, 2021. С. 92–102). Раскоп размерами 35 × 6 м. был ориентирован по сторонам света, длинной осью вытянут по линии З–В и разделен на 7 секторов, размерами 5 х 6 м (Рис. 1, 2). Нумерация секторов начиналась с востока. Между 5 и 6 секторами была оставлена бровка шириной 50 см. Вскрытие осуществлялось условными горизонтами по 20–25 см. Все высотные отметки были привязаны к единой системе, принятой для раскопа 2018 г. Номера объектов (ям, печей) продолжали нумерацию 2018 г. Номера погребений присваивались в соответствии с общей сквозной нумерацией, принятой на Гонур-депе.

Учет массового материала из первого и второго условного горизонта производился в целом по раскопу, начиная с третьего слоя по секторам и объектам. Керамика распределялась на кухонную посуду (лепная) и станковую. В каждой группе отдельно учитывались фрагменты венчиков, стенок, придонных частей и донцев, а также ножек от ваз. Учету подлежали также обломки каменных предметов, кости животных, керамические фишки, фрагменты шлака.

На исследованном участке было выявлено четыре слоя: 1-й слой мощностью 10–20 см – старый отвал с перемещенным материалом; 2-й слой — на глубине от 20 до 40 см – рыжий плотный такыр, плотная корка из песка и глины с трещинами, заполненными светло-желтым песком; 3-й слой — на глубине от 40 до 120 см – культурный слой, представленный серым песком с мусором, углями, обломками строительного материала (сырцовой кирпич), прокаленной почвой; 4-й слой — на глубине более 120 см до материка (светло-желтый песок).

Находки из слоя.

1 слой. Индивидуальные находки: два бронзовых шила (фрагменты), каменная биконическая бусина с циркульным орнаментом (Рис. 16), альчик, каменный наконечник стрелы (Рис. 18, *3*), отщеп (Рис. 18, *4*), керамическое изделие, прямоугольная бронзовая печать с петелькой (Рис. 13). Массовый материал (фрагменты керамических сосудов) – 1663 единиц.

2 слой. Индивидуальные находки: каменная печать-амулет (Рис. 14, 15), каменный кубик (Рис. 19, *4*), бронзовое шило (Рис. 17, *1*), два каменных предмета. Массовый материал (фрагменты керамических сосудов) – 1617 единиц.

3 слой. Индивидуальные находки: фрагмент литейного тигля, каменная бусина, каменный предмет, каменный отбойник (Рис. 19, *6*), альчик, каменный кубик (Рис. 19, *1*), фрагменты керамики со знаками (3 экз.). Массовый материал (фрагменты керамических сосудов) – 1556 единиц.

4 слой. Индивидуальные находки: фрагмент керамики с изображением (Рис. 26, *1*), глиняный шарик, фрагмент терракотовой фигурки (Рис. 20, *5*), каменные бусы (Рис. 21), каменный наконечник стрелы (3 экз.) (Рис. 18, *1, 2, 5*), бронзовая булавка (Рис. 17, *6*), каменная бусина, два бронзовых браслета, каменный кубик (Рис. 19, *2*), бронзовая печать в форме кошачьего хищника (Рис. 22), каменное пряслице (Рис. 23), фрагмент керамической подставки под сосуд (Рис. 24), пять керамических сосудов (Рис. 25), каменный диск с изображением креста. Массовый материал (фрагменты керамических сосудов) – 1086 единиц.

[1] Исследование проведено в рамках Госзадания ИЭА РАН по теме № 5 «Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты», подтема «Ретроспективные и перспективные аспекты исследования антропоэкологии населения Евразии» (Н. А. Дубова). Исследования в Туркменистане проводятся в рамках Соглашения между Министерством культуры Туркменистана и ИЭА РАН.

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-250-265

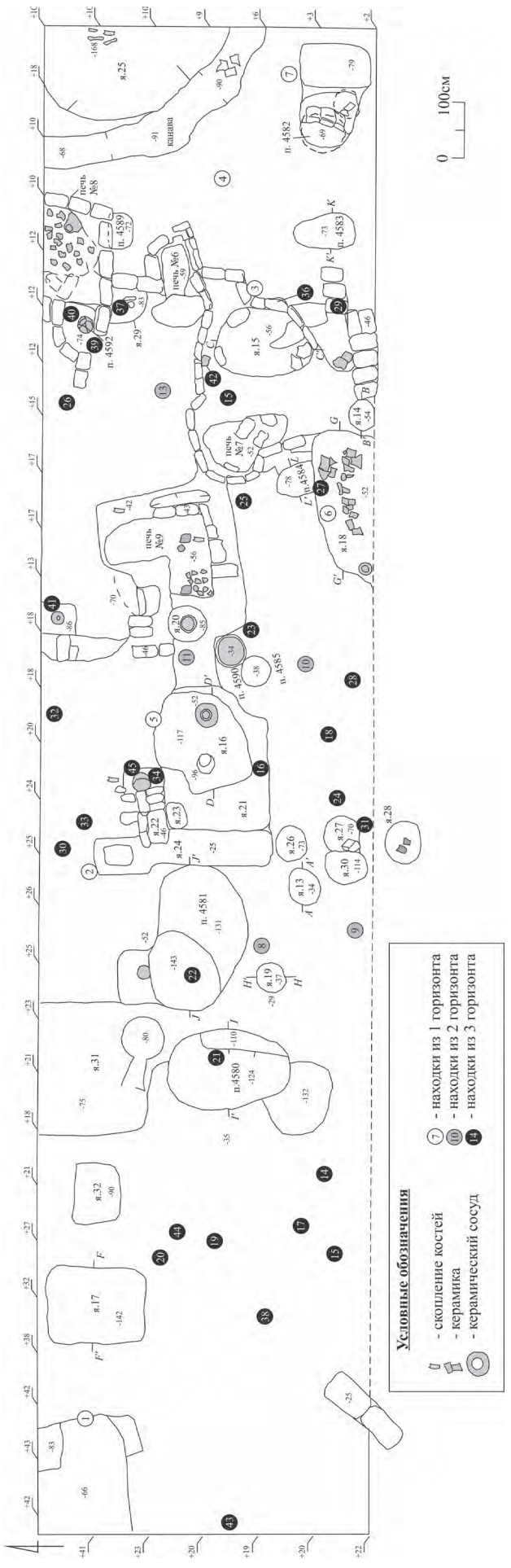

Рис. 1. Гонур-депе, Раскоп 18. Весна 2019 г. Общий план. Находки: *1, 2, 10* – шило (бронза); *3, 17* – альчик; *4, 18, 32* – биконическая бусина (камень); *5, 30, 33, 43* – наконечник стрелы (камень); *6* – керамическое изделие; *7* – отщеп (камень); *8* – печать-амулет (камень); *9, 19, 35* – кубик (камень); *29* – бусы (камень); *11, 12, 15, 44* – каменное изделие; *16* – отбойник (камень); *20-22, 28* – фрагмент керамики с изображением; *24* – керамика орнаментированная; *14* – фрагмент тигля (?); *25* – шарик (глина); *27* – фрагмент фигурки (терракота); *31* – булавка (бронза); *34* – браслеты (2 экз.) (бронза); *36* – печать-штамп (бронза); *37* – пряслице (керамика); *38* – фрагмент подставки под сосуд (керамика); *23, 39-42, 45* – керамические сосуды.

Рис. 2. Гонур-депе, Раскоп 18. Весна 2019 г.
Фото. Общий вид с востока.

Рис. 3. Погребение 4580. Общий вид с запада.

Рис. 4. Погребение 4581. Общий вид с севера.

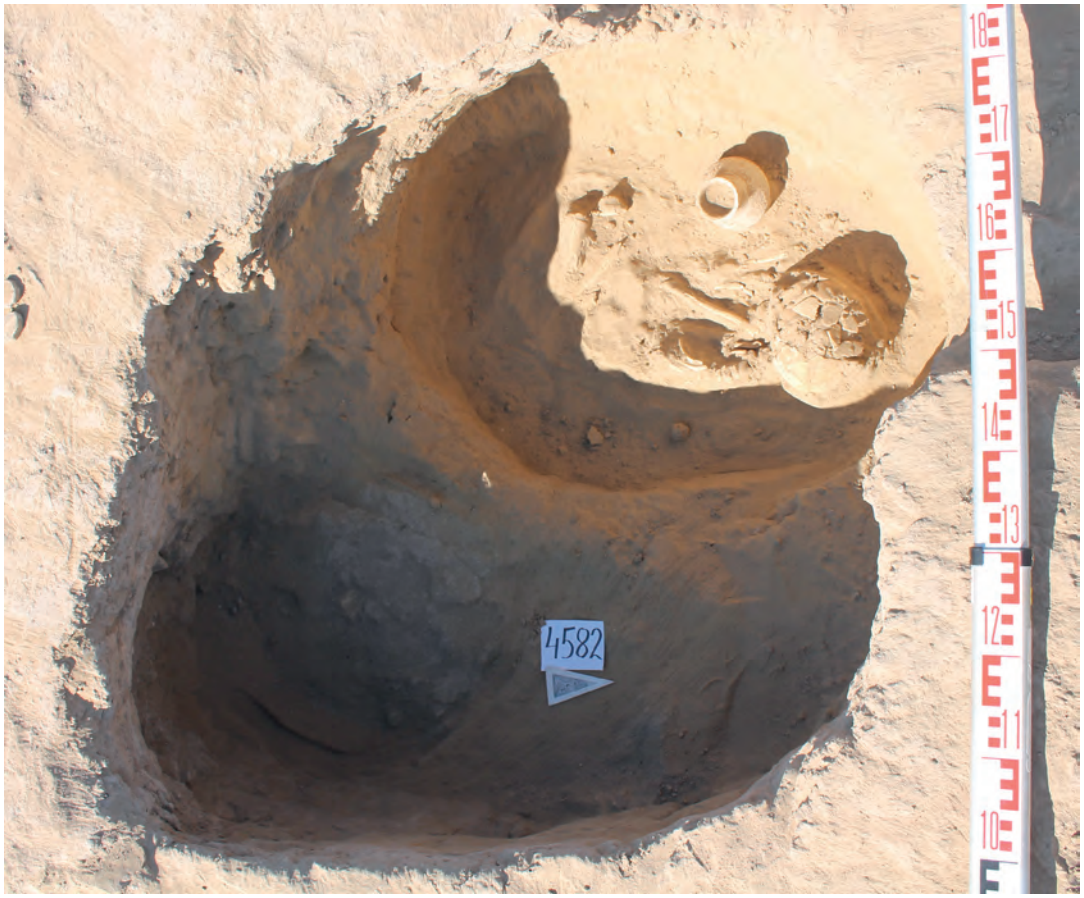

Рис. 5. Погребение 4582. Вид с востока.

Рис. 6. Погребение 4583. Вид с запада.

Рис. 7. Погребение 4590. Вид с севера.

Рис. 8. Погребение 4592. Вид с севера.

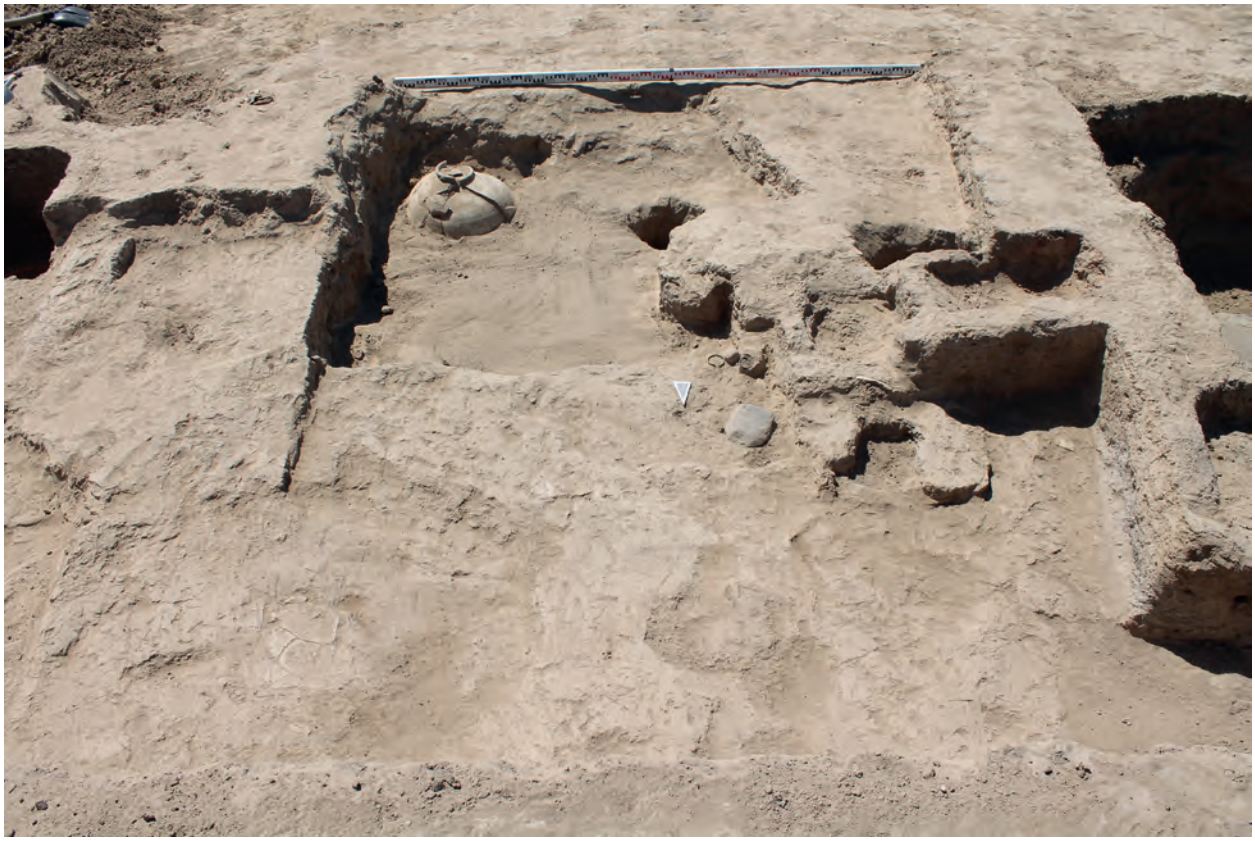

Рис. 9. Яма 16. Общий вид с севера.

Рис. 10. Яма 16. Два бронзовых браслета и каменный кубик *in situ*.

Погребения

Погребение 4580. Фиксировалось на глубине –35 от у.н. в виде коричневого плотного грунта – следов грабительского лаза. Подбой с уступом был устроен в яме овальной формы размерами 220 × 200 см, ориентированной длиной осью по линии С–Ю (Рис. 3). Глубина от уровня фиксации 91 см. Уступ размерами 170 × 35см, высотой 14 см. В заполнении обнаружены кости животных (барана, козы и, возможно, значительной части скелета свиньи[2]), а также многочисленные фрагменты керамики, два каменных кубика (Рис. 19, *3, 5*), фрагмент шлака, биконическая каменная бусина. На дне в СВ углу ямы обнаружена кость животного. Погребение ограблено. Учитывая наличие только костей животных (КРС и МРС), а также полное отсутствие фрагментов скелета человека, можно предполагать, что данная могила являлась погребением животного (барана?).

Погребение 4581. Фиксировалось на глубине –28 от у.н. в виде коричневого плотного грунта – следов грабительского лаза. Форма ямы неправильная, размеры 260 × 160 см., вытянута длиной осью по линии З–В. Глубина от уровня фиксации 110 см. Погребение ограблено. В заполнении обнаружены фрагмент бронзового изделия, глиняная ручка сосуда, фрагмент керамики с рисунком. В северной части ямы фиксировалась ниша размерами 100 × 60 см, в которой стоял перевернутый вверх дном керамический сосуд (Рис. 4). В заполнении встречены фрагменты керамики. Костных останков человека и животных нет.

Погребение 4582. Фиксировалось на глубине -67 от у.н. Размеры ямы 100 × 60 см, глубина 46 см. На приступке во входной яме у дна фиксировалось углубление округлой формы, диаметром 45 см, глубиной 5 см. В нем найдена стенка сосуда. Западная стенка ямы была перекрыта тремя вертикально поставленными кирпичами. Во входной яме обнаружены: керамические фишки – 3 экз. и фрагменты станковой керамики: венчик – 2 экз., дно – 2 экз., стенки – 4 экз., кухонная стенка – 1 экз. После снятия кирпичей был выявлен подбой овальной формы, размеры 70 × 85 см, глубина 63 см. На дне лежал скелет ребенка, скорчено на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на север. Перед черепом стоял керамический кувшин (Рис. 5). К востоку от входной ямы в 10 см была устроена четырехугольная яма, размерами 80 × 125 см, углубленная в материк на 11 см. Ориентирована длиной осью по линии С–Ю. Находки в заполнении ямы отсутствовали.

Погребение 4583. Фиксировалось на глубине –61 от у.н. Яма овальной формы, размерами 110 × 65 см, глубина 12 см, вытянута длиной осью по линии С–Ю. На дне находился скелет ребенка в положении скорчено на правом боку с согнутыми ногами. Руки согнуты в локтях, кисти у лица. Скелет ориентирован черепом на север. Около

[2] Здесь и далее археозоологические определения Р. М. Сатаева

черепа обнаружен фрагмент керамики, около рук – астрагал барана (Рис. 6).

Погребение 4584. Располагалось к северу от ямы 18, устроено в грунтовой яме размерами 75 × 55 см, глубиной 39 см. В заполнении обнаружены кости ног младенца.

Погребение 4585. Фиксировалось на глубине –34 от у.н., яма округлой формы, диаметром 55 см, глубиной 15 см. В центре ямы – обломки черепа ребенка.

Погребение 4589. Яма подпрямоугольной формы, размерами 70 × 55 см, вытянута длинной осью по линии З–В, глубина 16 см. Фиксировалась на уровне –58 от у.н., была частично перекрыта кирпичами печи № 8. На дне лежали останки ребенка на левом боку с согнутыми в коленях ногами, руки согнуты в локтях, кисти рук перед лицом, ориентирован головой на восток.

Погребение 4590. Фиксировалось на глубине –58 от у.н., примыкало с юго-запада к печи 9. Хум округлой формы, диаметром 0,6 м с отбитым венчиком. В его заполнении, в юго-восточной части сосуда, обнаружен фрагмент черепа ребенка (Рис. 7).

Погребение 4592. Фиксировалось на глубине –81 от у.н. Детское погребение в хуме. Костяк находился не в анатомическом порядке. Находок нет (Рис. 8).

Грунтовые ямы

Яма № 13. Располагалась в 75 см к югу от погребения № 4581. Фиксировалась на глубине –34 от у.н. в виде углистого пятна округлой формы, диаметром 60 см, глубиной 16 см. Заполнение ямы: углистая прослойка, ниже серая плотная зола с фрагментами керамики и углей.

Яма № 14. С востока к яме № 18 примыкала яма №14. Объект имел округлую форму диаметром 62 см, глубину 16 см, чашевидное дно. Дно и стенки имели глиняную обмазку. Находок в заполнении нет.

Яма № 15. Овальной формы, размерами 175 × 130 см. Зафиксирована на уровне –39 см от у.н., имела чашевидное дно, глубиной 20 см, имела обмазку. На дне зафиксирован крупный фрагмент керамики. Находки в заполнении: фрагменты станковой керамики: стенки – 16 экз., венчик – 5 экз., развал сосуда – 1 экз., кухонный венчик – 1 экз., дно – 4 экз., кухонные стенки – 10 экз., кость – 1 экз..

Яма № 16 представляла собой хозяйственную площадку четырехугольной формы, размерами 200 × 260 см. (Рис. 9) Была вытянута длинной осью по линии З–В. Фиксировалась на уровне –25 см от у.н. Максимальная глубина 24 см. У восточной стенки стоял крупный керамических хум, диаметром 40 см. В центре площадки располагалась яма диаметром 30 см, глубиной 30 см. Массовый материал представлен фрагментами станковой керамики: стенки – 52 экз., дно – 9 экз., венчик – 10 экз., керамические фишки – 2 экз., кухонный венчик – 1 экз., кухонные стенки – 2 экз. В севе-

Рис. 11. Печь № 8. Вид с севера.

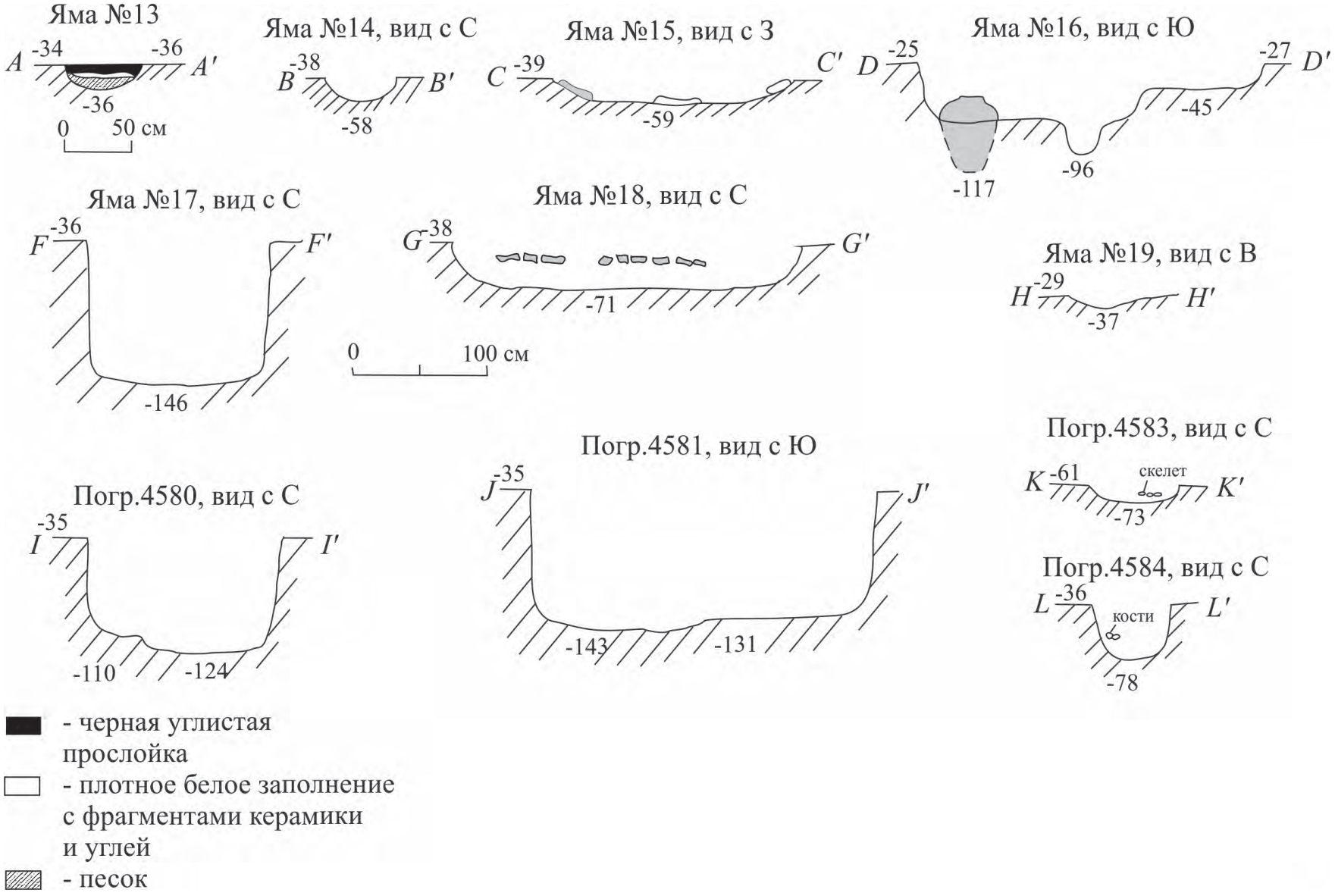

Рис. 12. Разрезы объектов.

Рис. 13. Печать (бронза), сборы, верхний слой.

ро-западном углу ямы №16 фиксировалось еще четыре ямы (21–24). На уровне дна около ямы № 16 обнаружено два бронзовых браслета и каменный кубик (Рис. 10).

Яма № 17. Фиксировалась на глубине –36 от у.н. в виде коричневого грабительского лаза. Яма четырехугольной формы, размерами 175 × 130 см, глубина 106 см. В заполнении найдены фрагменты керамики. В ЮВ углу у стенки ямы на глубине –76 см от у.н. найдены фрагменты черепа человека.

Яма № 18. Фиксировалась на глубине –38 см от у.н., размеры 275 × 100 см, глубина 33 см, вытянута по линии ЗВ. В центре ямы фиксировалось большое количество фрагментов керамики. У восточной стенки на дне стоял целый

Рис. 14. Каменная печать-амулет (фото).

керамический кухонный (лепной) сосуд. Массовый материал в заполнении представлен фрагментами станковой керамики: стенки – 69 экз., венчики – 14 экз., дно – 8 экз., ножки ваз – 2 экз.; кухонные стенки – 24 экз., дно – 4 экз., керамические фишки – 2 экз., камень – 1 экз., кость – 5 экз.

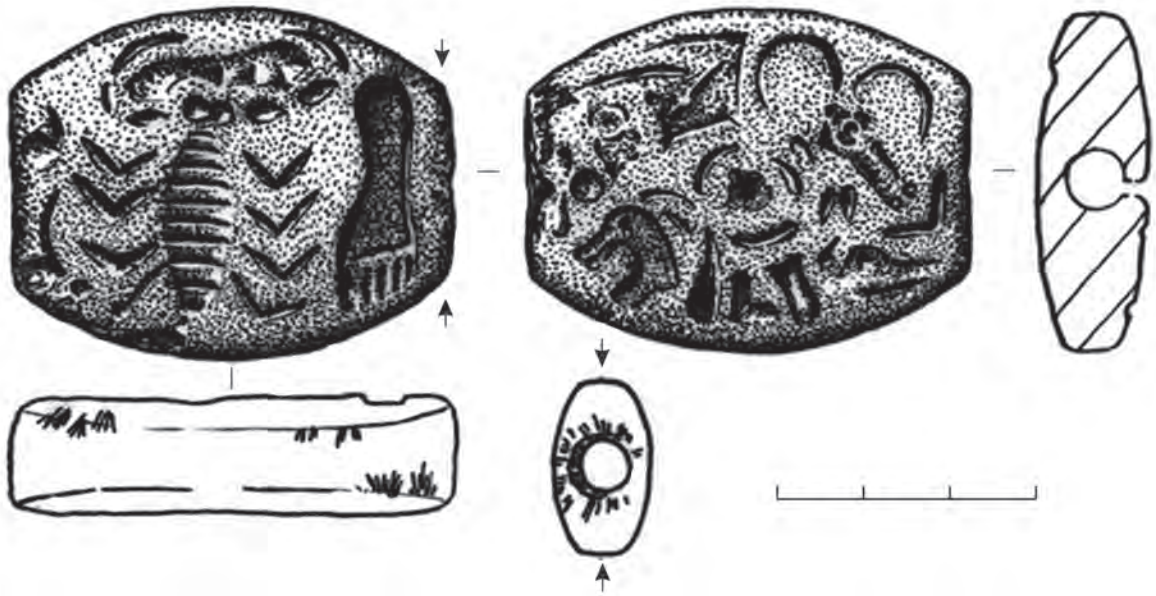

Рис. 15 Каменная печать-амулет (рисунок В. О. Сайберт).

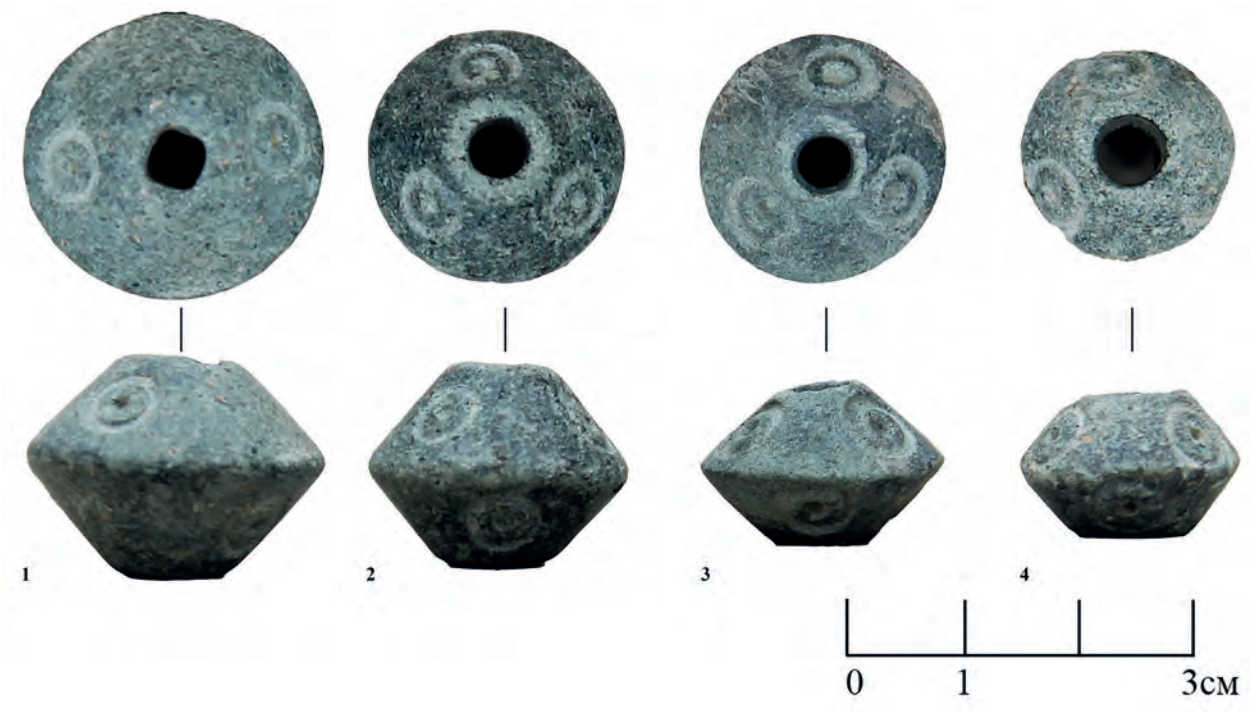

Рис. 16. Каменные биконические бусины.

Яма № 19. Располагалась в 50 см к югу от погребения № 4581. Фиксировалась на глубине –29 см от у.н., имела округлую форму, диаметр 52 см, глубина 8 см. Дно чашевидное. В заполнении найдены: кость – 1 экз. и фрагменты станковой керамики: стенки – 9 экз., венчики – 5 экз.

Яма № 20. Зафиксирована в 25 см к западу от печи №9, имела округлую форму диаметром 70 см, глубину 52 см. Стенки и дно имели глиняную обмазку. На дне ямы стояла керамическая ваза с обломанным основанием ножки. Емкость была вкопана в дно ямы и обмазана глиной заподлицо. В заполнении ямы встречены фрагменты станковой керамики: венчики – 6 экз., стенки – 10 экз., носик – 1 экз., дно – 1 экз. К северу от ямы зафиксировано 4 сырцовых кирпича.

Яма № 23. Овальной формы, размеры 30 × 15 см, глубина 10 см. Стенки и дно ямы имели обмазку. Находок нет.

Яма № 25. Зафиксирована на уровне –91 см. Округлой формы, размерами 400 × 255 см, глубиной 77 см, стенки сужались ко дну. Яма заполнена золой с углями, на дне кости ноги КРС, лопатка, позвонки. Массовый материал из заполнения представлен фрагментами станковой керамики: кухонными венчиками – 15 экз., венчик – 18 экз., стенки – 49 экз., дно – 19 экз., ножки ваз – 7 экз.; керамические фишки – 13 экз., камень – 3 экз., кости – 23 экз.

Яма № 26. Фиксировалась на уровне –52 см от у.н. Округлой формы, диаметром 62 см, глубиной 21 см. Находок нет.

Яма № 27. Фиксировалась на уровне –52 см от у.н. Округлой формы, диаметром 65 см, глубиной 18 см. У юго-западной стенки вертикально стоял обожженный кирпич. Других находок нет.

Яма № 28. Расположена в 50 см к югу от ямы №27. Фиксировалась на уровне –50 см от у.н. Округлой формы, диаметром 75 см, глубиной 46 см. На дне обнаружено два фрагмента керамического сосуда.

Яма № 29. Зафиксирована в юго-западной части печи №8 под кирпичами. Фиксировалась на уровне –74 см от у.н. Округлой формы, диаметром 55 см, глубиной 9 см. На дне обнаружено три стенки сосуда, 53 фрагмента костей свиньи.

Яма № 30. Примыкает вплотную к яме №27 с запада. Фиксировалась на уровне –52 см от у.н. Овальной формы, размерами 75 × 55 см, глубиной 69 см. Находок нет.

Яма № 32. Расположена в 75 см к востоку от ямы №17. Фиксировалась на уровне –90 см от у.н., размеры 105 × 80 см, в виде пятна светло-серой глины. Объект был законсервирован.

Четыре выявленные ямы, вероятно, являются очагами или обожженными ямами:

Яма № 21. Овальной формы. Диаметр 50 см, глубина 36 см. Заполнение – зола, стенки обожжены. Находок нет.

Яма № 22. Овальной формы 60 × 40 см, глубиной 16 см. Заполнение – зола, стенки обожжены. Находок нет.

Яма № 24. Квадратной формы, размеры 50 × 50 см, глубиной 13 см. Стенки ямы обожжены (очаг ?). Возле ямы № 24 обнаружены два каменных наконечника стрел. К северу от ям № 16, 20 и печи № 9 на глубине –51 см от у.н. фиксировалась обмазка пола. Возможно, эти объекты являлись

частью одного помещения, стены которого не сохранились.

Яма № 31 (очаг). Фиксировалась на уровне –66 см от у. н. Округлой формы, диаметром 75 см, глубиной 14 см. С северо-запада оформлено отверстие, размером 50 × 40 см – в топку. Стенки и дно прокалены. Яма расположена на четырехугольной площадке, обмазанной глиной, ее размеры 260 × 200 м, часть уходила под северную стенку раскопа. Площадка возвышается над материком на 16 см.

Печи

Печь № 6. Зафиксирована в 60 см к югу от печи №8, соединена с ней одним рядом кирпичей. Имела четырехугольную форму, размерами 105 × 160 см, вытянута длиной осью по линии СВ–ЮЗ. Топка оформлена в виде обожженного желоба, размерами 80 × 50 см, глубиной 14 см. Западная часть печи разрушена грабительской ямой.

Печь № 7. Фиксировалась на уровне –37 от у. н. Имела грушевидную форму, размерами 150 × 100 см. была углублена на 15 см, стенки и дно обожжены, в центре на дне два обожжённых кирпича.

Печь № 8. Фиксировалась на глубине –48 см от у. н. Часть конструкции уходит под северную стенку раскопа. «Духовка» выложена фрагментами керамики, размеры 125 × 100 см. Общие размеры вымостки 245 × 125 см. После снятия керамической площадки была обнаружена перевернутая ваза с отломанной ножкой, которая найдена под ней (Рис. 11). Печь была выложена по периметру кирпичом, внутри зафиксировано два упавших кирпича. При разборке печи было обнаружено четыре развала сосудов и фрагменты станковой керамики: венчик – 17 экз., дно – 15 экз.; кухонные венчики – 6 экз., кухонные стенки – 22 экз., кухонное дно – 2 экз., стенки – 140 экз.; керамические фишки – 2 экз., камень – 3 экз., кость – 10 экз.. К западной стенке печи сделана пристройка из кирпичей, выложенных по кругу с входом в южной части, размеры 100 × 100 см. Внутри пристройки обнаружен развал кухонного сосуда на глубине –74 см от у. н., под ним найден керамический хум с детским погребением 4592. Хум лежал на боку, на глубине –82 см от у. н.

Печь № 9. Объект имел размеры 200 × 100 см. С южной и северной сторон обложен кирпичом. Западная часть площадки размером 50 × 50 см была выложена фрагментами кухонной керамики. Топка располагалась в восточной части конструкции, имела размеры 200 × 75 см. Печь фиксировалась на отметке –46 см от у.н. и имела глубину 10 см. Массовый материал представлен фрагментами станковой керамики: стенки – 9 экз.; кухонные стенки – 38 экз., венчик – 1 экз., дно – 4 экз.; кость – 3 экз., камень – 1 экз..

Рис. 17. Бронзовые предметы: *1* – шило; *6* – булавка и их фрагменты (*2–5*).

Канава. В северо-восточном углу раскопа выявлена канава шириной 55–75 см, максимальная глубина от уровня фиксации 26 см. Фиксировалась на уровне –67 см от у. н. Канава располагалась по окружности, уходила краями в северную и восточную стенки раскопа. В заполнении обнаружены фрагменты станковой керамики: стенки – 10 экз., венчик – 1 экз.; кость – 2 экз., ножка вазы – 1 экз. Заполнение представлено золой с многочисленными кусочками угля.

Полученные материалы свидетельствуют, что данный участок является продолжением хозяйственной территории, исследованной в предыдущем сезоне (осень 2018 г.). Выявленные погребения так же, как и в южной части принадлежат в основном детям. Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от ранее раскопанного участка, здесь встречено меньше керамических бит-фишек и альчиков (хотя они имеются и здесь, как в ямах, так и преимущественно в первом и втором слоях). Стоит отметить и присутствие так называемых каменных кубиков, т.е., по всей видимости, небольших пестов для растирания. Они встречены во втором, третьем и четвертом слоях, в яме № 16 и в погребении № 4580, где предположительно было похоронено животное. Самыми яркими находками на исследован-

Рис. 18. Изделия из кремня: *1-3, 5* – наконечники стрел; *4* – отщеп.

Рис. 19. Каменные изделия.

ном участке являются каменный амулет-печать «мургабского стиля» с двусторонним рельефным изображением, найденный во 2 слое (Рис. 14, 15), бронзовая перегородчатая печать типичного для БМАК стиля, изображающая хищника из семейства кошачьих, приготовившегося к прыжку (Рис. 22) и фрагмент керамики с резным антропоморфным изображением (Рис. 26, *1*) (*Грушин и др.*, 2019, С. 48–51; *Фрибус и др.*, 2020. Рис. 1–*1*).

Каменный амулет имеет форму усеченного с двух сторон эллипса, четырехугольного в сечении. По длинной оси артефакта просверлено сквозное отверстие. На одной плоскости амулета изображен скорпион и отпечаток человеческой стопы, направленной в противоположную сторону от головы паукообразного. На другой — головы архара и хищника с разинутой пастью, обращенные в разные стороны. Центром этого изображения является отверстие (при оттиске соответственно дающее возвышение), которое соединяется со сквозным продольным. Вокруг отверстия оформлены три сегментовидных углубления. Пространство между головами животных заполнено изображениями, возможно, растений, в том числе цветов. Можно утверждать, что среди них однозначно имеется изображение тюльпана (Рис. 14, 15).

Рис. 20. Изделия из глины и терракота.

Форма предмета и наличие на нем сквозного отверстия позволяют предположить, что изделие могло служить центральной бусиной ожерелья. Такие изделия, изготовленные из различных материалов, широко известны не только на памятниках БМАК, но и далеко за его пределами. Аналогичные предметы известны и на Гонуре, но обычно они имеют намного меньшие размеры (см. например: *Сариниди,* 2002. С. 129).

Рассматриваемый артефакт мог иметь несколько функций. Наиболее вероятно, что он использовался в качестве печати. Получаемые с его помощью оттиски ярко демонстрируют особенности изображенных персонажей, что говорит о том, что именно оттиски были предназначены для просмотра.

Сама бусина могла иметь и функции амулета. Запечатленные на печати отдельные животные (скорпион, архар и хищник из семейства кошачьих) в различных комбинациях широко известны на памятниках БМАК (*Sarianidi,* 1998. P. 69, 101–102, 193, 205, 247, 285, 287, 301, 303, 325). Встречаются также изображение и стопы человека (*Sarianidi,* 1998. P. 163–164). Кроме того на Гонуре (как в подъемном материале, так и в помещениях) обнаружены объемные изображения стопы с частью голени (например, на «Царском» и Большом некрополях Гонура, в пом. 68 на раскопе 18 и в других местах). В то же время изображения, где скорпион и стопа исполнены совместно, ранее найдены не были. Образ скорпиона в Месопотамии (а возможно, и в Маргиане) на протяжении III — начала II тыс. до н. э. имел неизменное значение, связанное с культом пло-

Рис. 21. Каменные бусины.

Рис. 22. Бронзовая печать с изображением кошачьего хищника.

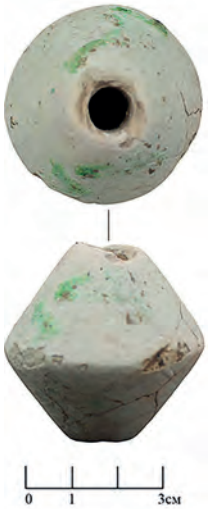

Рис. 23. Каменное пряслице.

Рис. 24. Фрагмент керамической подставки под сосуд.

Рис. 25. Археологически целые керамические сосуды с Раскопа 18.

Рис. 26. Фрагменты керамики: *1* – с антропоморфным изображением; *2* – с отпечатками ткани.

дородия, но эта символика могла переходить к тому или иному божеству, культ которого пользовался наибольшим почитанием (*Кононенко*, 1997). Стопа в данном случае, может говорить о перемещении божества. Нет сомнения в том, что найденный в 2019 г. предмет и изображение на нем требуют дальнейшего изучения с привлечением широкого круга аналогий.

ЛИТЕРАТУРА

Грушин и др., 2019 — *Грушин С. П., Дубова Н. А., Сайберт В. О.* Новые печати на Гонур-депе (Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы Международной конференции. К 100-летию отечественной академической археологии. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 48–51.

Дубова и др., 2021 — *Дубова Н. А., Мамедов М. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П.* Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018–2019 годах // ТрМАЭ. Т. 8. Исследования Гонур-Депе в 2015–2019 гг. / Ред. В. А. Алёкшин, Е. В. Антонова, Н. А. Дубова (отв. ред.), Р. Г. Мурадов, Р. М. Сатаев, А. А. Тишкин, А. В. Фрибус. М.: Старый сад, 2021. С. 89–130.

Кононенко, 1997 — *Кононенко Е. И.* Месопотамская глиптика Раннединастического и Аккадского периодов: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1997. 24 с.

Сарианиди, 2002 — *Сарианиди В. И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте р. Мургаб. Ашхабад: Turkmendowlethabarlary, 2002. 355 с.

Фрибус и др., 2020 — *Фрибус А. В., Грушин С. П., Сатаев Р. М., Дубова Н. А.* Рисунки и знаки на керамике из Гонур-депе (Туркменистан): техника нанесения, иконография, семантика // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д.и.н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д.и.н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, 2020, С. 121–124.

Sarianidi, 1998 — *Sarianidi V*. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M.: Pentagraphic, 1998. 336 p.

ЗАХОРОНЕНИЯ НА ЮГО-ЗАПАДЕ ГОНУР-ДЕПЕ. СООБЩЕНИЕ 2[1]: «СЕВЕРНЫЙ МОГИЛЬНИК» РАСКОПА 12[2]

Н. А. Дубова*, А. В. Фрибус, О. В. Сычева**, И. Д. Ёлшин****
***Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН**
****Институт истории материальной культуры РАН**

Работы к юго-западу от центральной части дворцово-храмового комплекса Гонур-депе (Раскоп 12)[3] были начаты в 2005 г. Затем они были продолжены весной и осенью 2013–2015 гг. (*Дубова и др.*, 2018b). По результатам магнитометрии, проведенной в 2015 г. силами немецкой фирмы «GGH. Solutions in Geosciences», на данной и продолжающейся еще дальше на север и северо-запад от раскопанных ранее помещений территории, был выявлен большой могильник (*Winkelmann*, 2014; *Winkelmann-Witkowsky*, 2015). Эта часть раскопа получила название «Северный могильник». Работы на нем, осуществленные весной 2018 г., весной 2019 г., а также весной и осенью 2023 г. охватили площадь более 1000 м^2. Они существенно дополнили информацию о погребальных и поминальных традициях гонурского общества.

Анализируя схему расположения погребальных сооружений на Раскопе 12, можно выделить не менее трех их относительно самостоятельных групп: погребения внутри помещений, погребения за пределами обводной стены (они составляют единство вместе с захоронениями в северной части Раскопа 16) и собственно «Северный могильник» (Рис. 1). Последний включает те могилы, которые были сооружены далее к северу за пределами помещений №№ 14, 48 и 49 Раскопа 12. В число «могил в помещениях» могут быть включены единичные погребения (№№ 3388, 3387), устроенные в комнатах №№ 16–27, расположенных около северного фрагмента обводной стены, т.к. других построек возле этого комплекса не выявлено.

Условные границы этих трех групп погребений показаны на Рис. 1 заливкой. У каждой из них имеются свои особенности. Например, среди погребений на стыке Раскопа 12 с Раскопом 16 значительно больше цист, чем на двух других территориях, а часть погребений находится или внутри или под толстым слоем золы (*Дубова и др.*, 2018b. С. 49). Самым крупным могильником является собственно «Северный». Поскольку он до настоящего времени не изучен полностью, данное сообщение является не окончательным и освещает только часть тех объектов, которые были исследованы на Раскопе 12 с акцентом на выявленные в 2023 г. Общей характеристике всего «Северного могильника» планируется посвятить отдельное сообщение.

На изучаемой местности никаких построек не обнаружено. На той части «Северного могильника» Р 12, которая изучалась в 2023 г. (выделена на Рис. 1 отдельным контуром) найдено и раскопано 45 объектов, включая 27 погребений (13 грунтовых ям, 1 в хуме и 13 захоронений в подбойных могилах) и 18 грунтовых ям (пустых или заполненных грунтом, смешанным с фрагментами керамики и небольшим количеством костей животных. Последние расположены как группами, так и одиночно, около погребений человека или вне связи с ними. На той же территории в 2019 г. было раскопано 36 объектов, включая

[1] Два сообщения о работах на данном раскопе уже были опубликованы: *Дубова и др.*, 2018b. С. 49–79; 2021. С. 103–126.

[2] Статья подготовлена в рамках работы по теме Госзадания Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН № 5 («Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты». Подтема «Ретроспективные и перспективные аспекты исследования антропоэкологии населения Евразии») (Н. А. Дубова) и в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008) (А. В. Фрибус, О. В. Сычева).

[3] Все работы на Гонур-депе проводятся Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедицией в рамках Соглашения о совместных исследованиях между Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Министерством культуры Туркменистана.

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-266-304

Рис. 1. Схема Раскопа 12. Заливкой выделены группы погребений: «Северный могильник», внутри помещений и могилы за пределами обводной стены. Отдельным контуром показана часть «Северного могильника», раскопанная в 2023 г.

Таблица 1. Характеристика захороненных в могилах на «Северном могильнике» Раскопа 12.

Год раскопок	Взрослые (*adultus, maturus, senilis*)	Дети (*infantilis I* and *II*)	Подростки (*juvenis*)	Животные	Всего
2019	12	4	2	1	19
2023	14	9	5	-	28
Суммарно	26	13	7	1	47

18 могил (8 подбойных, 9 грунтовых ям, могила неопределимого типа) и 18 подобных же грунтовых ям (*Дубова и др.*, 2021. С. 105). Таким образом, суммарно на территории «Северного могильника» был устроен 81 объект: 45 могил и 36 грунтовых ям без следов захоронений. В погребениях было захоронено 47 индивидов: 26 взрослых, 13 детей и 7 подростков. В могиле № 4598 была погребена собака (Табл. 1).

Первым объектом, обратившим на себя внимание на описываемой территории был **Объект № 1** (Рис. 2, 3). Он имеет неправильную форму (длина 4,5 м с севера на юг и 5,5 с запада на восток, а мощность слоя в средней возвышающейся части достигает 25–35 см). В кратком отчете А. М. Юминова в этом издании характеризуется состав плотного пористого материала, из которого этот объект состоит. Установлено, что в каче-

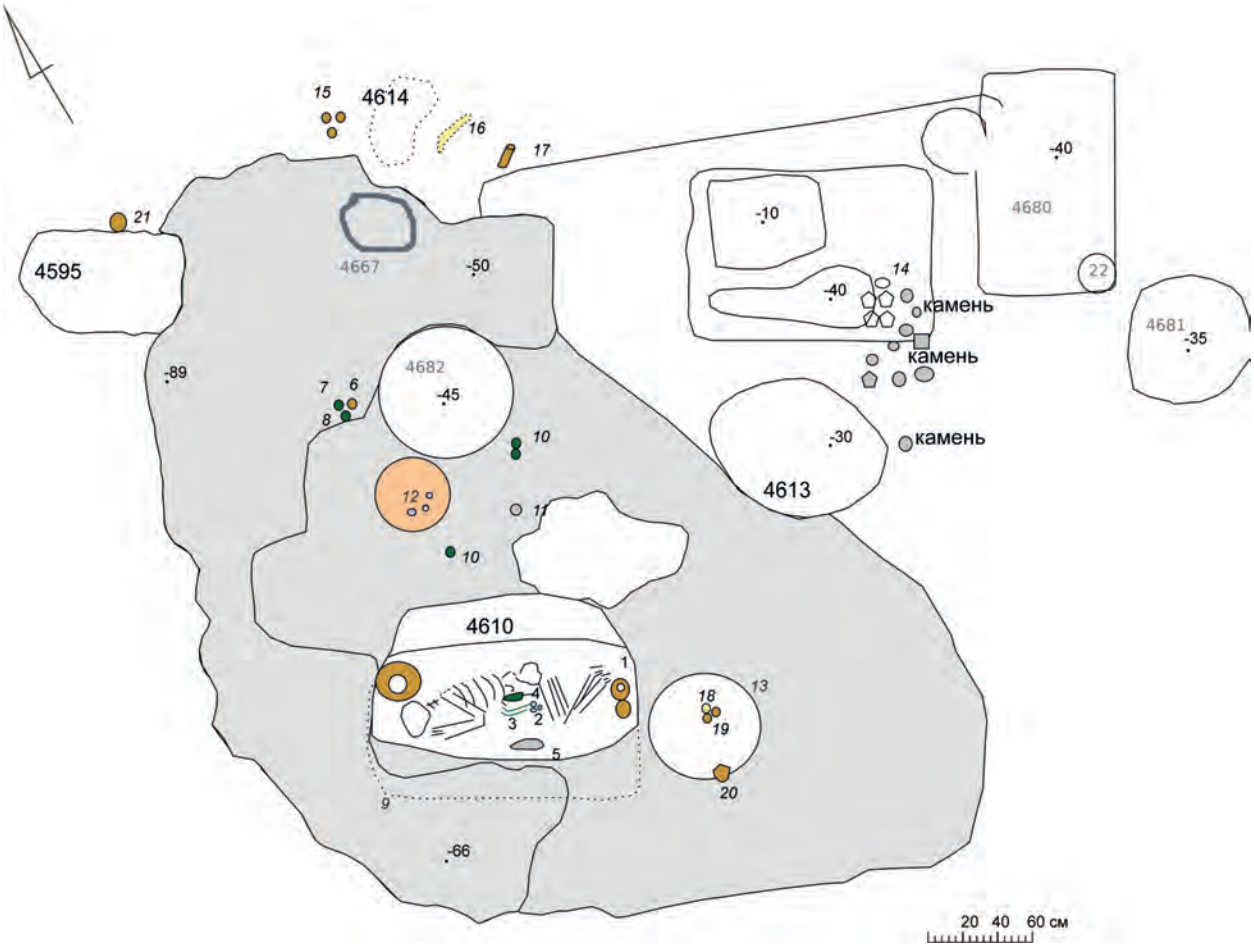

Рис. 2. Схема Объекта № 1 на Раскопе 12N. Условные обозначения: *1* – кремневый наконечник стрелы; *2* – свинцовое изделие (3 экз.); *3* – бронзовое шильце; *4* – бронзовый нож? или косметическая лопаточка?; *5* – точильный камень; *6* – фрагмент керамического сосуда с рисунком; *7* – фрагмент сита; *8* – фрагмент бронзового сплава; *9* – кость животного; *10* – фрагменты бронзового сплава; *11* – камень (магнетит?); *12* – 2 половинки биконической бусины, глиняный шарик, керамическая бита, фрагмент вещества белого цвета; *13* – керамический сосуд; *14* – фрагменты керамики; *15* – фрагменты керамики; *16* – плечевая кость ребенка; *17* – ножка керамического сосуда; *18* - бараний альчик; *19* – 2 глиняных изделия; *20* – фрагмент керамики с процарапанным рисунком; *21* – керамический сосуд; *22* – лунка, заполненная обугленными костями животных.

Рис. 3. Общий вид Объекта № 1. Вид с северо-запада.

Рис. 4. Общий вид погребения № 4595.

Рис. 5. Общий вид погребения № 4610.

стве скрепляющегося вещества (цемента) в нем использовался гипс. Данный грунт отличается повышенными содержаниями серы и кальция, что характерно для гипса (Ca[SO4]*2H2O). Кроме того, в нем обнаружены отдельные участки обогащенные медью (до 1000-1700 ppm) и мышьяком (600-850 ppm). Напомним также, что образец угля, взятый из этого объекта для получения даты и переданный для анализа в Радиоуглеродную лабораторию ИИМК РАН, взорвался во время проведения химической реакции. Это, по мнению специалистов, может свидетельствовать о том, что грунт, где находился данный уголь, характеризовался повышенным содержанием серы.

Несколько погребений и остатки разрушенного двухкамерного очага, устроенные внутри и около этого объекта, уже были описаны (*Дубова и др.*, 2021. С. 103, 104). Но здесь кратко повторим это описание.

В центральной части объекта № 1 была вскрыта яма (диаметр 80 см, глубина 45 см). В ее заполнении, а также рядом на поверхности, находились мелкие разрозненные фрагменты керамики и капли бронзы, а также фрагмент тигля с остатками этого сплава. С западной стороны верхнего контура ямы располагается вкопанный в грунт хум диаметром 40 см, забитый уплотненным песком. При расчистке содержимого сосуда в верхней четверти его заполнения были обнаружены две половинки биконических керамических бу-

Рис. 6. Общий вид объекта № 2 на Раскопе 12N.

Рис. 7. Общий вид объекта № 3 (слева) на Раскопе 12N и алебастровая «миниатюрная колонка» с этого объекта (справа).

син небольших размеров, керамическая «бита» и белого цвета материал минерального происхождения (возможно гипс). Во время описания этих деталей (*Дубова и др.*, 2021. С. 103, 104) данная яма не имела самостоятельного номера. Учитывая ряд обстоятельств, в том числе особый статус грунтовых ям на этой части Гонура, имеет смысл присвоить данному объекту, как и другим ямам, свой порядковой номер **4682**.

В метре к юго-востоку от ямы № 4682, на границе объекта № 1, расчищено частично разрушенное **погребение** в овальной яме № **4613** (110 × 90 × 30 см). Рядом с могилой, на уровне верхнего контура ямы находился крупный обработанный камень. К востоку от погребения № 4613 располагается двухкамерная печь. С юго-востока к печи примыкает прямоугольная яма, ориентированная длинной стороной с запада на восток. Она также ранее не получила своего номера. Чтобы проанализировать все имеющиеся объекты суммарно, этой **яме** был присвоен № **4680**. Размеры ямы составляют 170 × 80 см. Заполнение

Рис. 8. Разрез объекта № 6 на Раскопе 12N.

Рис. 9. Объект № 5 на Раскопе 12N.

ямы представлено мусорными отложениями. На ее дне у южной стенки устроена заполненная обугленными костями животных лунка диаметром 30 см, глубиной 20 см).

В 4,5 м к северо-западу от двухкамерной печи у края объекта № 1 вскрыто **погребение № 4595** (Рис. 4). У восточного края контура погребения на уровне древней дневной поверхности находился керамический сосуд небольших размеров. Из мусорного слоя у восточной границы объекта № 1 были извлечены разрозненные кости двух детей (погр. № 4614), по-видимому, происходящие из разрушенных детских погребений, кости животных и фрагменты керамики.

В центральной части объекта № 1, где мощность слоя достигает 25 см, было проделано широкое отверстие диаметром около 150 см, через которое было совершено **погребение № 4610** (Рис. 5). Оно устроено в подбое с уступом и описано на стр. 111, 112 в статье *Дубова и др.*, 2021. Здесь мы кратко повторим его основные характеристики. Подбой полностью находится под толщей объекта № 1, а уступ — непосредственно под упомянутым отверстием. У южного края верхнего контура могильной ямы находится вкопанный в грунт фрагментированный хум диаметром 45 см.

Погребение № 4610 имеет размеры 170 × 150 × 90 см. Сразу под толщей объекта находилось три сырцовых кирпича от заклада. Подбой (180 × 85 см) устроен в западной части погребения. Уступ шириной 40 см сооружен на глубине 70 см, высота уступа составляет 20 см.

Погребенный был уложен на правом боку головой на СЗ. Кисти находятся перед лицом, ноги согнуты. Лицевая часть черепа уложена на плоский кусок белой глины. Среди погребальных приношений надо отметить кремневый наконечник стрелы (лежал около стоп), бронзовые кинжал и шило (лежали перед тазом, на полу подбоя), четыре фрагмента от одного или нескольких свинцовых изделий (около острого конца шила) и точильный камень (прямо напротив последних предметов). В погребении было три керамических сосуда: ваза на ножке (около затылка), красноглиняный сосуд в форме банки и бокал (около голеней). В вазе на ножке находилось глиняное изделие с неглубокими отверстиями. Найдены и другие предметы, в том числе в верхнем слое заполнения могилы и на поверхности (над могилой, на поверхности объекта № 1). Это погребение по своему погребальному инвентарю значительно отличается от других могил в этой части «Северного могильника». Но к обобщению полученных данных по погребениям перейдем позже.

Остановимся на описании еще нескольких объектов, ранее не описанных ввиду их не полного исследования. Надо отметить, что некото-

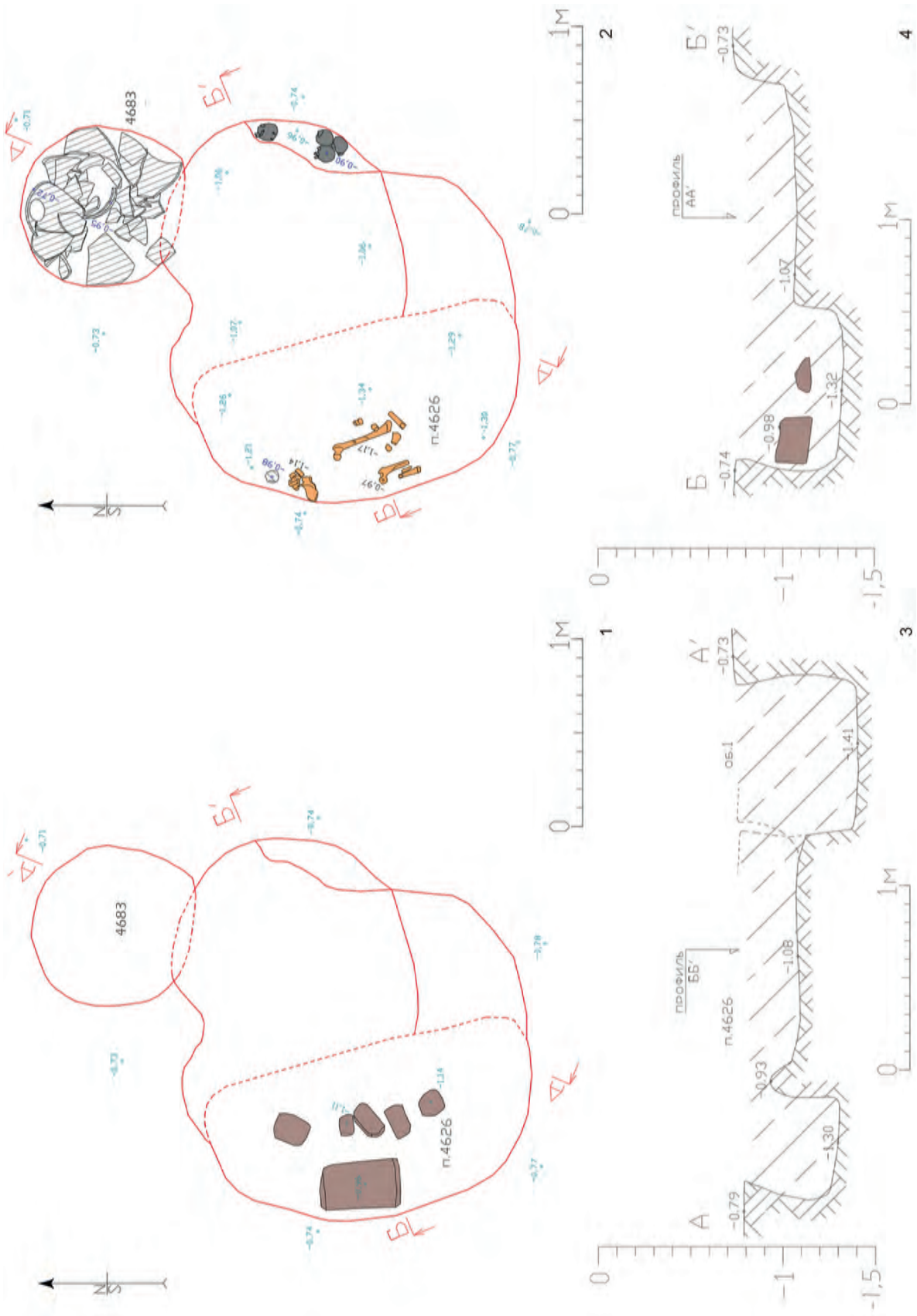

Рис. 10. План и разрезы погребения № 4626.

Рис. 11. Погребение № 4626.
1 – общий вид; *2* – миниатюрный керамический сосуд, *3* – каменная цилиндрическая бусина, *4, 6* – округлые предметы из глины; *5* – глиняное изделие с плоским основанием; *7-15* – глиняные шары.

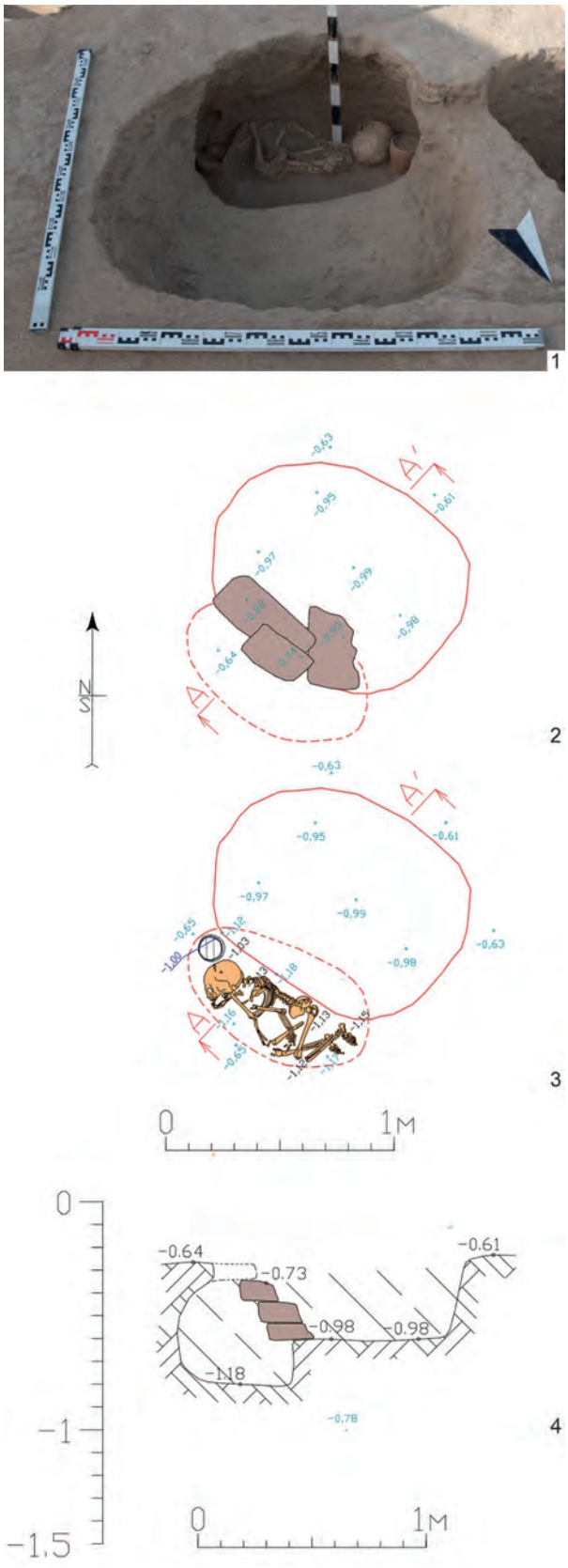

Рис. 12. Общий вид, план и разрезы погребения № 4633.

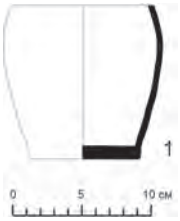

Рис. 13. Керамический сосуд из погребения № 4633.

рые объекты получили свои обозначения в связи с попыткой ввести самостоятельную нумерацию для грунтовых ям, не несущих следы погребений (объекты №№ 2, 4, 8). Эта практика был признана неудачной, так как во все предыдущие сезоны работ на Гонуре все подобные объекты обозначались, как и погребения, сквозной нумерацией. Чтобы не вносить неразбериху в полевую документацию, эти обозначения сохранены.

Небольшая округлая яма (диаметр 65 см, глубина 12–15 см), **Объект № 2**, расположена ближе к южной части описываемой территории, к западу от погр. № 4642[4] и № 4657 (Рис. 6). В ее заполнении находился каменный предмет (по-видимому, пест), керамическая бита средних размеров и два фрагмента стенок керамических сосудов.

Около юго-восточного края Объекта № 1 находилось несколько предметов, которые получили условное название **Объект № 3.** Прежде всего, следует упомянуть крупный вертикально стоящий керамический сосуд диаметром 30 см и лежащую к северо-востоку от него белую каменную «миниатюрную колонку» (Рис. 7). Рядом с ними, к западу на том же уровне прослеживается два округлых пятна (диаметр 50 см) – обожженная земля и тонкий зольный слой с черными углями, которые на глубине 15 см объединились в один контур диаметром около 100 см. После выемки грунта из этого контура проявилась яма неправильной формы, имеющая углубление до 15 см около вкопанного хума. Эта яма (370 ×370 см) занимает все пространство между погребениями №№ 4663, 4664, 4659 и 4654. Ее заполнение включало черную золу, смешанную с закопченными фрагментами керамики, разрозненными костями животных (в основном с южной стороны хума) и фрагментами пережженных сырцовых кирпичей; два крупных каменных изделия (возможно использовавшихся в качестве орудий) и еще два обломка камней; две крошечные биты (керамическая и глиняная) диаметром около 10 мм; глиняный шарик диаметром 30 мм), а также большое число фрагментов керамики, среди которой находились: 17 веничков и 14 донцев от разнообразных сосудов (от небольших стаканов до крупных конических и круглых) и очень большое число фрагментов стенок.

[4] Описание всех погребений будет дано далее.

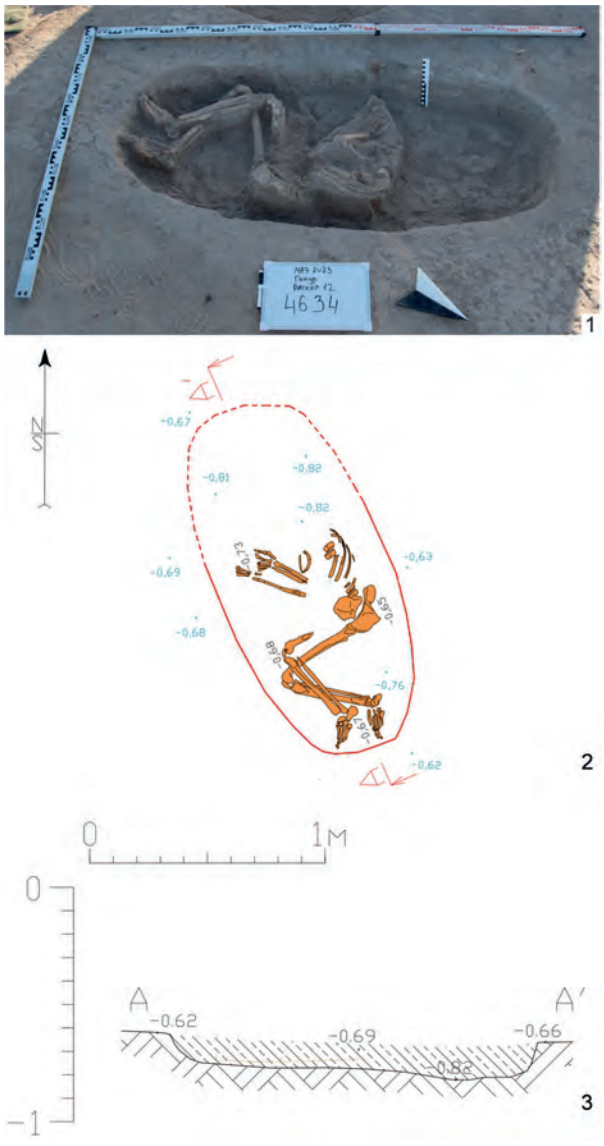

Рис. 14. Общий вид, план и разрез погребения № 4634.

Непосредственно около северного угла погр. 4648 устроен **Объект № 4** (овальная яма диаметром 55 см и глубиной 15 см)**.** Его устройство аналогично устройству Объекта № 2. Небольшие отличия между объектами имеются лишь в размерах. Западная стенка объекта № 4 хорошо обработана, его дно неровное, с углублениями. Обмазка отсутствует. В заполнении ямы не было никаких предметов.

У западного края погр. 4639 и 4653 и у южного края погр. 4655 фиксируется большое угольное пятно черного цвета диаметром более 500 см – **Объект № 6**. Почти в центре его находился большой хум диаметром 50 см, вкопанный в землю до половины высоты. В заполнении вокруг этого сосуда находилось небольшое количество костей животных, в том числе альчик мелкого рогатого скота (далее МРС) и альчик крупного рогатого скота (далее КРС); глиняный шарик, игральная фишка из серой, закопченной глины, а также лопатка младенца. К юго-востоку от этого пятна выявляется пятно белого цвета, состоящее из гипса (определение минералога А.М. Юминова). Оно доходит до южной части погр. № 4639 и северной части погр. №№ 4634, 4642. В центре этого белого пятна имеется контур обожженного слоя неправильной формы. Его размеры с запада на восток составляют 300 см, а с севера на юг – 180 см. Мощность угольного пятна доходит до 25 см, гипсового – до 20 см. Частично угольное пятно перекрывает гипсовое (Рис. 8). К востоку от места их перекрытия (в конце гипсового пятна) находится яма неправильной формы, в которой лежат фрагменты сырцовых кирпичей. Эту яму и соседнее погребение разделяет угольный слой. После зачистки данного участка были выявлены два погребения № 4670 и № 4671, а с восточной стороны в этом месте находится погр. № 4639.

К северо-западу от большого угольного пятна находится подпрямоугольная яма (размеры 220 см с севера на юг × 150 см с запада на восток) – **Объект № 5** (Рис. 9). Южная и восточная стенки ямы расположены под прямым углом друг к другу, а северная и восточная – под тупым. Внутри ямы на глубине 40 см от древней дневной поверхности ближе к восточной стенке находится верхняя часть крупного разваленного хума с широким горлом. На уровне 10 см от нее яма сужается, образуя у своих западной и частично у южных стенок полочку. В заполнении обнаружено больше двух десятков фрагментов керамических изделий, камень и кость конечности МРС.

Объект № 7 – черно-зольное пятно (300 × 480 см) – находится к северо-западу от Объекта № 1.

Перейдем к *описанию погребений*.

В нумерацию погребений, исследованных осенью 2019 г., необходимо внести небольшую корректировку. Так, в отчетной статье *Дубова и др.*, 2021 на стр. 117 неверно указаны номера объектов (двойных грунтовых ям). Яма, обозначенная ранее как № 4626, теперь получила № 4628, а яма № 4627 ныне фигурирует под № 4629. За номером № **4626** теперь рассматривается **погребение** (225 × 120 × 100 см), устроенное в виде подбоя с уступом в южной части описываемой территории, к западу от погр. 4648 и 4649 (Рис. 10, 11). Продольная ось захоронения ориентирована по линии север–юг. Подбой был устроен в западной стенке ямы. В древности погребение было ограблено, поэтому фрагменты сырцовых кирпичей от заклада подбоя находились в беспорядке, так же как и костные останки человека (включая мелкие фрагменты черепа). Ограбление происходило намного позже предания тела земле, так как отдельные кости скелета находятся в несочле-

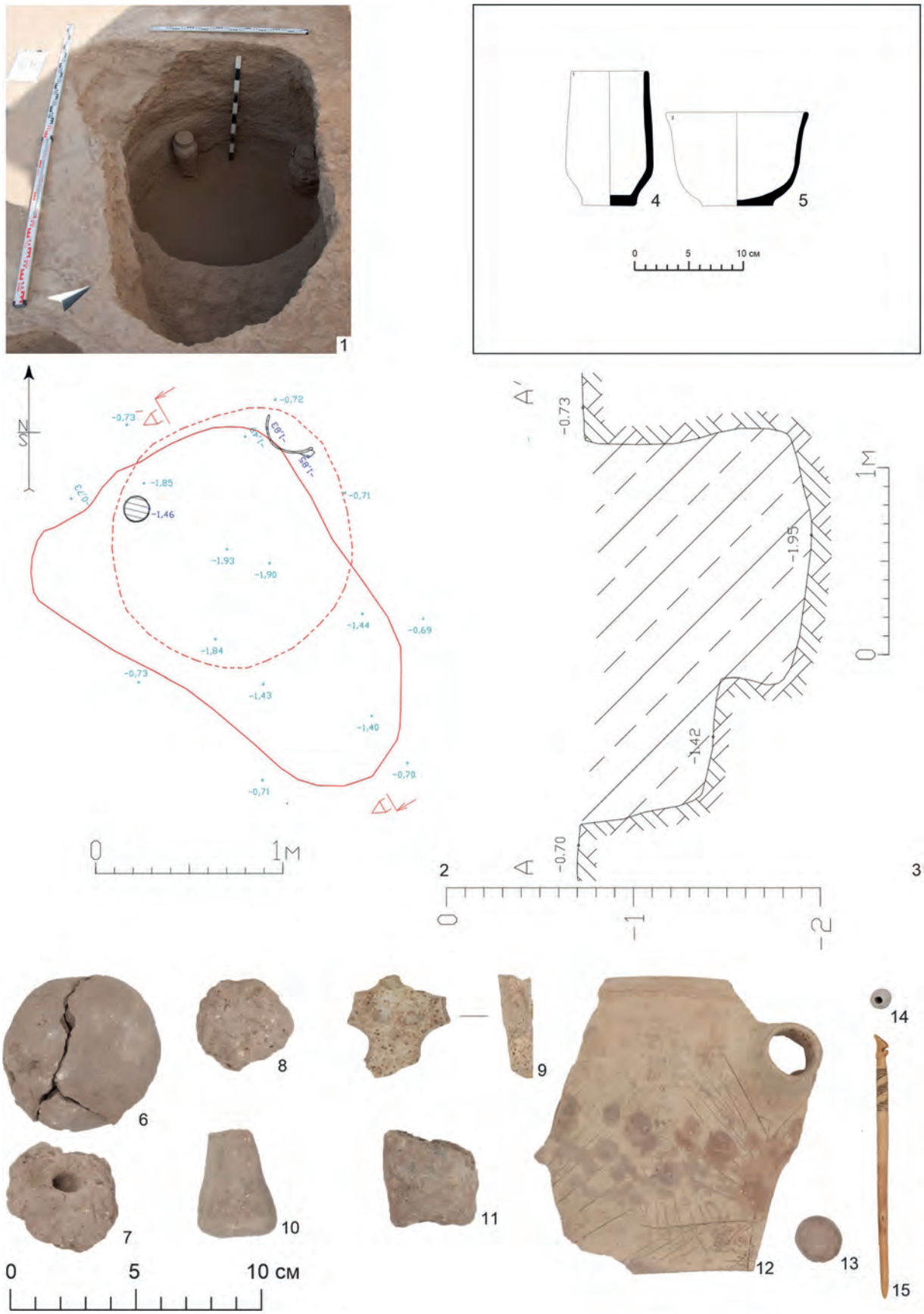

Рис. 15. Погребение № 4635. *1* – общий вид, *2* – план, *3* – разрез, *4, 5* – керамические сосуды, *6* – дисковидный предмет из глины, *7* – глиняный округлый артефакт с углублениями от палочки или стержня, *8, 10, 13* – глиняные изделия разных форм и размеров, *9* – фрагмент терракотовой статуэтки, *11* – шлак металло- или керамопроизводства, *12* – фрагмент керамического сосуда со сливом с процарапанным рисунком («древо жизни»), *14* – круглая бусина белого цвета из кремнистого материала, *15* – костяная булавка с навершием в виде ноги в туфельке на каблуке.

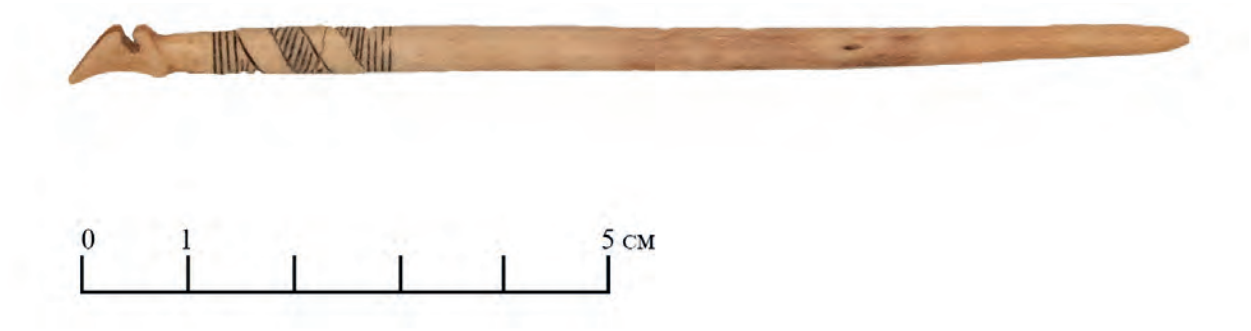

Рис. 16. Раскоп 12N, погребение № 4635. Костяная булавка с навершием в виде ноги в туфельке на каблуке.

Рис. 17. Раскоп 12N, погребение 4638. Общий вид.

ненном состоянии и в разных местах могильной ямы. *In situ* остались лежать лишь кости ног. Судя по их положению в южной части подбоя, а также наличию довольно крупного фрагмента теменных костей в северной части подбоя, погребенный лежал головой на С, вероятнее всего, на правом боку. Около западной стенки подбоя на том уровне, где могла располагаться грудная клетка погребенного, на возвышении в 10 см от уровня пола подбоя стоит миниатюрный керамический сосудик и несколько ниже него — каменное изделие неясного назначения. В заполнении подбоя и всей могильный ямы также имеется ряд предметов: цилиндрическая бусина из буро-красного пятнистого известняка (Рис. 11, *3*), фрагмент (10 × 7 см) сильно обожженной глины из топки печи, фрагменты двух изделий из глины с плоским основанием, две небольшие речные гальки, небольшая керамическая бита, значительное число фрагментов от разных сосудов, как гончарных так и лепных (превалируют гончарные).

Наибольший интерес представляет группа предметов, уложенных в восточной части уступа, на возвышении около 10 см. Речь идет о больших глиняных шарах, в которые воткнуты мелкие фрагменты керамики острием вверх (Рис. 11, *7-15*). В одном из шаров вместо черепков в тело шара утоплены фрагменты двух небольших костей. Чтобы не разрушить это глиняное изделие, кости из него не были извлечены. Поэтому точно определить их видовую принадлежность невозможно. Шары лежали в два ряда: четыре экземпляра около стенки уступа, два экземпляра рядом с ними. Между большими шарами с керамикой находилось еще два фрагмента больших шаров. Но в виду разрушения краев этих фрагментов, судить о том, был ли это еще один шар или два, затруднительно. В той же группе глиняных изделий находился маленький глиняный шар диаметром около 5 см и половина еще одного подобного с двумя круглыми углублениями от ранее воткнутых округлых палочек или стержней. С северо-восточной стороны около края могилы устроена яма (объект № 8), имеющая диаметр 85 см.

Кости человека принадлежали молодой женщине около 25 лет (*adultus*), но кости крестца ее не полностью синостозированы; не полностью срослись дуги поясничных и нижних грудных позвонков. В то же время в проксимальной части левой малоберцовой кости отмечен костно-хрящевой экзостоз.

Погребение 4633 (110 × 90 × 50-55 см) устроено в подбое с уступом (Рис. 12). Уступ находился на глубине 37 см от уровня древней дневной поверхности. Вход в подбой был закрыт тремя сырцовыми кирпичами, уложенными друг на друга. Оно находится в самом центре описываемого участка, рядом с погр. 4639 и 4641. Продольная ось погребения ориентирована по линии запад-восток. Погребенный лежит в подбое на правом боку головой на З. Обе его руки лежат вдоль туловища таким образом, что кисти находятся рядом с коленями. Ноги согнуты. За теменем стоит красноглиняный керамический сосуд (Рис. 13). По предварительному определению здесь был похоронен подросток (*infantilis II*). Визуально у него несоразмерно большая голова относительно туловища и конечностей (возможно, наличие патологии).

Погребение 4634 находится к югу от № 4633 и устроено в овальной грунтовой яме (155 × 70 × 10-15 см) (Рис. 14). Яма ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Погребенный

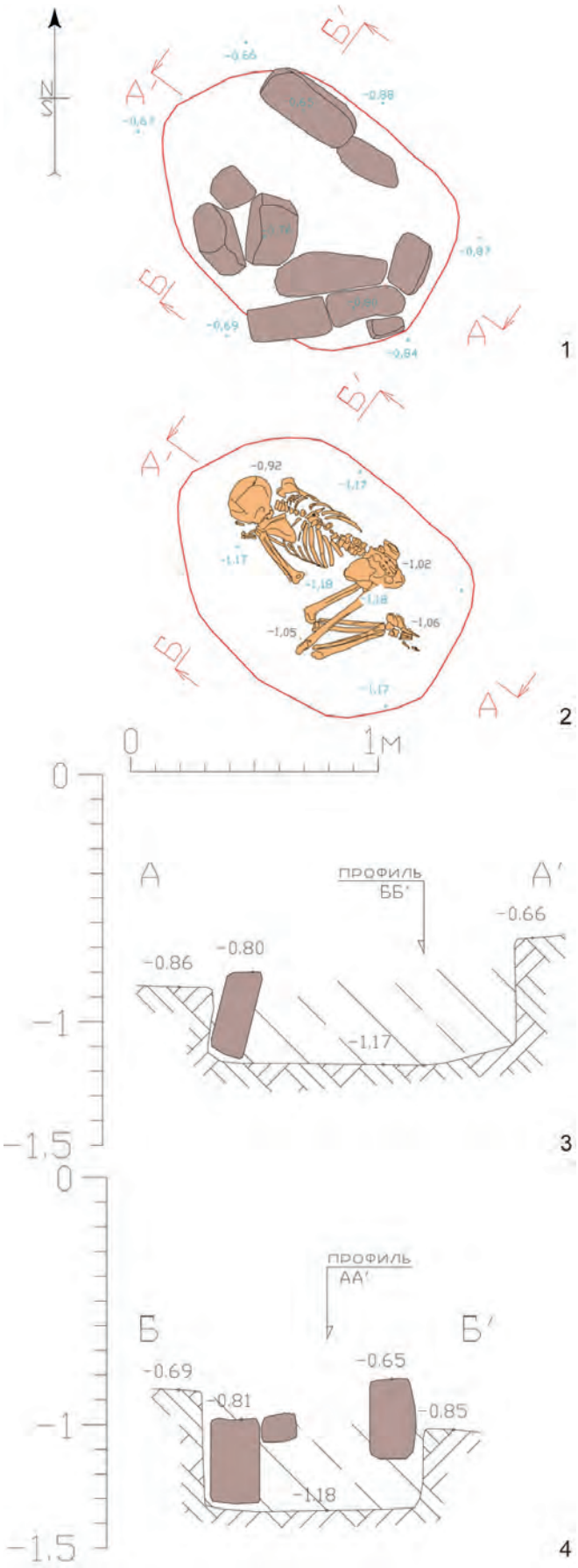

Рис. 18. Раскоп 12N, погребение 4638.
План и разрезы.

лежал на правом боку головой на ССЗ. Несмотря на то, что могила не была ограблена, череп, шейный отдел позвоночника и верхняя часть грудного отдела отсутствуют. Это, скорее всего, не является свидетельством специального удаления черепа. По всей видимости, захоронение производилось в более поздний период, чем остальные и на достаточно небольшой глубине, что привело к разрушению головы, которая обычно располагается в погребении на небольшом возвышении. Судя по развитию артроза коленных и запястных суставов и большого числа остеофитов на позвонках грудного отдела позвоночника, здесь была похоронена женщина старше 35 лет (*maturus*). Сопроводительный инвентарь не обнаружен.

Погребение 4635 (205 × 150 × 120 см) устроено в подбое с уступом (Рис. 15) рядом с двойной ямой 4627. Продольная ось захоронеия 4635 ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Оно было ограблено в древности. Грабительский лаз фиксируется в северо-западном углу погребения. Как весь погребальный инвентарь, так и костные останки человека (преимущественно кости стоп) находятся в заполнении и в беспорядке. Судя по не полностью приросшим суставным поверхностям на пальцах стопы и общей грацильности сохранившихся костей, здесь была захоронена девушка 14-16 лет (*juvenis*).

Значительная часть фрагментов керамических изделий концентрируется в заполнении северной части могилы. Там же, в северо-западной части ямы найдена костяная булавка с навершием в виде ноги в туфельке на каблуке (Рис. 15, *15;* 16). В заполнении находились круглая бусина белого цвета из кремнистого материала (Рис. 15, *14*) и фрагмент терракотовой статуэт-

Рис. 19. Раскоп 12N, погребение 4638.
1 – фрагмент изделия из бронзы, *2* – глиняный предмет с отверстием в центре.

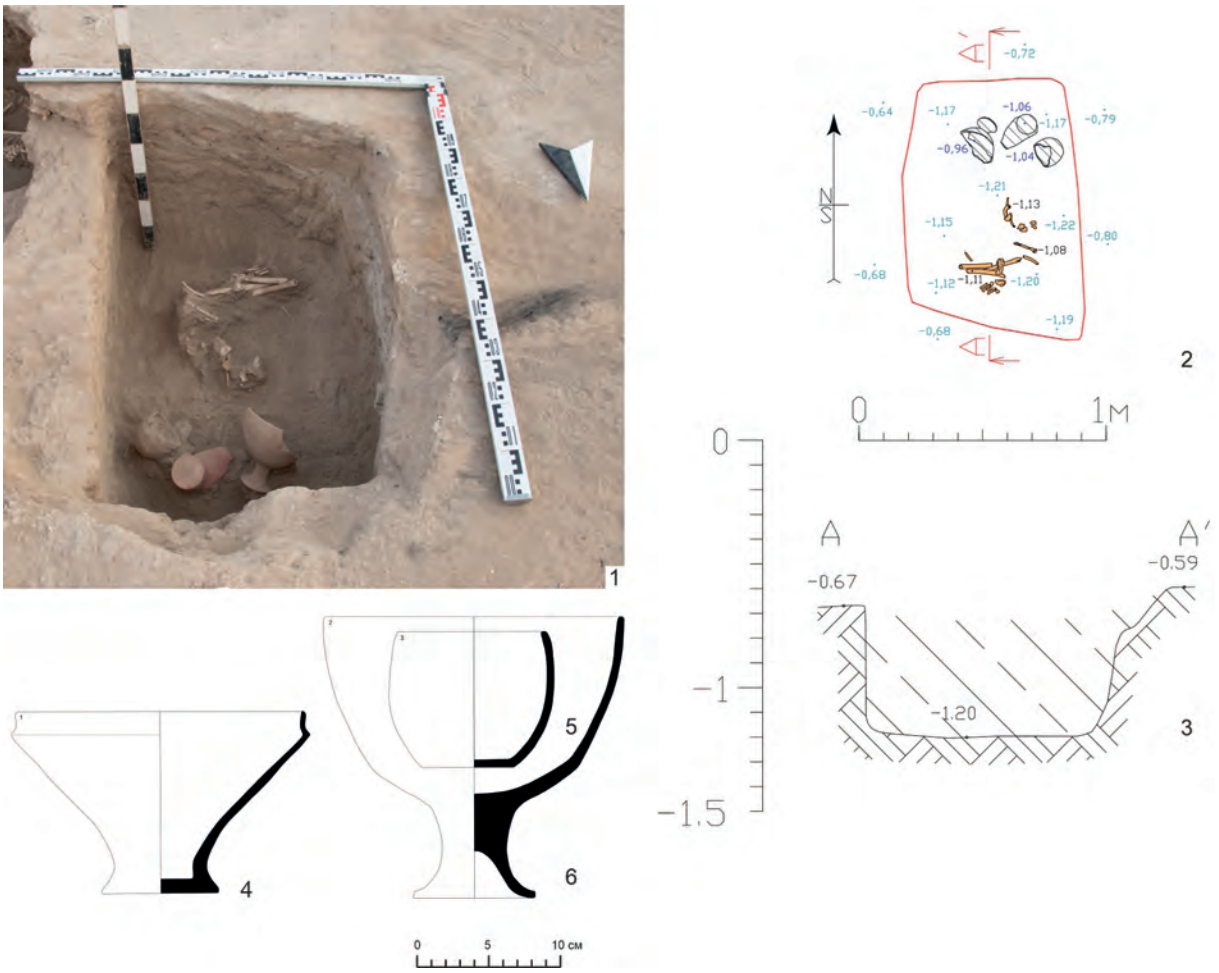

Рис. 20. Раскоп 12N, погребение 4639. *1* – общий вид, *2* – план, *3* – разрез, *4–6* – керамические сосуды.

ки (Рис. 15, *9*). Кроме того были зафиксированы фрагменты керамических сосудов, причем особый интерес представляет фрагмент достаточно крупного сосуда с сохранившимся венчиком и стенкой со сливом с процарапанным по сырой глине типичным рисунком («древо жизни») (Рис. 15, *12*). Этот высокий сосуд диаметром 30 см имеет прямые стенки и цилиндрическое тулово. Также найдены и два целых керамических сосуда, один находился в северо-западном углу подбоя, второй в северо-восточном (Рис. 15, *4, 5*). В заполнении же найдены два крупных камня, несколько глиняных округлых артефактов с углублениями от палочки или стержня (Рис. 15, *7*), три глиняных шарика (диаметр около 3 см) и грубо вылепленный из глины конус. Также встречены мелкие фрагменты бронзы (капли), двух больших (диаметр около 7 см), пяти средних (4–5 см в диаметре) керамических бит, а также глиняный дисковидный предмет, напоминающий лепешку (диаметр 7 см, толщина около 1 см) (Рис. 15, *6*) и археологически целый стакановидный сосуд. Около юго-восточной стенки ямы на высоте около 15 см находились кости конечности МРС в анатомическом порядке.

Погребение 4638 (140 × 110 × 30 см), подбой с небольшим уступом, находится в южной части описываемой территории, рядом с ямами № 4637 и № 4640 (Рис. 17, 18). Захоронение ориентировано длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Вход в подбой был заложен целыми и фрагментами сырцовых кирпичей, лежащими на ребре, которые частично смещены и находились в момент раскопок вокруг останков погребенного. Взрослый погребенный[5] лежал головой на С, на правом боку, частично завалившись на живот. Ноги согнуты. Стопы лежат одна на другой. Кисти рук находились перед грудью и лицом. Голова находится на небольшом возвышении из глины. Рядом с коленными суставами располагались несколько костей МРС (?). В заполнении ямы был найден круглый глиняный предмет с отверстием в центре (Рис. 19, *2*) и фрагмент изделия из бронзы (Рис. 19, *1*). Другой погребальный инвентарь отсутствует.

[5] Здесь, как и в ряде других случаев, определение пола и возраста погребенного было отложено до следующего полевого сезона. Ввиду длительной невозможности выехать в поле, эти определения пока не проведены. Костные материалы хранятся на экспедиционной базе.

Погребение 4639 (100 × 70 × 50 см), находящееся рядом (к западу) от погр. 4633 (Рис. 20, *1–3*), устроено в небольшом подбое с уступом, заклад которого разрушен грабителями в древности. Продольная ось захоронения ориентирована по линии север–юг. Фрагменты сырцовых кирпичей, как и костные останки человека, лежат в беспорядке по всему подбою. Прямая гладкая и аккуратная восточная стенка могилы очень хорошо обработана. Положение погребенного взрослого человека и ориентацию его головы определить невозможно. В северной части могильной ямы было обнаружено три сосуда: кубок на короткой ножке (Рис. 20, *6*), конический сосуд покрытый ангобом (Рис. 20, *4*) и небольшой красноглиняный лепной сосуд (Рис. 20, *5*). Кроме того в заполнении был найден шарик из необожженной глины.

В юго-западный угол этого погребения впущено ямное **погребение** ребенка до 1 года (*infantilis* I) **4639а**. Его дно находится на уровне кирпичей от разрушенного заклада. Сохранность костей очень плохая. Положение тела определить невозможно.

Погребение 4641 (135 × 100 × 85-90 см) в подбое с уступом расположено к востоку от погр. № 4633 (Рис. 21). Продольная ось захоронения № 4641 ориентирована по линии СЗ –ЮВ. Взрослый погребенный лежит на правом боку головой на С. Спина прямая. Ноги согнуты умеренно, кисти находятся перед лицом. За теменем, в северной части подбоя стоят два керамических сосуда. В заполнении был обнаружен фрагмент шлака.

В одной грунтовой яме (140 × 80 × 10–15 см), расположенной к востоку от погр. 4644 и грунтовой ямы 4657, устроено **два погребения 4643 и 4676** (Рис. 22). Продольная ось ямы направлена по линии север–юг. В южной части ямы в земле вылеплен глиняный цилиндрический сосуд диаметром 25 см). К северу от него на уровне шейки сосуда устроено детское погребение № 4643. Младенец (*infantilis* I) лежит на левом боку головой на Ю. Кисти находятся у лица, ноги сильно согнуты. В северной части той же ямы на боку лежит половина хума (диаметр в средней части 30 см), в котором устроено погребение еще одного младенца несколько более старшего возраста (*infantilis* I) № 4676. Сверху погребенного ребенка накрывает вторая половина того же хума. Ребенок в хуме лежит на спине головой на С (к устью хума). Правая рука уложена вдоль грудной клетки, а левая согнута так, что кисть ее находится прямо у глаз. Около шеи и рядом с правой рукой лежит большая цилиндрическая лазуритовая бусина (Рис. 22, *5*). По всей видимости, оба погребения были устроены с незначительным промежутком времени, так как находятся фактически на одном уровне.

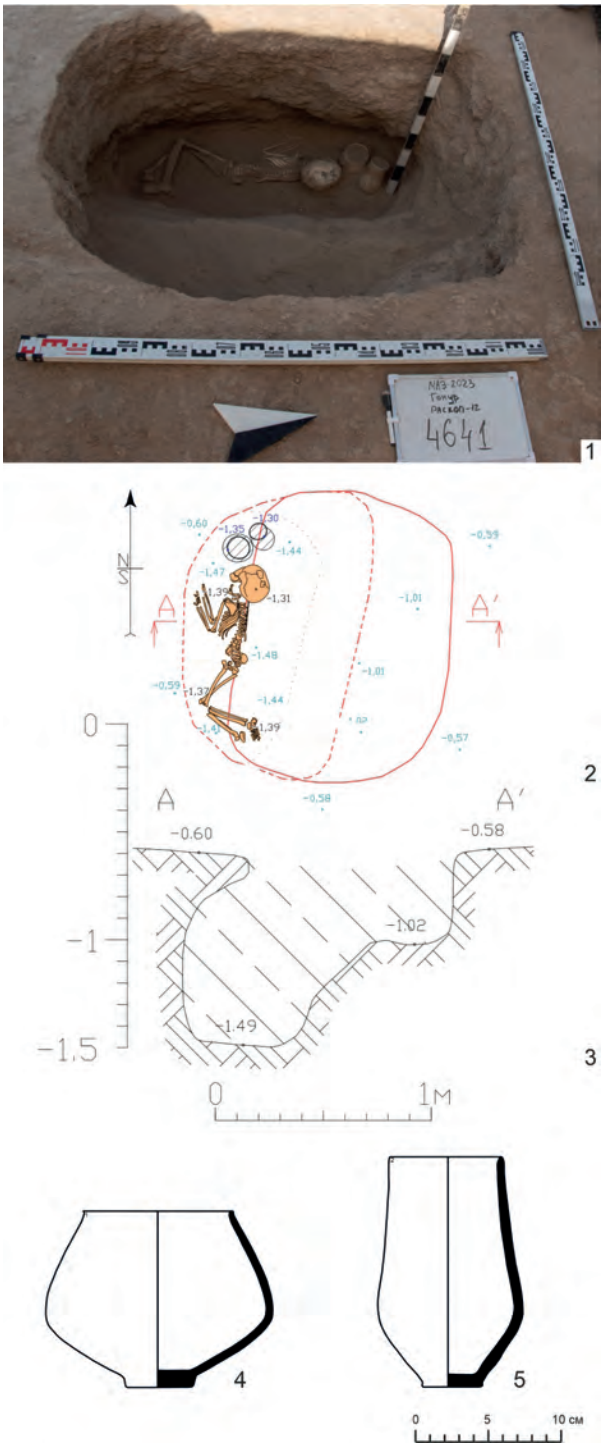

Рис. 21. Раскоп 12N, погребение 4641. *1* – общий вид, *2* – план, *3* – разрез, *4, 5* – керамические сосуды.

Рис. 22. Раскоп 12N, погребения 4643 и 4676. *1* – общий вид могил, *2, 3* – планы, *4* – разрез, *5* – цилиндрическая лазуритовая бусина из погребения № 4676.

К юго-востоку от погр. 4643 находится **погребение 4645** (140 × 80 × 15–30 см) (Рис. 23). Его продольная ось направлена по линии СЗ — ЮВ. Могила состоит из двух связанных между собой ям. Северо-западная яма имеет бóльшую глубину, чем юго-восточная. В центре ее вкопана нижняя часть хума, заполненная землей, смешанной с золой. Там же найдено несколько костей КРС, пара фрагментов керамики, а также черные угольки. В юго-восточной части погребения в грунтовой яме похоронен ребенок (*infantilis I*). Он уложен на обмазанное глиной дно ямы на правый бок головой на СЗ. Колени подтянуты к локтям. Предплечья, закрывающие лицо почти параллельны голеням. Ноги только присогнуты в коленях, почти прямые. В заполнении могильной ямы найдены небольшая керамическая бита, половина биконической бусины (пряслица) и фрагмент каменного орудия.

На краю сосуда, стоящего в западной яме, лежали фаланги первого пальца левой стопы взрослого человека в анатомическом порядке (Рис. 23, *4*). Других костей взрослого человека в сосуде или около него не было найдено. Поскольку яма с хумом перерезает могилу ребенка, по-видимому, первоначально был похоронен ребенок, а позже с северо-восточной стороны была сооружена яма с хумом.

Погребение 4650 находится к северу от погр. 4641. Оно устроено в подбое с уступом (150 × 145 × 80 см) (Рис. 24). Продольная ось захоронения ориентирована по линии запад–восток. Могила ограблена в древности, но большая часть костей скелета лежит на анатомически обусловленном месте. Грабители переместили лишь некоторые кости. Например, правое бедро и правая половина таза находятся на грудной клетке. Поскольку кости частично сохранили сочленения, можно полагать, что ограбление происходило тогда, когда останки похороненного взрослого человека еще не полностью разложились. Он был уложен на правый бок головой на З. Спина прямая, пятки подтянуты к тазу. Плечи находятся на анатомически обусловленном месте, но предплечья не сохранились. Поэтому судить о том, как были уложены кисти, невозможно.

На уступе могилы, на высоте 30 см от его поверхности лежала вверх дном керамическая тарелка на низкой ножке (Рис. 24, *4*) и четыре фрагмента конического сосуда. В заполнении погребения найдены камень и значительное количество фрагментов керамики от разных сосудов, судить по которым о том, были ли они приношениями или просто случайным мусором, сложно. В заполнении также находился фрагмент террако-

товой антропоморфной статуэтки — «рука» (Рис. 24, *6*), а в культурном слое около погребения была найдена оригинальная покрытая глазурью бусина из кремнистой массы с прорезанными желобками (Рис. 24, *5*).

К северу от погр. 4650 находится **погребение 4651,** принадлежащее маленькому ребенку (*infantilis* I). Оно устроено в грунтовой яме (70 × 40 см), глубиной не более 20 см (Рис. 25). На древней дневной поверхности было зачищено пятно иного, чем основной грунт цвета, при расчистке которого обнаружилась большая грунтовая яма, в которой, кроме погр. № 4651 находилось и большое погр. 4662. Продольная ось погр. 4651 ориентирована по линии запад–восток. Похороненный лежал на правом боку головой на З. Ноги слегка присогнуты, кисти находятся у лица. Череп фактически стоит на основании. У затылка ребенка стоит керамический сосуд типа стакана (Рис. 25, *3*). Около таза ребенка и далее на север находится большое число крупных фрагментов сырцовых кирпичей и плотных пахсовых блоков, которые, скорее всего, являются закладом подбоя в погр. № 4662.

Погребение 4652, подбой с уступом (250 × 130 × 90 см) (Рис. 26), находится к северо-западу от погр. 4650 и к западу от 4651. С З к нему примыкает печка. Продольная ось захоронения направлена по линии С–Ю. Погребенный лежит на спине головой на Ю. Согнутые ноги уложены на левый бок, пятки находятся под тазом, голова — на затылке, кисти рук — перед нижней челюстью. Около ступней ног размещен тонкий (0,5 см толщиной) почти квадратной формы теракотовый предмет (28 × 28 мм), закопченный с одной из плоских сторон. В заполнении найдена небольшая цилиндрическая бусина из кремнистого материала с фрагментами зеленой глазури на поверхности (Рис. 26, *5*). Похоронен был подросток, о чем свидетельствуют полностью не синостозированные эпифизы всех длинных костей, а также гребень подвздошной кости. По предварительному определению это юноша до 22 лет (*juvenis*).

На 30 см выше уровня уступа с северной стороны над подбоем 4652 впущено детское погребение 4677. В заполнении обеих могил много небольших фрагментов керамики, но от разных сосудов.

Погребение 4653 устроено в очень неглубокой яме (125 × 110 × 5 см), находящейся к ЮЗ от погр. 4652. (Рис. 27). Продольная ось захоронения ориентирована с З на В. Сохранность костных останков крайне плохая. Судя по следам костей черепа и позвоночника, можно говорить, что ребенок (*infantilis II*) лежал на левом боку головой на ЮЗ. Кисти, скорее всего, находились у лица. Ноги были согнуты. Сопроводительный инвентарь в могиле отсутствовал.

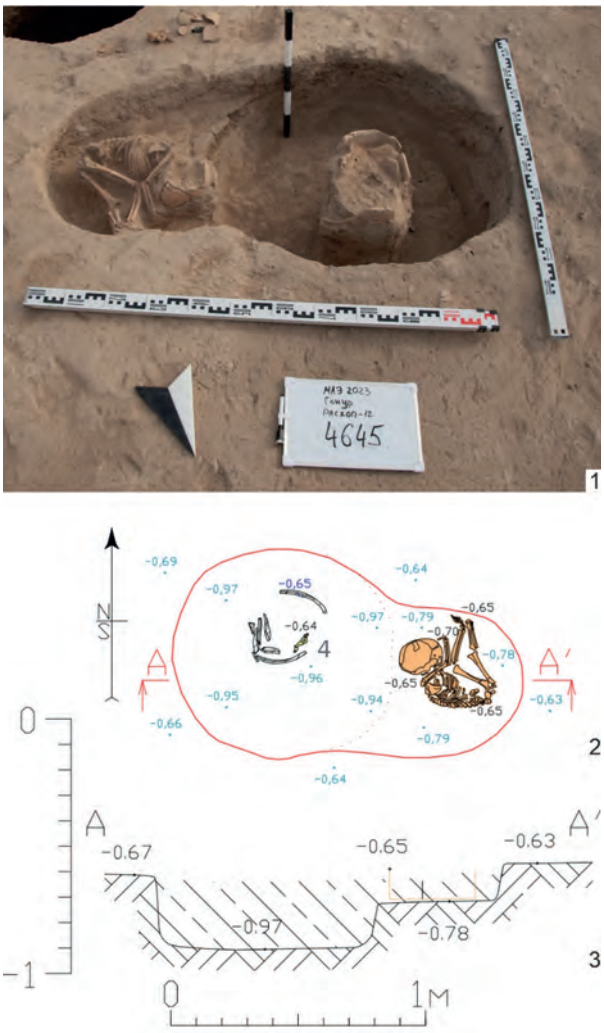

Рис. 23. Раскоп 12N, погребение 4645.
1 – общий вид, *2* – план, *3* – разрез, *4* – фаланги первого пальца стопы взрослого человека.

Далее к западу от погр. 4653 и рядом с ямой 4655 находится **погребение 4654,** которое устроено в подбое с уступом (190 × 100 × 20-45 см) (Рис. 28, 29). Продольная ось захоронения ориентирована с С на Ю. Подбой был перекрыт вертикально на короткой стороне семью стоящими сырцовыми кирпичами. В юго-восточном углу на древней дневной поверхности фиксируется грабительский лаз, дно которого доходит до верхнего контура могилы, но не до уступа. Погребенный лежал на правом боку с прямой спиной, слегка завалившись грудной клеткой на живот, головой на С. Пятки подтянуты к тазу. Кисти рук лежат непосредственно на лице, поскольку голова со временем завалилась вперед, и лицо оказалось на кистях рук.

По предварительному определению, похороненный был мужчиной старше 25 лет.

За его головой в подбое стоят два керамических сосуда, один из которых является чайником с отколовшимся (до помещения в могилу) носи-

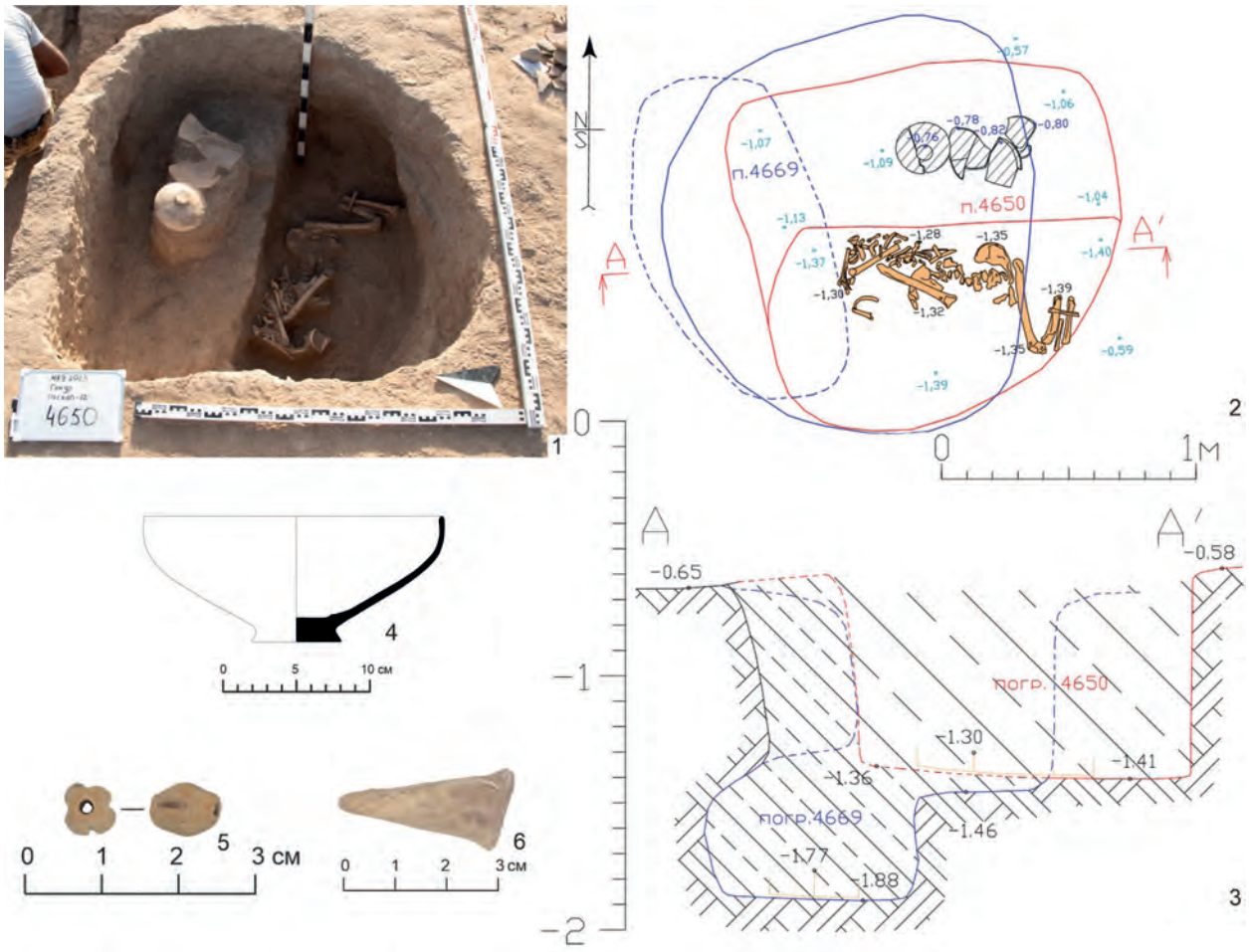

Рис. 24. Раскоп 12N, погребение 4650.
1 – общий вид, *2* – план, *3* – разрез, *4* – керамический сосуд, *5* – бусина из кремнистой массы, *6* – фрагмент терракотовой статуэтки «рука».

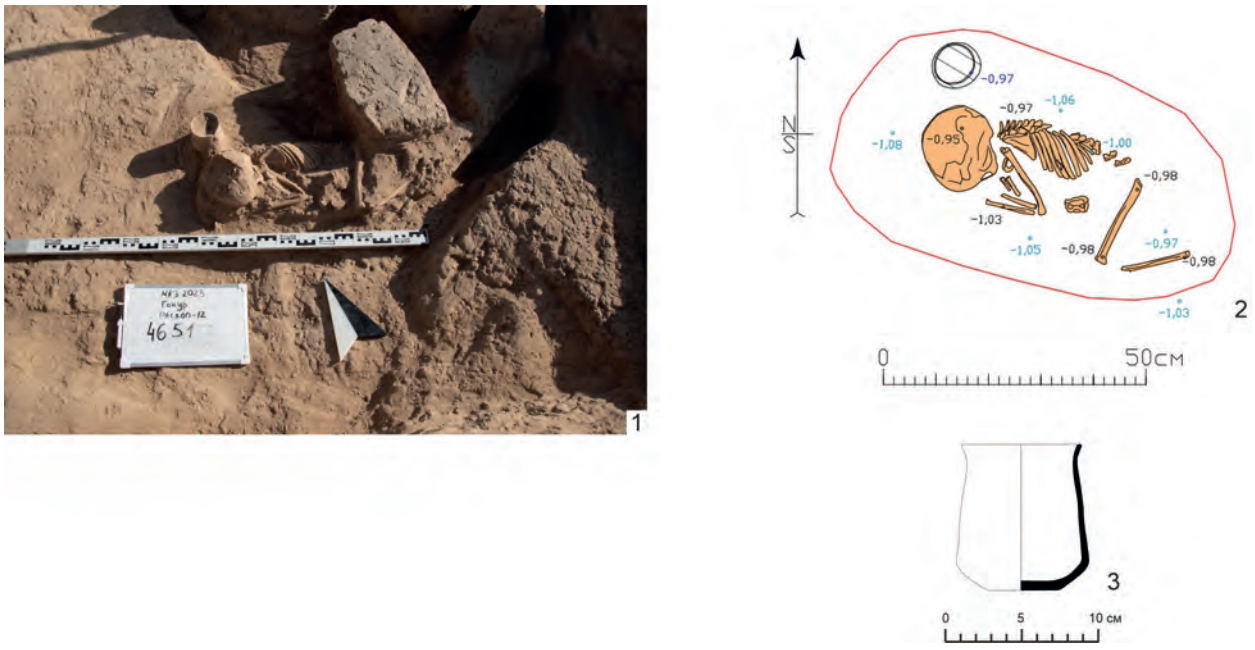

Рис. 25. Раскоп 12N, погребение 4651. *1* – общий вид, *2* – план, *3* – керамический сосуд.

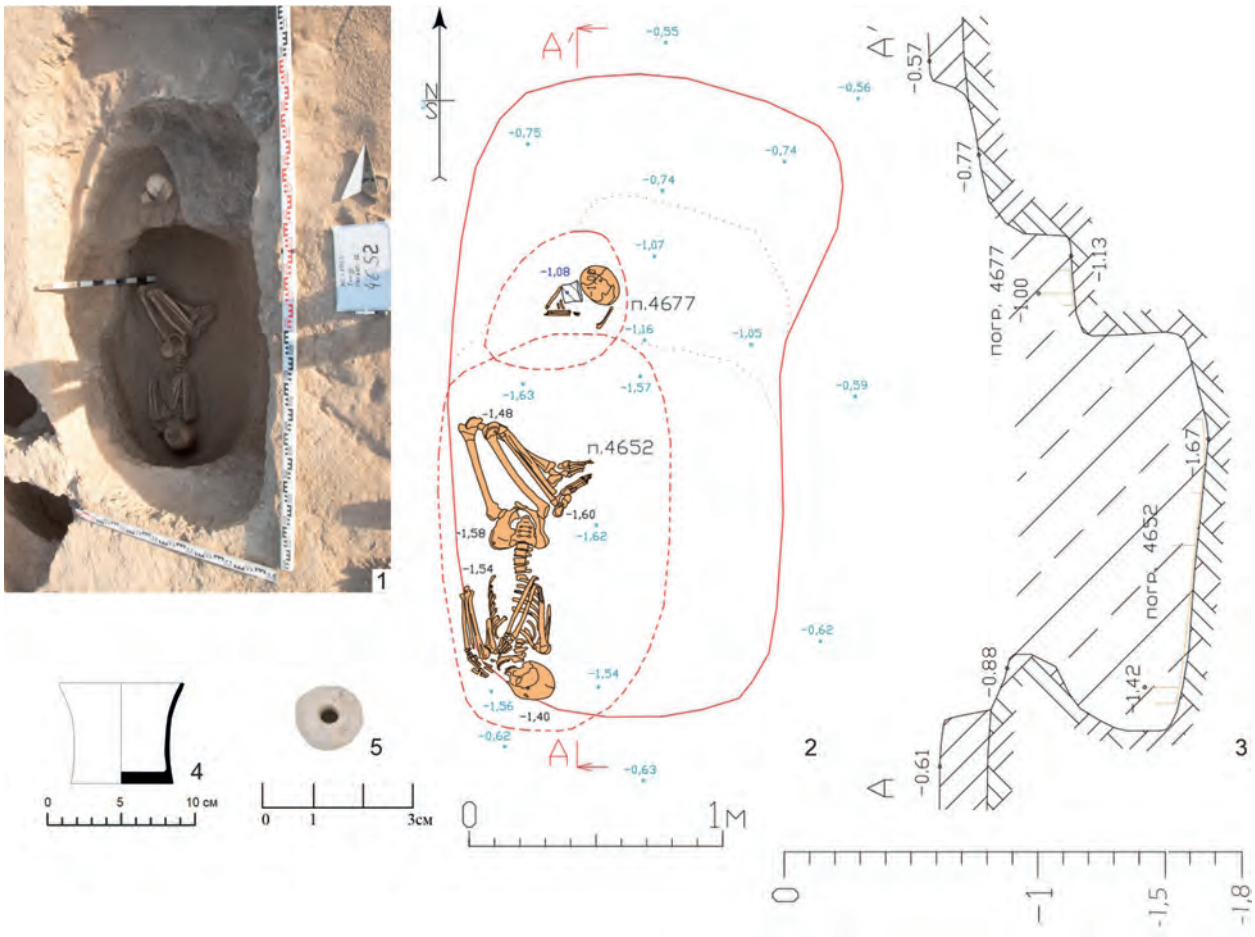

Рис. 26. Раскоп 12N, погребения 4652 и 4677.
1 – общий вид, *2* – план, *3* – разрез, *4* – миниатюрный керамический сосуд из погр. № 4677, *5* – цилиндрическая бусина из кремнистого материала с фрагментами зеленой глазури из погребения № 4652.

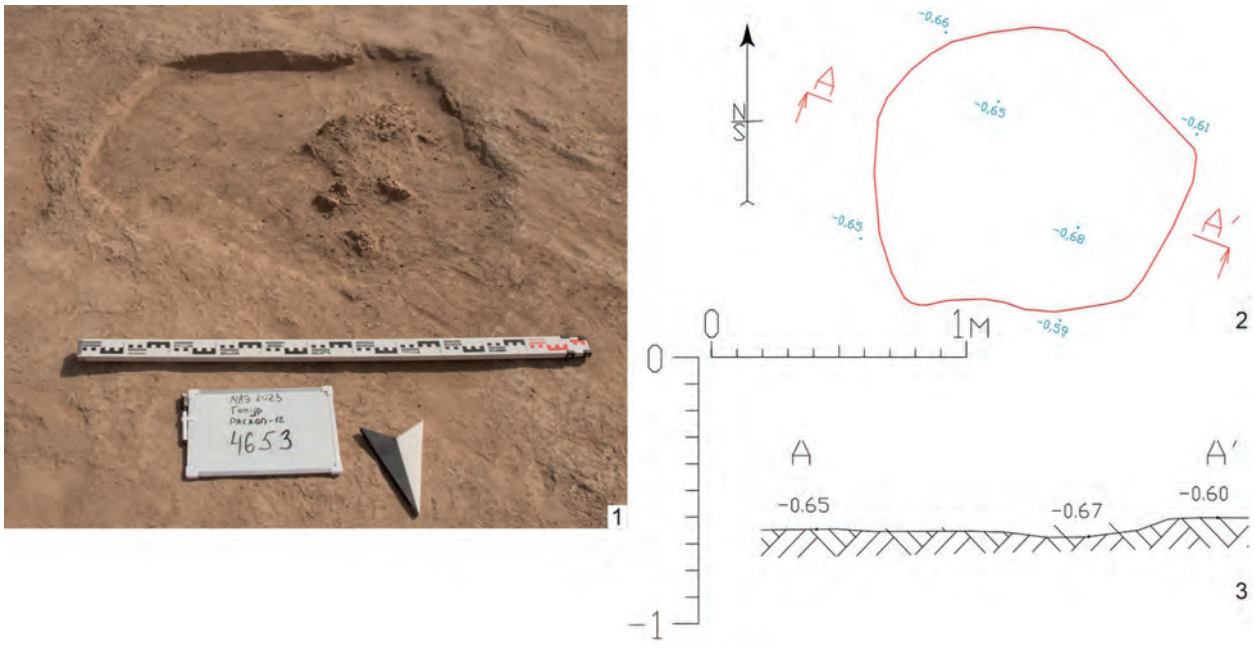

Рис. 27. Раскоп 12N, погребение 4653.
1 – общий вид, *2* – план, *3* – разрез.

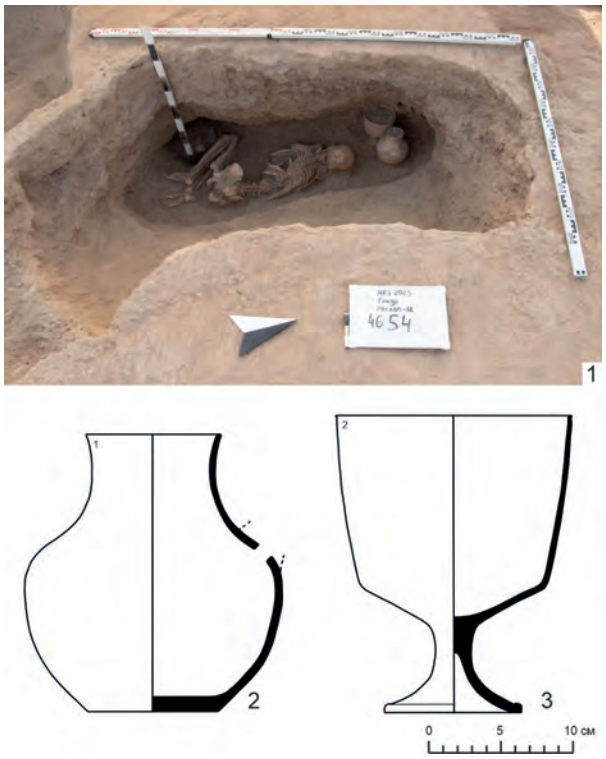

Рис. 28. Раскоп 12N, погребение 4654.
1 – общий вид, *2–3* – керамические сосуды.

ком, а второй — кубком на ножке (Рис. 28, *2, 3*). Рядом с ними на полу лежит кость МРС (?), навершие бронзовой булавки и маленькая керамическая бита. В юго-западном углу подбоя фиксируется небольшое зольное пятно.

Погребение 4659, находящееся между погребением 4660 и объектом № 3, устроено в подбое с уступом (260 × 130 × 90 см) (Рис. 30, 31). Продольная ось захоронения ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Погребенный подросток (*infantilis II*) лежит ничком, головой на С, уткнувшись лицом в дно подбоя. Ноги сильно согнуты таким образом, что колени находятся на уровне грудины. Правая рука лежит вдоль грудной клетки, ее кисть — в районе таза. Левая рука опущена вдоль туловища, ее кисть находится под левым бедром. За теменем стоит керамический стакановидный сосуд (Рис. 32, *2*). В восточной части могилы, в 50 см от уровня уступа был обнаружен еще один керамический сосуд (Рис. 32, *1*) В северо-восточной части ямы на той же высоте были найдены несколько фрагментов керамики. Под ними находились фрагмент ребра МРС, фрагмент камня типа абразива и глиняный шарик.

На высоте в 50 см от уровня уступа основной могилы, почти в центре этого уступа стоял керамический сосуд. В СВ части могилы на той же высоте имеется небольшая полочка, на которой уложено несколько фрагментов керамики. Под ними находилась часть ребра МРС. По всей видимости, под фрагментами керамики мог лежать кусок

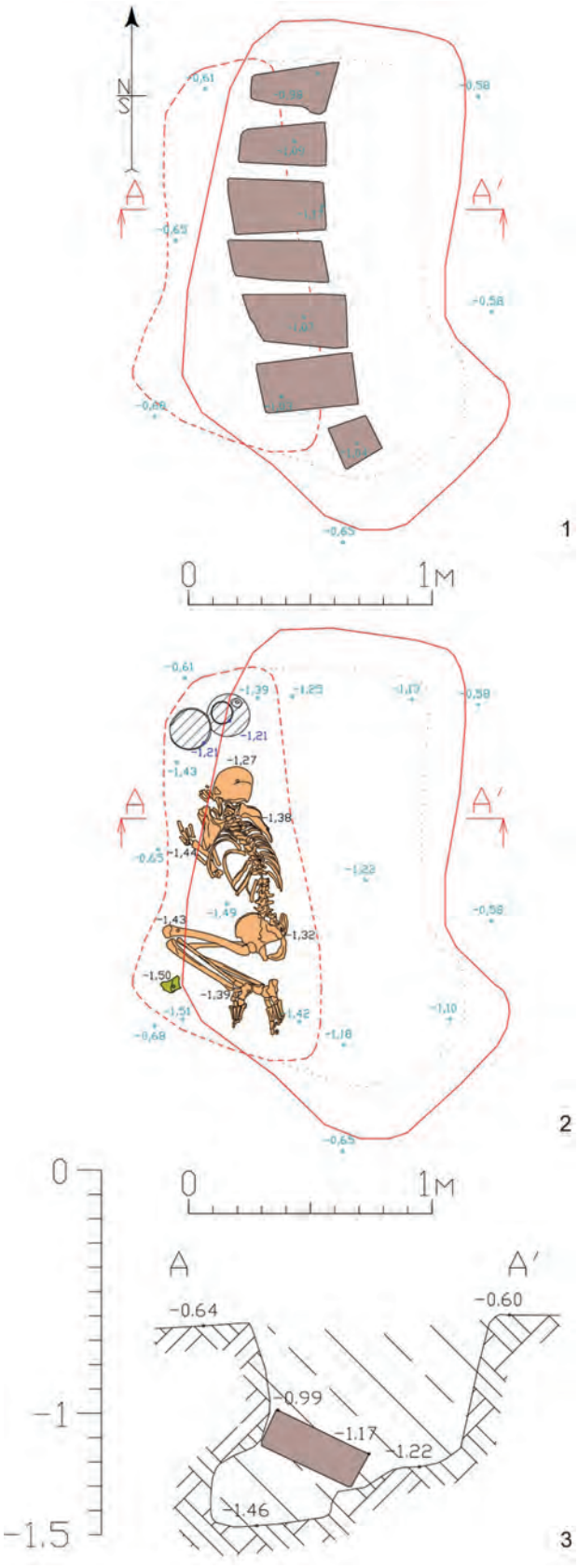

Рис. 29. Раскоп 12N, погребение 4654.
1, 2 – планы, *3* – разрез.

мяса. Скорее всего, под ним находился фрагмент камня типа абразива и глиняный шарик.

Погребение 4660, полностью ограбленное в древности, устроено в большой прямоугольной яме (150 × 80 × 25 см). (Рис. 33, 34). В ее южной части на уступе в 30 см высотой лежат в анатомическом порядке фрагменты нижних частей бедренных костей в сочленении с костями голени и стоп взрослого человека. В заполнении могилы найдено много фрагментов разных керамических изделий, галька и мелкие фрагменты костей человека, а также небольшой фрагмент бронзового сплава. На высоте 30 см от пола и в 10–12 см от уступа в южной части стенок фиксируется закоптелость и следы горения (черного и красного цвета). Возможно, на этом месте первоначально был объект, связанный с огнем.

Погребение 4661 находится к северо-западу от погр. 4662. Оно устроено в подбое с уступом (220 × 150 × 120 см) (Рис. 35). Продольная ось захоронения ориентирована по линии С–Ю. Ограбленная в древности могила заполнена очень твердым, плотным грунтом. В юго-западном углу имеется грабительский лаз диаметром 50 см. От скелета погребенного сохранились только кости таза, ног и поясничные позвонки. Судя по их расположению, погребенный лежал на правом боку, головой на С. В подбое на высоте 30 см от его дна, в области, где могла находиться нарушенная грабителями грудная клетка, стоят три керамических сосуда (круглый, миниатюрный круглый и цилиндрический), выкинутые грабителями с первоначального места. Фрагмент верхней части еще одного сосуда (ваза на ножке) лежит около северо-западной стенки в северной части подбоя (Рис. 35, *2–5*).

Погребение 4662 (380 × 220 × 150 см) (Рис. 36, 37)**.** При расчистке пятна диаметром 70 см, зафиксированного на древней дневной поверхности рядом с погр. 4661, яма соединилась с другим объектом — погр. 4651, описанным выше. Дальнейшая расчистка показала увеличение размеров ямы, а в ее северной части было найдено нагромождение фрагментов сырцовых кирпичей неправильной формы и больших фрагментов пахсы (Рис. 37, *1*). После удаления этих блоков был обнаружен вход в подбой (погр. 4662), который они и перекрывали. Подбой по верхнему краю был выложен фрагментами кирпичей, уложенными плашмя. В подбое на животе, головой на С было уложено тело взрослого человека. Кисти находятся перед лицом. Правое бедро лежит перпендикулярно туловищу, левое бедро его пересекает. Стопы находятся не под тазом, а на удалении от него. У северной стенки подбоя, напротив локтей погребенного лежит кубок на короткой ножке (Рис. 36, *2*). В заполнении большой ямы вокруг этого погребения был найден фрагмент каменного предмета с углублением в

Рис. 30. Раскоп 12N, погребения 4659, 4678, 4679. Общий вид.

центре, где находился краситель красного цвета. Кроме того, в заполнении северной части подбоя найдены два фрагмента камня и несколько мелких костей МРС.

В 1,5 м к югу от южного края Объекта № 1 и в 2,5 м к северу от Объекта № 5 устроено ямное **погребение 4663** (180 × 150 × 50-45 см) (Рис. 38). Овальная яма, ориентирована продольной осью с севера на юг. На глубине 55 см от древней дневной поверхности могила сужается, и устроено углубление глубиной около 10 см. В заполнении найдено три керамических фрагмента: дно стакановидного сосуда (Рис. 38, *2*), фрагменты тарелки (Рис. 38, *4*) и, видимо, округлого сосуда (Рис. 38, *3*), а также альчик МРС и глиняный предмет овальной формы неясного назначения. В юго-восточном углу могилы за пределами собственно ямы, где, по-видимому, находился захороненный, концентрируются разрозненные кости взрослого человека (пол и положение скелета определить невозможно) и малый конический сосуд на полой ножке.

Погребение 4667, имеющее почти круглую форму диаметром 190 см (Рис. 39), устроено к СВ от Объекта № 1. Оно расчищено на его краю в сезон 2019 г. Около южной стенки этого ямного погребения сделано возвышение высотой 30 см, шириной 35-40 см. На нем на правом боку, головой на СЗ был уложен молодой человек 25–35 лет. Его ноги согнуты, кисти находятся перед грудной клеткой. Само погребение занимает площадь 140 × 67 см. У темени стоит керамический

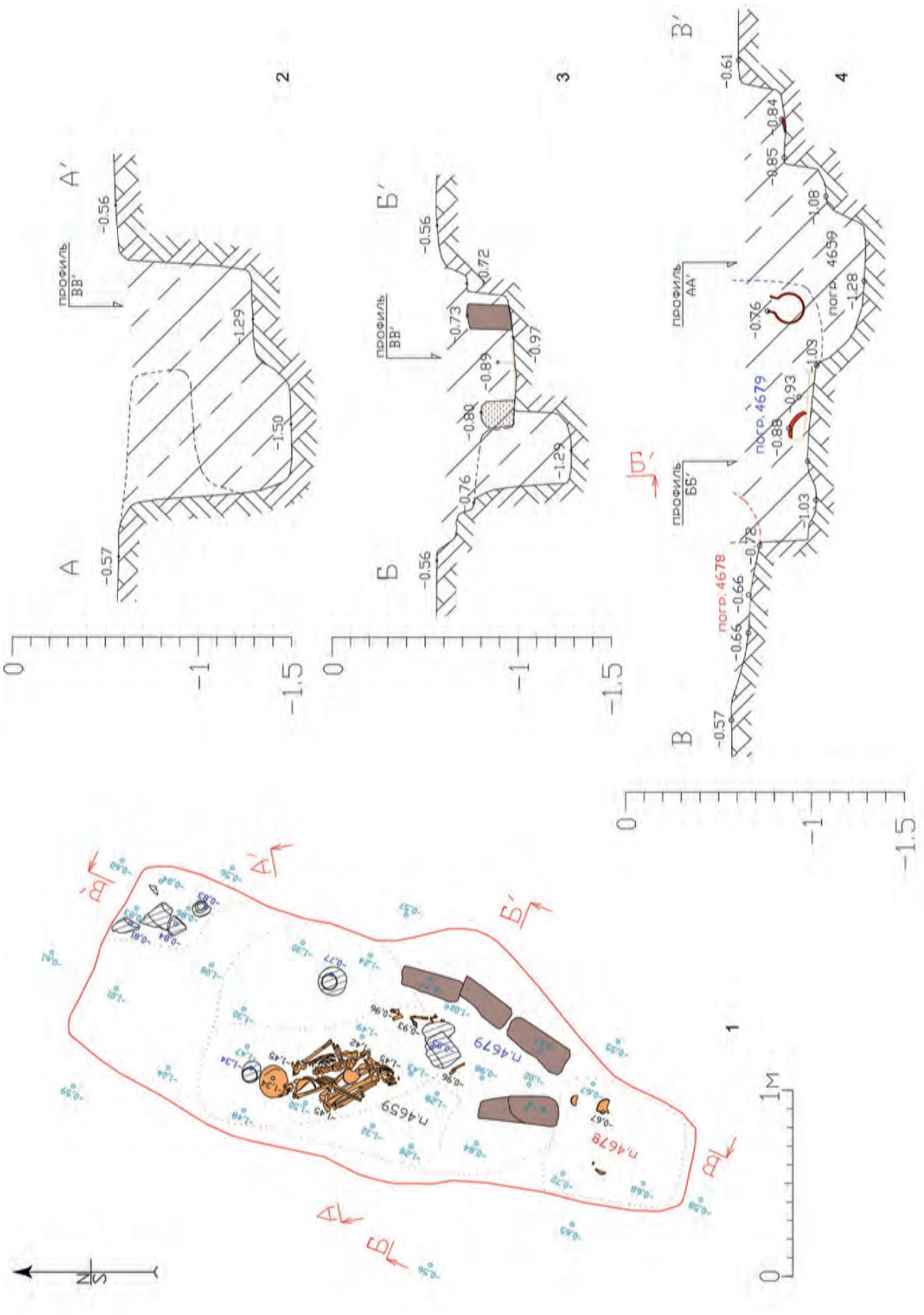

Рис. 31. Раскоп 12N, погребения 4659, 4678, 4679. *1* – план, *2*, *3*, *4* – разрезы

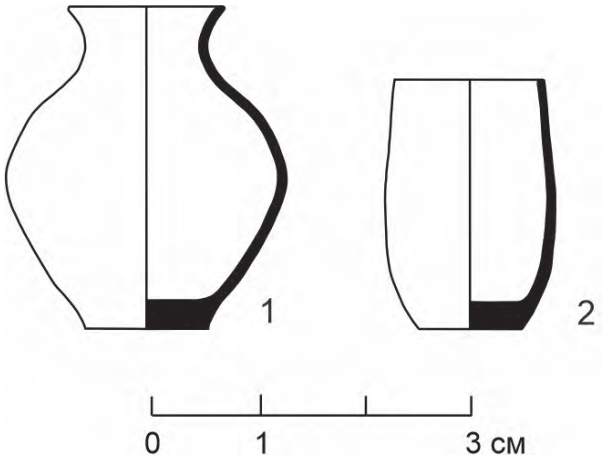

Рис. 32. Раскоп 12N, погребение 4659.
1, 2 керамические сосуды.

Рис. 33. Раскоп 12N, погребение 4660.
Общий вид.

Погребение 4671 в грунтовой яме (180 × 50 × 25 см) также устроено под объектом № 6 (Рис. 44). Продольная ось захоронения ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Погребенная женщина старше 35 лет лежит на правом боку голову на СЗ. Руки перекрещены перед грудью. Левая кисть находится под грудной клеткой, правая — у левого локтя. Ноги согнуты, пятки подтянуты к тазу. За теменем стоит два керамических сосуда: миниатюрный круглый и средний конический (Рис. 44, *4, 5*).

Погребение младенца **4677** (65 × 45 × 35-35 см) впущено с северной стороны над подбоем 4652, на 30 см выше уровня уступа. Стенки и дно ямы хорошо обмазаны глиной (толщина обмазки до 1,5 см). Младенец (*infantilis I*) лежит на левом боку головой на СВ. Правое предплечье находится на талии, левая кисть — перед лицом. За затылком стоит цилиндрический миниатюрный сосуд.

Погребение 4678 впущено в южный край погр. 4659. Захоронение новорожденного младенца (*infantilis I*) устроено в грунтовой яме 50 × 40 см. Положение и ориентировку костяка определить невозможно из-за плохой сохранности костей: сохранились небольшие фрагменты черепа, который лежал на левом боку.

Погребение ребенка **4679** впущено в юго-западной части погр. 4659 на глубине 50 см от его верхнего уровня. Яма (90 × 60 × 30 см) имеет форму яйца (сужается к северо-востоку и расширяется — к юго-западу). Погребение обложено с трех сторон сырцовыми кирпичами, образующими своеобразную цисту с тремя стенками. Погребенный ребенок (*infantilis II*) лежал не внутри этой «цисты», а на ее краю, за пределами кирпичей. Сверху скелет ребенка был перекрыт двумя фрагментами крупного сосуда. Ребенок уложен скорченно на правый бок, головой на Ю. На той же высоте в 50 см от уровня уступа основной могилы, почти в центре этого уступа стоял керамический сосуд. В северо-восточной части могилы на той же высоте имеется небольшая полочка, на которой уложено несколько фрагментов керамики. Под ними находилась часть ребра МРС. По всей видимости, под фрагментами керамики мог лежать кусок мяса, под которым находились фрагмент камня типа абразива и глиняный шарик.

Кроме погребений на раскопанной в 2023 г. площади исследовано 19 грунтовых ям. Перейдем к их описанию.

К югу от погр. 4635 устроена сдвоенная **яма 4627** (225 × 120 × 100 см). Обе ее части – северо-восточная и юго-западная – имеют округлую форму (Рис. 45). Между двумя ямами находится скопление фрагментов сырцовых кирпичей. Северо-восточная яма имеет прямые стенки и меньшую глубину, чем юго-западная. Форма юго-западной ямы напоминает горшок: наибольший диаметр приходится на середину высоты, а к устью ямы и к ее дну диаметр значительно уменьшается. В южной стенке этого же объекта имеется три округлых углубления-ниши (диаметры двух из них равняются 10 см, а одного – 15 см), расстояние между которыми достигает 35 см. Над этими нишами сделан уступ, край которого закруглен как валик. Уступ охватывает периметр ямы только на 1/3. На дне юго-западной ямы на высоте в 10 см от уровня пола ближе к центру с севера на юг по периметру дна обнаружены лопатка МРС, ребро МРС, лопатка МРС и два фрагмента керамики, на одном из которых лежит терракотовая биконическая бусина. В заполнении менее глубокой северо-восточной ямы находились множественные фрагменты не крупных керамических изделий и кости МРС, а также две керамические биты средних размеров. Заполнение более глубокой юго-западной ямы сходно, но костей животных

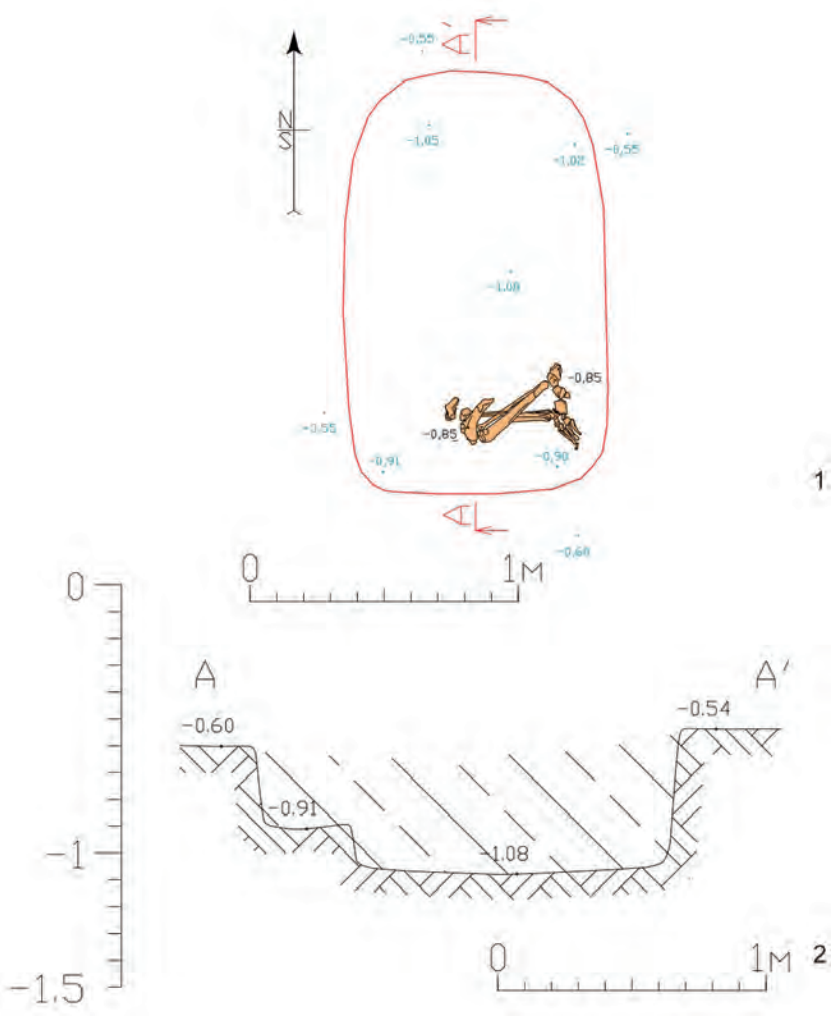

Рис. 34. Раскоп 12N, погребение 4660. *1* – план, *2* – разрез.

банковидный сосуд (Рис. 39, *4*), около голеней — небольшой цилиндрический сосуд (Рис. 39, *5*). Около головы лежит несколько косточек МРС.

Двойное погребение 4668 устроено в яме (150 × 80 × 40 см) в центральной части описываемой территории, около ее восточной границы (Рис. 40). Одна погребенная (4668 (1) — женщина до 25 лет, *juvenis*) располагается непосредственно поверх другой (4668 (2) — женщина 30–35 лет, *adultus-maturus*). Обе умершие лежат на правом боку головами на З. У женщины из верхнего погребения спина прямая, колени находятся около локтей, кисти — перед лицом, ее череп не сохранился. Женщина из нижнего погребения со временем завалилась на живот. Поэтому ее грудная клетка лежит так как будто тело уложили ничком. Локоть ее левой руки отставлен в сторону, но кисть находится у лица. Правая рука согнута, ее кисть находится под кистью левой руки и перед лицом. Пятки подтянуты к тазу. Перед лицом женщины 4668 (2) находятся гончарный сосуд и фрагмент лепного, сильно закопченного.

Погребение 4669 находится непосредственно под погр. 4662. Оно устроено в подбое с уступом (130 × 130 × 70 см) (Рис. 41). Погребенная женщина старше 35 лет была уложена на правый бок, но затем ее тело сместилось и лежит ничком головой на СЗ. Ноги согнуты вправо. Бедра уложены перпендикулярно туловищу. Кисти обеих рук находятся перед лицом. За головой на возвышении стоят два керамических сосуда (Рис. 41, *4*, *5*).

Погребение 4670 в виде подбоя с уступом (125 × 85 × 55 см) устроено под объектом № 6 (зольное и гипсовое пятно) (Рис. 42). Сохранился небрежно сделанный кирпичный заклад. Продольная ось захоронения ориентирована по линии З–В. Погребенный юноша моложе 22 лет (*juvenis*) был уложен ничком. Он ориентирован головой на З. Голова лежит на правом боку, так же, как и ноги. Пятка правой ноги находится под тазом, а пятка левой упирается в северо-восточную стенку. Около затылка стоит керамическая тарелка, а возле спины – кубок на ножке (Рис. 43). Около головы находилось ребро МРС.

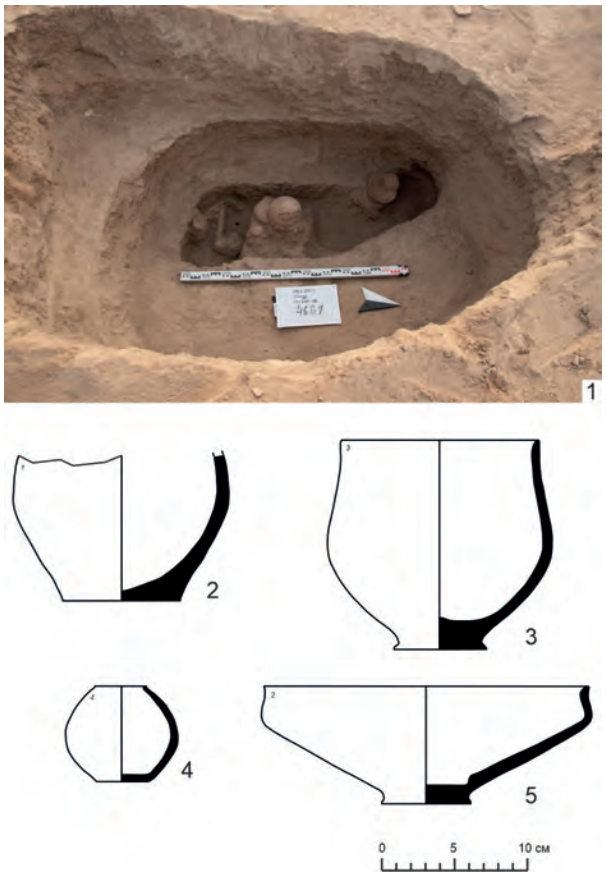

Рис. 35. Раскоп 12N, погребение 4661.
1 - общий вид, *2–5* – керамические сосуды.

Рис. 36. Раскоп 12N, погребение 4662. *1* - общий вид, *2* – керамический кубок на короткой ножке.

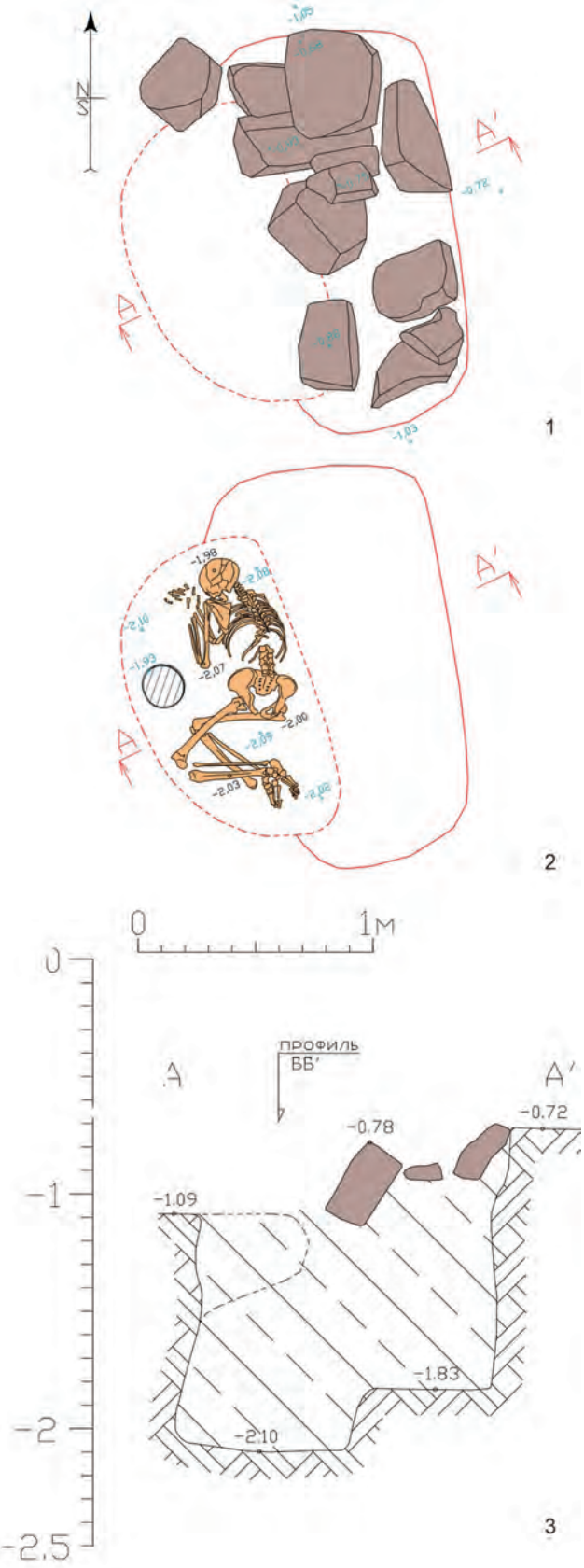

Рис. 37. Раскоп 12N, погребение 4662.
1, *2* – планы, *3* – разрез.

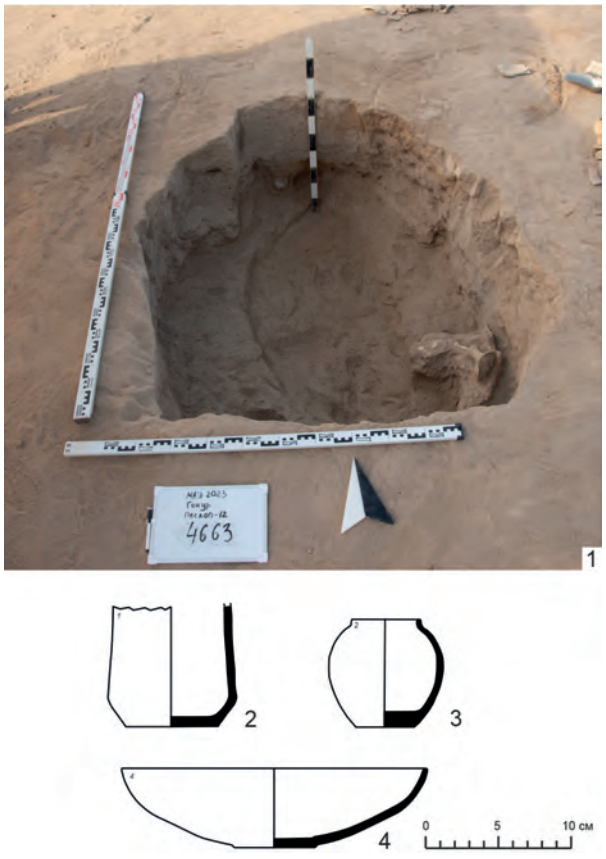

Рис. 38. Раскоп 12N, погребение 4663.
1 – общий вид, *2–4* – керамические сосуды.

здесь встречено значительно меньше. Кроме того, там же был небольшой фрагмент шлака, мелкая галька и фрагмент камня. Около северной стенки юго-западной ямы найдены две керамические биты среднего размера.

К западу от погр. 4634 устроена овальная **яма № 4632** (145 × 130 × 35 см). В ее заполнении обнаружено не более 20 фрагментов сосудов среднего и очень малого размеров (Рис. 46). К востоку от погр. № 4635 и № 4638 находится большая **яма № 4636** (435 × 210 × 25 см) (Рис. 47). Она заполнена чистым грунтом, содержавшим единичные (менее 10) фрагменты керамики. Овальная **яма № 4637** (205 × 130 × 30 см) устроена восточнее средней части ямы № 4636. Около ее восточной стенки сделана круглая глубокая ямка диаметром 35 см. В ее заполнении выявлены единичные фрагменты керамических сосудов.

К северным частям погр. 4638 и ямы № 4636 примыкает овальная **яма 4640** (120 × 100 × 35 см) (Рис. 48). Верхний край этой ямы находится на том же уровне, что и погр. 4638 и 4637. Ее форма сходна с формой ямы № 4627 (наибольший внутренний диаметр сооружения приходится на его середину). В заполнении ямы № 4640 обнаружены фрагменты керамических сосудов (семь донцев, из них два – с полой ножкой) и большое количество костей МРС, в том числе несколько костей, обожженных до черного цвета с одного бока, а также три фрагмента

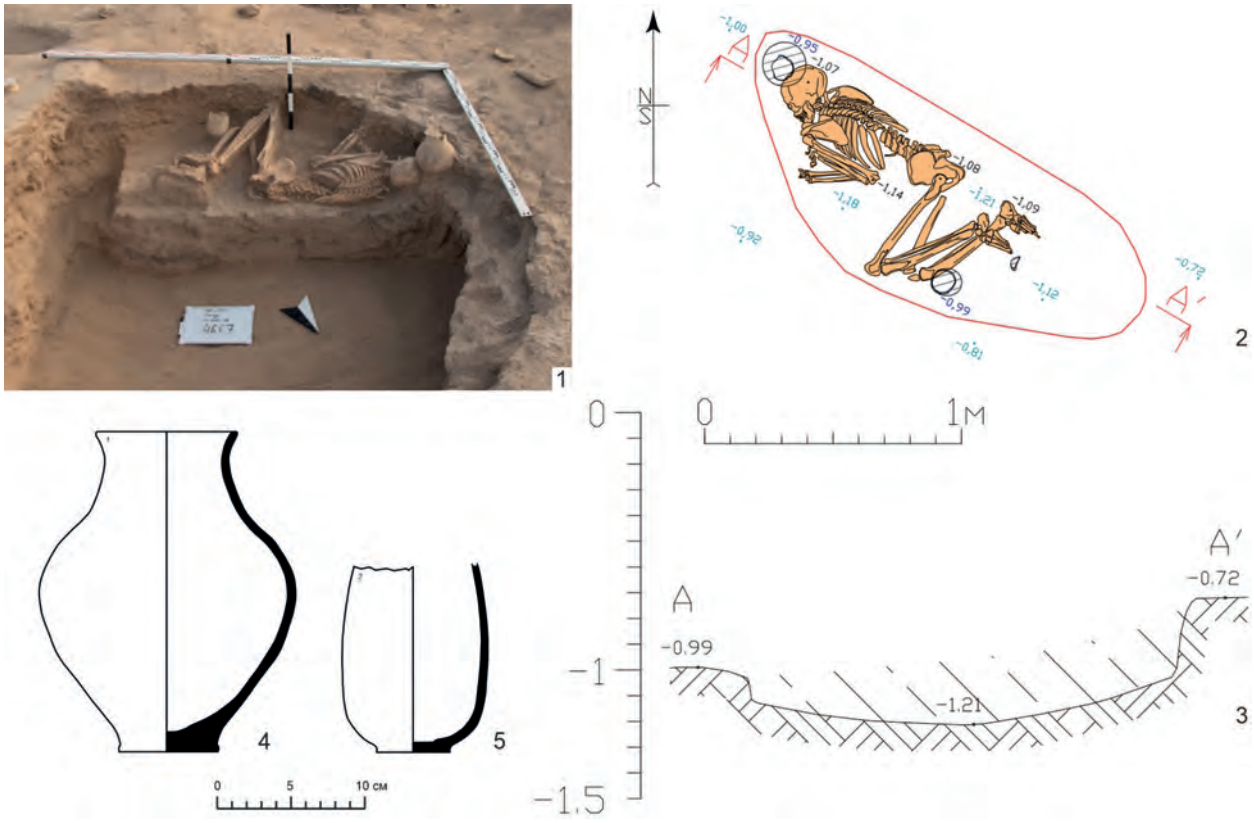

Рис. 39. Раскоп 12N, погребение 4667. *1* – общий вид, *2* – план, *3* – разрез, *4, 5* – керамические сосуды.

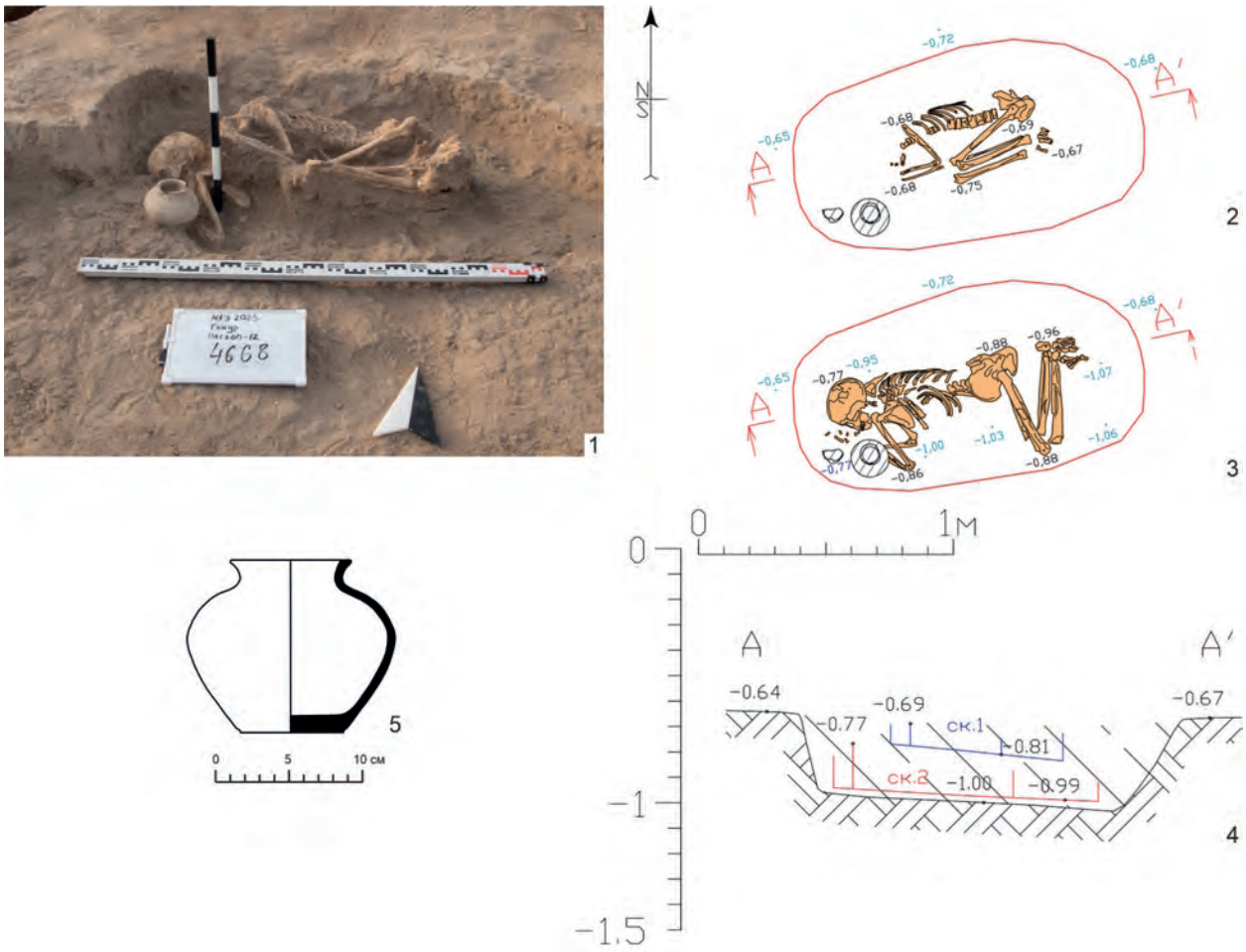

Рис. 40. Раскоп 12N, погребение 4668.
1 – общий вид, *2* – план верхнего погребения 4668 (1), *3* – план нижнего погребения 4668 (2), *4* – разрез, *5* – керамический сосуд.

бронзового шлака. В южной части в заполнении найден торс женской терракотовой фигурки (Рис. 48, *2*).

К северо-западу от ямы № 4640 устроена овальная **яма № 4642** (150 × 200 × 90 см) (Рис. 49). В ее заполнении найдены крупные фрагменты керамических сосудов, в том числе черепки миниатюрного сосуда «с ушками», носик-слив от другого сосуда, галька, небольшой фрагмент обожженного кирпича и половина малого конического сосуда на полой ножке. Кроме того, там же выявлены две керамические биты среднего размера и кости МРС, включая бараний альчик. По центру дна ямы обнаружено несколько фрагментов сырцовых кирпичей. Один из них лежит плашмя около северо-восточной стенки ямы.

К северо-востоку от ямы № 4642 и к северу от ямы № 4657 находится округлая **яма № 4644** диаметром 110 см, глубиной 40 см (Рис. 50)**.** Ее стенки в средней части обожжены докрасна, однако верхняя и нижняя части стенок, так же, как и дно лишены следов горения. В заполнении встречены единичные кости животных, в том числе ребро МРС, обугленное с одного конца и фрагменты керамики (в основном стенки, два донца и нижняя половина стакановидного сосуда). Часть фрагментов закопчена. Можно предположить, что на дно этой ямы помещали некую емкость, где находился источник огня, который горел длительное время. Горение явно было не очень сильным, так как верхняя часть стенок ямы не несет следов горения.

В 1,5 м к северо-востоку от ямы № 4637 и рядом с погребением 4645 устроена круглая **яма № 4646** диаметром 90 см, глубиной 40 см (Рис. 51). В заполнении найдено много фрагментов керамических изделий (преимущественно стенки) и несколько костей животных, в том числе одна крупная. В 0,75 м к востоку от погр. 4637 находится фактически пустая круглая неглубокая **яма № 4647** диаметром 90 см, глубиной 25 см (Рис. 52). Она заполнена почти чистым грунтом, где встречно всего два керамических фрагмента и кость МРС.

В южной части раскопа, около его восточной стенки находилось три связанных между собой объекта: вышеупомянутый объект № 4 и **ямы № 4648 и № 4649**. Их продольные оси вытянуты в одну линию с северо-запада на

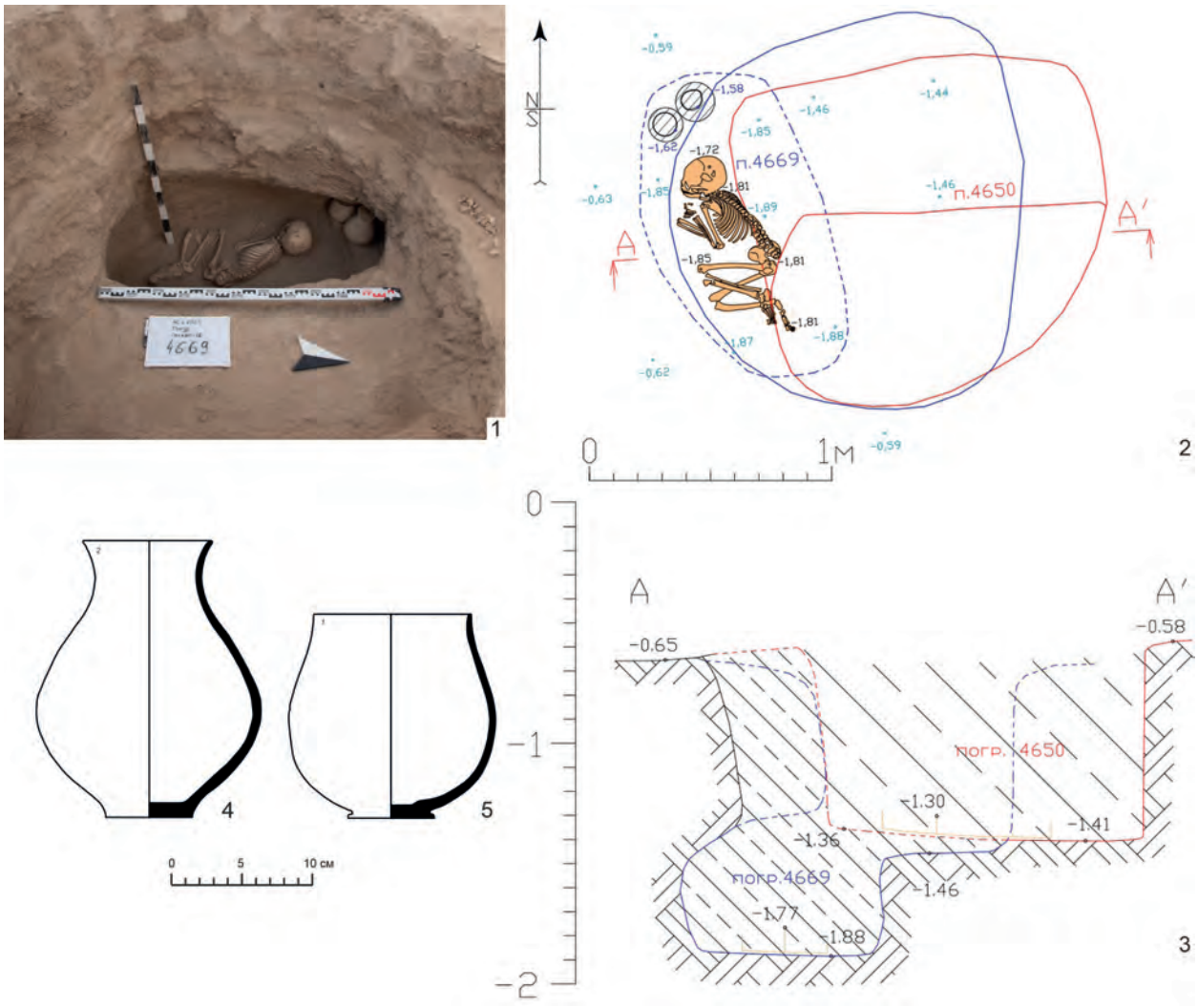

Рис. 41. Раскоп 12N, погребение 4669. *1* – общий вид, *2* – план, *3* – разрез, *4, 5* – керамические сосуды.

Рис. 42. Раскоп 12N, погребения 4670 (слева) и 4671 (справа). *1* – общий вид, *2* – план погребения 4670, *3* – разрез погребения 4670.

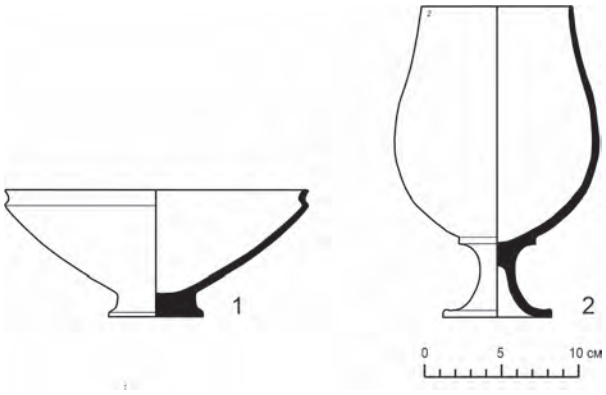

Рис. 43. Раскоп 12N, погребение 4670.
1, 2 – керамические сосуды.

юго-восток. Объект № 4 (тоже яма) является самым северо-восточным. С юга к нему примыкает углубление № 4648 (195 × 125 × 15 см) (Рис. 53), с которым с юга граничит тоже очень неглубокая яма № 4649 (120 × 85 × 10 см). Все три ямы условно пустые. Северная стенки ямы № 4648 наполовину обмазана тонким слоем глины с включением черных угольков и белого вещества (?). В заполнении ямы встречены единичные фрагменты керамики и фрагмент кости МРС.

С юга к погр. 4654 примыкает пустая овальная **яма № 4655** с неровными краями (145 × 135 × 35 см). В ее заполнении найдено небольшое число фрагментов керамики и фрагмент мужской терракотовой статуэтки. Около юго-западного угла ямы на глубине 15 см от ее верхнего края сделана «полочка» шириной 30 см, длиной 100 см.

Между погр. 4652 и 4653 ближе к центру описываемой территории находится **яма № 4656** (160 × 110 × 80 см) (Рис. 54, 55). Ее продольная ось ориентирована по линии С–Ю. Первоначально была устроена большая яма (160 × 110 × 50 см). На расстоянии 40 см от ее восточной стенки были вырыты две самостоятельные ямы: южная почти прямоугольная с прямыми стенками (75 × 70 × 50 см) и северная полуовальная (60 × 45 × 50 см). Их разделяет грунтовая перемычка шириной 30 см. На уровне верхнего края этих двух углублений на перемычке была выстроена перегородка длиной 110 см из двух рядов сырцовых кирпичей, уложенных плашмя таким образом, что их восточный край упирается в западную стенку погр. 4652. Кирпичи сделаны неаккуратно, по-видимому, частично представляют собой фрагменты. После снятия кирпичной перегородки ямы и расчистки грунта под ней найдено несколько мелких костей (МРС), глиняные окру-

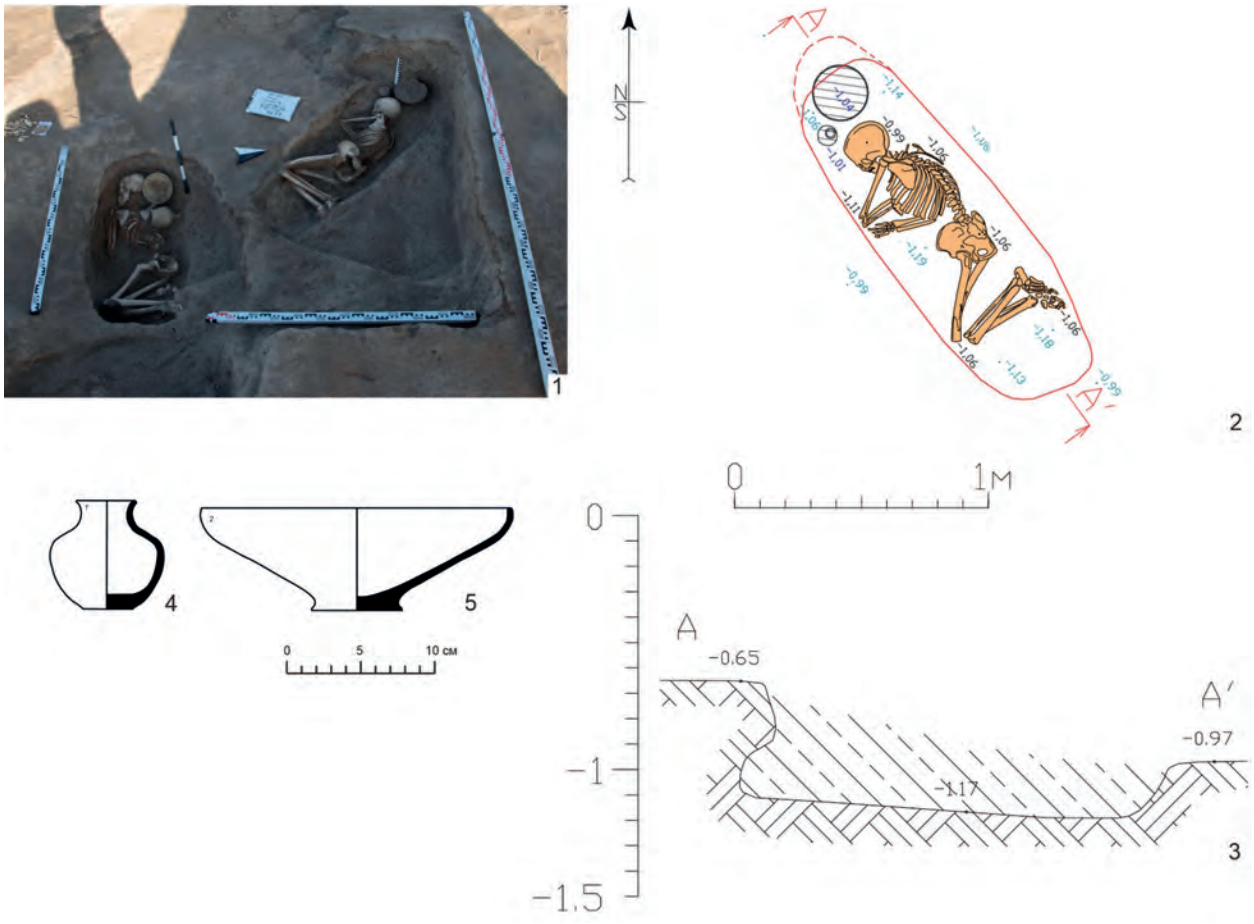

Рис. 44. Раскоп 12N. *1* – общий вид погребений 4670 и 4671, *2* – план погребения 4671, *3* – разрез погребения 4671, *4, 5* – керамические сосуды.

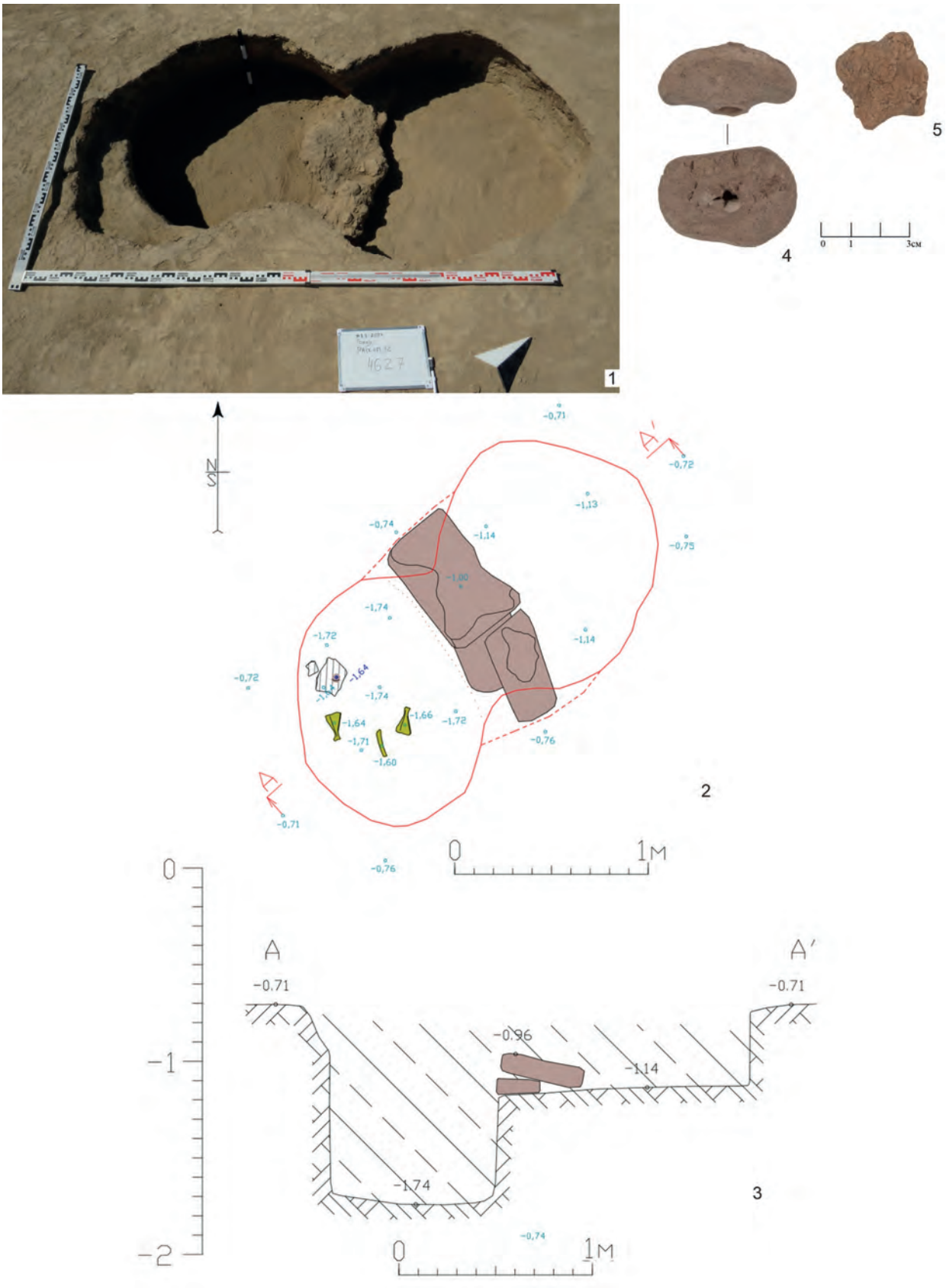

Рис. 45. Раскоп 12N, грунтовая яма № 4627. *1* – общий вид,
2 – план, *3* – разрез, *4* – керамическая биконическая бусина, *5* – фрагмент фигурки животного?

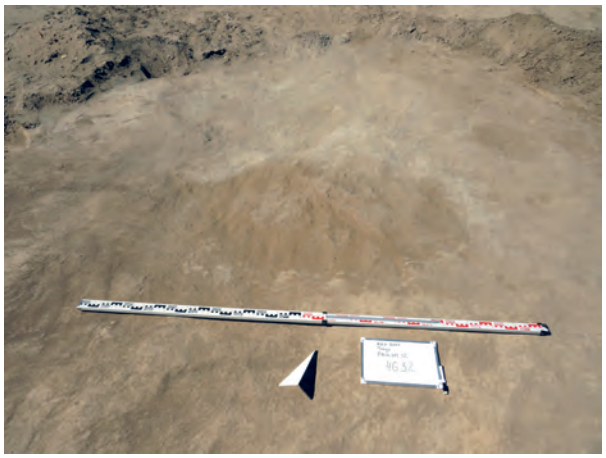

Рис. 46. Раскоп 12N. Контур грунтовой ямы № 4632.

Рис. 47. Раскоп 12N. Контур грунтовой ямы № 4636.

Рис. 48. Раскоп 12N, грунтовая яма № 4640. *1* – общий вид, *2* – фрагмент терракотовой статуэтки.

глые предметы, глиняная антропоморфная фигурка без головы (Рис. 54, *1*), фрагмент округлого (по-видимому, первоначально был шар) блестящего полированного каменного предмета, изготовленного из серпентинита (определение минеролога А. М. Юминова) (Рис. 54, *3*) и фрагмент каменного изделия из мраморизованного оникса медово-желтого цвета со светлыми полосками. В юго-западной стенке южной части ямы устроена ступенька шириной и глубиной 30 см. Края этой ступеньки внутри камеры обожжены докрасна на глубину до 2 см. Только верхняя часть западной стенки этой (южной) камеры несет следы слабого горения. В заполнении северной (меньшей по размеру) ямы находились три донца, пара десятков стенок керамических сосудов и глиняный шарик без отверстий. Кроме того, там присутствовало значительное число костей КРС (1). Около северной стенки стояла нижняя часть конического сосуда с полой ножкой. В заполнении южной камеры найдена половина керамической пиалы и верхняя часть керамического косметического флакона. Кроме того, там были 10 донцев, пять венчиков и 39 стенок от разных сосудов и две керамические биты средних размеров. В том же заполнении был фрагмент оплавленной глины из печи.

С востока между ямами № 4642 и № 4640 и к югу от погр. 4644 устроена неглубокая пустая **яма № 4657** (170 × 110 × 25 см) (Рис. 56). Ее продольная ось ориентирована по линии север–юг. В заполнении найдено четыре фрагмента керамических изделий и единичные кости МРС.

Почти квадратная в плане (120 × 110 × 50 см) практически пустая **яма № 4658** устроена к северу от погр. № 4660 (Рис. 57). Ее продольная ось ориентирована по линии С–Ю. В заполнении ямы найдено не более 20 экземпляров мелких фрагментов керамических сосудов.

С севера к погр. 4663 примыкает пустая овальная грунтовая **яма № 4664** (55 × 35 × 20 см). Продольная ось ее ориентирована по линии запад–восток. В заполнении ямы выявлены единичные фрагменты керамики и мелкие фрагменты костей животных. Среди последних имеются и несколько закопченных.

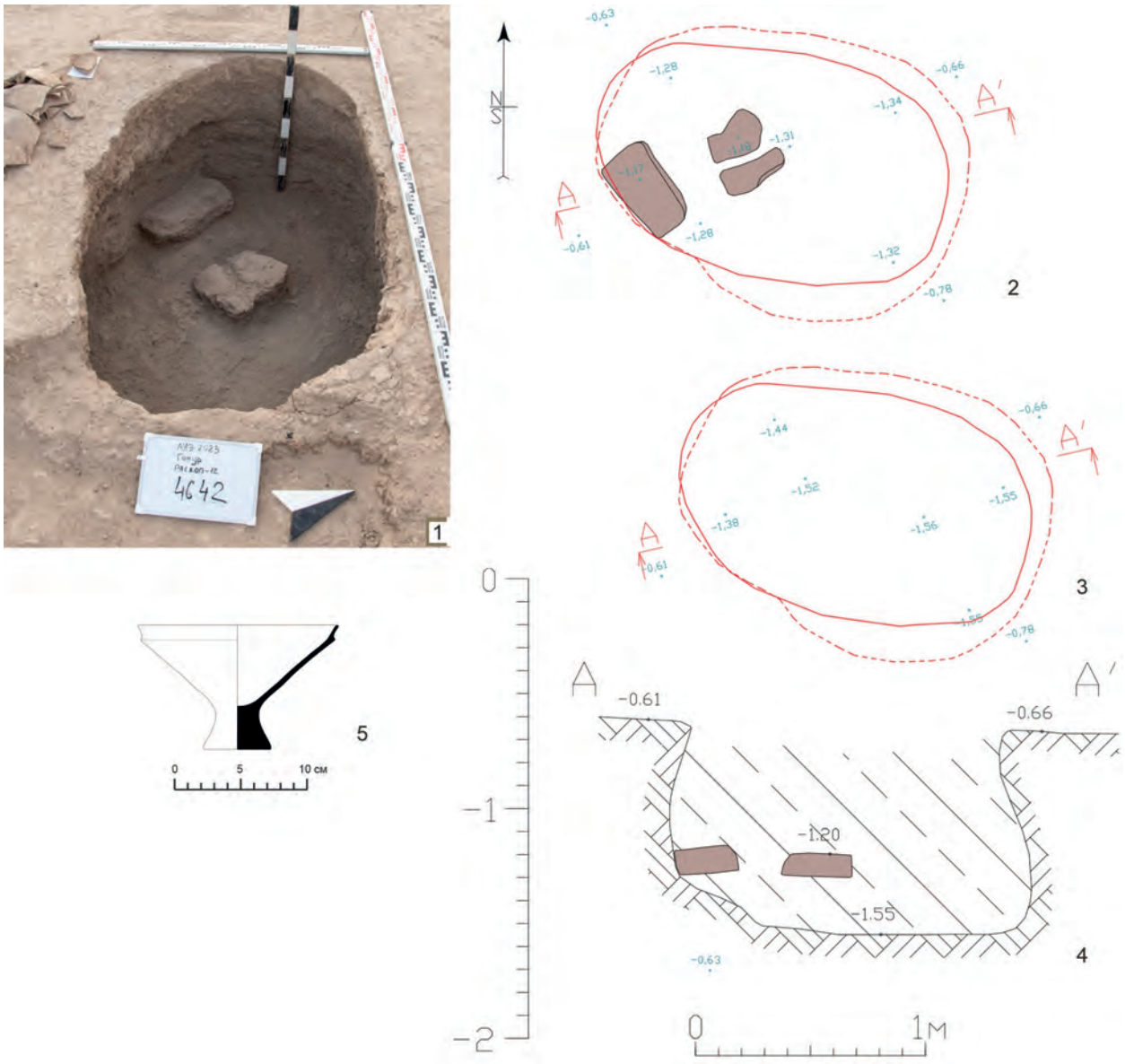

Рис. 49. Раскоп 12 N, грунтовая яма № 4642.
1 – общий вид, *2, 3* – планы, *4* – разрез, *5* – керамический сосуд.

К западу от западного края Объекта № 1 и в 2,5 м от погр. 4610 устроена неглубокая пустая **яма № 4665** (130 × 85 × 15-20 см) (Рис. 58). Ее продольная ось ориентирована по линии С–Ю. В заполнении ямы найдены три донца керамических сосудов, два венчика и пять стенок. Не найдено ни костей животных, ни останков человека.

Грунтовая овальная пустая **яма № 4666** (120 × 100 × 20 см) (Рис. 59) находится рядом с серединой восточной стенки раскопа, в 1,5 м к югу от погр. № 4668. Ее верхний край расположен на 30 см ниже уровня краев соседних ям. Дно ямы № 4666 неровное, стенки обработаны неаккуратно. В заполнении находилось менее 10 фрагментов керамики и камень.

Яма № 4681 устроена около юго-западного угла ямы 4680. Ее диаметр составлял 110 см, а глубина – 35 см. Яма заполнена обычным грунтом. По всей видимости, она, как и ряд других ям, была пустой.

Круглая яма № 4683, имеющая диаметр 85 см и глубину 40 см, перерезает северную стенку уступа погр. 4626. Дно ямы находится на уровне возвышения в погр. № 4626, на котором лежали крупные глиняные шары. Около северной стенки этого объекта находились фрагменты сырцовых кирпичей, на которых первоначально был установлен круглый керамический сосуд. Яма заполнена крупными фрагментами больших и средних керамических сосудов. По венчикам и донцам можно говорить, что их было не более шести. По всей видимости, сосуды были целенаправленно разбиты, а их фрагменты уложены в яму. Среди сосудов имелся средних размеров конический сосуд и два цилиндрических также средних размеров.

Рис. 50. Раскоп 12 N. Общий вид грунтовой ямы № 4644.

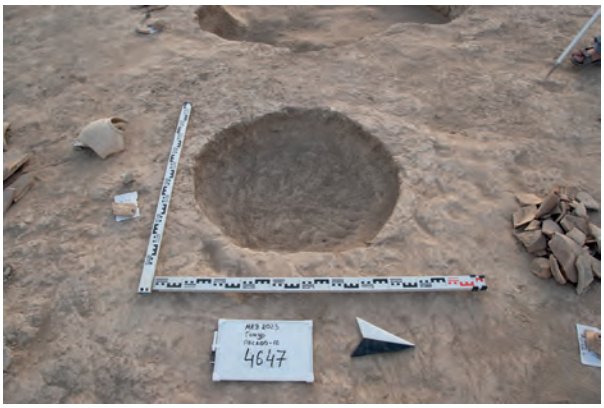

Рис. 52. Раскоп 12N. Общий вид грунтовой ямы № 4647.

Рис. 51. Раскоп 12N. Общий вид грунтовой ямы № 4646.

Рис. 53. Раскоп 12N. Общий вид грунтовой ямы № 4648.

* * *

В настоящее время для Раскопа 12 имеется девять радиоуглеродных дат, пять из которых сделаны по углю, а остальные по зубам человека. Все они (кроме одной, Le-9986 – 3940 ± 60 BP) получены с использованием AMS-метода и откалиброваны с помощью программы OxCal v.4.4.4 (уровень достоверности 95,4%; диапазон 2σ). Только один образец (PSUAMS-2311 – 3660±20 BP) происходит из помещения, остальные связаны непосредственно с погребениями или объектами (ямами), исследованными на территории могильника. Даты для всего Раскопа 12 распределяются довольно компактно, укладываясь во вторую половину III тыс. до н.э. (крайние значения 2580–1953 cal.BC; *Фрибус и др*., 2025). Но собственно к «Северному могильнику» на этом раскопе относится всего 3 даты, укладывающиеся в пределы 2475–2155 cal. BC (Табл. 2) (Рис. 60). На основании анализа суммарной вероятности распределения радиоуглеродных дат с отсечением крайних значений, хронологические границы функционирования могильника определяются так: 2400–2200 гг. до н.э., при наиболее интенсивном его использовании в конце указанного диапазона. Эти даты, полученные с помощью AMS датирования, оказались ранними, хотя предполагалась другая ситуация.

«Северный могильник» отличается от других скоплений могил на Раскопе 12 Гонур-депе тем, что здесь представлены лишь грунтовые могильные ямы и подбойные захоронения. Более того, погребальные приношения на этом участке памятника оказались весьма бедными: практически отсутствуют статусные предметы, бронзовые изделия и тем более таковые из золота и серебра, что не особо характерно для других могильников Гонур-депе. Захоронения в цистах здесь полностью отсутствуют.

Промежуточным итогом проведенных в 2019 и 2023 гг. археологических работ на этом участке, по-видимому, является вывод о том, что данная часть «Северного могильника» была предназначена для захоронения детей и подростков и в меньшей степени взрослых. Обращает на себя внимание то, что в ряде могил (как подбойных, так и грунтовых ям) впущены детские погребения: преимущественно младенческие – дети до 4–5 лет (*infantilis I*) (*Дубова*, 2024). В целом на данной территории число погребений детей и подростков можно считать значительным, хотя до полного анализа всех биоархеологических данных точную пропорцию указать сложно. Ситуация во многом напоминает таковую, выявленную на Раскопе 18 (см. статью С. П. Грушина с соавторами в этом издании).

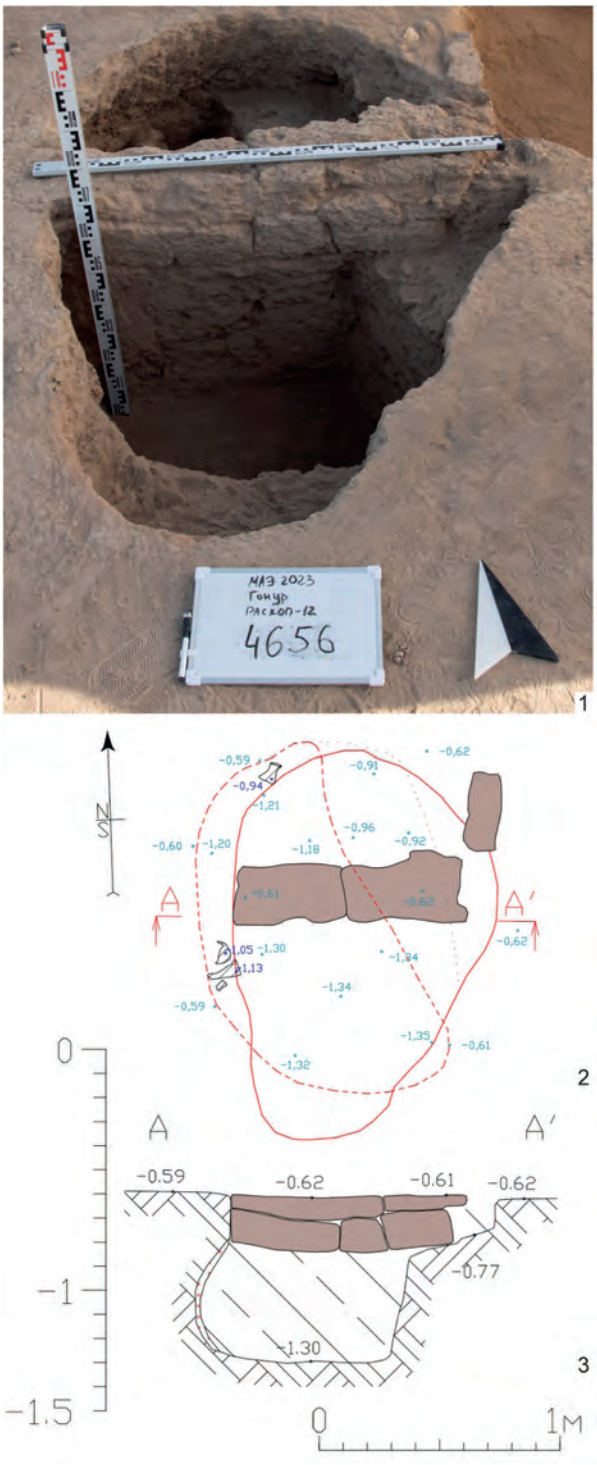

Рис. 54. Раскоп 12N, грунтовая яма № 4656.
1 – общий вид, *2* – план, *3* – разрез.

Одной из важных особенностей этой части Северного могильника надо назвать количество и разнообразие грунтовых ям. Некоторые из них были заполнены почти чистым грунтом с крайне малым количеством керамических фрагментов и/или костей животных, можно полагать, что они с какой-то целью оставались долгое время пустыми. Есть основания предположить, что эти единичные кости и фрагменты являются обычным мусором, и попали внутрь ям вместе с

Рис. 55. Раскоп 12N, грунтовая яма № 4656. *1* – глиняная антропоморфная фигурка, *2* –фрагмент каменного изделия из мраморизованного оникса, *3* – каменный предмет из серпентинита, *4, 5* – керамические сосуды.

Рис. 56. Раскоп 12N. Общий вид грунтовой ямы № 4657.

Рис. 57. Раскоп 12N. Общий вид грунтовой ямы № 4658.

Рис. 58. Раскоп 12N. Общий вид грунтовой ямы № 4665.

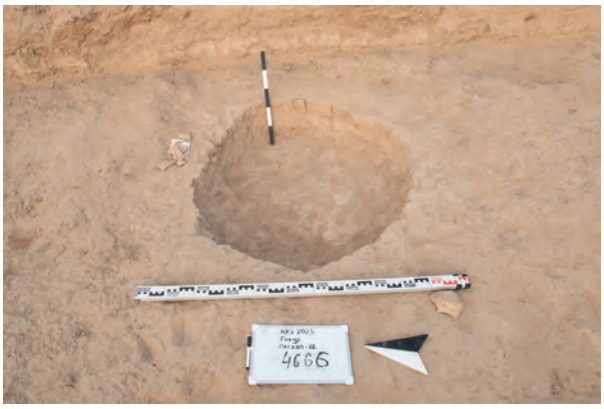

Рис. 59. Раскоп 12N. Общий вид грунтовой ямы № 4666.

Таблица 2. Радиоуглеродные даты, полученные для территории «Северного могильника» на Раскопе 12.

	Код лаборатории	Объект	Материал	Date BP	Cal. BC 1σ (68.2%)	Cal. BC 2σ (95.4%)
1	GV-4590	Погр. 4626	уголь	3883 ± 40	2462 – 2291	2470 – 2205
2	GV-4591	Объект 3	уголь	3859 ± 40	2455 – 2210	2466 – 2155
3	Lyon-18100	Яма между погр. 4599 и 4601	уголь	3925 ± 30	2468 – 2350	2475 – 2299

грунтом. Кроме этих условно пустых ям, имеются такие, которые содержат значительное, иногда весьма значительное число фрагментов керамических изделий, часть которых представляет собой, по всей видимости, специально разбитые сосуды, положенные в данную яму. Их можно условно назвать «поминальниками». Это разграничение условно и не несет большой нагрузки. В данном описании мы сохраняем его, так как в предыдущие сезоны были раскопаны реальные «поминальники» (скопления нескольких сосудов, помещенные в грунтовые ямы, без наличия следов погребения или каких-либо погребальных приношений, чтобы называться кенотафами – см., например, очень характерные на Раскопе 16 – *Дубова*, 2008). Полностью исключить тот факт, что ямы, в которых имеется большое число керамических фрагментов и разрозненные кости животных, могут быть другой формой подобных поминальников, оснований не имеется. Одним из аргументов в пользу того, что такие ямы с заполнением не являются обычными мусорными, является то, что они, во-первых, устроены на могильнике, а, во-вторых, во многих случаях они имеют форму «горшка», т.е. сужаются к входу и ко дну, а расширяются в средней части. Как представляется, такая усложненная форма ямы вряд ли характерна для обычных мусорных ям.

Немаловажно также, что на «Северном могильнике» погребения не расположены определенными, скорее всего, родственными группами, что имело место на той части Раскопа 12, которая смыкается с Раскопом 16 (*Дубова и др.*, 2018b. С. 68–79). Но та особенность, что рядом с погребениями во многих случаях устроены пустые ямы или ямы типа поминальников, характерна для обеих территорий. Надо подчеркнуть, что на других территориях Гонур-депе и Раскопа 12 такое число пустых ям и поминальников не отмечается (*Дубова*, 2024).

По всей видимости, до устройства «Северного могильника» (но не исключено, что и во время его функционирования) данная территория использовалась в хозяйственным целях, в том числе, возможно в металлопроизводстве и в производстве водорастворимого гипса. Об этом свидетельствуют Объекты №№ 1, 6, 7 и несколько находок капель бронзового сплава и шлака. Назначение описанных объектов будет уточняться, а по мере производства анализов, будет, вероятно, и более понятна суть процессов.

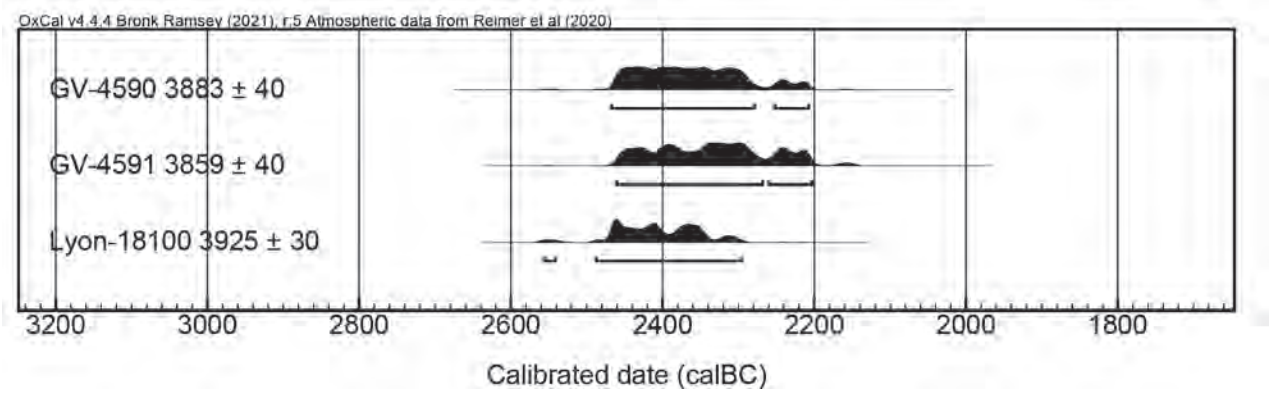

Рис. 60. Калиброванные радиоуглеродные даты для «Северного могильника» Раскопа 12.

Рис. 61. Раскоп 12N, верхний слой. Каменный насад с фигурным завершением одного из концов.

На этой территории Гонур-депе отмечено мало ярких индивидуальных находок. К таковым надо отнести алебастровую «миниатюрную колонку» из Объекта № 3 (Рис. 7), находившуюся рядом с Объектом № 1 без связи с какими-то другими предметами, кроме археологически целого керамического сосуда. Можно обратить внимание на костяную заколку для волос из погр. № 4635 (Рис. 16). Притом, что костяные заколки такого же размера и формы – достаточно типичны для Маргианы, форма навершия указанной заколки встречена впервые. Несколько более многочисленны каменные бусины, но и их найдено всего шесть экземпляров: цилиндрическая лазуритовая бусина (погр. 4643. Рис. 22, *5*), цилиндрическая бусина буро-красного цвета из из-

Рис. 62. Раскоп 12N, верхний слой.
Три фрагмента (головки) терракотовых статуэток.

Рис. 63. Раскоп 12N, верхний слой. Терракотовая антропоморфная статуэтка

вестняка (погр. 4626. Рис. 11, *3*) и четыре бусины из кремнистого материала. Одна из них – цилиндрическая и несет следы глазури (погр. 4652. Рис. 25, *5*), две – округлые (погр. 4635. Рис. 15, *14* и из верхнего слоя), а еще одна биконической формы имеет размер около 10 мм и на двух ее поверхностях прорезаны желобки (погр. 4650. Рис. 24, *5*).

Обратил на себя внимание каменный миниатюрный насад, найденный в верхнем слое раскопа, который имеет специфическую обработку одного из концов (Рис. 61). Скорее всего, это было завершение какого-то ювелирного изделия, возможно подвески. Подобное сложное сочленение каменных бусин уже встречалось на Гонуре в погр. 2900 (*Sarianidi*, 2007. P. 151, fig. 29): для жесткого крепления друг с другом двух бусин из лазурита на их концах были искусно вырезаны звездообразные фигуры таким образом, что выступающие лучи на конце одной бусины входили в прорези на конце другой.

В верхнем слое Раскопа 12N было найдено три головки терракотовых статуэток (Рис. 62), а также целая статуэтка без головы и признаков пола (Рис. 63). Как было не раз показано в публикациях материалов с Гонура, антропоморфные статуэтки являются типичными предметами, которые находят в погребениях, как целиком, так и во фрагментах. Надо отметить, что фрагменты статуэток (головы, «руки», ноги, туловища без головы и др.) помещались в могилу именно в таком виде, а не являются следствием разрушения целых фигурок. И среди находок описываемого сезона имеются разные объекты из этой серии. Так в грунтовой яме № 4640 находился фрагмент терракотовой статуэтки (шея и одна рука – Рис. 48, *2*). В заполнении погребения 4650 была найдена «рука» от подобной статуэтки (Рис. 24, *6*).

Совершенно другая антропоморфная фигурка находилась в грунтовой яме № 4656 (Рис. 55, *1*). Она сделана из глины, не имеет головы, руки показаны символически, а вся нижняя часть тела обозначена цилиндром. Такого рода фигурки ранее также находили на Гонуре.

Еще одна находка была сделана в верхнем слое P. 12N. Речь идет о каменном изделии из мраморного оникса в форме полированного песта со сколами на его концах (Рис. 64). Возможно, в данном случае представлен не целый предмет, а лишь его половина, так как одна сторона артефакта отполирована, а вторая – нет. Несмотря на то, что и без специальной полировки, но при активном использовании данного предмета была возможность сглаживания острых сколов на одной из сторон изделия, исключить вероятность того, что он использовался именно в таком виде, полностью нельзя.

К сказанному надо добавить довольно большое число керамических бит разных размеров было найдено как в могилах, так и в грунтовых ямах. Это также показывает сходство с территорией на северо-востоке Гонура (Раскоп 18N).

Этим исчерпываются значимые находки на изучаемой территории. По сравнению с другими могильниками (и даже с рядом расположенными группами погребений на P16 и могилами в помещениях P12) такой их набор является свидетельством невысокого статуса захороненных здесь индивидов. Отмеченное разнообразие грунтовых ям и их количество позволяет говорить о том, что данная территория (как и упоминавшийся P 18N) могла быть местом погребения в основном детей и женщин не высокого социального статуса. Тот факт, что такие территории

Рис. 64. Раскоп 12N, верхний слой. Каменный предмет.

нами описаны на двух противоположных территориях (северо-восток и юго-запад Гонур-депе) наводит на мысль, что эти пространства были своего рода окраинами центральной части дворцово-храмового комплекса. Существенно новые данные, видимо, можно будет получить, изучив те погребения, которые располагаются (по данным магнитометрии – см: *Winkelmann*, 2014; *Winkelmann-Witkowsky*, 2015; *Дубова и др.*, 2018a) далее на С и СВ от «Северного могильника» Р12. Работы в данных направлениях планируется продолжать в ближайшие полевые сезоны. Также будет продолжена публикация сообщений об уже раскопанных погребальных сооружениях и их комплексах.

ЛИТЕРАТУРА

Дубова, 2008 — *Дубова Н. А.* Компактные скопления керамических изделий // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 61–64.

Дубова, 2024 — *Дубова Н. А.* Могильник в северной части раскопа 12 на юго-западе Гонур-депе, Туркменистан // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья: международная научная конференция, посвященная 120-летию А. М. Беленицкого, 95-летию В. М. Массона и 100-летию Ю. А. Заднепровского / Отв. ред. В. П. Никоноров и Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 103–107.

Дубова и др., 2018a — *Дубова Н. А., Винкельман-Витковска С., Новак М., Солее А., Мейер Д., Хюбнер Х.* Краткая информация о совместных исследованиях ИЭА РАН и Отдела археологии Бернского университета (Щвейцария) на Гонур-депе в 2014-2015 гг. // ТрМАЭ. Т. 7. Исследования Гонур-депе 2014-2015 гг. / Ред. Н. А. Дубова (отв. ред.), Е. В. Антонова, Р. Г. Мурадов, Р. М. Сатаев, А. А. Тишкин. М.: Старый сад, 2018. С. 87–92.

Дубова и др., 2018b — *Дубова Н. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П., Куфтерин В. В.* Могильник на юго-западе Гонур-депе (раскоп 12). Сообщение 1 // ТрМАЭ. Т. 7. М.: Старый сад, 2018. С. 29–79.

Дубова и др., 2021 — *Дубова Н. А., Мамедов М. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П.* Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018-2019 годах // ТрМАЭ. Т. 8. М.: Старый сад, 2021. С. 89–130.

Фрибус и др., 2025 — *Фрибус А. В., Дубова Н. А, Сычева О. В.* Новые данные по хронологии комплексов протогородского центра эпохи бронзы Гонур-депе в Туркменистане // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Красноярск, 6–10 октября 2025 г. Т. I / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. В. Поляков, П. В. Мандрыка. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2025. С. 538–540.

Sarianidi, 2007 — *Sarianidi V. I.* Necropolis of Gonur. Athens: Kapon editions, 2007. 329 p.

Winkelmann, 2014 — *Winkelmann S.* Gonur Depe, Turkmenistan. Bericht über die 1. Russisch-Schweizerische Kampagne 2014 // Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für archäologische Forschungen im Ausland. Jahresbericht 2014. Zurich, 2014. S. 135–166.

Winkelmann-Witkowsky, 2015 — *Winkelmann-Witkowsky S.* Bericht über die Ausgrabungen der Berner Archäologen 2015 in Gonur Depe, Turkmenistan // Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für archäologische Forschungen im Ausland. Jahresbericht 2015. Zurich, 2015. S. 179–210.

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О МИНЕРАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕГО МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА НА ГОНУР-ДЕПЕ ВЕСНОЙ 2023 г.

А. М. Юминов
Южно-Уральский Федеральный научный центр минералогии и геоэкологии УрО РАН

Целью полевых исследований весны 2023 г. являлось выяснение минерально-сырьевой базы и определение источника сырья, использовавшегося в древности в административно-культовом центре Гонур-депе. Задачами работ являлось:

1. Минералогическая и петрографическая диагностика горный пород, грунтов и каменного материала, обнаруженного во время археологических раскопок (Северный могильник Раскопа 12 и Раскоп 2 Гонура-20).

2. Предварительная классификация состава бронз металлических изделий и их обломков.

3. Выявление следов древнего металлопроизводства на Гонур-депе и на прилегающих территориях: геохимический анализ тиглей, шлаков капель, и проливов металлов.

При проведении полевых работ для диагностики и описания артефактов применялся бинокулярный микроскоп МБС-9. Кроме того, для химического анализа использовался портативный рентгенофлюоресцентный спектрометр OLYMPUS VANTA C серии (производство США). Прибор предназначен для количественного неразрушающего и неповреждающего экспресс-анализа горных пород и археологических артефактов. Расчеты результатов анализов, производились с помощью встроенной в прибор компьютерной программы «Olympus». Однако наличие слоя патины на поверхности металла, которую невозможно было в полевых условиях качественно удалить, ограничивали точность исследований, сводя полученные данные либо к полуколичественному, либо к качественному анализу металла.

Были получены следующие основные результаты.

Задача 1. Во время проведения полевых работ были просмотрены все каменные и керамические предметы, полученные в результате раскопок указанных территорий. Установлено, что для их изготовления использовался широкий спектр горных пород и минералов: датолит, серпентинит, различные виды песчаника, алевропесчаник, кварц, кремнистые породы, мергель, известняк, мраморизованный известняк, мрамор, мраморный оникс, талькохлорит, гипс, алебастр, бирюза, лазурит, сердолик, агат. Отдельные изделия (часть фишек из набора, найденного в погребении 86 на Гонуре-20) были изготовлены из искусственного (?) кремний-содержащего материала (типа трепела) и покрыты зеленой глазурью. Выяснено, что интенсивность окраски глазури напрямую зависит от роста концентрации в ней меди и титана. Поверхность отдельных образцов (фигурки-фишки, семечковидные предметы и мраморные шарики из погр. 86 на Гонуре-20) покрывалась многослойной известковой грунтовкой матово-белого цвета.

Впервые на Гонуре обнаружены образцы медной руды, представленной корко- и почкообразными выделениями медной зелени на буром железняке (обр. 164). В качестве примеси удалось установить наличие мышьяка, олова, свинца и висмута. По геохимической характеристике данная руда близка к зеравшанским рудам, добывавшимся в бронзовом веке в долине р. Зеравшан.

Взяты образцы прочного светло-серого грунта, найденного на Раскопе 12N (объект 1). Установлено, что в качестве скрепляющегося вещества (цемента) использовался гипс. Выполнена литогеохимическая съемка участка по трем профилям, расположенным на удалении 2 м друг от друга. Замеры брались по-интервально через 1 м. Всего выполнено 84 замера. Установлено, что данный грунт характеризуется повышенными содержаниями серы и кальция, что характерно для гипса ($Ca[SO_4]*2H_2O$). Кроме того, в данном

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-305-306

грунте обнаружены отдельные участки обогащенные медью (до 1000–1700 ppm) и мышьяком (600–850 ppm).

Задача 2. Проанализирована коллекция металлических предметов, обнаруженных во время раскопок: слитки, инструменты, сосуды, печати, заколки, бусины, серьги, а также многочисленные обломки металла. Произведено 43 неразрушающего анализа материала. Установлено, что для их изготовления использовалась чистая медь, мельхиор, латунь и баббит (единичные случаи); оловянная бронза (мало); многокомпонентная (Cu–As–Sn–Pb в разных соотношениях) бронза (много); мышьяковая и мышьяковистая бронза (преобладающее число изделий). В качестве примесей в металле выявлено присутствие сурьмы, висмута, серебра и других элементов. Одна печать (?) из погр. 93 на Гонур 20 (инв. № 180) была воспроизведена из шпейзы (промежуточного продукта цветной металлургии, состоящего из меди, мышьяка и железа).

Задача 3. Произведены предварительные исследовательские работы на территории, прилегающей к «мастерской по вторичному обогащению сплавов» (Раскоп 9, помещения №№107 и 108, раскопанные в 2006 г.) (*Папахристу*, 2008; *Дубова*, 2008). Установлено, что комплекс отложений, связанный с металлургической / металлопроизводственной деятельностью (прокаленный углисто-золистый грунт, обугленные кости, отшлакованные блоки для строительства печей, обломки шлака, капли и проливы металла, плавильные тигли и др.), в той или иной мере фиксируются в помещениях №№ 96, 97, 98 и 109. Это значительно увеличивает площадь производственных помещений и позволяет говорить не только о локальной литейной мастерской, но и о настоящем большом «Литейной дворе». Ренгено-флуоресцентный анализ образцов (15 капель и проливов металла), выявил, что здесь шло производство следующих типов бронз: мышьяковой (8 образцов), свинцово-мышьяковой (2 образца), многокомпонентной (Cu–As–Pb–Zn) и (Cu–As–Zn–Sb–Pb–Vi с Ag) по 1 образцу и «чистой» меди (1 обр.). Один анализ не дал достоверного результата.

На сателлитном поселении Гонур-20 были выявлены фрагменты металлургического (?) тигля, на внутренних стенках которого сохранились следы отшлакованного материала, иногда содержащего корольки свинцово-мышьяковистой бронзы с незначительной примесью никеля, цинка и олова. В целом, по химическому составу данный металл сходен с образцами бронз части металлических предметов, обнаруженных на центральном комплексе Гонура. Это свидетельствует об их местном производстве.

Таким образом, проведенные исследования дают возможность сделать более существенные и объективные выводы об источниках каменного сырья, руд и технологии металлопроизводства, получивших развитие в мастерских древнего Гонура. Анализ медной руды показал присутствие в ней природных лигатур: мышьяка, олова, свинца и висмута и некоторых других элементов. Анализ металлических изделий свидетельствует о большом разнообразии сплавов из цветного металла. Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, использовавшейся рудной базой. Подтверждается ранее отмеченная особенность широкого использование свинца (Pb) в бронзолитейном производстве. Важными индикаторами для определения рудных источников меди являются примеси (висмут, никель, цинк и др.).

ЛИТЕРАТУРА

Дубова, 2008 — Дубова Н. А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9) // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 94– 104.

Папахристу, 2008 — Папахристу О. А. К реконструкции тиглей для плавки сплавов на основе меди из мастерской Гонура (предварительное сообщение) // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 196–226.

Реставрационные работы

РЕСТАВРАЦИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДМЕТА ЦИЛИНДРИЧЕСКОЙ ФОРМЫ С ФРАГМЕНТАМИ ДЕРЕВЯННЫХ ДЕТАЛЕЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 78 НА ГОНУР-20

Г. Э. Вересоцкая, Т. В. Юрьева
Государственный научно-исследовательский институт реставрации МК РФ

Весной 2019 г. во время работы Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедиции на Гонур-20 (рубеж III–II тыс. до н.э.) при исследовании погребения 78 были обнаружены «…остатки фрагментированного деревянного предмета, покрытого известково-песчаным раствором (?), поверх которого нанесена полихромная роспись. Размеры предмета составляют 22 × 17 см. Его деревянная основа сохранилась благодаря специальной пропитке. По мнению археоботаника Л. В. Сатаевой, на изделии сохранились годичные кольца, что нехарактерно для пород древесины, типичных для рассматриваемого региона. После того, как деревянная основа предмета (небольшая шкатулка или плакетка) разрушилась, покрытие стенок «сложилось» таким образом, что большая его часть оказалась повернута тыльной стороной вверх. Предмет был изъят монолитом для дальнейшей реставрации. Сказать что-либо о композиции росписей в целом, пока сложно. Судя по нескольким видимым фрагментам, в росписи использованы красители как минимум трех цветов – черного, красного и охристо-коричневого, а сама композиция напоминает схематичное изображение антропоморфного персонажа, видимо, держащего в одной руке змею. Вторая рука опирается на талию» (*Фрибус, Дубова, Беглиев,* 2019) (Рис. 1).

Л. В. Сатаева отмечает, что древесина имеет коричневый цвет без следов обугливания или консервации медью. На одной стороне большинства фрагментов дерева имеются следы обработки и, вероятно, пропитки на 1–1,5 мм в глубину древесного слоя (не исключено, что это млечный сок), что придало предмету более темный оттенок. На отдельных фрагментах сохранились следы черной и белой краски.

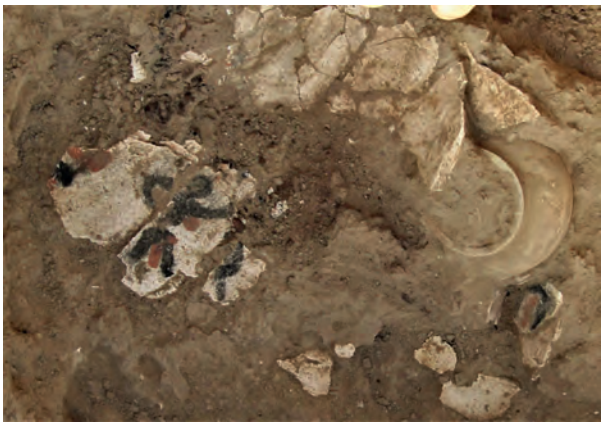

Рис. 1. Погребение 78. В процессе полевой консервации.

Состояние предмета до реставрации.

Предмет поступил на реставрацию в виде лессового блока 29 × 25 × 30 см, укрепленного по периметру слоем гипсовой обмазки. Для перевозки блок был помещен в пластиковую емкость и засыпан слоем песка (Рис. 2). В центральной части блока профилактической заклейкой были зафиксированы фрагменты предмета, который мы сначала, не имея представления о его форме, условно называли плакеткой, а также «коробочкой». После консервации и сборки стало понятно, что предмет имеет цилиндрическую форму.

В полевых условиях была выполнена первичная консервация обнаруженных фрагментов. По словам М. Беглиева, реставратора Маргианской археологической экспедиции в процессе полевой консервации обнаруженные фрагменты были укреплены спиртовым раствором Paraloid B-72, после чего поверхность блока, предназначенного для демонтажа, была заклеена профилактической заклейкой из микалентной бумаги на водный раствор поливинилового спирта (ПВС).

Однако, в процессе транспортировки в реставрационные мастерские Музея изобразительных

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-308-342

Рис. 2. Фрагменты грунта с предметом с полихромной росписью в процессе полевой консервации зафиксированы профилактической заклейкой.

искусств в г. Ашхабад, гипсовая конструкция не выдержала нагрузки и треснула, что ослабило лессовый грунт монолита. Деструктированная лессовая основа блока потрескалась и частично осыпалась, однако, основные фрагменты предмета были укреплены профилактической заклейкой и сильно не пострадали.

Кроме основного блока, на реставрацию поступили отдельные разрозненные небольшие фрагменты белого грунта с красочным слоем, которые, процессе полевой консервации, были собраны реставраторами в три небольшие полиэтиленовых пакета.

Аварийная консервация.

В первую очередь необходимо было выполнить аварийные работы и укрепить тяжелый треснувший лессовый блок, чтобы он не распался в процессе работы и не потянул за собой хрупкие фрагменты стенок разрушенного предмета. Поэтому, деструктированные стенки гипсовой обмазки по периметру фрагмента были плотно зафиксированы в пластиковой емкости с помощью кусков пенопласта. Затем аварийные участки гипсового блока, там, где они треснули, были укреплены гипсовыми обмазками, а аварийные участки деструктированного грунта – бортовыми мастиковками из смеси промытого гонурского лесса с песком, замешанного на 5% водном растворе ПВС.

Консервация «цилиндрического предмета» и фрагментов дерева.

Временная профилактическая заклейка из микалентной бумаги, выполненная в полевых условиях и зафиксировавшая поверхность лессового блока, небольшими участками, после увлажнения теплой водой, была осторожно удалена с поверхности фрагментов (Рис. 3).

Рис. 3. В процессе удаления профилактической заклейки и расчистки фрагментов.

Та часть, которая лежала лицевой поверхностью вверх (Г-20-1) представляет собой фрагмент стенки предмета, разбитого или раздавленного толщей лессового грунта так, что еще одна стенка, лежала на некотором расстоянии от других частей, лицевой поверхностью вниз. Рядом находились еще несколько более мелких фрагментов грунта.

Рис. 4. Фрагменты «цилиндрического предмета» с изображением антропоморфного персонажа.

На фрагментах, лежащий лицевой поверхностью вверх, сохранилась полихромная роспись – схематично-условное изображение антропоморфного персонажа (Рис. 4), видимо, держащего в одной руке змею, вторая рука персонажа опирается на талию. Фрагмент разбит на несколько кусочков: структурная трещина проходит как раз по середине изображения антропоморфного персонажа. Еще одна трещина проходит вдоль изображения змеи.

Рис. 5. Задняя стенка предмета.

Задняя стенка предмета (Рис. 5), лежащая лицевой поверхностью вниз, разбита на несколько фрагментов. Крайний фрагмент стенки частично опирается на небольшой прекрасно сохранившийся керамический горшочек, заполненный лессово-песчаным грунтом.

Мелкие фрагменты грунта, не укрепленные профзаклейкой или отделившиеся от

нее в процессе перевозки, находились в разрозненном виде на некотором отдалении от основного скопления фрагментов. Еще три небольших фрагмента грунта с полихромной росписью, как бы сложенные гармошкой, лежали за керамическим горшочком (Рис. 6).

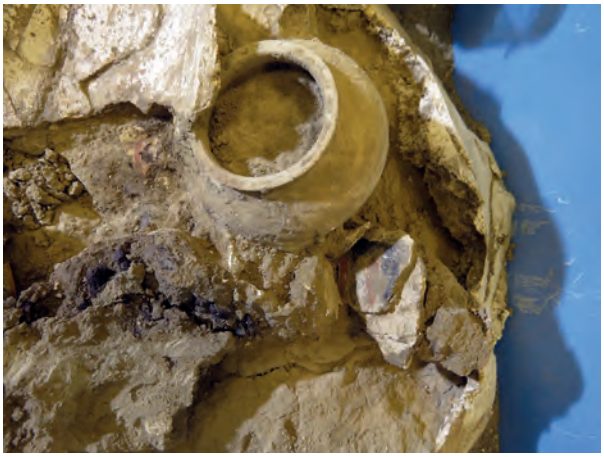

Рис. 6. Разрозненные фрагменты с полихромной росписью за миниатюрным керамическим сосудом.

На этом этапе была сделана схема-картограмма (Рис. 7), на которой было зафиксировано положение и состояние фрагментов разрушенного предмета до начала разборки блока и демонтажа фрагментов.

Консервация началась с укрепления лессовой основы, грунта и красочного слоя многократными пропитками 2,5% р-рами БМК-5 в ИПС+У/с. После стабилизации слоя грунта реставраторы приступили к расчистке фрагментов от лессовых наслоений.

В процессе удаления лессового заполнения (Рис. 8) стали открываться небольшие фрагменты из дерева в виде четырехгранных небольших брусочков, которые были настолько хрупкими, что расчищать их можно было только после предварительного укрепления. Брусочки лежали не хаотично, а в относительном порядке – почти параллельно друг к другу и перпендикулярно предполагаемой плоскости основания «коробочки». Некоторые фрагменты дерева сохранились лучше и можно было рассмотреть необычное покрытые поверхности черным пигментом или сажей. Нужно отметить характерную поверхность этого покрытия в виде «крокодиловой кожи» (здесь можно было бы упомянуть «Yakisugi» – древнюю японскую технологию обработки поверхностей

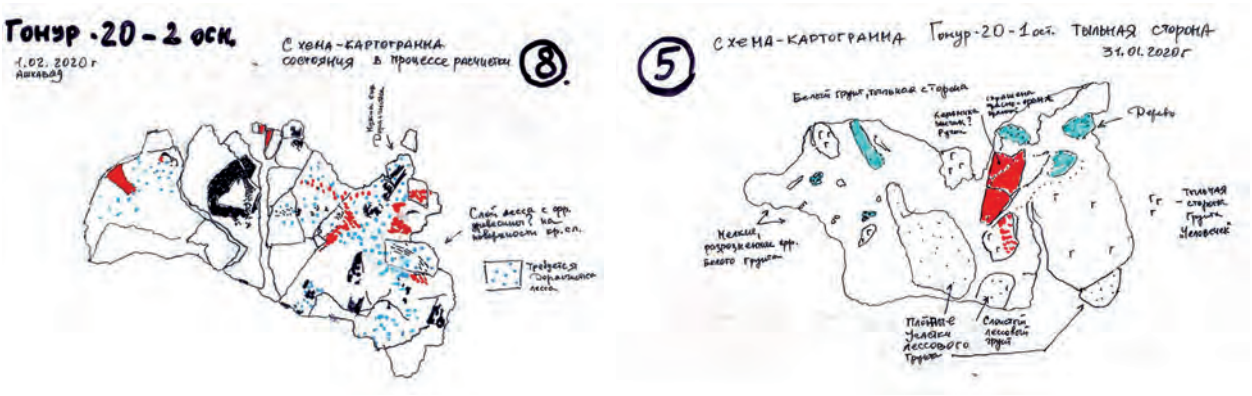

Рис. 7. Состояние фрагментов разрушенного предмета до начала разборки.

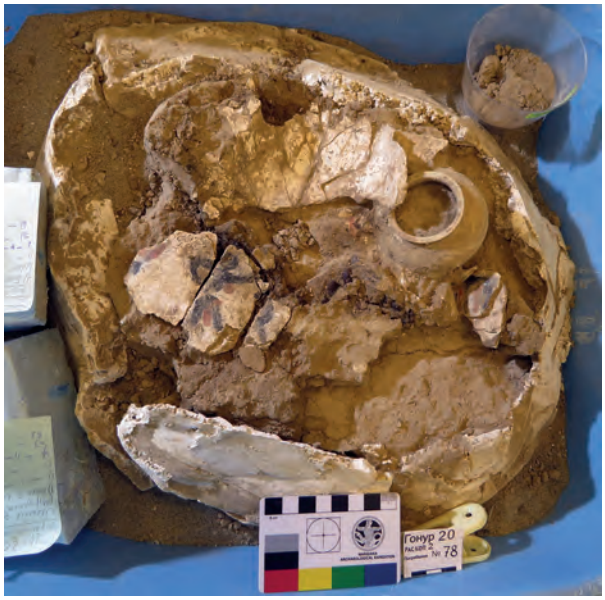

Рис. 8. В процессе расчистки фрагментов грунта от лессовых наслоений.

деревянных предметов методом быстрого обжига поверхности огнем, что, по словам мастера, делало ее устойчивой к влаге, огню, насекомым и грибам).

Рис. 9. Фрагмент деревянного брусочка укреплен на гипсовой основе вместе с участком лессового грунта (Г-20-1).

Таким образом, осторожно продвигаясь по поверхности, были укреплены и расчищены все мелкие фрагменты грунта и дерева (Рис. 9).

Отделение фрагментов «цилиндрического предмета» от лессовой основы и раскрытие участков грунта с распыленным красочным слоем от лессовых наслоений.

В процессе консервации крупные фрагменты стенок предмета были предварительно зафиксированы профилактической марлевой заклейкой (Рис.10) и, в определенной последовательности отделены от лессового монолита для дальнейшей работы (Рис. 11).

Рис. 10. В процессе консервации. Профилактическая заклейка фрагментов грунта перед отделением от лессового блока.

Фрагменты стенки (Фр. Г-20-2), лежавшие лицевой поверхностью вниз, были предварительно укреплены с тыльной поверхности профилактической заклейкой и отделены от лессового блока. Фрагменты имели криволинейную поверхность и для того, чтобы продолжить их расчистку и укрепление, пришлось подготовить специальную подставку в форме полуцилиндра, фиксирующую форму предмета (Рис. 12).

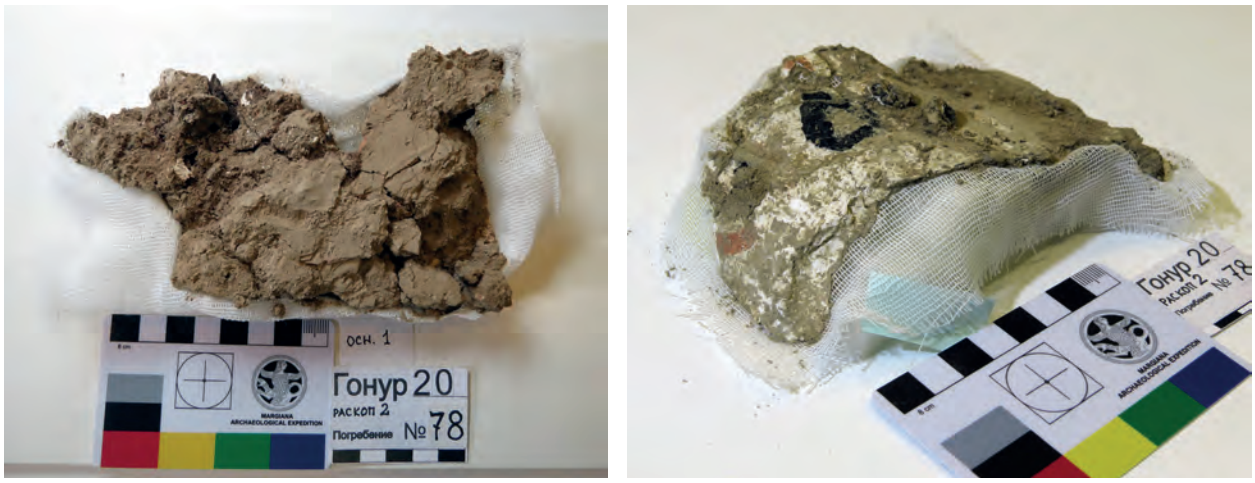

Рис. 11. Тыльная и лицевая стороны фрагмента Г-20-2 после отделения от лессового блока.

Рис. 12. Фр. Г-20-2 в процессе расчистки.

Рис. 13. Фрагмент «цилиндрического предмета» в процессе раскрытия и укрепления красочного слоя.

Рис. 14. Схема-картограмма с фиксацией положения двух деревянных брусочков.

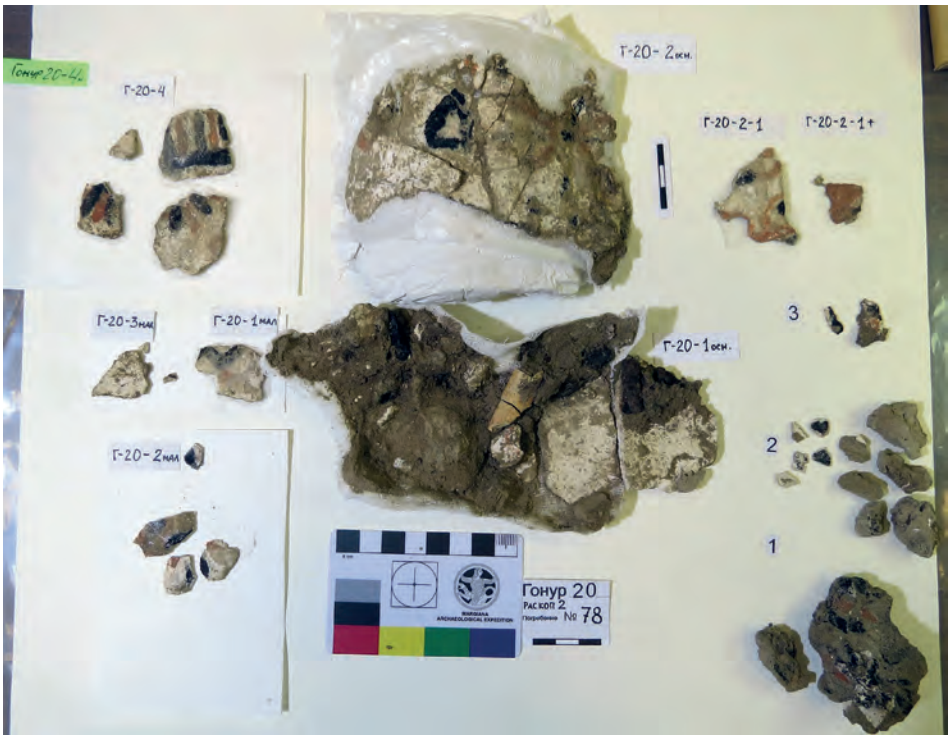

Рис. 15. Все фрагменты «цилиндрического предмета» извлечены из лессового грунта (фрагмент с изображением антропоморфа (Г-20-1) на данном фото виден с тыльной стороны, т.к. лицевая поверхность находится под профилактической заклейкой).

Раскрытие лицевой поверхности было осложнено тем, что распыленный красочный слой, лишенный связующего, начал отслаиваться вместе с жесткими лессовыми наслоениями, налипшими на рыхлую поверхность предмета. Для того, чтобы продолжить раскрытие, пришлось долго укреплять пропитками 2.5% БМК-5 (в ИПС+У/с) участки грунта с распыленным красочным слоем вместе с налипшим на их поверхность слоем лесса. После стабилизации слоя, можно было продолжить расчистку без опасения утратить красочный слой (Рис. 13). Раскрытие проводилось с осторожным увлажнением участков смесью А+ИПС (1:1).

Раскрытые поверхности цилиндрического предмета, покрытые полихромным рисунком, выполненным на белом слое грунта черной и оранжево-красной краской, были дополнительно укреплены р-рами 2.5% БМК-5 (в ИПС+У/с).

Раскрытые в процессе расчистки несколько деревянных брусочков были укреплены вместе с передней стенкой предмета, с изображением человечка, и отделены от лессового грунта монолита. Эти деревянные брусочки вначале мы приняли за палочки арматуры, но когда, после расчистки их исследовали более внимательно, то заметили, что эти четырехгранные брусочки слегка заужены с одной стороны (к низу). Размер брусочка: высота – 22–23 мм, ширина нижней части 4–4,5 мм, верхней – 5,5 мм. На картограмме зафиксировано положение двух брусочков, которые возможно находились внутри «цилиндрического предмета» (Рис. 14).

В процессе консервации все части предмета убыли креплены, зафиксированы профилактической заклейкой с лицевой или тыльной стороны и отделены от лессового блока. В результате было извлечено два основных крупных фрагмента и 19 более мелких, обнаруженных в разрозненном виде, которые были собраны в процессе полевой консервации. Также сохранились небольшие комочки лессового грунта с отпечатками пигмента, которые также были извлечены из погребения в процессе полевой консервации (Рис. 15).

Еще один слой с полихромной росписью.

Еще до того, как от лессового блока были отделены основные фрагменты, продолжался процесс расчистки лессовых наслоений вокруг лежащих стенок «цилиндрического предмета».

Расчищая лессовое заполнение между фрагментами стенок, было раскрыто нечто, что, видимо, лежало в цилиндрическом сосуде или рядом с ним. Это был какой-то неизвестный предмет со

Рис. 16. Раскрытие неизвестного слоя с полихромной росписью.

следами полихромной росписи на поверхности (Рис. 16).

В процессе расчистки был раскрыт фрагмент поверхности этого предмета, покрытой тончайшим слоем светлого грунта с рисунком в виде красной полосы. Фактура этого слоя более гладкая, а слой более тонкий, чем грунт «цилиндрического предмета». В утратах грунта (неизвестного предмета) видна темная основа, по структуре похожая на деградированную древесину. Поверхность обнаруженного предмета с тонким грунтом имеет полукруглую, обтекаемую форму. Возможно, этот декор покрывал поверхность какого-то деревянного предмета. К сожалению, сохранность обнаруженного предмета фрагментарна (Рис. 17).

Рис. 17. Поверхность обнаруженного предмета с тонким грунтом имеет полукруглую, обтекаемую форму.

Слой похожего тонкого грунта прослеживался на разных участках, но сохранился он только в виде отдельных следов деструктированного слоя. Еще один небольшой кусочек (возможно от этого же слоя) прилип к стенке небольшого фрагмента «цилиндрического предмета» (Фр. Г-20-2-1), лежащих в стороне от основных фрагментов.

На этом маленьком кусочке неизвестного слоя (также с очень гладкой поверхностью, отличной по фактуре от основного предмета), сохранилась

Рис. 18. Фр. Г-20-2-1 и еще один слой с полихромной росписью после разделения двух фрагментов (до расчистки).

полихромная роспись, выполненный красно-оранжевой и черной краской (Рис. 18).

Под микроскопом удалось рассмотреть этот необычный кусочек – с его тыльной стороны сохранился темный слой, затем тонкий слой белого грунта и сверху – слой полихромной росписи. Интересно, что этот рисунок был выполнен очень тщательно, края неизвестного изображения тщательно выведены, что отличает его от экспрессивной манеры рисунка основного «цилиндрического предмета» (Рис. 19).

Рис. 19. Фрагмент Г-20-2-1. Рабочая схема-картограмма с прорисовкой обнаруженного фрагмента.

Раскрытие красочного слоя и грунта консервация и сборка фрагментов «цилиндрического предмета».

Торцевые участки фрагмента Г-20-1 и Г-20-2, состоящие из нескольких более мелких фрагментов, были очищены от лессовых загрязнений, укреплены и склеены (Рис. 20). Тыльные стороны фрагментов грунта зафиксированы профилактической заклейкой из тонкой реставрационной дублировочной ткани. Дорасчистка красочного слоя проводилась с использованием микроскопа.

Фрагмент Г-20-2 (лежал лицевой поверхностью вниз) был сильно деформирован и разбит на множество фрагментов. Красочный слой фрагмента был распылен и отслаивался от гипсовой основы. Чтобы сохранить красочные слои, приходилось неоднократно укреплять эти участки в процессе расчистки. Расчистка проводилась с использованием микроскопа.

Гипсовая основа предмета была не только разбита и деформирована, но и имела множество

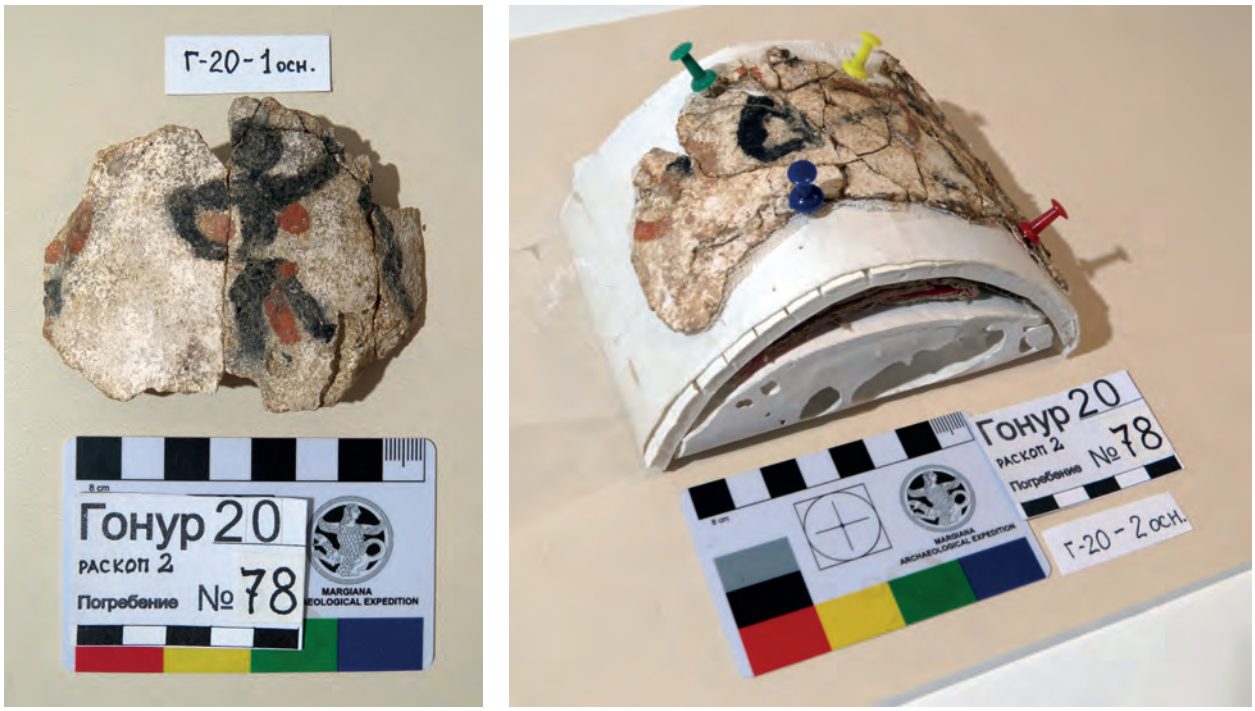

Рис. 20. Фрагменты Г-20-1 и Г-20-2 после консервации и склейки.

Рис. 21. Схема-картограмма росписи стенок «цилиндрического предмета» после раскрытия и отдельные разрозненные фрагменты, которые не удалось соединить с основными частями.

фрагментов, сдвинутых со своих мест или наслаивавшихся друг на друга. В процессе консервации эти участки увлажнялись растворителями (ацетон + изопропиловый спирт) осторожно отслаивались с помощью скальпеля. Этот процесс выполнялся очень осторожно, так как гипсовая основа предмета была крайне хрупкая, неравномерная по толщине и в некоторых местах очень тонкая. Расслоенные фрагменты осторожно раздвигались, если это было возможно, вместе

с профзаклейкой, которой они были зафиксированы или, в некоторых случаях, отделялись от профзаклейки и затем совмещались по сколам и подклеивались к основе. Одновременно торцевые стороны фрагментов очищались от лессовых загрязнений и песка (ацетон + изопропиловый спирт), а после очищения укреплялись 2,5% растворами полимерного клея БМК-5 (смесь изопропилового спирта и уайтспирита в соотношении 1:3) и затем склеивались 10% р-ром полимерного клея БМК-5 (ацетон + изопропиловый спирт). Для сушки и фиксирования склеенных участков на фрагмент укладывались слои микалентной бумаги и мешочки с песком. Вся работа проводилась на специальной основе, фиксирующей форму цилиндрического предмета.

Нужно отметить, что толщина белого грунта основы предмета очень неравномерна и колеблется от 1 до 5 мм, утоньшаясь к верхнему краю предмета. Выровненный фрагмент был доукреплен растворами БМК-5.

Временная монтировка.

Нужно отметить, что не все извлеченные и расчищенные фрагменты «цилиндрического предмета» участвовали в подготовке к экспозиционному виду. Несколько фрагментов с росписью, не удалось пока логически соединить с основными крупными фрагментами (Рис. 21). Но работа над реконструкцией будет продолжаться.

Для временной монтировки фрагментов с росписью, тыльные стороны предмета были дополнительно укреплены еще одним (вторым) слоем профилактической заклейки на 10 % БМК-5 в ИПС+А.

В процессе реставрации был определен примерный диаметр «цилиндрического предмета»: 12,5 см (вероятно, размер будет уточняться).

Для экспозиционных целей и хранения» цилиндрического предмета» из пенокартона была изготовлена временная основа в виде цилиндрической формы с диаметром 12,5 см и высотой стенок 14 см.

Цилиндрическая форма из пенокартона была обтянута марлей, после чего фрагменты «цилиндрического предмета» закреплены на форме за поля профилактической заклейки (Рис. 22).

Лессовая основа блока, на который был обнаружен фрагмент, сохранена, для возможного варианта экспозиции предмета.

В процессе работы была выполнена подробная фотофиксация реставрационных процессов, также составлены прорисовки- картограммы.

В случае необходимости, если экспозиционная концепция изменится, современная технология реставрации с использованием обратимых материалов позволяет демонтировать фрагмент или дополнить его новыми фрагментами, которые, возможно, можно будет подобрать из имеющихся у нас разрозненных кусочков.

В процессе работы была сделана макросъемка технологических особенностей предмета, отобраны пробы грунта, красочного слоя и древесины. Образцы для исследований были отобраны художником-реставратором ГОСНИИР Г. Э. Вересоцкой из разных мест фрагментов «цилиндрического предмета» из погребения 78 Гонур-20 (Туркменистан) (*Фрибус и др.,* 2019). Ниже представлены исследования, выполненные Т. В. Юрьевой – научным сотрудником Лаборатории физико-химических исследований ГОСНИИР.

Физико-химическое исследование 10 образцов цилиндрического предмета с полихромной росписью выполненному по белому грунту из раскопок Гонур-20, погребение 78

Методы исследования

В ходе работы использовалась методика определения художественных материалов, разрабо-

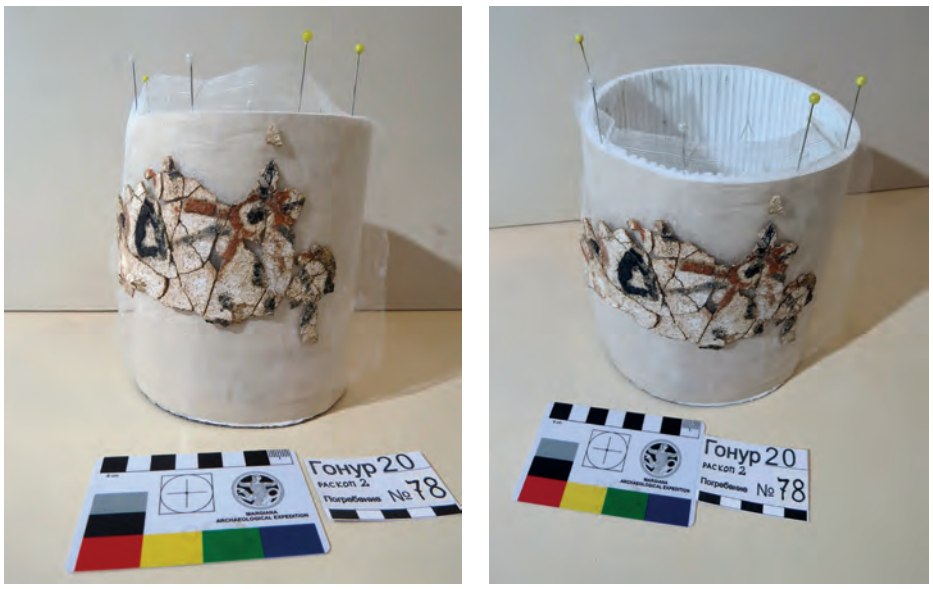

Рис. 22. Фрагменты «цилиндрического предмета» закреплены на форме за поля профилактической заклейки.

Рис. 23. Фотография образца № 1 среди группы мелких фрагментов, отделившихся от основного предмета в процессе полевой консервации и раскрытия.

танная в Лаборатории физико-химических исследований ГОСНИИР (*Гренберг, Писарева,* 2010; *Писарева*, 2017). Методика включает следующий комплекс аналитических методов (с указанием использованного оборудования):

• поляризационная микроскопия (микроскоп ПОЛАМ Л-213М, ЛОМО);

• сканирующая электронная микроскопия и энергодисперсионный рентгеновский микроанализ (сканирующий электронный микроскоп MIRA 3 LMU, Tescan, оснащенный спектрометром INCA-450, Oxford Instruments);

• инфракрасная Фурье-микроспектроскопия (ИК-микроскоп LUMOS, Bruker);

• КР-микроспектроскопия (КР-микроскоп Renishaw Invia Qontor (λ0=785 нм)).

• микрохимический качественный анализ.

Образец № 1. Фрагмент пористого грунта белого цвета, отобран из группы мелких фрагментов 11.01.2020 (Рис. 23, 24).

Исследование пробы грунта в образце № 1 методом рентгеноспектрального микроанализа

Исследование образца методом рентгеноспектрального микроанализа подтвердило присутствие в его составе гипса (Ca, S), алюмосиликатов (Al, Si).

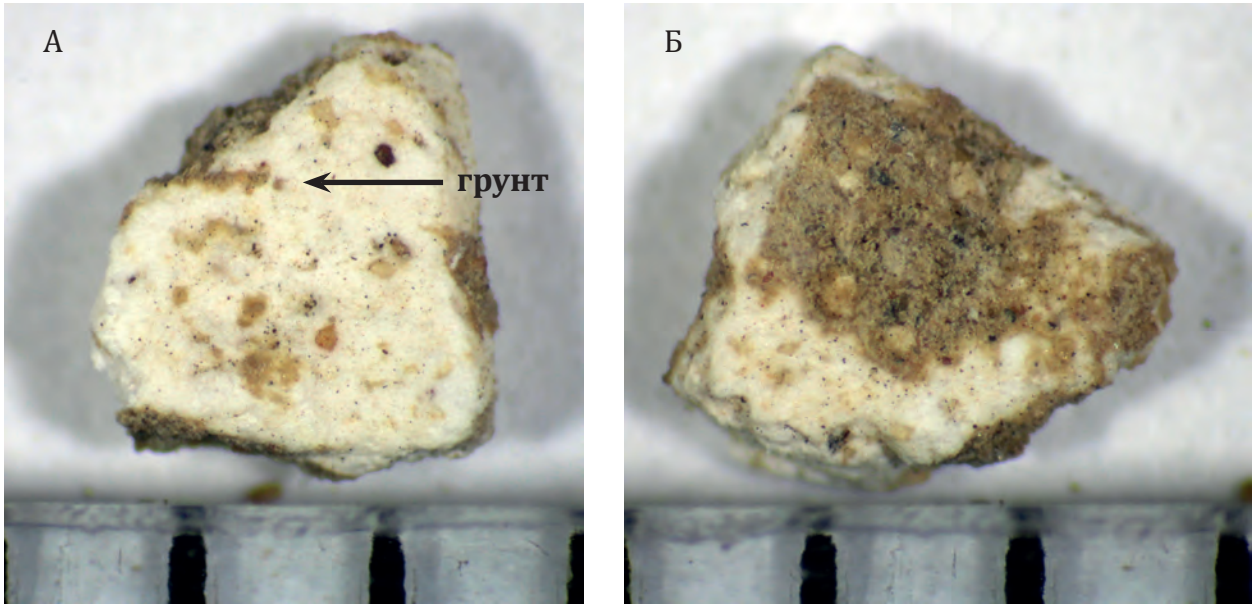
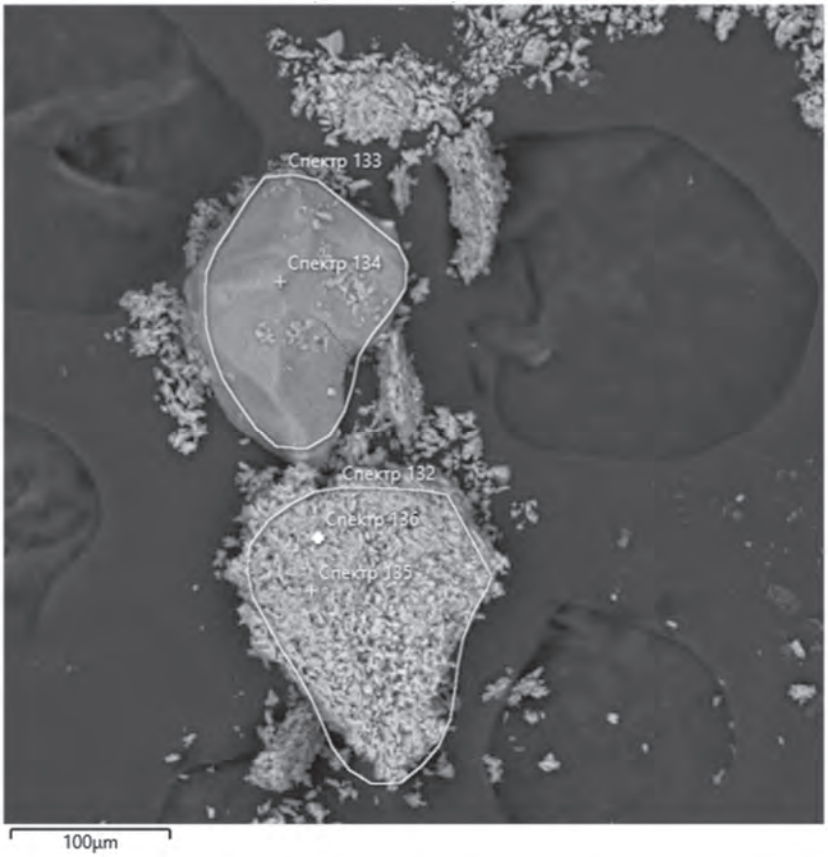

Рис. 24. Микрофотографии образца № 1 (Рис. 23) с лицевой (А) и оборотной (Б) стороны. Красным цветом указано место отбора пробы. Масштаб: 1 деление равно 1 мм. *грунт*: гипс, частицы кварцевого песка.

А

Б

Метка спектра	Спектр 132	Спектр 133	Спектр 134	Спектр 135	Спектр 136
Na		0.60		7.92	
Mg		1.32			
Al	1.06	4.81	0.65	23.78	0.48
Si	1.76	79.57	96.72	59.34	0.79
S	43.29	5.62	1.88		46.21
Cl		0.46			
K		1.56		0.49	
Ca	53.89	3.81	0.76	8.23	52.53
Ti		0.28			
Fe		1.96		0.25	

Рис. 25. СЭМ-изображение образца № 1 в режиме обратноотраженных электронов (BSE) с указанием областей анализа (А) и элементный состав пробы (в атом. %) в указанных областях (Б).

Исследование состава грунта образца № 1 методом ИК-микроспектроскопии.

Наличие полос поглощения 3510, 3400, 3241, 1680, 1618, 110, 1003 и 667 $см^{-1}$ связано с присутствием в образце **гипса в форме дигидрата**. Определить связующее в пробе не удалось по причине его отсутствия или малого содержания.

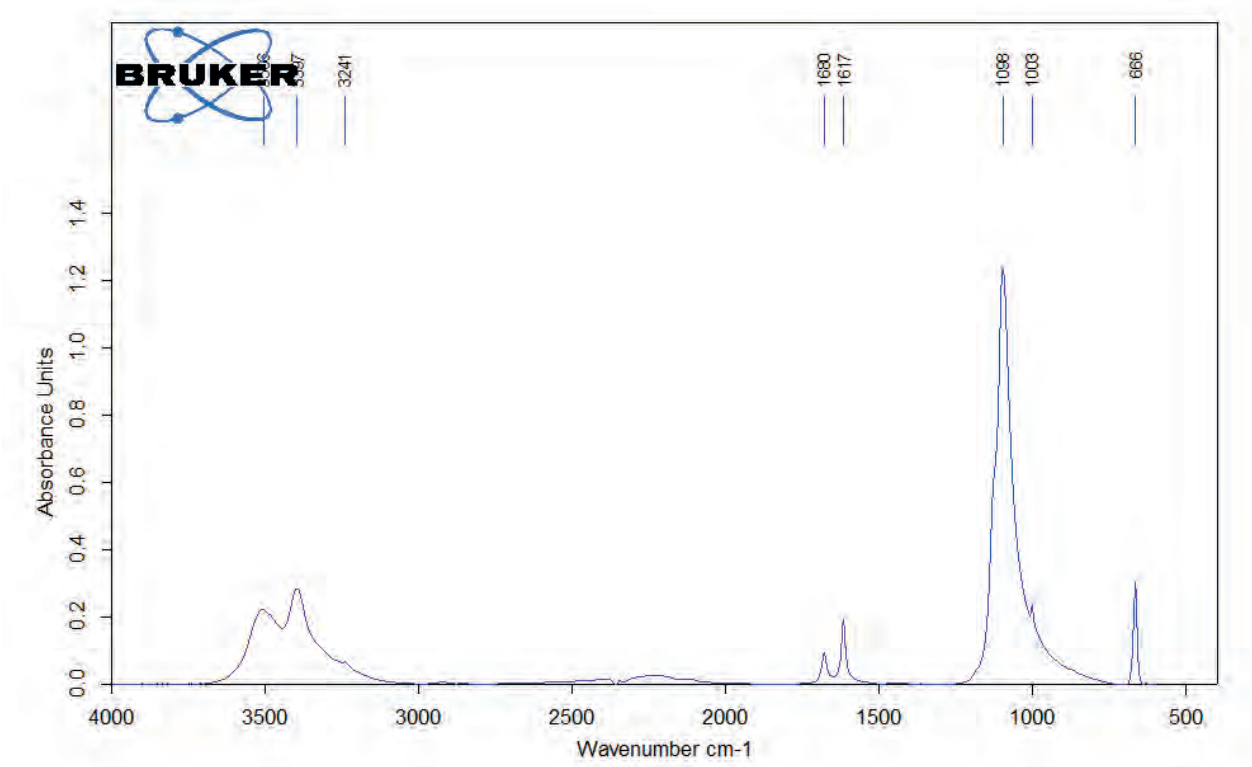

Рис. 26. ИК-спектр грунта образца № 1.

Образец № 2. Фрагмент с пористым грунтом белого цвета с черным слоем на поверхности**.** Отобран 13.01.2020 в центральной части блока

Рис. 27. Фотография руинированного предмета с указанием места отбора образца № 2.

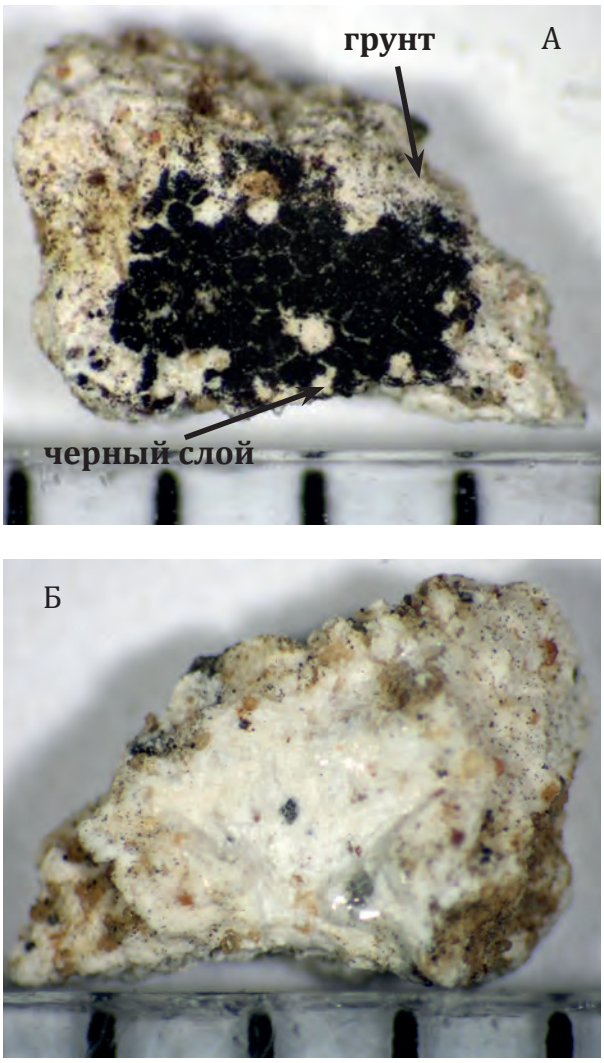
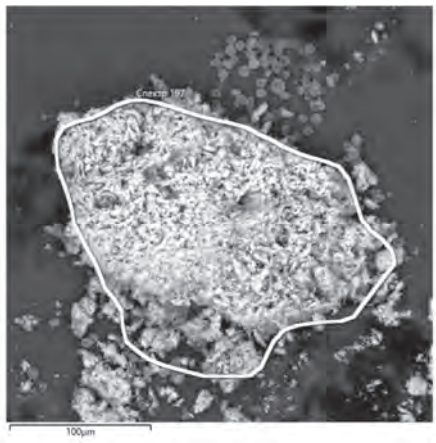

Рис. 28. Микрофотографии образца № 2 с лицевой (А) и оборотной (Б) стороны. Масштаб: 1 деление равно 1 мм. *Грунт*: гипс; *черный красочный слой*: споры гриба (Приложение № 1 Микробиологическое исследование)

среди крошки разрозненных фрагментов. Толщина грунта примерно 1,5 мм (Рис. 27, 28).

А

Б

Метка спектра	Спектр 197
Si	1.26
S	44.91
Ca	53.83

Рис. 29. СЭМ-изображение образца в режиме обратно отраженных электронов (BSE) с указанием областей анализа (А) и элементный состав пробы (в атом. %) в указанных областях (Б).

Исследование пробы грунта в Образце № 2 методом рентгеноспектрального микроанализа

Исследование пробы грунта образца № 2 методом элементного картирования.

Исследование образца № 2 методом рентгеноспектрального микроанализа и картирование по элементам в пробе грунта (Рис. 29, 30) подтвердило присутствие в его составе гипса (Ca, S), как основного компонента. В пробе обнаружены единичные включения алюмосиликатов и хлорида натрия.

Исследование связующего грунта образца № 2 методом ИК-микроспектроскопии

Наличие полос поглощения 3506, 3400, 3247, 1680, 1618, 1101, 1003 и 667 $см^{-1}$ связано с присутствием в образце **гипса в форме дигидрата**. Определить связующее в пробе не удалось по причине его отсутствия или малого содержания.

Черный красочный слой: споры гриба (см: Приложение № 1 Микробиологическое исследование)

Исследование пробы черного слоя на грунте в образце № 2 методом сканирующей электронной микроскопии.

Методами поляризационной и сканирующей электронной микроскопии было выявлено, что частицы черного цвета не являются пигментом, а представляют собой споры гриба (см.: Приложение № 1. Микробиологическое исследование).

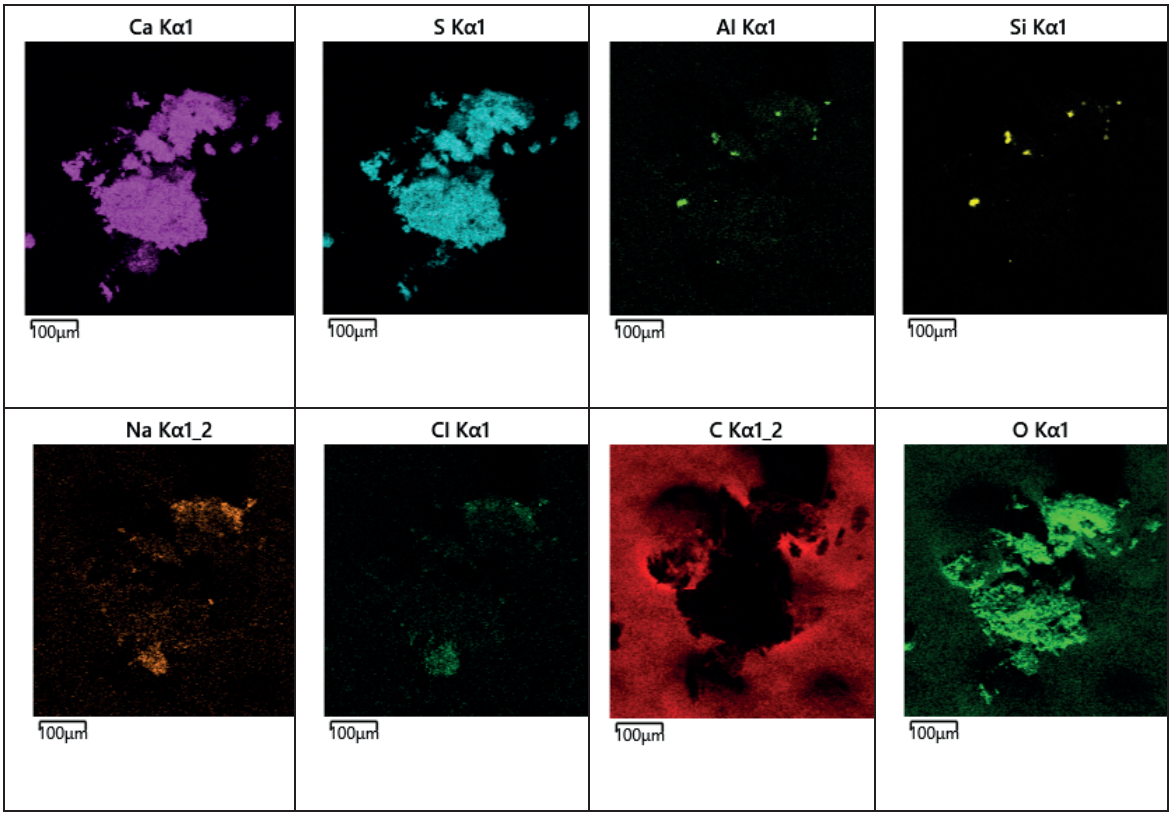

Рис. 30. Карты распределения элементов в пробе грунта образца № 2.

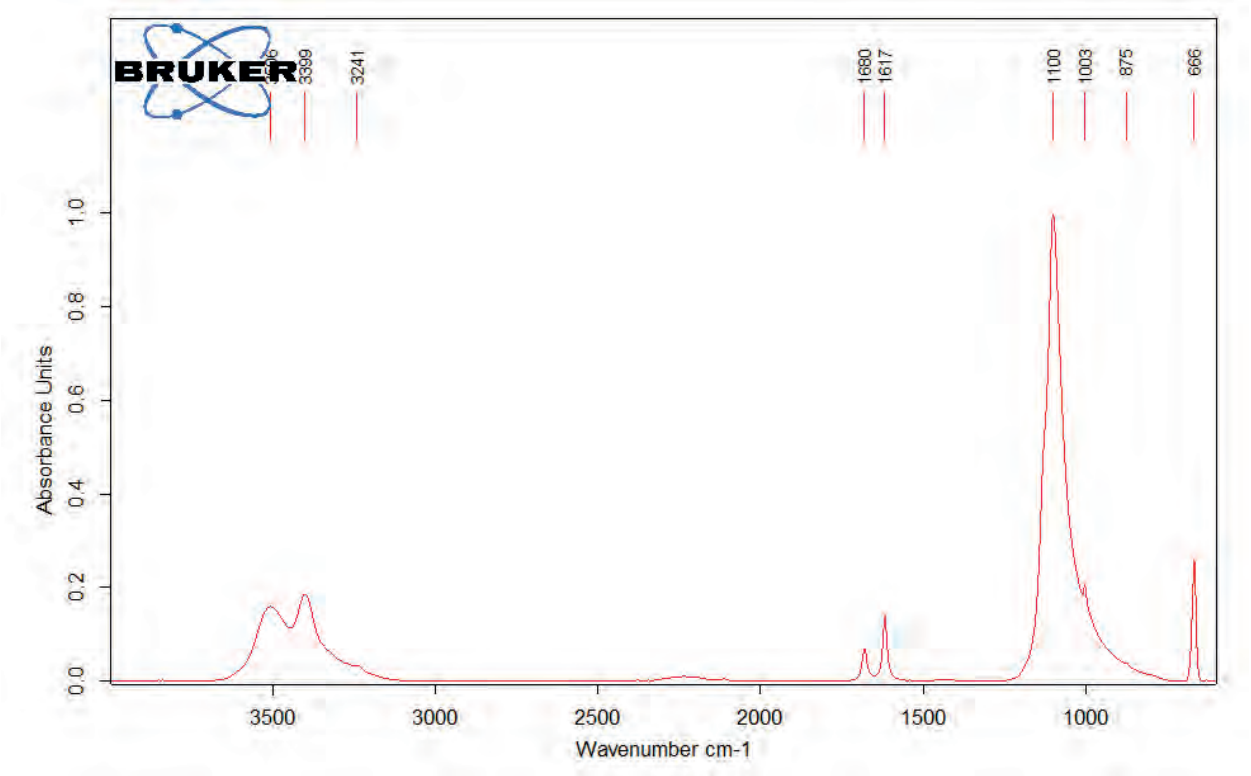

Рис. 31. ИК-спектр пробы грунта образца № 2.

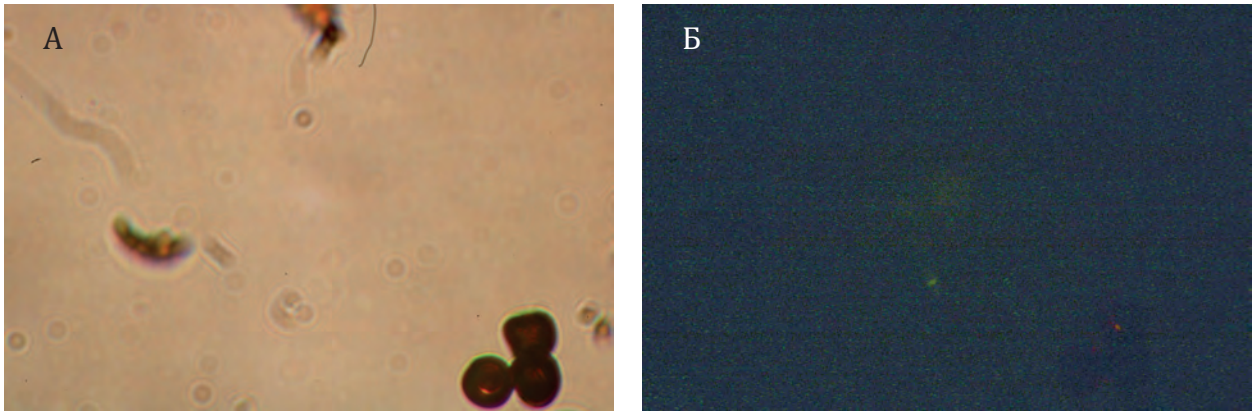

Рис. 32. Микрофотография частиц черного цвета образца № 2 в проходящем поляризованном свете (А) и в режиме скрещенных николей (Б).

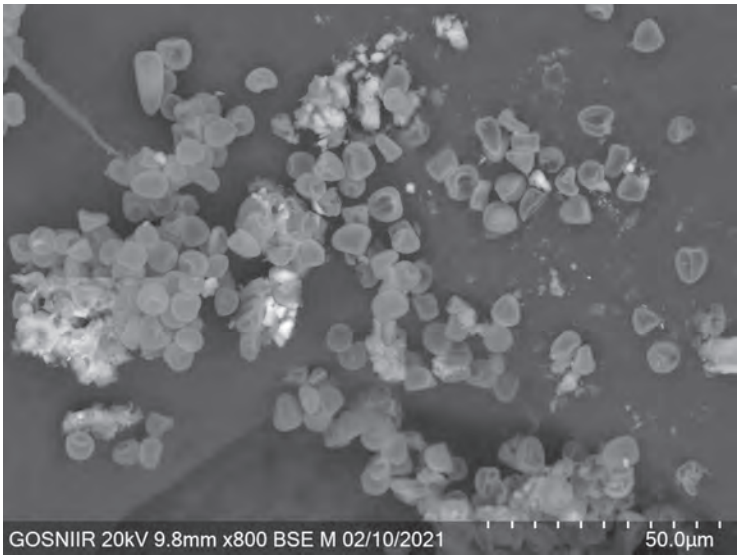

Рис. 33. СЭМ-изображение частиц черного цвета образца № 2 в режиме обратно отраженных электронов (BSE).

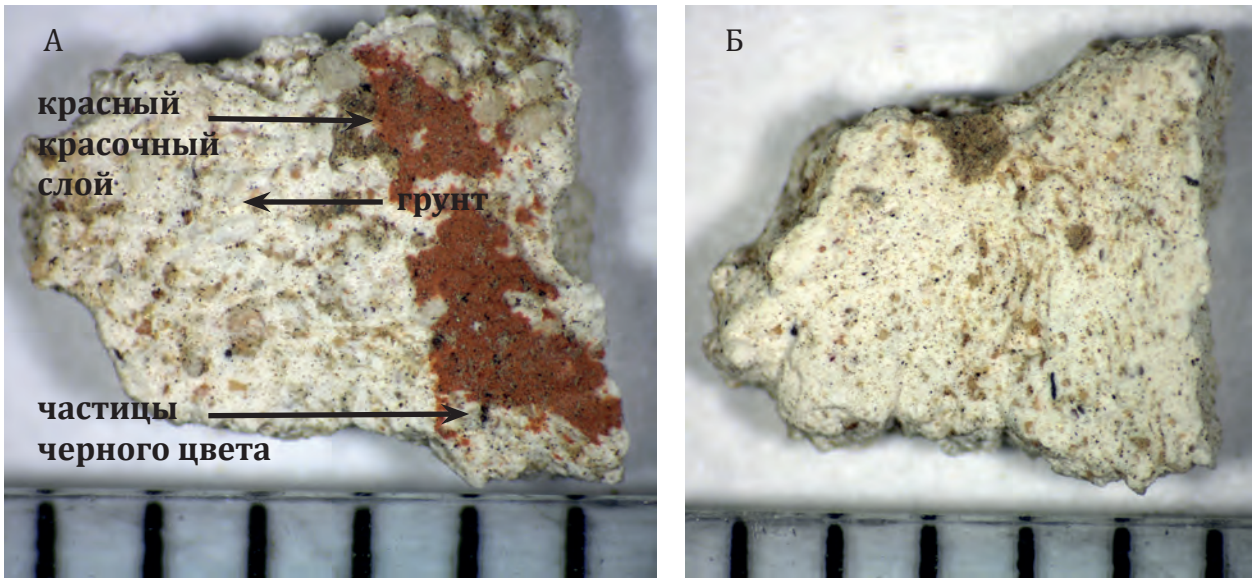
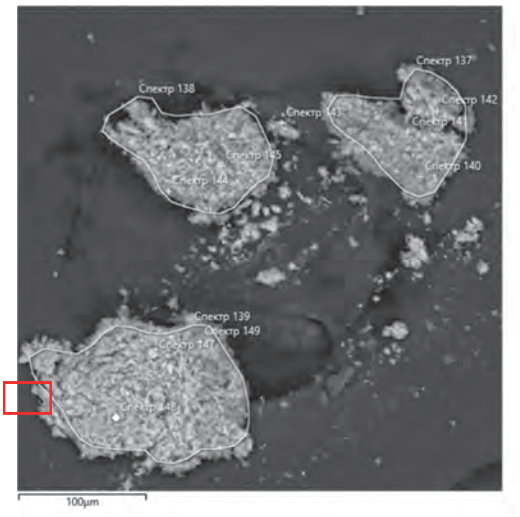

Рис. 34. Микрофотографии образца № 3 с лицевой (А) и оборотной (Б) стороны. Масштаб: 1 деление равно 1 мм. *Грунт*: гипс, небольшое количество алюмосиликатов; *красный красочный слой*: красная охра, немного кальцита; *частицы черного цвета*: споры гриба (см.: Приложение № 1 Микробиологическое исследование).

Образец № 3. Фрагмент пористого грунта белого цвета с красным пигментом на поверхности. Отобран 13.01.2020 из группы мелких фрагментов, отделившихся от основного предмета в процессе полевой консервации и раскрытия.

А

Б

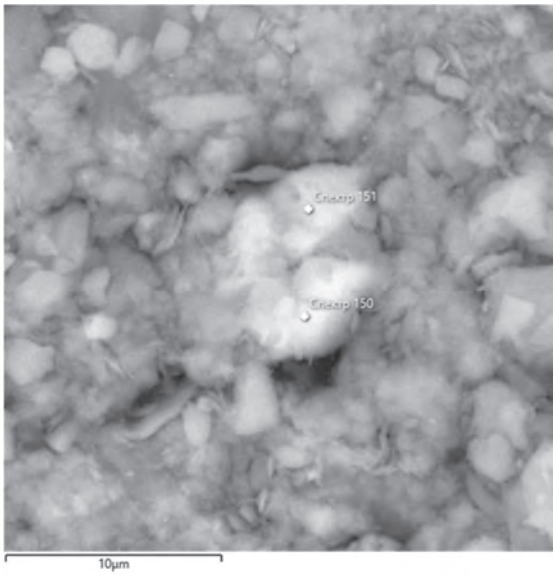
	Спектр 137	Спектр 138	Спектр 139	Спектр 140	Спектр 141	Спектр 142	Спектр 143	Спектр 144	Спектр 145	Спектр 147	Спектр 148	Спектр 149
Na						0.81			0.69			
Mg	1.69	1.12	0.62		1.08	1.47		1.70	0.96			0.71
Al	17.74	13.35	7.86	15.18	23.84	25.34	3.40	25.39	13.58	5.85		11.89
Si	52.12	46.20	19.66	26.96	58.64	47.56	9.09	50.49	35.61	9.45		24.11
S	6.33	16.36	34.54	5.51	4.03	2.50	2.13	2.64	19.83	0.54	46.19	29.60
Cl						0.30		0.43				
K	5.88	4.28	1.88	15.56	4.86	4.03	3.42	4.87	5.41	0.73		3.38
Ca	7.41	13.57	32.88	9.96	3.42	2.70	3.75	2.91	17.71	0.68	53.81	27.27
Ti	0.78	0.57	0.47	1.84	0.39	0.53	1.01	0.39	0.31	82.09		0.55
Fe	8.05	4.55	2.10	24.98	3.74	14.75	77.21	11.19	5.91	0.65		2.48

Рис. 35. (А) СЭМ-изображение образца в режиме обратно отраженных электронов (BSE) с указанием областей анализа и (Б) элементный состав пробы (в атом. %) в указанных областях. Красным цветом отмечена область со скоплением крупных частиц до 5 микрон.

Исследование пробы красного красочного слоя на грунте в Образце № 3 методом рентгеноспектрального микроанализа.

Исследование пробы красного красочного слоя на грунте в образце № 3 со скоплением крупных частиц до 5 микрон методом рентгеноспектрального микроанализа.

А

Б

Метка спектра	Спектр 150	Спектр 151
Al	5.63	7.81
Si	10.29	10.86
S	1.15	
K	0.49	0.74
Ca	0.99	0.60
Ti	80.68	78.92
Fe	0.79	1.07

Рис. 36. (А) СЭМ-изображение образца в режиме обратно отраженных электронов (BSE) с указанием областей анализа и (Б) элементный состав пробы (в атом. %) в указанных областях.

Исследование образца № 3 методом рентгеноспектрального микроанализа подтвердило присутствие:

– гипса (Ca, S), как основного компонента **грунта**, алюмосиликатов (Al, Si) и небольшого количества хлоридов (Cl);

– красной охры с примесью титана (Fe, Ti), с отдельными крупными включениями соединений титана (Ti) до 5 микрон в составе **красного красочного слоя.**

Исследование связующего водной вытяжки красного красочного слоя образца № 3 методом ИК-микроспектроскопии.

Наличие полос поглощения 2921, 2848, 1590, 1080 $см^{-1}$ связано с присутствием в водной вытяжке образца **камеди в качестве связующего**.

Исследование частиц черного цвета методом поляризационной микроскопии

Методом поляризационной микроскопии было выявлено, что частицы **черного цвета** не являются пигментом, а представляют собой **споры гриба** (см: Приложение № 1 Микробиологическое исследование).

Образец № 5 белого пористого грунта без красочного слоя. Отобран 18.01.2020 справа от фрагмента росписи с антропоморфом со слоя крайнего конца фрагмента за керамиечским сосудом.

Исследование пробы грунта в образце № 5 методом рентгеноспектрального микроанализа

Исследование образца № 5 методом рентгеноспектрального микроанализа подтвердило присутствие в его составе гипса (Ca, S), как основного компонента. В пробе обнаружены единичные

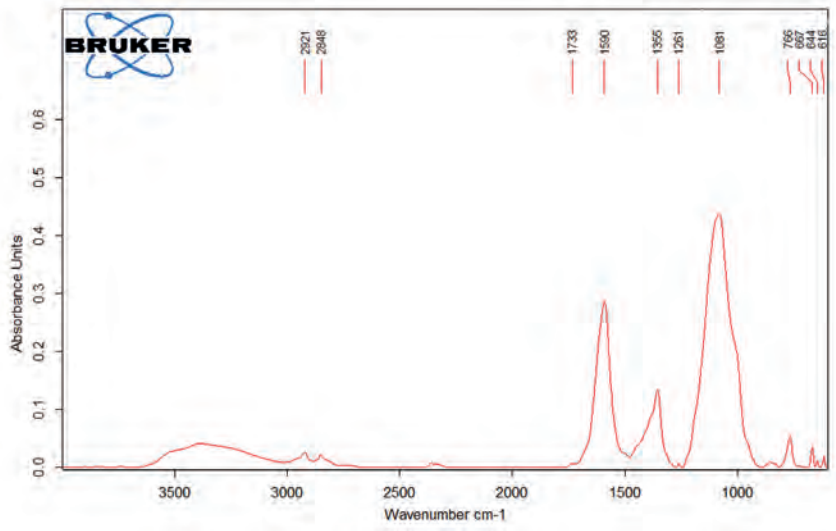

Рис. 37. ИК-спектр водной вытяжки красного красочного слоя образца № 3.

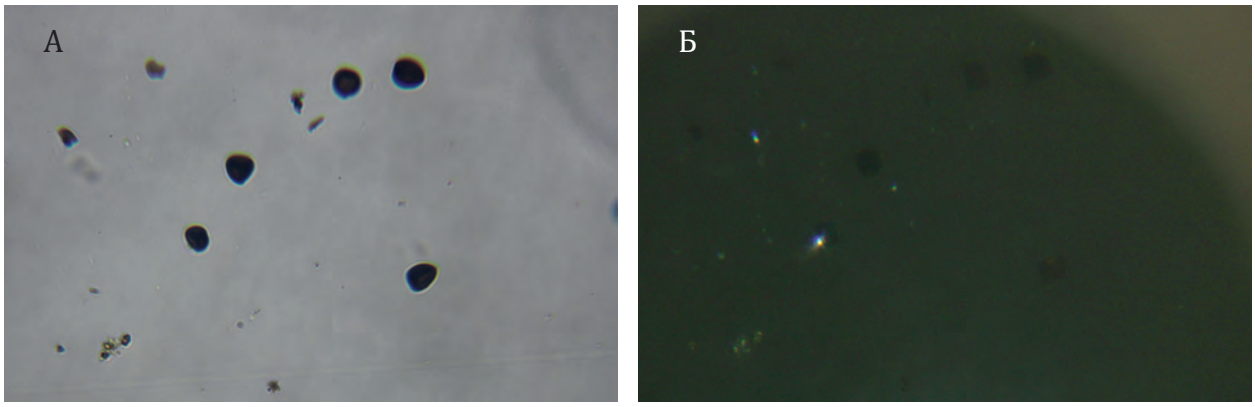

Рис. 38. Микрофотография частиц черного цвета образца № 3 в проходящем поляризованном свете (А) и в режиме скрещенных николей (Б)

Рис. 39. Участок руинированного предмета с указанием места отбора образца № 5

включения алюмосиликатов (Al, Si), хлорида натрия (Na, Cl).

Исследование состава грунта образца № 5 методом ИК-микроспектроскопии

Наличие полос поглощения 3506, 3398, 3240, 1680, 1617, 1101, 1004 и 667 $см^{-1}$ связано с присутствием в образце **гипса в форме дигидрата**. Определить связующее в пробе не удалось по причине его отсутствия или малого содержания.

Исследование частиц красного цвета образца № 5 методом поляризационной микроскопии

Данные поляризационной микроскопии и рентгеноспектрального микроанализа подтвердили присутствие в составе частиц красного цвета красной охры (Fe).

Образец № 6. Отобран 21.01.2020 в центральной части блока.

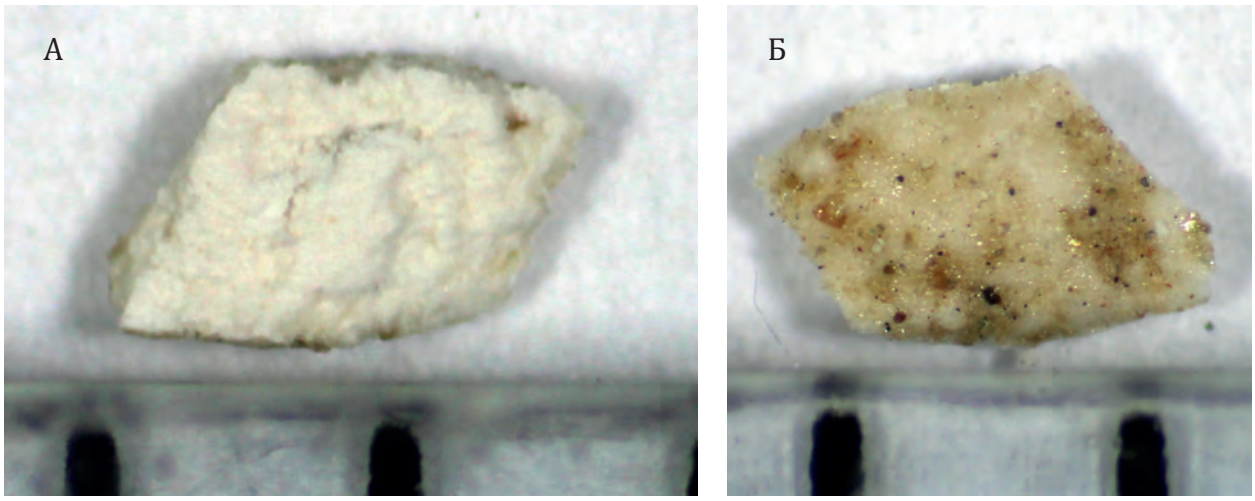

Рис. 40. Микрофотографии образца № 5 с лицевой (А) и оборотной (Б) стороны. Масштаб: 1 деление равно 1 мм. *Грунт*: гипс, немного алюмосиликатов; *частицы красного цвета*: красная охра.

А

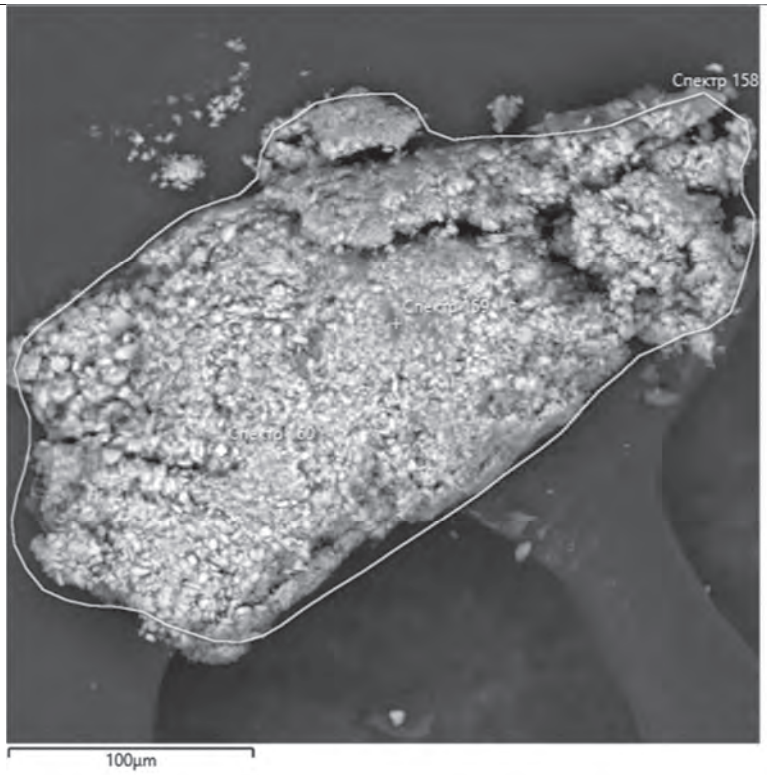

Рис. 41. СЭМ-изображение образца в режиме обратноотраженных электронов (BSE) с указанием областей анализа (А) и элементный состав пробы (в атом. %) в указанных областях (Б).

Б

Метка спектра	Спектр 158	Спектр 159	Спектр 160
Na		1.10	
Mg	0.74		
Si	3.84	1.00	
S	42.41	43.72	46.26
Cl		1.56	
K		0.41	
Ca	52.58	51.75	53.74
Ti		0.46	
Fe	0.41		

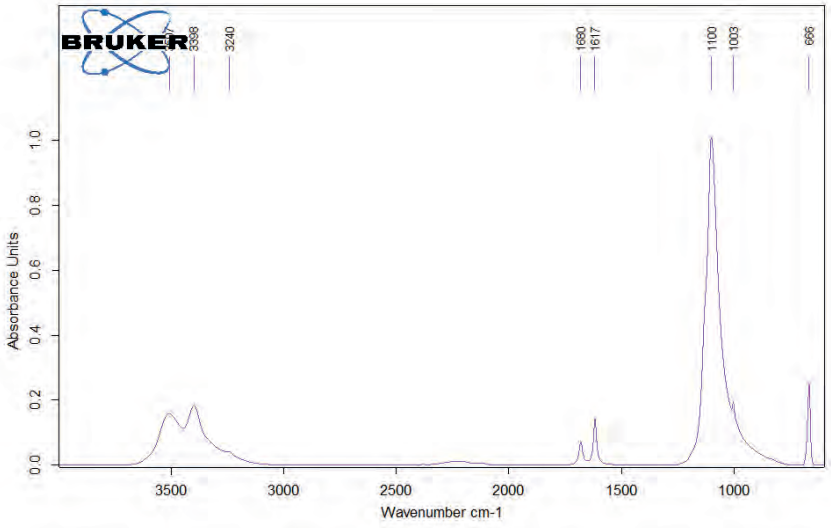

Рис. 42. ИК-спектр пробы грунта образца № 5.

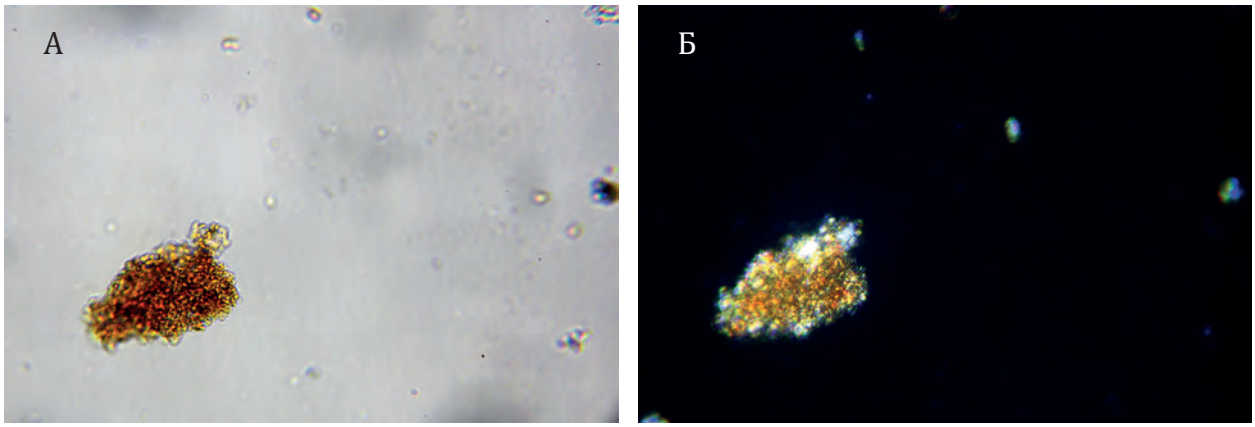

Рис. 43. Микрофотография частиц красного цвета образца № 5 в проходящем поляризованном свете (А) и в режиме скрещенных николей (Б)

Рис. 44. Фотография участка руинированного предмета с указанием места отбора образца № 6

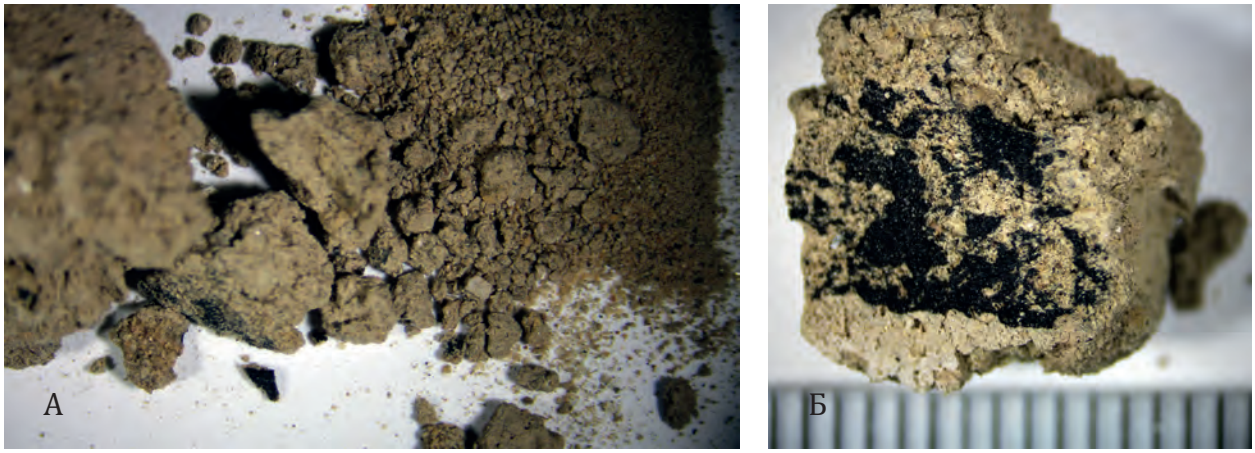
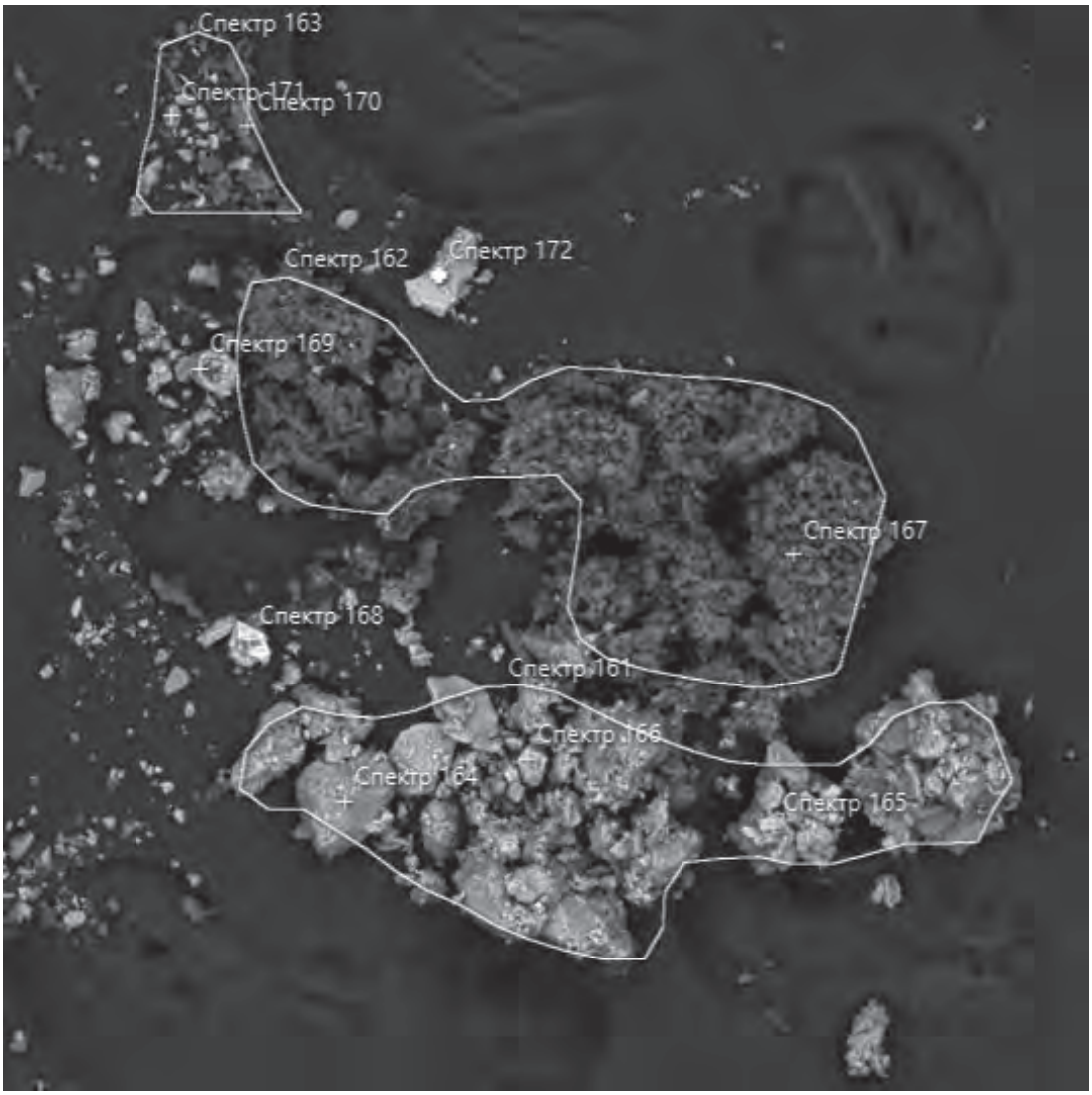

Рис. 45. Микрофотографии образца № 6. А – общий вид; Б – фрагмент лёсса с частицами черного пигмента стороны. Масштаб: 1 деление равно 1 мм. *Лёсс*: каолин, кальцит, охра; *частицы черного цвета*: черный углеродсодержащий пигмент

А

Б

спектр	161	162	163	164	165	166	167	168	169	170	171	172
Na	2.04	14.83	6.27		0.89	2.02	17.18		1.43	20.70	1.47	
Mg	4.64	9.95	6.44		2.58	5.41	11.81	3.82	5.34	17.52	6.15	3.43
Al	13.80	8.15	14.25	2.32	4.28	18.83	11.28	8.01	10.77	2.54	18.44	41.79
Si	55.07	19.54	44.03	96.34	7.20	50.19	20.77	20.22	21.05	2.14	60.62	35.18
P									0.69			
S		1.90	1.35				1.98			1.41		
Cl	0.66	9.55	3.26			0.36	9.01		0.71	11.95	1.06	
K	3.86	1.98	3.86	1.03	0.71	9.88	1.41	0.92	1.97		4.60	0.30
Ca	14.72	32.10	16.35		83.66	5.67	25.47	0.99	53.61	43.75	2.46	0.26
Ti	0.31					0.45		12.54			0.50	
Mn								1.22				
Fe	4.89	1.99	4.19	0.30	0.69	6.87	1.09	51.33	3.98		4.69	19.03

Рис. 46. СЭМ-изображение образца № 6 в режиме обратно отраженных электронов (BSE) с указанием областей анализа (А) и элементный состав пробы (в атом. %) в указанных областях (Б).

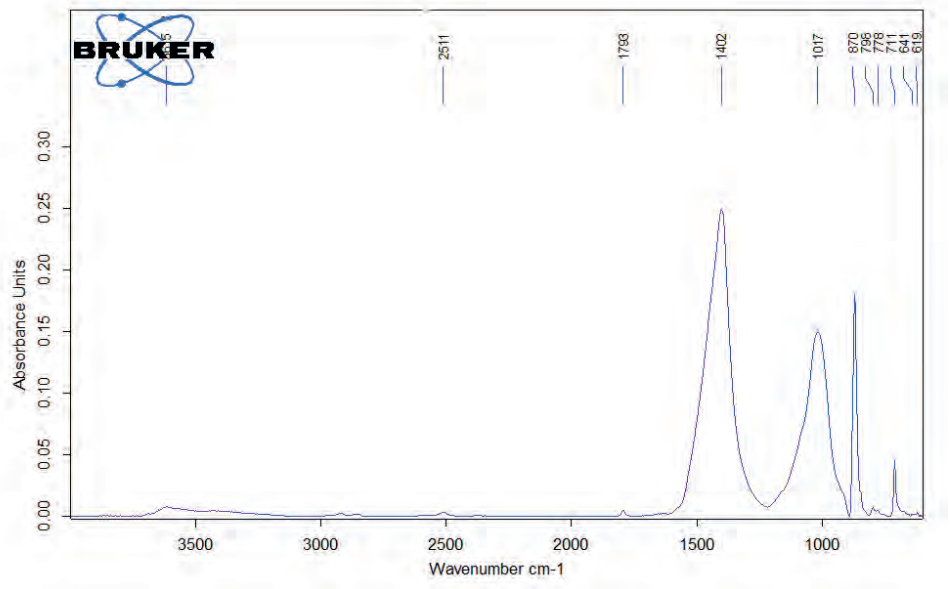

Рис. 47. ИК-спектр пробы лесса образца № 6

После отделения от лесса основного фрагмента «цилиндрического предмета» на лессе сохранился яркий отпечаток черного пигмента.

Исследование пробы грунта в образце № 6 методом рентгеноспектрального микроанализа

Исследование образца № 6 методом рентгеноспектрального микроанализа в пробе лесса подтвердило присутствие в его составе алюмосиликатов (Al, Si), гипса (Ca, S), кальцита (C), охры (Fe) с примесью титана (Ti) и марганца (Mn). В пробе обнаружены небольшие количества хлоридов (Cl).

Исследование связующего пробы лесса образца № 6 методом ИК-микроспектроскопии

Наличие характеристических полос поглощения 2511, 1793, 1403, 870, 711 $см^{-1}$ связано с присутствием в образце **кальцита**, а полос поглощения 3616, 1017 $см^{-1}$ связано с присутствием в пробе лесса **мусковита**, а полос 798 и 779 $см^{-1}$ – небольшого количества **кварца**. Определить связующее в пробе не удалось по причине его отсутствия или малого содержания.

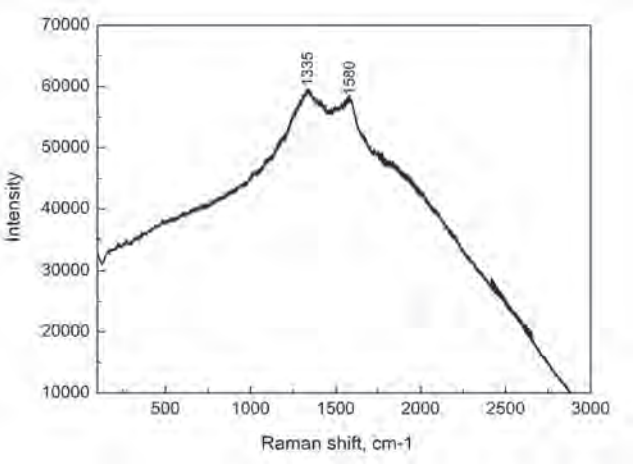
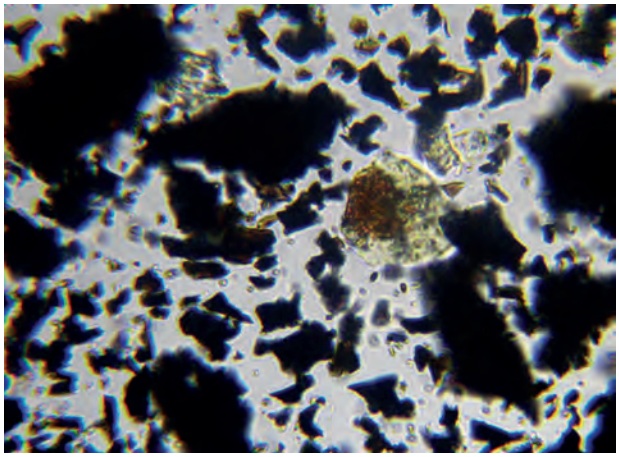

Рис. 49. Спектр комбинационного рассеяния пробы черного пигмента образца № 6

Исследование частиц черного и красного цвета методом поляризационной микроскопии

А

Б

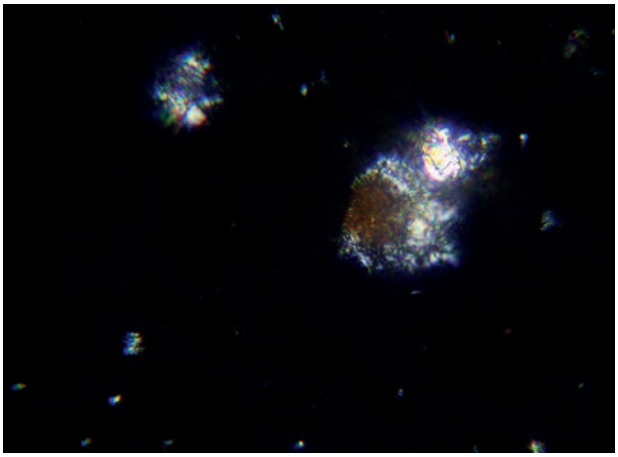

Рис. 48. Микрофотография частиц черного цвета образца № 6 в проходящем поляризованном свете (А) и в режиме скрещенных николей (Б)

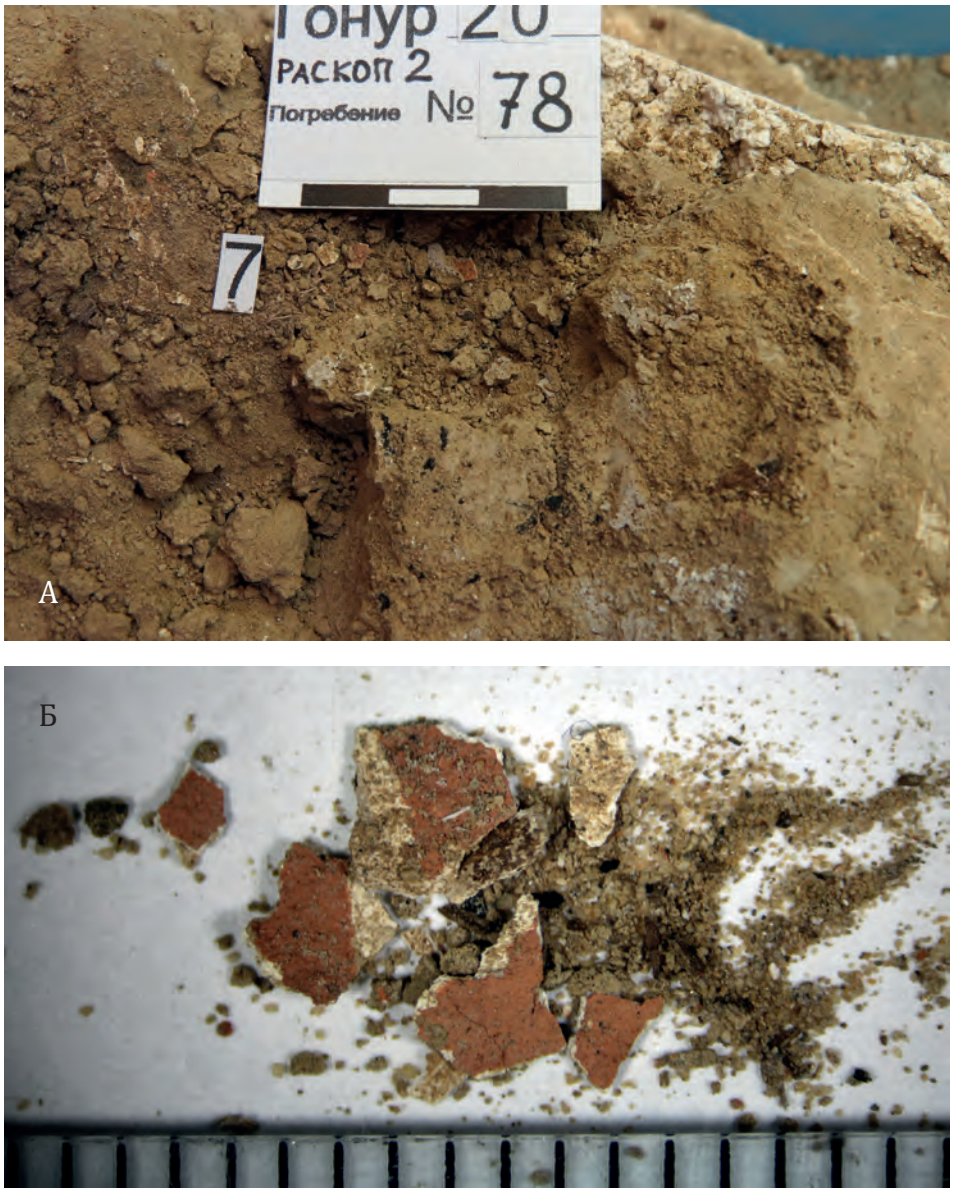

Рис. 50. Фотография участка руинированного предмета с указанием места отбора образца № 7 (А) и микрофотография фрагментов грунта с красным красочным слоем образца № 7 (Б).

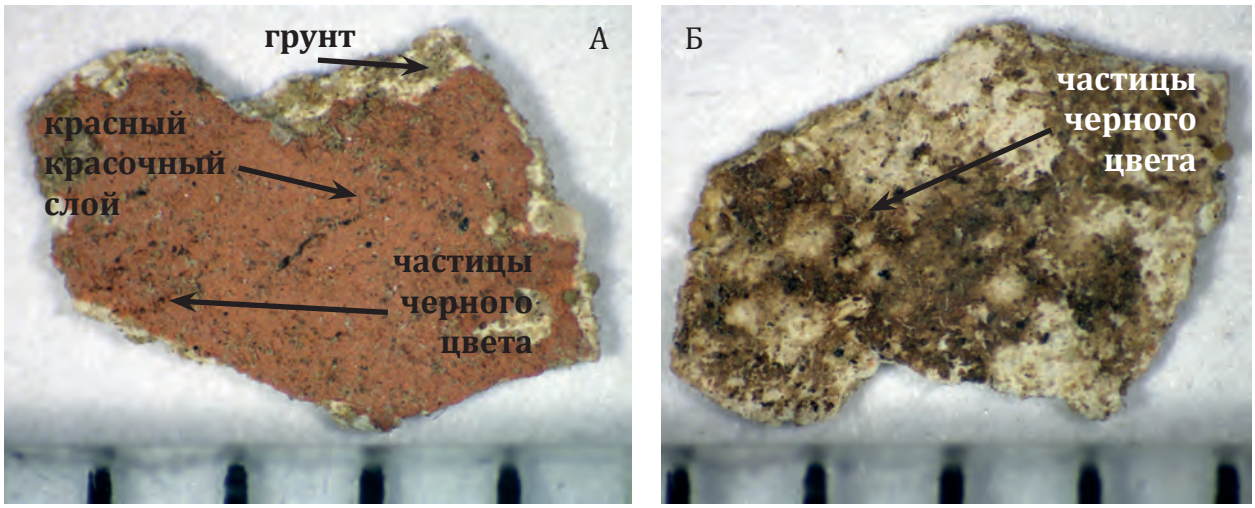
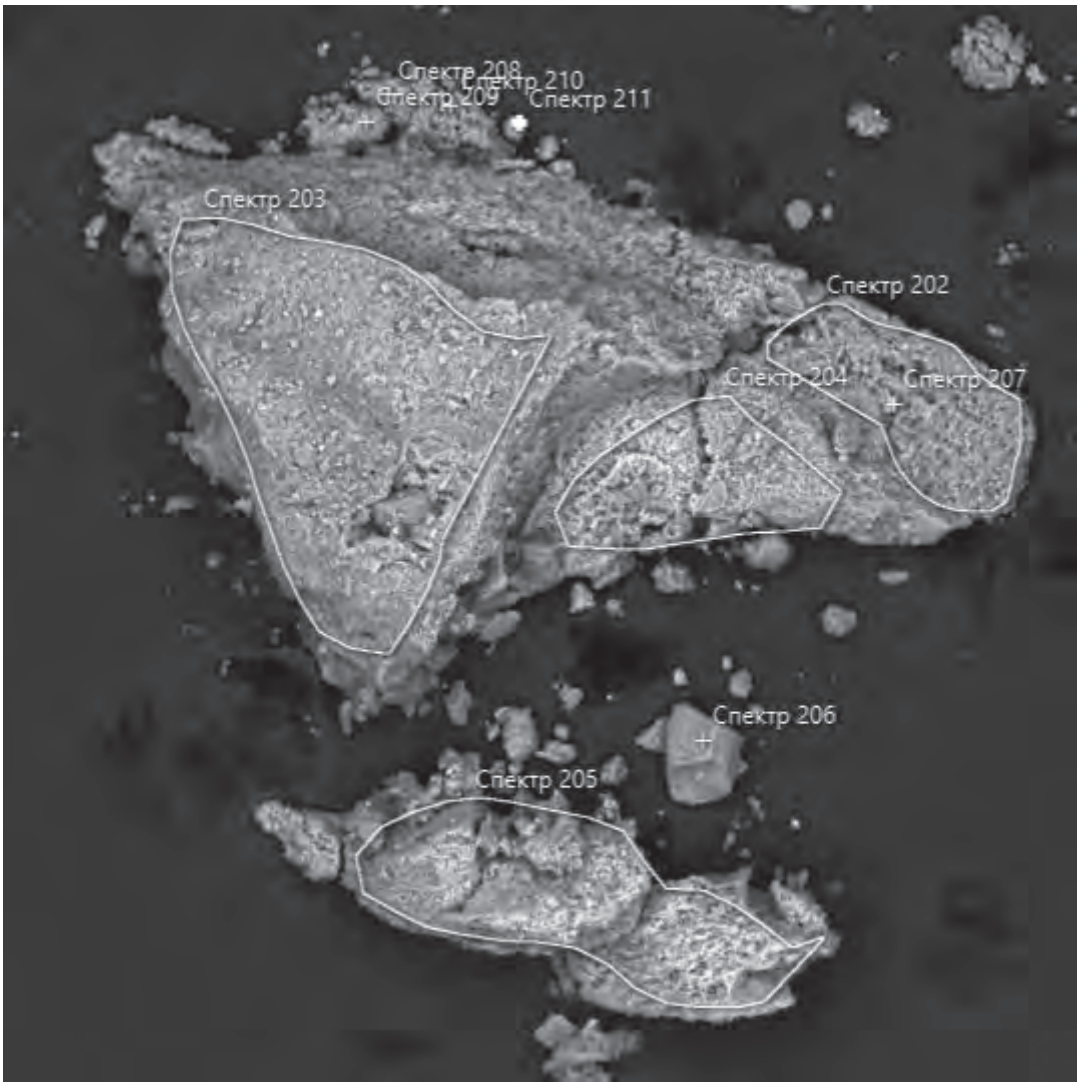

Рис. 51. Микрофотографии образца № 7 (Рис. 50) с лицевой (А) и оборотной (Б) стороны. Масштаб: 1 деление равно 1 мм.

А

Б

Спектр	Спектр 202	Спектр 203	Спектр 204	Спектр 205	Спектр 206	Спектр 207	Спектр 208	Спектр 209	Спектр 210	Спектр 211
Na	0.95	2.08			1.07					
Mg	1.62	1.50	1.31	1.29	1.14	4.51	0.71	0.50	1.03	1.99
Al	18.61	5.96	5.17	3.64	17.51	22.16	13.66	7.29	14.64	22.84
Si	47.04	15.10	16.03	11.72	58.67	53.53	74.49	20.64	74.52	38.59
P			0.49	0.81						
S	10.39	33.68	32.30	36.07	0.39	2.71	2.39	31.91	1.16	1.22
Cl	0.73	1.03			0.28	1.16				
K	5.75	1.39	1.65	0.79	18.82	6.98	4.41	2.22	3.50	0.66
Ca	7.88	38.05	41.65	44.75	0.96	2.42	1.29	35.05	0.98	24.68
Ti	0.67					0.42			0.35	
Fe	6.35	1.21	1.39	0.93	1.16	6.10	3.04	2.39	3.82	10.02

Рис. 52. Исследование пробы грунта с красным красочным слоем в Образце № 7 методом рентгеноспектрального микроанализа: А – СЭМ-изображение образца в режиме обратно отраженных электронов (BSE) с указанием областей анализа и Б – элементный состав пробы (в атом. %) в указанных областях.

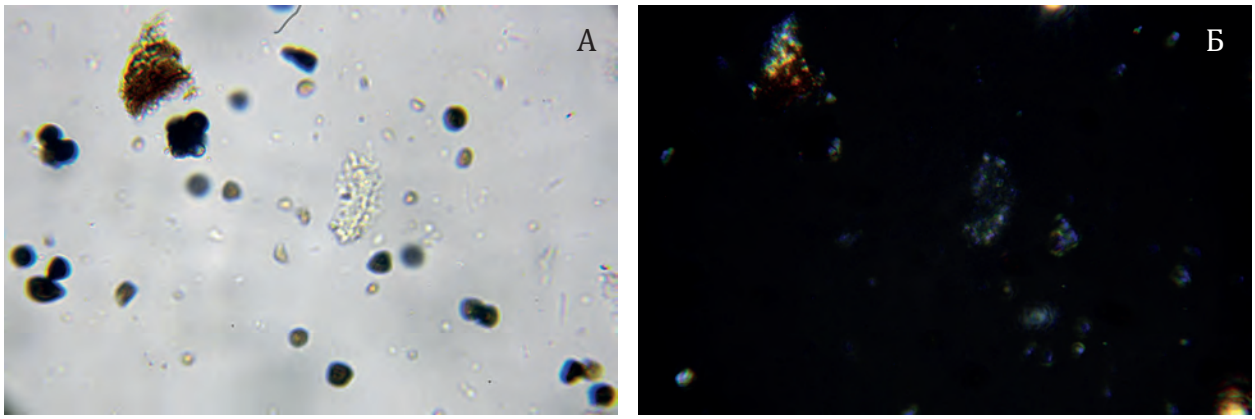

Рис. 53. Микрофотографии частиц красного цвета и спор грибов образца № 7 в проходящем поляризованном свете (А) и в режиме скрещенных николей (Б).

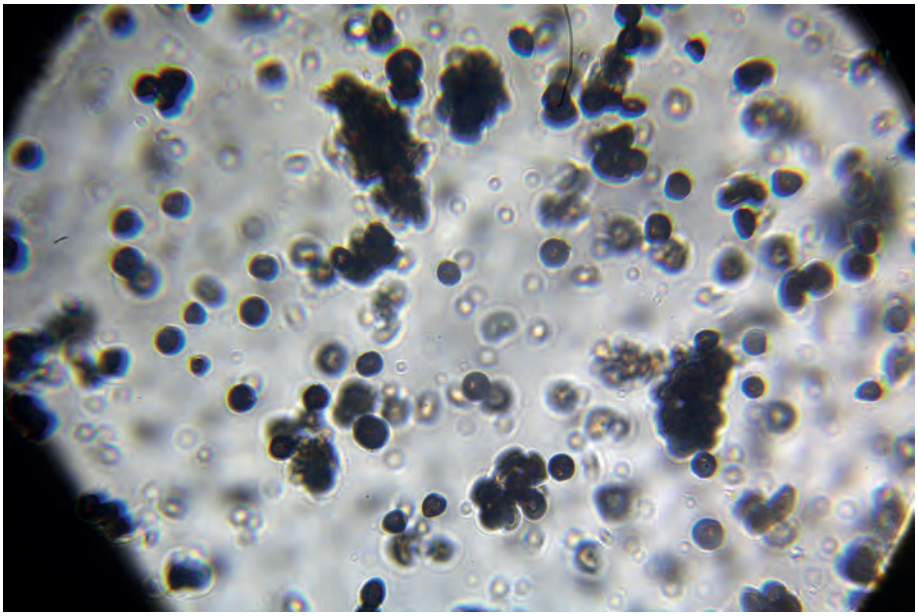

Рис. 54. Микрофотографии спор грибов с обратной стороны образца № 7 в проходящем поляризованном свете.

Исследование пробы черного пигмента образца № 6 методом комбинационного рассеяния

В результате исследований черного пигмента методами поляризационной микроскопии, ИК-микроспектроскопии и спектроскопии комбинационного рассеяния было установлено, что черный красочный слой нанесен углеродосодержащим пигментом, но т.к. в его составе отсутствует фосфор, можно точно утверждать, что данный пигмент не является жженной костью.

Образец № 7. В лессовых крошках, после отделения основного фрагмента от блока стали видны мелкие кусочки белого грунта с красочным слоем. Образец грунта отобран 21.01.2020. Этот грунт очень тонкий, хрупкий. Толщина колеблется от 1 до 0,01 мм.

Исследование образца № 7 методом рентгеноспектрального микроанализа подтвердило присутствие:

— гипса (Ca, S), как основного компонента **грунта**, алюмосиликатов (Al, Si) и небольшого количества хлоридов (Cl);

— красной охры (Fe) с примесью титана (Ti) в составе **красного красочного слоя.**

Исследование частиц красного и черного цветов образца № 7 методом поляризационной микроскопии

Методом поляризационной микроскопии было выявлено, что частицы **черного цвета** с лицевой и оборотной сторон образца № 7 не являются пигментом, а представляют собой **споры гриба** (см: *Приложение № 1 Микробиологическое исследование)*

Образец № 8. Хрупкий, рыхлый, деструктированный черный органический слой на слое белого тонкого грунта. Образец отобран 24.01.2020.

Исследование пробы образца № 8 методом рентгеноспектрального микроанализа

А Б

Рис. 55. Фотография участка руинированного предмета с указанием места отбора образца № 8 (А) и фотография образца № 8 (Б) в месте отбора пробы.

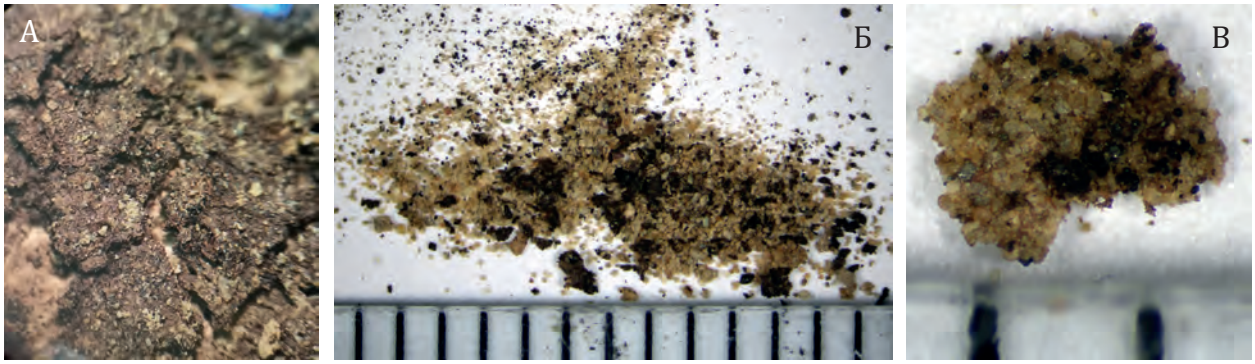

Рис. 56. Фотография верхней части фрагмента (А), с которого отобран образец № 8; микрофотографии образца № 8 (Б и В). Масштаб: 1 деление равно 1 мм.

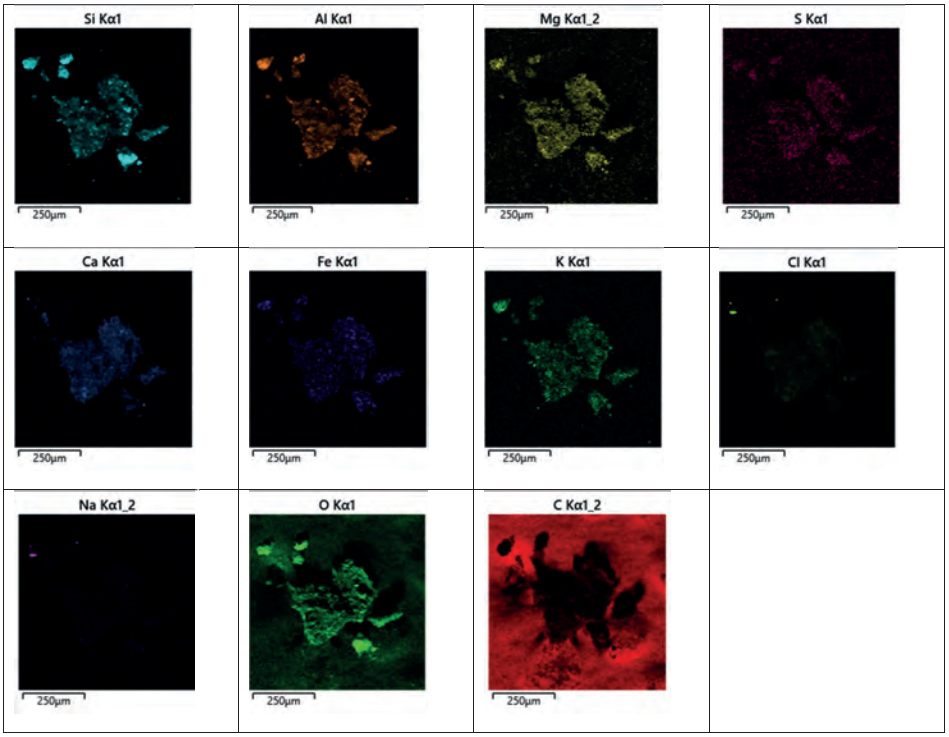
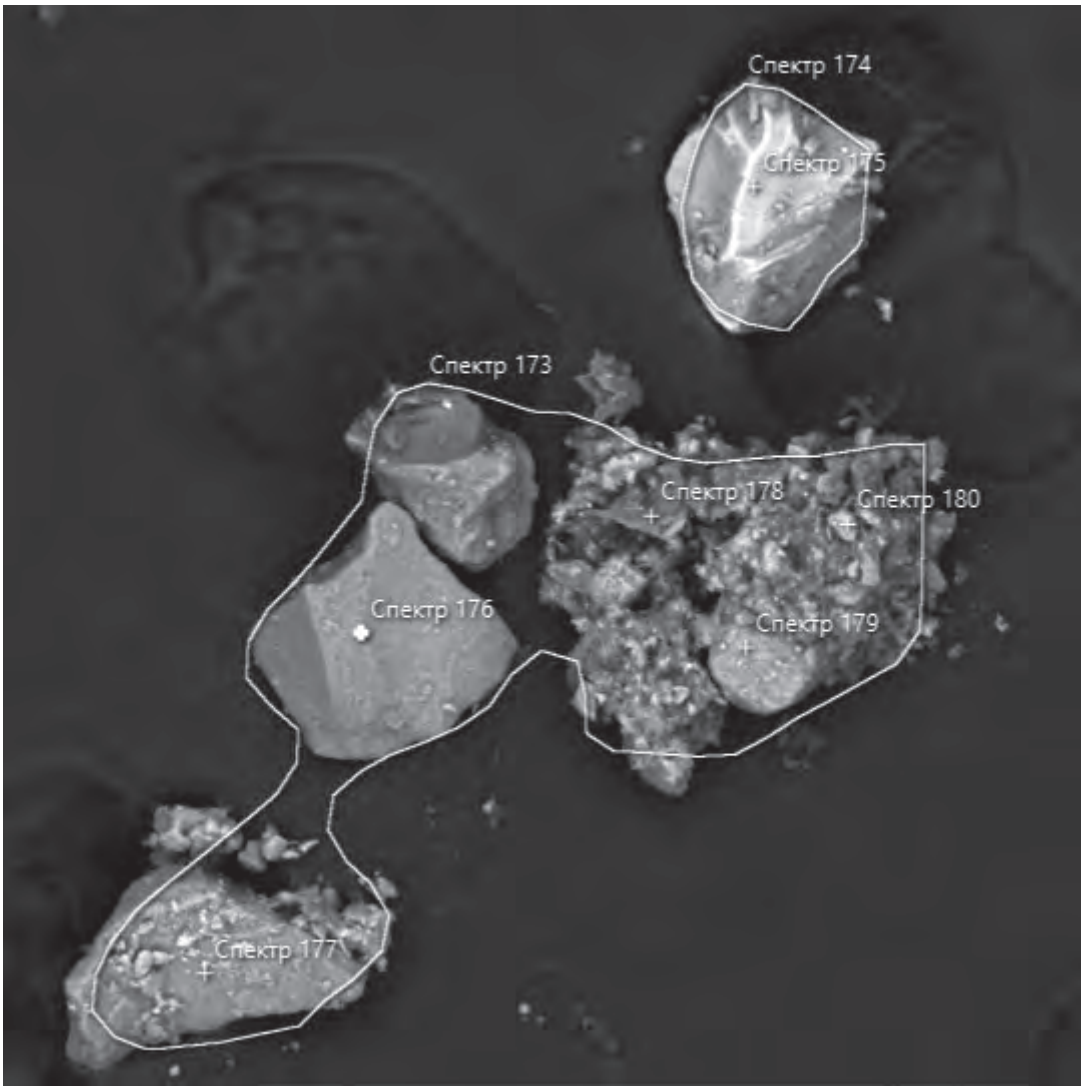

Рис. 58. Карты распределения элементов в пробе образца № 8.

А

Б

Спектр	Спектр 173	Спектр 174	Спектр 175	Спектр 176	Спектр 177	Спектр 178	Спектр 179	Спектр 180
Na	5.22	2.32	1.67			8.32	1.58	2.71
Mg	3.43	4.19	3.88		1.25	5.76	6.47	5.87
Al	12.23	20.36	19.18	0.99	4.60	11.74	21.06	16.38
Si	60.94	42.34	34.36	99.01	87.10	36.72	52.42	48.06
P	1.55	0.62				4.71		6.30
S		0.70				1.42		0.58
Cl	2.35	0.54				5.33	0.97	1.18
K	3.60	2.38	1.33		2.58	4.21	8.59	4.23
Ca	6.81	2.52	2.15		1.49	16.79	0.81	9.44
Ti								0.25
Mn		3.38	5.49					
Fe	3.87	20.65	31.94		2.98	4.99	8.09	5.00

Рис. 57. СЭМ-изображение образца № 8 в режиме обратноотраженных электронов (BSE) с указанием областей анализа (А) и элементный состав пробы (в атом. %) в указанных областях (Б).

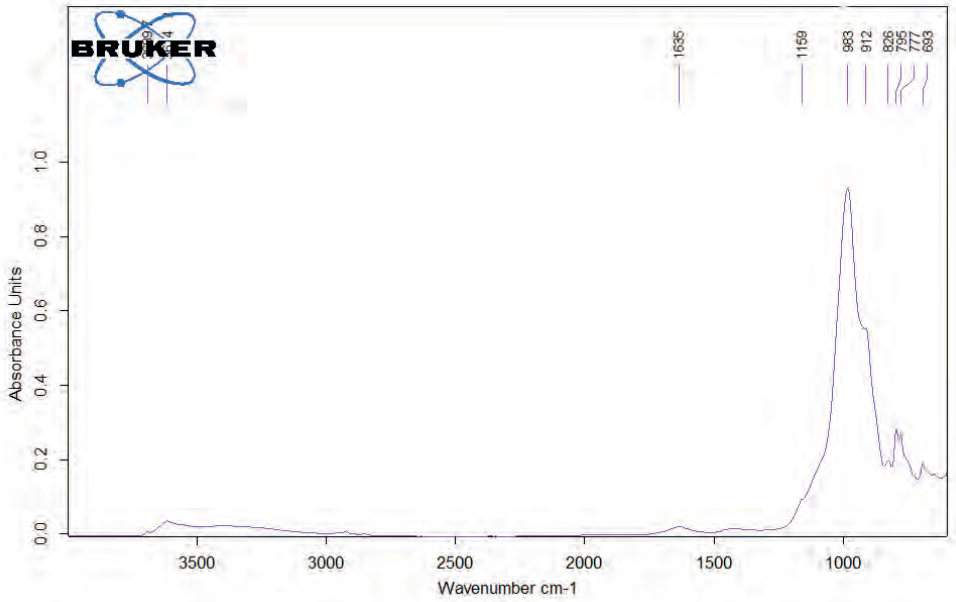
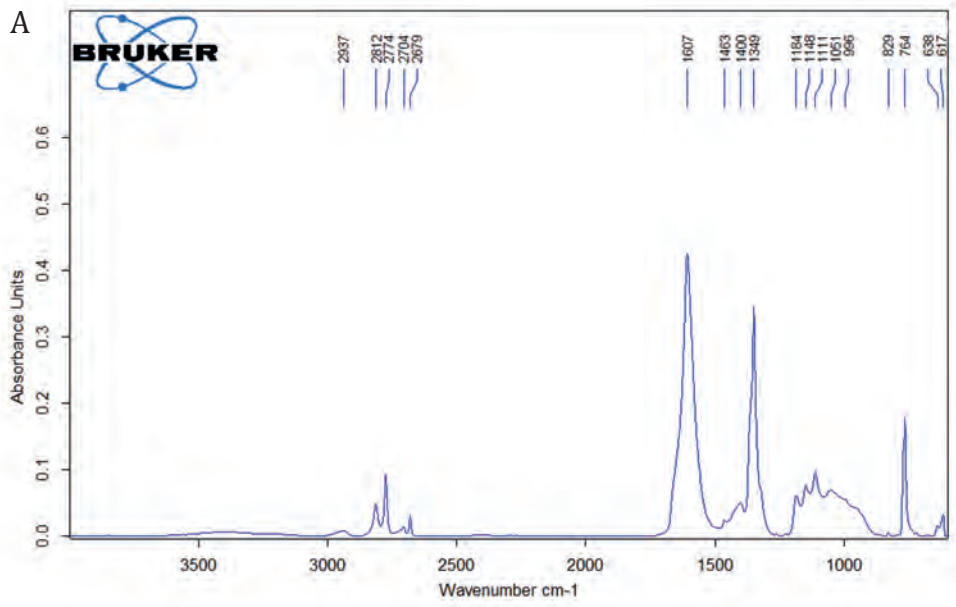

Рис. 59. ИК-спектр пробы лессовой штукатурки образца № 8

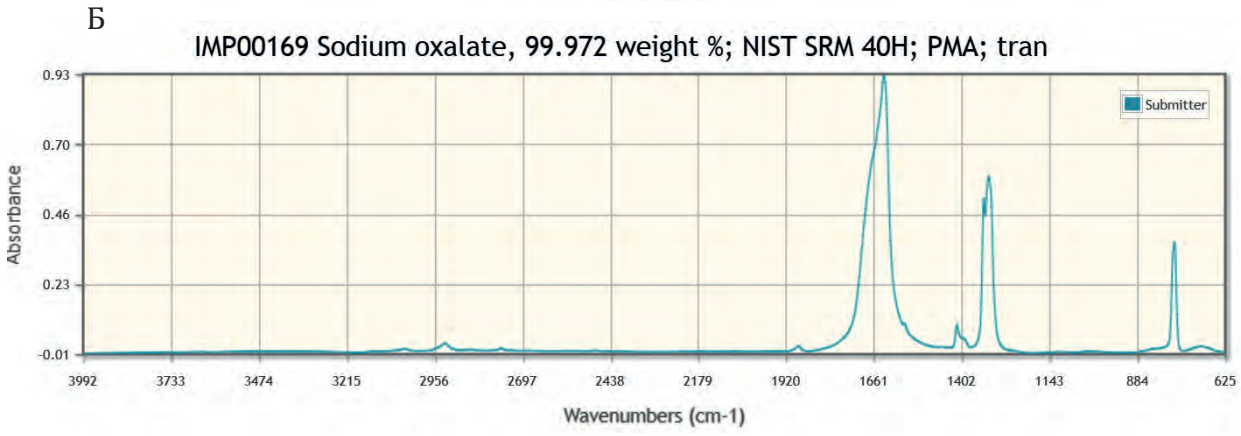

Рис. 60. ИК-спектр водной вытяжки пробы образца № 8 (А), ИК-спектр оксалата натрия базы данных ИК-спектров Irug (Б)

Исследование пробы образца № 8 с помощью элементного картирования

Исследование образца № 8 методом рентгеноспектрального микроанализа и картирование по элементам в пробе грунта (Рис. 57, 58) подтвердило присутствие в его составе алюмосиликатов (Al, Si), гипса (Ca, S), охры (Fe) с примесью титана (Ti) и марганца (Mn) и небольшое количество хлоридов (Cl).

Исследование пробы лессовой штукатурки образца № 8 методом ИК-микроспектроскопии

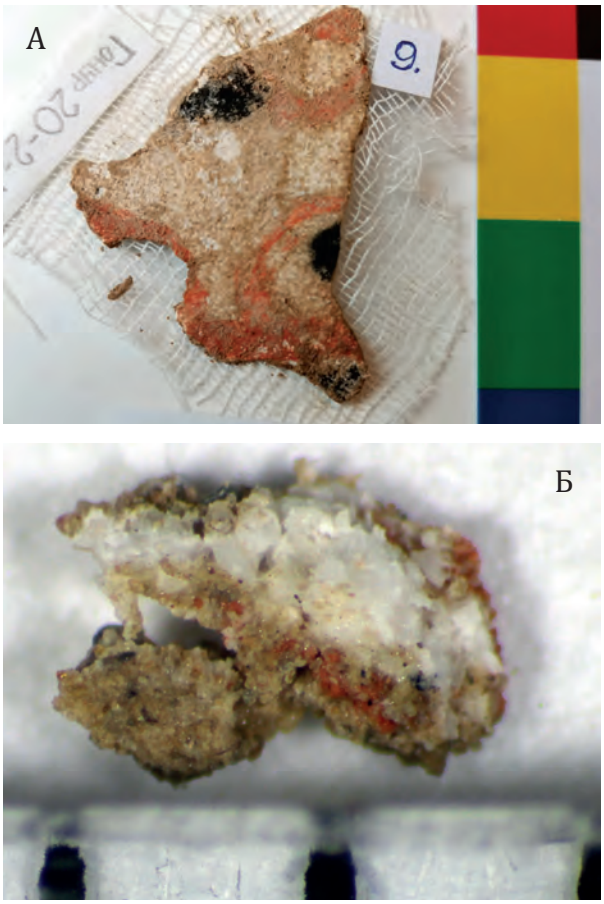
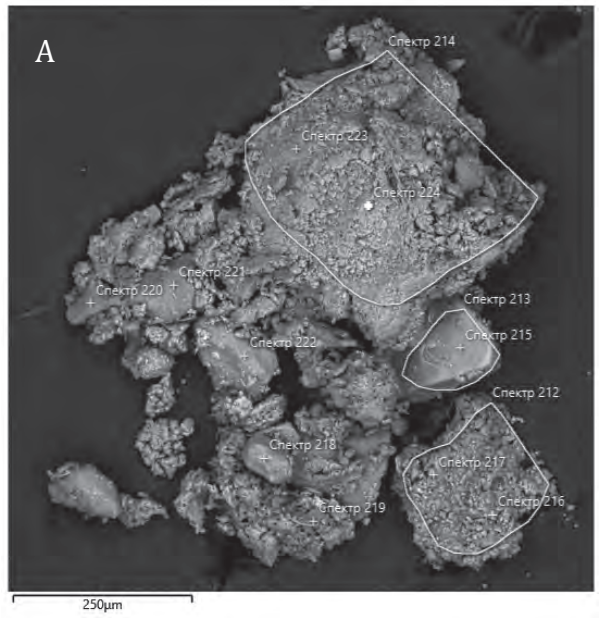

Рис. 61 Фотография фрагмента с красочными слоями с указанием места отбора образца (А) и микрофотография образца № 9 (Б). Масштаб: 1 деление равно 1 мм.

Б

Спектр	212	213	214	215	216	217	218	219	220	221	222	223	224
Na	1.95		1.21							0.84			
Mg	4.32	2.27	1.29	2.99	2.45	4.09	3.70	5.47		2.64	3.11		
Al	14.31	17.70	4.60	16.46	5.94	14.07	7.98	22.73		9.80	8.59	1.10	0.38
Si	44.15	52.69	12.12	48.18	9.25	72.95	81.04	55.86	99.79	79.01	49.50	0.61	
S	9.42	2.67	37.28		0.52						1.56	45.88	45.76
Cl	0.91						0.27	0.50		0.57			
K	4.40	17.49	0.91	23.81	0.79	5.23	4.22	7.97		3.54	7.16		
Ca	15.18	4.12	41.74		78.75	0.87	0.70	3.05		1.28	4.79	52.42	53.85
Ti	0.50							0.87					
Fe	4.85	3.06	0.84	8.55	2.29	2.80	2.09	3.56	0.21	2.32	25.29		

Рис. 62. СЭМ-изображение образца № 9 в режиме обратноотраженных электронов (BSE) с указанием областей анализа (А) и элементный состав пробы (в атом. %) в указанных областях (Б).

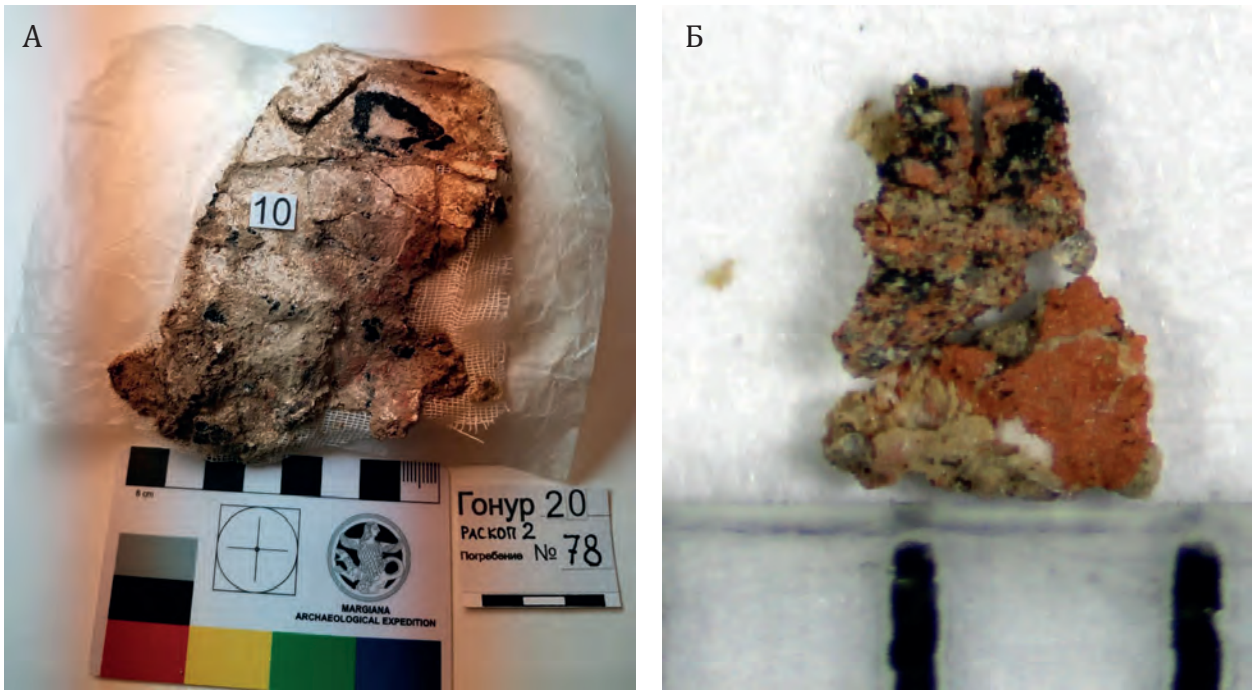

Рис. 63. Фотография фрагмента с красочными слоями с указанием места отбора образца №10 (А) и микрофотография образца № 10 (Б). Масштаб: 1 деление равно 1 мм.

В ИК-спектре пробы лессовой штукатурки образца № 8 присутствуют характеристические полосы поглощения *красной глины* (3690, 3615, 1636, 1160, 983, 912, 826, 795, 776, 693 $см^{-1}$), а полосы поглощения 796 и 777$см^{-1}$ – небольшого количества **кварца**. Определить связующее в пробе не удалось по причине его отсутствия или малого содержания.

Исследование водной вытяжки образца № 8 методом ИК-микроспектроскопии

В ИК-спектре водной вытяжки образца присутствуют характеристические полосы поглощения *оксалатов* (1608, 1350, 764 $см^{-1}$). В пробе образца № 8 также обнаружены споры грибов.

Образец № 9. Фрагмент белого грунта с красным и черным красочными слоями. Отобран с фрагмента Г-20-2-1 25.01.2020. *Грунт*: гипс; *красный красочный слой*: красная охра; *черный красочный слой:* углеродосодержащий органический пигмент.

Исследование пробы грунта образца № 9 методом рентгеноспектрального микроанализа

Исследование образца № 9 методом рентгеноспектрального микроанализа подтвердило присутствие в составе пробы грунта гипса (Ca, S), алюмосиликатов (Al, Si), охры (Fe) с примесью титана (Ti) и небольшое количество хлоридов (Cl).

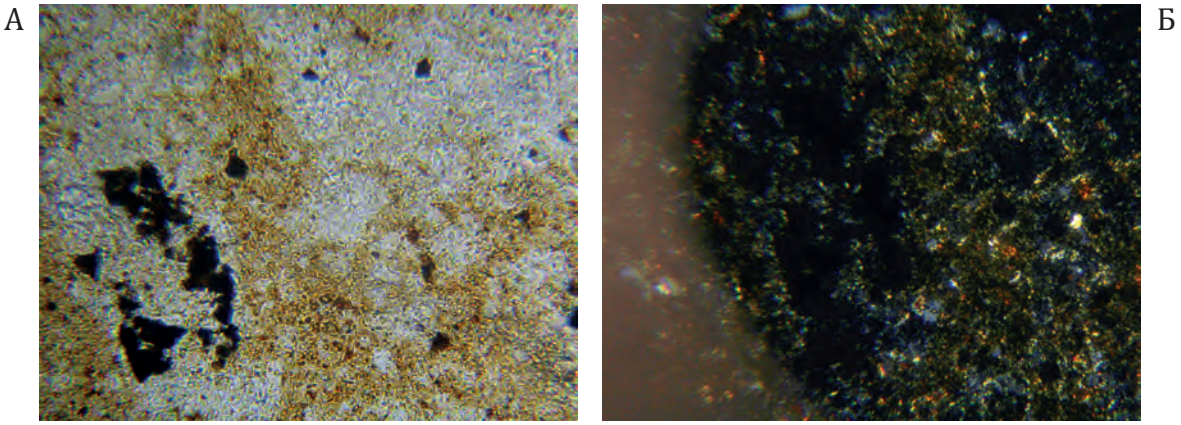
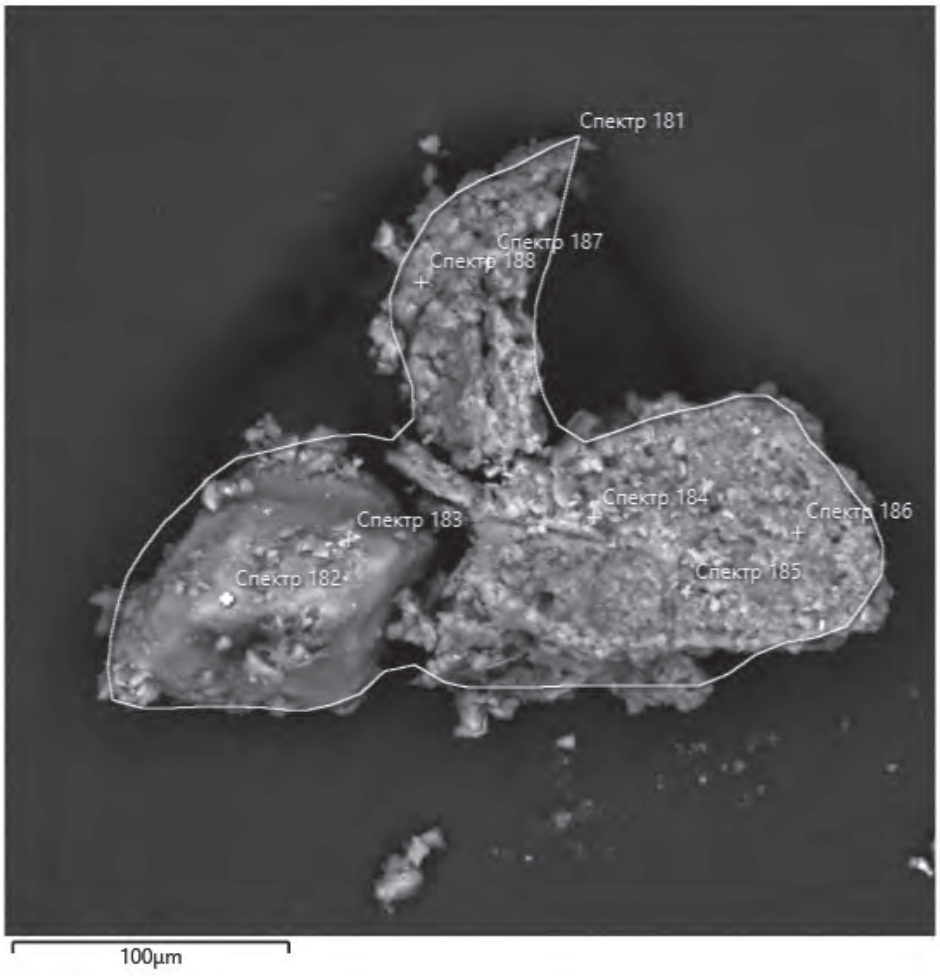

Рис. 64. Микрофотографии частиц красного и черного цветов образца № 10 в проходящем поляризованном свете (А) и в режиме скрещенных николей (Б).

Образец № 10. Небольшой фрагмент отслоившегося белого грунта с красным пигментом. Укреплен БМК-5.

Исследование частиц красного и черного цветов образца № 10 методом поляризационной микроскопии.

А

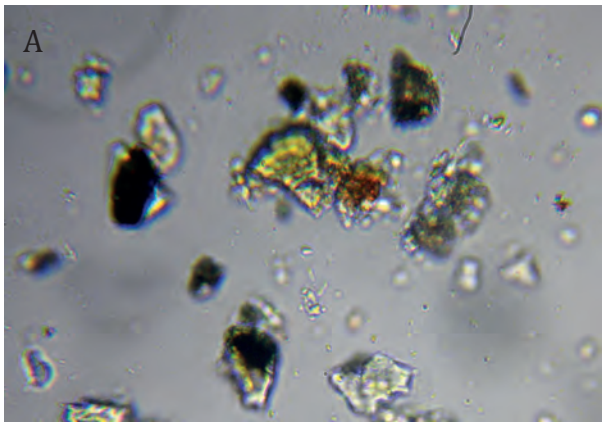
Б

Метка спектра	Спектр 181	Спектр 182	Спектр 183	Спектр 184	Спектр 185	Спектр 186	Спектр 187	Спектр 188
Na	1.61	1.16	4.40	0.80		0.80	1.06	1.68
Mg	2.56	1.80	2.95	1.48	1.38	2.05	1.64	6.01
Al	20.10	17.67	13.31	18.95	25.93	24.75	25.55	20.72
Si	59.86	57.55	34.44	65.65	58.22	56.04	52.25	55.05
S	0.70						1.71	
Cl	0.56	0.48	1.21	0.33	0.34	0.32	0.31	0.39
K	7.24	19.76	5.62	5.41	6.58	7.54	9.18	6.88
Ca	1.62		2.60	0.87	0.57	1.18	1.77	0.80
Ti	0.46			0.34	0.43	0.66	0.48	0.53
Fe	5.28	1.29	35.47	6.17	6.55	6.66	6.06	7.94

Рис. 65. СЭМ-изображение образца № 10 в режиме обратноотраженных электронов (BSE) с указанием областей анализа (А) и элементный состав пробы (в атом. %) в указанных областях (Б).

Рис. 66. Фотография фрагмента с красочными слоями с указанием места отбора образца №11. Грунт: кальцит, немного гипса; красный красочный слой: красная охра; черный красочный слой: черный углеродсодержащий пигмент

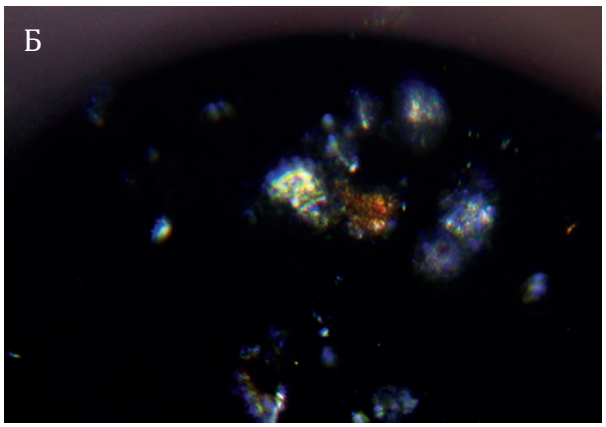

Рис. 67. Микрофотографии частиц красного и черного цветов образца № 11 в проходящем поляризованном свете (А) и в режиме скрещенных николей (Б)

Исследование пробы образца № 10 методом рентгеноспектрального микроанализа

Исследование образца № 10 методом рентгеноспектрального микроанализа подтвердило присутствие в составе пробы грунта гипса (Ca, S), алюмосиликатов (Al, Si), охры (Fe) с примесью титана (Ti) и небольшое количество хлоридов (Cl). Образец является отпечатком на лессе или загрязнен частицами лесса.

Образец № 11. Мелкие разрозненные фрагменты красной (оранжевой) и черной краски, частично с остатками верхнего слоя грунта, снятые с поверхности фрагмента с росписью

Исследование частиц красного и черного цветов образца № 11 методом поляризационной микроскопии

Исследование пробы образца № 11 методом рентгеноспектрального микроанализа

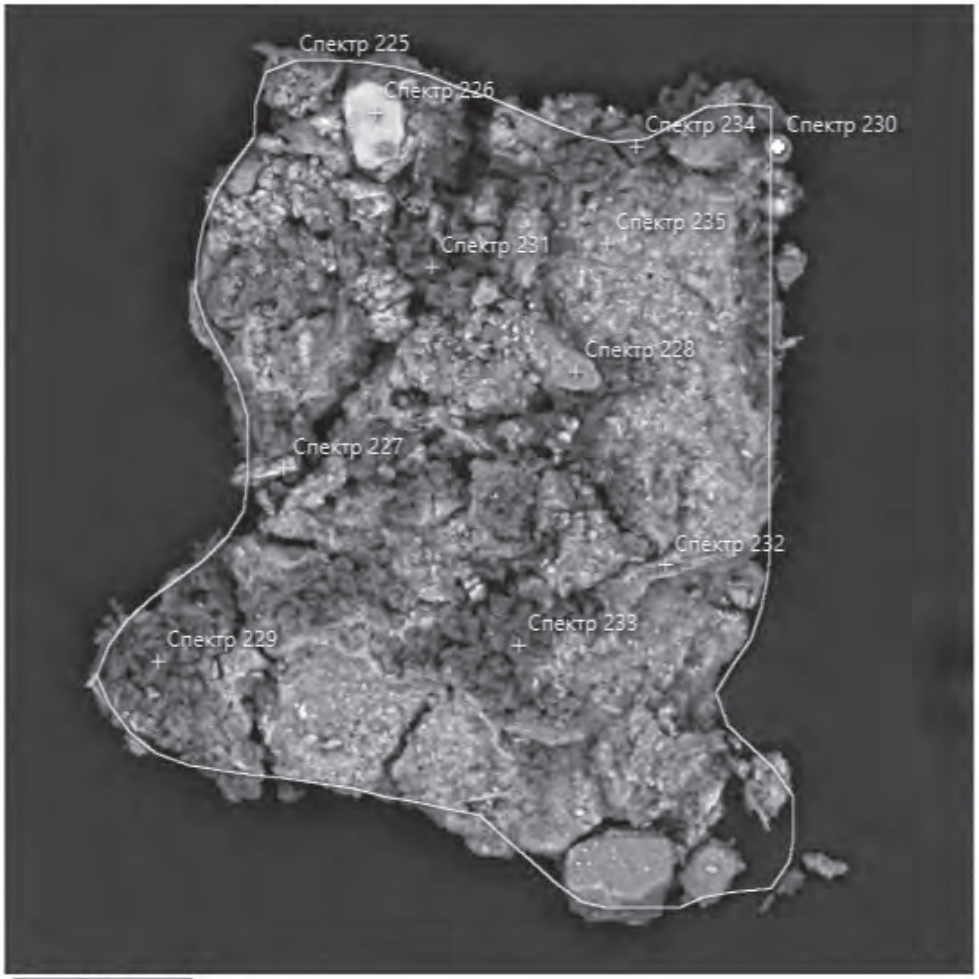
Исследование образца № 11 методом рентгеноспектрального микроанализа подтвердило присутствие в составе пробы грунта кальцита (C), небольшого количества гипса (Ca, S), алюмосиликатов (Al, Si) и хлоридов (Cl); в составе красного красочного слоя подтверждено присутствие охры (Fe) с примесью титана (Ti) и марганца (Mn). В результате исследования образцов №№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 (Табл. 1) было обнаружено, что:

- красочные слои нанесены по гипсовому грунту (образцы №№ 1, 2, 3, 5, 7, 9)
- среди образцов есть отпечаток черного органического пигмента на лессе (образец № 6)
- в составе красного красочного слоя обнаружена охра (образцы №№ 5, 9, 10, 11), в качестве связующего в одном из образцов обнаружена камедь (образец № 3)
- в составе черного красочного слоя – черный органический пигмент (образцы №№ 9, 10, 11).

В некоторых образцах обнаружены споры грибов: образец № 4, образцы №№ 2, 3 — на грунте, образец № 7 — на обороте грунта. Вероятнее всего, грибы развивались на растительных остатках (солома), которые добавляли в штукатурку.

- один из образцов (образец № 8) имеет органическое происхождение, в его составе обнаружены оксалаты.

А

Б

Метка спектра	Спектр 225	Спектр 226	Спектр 227	Спектр 228	Спектр 229	Спектр 230	Спектр 231	Спектр 232	Спектр 233	Спектр 234	Спектр 235
Na	2.93		1.80		21.49	8.66	18.72	2.46	14.62	13.48	0.58
Mg	4.45	13.02	22.35	1.81	16.84		17.53	5.61	12.26	14.05	2.48
Al	17.09	19.25	27.80	5.29	2.79	19.86	2.64	20.55	11.48	8.58	26.86
Si	54.97	41.66	22.88	89.35	5.59	68.39	3.96	53.45	19.51	19.60	54.24
S	0.93		0.27		1.82		2.26		1.05	1.29	
Cl	2.30	0.45	0.52		13.40		11.03	0.40	8.35	9.78	0.40
K	5.63	7.94	2.60	1.56	0.85	0.68	0.73	7.02	1.53	2.11	8.44
Ca	4.71	0.57	2.14		37.23	1.91	41.73	2.39	29.46	28.98	0.68
Ti	0.53	1.82						0.90			0.47
Mn		0.27	0.27								
Fe	6.46	15.03	19.37	1.99		0.50	1.41	7.22	1.74	2.12	5.86

Рис. 68. СЭМ-изображение образца № 11 в режиме обратноотраженных электронов (BSE) с указанием областей анализа (А) и элементный состав пробы (в атом. %) в указанных областях (Б).

Таблица № 1. Сводная таблица состава образцов №№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11

Состав пробы	Образцы									
	1	2	3	5	6	7	8	9	10	11
Лесс					каолин, мел, кальцит, желтая и красная охры					
Пигмент на лессе					черный органический пигмент					
Грунт	гипс	гипс	гипс	гипс		гипс		гипс	каолин	кальцит, немного гипса
Красный пигмент на грунте				охра				красная охра	красная охра	красная охра
Черный пигмент на грунте								черный органический пигмент	черный органический пигмент	черный органический пигмент
Споры грибов		на грунте	на грунте			оборот грунта	споры грибов			
Слой органики на грунте							оксалаты			
Укрепление									БМК-5	

Приложение 1

Микробиологическое исследование фрагмента штукатурки с красочным слоем из погребения 78 на Гонур-20

Исследование проведено зав. лабораторией биологических исследований Н.Л. Ребриковой

Методы исследования:

— Микроскопия в проходящем свете;

— Культуральный метод исследования

На исследование представлен образец живописи по лессовой штукатурке. На штукатурке были обнаружены черные пятна. В результате микроскопического исследования проб, отобранных в местах образования пятен, были обнаружены многочисленные темноокрашенные споры микроскопического гриба округлой формы с толстыми оболочками (Рис. 69). Обнаруженные споры имеют сходство со спорами *Epicoccum nigrum* (Рис. 70), который распространен повсеместно, в разных условиях окружающей среды, преимущественно в почве, в песчаных дюнах и в засоленных песках. Это сапротрофный гриб развивается на мертвых и высушенных растениях и их остатках.

Посев на среду Чапека путем переноса на кончике глазного скальпеля небольшого количества исследуемого материала на поверхность плотной питательной среды (метод укола) дал отрицательный результат. Ни в одном из сделанных посевов не началось развитие колоний грибов (Рис. 71). На основании обнаруженных признаков деформации спор и результатов посевов можно предполагать, что споры микроскопического гриба, обнаруженного на лессовой штукатурке нежизнеспособны.

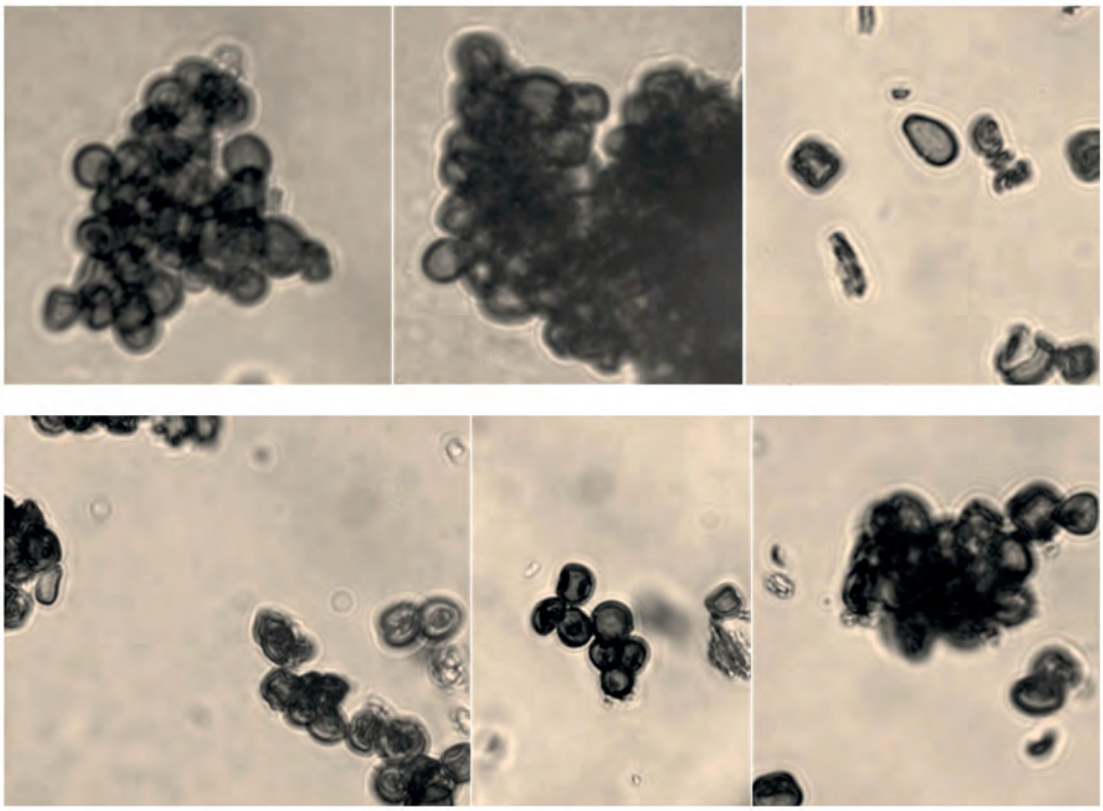

Рис. 69. Споры, обнаруженные в пробе, имеют признаки деформации.

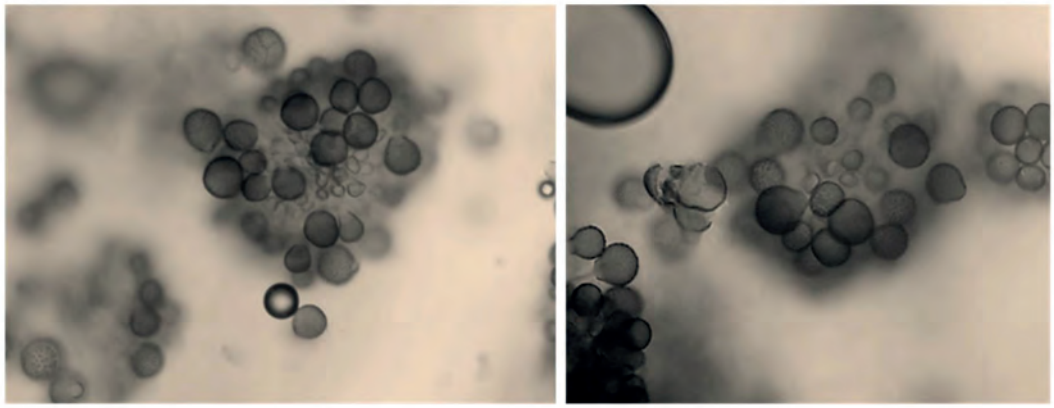

Рис. 70. Споры Epicoccum nigrum.

Рис. 71. Бакпечатки со средой Чапека, засеянные материалом, отобранным с образца из Гонур-20.

ЛИТЕРАТУРА

Фрибус и др., 2019 — *Фрибус А. В., Дубова Н. А., Бегличев М. Ы.* Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции. Материалы Международной конференции 18-22 ноября 2019 г. К 100-летию отечественной академической археологии. СПб: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. С. 59–61.

Гренберг, Писарева, 2010 — *Гренберг Ю. И., Писарева С. А.* Масляные краски XX века и экспертиза произведений живописи. Состав, открытие, коммерческое производство и исследование красок. М.: Зеркало мира. 2010. 194 с.

Писарева, 2017 — *Писарева С. А.* Методика идентификации материалов грунта и пигментов произведений живописи. Ижевск: ГосНИИР, 2017. 115 с.

Публикации

РОЛЬ КОНЯ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ

Э. А. Мурадова
Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана

На территории Южного Туркменистана водились прекрасные породы аргамаков, сведения о которых отражены в письменных источниках античных и средневековых авторов. Этот регион является одним из очагов оседлой древнеземледельческой культуры, возникновение которой относится к VI тыс. до н.э. Становление комплексного производящего хозяйства включало в себя примитивное земледелие и разведение разных видов доместицированных животных.

В VI–V тыс. до н.э. древние земледельцы джейтунской культуры выращивали пшеницу (мягкая и карликовая) и ячмень (двурядный), которые возделывались и в период энеолита (*Курбансахатов,* 1987. С. 148). Твёрдая пшеница распространена к западу от Иранского нагорья. Зёрна двух сортов твёрдой пшеницы найдены на поселениях древних земледельцев Переднего Востока (Джармо, Халаф). Двухрядный ячмень, в отличие от мягких пшениц, встречается по всему Переднему Востоку.

Остеологический материал, происходящий из культурных напластований древнеземледельческих поселений, расположенных в подгорной полосе Копетдага, указывает на то, что в жизни древних земледельцев Южного Туркменистана скотоводство играло важную роль.

В 1989–1991 гг. советско-британская экспедиция под руководством В. М. Массона проводила археологические работы на поселении Джейтун, расположенном севернее подножия Копетдага и являющимся одним из эталонных памятников ранних земледельцев (*Массон,* 1971; *Массон, Харрис*, 1992).

В результате археологических исследований на поселении Джейтун был выявлен остеологический материал, представленный костными остатками в количестве 2130 единиц, изученный палеозоологом (*Каспаров,* 1992. С. 50–76). Среди уникального собранного материала есть домашние козы, овцы и собаки. Это – свидетельство доместикации животных уже в неолитическом периоде. А. К. Каспаров отмечает отсутствие в сборах останков кулана, этого быстроного и длинноухого зверя, который мельче лошади, но крупнее осла. Далее, он пишет о том, что «в начале VI тыс. до н.э. кулан в регионе не водился, а известен с более северных памятников» (*Каспаров*, 1992. С. 73). Ареал обитания куланов охватывал прикаспийские степи, Среднюю и Центральную Азию, Иран и Ближний Восток.

Скотоводство, играющее существенную роль в системе производящего хозяйства, получает дальнейшее развитие в период энеолита, что приводит к увеличению видов одомашненных животных.

В 1904 г. американской экспедицией Рафаэля Пампелли на северном холме Анау, в слоях Анау I А, найдены кости животных: крупный рогатый скот – 27%; мелкий рогатый скот – 22%; собака – 11%; джейран – 20%; кулан – 20%. В слоях Анау I Б, встречены кости животных: диких – быка, барана, джейрана – 7%; оленя – 1%; кулана – 28%; лисы, волка 2%; домашних – длиннорого быка – 25%, барана – 25%, свиньи – 12%. В слоях Анау II северного холма Анау представлены различные виды животных: кулан – 25%, крупный рогатый скот – 20%, мелкий рогатый скот – 30%, свинья – 15%, верблюд – 5%, джейран – 2%, разные дикие животные – 1%. Соотношения всех видов животных определены и даны Д. Дюрстом (*Курбансахатов,* 1987. С. 148). Данное соотношение видов животных свидетельствует о том, что в период энеолита лошадь находилась в дикой природе и человек ещё не приручил этот биологический вид.

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-344-347

На энеолитических памятниках Геоксюрского оазиса найдены кости диких и домашних животных. Наряду с производящим хозяйством, земледелием и скотоводством, население занималось охотой на диких животных (джейран и дикая лошадь (кулан)) (*Хлопин,* 1964. С. 108–112).

Около 5200–4800 до н.э. распространение скотоводства в западной части степей привело к экономическим, ритуальным и эстетическим изменениям. «В 4800 году до н.э. лошади бесспорно приобрели символическую связь с людьми и окультуренным миром домашних животных» (*Энтони,* 2023. С. 278). Д. Энтони связывает одомашнивание лошадей с резкими изменениями климата, которые относятся к 4200–3800 годам до н.э., когда отмечаются холодные зимы с заморозками (*Энтони,* 2023. С. 278).

На севере Казахстана В. Ф. Зайберт открыл и исследовал ботайскую археологическую культуру энеолита, существовавшую в 3700–3000 гг. до н.э. (*Зайберт,* 1993). Более 150 ям от жилищ полуземляночного типа и 300 тыс. костей животных, 99,9% которых принадлежит лошадям, было найдено в Ботае (*Энтони,* 2023. С. 301).

На поселении терсекской культуры, Кожае 1, относящемся к 3700–3000 гг. до н.э. на долю лошадей приходится 66,1% из семидесяти тысяч идентифицированных костей животных; другие принадлежали сайгакам (21,8%), куланам (9,4%) и бизонам (2,1% — возможно, в их число попал какой-то очень крупный домашний скот) (*Энтони,* 2023. С. 302). Далее исследователи пишут о том, что «представители ботайской и терсекской культур были конными охотниками на лошадей» (*Энтони,* 2023. С. 302).

Одной из движущих сил экономики раннеземледельческих обществ было изобретение колеса и развитие колесного транспорта. В жизни и хозяйстве древних земледельцев доместикация лошади привела к изобретению колеса, использованию её не только как средство передвижения, а также при транспортировке грузов в качестве тягловой силы. Некоторые исследователи связывают изобретение колеса с изобретением плуга (*Энтони,* 2023. С. 105). В плужном земледелии лошадь, как и бык, являлась одним из основных тягловых животных.

Изобретение колесного транспорта относится никак не ранее, чем к 4000 г. до н.э. Более ранними свидетельствами наличия колес и повозок наука не располагает. Имеющиеся данные указывают на дату ближе к 3500 г. до н.э., а его массовое распространение относится к 3400–м годам до н.э. (*Энтони,* 2023. С. 93, 96).

Одним из важнейших открытий, определяющих развитие всей цивилизации, является изобретение колеса.

История колесного транспорта, засвидетельствованная письменными источниками, представлена археологическими находками повозок и колесниц, а также находками костей тягловых животных в остеологических материалах поселений и могильников, изображениями колесного транспорта в древнем монументальном искусстве, глиптике, коропластике. Изображение колесного транспорта есть и на петроглифах.

В III тыс. до н. э. на северо-западе Индостана появился колесный транспорт. Так на поселениях хараппской культуры найдены глиняные и бронзовые модели двухколесных повозок, а также глиняных колес и фигурок упряжных быков (*Кузьмина,* 2010. С. 42). В северо-восточном Иране, на памятниках Шах-депе и Гиссар найдены немногочисленные глиняные модели колес с двусторонними ступицами. На цилиндре Гиссара III конца III тыс. до н. э. есть изображение двухколесной повозки с так называемыми *cross-bar* колесами[1] (*Кузьмина,* 2010. С. 42).

Первые останки костей одомашненной лошади были найдены на памятниках эпохи бронзы, таких как Алтын-депе в подгорной полосе Копетдага и Гонур-депе в Маргуше. Эта лошадь использовалась, как средство передвижения для преодоления больших расстояний. Она могла также применяться для транспортировки грузов.

Средняя Азия являлась одной из зон древнейшего применения колесного транспорта, где его «появление в первой половине III тыс. до н. э. в эпоху Намазга III фиксируют находки моделей колес с двусторонней ступицей и фигурка быка с изображением упряжи, а в периоды Намазга IV, V многочисленны находки фигурок и головок упряжных животных» (*Кузьмина,* 2010. С. 42). В Южном Туркменистане, наряду с широко распространённым типом открытой двухосной четырехколесной повозки, видимо, применялись также одноосные двухколесные повозки, найденные на поселении Намазга-депе в слое Намазга V. На Алтын-депе найдена повозка с такой же конструкцией (*Кузьмина, Ляпин,* 1980. С. 40).

Одним из замечательных открытий В. И. Сарианиди является обнаружение свидетельств доместикации лошади и использовании колесного транспорта в конце III тыс. до н.э. на территории современного Туркменистана. На южной окраине некрополя Гонур-депе было обнаружено погребение осла без головы, лежащего на правом боку в полном анатомическом порядке, ориентированного на север, то есть с той же ориентацией, что и захороненные на этом некрополе люди. На сложные ритуальные обряды, связанные с культовыми захоронениями животных, занимавших особое положение в среде местного населения, указывает то, что голова у некоторых из них была преднамеренно отделена от (*Сарианиди,*

[1] Cross-bar wheels – колеса с поперечными планками (*Littauer, Crouwel,* 1974. Fig. 21).

2002. С. 238–241[2]). Захоронение жеребёнка указывает на то, что это было уже домашнее животное, которое родилось там, где оно было погребено, а не привезено откуда-то.

В 2000-е годы на Гонур-депе были найдены бронзовые, серебряные и фаянсовые сигнальные трубы – духовые, музыкальные, раструбообразные инструменты. Есть инструменты в срединной, трубчатой части которых имеется реалистическое, скульптурное изображение человеческих лиц. Уже на рубеже III и II тыс. до н.э. эти звучные инструменты могли использоваться для тренинга лошадей (*Сарианиди,* 2002. С. 238–241).

На территории «Царского некрополя» Северного Гонура (2300–2250 годов до н.э.) в погребении 3225 («котловане» рядом с элитарной гробницей 3230) найдена четырехколесная повозка с цельными трехчастными колесами с металлическими шинами диаметром 0,9 м, а в гробнице 3200 — четырехколесная повозка с такими же колесами диаметром 0,7 м (*Дубова,* 2004. С. 276–279. Рис. 35–42). Сходной конструкции повозка была раскопана в уникальном «котловане» 3900, устроенном рядом с гробницей 3220 на Гонур-депе (*Сарианиди, Дубова*, 2010. С. 154–159). Следы и фрагменты похожих повозок найдены в гробнице 3880 и в «котловане» 3240 около гробницы 3235 (*Dubova*, 2021). В. И. Сарианиди отмечает «близкое сходство, если не сказать идентичность составных бронзовых ободьев из Бактрии, Маргианы и Элама» (*Сарианиди,* 2006. С. 154; 2009. С. 325–326). Появление древнейшей лошади связано и с этими регионами древневосточного мира (*Сарианиди,* 2006. С. 154).

На Гонур-депе были найдены остатки двух видов домашних эквид – домашнего осла и лошади (*Сарианиди, Дубова,* 2008). Основными тягловыми животными на этом поселении были двугорбые верблюды, а также ослы (*Сатаев,* 2008. С. 147; 2016; *Сатаев, Сатаева,* 2020. С. 126–133). На Северном Гонуре до 2024 г. были обнаружены останки восьми особей лошади (*Сатаев*, 2016. С. 82–88, особенно с. 83).

На Северном Гонуре найдены пять сигнальных труб для тренинга домашних лошадей, терракотовые и каменные статуэтки лошадей, медно-бронзовые навершия в виде конской головы с тщательно заплетенной и, видимо, раскрашенной гривой (*Сарианиди,* 2009. С. 325).

Это – неоспоримые доказательства того, что Южный Туркменистан являлся родиной одомашненной лошади. Коней разводили не для тяжёлой работы, их дрессировали и обучали выездке. Эти благородные животные принадлежали элите древнего общества и служили для парадных целей.

Этот доместицированный дикий вид животного стал предшественником ахалтекинской породы коней. Туркменский народ в течение тысячелетий смог вывести ахалтекинскую верховую породу лошадей, известную как «нисийские».

[2] Первоначальное определение эквида в качестве жеребенка было проведено без участия археозоолога. После экспертизы костных останков животного было подтверждено, что это – осел – *Прим. ред.*

ЛИТЕРАТУРА

Дубова, 2004 — *Дубова Н. А.* Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник в честь 75-летия В. И. Сарианиди. [ТрМАЭ. Т. 1]. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.

Зайберт, 1993 — *Зайберт В. Ф.* Энеолит Урало-Иртышского Междуречья. Петропавловск: Наука, 1993. 246 с.

Каспаров, 1992 — *Каспаров А. К.* Костные остатки поселения Джейтун в Южном Туркменистане // Новые исследования на поселении Джейтун. Материалы ЮТАКЭ. Вып. 4. Ашгабад: Ылым. С. 50–76.

Кузьмина, 2010 — *Кузьмина Е. Е.* Предыстория Великого шелкового пути: диалог культур Европа – Азия / Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М.: КомКнига, 2010. 240 с.

Кузьмина, Ляпин, 1980 — Кузьмина Е. Е., Ляпин А. А. Новые данные о распространении колесного транспорта в Туркмении // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1980. С. 34–43.

Курбансахатов, 1987 — *Курбансахатов К.* Энеолит Анау. Ашхабад: Ылым, 1987. 167 с.

Лисицына, 1978 — *Лисицына Г. Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия Южной Туркмении. М.: Наука, 1978. С. 239.

Массон, 1971 — *Массон В. М.* Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики) // МИА, № 180, Л.: Наука, 1971. 117 с.

Массон, Харрис, 1992 — Массон В. М., Харрис Д. Раскопки Джейтуна – опыт советско-английского сотрудничества в археологии // Новые исследования на поселении Джейтун. Материалы ЮТАКЭ. Вып. 4. Ашгабад: Ылым, 1992. С. 5–7.

Сарианиди, 2002 — *Сарианиди В. И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад: Türkmendöwlethabarlary, 2002. 356 с.

Сарианиди, 2006 — *Сарианиди В. И.* Туркменистан – Центральноазиатский очаг древневосточной цивилизации // Туркменистан. Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы международной

научной конференции. Ашхабад, 2006. С. 151–168.

Сарианиди, 2009 — *Сарианиди В. И.* Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2009. 342 с.

Сарианиди, Дубова, 2008 — *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 149–152.

Сарианиди, Дубова, 2010 — *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Новые гробницы на территории «царского некрополя» Гонура // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарианиди. [ТрМАЭ. Т. 3]. СПб.: Алетейя, 2010. С. 144–171.

Сатаев, 2008 — *Сатаев Р.* Животные в ритуалах древнего населения Гонур-депе // Туркменская земля – колыбель древних культур и цивилизаций. Ашхабад: Türkmenistanyň Metbugat merkezinde çap edildi, 2008. С. 147–148.

Сатаев, 2016 — *Сатаев Р. М.* Животные в культуре Древней Маргианы. М.: Старый сад, 2016. 196 с.

Сатаев, Сатаева, 2020 — *Сатаев Р. М., Сатаева Л. В.* О фауне, флоре и междисциплинарности // Природа – человек – общество: от прошлого к настоящему. М., Старый Сад, 2020. С. 126–133.

Хлопин, 1964 — *Хлопин И. Н.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.; Л.: Наука, 1964. 172 с.

Энтони, 2023 — *Энтони Д.* Лошадь, колесо и язык: как наездники бронзового века евразийских степей сформировали современный мир. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 672 с.

Dubova, 2021 — *Dubova N. A.* The “Royal Necropolis” at Gonur Depe: an Attempt of Systematization (Plan, Constructions, Rituals) // The World of the Oxus civilization. London: Routledge, 2021. P. 333–366.

Littauer, Crouwel, 1974 — *Littauer M. A., Crouwel J. H.* Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East. Leiden;Köln: E. J. Brill, 1979. 200 p.

ЗА КАСПИЕМ ПОЛВЕКА НАЗАД

Э. Г. Александренков
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

В Туркмении я был дважды, в 1961 и 1962 гг. После 2-го курса Истфака МГУ, в 1961 г., предстояла обязательная этнографическая практика, и мне выпала экспедиция с Сергеем Петровичем Поляковым. В экспедицию входили также однокурсники Аня Седловская, Галя Акатова, Володя Урусов и Марат Дурдыев.

Запомнился длинный путь от Москвы до Ашхабада по железной дороге, самым интересным эпизодом которой представлялся проезд вдоль границы с Ираном.

В Ашхабаде мы познакомились с местными участниками экспедиции, из которых запомнились Ата Джикиев, Сергей Демидов и Анна Пиркулиева. Более других я сблизился с Хемрой Юсуповым, наверное, потому, что он занимался борьбой, а я тоже в то время ходил на секцию вольной борьбы. Хемра показал мне азы туркменской борьбы на поясах, и один раз я даже боролся на туркменской свадьбе. В первой схватке случайно выиграл козу, а потом дважды проиграл.

Из старших более всего запомнился Александр Александрович Марущенко – своими знаниями местной истории и археологии и тем, что он был готов всегда ими поделиться.

От Ашхабада на северо-запад Туркмении, где предстояло работать, ехали на экспедиционном грузовике, по пыльной и горячей дороге через Кизыл-Арват и Казанджик. Почему-то в памяти осталось, что самый трудный (из-за жары?) участок дороги был между этими городами. Не забылось имя шофера, дядя Коля.

Мы были гостями в нескольких аулах на северо-западе Туркмении, в том числе у близких родственников одного из участников экспедиции, тогда еще, кажется студента, Хемры Юсупова. Запомнился зеленый чай с фруктовым сахаром. Долго после этих экспедиций уже в Университете мы пили зеленый чай. Еще больше впечатлил чал – верблюжье молоко с водой, который хорошо утоляет жажду. С тех пор помню фразу «Сув бар?» (вода есть?). Один раз по дороге нагнали пешего немолодого туркмена, первой фразой которого была именно эта.

Запомнились туркмены-мужчины своей степенностью, а у молодых женщин можно было увидеть только глаза, так как они прикрывали лицо платком при незнакомых мужчинах.

Незабываема встреча с морем. Я к морю отправился впервые и с нетерпением ждал встречи. Ожидание оправдалось, когда вдруг впереди появилась бескрайняя синева Каспия. Два дня возле моря были нам наградой за предшествовавшие дни работы под солнцем.

От поездки 1962 г. остались кое-какие записи:

7/VIII-62.

Вчера. К 9 пошел в Академию. Цветы выглядят очень свежими, в арыках – вода. По дороге уже торгуют книжные лавки, ларьки с водой, квасные бочки. В секторе было еще пусто. На горшках – слой пыли. Потом пришел Александр Александрович, не узнал, поздоровался, потом заулыбался, спросил об Америке. Не унывает. Хемра тоже обрадовался. Я им похвастался сыном. СП пришел уже усталым, ему ночью не спится, зевал весь день, не закрывая рта. Отпустил меня на час позавтракать. Я успел сходить на базар и на почту. Получил письмо от Тамары.

Неизвестно даже, сколько нас поедет. Может быть, поедем 10 человек. Д. К. свозил к Хемре домой. Очень хорошая квартира однокомнатная с лоджией и туалетом.

Хемра сводил меня на место работы жены и познакомил с ней. Сходили в буфет. Кефир в Ашхабаде великолепный, как сметана.

Раньше, дома у Хемры, к нему пришел друг-нефтяник из Небит-Дага. Их приехало несколько че-

DOI 10.33876-978-5-89930-182-7-348-350

ловек в Ашхабад специально пить пиво. Выпили и мы с Хемрой – под деревом в канаве напротив ресторана «Копетдаг».

В половине третьего поехали за багажом, а там перерыв с 12 до 16 по московскому, то есть, по местному с двух до шести.

Я взял в гостинице сумку с фруктами и отправился на почту. Высыпал в ящик, и оказалось мало, пришлось бежать на базар и покупать плохонькие яблоки. Погулял по городу, смотрел магазины. На одном объявление: «Вход в магазин с велосипедами запрещается».

Поужинал в ресторане гостиницы. Во дворе под навесом из виноградных лоз с кистями. Рядом же жарят шашлыки. Заинтересовал салат «Ашхабад», оказались помидоры с луком. Посетители – мужчины, много военных, все знают официанток по имени и дуют пиво. На 8-30 сходил в кино «Великолепная семерка». Кровь не воспринимается всерьез, очень милый фильм. Кинотеатр – летний, с широким экраном и огромным «залом».

В восемь вечера было всего 28°, солнца уже в городе не чувствуется.

Мой сосед по номеру очень чуток. Чуть скрипнешь дверью – вскакивает, кричит «а», потом улыбается и опять спит.

7-го опять к девяти, опять волынка, состоящая в пустом сидении в секторе до часу. В час получили багаж и свезли к Д. Улица состоит из личных домов, так называемых плановых. Каждый стоит, по словам Д. К. 70 тысяч (по старым).

Спал два часа как уставший от тяжкой работы.

Сходил в парк, послушал музыку. Грустно. Дома почитал Городцова и писал за два дня. Не могу взяться за языки. Что за странная лень? Это, вероятно, от тепла.

16/VIII-62, четверг

8-го был в музеях: краеведческом и изобразительных искусств. В последнем есть Верещагина «Морской берег» (?).

В краеведческом больше всего понравился тигр, убитый в Кара-Кале в 1954 г. Для этнографа тоже есть обширный материал: женщины за коврами, одежда, украшения, инструмент.

Вечером был у Хемры. Собрались его друзья.

9-го день был тоже свободный. Днем спал, вечером был у Хемры. Играли в домино до 12. Время прошло незаметно.

10-го, наконец, все уяснилось. С нами поехали Дж. Д. и Ата. С дядей Колей съездили на базар, взяли 40 кг картошки, луку, чеснока. Вечером опять у Хемры. Ели вкусный суп, пили чай.

11-го нашли веревку, все увязали и в 6 часов вечера выехали, на ГАЗ-63. Нас 6 человек, два ящика с палатками и спальными мешками и две бочки с бензином. Собираемся добраться до Форта-Шевченко и оттуда – до Мангышлака. Ночевали в Бахардене.

Перерыв в работе. Э. Г. Александренков (стоит), М. Дурдыев (сидит). Шерлоук (?). 1962 г. Фото С. П. Полякова.

Спал на топчане. Блаженство.

Днем 12-го добрались до Арчмана, серного курорта, вода которого лечит от кожных болезней. Рядом могила святого. Паломники молятся, потом идут набрать водички из источника. Есть огороженный бассейн, со дна которого поднимаются пузырьки газа.

Посидели в этой воде.

В Кызыл-Арвате услышали, что спутников уже два. А мы ползем от знакомого до знакомого.

Ночевали у Искандера, около скважины. Отмыли с себя грязь, пот и разбитость.

13-го была страшная жара, особенно у Хум-Дага. Дул ветер совершенно горячий. В Небит-Даге сходили на почту и пили все время газировку и квас.

Вечером добрались до Джебела, до знакомого директора школы.

14-го заправились в Небит-Даге бензином и помчались по хорошей дороге. Снова я увидел своеобразные пейзажи. Посреди серой, широкой и бесконечной плоскости лежит черная ниточка дороги. По сторонам обрывы в красную и голубоватую полоски. Иногда они подходят ближе к дороге, и их хочется лизнуть, так они похожи на пласты пирожного.

Вчера приехали сюда, в Чагыл. Сон на топчане. Долго не мог уснуть, так хорошо и красиво. Луна – яркая, далекое небо со звездочками – точками. Редко хрипят верблюды и кричат ишаки.

21/VIII-62.

16-го натаскали воды из колодца. Цепляешь ведро за веревку и тащишь без всяких воротов. Маленькие девочки тоже ходят по воду. Вечером за Туэром заночевали.

17-го заблудились и попали к луже пресной воды в глубокой расщелине, на южном берегу Кара-Богаза, сидели в ней среди живых лягушек и дохлых скорпионов. Сюда ездят охотники за джейранами и горными куропатками. Стреляли и мы, из 15 выстрелов только два принесли по курице. Выехали на прежнюю дорогу и заночевали.

18-е – день пыли и тряски. Скорость – только 15 км в час. Несколько раз встречали кладбища, мерили их и фотографировали. Я тоже, у меня «Зенит».

Ночевали у кладбища.

19-го. Добрались до Чагалы-Сор, соленый источник на северном берегу Кара-Богаза. Там оказался бассейн из холодной родниковой воды. Искупались, узнали дорогу. /кажется, я там порезал пятку о меленький осколок стекла/. Купили соли, так как старую мы где-то потеряли.

Из Чагалы-Сор выбрались к обрыву, ехали вдоль на С-З, потом заблудились. Буровики наделали столько дорог, что не знаешь, по какой ехать к морю.

20-го увидели какие-то точки, свернули, ехали км 10. Оказалось ГРП, москвичи и ленинградцы живут в землянках и палатках. Указали нам дорогу, и к вечеру мы были у моря. Награда за все наши неудобства.

23/VIII-62. Утро.

21 и 22 работали на кладбищах. Вчера под вечер застал огромный дождь. Вымокли до нитки. Ночевали в казахском ауле, в канцелярии председателя. Сейчас стоим у самого моря. Машина почти в воде. Сушимся. Море сине-зеленое, солнце еще не печет. Кричат чайки.

24/VIII-62.

Сегодня неожиданно приехали в Форт. Мы думали, что до него еще 50 км. Сходил на почту и в баню. Баня, как и весь форт, сохранилась еще с шевченковских времен. Душа нет, а в углу ползает лягушка, хотя здание и каменное. Баня должна была открыться в 2, мы подъехали без десяти минут 3. Из трубы еще не шел дым. Потом к нам подошел с усами и попросил несколько спичек. Это банщик собрался разводить, видимо, свои пары. Зато сейчас труба дымит вовсю. В городе воду отпускают в определенное время. Мы набрали сами из колодца.

(то, что ниже, написано позже, в Москве; кажется, собирался публиковать)

Мангышлак вознаградил нас. Кладбища на нем громадны, величественны и незабываемы. Большие, в длину человека, тесаные камни лежат рядами на возвышенных площадках, обнесенных вертикальными плитами. На них (пирамидках) выбиты изображения различных сабель, сумок, боевых топоров, копий, зеркал, ножниц. В другом конце кладбища пирамидки стоят отдельно и как бы растут вверх. На этих уже можно найти изображения ружей и различить надписи.

На некоторых кладбищах стоят огромные мазары, мавзолеи с куполами, с высокой передней стеной, квадратные снаружи и восьмигранные внутри.

Назад ехали через горный Мангышлак, Карадаг. Нашли несколько неолитических стоянок. Потом искали подъем на Усть-Урт, блуждали по этому безлюдному плато (никаких следов жизни, даже кладбищ, по словам СП). Потом поиски спуска и, наконец, среди ночи попали в юрту к огню и горячему чаю. После такого путешествия даже дорога между Казанджиком и Кызыл-Арватом кажется желанной.

Ошпарил уши и нос.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести
АЕС – Археология Евразийских степей, Казань
АН – Академия наук, М.
БГАУ – Башкирский государственный аграрный университет, Уфа
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии, Тюмень
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР, Л; РАН, СПб.
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, М.
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань
Л – Ленинград.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет, Л.
ЛОИА – Ленинградское отделение ИА АН СССР, Л.
ЛОИИМК – Ленинградское отделение ИИМК АН СССР, Л.
М – Москва.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, М.; Л.
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
РА – Российская археология, М.
РАН – Российская академия наук, М.
РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, СПб
САИ – Свод археологических источников
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
СПб – Санкт-Петербург.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет, СПб
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
ТГУ – Томский государственный университет
ТрМАЭ – Труды Маргианской археологической экспедиции
ТюмГУ – Тюменский государственный университет, Тюмень
ТюмНЦ СО РАН – Тюменский научный центр СО РАН
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Л.
УАВ – Уфимский археологический вестник, Уфа
УССР – Украинская Советская Социалистическая республика.
ЦЭИ УНЦ РАН – Центр этнологических исследований УНЦ РАН, Уфа
ЭО – Этнографическое обозрение, М.
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

ICAR – Iranian Center for Archaeological Research
ICHTO – Iran's Cultural Heritage, Handicrafts, and Tourism Organization
INIOAS – Iranian National Institute for Oceanography and Atmospheric Science

НАШИ АВТОРЫ

Александренков Эдуард Григорьевич,
ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук, профессор, специалист по этнографии и истории доколумбовой Америки, иностранный член-корреспондент Академии истории Кубы, г. Ногинск, Россия, ed_alex@mail.ru, ORCID 0000-0003-2139-7353

Алёкшин Вадим Андреевич,
старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры, кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург, Россия, valyokshin1@yandex.ru, ORCID 0000-0002-9224-6037

Беглиев Мухамедназар Ыклымович,
экскурсовод Государственного историко-культурного заповедника «Древний Мерв», г. Байрамали, Туркменистан, mbegliew@mail.ru, ORCID 0000-0001-7306-7677

Вересоцкая Галина Эдуардовна,
реставратор высшей категории Отдела научной реставрации монументальной живописи Государственного НИИ реставрации Министерства культуры РФ, г. Москва, Россия, gala-veres@yandex.ru, ORCID 0000-0001-7919-380X

Грушин Сергей Петрович,
профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, gsp142@mail.ru, ORCID 0000-0002-5404-6632

Джепбаров Реджепмурат Акмурадович,
директор Государственного историко-культурного заповедника «Древний Мерв», г. Байрамали, Туркменистан, mervrejep@yandex.ru, ORCID 0009-0007-6344-5735

Дубова Надежда Анатольевна,
главный научный сотрудник, руководитель Центра антропоэкологии Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук, г. Москва, Россия, dubova_n@mail.ru, ORCID 0000-0002-4340-1037

Ёлшин Иван Дмитриевич,
независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия, yolshinid@gmail.com

Куфтерин Владимир Владимирович,
ведущий научный сотрудник Центра антропоэкологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор биологических наук, г. Москва, Россия, vladimirkufterin@mail.ru, ORCID 0000-0002-7171-8998

Мамедов Мухаммед Аннаевич,
начальник Национального управления по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана, доктор архитектуры, г. Ашхабад, Туркменистан

Мурадов Руслан Гельдыевич,
главный редактор журнала «Вестник МИЦАИ», г. Самарканд, Узбекистан, iicas.rgm1963@gmail.com, ORCID 0000-0002-7133-4599

Мурадова Эджегуль Атаевна,
главный научный сотрудник Отдела археологии Института истории и археологии АН Туркменистана, доктор исторических наук, Ашхабад, Туркменистан, bezegli2017@gmail.com, ORCID 0000-0002-47153317

Пилипко Виктор Николаевич,
ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН, доктор исторических наук, pilipko2002@mail.ru

Сайберт Виолетта Олеговна,
доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук, vita77792@mail.ru, ORCID 0000-0002-5408-935X

Сатаев Роберт Мидхатович (1971–2003),
старший научный сотрудник Центра антропоэкологии Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, кандидат биологических наук, г. Москва, Россия. ORCID 0000-0001-9980-3345

Сатаева Лилия Вакиловна,
доцент Башкирского государственного аграрного университета, кандидат биологических наук, г. Уфа, Россия, lvsataeva@mail.ru, ORCID 0000-0001-5108-0889

Сычева Ольга Владимировна,
младший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, olysycheva@gmail.com, ORCID 0000-0003-0867-4969

Филимонова Татьяна Германовна,
ведущий научный сотрудник Отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, член-корреспондент Немецкого археологического института (DAI), кандидат исторических наук, г. Душанбе, Таджикистан, tatjanafilimonova@mail.ru, ORCID 0000-0002-7126-8325

Фрибус Алексей Викторович,
старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН, кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург, Россия, fribus@list.ru, ORCID 0000-0003-3208-0319

Юминов Анатолий Михайлович,
заведующий лабораторией термобарогеохимии Южно-Уральского государственного университета; старший научный сотрудник Южно-Уральского Федерального научного центра минералогии и геоэкологии Уральского отделения РАН, кандидат геолого-минералогических наук. Участвует в исследованиях археологических объектов Евразии. Специалист в области геологии, минералогии и геохимии, г. Миасс, Россия, umin@mineralogy.ru, ORCID: 0000-0001-7643-3505

Юрьева Татьяна Валерьевна,
научный сотрудник Лаборатории физико-химических исследований, Государственный НИИ реставрации Министерства культуры РФ, г. Москва, Россия, yuryevatv@gosniir.ru , ORCID: 0000-0003-1378-330X

Пояснительная записка к схеме расположения археологических раскопов Гонур-депе

(3-я стр. обложки)

Центральной частью памятника является дворцово-храмовый комплекс, получивший изначально название «Гонур 1» или «Северный Гонур».

Некрополь (или Большой некрополь Гонура, Главный некрополь Гонура) расположен на левом берегу р. Мургаб, приблизительно в 350 м к юго-западу от центральной части дворцово-храмового комплекса Гонура, центром которого является дворец (на схему не нанесен).

Теменос (или Южный Гонур) находится приблизительно на таком же расстоянии к югу от дворцово-храмового комплекса.

Раскопы 1-4 находятся на территории Дворца Северного Гонура. На схеме они не идентифицированы.

Раскоп 5 ограничивается с юга северным фасом кремлевской стеной, а с севера – соответствующим же фасом второго ряда стен – «стеной каре».

Раскоп 6 находится к западу от кремлевской стены в пределах «стены каре».

Раскоп 7 – в тех же пределах с юга, а также с востока. Северо-восточной границей раскопа 7 является территории Храма огня.

Раскоп 8 выделен на южном берегу Главного (или большого) южного бассейна Гонура. На территории этого же раскопа, в юго-восточной части, находится и царский некрополь, выделенный в виду его важности в отдельный раскоп. Небольшая часть его, представленная лишь малым числом помещений к северу от царского некрополя на восточном берегу Главного южного бассейна и несколькими десятками погребений, не имеет четкой границы с восточной частью Раскопа 9 и южной частью Раскопа 18. В северной части этого раскопа комплекс небольшого числа помещений и погребений обозначается в текст как P 18N.

Раскоп 9 находится на северном берегу большого южного бассейна Гонура. Его северной границей является южный фас «стены каре». На востоке эта территория практически сливается с южной частью Раскопа 18 и северо-восточной частью Раскопа 8.

Раскопы 10 и 11 помещаются соответственно на северо-западе и северо-востоке между северным фасом «стены каре» и обводной стеной.

Раскоп 10а расположен рядом с запада за обводной стеной в непосредственной близости от нее.

Раскоп 12 расположен на юго-запад от центральной части комплекса, слегка обособленно от других раскопов и, частично за пределами обводной стены. Его граница с P 16 проходит прямо по помещениям, расположенным за пределами обводной стены. Выделяется основной комплекс помещений, расположенных как в пределах, так и за пределами обводной стены, небольшая группа помещений с фрагментом обводной стены к северу от него, а также большой могильник, расположенный, тянущийся от основного комплекса к северо-западу. Последняя группа могил обозначается в текстах как «северный могильник P 12» или P 12N.

Раскоп 13 лежит на юго-запад, а раскоп 14 - на запад от центральной части, но в пределах обводной стены.

Раскоп 15 – небольшая территория на юго-востоке Гонура, между восточной частью раскопа 9 и царским некрополем.

Раскоп 16 – обособленная территория на юго-западе Гонура. Она лежит далее на юг и запад от раскопа 12 за пределами всех стен. Эта территория по мере усыхания одной из проток древнего Мургаба практически соединилась с восточной частью Главного некрополя Гонура.

Раскоп 17 расположен к северу от центрального северного входа в комплекс за пределами обводной стены.

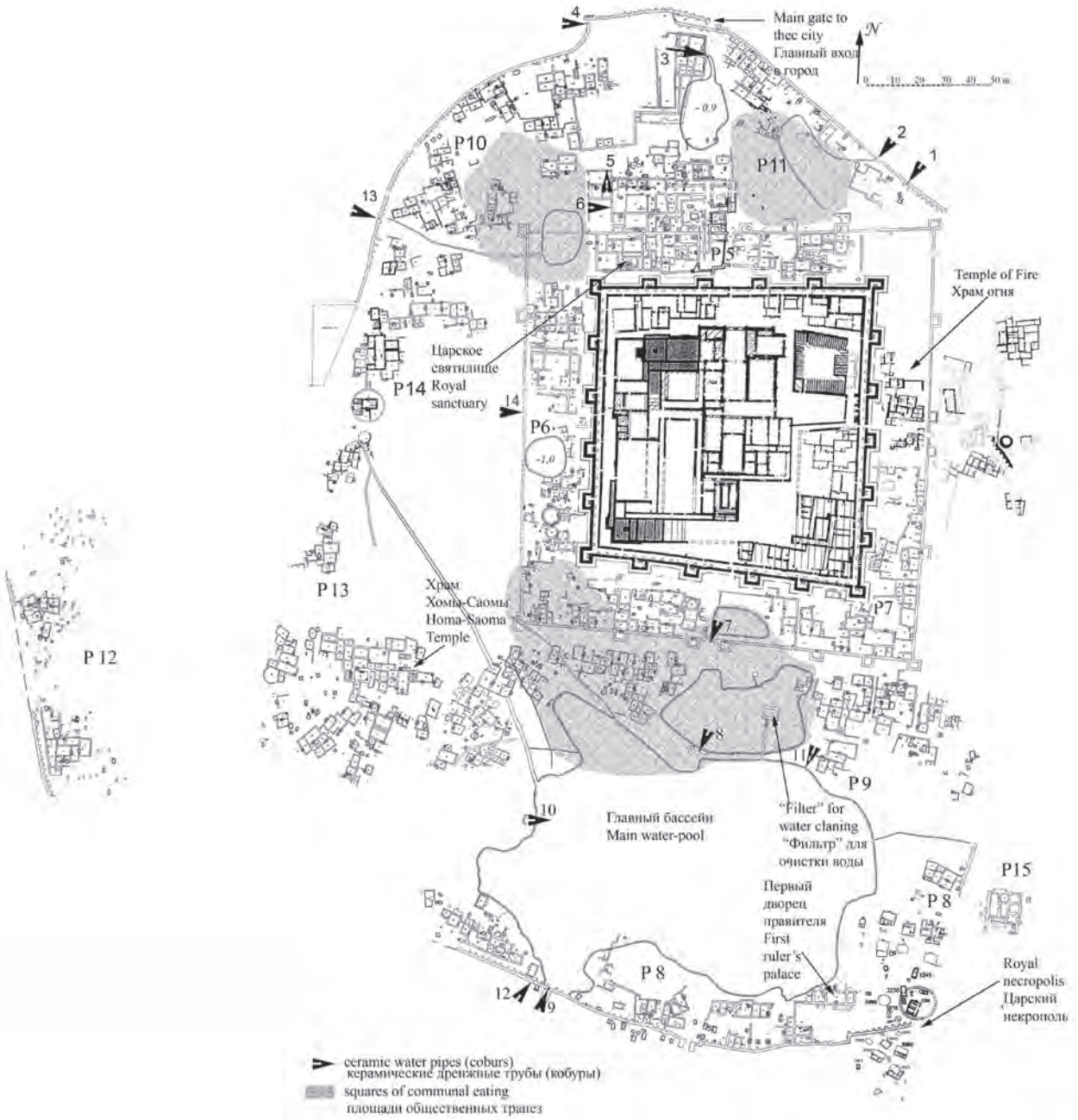
Раскоп 17а находится за пределами обводной стены к северо-западу от центральной части Гонура между раскопами 19 и 17.

Раскоп 18 выделен на восточном фасе комплекса между «стеной каре» и обводной стеной.

Раскоп 19 – территория на северо-западе центральной части, за пределами обводной стены.

Раскоп 22 – площадь на юго-востоке памятника, к югу от царского некрополя.

Раскоп 23 состоит из трех траншей: А находится к западу от раскопа 13, В — к северо-востоку от раскопа 13, а С — к северо-западу от раскопа 13 и к юго-западу от раскопа 14.

Main gate to thec city
Главный вход в город
N
0 10 20 30 40 50 m
P10
P11
P5
P14
Царское святилище
Royal sanctuary
Temple of Fire
Храм огня
P6
P13
Храм Хомы-Саомы
Homa-Saoma Temple
P7
P12
P9
Главный бассейн
Main water-pool
"Filter" for water claning
"Фильтр" для очистки воды
P15
P8
Первый дворец правителя
First ruler's palace
Royal necropolis
Царский некрополь
керамические дренжные трубы (кобуры)
площади общественных трапез

Научное издание

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 10

Исследования Гонур-депе в 2023–2024 годах

Редакционная коллегия:
Вадим Андреевич Алёкшин, Елена Вадимовна Антонова,
Надежда Анатольевна Дубова (главный редактор), Владимир Владимирович Куфтерин,
Руслан Гельдыевич Мурадов, Алексей Викторович Фрибус (главный редактор)

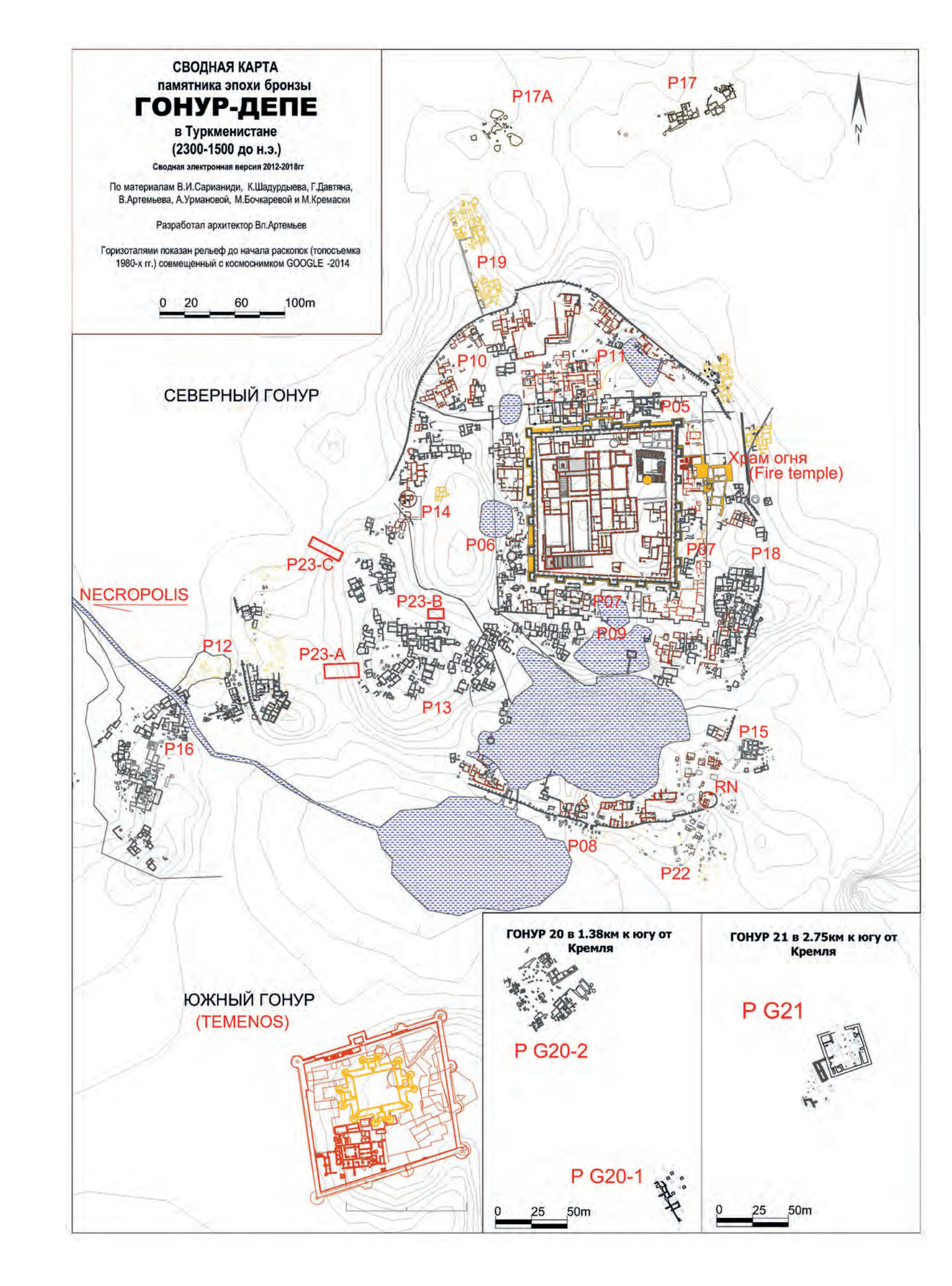
Утверждено к печати Учеными советами Института этнологии
и антропологии РАН и Института истории материальной культуры РАН

Верстка и художественное оформление: М. В. Папанов

Фото на обложке – аэрофото Гонур-депе, 2019 г.
На второй странице обложки помещена схема расположения основных
памятников Ближневосточного региона и сопредельных территорий;
на третьей – схема расположения раскопов Гонур-депе.

Cover photo – Gonur Depe air view, 2019.
The inside front cover displays a map of the major archaeological sites in the Middle East
and bordering regions, and the inside back cover features the excavation plan of Gonur Depe.

Подписано в печать 30.09.2026 г.
Формат 90×60/8. Усл. печ. л. 44,25
Заказ
Типография Буки-Веди
Москва, Партийный пер., 1, корп. 58, стр. 3

СВОДНАЯ КАРТА
памятника эпохи бронзы
ГОНУР-ДЕПЕ
в Туркменистане
(2300-1500 до н.э.)
Сводная электронная версия 2012-2018гг
По материалам В.И.Сарианиди, К.Шадурдыева, Г.Давтяна, В.Артемьева, А.Урмановой, М.Бочкаревой и М.Кремаски
Разработал архитектор Вл.Артемьев
Горизоталями показан рельеф до начала раскопок (топосъемка 1980-х гг.) совмещенный с космоснимком GOOGLE -2014
0 20 60 100m
N
P17A
P17
P19
P10
P11
СЕВЕРНЫЙ ГОНУР
P05
Храм огня
(Fire temple)
P14
P06
P07
P18
P23-C
NECROPOLIS
P23-B
P07
P09
P12
P23-A
P13
P15
P16
RN
P08
P22
ЮЖНЫЙ ГОНУР
(TEMENOS)
ГОНУР 20 в 1.38км к югу от Кремля
P G20-2
P G20-1
0 25 50m
ГОНУР 21 в 2.75км к югу от Кремля
P G21
0 25 50m

9 785899 301827 >